NYELVÉSZETI ÉS IRODALMI FOLYÓIRAT
JOURNAL OF LINGUISTICS AND LITERARY SCIENCES
ČASOPIS ZA JEZIKOSLOVJE IN LITERARNE VEDE
REVIJA JEZIČNIH I KNJIŽEVNIH STUDIJA
ЖУРНАЛ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

2013

KÁROLY GADÁNYI
SEPTUAGENARIO

STUDIA SLAVICA SAVARIENSIA 1-2

STUDIA SLAVICA SAVARIENSIA

NYUGAT-MAGYARORSZÁGI EGYETEM KIADÓ

UNIVERSITY OF WEST HUNGARY PRESS

Szerkesztő bizottság:
Editorial Commitee:

Barics Ernő, Mojszejenko V.E. (Ukrajna), Nikola Benčić (Ausztria),
Janus Bańczerowski, Guttmann Miklós, Peter Herrity (Anglia),
Herta Lausegger (Ausztria), Mijo Lončarić (Horvátország), Nyomárkay István,
Tom Priestly (Canada), Timothy Pogacar (USA), Elizabeta Bernjak (Szlovénia),
Mokijenko V.M. (Oroszország), Zinka Zorko (Szlovénia)

Felelős szerkesztő:
Editor:
GADÁNYI KÁROLY

HU ISSN 1216-0016
A kéziratokat a felelős szerkesztő címére küldjék
Manuscripts should be sent to the editor Gadányi Károly
✉ Hungary 9700 Szombathely, Berzsenyi tér 2.
☎ (Tel) 00-36-94-504-514

The publication was prepared for printing by M. Sütő Baliné
She used with MS Windows.
MS Windows is a trademark of Microsoft Corporation worldwide,
and is a registrated trademark within the USA and other countries.

STUDIA SLAVICA SAVARIENSIA
1-2

A kiadvány megjelenését támogatta a Büki Gyógyfürdő Zrt.

STUDIA SLAVICA SAVARIENSIA 1-2

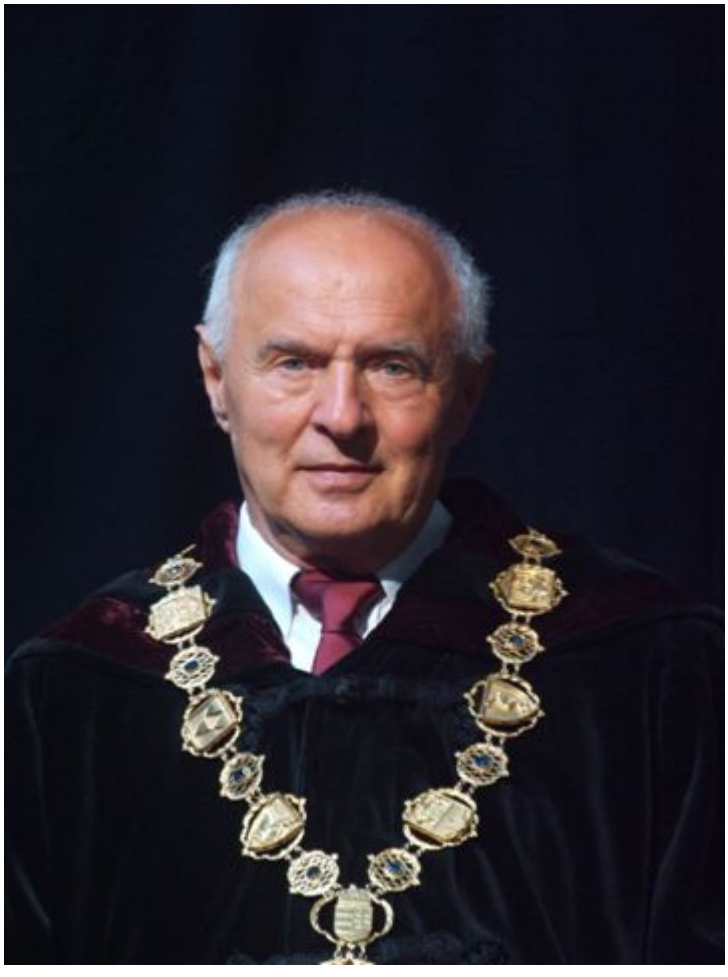
In honorem
Gadányi Károly
septuagesimi natalis dedicatur

Szerkesztők:

Jankovics Mária
Molnár Angelika
Pozsgai István

A kötet gondozásában részt vett:
Mersich Zsuzsanna, Merkliné Doncsecz Ibolya
Mojszejenko Viktor, Skaperné Embersics Erzsébet

SZOMBATHELY
2013



Gadányi Károly hetvenéves

A hetvenedik életév betöltése minden ember életében jelentős állomás. Kiváltképpen igaz ez abban az esetben, ha a jubiláns olyan területen dolgozott, amelyen az életútnak ez a mérföldköve szükségképpen életritmus- és életmódváltozással is jár. Így van ez az egyetemi tanároknál, tehát ünnepeltünk esetében is. Azok a professzorok, akik aktív oktató és kutatómunkájuk mellett még más, felelősséggel járó, szinte egész embert igénylő hivatalos oktatási és társadalmi funkciót is elláttak, sajátos lelki helyzetbe kerülnek: egyfelől ugyanis felszabadultságot éreznek, minthogy a hatalmas energia- és időbeli megterhelés megszűnik, amit talán nem is olyan nehéz megszokni, jóval nagyobb terhet jelent az aktív oktatómunkából való kikapcsolódás, a fiatalokkal való napi kapcsolat hiánya. Ezen persze lehet könnyíteni néhány előadással, szemináriummal, de azoknak, akik számára a tudomány és az oktatás a maga egységében életforma volt, mégsem olyan problémamentes ez az átállás.

Ha elfogadjuk Kornis Gyulának azt a megállapítását, hogy „a tudományos alkotás a legbensőbben összefonódik a gondolkodónak egész lelki alkatával, egész személyi mivoltával" (Kornis 1943: 53), könnyen beláthatjuk az adott helyzet szülte benső problémákat. Mindezek természetesen megoldandó és megoldható gondok, így van ez e sorok írójának életében, és bizonyosan így lesz ünnepeltünk életének következő szakaszában is.

Az ünnepi köszöntő nem szokványos műfaj. Nem életút-bemutatás, nem valamely magasabb beosztásra való tételes ajánlás, semmiképpen sem értékelés vagy kritika, hanem egy pályatárs közvetlen, baráti élményeken alapuló pálya- és jellemrajza.

Gadányi Károly a szó igazi, hagyományos értelmében filológus. Tevékenysége, munkássága igazolja klasszika-filológia egyik legjelentősebb 20. századi képviselőjének a filológia feladatát megfogalmazó állítását: „Die Aufgabe der Philologie ist, jenes vergangene Leben durch die Kraft der Wissenschaft wieder lebendig zu machen, das Lied des Dichters, den Gedanken des Philospohen und Gesetzgebers, die Heiligkeit des Gotteshauses und die Gefühle der Gläubigen und Ungläubigen, das bunte Getriebe auf dem Markte und im Hafen, Land und Mehr und die Menschen in ihrer Arbeit und im ihren Spiele." (U.v. Wilamowitz-Moellendorf 1959 (Nachdruck ders 3. Auflage 1927: 1). Ugyanezt a célt fogalmazza meg a szlavisztika „második atyjának" nevezett hajdani bécsi professzor, Vatroslav Jagić is az általa alapított Archiv für slavische Philologie című folyóirat első számában. Ennek szellemében alapította Kniezsa István professzor 1955-ben a mi Studia Slavica Academiae Hungaricae című folyóiratunkat. Helyet kaptak és kapnak benne nyelvtudományi, irodalomtudományi és néprajzi témájú tanulmányok is. Gadányi Károly munkái a filológiának ezt a sokoldalúságát valósítják meg.

Tudományos közleményeiben helyet kapnak konkrét nyelvészeti kérdések, nyelvjárási sajátosságokat bemutató és elemző dolgozatok, valamint olyan terjedelmes monográfiák, amelyek a „hivatalból olvasók" mellett a szélesebb intellektuális érdeklődési körök képességének és igényeinek is megfelelnek. Tudományos közleményei magyar és különböző szláv (elsősorban horvát, szlovén és orosz), de angol és német nyelven is napvilágot láttak.

Közvetlen kutató munkássága mellett ünnepeltünk nevet szerzett magának tudományszervezőkét is, és nem is akármilyet! Megindította a Studia Slavica Savariensia című folyóiratot, amely jelentős tekintélyt vívott ki magának elsősorban nyugati és déli szláv nyelvterületen, ám ami még ennél is fontosabb: publikációs lehetőséget biztosított lektorált orgánumban kezdő kutatóknak, doktoranduszoknak, fiatal kollégáknak. Sok szó esik a tudományos utánpótlásról, de annyit, mint Gadányi Károly, kevesen, nagyon kevesen tettek érte! Huszonöt éven át szervezte a nemzetközi szlavisztikai napokat, amelyeknek szellemi feltételei mellett anyagi feltételeit is megteremtette. Ezek az alkalmak kitűnő lehetőséget nyújtottak a közép-(kelet)európai szlavisták találkozására. Érdekes és mindig aktuális előadások hangzottak el, és termékeny viták bontakoztak ki a magyar, orosz, fehérorosz, horvát, szerb, szlovén, osztrák résztvevők között. Jubilánsunk el nem évülő érdeme ez a huszonöt évig töretlenül folyó sorozat!

Gadányi Károly megindította a Bibliotheca Slavica Savariensis kiadványsorozatot, amelynek kötetei méltán keltették fel a külföldi tudományosság figyelmét. Szigorú lektorálás mellett több PhD- sőt akadémiai doktori értekezés is napvilágot látott ebben a sorozatban.

Gadányi professzor úr bizottsági tagként részt vett és részt vesz a Studia Slavica Academiae Hungarice című folyóirat szerkesztő bizottságának munkájában, valamint a Magyar Tudományos Akadémia Modern Filológiai Társaságának „Filológia.hu" című internetes folyóirata szerkesztőbizottságában is.

Tudományszervező tevékenységének másik oldalát mutatják azok a – sajnos csak részben eredménnyel járó – erőfeszítések, amelyek a Savaria Egyetemi Központban folyó, regionális szempontból felmérhetetlen jelentőségű tudományos munkának doktori iskolai keretet kívántak biztosítani.

Ünnepeltünk értékelt és megbecsült tagja az ELTE Nyelvtudományi Doktori Iskolája Szláv Nyelvtudományi Programjának úgy is, mint előadó, témavezető, konzulens, bizottsági elnök és tag. Mindig készen állt a közreműködésre, most már nyugodtan mondhatjuk, évtizedek óta, hiszen a PhD-képzés 1994-ben indult meg. Ugyanígy mindig rendelkezésére állt az ELTE Habilitációs Bizottságának, akár bizottsági tag, elnök vagy bírálóként.

Az elmondottak csupán vázlatszerűen veszik számba a jubiláns sokrétű tevékenységének területeit.

Mindemellett e sorok írója elmondhatja, hogy az ünnepelthez több évtizedes barátság fűzi, amely baráti kapcsolat kiterjedt a privát szférán túl a fentebb felsorolt tudomány- és tudományszervezési területekre is. Örök fájdalma a köszöntőnek, hogy nem sikerült elérnie, hogy Prof. Dr. Gadányi Károly munkásságát és egyetemünkhöz való kötődését az Intézmény magasabb elismeréssel honorálja!

Tisztelt Professzor Úr, kedves Karcsi! Isten éltessen erőben, munkakedvben, egészségben és tudományos ambícióid megvalósításában sokáig!

Prof. Dr. Nyomárkay István
az MTA rendes tagja

Слово приветствия

Настоящий юбилейный сборник статей посвящён Карою Гадани – замечательному Коллеге и Другу, талантливому Учителю и Воспитателю, известному Организатору венгерской науки и просвещения, широко мыслящему Человеку, Учёному-Слависту, Доктору филологических наук, Профессору, основателю сомбатхейской славистической школы.

Вся взрослая жизнь Кароя Гадани неразрывно связана с преподавательской деятельностью, сначала в школе, затем в вузе. Начав в 1966 г. со скромной должности учителя в гимназии в Капуваре, он продолжил в 1973 г. свою деятельность в качестве преподавателя педагогического института им. Даниэла Бержени, сначала заведующего основанной по его инициативе кафедры словенского и хорватского языка, а потом и объединённой в 1992 г. кафедры славянской филологии. В последующие годы, уже находясь в статусе институтского, а затем и университетского профессора, Карой Гадани занимал должности Проректора по науке (с 1995 г.), а впоследствии в течение 12 лет и Ректора этого высшего учебного заведения, преобразованного постепенно, не в последнюю очередь и его стараниями, в нынешний Университетский Центр в Сомбатхее.

Наш Уважаемый Юбиляр обладает многими талантами. В этом Приветственном слове упомянем лишь о тех, которые нам хорошо известны, – на его организационной и научной деятельности как слависта. Я познакомился с Кароем Гадани более 30 лет тому назад на Международном славистическом симпозиуме в Любляне, и мы сразу нашли общий язык, подружились. Уже при первом знакомстве меня привлекли такие его человеческие достоинства, которые известны всем, кто с ним близко общается и которые ценят очень многие: это и естественность и простота в общении, доброжелательность, верность данному слову, талант организатора и деловитость, быстрое понимание сущности возникающих ситуаций и способность находить из них оптимальный выход с минимальными потерями. Как гуманитария и слависта меня с первых дней нашего знакомства привлекала и привлекает до сих пор не только широта его жизненных интересов и оригинальность мышления, но также профессиональная любознательность, во многом связанная со славянской филологией. Владеющий свободно тремя славянскими языками – русским, словенским и хорватским (литературным штокавским и родным ему помурским кайкавским), уже тогда, в начале 80-х годов, Карой вынашивал планы и строил проекты, связанные не только с расширением и укреплением научного потенциала кафедры славистики в Сомбатхее, но одновременно думал о всей венгерской славистике, о развитии её международных связей. Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что, несмотря на многочисленные препятствия, бóльшая часть из когда-то им задуманного уже воплощена в жизнь.

Хорошо помню, как в конце 1992 годя, находясь тогда во Львове, я получил от Кароя по почте из Венгрии тоненькую зелёную книжку со

статьями всего лишь пяти авторов. Это был первый номер научного славистического журнала Studia Slavica Savariensia, который вскоре вырос в солидное и авторитетное научное издание, второе по значимости в Венгрии. За прошедшие более чем два десятка лет вышли в свет многие его тома с публикациями сотен авторов из многих стран Европы, Азии, Америки и Австралии. Все эти годы учредитель этого издания Карой Гадани остаётся и одним из его бессменных редакторов. Благодаря инициативе Юбиляра, в конце 90-х гг. в Сомбатхее было учреждено также научное издание Biblioteca Slavica Savariensis, в котором получили возможность публиковать научные труды монографического плана как венгерские учёные, так и слависты других стран.

Несмотря на большую административную загруженность, участие в многочисленных общественных мероприятиях, наш Юбиляр всегда находил время и уделял должное внимание науке. После защиты хабилитационной научной работы и получения учёной степени доктора Венгерской Академии наук (MTA), он до сих пор является действующим научным руководителем многих PhD диссертаций. Наш Юбиляр является автором многих научных публикаций – монографий, статей, рецензий (см. список основных его публикаций в данном сборнике). Среди них написанные самостоятельно или в соавторстве с коллегами, изданные в авторитетных академических изданиях Будапешта, Москвы, Загреба, Мельбурна, Мюнхена, Минска и иных местах монографии о славянских наименованиях цвета, о русских лексических заимствованиях в хорватском языке, о формировании словенского национального литературного языка, о некоторых новых тенденциях в формировании нормы славянских языков и других научных проблемах.

Карой Гадани является участником многих Международных Конгрессов славистов, организатором научных симпозиумов, конференций. Его «детищем» являются проводимые с 1981 года Дни славистики в Сомбатхее – самый крупный венгерский научный славистический форум-долгожитель. Нынешние X Юбилейные Дни славистики, участниками которого мы сегодня являемся, – это наша коллективная дань уважения профессору Карою Гадани.

Верность своим принципам и преданность делу – эти два качества как нельзя лучше характеризуют Юбиляра. Сейчас, будучи уже в статусе professor-a emeritus-a, он продолжает трудиться с присущей ему энергией, реализуя идеи, которых у него хватит и на следующие 70 лет. Поздравляя Юбиляра с круглой датой, редакционная коллегия сборника Studia Slavica Savariensia и её авторы, а также все участники Дней славистики в Сомбатхее желают Коллеге Карою Гадани активного долголетия, здоровья и неисчерпаемой энергии, осуществления творческих и деловых планов, свершения всех сокровенных жизненных замыслов!

Prof. Dr. Moiszejenko Viktor
Professor emeritus

GADÁNYI KÁROLY ÍRÁSAINAK VÁLOGATOTT BIBLIOGRÁFIÁJA

1971

Имена прилагательные, обозначающие цвет, в русском языке. Bölcsészdoktori disszertáció. Budapest.

1975

Az időhatározó kifejezésének módjai a mai orosz nyelvben. 'Выражение обстоятельства времени в современном русском языке'. Zalai Pedagógiai-módszertani Füzetek. Zalaegerszeg, 1976. 133-141 l.

Egy melléknév jelentéseinek kontrasztív vizsgálata. 'Kontrastivno proučevanje pomenov nekega pridevnika'. Népújság, Murska Sobota XII. 20.

1976

A magyar igekötők használatához. 'K uporabi madžarskih preverbov'. Népújság, Murska Sobota 1976. V. 12.

1977

Színszavak a magyar szólásokban és közmondásokban. 'Barve v madžarskih reklih in pregovorih'. Népújság, Murska Sobota 1977. III. 4.

A magyar színnevek átvitt jelentései. 'Preneseni pomeni madžarskih poimenovanj za barve'. Népújság, Murska Sobota 1977. IV. 21.

Az időhatározó kifejezésének módjai a magyar nyelvben. 'Načini izražanja prislovnega določila časa v madžarščini'. Népújság, Murska Sobota 1977. IV. 7.

A vörös és piros színszavak jelentéséről. 'O pomenu temno rdeče in rdeče barve'. Népújság, Murska Sobota 1977. V. 26.

A konkrétság kifejezésének néhány lehetősége a szlovénban /összehasonlítva a magyarral/. 'Nekaj možnosti izražanja določnosti v slovenščini (v primerjavi z madžarščino)'. Népújság, Murska Sobota 1977. VII. 9.

1978

A délszláv gyermek- és ifjúsági irodalom. Könyv és Nevelés. 'Južnoslavenska dječja i omladinska književnost'. Budapest, 1978. 4-5. sz. 173-177.

A szint jelentő melléknevek az orosz és a szlovén nyelvben. 'Прилагательные-цветонаименования в русском и словенском языках'. A Szombathelyi Tanárképző Főiskola Tudományos Közleményei. I. 1978. 165-176.

1980

Otroška in mladinska jugoslovanska književnost. Znanstveni simpozij Visoke učiteljske šole v Szombathelyu in PA v Mariboru, 1980. 157-178.

1982

Frazeologizmi s pridevniki, ki v ruskem jeziku pomenijo barvo. Nemzetközi Szlavisztikai Napok. Szombathely, 1982. 95-100.

1983

Szlovénia "Anyanyelvünkért" című kötet szerk. Guttmann Miklós, Pomurska Založba, 1983. az alábbi cikkeket tartalmazza.

A névelők helyes használata. 'Pravilna raba členov' /56-57./

A magyar igekötők használata. 'Raba madžarskih preverbov' /64-65./

A magyar nyelv rétegeiről. 'O zvrsteh madžarskega jezika' /73-74./

Mikor vétünk a helyes és a szép magyar stílus ellen? 'Kdaj grešimo proti pravilnemu in lepemu madžarskemu slogu' /75-76./

Szólásainkról, közmondásainkról. 'O naših reklih in pregovorih' /77-78./

Az időhatározó kifejezésének módjai a magyar nyelvben. 'Načini izražanja prislovnega določila časa v madžarščini' /79-80./

Idegen szavak a magyar nyelvben. 'Prevzete besede v madžarščini' /83-84./

A vörös és a piros színszavak jelentéséről. 'O pomenu temno rdeče in rdeče barve' /106-107./

Fekete - črn a magyar és a szlovén nyelvben. 'Fekete – črn v madžarščini in slovenščini' /108-110./

Egy melléknév jelentéseinek kontrasztív vizsgálata. 'Kontrastivno proučevanje pomenov nekega pridevnika' /113-114./

Színszavak a magyar szólásokban és közmondásokban. 'Barve v madžarskih reklih in pregovorih' /115./

Színantonímák. 'Barvni antonimi' /116-117./

A magyar színnevek átvitt jelentései. 'Preneseni pomeni madžarskih imen za barve' /119-120./

Hogyan írjuk? 'Kako pišemo?' /131-132./

Rövidítések a magyar nyelvben. 'Kratice v madžarskem jeziku' /146-147./

A magyar helyesírásról. 'O madžarskem pravopisu' /129-130./

Jövevényszavak a szerbhorvát melléknevek egy lexikai csoportjában. 'Posuđenice u priđevskim skupinama srpskohrvatskoga jezika' - Az Állami Belorusz Egyetem tudományos közleményei. Minszk, 1983. 9. /167-194./

1984

Education in a Spirit of International Friendship /Teachers of the World. Berlin, 2. 1984. 23-25./

Сопоставительная характеристика прилагательных цвета в некоторых славянских языках. /Kandidátusi értekezés. Budapest, 1984. Kézirat. 250 l./

Сопоставительная характеристика прилагательных цвета в некоторых славянских языках. /Kandidátusi disszertáció tézisei. Budapest, 1984./

A hagyományos paraszti gazdaság műszókincsének változása a délnyugat-dunántúli "kaj" horvát nyelvjárásban. 'Kajkavsko poljoprivredno nazivlje

jugozapadnog Zadunavlja'. (A Berzsenyi Dániel Tanárképző Főiskola Tudományos Közleményei. IV. Szombathely, 1984.)

1985

Основные черты и закономерности процесса заимствования инославянской лексики в словенском литературном языке. (A Berzsenyi Dániel Tanárképző Főiskola Tudományos Közleményei 1985. Társszerző: Moiszejenko V.E.)

К вопросу о сравнительном изучении лексики славянских языков в эпоху национального возрождения. II. Nemzetközi Szlavisztikai Napok. Szombathely, 1985. 131-137. l.

1987

V duhu dvojezičnosti. Slovenski Koledar. Budapest, 1987. 41-43.

1988

Хронологическая характеристика чешско – инославянских связей в области словарного состава. Nemzetközi Szlavisztikai Napok. III. Szombathely, 1988. 407-432.

1990

Vuk Karadžić szerb szótára és a délszlávok tudományos nyelvi fejlődése a XIX. században. 'Vukov Srpski rječnik i razvoj znanstvene terminologije kod Južnih Slavena u XIX. stoljeću'. Egyetemi Fonetikai Füzetek 3. Budapest, 1990. l. 51-61.

Znanstveni jezikovni razvoj Južnih Slovanov. Tudományos Közlemények – Znanstvene Publikacije. Szombathely – Maribor 1990. 31-39.

Из истории богемизмов vlak u železnice в некоторых славянских литературных языках. Nyelvtudomány. Magyar Dialektológia. Szlavisztika. Szerk. Szabó Géza Szombathely 1990. 89-101.

1991

Kétnyelvűség Rábavidék és Prekmurje iskoláiban. 'Dvojezičnost v porabskih in prekmurskih šolah'. Magyar I. Alkalmazott Nyelvészeti Konferencia. Nyíregyháza, 1991. II. kötet, 542-545.

Pável Ágoston nyelvészeti munkássága. 'Jezikoslovno delo Avgusta Pavla'. Posvetovanje M. Korvina. Maribor, 1991. 122- 127.

August Pavel – jezikoslovec. Obdobja, Ljubljana, 1991. XII. 181-197.

Становление словарного состава словенского литературного языка. Nemzetközi Szlavisztikai Napok IV. Szombathely, 1991. 289-295.

1992

Poljoprivredni leksik u govoru pomurskih Hrvata. A szláv nyelvek tanításának elméleti és gyakorlati kérdései. JPTE BTK Pécs, 1992. 13. l. (Tézisek)

From the history of Slovene 19th - century lexicography. Slovene Studies. Indiana University USA, Volume 14, number 1, 1992. 3-8.

1993

Становление словарного состава словенского литературного языка в 1830-80 годах. (К постановке проблемы). StSlH. Budapest, T.38, 1993. 1-2. 49-53.

A nemzetiségi nyelvoktatás helyzete a Nyugat-Dunántúlon. 'Stanje manjinske jezične nastave u zapadnom Zadunavlju'. III. Magyar Alkalmazott Nyelvészeti Konferencia. Szerk. Klaudy Kinga. Miskolc, 1993. II. 91-95.

Dio leksika Pomurskih Hrvata. Naša Škola. Institut za pedagogiju Županije Baranja. Pečuh, 1993. 1. 5-11.

Poljoprivredni leksik u govoru pomurskih Hrvata. StSlS. 1993. 1. 46-49.

1994

Iz slovenske leksikografske zgodovine XIX. stoletja. Bsav II. A Szombathelyi Berzsenyi Dániel Tanárképző Főiskola Szláv Filológiai Tanszékcsoportjának és a Szegedi József Attila Tudományegyetem BTK Szláv Tanszékének Tudományos Kiadványa. Szombathely, Szeged, 1994. 91-95.

Izvještaj iz pustinje. Nagy István verseinek horvát fordítása. Hrvatska Obzorja. Split, 1994. 2. 272-277. Társszerző: Mate Šimundić.

The History of Slavic Literary Languages and the Epoch of National Revival: Problems and Perspectives. StSlS. 1994. 1. 108-123. Társszerző: Viktor Moiseenko.

Tendencies in the Changing Functional Status of Slavic Languages in Western Hungary. Das Sprachliche Bild der Bernsteinstraße - REGION. Hrsg. von János Pusztay. Savaria University Press, Szombathely, 1994. 18-21.

A szlovén irodalmi nyelv szótári készletének kialakulása a XIX. sz. 80-as éveiben. 'Nastanek slovenske leksikografije v 80. letih 19. stoletja'. II. Magyar Alkalmazott Nyelvészeti Konferencia. Szerk.: Annus Gábor - Bárdos Jenő - Lengyel Zsolt. Egyetemi Kiadó Veszprém, 1994. 226-229.

О некоторых особенностях чешско-инославянского взаимодействия в эпоху национального возрождения славян (словообразовательный аспект). StSlH. 39. Budapest, 1994. 245-262.

Kmetijsko besedišče v govoru obmurskih Hrvatov. Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae. Dissertationes Slavicae. XXIII. 1994. 1-5.

О некоторых проблемах и перспективах исследования истории славянских литературных языков в эпоху национального возрождения. Slavica Tarnopolensia. N. 1. Ternopol, 1994. 32-42. (Társszerző: Viktor Moiseenko)

Очерки истории славянской дериватологии эпохи национального культурного возрождения в XIX веке. Australian Slavonic and East Europen

Studies. Journal of the Australian and New Zealand Slavists' Association. Volume 8. Number 1. Melbourne, 1994. 1-26.

1995

Hrvatski jezik u Zapadnoj Mađarskoj. Prvi Hrvatski slavistički kongres. Zagreb-Pula, 1995. 13-15.

Guttmann Miklós: A táji jelenségek tíz- és tizennégy évesek beszélt nyelvében. Budapest, Magyar Nyelvtudományi Társaság, 1955. Ismertetés – StSlS. 1995. 1-2. 249.

1996

Dobrovsky, Kopitar, Vostokov ter izvor stare cerkvene slovanščine. Gadányi Károly - Bokor József - Guttmann Miklós szerk.: Nyelvi tudat, identitástudat. Bsav. III. Szombathely, 1996. 70-73.

Pučke mudre izreke Keresturčana. Bibliotheca Croatica Hungariae. Pécs, 1996. I. 59-63.

Cultural-historical preliminaries to the formation of the slovenian national literary language. Part I. Dissertationes Slavicae: Ling. XXIV. Szeged, 1996, 69-85.

The Evolution of Vocabulary in Literary Slovenian During the 19th Century. Melbourne. Academia Press, 1996. 322 l.

1997

Введение в славяноведение. Verlag Otto Sagner. München, 1997, 329 l. (Társszerző: V.Moiseenko)

Adaptation of Slavic Borrowings in the Slovenian Literary Language. Hungaro-Slavica 1997. Studia in honorem Stephani Nyomárkay. ELTE Szláv Tanszékcsoportja, Budapest, 1997. 58-64.

Pridjevi koji označuju boju u kajkavskom dijalektu zalskih Hrvata. In: Hrvatski dijalektološki zbornik. Knjiga 10. Razred za filološke znanosti. Zagreb, 1997.

Čuvene izreke keresturskih vojnika. In: Hrvati i Mađari u svjetlu prožimanja kultura i jezika. Bibliotheca Croatica Hungariae. Pečuh, 1997. Knjiga 2. 176-180.

Австрославянский культурно-исторический субареал как объект социолингвистических исследований. StSlH. T.42, c. 277–284.

1998

The Evolution of Vocabulary in Literary slovenian. Szombathely, 1998. 20 l.

Narodni prerod Slovencev. In: Slovensko-Madžarski jezikovni in književni stiki od Košiča do danes. Zbornik razprav. (Uredila: István Nyomárkay in Stjepan Lukač) Košičev sklad, Budimpešta, 1998.

A melléknevek egy lexikai csoportja a Zala megyei horvátok nyelvjárásában (a magyar nyelv tükrében). 'Jedna leksička skupina pridjeva u narječju zalaskih Hrvata (u zrcalu mađarskog jezika)'. In: III. Dialektológiai Szimpozion (szerk.: Szabó Géza, Molnár Zoltán). Szombathely, 1998.

The austro-slavic cultural-historical quasi-sphere as an object of sociolinguistic study. In: Streszczenia referatów i komunikatów. XII Międzynarodowy Kongres Slawistów (Opracowanie: Jerzy Rusek, Janusz Siatkowski, Zbigniew Rusek), Warszawa, 1998.

Magyar nyelvész pályaképek és önvallomások 55. ELTE Fonetikai Tanszék, 1998.

The Evolution of Vocabulary in Literary slovenian. A szlovén irodalmi nyelv szókészletének kialakulása. Doktori értekezés tézisei. Szombathely, 1998.

A Biblia szlovén nyelvű fordításai. 'Slovenski prevodi Biblije'. In: Nemzetközi Szlavisztikai Napok VI. (Szerk.: Dr. Gadányi Károly) Szombathely-Pécs, 1998.

1999

Ruski leksik u hrvatskom jeziku. (Társszerző: V.Moiseenko) Szombathely, 1999.

A Vas megyei szlovének nyelvéről és kultúrájáról. 'O jeziku in kulturi železnožupanijskih Slovencev'. In: Ötvenéves a szegedi szlavisztika. Szeged, 1999., 5-9. p.

Maribor-Szombathely. Együttműködés az anyanyelvek szolgálatában. 'Maribor-Szombathely. Sodelovanje v prid materinščin'. In: Az anyanyelv a kétnyelvűségben. (Szerk.: Bokor József) Maribor-Lendva, 1999., 89-90. p.

Карой Гадани, Виктор Моисеенко: Русские слова в хорватском языке. In: StSlS. 1. Zagreb-Szombathely, 1999. 185-242.

Особенности языковой коммуникации в словенских землях в 17-18 веках. In: StSlS. 1. Zagreb-Szombathely, 1999. 277-281.

2000

Карой Гадани, Людмила Моисеенко, Виктор Моисеенко: Слово и цвет в славянских языках. Academia Press, Melbourne, 2000.

Вопрос о полных и кратких формах прилагательных-цветообозначений в некоторых славянских языках. In: Vox Humana (Szerk.: Földi Éva és Gadányi Károly). Budapest, 2000., 177-181.

2001

Russian lexicon in Croatian. Dissertationes Slavicae: Ling. XXV. Szeged, 2001. 137-140.

Cultural-historical preliminaries to the formation of the slovenian national literary language. Part II. Dissertationes Slavicae: Ling. XXV. Szeged, 2001. 169-188.

Об одном архаичном типе несклоняемых прилагательных в некоторых славянских языках и диалектах. Hungaro-Slavica 2001. Studia in honorem Iani Bańczerowski. ELTE Szláv és Balti Filológiai Intézet, Budapest, 2001. 55-58.

2002

Об особенностях транскрипции имён собственных в русском и хорватском языках (соавтор Моисеенко В.Е.) – Cirill és Metód példáját

követve… Tanulmányok H.Tóth Imre 70. születésnapjára. Szeged, 2002., 145-164.

2004

Об одной редкой разновидности несклоняемых прилагательных-цветообозначений в некоторых славянских языках. Свет и цвет в славянских языках. Melbourne, Academia Press, 2004. 5-13.

2006

Gradišće i jezik gradišćanskih Hrvata. (Koautor: Žuža Meršić) In: Славянский вестник. Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова. Выпуск 2. К 70-летию В.П. Гудкова. Под редакцией Н.Е. Ананьевой и З.И Карцевой. Москва, 2006. С. 70-74.

Inter-slavic linguistic contacts and the history of the slavic national literary languages: new approaches to description. In: Diahronija in sinhronija v dialektoloških raziskavah. (Uredili: Mihaela Koletnik, Vera Smole) Maribor, 2006. 149-162.

«Языковые связи словенцев с чехами и их отражение в лексикографической практике XIX века». In: Jezikovna predanost. Akademiku J. Toporišiču ob 80-letnici. Uredila Marko Jesenšek, Zinka Zorko. ZORA 44. Maribor, 2006. 564-571.

„Kako smo učili „nas jezik"..." VIII. Međunarodni Kroatistički znanstveni skup. 12.-14. listopada 2006. Pečuh – Pécs.

2007

Сравнительное описание прилагательных цвета в славянских языках (на материале русского, сербского, словенского, хорватского языков). Melbourne, Academia Press, 2007. 218 pp.

Языковая деятельность чешских переселенцев в хорватских землях как социолингвистический феномен. Studia Slavica Hung. 52. Akadémiai Kiadó, Budapest, 2007. 125-129.

2008

К проблеме становления новых славянских недоверия в болгарском диалоге. In: Studia Slavica Savariensia 1-2. Nyugat-magyarországi Egyetem Kiadó, Szombathely, 2008. 101-107.

Исследования колористической тематике в венгерской славистике. In. Зборник на разимеа I Том Лингвистика. XIV Меѓународен Конгрес на Слависти, Охрид, 10-16 септемеври 2008. Скопје, 2008. 243. ст.

2009

A cseh nyelv hatása a szlovén szakszókincs kialakulására. In: Quo Vadis Philologia Temporum Nostrorum? Korunk civilizációjának nyelvi képe.

Feladatok és lehetőségek. (Szerk. Bárdosi Vilmos) Tinta Könyvkiadó, Budapest, 2009. 129-139.

2010

Kocsis Mihály: Tizenhatodik századi ukrán egyházi kéziratainк és helyesírásuk – doktori mű bírálata, 2010. április

2011

O smeđoj boji u hrvatskom i nekim drugim slavenskim jezicima. (Koautor: Viktor Moisejenko) In. Globinska moč besede Red. Prof. Dr. Martini Orožen ob 80-letnici (Uredil:. Marko Jesenšek), ZORA 80. Maribor, 2011. 506-

Az igaz tanár üzenete. In: Az igaz tanár üzenete. Sporočilo iskrenega učitelja. Bibliotheca Slavica Savariensis XII. Szombathely, 2011. 9-17.

2012

Janko Čar – med mariborsko in sombotelsko slovenistiko. In: Večno mladi Htinj. Ob 80-letnici Janka Čara (Uredil: Marko Jesenšek), ZORA 83. Maribor, 2012. 30-32.

Синяя ли синица. In: Legendák, kódexek, források. Tanulmányok a 80 esztendős H. Tóth Imre tiszteletére. (Társszerző: Viktor Moiseenko) (Szerk. Kocsis Mihály, Majoros Henrietta) Szegedi Tudományegyetem Szláv Intézete, Szeged, 2012. 127-135.

2013

Lukácsné Bajzek Mária: Pável Ágoston Vend nyelvtana a nyelvi ideológiák, a szervezett nyelvalakítás és a nyelvi többközpontúság tükrében – habilitációs disszertáció bírálata. 2013. február 26.

Szerkesztések

10 let sodelovanja. Znanstveni simpozij Visoke Učiteljske šole v Szombathelyu in PA v Mariboru. Szombathely, 1980. Társszerkesztő: dr. Vokač Zlata.

Nemzetközi Szlavisztikai Napok. A tudományos ülésszakon elhangzott előadások. Szombathely, 1982.

Rozmán Erzsébet: Vallomások. Pomurska založba. Murska Sobota Ljubljana, 1982.

Tudományos folyóiratok szerkesztése

Studia Slavica Savariensia, Szombathely, 1992. 1. 120 l.
Studia Slavica Savariensia, Szombathely, 1992. 2. 147 l.
Studia Slavica Savariensia, Szombathely, 1993. 1. 119 l.
Studia Slavica Savariensia, Szombathely, 1993. 2. 141 l.

Studia Slavica Savariensia, Szombathely, 1994. 1. 186 l.
Studia Slavica Savariensia, Szombathely, 1994. 2. 192 l.
Studia Slavica Savariensia, Szombathely, 1995. 1-2. 249 l.
Studia Slavica Savariensia, Szombathely, 1996. 1-2. 196 l.
Studia Slavica Savariensia, Zagreb-Szombathely, 1999. 1. 373 l.
Studia Slavica Savariensia, Szombathely, 2000. 1-2. 174 l.
Studia Slavica Savariensia, Szombathely, 2001. 1-2. 271 l.
Studia Slavica Savariensia, VII. Nemzetközi Szlavisztikai Napok, Szombathely, 2002. 1-2. 599 l.
Studia Slavica Savariensia - Károly Gadányi sexagenario, Szombathely, 2003. 1-2. 566 l.
Studia Slavica Savariensia, Szombathely, 2004. 1-2. 385 l.
Studia Slavica Savariensia 1-2, Szombathely, 2008. 444 l.
Studia Slavica Savariensia 1-2, Szombathely, 2009. 335 l.
Studia Slavica Savariensia 1-2, Szombathely, 2010. 449 l.
Studia Slavica Savariensia 1-2 Szombathely, 2011. 366 l.
Bibliotheca Slavica Savariensis I. Szombathely, 1994. 448 l.
Bibliotheca Slavica Savariensis II. Szombathely, 1994. 160 l.
Bibliotheca Slavica Savariensis III. Szombathely, 1996. 247 l.
Bibliotheca Slavica Savariensis IV. Szombathely, 1997. 479 l.
Bibliotheca Slavica Savariensis V. Szombathely, 1999. 173 l.
Bibliotheca Slavica Savariensis VI/1-3. Szombathely, 1999. 255 l.
Bibliotheca Slavica Savariensis VII. Szombathely, 2000. 137 l.
Bibliotheca Slavica Savariensis VIII. Szombathely, 2003. 280 l.
Bibliotheca Slavica Savariensis IX. Szombathely, 2005. 278. l.
Bibliotheca Slavica Savariensis X. Szombathely, 2008. 141 l.
Bibliotheca Slavica Savariensis XI. Szombathely, 2008. 325 l.
Bibliotheca Slavica Savariensis XII. Szombathely, 2011. 181 l.

Nemzetközi szlavisztikai konferenciák köteteinek szerkesztése

Tudományos Közlemények - Znanstvene publikacije. Szombathely - Maribor, 1990.
Nemzetközi Szlavisztikai Napok, Szombathely, 1982.
Nemzetközi Szlavisztikai Napok, Szombathely, 1986.
Nemzetközi Szlavisztikai Napok, Szombathely, 1988.
Nemzetközi Szlavisztikai Napok, Szombathely, 1992.
Nemzetközi Szlavisztikai Napok, Szombathely, 1995.
Nemzetközi Szlavisztikai Napok, Szombathely, 1998. 3/1-2.
Studia Slavica Savariensia, VII. Nemzetközi Szlavisztikai Napok, Szombathely, 2002. 1-2. 599 l.
Studia Slavica Savariensia, VIII. Nemzetközi Szlavisztikai Napok, Szombathely, 2007. 1-2. 415 l.

PROF. DR. GADÁNYI KÁROLY
KITÜNTETÉSEI, ELISMERÉSEI

HAZAI

A szülőfalutól

1. Dicsérőlevél
   1955. május 1. Állami Általános Iskola Murakeresztúr-Kollátszeg
2. Dicsérőlevél
   1956. június 24. Állami Általános Iskola Murakeresztúr-Kollátszeg
3. Elismerő Oklevél.
   Murakeresztúr, 2003. szeptember 27.
4. Murakeresztúr Község Díszpolgára
   2005. szeptember 24.

Állami, egyetemi elismerések

5. A Munka Érdemrend ezüst fokozata
   Budapest, 1983. szeptember 30.
6. Pável Ágoston emlékplakett
   Szombathely, 1993. március 12.
7. Alma Mater Díj
   Szombathely, 1999. április 23.
8. Szent-Györgyi Albert-Díj
   Budapest, 2000. január 22.
9. Vas Megyéért Díj
   Szombathely, 2004. március 15.

10. A Modern Filológiai Társaság Érdemérme
    Budapest, 2006. június 15.
11. A Magyar Kultúra Lovagja
    Budapest, 2007. január 22.
12. A Nyugat-Magyarországi Egyetemért Emlékérem,
    Sopron, 2007. szeptember
13. Szombahelyért-díj
    Szombathely, 2007. november 11.
14. Gróf Batthyány Lajos Díj
    Szombathely, 2007. december 14.
15. BDF Aranygyűrűje, 2007.
16. Egyetemalapításért Díj
    Szombathely, 2008. február 29.
17. A Magyar Köztársasági Érdemrend Tisztikeresztje
    2008. február 29.
18. 50 éves a Szombathelyi Felsőoktatás Emlékérem
    Szombathely, 2009. szeptember 5.
19. 1956 Magyar Nemzetőrség Tisztikereszt
    Budapest, 2010. október 5.
20. 1956 Magyar Nemzetőrség Nagykereszt Csillaggal
    Budapest, 2011. március 15.
21. Megyei Príma Díj jelölt
    2011. október 27.
22. Fran Miklošič Díj,
    Budapest, 2011. december 30.
23. Magyarország Köztársasági Elnökének Érdemérme
    Budapest, 2012. március 9.
24. Zalaegerszeg Megyei Jogú Város Emléklapja
    Zalaegerszeg, 2012. december 14.
25. A Nyugat-magyarországi Egyetem Savaria Egyetemi Központ
    Hallgatói Önkormányzata és Hallgatói Emlékplakettje
    Szombathely, 2012. december 14.

KÜLFÖLDI KITÜNTETÉSEK, ELISMERÉSEK

26. Szabadság Érem az Arany Levéllel
    Ljubljana, 1985.
27. A Maribori Egyetem Pedagógiai Akadémiájának Arany Plakettje
    Maribor, 1986.
28. Jugoszlávia Zászlórendje Aranycsillaggal a Szalagon
    Belgrád, 1987. március 31.
29. Az Udinei Tudományegyetem Arany Plakettje
    Udine, 2002. január 10.
30. A Salernoi Egyetem Emlékplakettje
    Salerno, 2003. március 30.
31. Slavonic Filology – Elit kitüntetés USA
    2005. március 5.
32. A filológiáért
    ABI-USA 2005.
33. Who is Who (Ki kicsoda) Emlékcsillag, 2008.
34. „Az Érdemekért" Volgográdi Tudományegyetem
    2010. március 19.
35. A Mari Köztársaság Parlamentjének a „Kiválóság" kitüntetése
    Joskar-Ola, 2010. március 25.
36. Köztársasági Címer
    A Mari Tudományegyetem elismerése
    2010. április 20.
37. Elismerés és köszönet
    Szlovén kormány, Ljubljana 2011.
38. A Maribori Egyetem Pedagógiai, Bölcsészettudományi,
    Matematikai és Természettudományi Karának Arany Plakettje,
    Maribor 2012. december 11.

TUDOMÁNYOS DOKUMENTUMOK, KINEVEZÉSEK, ELISMERÉSEK

39. Societas Scientiarum Savariensis kinevezése
    Szombathely, 1995. november 21.
40. Habilitációs Oklevél
    Budapest, 1995. december 14.
41. Egyetemi tanári kinevezés
    Budapest (Parlament), 1996. július 1.
42. Széchenyi Professzori Ösztöndíj
    Budapest, 1997. április 5.
43. A Magyar Tudományos Akadémia doktora
    Budapest, 2009. május 9.
44. Főigazgatói, rektori kinevezések
    2001. július 1-től
    Budapest (4 db)
45. A Magyar Rektori Konferencia Emlékérme
    Budapest, 2008. február 26.

SPORTKITÜNTETÉSEK, ELISMERÉSEK

46. A Lakosság sportjáért
    Budapest, 1992. május 4.
47. Vas Megye sportjáért
    Szombathely, 1992.
48. Esterházy Miksa Emlékérem
    Budapest, 1995. december
49. Vas Megye Sportjáért
    Szombathely, 199. november 13.
50. Vas Megye Sporttudományi és Sportoktatói Munkájáért
    Elismerő Oklevél
    Szombathely 2000. december 14.

51. Nemzetközi Olimpiai Bizottság és Nemzetközi labdarúgó Szövetség FIFA Elismerő Oklevele 2001.
52. Puskás Ferenc Emlékérem
    Budapest, 2002.
53. 6:3 emlékérem,
    Budapest, 2003. november 25.
54. Magyar Birkózósport Érdemrend Arany Fokozat
    Budapest, 2007.
55. Olimpiai Emlékérem
    Budapest, 2008.
56. Vas Megye Elnöki Emlékplakett
    Szombathely, 2009. december 17.
57. Magyar Sportért ezüst fokozat
    Budapest, 2010.
58. Oklevél – Vas megye Közgyűlésének elnöke és Sportigazgatója
    2010. december 16.
59. Lóránt Gyula Díj
    Szombathely, 2011. október 21.
60. Magyar Olimpiai Bizottság Fair Play Diploma
    Életmű díj
    Budapest, 2012. március 20.

KUPÁK

61. Vas Megye Labdarúgó Sportjáért
    Szombathely, 2000. március 20.
62. Vas Megye Sportmozgalmáért
    Életmű Díj
    Szombathely, 2006. december 14.
63. Vas Megyei Sportági Szakszövetségek Sportjáért
    2010. december 16.
64. Tabló – Puskás Ferenc dedikálásával

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 24-36
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.24

Асель Мейрамовна Ахметбекова
(Алматы, Казахстан)

СПОСОБЫ ОРГАНИЗАЦИИ СЛОВАРНЫХ ДЕФИНИЦИЙ В СЛОВАРЯХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Abstract: This article is devoted to the study of the main ways of organization of dictionary definitions in the dictionaries of linguistic terms. Within the terminographic research the semantic level of description of an entry unit enters into microstructure parameters of the dictionary entry. The semantic description of terms intended for their systematization is one of the main problems in the organization of dictionary definitions. The main aim of the study is to consider the main ways of organization of dictionary definitions and compare the means of their interpretation in the dictionaries of linguistic terms in English, Russian and Kazakh.

Scientific definitions and referential definitions are analyzed as the semantization of terms in the monolingual terminological dictionaries. Scientific definitions are classified into real (generic-specific), operational and enumerative definitions. Referential definitions characterize the meaning of terms by means of word-formative, synonymous and antonymous definitions. The comparative analysis shows that the definition content is not one-type as their interpretation modifies from definition to definition.

Keywords: term, scientific definition, referential definition, semantization

Семантическая характеристика – основная и самая сложная часть словарной статьи любого словаря. В одноязычных терминологических словарях, построенных по алфавитному принципу, семантическая характеристика термина осуществляется через логическое определение его значения (Герд 1986: 54). Исследование словарей лингвистических терминов, разъясняющих значение и употребление словарных единиц, затрагивает проблемы способов организации словарных дефиниций, направленных на систематизацию понятий.

Цель данного исследования – рассмотреть основные способы организации словарных дефиниций и сравнить средства их интерпретации в словарях лингвистических терминов на английском, русском и казахском языках.

Прежде всего, следует отметить, что понятие можно сделать доступным для восприятия с помощью термина и дефиниции, которые в равной степени представляют его. Понятие – мысль, которая в обобщенной форме отражает явления и предметы действительности через фиксацию их свойств и отношений как общие и специфические признаки (классы предметов и явлений) (Сулейменова 1998: 282). Термин всегда имеет дефиницию и занимает определенное место в системе, так как

одним из его важных свойств является содержательная точность, которая включает в себя не только четкость, но и ограниченность значения терминов. Отсюда следует, что четкие границы специального понятия термина устанавливаются с помощью научного определения – дефиниции, которая также является и определением значения термина. Дефиниция имеет отношение к понятию и термину, а термин именует понятие и устанавливается с помощью дефиниции. Четко сформулированная дефиниция, фиксирующая термин, имеет огромное научное значение.

Как указывает Г. Бусманн, дефиниция – это утверждение о содержании языкового выражения, основанное на правилах формальной логики. Каждая научная дефиниция представляет собой отношение эквивалентности, которое состоит из определяемого понятия (definiendum – Dfd) и определяющего понятия (definiens – Dfn) (Bussmann 2006: 283). В полном словаре лингвистических терминов под дефиницией понимается разъяснение смысла термина с помощью слов, значение которых предполагается уже известным и раскрывает правила формальной логики, согласно которым дефиниция:

- должна быть явной, что означает прямое и непосредственное указание на родовой и специфический видовой признаки;
- должна быть равной с объемом понятий определяемого термина;
- включает только необходимые и достаточные признаки;
- не должна содержать в себе логического круга (определяющие слова не должны заключать в себе определяемого термина или его синонима) (Матвеева 2010: 270). Например:

Neologism (Dfd) **–** *a newly coined word or phrase* (Dfn) (Trask 1993: 180);

Неологизм (Dfd) – *слово или оборот, созданные для обозначения нового предмета или для выражения нового понятия* (Dfn) (Ахманова 2007: 261);

Неологизм (Dfd) – *өнеркәсіп пен ауыл шаруашылығының, сауда мен транспорттың, техника мен ғылымның үздіксіз өсуі негізінде шыққан жаңа сөздер мен сөйлемшелер* (Dfn) (Кенесбаев 1966: 105).

Следует отметить, что дефиниции термина *неологизм* на английском, русском и казахском языках являются действительно научными, так как включают в себя определяемое понятие (Dfd) и определяющее понятие (Dfn). Что касается правил формальной логики, то дефиниции на английском и русском языках полностью им соответствуют, так как они являются точными, не содержат двусмысленностей и логического круга, а также включают в себя лишь существенные признаки и соразмерны понятию. Дефиниция на казахском языке практически соответствует правилам формальной логики за исключением соразмерности. Определяющая часть является узкой по отношению к определяемому понятию *неологизм*. В дефиниции указываются отрасли (промышленность и сельское хозяйство, торговля и транспорт, наука и техника), где могут

появляться новые слова и выражения. Однако, существуют и много других отраслей и сфер, где также создаются новые слова. Отсюда следует, что точная семантизация термина помогает получателю не только глубже проникнуть в ту или иную специальную область знаний, но и избежать неправильного употребления терминов в процессе коммуникации и научного исследования.

Вопросы, связанные с интерпретацией значения термина, потребовали использование описательного метода, на основе которого проводится характеристика каждого из способов организации словарной дефиниции, а также сравнительно-сопоставительного метода для выявления сходств и различий при семантизации заголовочных единиц в словарях лингвистических терминов на английском, русском и казахском языках.

Организация словарных дефиниций в словарях лингвистических терминов, как и в любом другом терминологическом словаре, связана с систематизацией понятий путем их классификации. Словарные статьи терминологических словарей основываются, прежде всего, на семантизации заголовочных единиц, с учетом их принадлежности к определенной терминосистеме, а также на семантических связях между терминами посредством дефиниционного анализа. В рамках интерпретационных параметров, к которым относятся средства интерпретации, толкования заголовочных единиц в терминологических словарях, особое внимание уделяется проблеме описания значений терминов. Семантический уровень описания заголовочной единицы является одним из основных параметров в микроструктуре словарной статьи терминологических словарей. В качестве семантизации терминов в одноязычных терминологических словарях обычно выступают *научные дефиниции* и *отсылочные определения* (Гринев-Гриневич 2009: 53).

Научная дефиниция является результатом строгого определения называемого термином понятия в соответствии с логическими правилами. Учитывая многообразие лексикографических дефиниций, анализ словарей лингвистических терминов на английском, русском и казахском языках показывает, что по способу организации словарные дефиниции научного термина могут быть (Bussmann 2006: 283; Шелов 2003: 45):

1. *Реальные (родовидовые) дефиниции*, которые определяют предмет или конкретное понятие, указывая на ближайший род (*genus proximum*) и дифференцирующий признак (*differentia specifica*). Например:

Affix *– a bound morpheme which can only occur attached to a word or stem* (Trask 1993: 11)

Аффикс *– служебная морфема, т.е. часть слова, видоизменяющая лексическое либо грамматическое значение корня (основы) или выражающая отношения между словами в словосочетании и предложении; общее название всех морфем, за исключением корня.* (Розенталь 2003: 35);

Аффикс *– өз алдына жеке қолданылмай, түбір сөздерге қосылып, сол сөздің мәнін, мағынасын және функциясын өзгертетін – грамматикалық форма* (Кенесбаев 1966: 24). Дефиниции термина *аффикс* на английском, русском и казахском языках являются реальными, так как в определяющем понятии дефиниций четко выражен ближайший род (*a bound morpheme, служебная морфема, грамматикалық форма*) и видовое отличие (остальная часть определяющего понятия). Следует отметить, что в дефиниции на казахском языке из-за различий в порядке слов, ближайший род термина (*грамматикалық форма*) отражается в конце предложения.

2. *Операциональные дефиниции (генетические)*, указывающие на способ образования, построения или на происхождение дефинируемого понятия. В данной дефиниции указанием на способ возникновения понятия служит описание процедуры его построения. Например:

Derivation *– in word formation, the process of obtaining new words by adding affixes to existing words or stems* (Trask 1993: 78);

Деривация *– образование новых слов при помощи аффиксов согласно словообразовательным моделям, свойственным данному языку* (Ахманова 2007: 129);

Деривация *– сөз тудыру, сөз жасау процесі* (Кенесбаев 1966: 53). Дефиниции термина *деривация* на английском, русском и казахском языках являются операциональными, так как дифференцирующие признаки определяемого понятия указывают на способ образования новых слов. Следует отметить, что в операциональных дефинициях отсутствует наличие родового понятия.

Однако, наблюдаются такие факты, когда словарная дефиниция одного и того же термина имеет разные способы организации в разных словарях лингвистических терминов, не влияя на его общее значение. Например:

Agglutination *– a type of morphological structure, in which words can be readily divided into a linear sequence of distinct morphemes, each of which has typically a fairly consistent shape and a single consistent meaning or function* (Rask 1993: 12);

Агглютинация *– механическое присоединение однозначных стандартных аффиксов к неизменяемым основам или корням* (Ахманова 2007: 81);

Агглютинация *– түбір сөзге, көбіне, соңынан жалғанатын қосымшалар арқылы пайда болатын тілдік құрылыс (негізінде жалағамалы тілге тән ерекшілік)* (Кенесбаев 1966: 11).

Отсюда следует, что дефиниции термина *агглютинация* на английском, русском и казахском языках в разных словарях представляются разными способами их организации. Дефиниция термина *agglutination* на английском языке является реальной (родовидовой), где *a type of morphological structure (вид морфологической структуры)* указывает на ближайший род понятия, а остальная часть дефиниции –

дифференцирующий признак. Дефиниции термина *агглютинация* на русском и казахском языках в отличие от дефиниции на английском языке являются операциональными, так как указывают лишь на способ образования данного понятия.

3. *Перечислительные дефиниции* не обладают родовидовой структурой. Понятийное содержание определяемого понятия фиксируется посредством перечисления элементов, входящих в него как видовые его представители. Невозможность совпадения любого из объектов, упомянутого в перечне является одной из важных характеристик перечислительных дефиниций. Например, в словаре лингвистических терминов на английском языке встречаются следующие перечислительные дефиниции:

Abstract noun *– a noun whose meaning is an abstract concept (truth, beauty, magnitude, consequence) or a noun denoting an event (arrival, explosion)* (Trask 1993: 4);

Basic word order *– the normal, unmarked or most frequent order of elements in the sentences of a language, usually expressed in terms of the order of Subject, Object and Verb* (Trask 1993: 29);

Complement clause *– a finite or non-finite clause which serves as a complement to some lexical items* (Trask 1993: 51). Понятийное содержание терминов определяется посредством перечисления элементов, которые входят в него как видовые его представители. Так, существительное, означающее абстрактное понятие (*a noun whose meaning is an abstract concept*) и существительное, обозначающее событие (*a noun denoting an event*) являются видами абстрактного существительного (*abstract noun*); обычный (*normal*), немаркированный (*unmarked*) или более частый порядок элементов (*most frequent order of elements*) – виды основного порядка слов (*basic word order*); личный (*finite*) или неличный оборот (*non-finite clause*) – виды дополнительного предложения (*complement clause*).

В словарях лингвистических терминов на русском и казахском языках также прослеживаются перечислительные дефиниции:

Двойные формы *– вариантные орфоэпические, орфографические, морфологические и др. формы* (Ахманова 2007: 122);

Местоимение неопределенное *– субстантивное и адъективное местоимение, указывающее на предмет или признак, мыслимый как лишенный конкретности, как любой или не подлежащий более точному определению* (Ахманова 2007: 228);

Члены предложения главные *– подлежащее и сказуемое как объединяемые предикативной связью и противопоставляемые второстепенным членам* (Ахманова 2007: 518). В русском языке перечислительные дефиниции указывают, что вариантные орфоэпические, орфографические и другие формы – виды двойных форм;

субстантивное и адъективное местоимение – виды неопределенных местоимений; подлежащее и сказуемое – главные члены предложения.

Алтай тілдері *– түркі, моңғол, тұңғыс-маньчжұр және басқа тілдердің жиынтық аттары* (Кенесбаев 1966: 14);

Сөйлемнің тұрлаусыз мүшелері *– сөйлем ішінде бастауыш мепен баяндауыштың төнірегіне топталып толықтап, пысықтап синтаксистік қызмет атқаратын сөйлемнің анықтауыш, толықтауыш, пысықтауыш мүшелері* (Кенесбаев 1966: 37);

Ымдау *– сөйлегенде басты изеу, шайқау, қол сермеу, т.б.* (Кенесбаев 1966: 60). Перечислительные дефиниции на казахском языке также как на английском и русском языках именуют объекты, входящие в состав определяемого понятия. Из приведенных примеров, следует отметить, что тюркский, монгольский, тунгусо-маньчжурские и другие языки (*түркі, моңғол, тұңғыс-маньчжұр және басқа тілдер*) входят в состав алтайских языков (*алтай тілдері*); определение (*анықтауыш*), дополнение (*толықтауыш*) и обстоятельство (*пысықтауыш*) являются второстепенными членами предложения (*сөйлемнің тұрлаусыз мүшелері*); и кивание или качание головой (*басты изеу, шайқау*), а также махание руками (*қол сермеу*) – виды жестикуляции (*ымдау*).

Отсылочное определение дается путем отсылки к уже определенному термину. Разновидностями отсылочного определения являются:

1. *Словообразовательные определения.* Например:

Adjectival passive *– the passive participle of a (typically transitive) verb functioning as an adjective* (Trask 1993: 7);

Affixation *– the process of attaching an affix to a base, as in the derivation of unhappy or happiness from happy* (Trask 1993: 11);

Metalanguage *– a language which is used to talk about another language, the object language* (Trask 1993: 170). В примерах словообразовательных определений на английском языке, следует отметить, что определяемое понятие *adjectival passive* образуется от понятия *adjective;* определяемое понятие *affixation* – от понятия *affix* и определяемое понятие *metalanguage* – от понятия *language.*

Гипозевгма *– зевгма, характеризующаяся помещением общего члена построения в последнем предложении* (Ахманова 2007: 100);

Диалогизм *– слово, оборот или особое построение речи, свойственные диалогу* (Ахманова 2007: 132);

Морфонема *– две фонемы (или ряд фонем), чередующиеся в алломорфах одной и той же морфемы в соответствии с условиями данной морфонологической структуры* (Ахманова 2007: 244). В словообразовательных определениях лингвистических терминов на русском языке определяемое понятие *гипозевгма* образуется от понятия *зевгма*; *диалогизм* – от *диалога* и *морфонема* – от понятий *фонема* и *морфема*.

Алломорфа *– морфеманың альтернанттары, вариантты* (Кенесбаев 1966: 13);

Екпінсіз *– екпін түспейтін буын* (Кенесбаев 1966: 26);

Германистика *– герман тілі мен әдебиеті туралы ғылым* (Кенсбаев 1966: 40). В казахском языке на основе уже известного понятия *морфема,* употребляемого в определяющем понятии определения, происходит словообразование термина *алломорф*; на основе понятия *екпін* – термин *екпінсіз*; и на основе понятия *герман тілі* образуется термин *германистика*.

2. *Синонимические определения*, в том числе и с использованием иноязычных эквивалентов. Например:

Appellative *– See* ***common noun*** (Trask 1993: 18); ***embedded question*** *– See* ***indirect question*** (Trask 1993: 89); ***linker*** *– See* ***ligature*** (Trask 1993: 162);

Аугментативный *– то же, что* ***увеличительный*** (Ахманова 2007: 60); ***база*** *– то же, что* ***основа*** (Ахманова 2007: 62); ***двухпадежное существительное*** *– то же, что* ***диптот*** (Ахманова 2007: 124);

Адъектив *– қ.* ***сын есім*** (Кенесбаев 1966: 11); ***гиатус*** *– қ.* ***шендесу*** (Кенесбаев 1966: 40); ***етістіктің тұйық рай формасы*** *– қ.* ***инфинитив*** (Кенесбаев 1966: 105). Синонимические определения лингвистических терминов на английском, русском и казахском языках указывают на то, что данные определяемые понятия (термины) являются синонимичными по отношению к терминам, которые указаны в ссылках.

3. *Антонимические определения* по отношению к определяемому понятию. Например:

Common noun *– a noun, which is not a proper noun (*Trask 1993: 50);

Disagreement *– any of various phenomena in which an agreement morph assumes a form apparently inconsistent with the category it is supposed to be agreeing with* (Trask 1993: 83);

Free *– the opposite of bound, in all senses of that term* (Trask 1993: 107). В антонимических определениях на английском языке прослеживаются антонимы по отношению к определяемым понятиям: *имя собственное (proper noun) – имя нарицательное (common noun)*; *согласование (agreeing) – несогласованность (disagreement)*; *ограниченный (bound) – свободный (free)*.

Живые слова *– слова китайского языка, выражающие процесс (действие), в отличие от мертвых, выражающих предметное понятие* (Ахманова 2007: 149);

Категория не-лица *– словообразовательная категория в системе имен существительных, связанная с понятием предметности и противопоставляемая категории лица* (Ахманова 2007: 192);

Мертвый *– вышедший из живого употребления* (Ахманова 2007: 227). В приведенных примерах антонимических определений на русском языке определяются следующие антонимы определяемых понятий: *мертвые*

слова – живые слова; категория лица – категория не-лица; живой – мертвый.

Вульгаризм *- әдеби тілде қолданылмайтын дөрекі сөздер мен сөйлемшелер* (Кенесбаев 1966: 37);

Дисгармония *– үндесудің бұзылуы, үндеспеушілік* (Кенесбаев 1966: 57);

Диссимиляция *– сөз ішіндегі ұқсас дыбыстардың өзге дыбысқа айналып кетуін көрсететін ассимиляцияға қарама-қарсы процесс, фонетикалық құбылыс* (Кенесбаев 1966: 57). Данные примеры показывают, что лингвистические термины на казахском языке также могут иметь противоположные значения, которые содержатся в определяющих их понятиях: *вульгаризм (вульгаризм) – литературный язык (әдеби тілі); дисгармония (дисгармония) – гармония (үндестік); диссимиляция (диссимиляция) – ассимиляция (ассимиляция)*.

Согласно основным способам организации словарных дефиниций предпринята попытка сравнить средства их интерпретации в словарях лингвистических терминов на английском, русском и казахском языках и, тем самым, определить как происходит семантизация одного и того же термина посредством дефиниции в сопоставляемых языках. Анализ организации словарных дефиниций в словарях лингвистических терминов показывает следующие результаты:

№ п/п	Дефиниции лингвистических терминов на английском, русском и казахском языках	Способ образования					
		Научная дефиниция			Отсылочное определение		
		Реальная (родовидовая)	Операциональная	Перечислительная	Словообразовательное	Синонимическое	Антонимическое
1	***Archaism*** *– any domain of language structure for an old word or phrase no longer in general spoken or written use* (Crystal 2008: 33);	+					
	Архаизм *– слово или выражение, вышедшее из повседневного употребления и потому воспринимающееся как устарелое* (Ахманова 2007: 56);	+					

	Архаизмдер *- өмір шындығының атып білдіретін, бірақ олармен синонимдес, болып келетін лексикалық единицалар арқылы ығысып, қолданудан шығып қалған сөздер* (Сулейменова 1998: 48).	+					
2	***Affricate*** *– oral consonant in which the initial stop closure is followed by a small release, so that frication occurs* (Bussmann 2006: 26);	+					
	Аффриката *– согласный звук с щелевой рекурсией вместо взрыва, обычно возникающий в результате соединения смычного звука с последующим гоморганным и первоначально тавтосиллабическим щелевым* (Ахманова 2007: 61);	+					
	Аффрикаттар *– жартылай жабысыңқы, созылыңқы, жабысыңқы-фрикативті дауыссыздар* (Сулейменова 1998: 55).			+			
3	***Bilingualism*** *– a speaker's competence in two or more languages and their use in every day communication* (Bussmann 2006: 130);		+				
	Билингвизм *– то же, что* ***двуязычие*** (Ахманова 2007: 67);					+	
	Билингвизм *– екі тілдің бірдей бір мемлекетке қызмет етуі, екі тілділік* (Кенесбаев 1966: 28).		+				
4	***Binary*** *– the property of descriptive terms which are predicated upon the opposition of two units* (Bussmann 2006: 131);	+					
	Бинарный *– (исходящий из двучленности) составленный из двух частей, именующий две составляющих* (Ахманова 2007: 67);		+				

	Бинарлық *– екі элемент, екі бөлім, екі шақ, екі түр көрсететін ұғым* (Кенесбаев 1966: 28).			+			
5	***Haplology*** *– the morphological process in which one of two consecutive morphs of identical or similar form is dropped* (Trask 1993: 125);	+					
	Гаплология *– выкидка одного из двух непосредственно следующих друг за другом одинаковых слогов вследствие диссимиляции* (Ахманова 2007: 95);		+				
	Гаплология *– сөздердегі айтылуы бірдей біркелкі дыбыстардың түсіп қалуындағы ерекше диссимиляциялық жай* (Кенесбаев 1966: 39).		+				
6	***Monophthong*** *– in contrast with a diphthong, a vowel during whose articulation the articulators remain in place and maintain an audibly constant sound quality* (Bussmann 2006: 763);						+
	Монофтонг *– простой гласный, или «одногласный», в отличие от дифтонга, трифтонга и тетрафтонга* (Ахманова 2007: 240);						+
	Монофтонг *– қосынды элементсіз дара, жалаң дауыстылар* (Кенесбаев 1996: 97).	+					
7	***Purism*** *– a school of thought which sees a language as needing preservation from the external processes which might infiltrate it and thus make it change* (Crystal 2008: 397);	+					
	Пуризм *– борьба против неологизмов, против ведения в употребление заимствованных и международных слов и т.п., не основанная на научном*						+

	исследовании тенденций развития данного языка (Ахманова 2007: 374);						
	Пуризм *– басқа тілден енуге тиісті сөздерді қабылдаудан бас тартып, реті келмесе де өз сөзімен айтушылық* (Кенесбаев 1966: 138).		+				
8	***Sonant*** *– voiced speech sound that can function as the nucleus of a syllable* (Bussmann 2006: 1092);	+					
	Сонант *– согласный или полугласный, способный выступать в качестве слогообразующего элемента* (Ахманова 2007: 440);			+			
	Сонант *– дара түрде немесе басқа дыбыстармен қатар тұрып буын жасайтын сөз дыбысы, үнді дыбыс* (Кенесбаев 1966: 156).	+					
9	***Concord*** *– See* ***agreement*** (Trask 1993: 54);					+	
	Согласование *– вид синтаксической связи, выражающейся в формальном подчинении прилагательного или спрягаемого глагола тому существительному, к которому они относятся, т.е. объединение подчиняющего и подчиняемого членов общими для них морфологическими грамматическими категориями* (Ахманова 2007: 437);	+					
	Қиысу *– синтаксистік мүшелер арасында жиі ұшырайтын байланыстың бір түрі* (Кенесбаев 1966: 156).	+					
10	***Suffixation*** *– the formation of complex words or word forms through the addition of a suffix to the word system* (Bussmann 2006: 1147);				+		

	Суффиксация *– присоединение суффиксов к корням и основам как способ слово- и формообразования* (Ахманова 2007: 464);				+		
	Жұрнақталу *– суффикстердің қатысуымен жүзеге асатын аффикстеу* (Сулейменова 1998: 370).		+				

Итак, в рамках данного исследования следует отметить, что научная дефиниция как средство семантизации термина не всегда в полной мере соответствуют правилам формальной логики. Четко сформулированная дефиниция, направленная на семантизацию определяющего понятия (термина) имеет огромное научное значение в рамках терминографических исследований. С учетом многообразия средств интерпретации, толкования заголовочных единиц в словарях лингвистических терминов на английском, русском и казахском языках проведенное исследование позволяет выделить научные дефиниции и отсылочные определения как наиболее основные и часто используемые способы организации словарных дефиниций.

Анализ показывает, что среди научных дефиниций наиболее употребляемы реальные (родовидовые) дефиниции. Например, термин *архаизм* на английском, русском и казахском языках семантизируется на основе реальных дефиниций с указанием ближайшего рода и видового отличия. Достаточно часто используются операциональные дефиниции, в меньшем количестве перечислительные дефиниции. Например, значение термина *аффриката* описывается посредством родовидовых дефиниций в английском и русском языках и перечислительной дефиницией в казахском языке. Термин *бинарный* в английском языке определяется родовидовой дефиницией, в русском языке – операциональной дефиницией и в казахском языке – перечислительной дефиницией. Среди отсылочных определений наиболее употребляемы синонимические определения, а затем антонимические и словообразовательные определения. Однако, следует отметить, что в процессе анализа наблюдаются такие факты, когда термин в сопоставляемых языках может семантизироваться как научной дефиницией, так и отсылочным определением. Например, определения термина *монофтонг* в английском и русском языках являются антонимичными, а в казахском языке данный термин представляется в виде научной реальной (родовидовой) дефиниции. Семантизация термина *суффиксация* осуществляется посредством реальных (родовидовых) дефиниций в русском и казахском языках и синонимичным определением в русском языке. Наблюдаются словообразовательные определения при описании значения термина *суффиксация* на английском и русском языках. В казахском языке данный

термин представлен в виде операциональной дефиниции.

Таким образом, семантический уровень описания заголовочных единиц в словарях лингвистических терминов показывает, что содержание дефиниции не является однотипными, так как их интерпретация варьируется от дефиниции к дефиниции. Во всех трех сопоставляемых языках наблюдается наличие, как научных дефиниций, так и отсылочных определений. В рамках исследования научной дефиниции, помимо реальной, операциональной и перечислительной дефиниций наблюдается ряд иных способов их организации, что, в свою очередь, требует дополнительного исследования их применения в словарях лингвистических терминов.

Литература

Ахманова, О.С. (2007) Словарь лингвистических терминов. Издание 4-е, стереотипное. Москва.

Герд, А.С. (1986) Основы научно-технической лексикографии (как работать над терминологическим словарем). Ленинград.

Гринев-Гриневич, С.В. (2009) Введение в терминографию; как просто и легко составить словарь. Учебное пособие. Изд-е 3-е, доп. Москва.

Кенесбаев, С. – Жанузаков, Т. (1966) Русско-казахский словарь лингвистических терминов. Алматы.

Матвеева, Т.В. (2010) Полный словарь лингвистических терминов. Ростов на Дону.

Розенталь, Д.Э. – Теленкова, М.А. (2003) Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. Москва.

Словарь по языкознанию. (1998) Тіл білімі сөздігі / Под общей редакцией проф. Э. Д. Сулейменовой. Алматы.

Шелов, С.Д. (2003) Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб.

Bussmann, H. (2006) Dictionary of Language and Linguistics. London, New York, Routledge.

Crystal, D.A. (2008) Dictionary of Linguistics and Phonetics. Sixth Edition. Molden, Oxford and Victoria.

Trask, R.L. (1993) A Dictionary of Grammatical Terms in Linguistics. New York.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 37-40
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.37

Бейхан Асма
(Кайсери, Турция)

ОТЕЦ И СЫН БОЛКОНСКИЕ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

Abstract: The report researches a problem of Bolkonsky's father and son in «War and Peace» by Leo Tolstoy: the relationships between Bolkonsky, his son and Andrew in the role of a father, where we can see not just a issues of the family, associated with images of Rostov and Kuragin, but also a special biblical meaning (God as the Father and God as the Son).

Keywords: the problem of father and son, family, biblical issues.

В романе Л.Н. Толстого «Война и мир» два отца и два сына Болконских. В произведении речь идет и о старом князе Болконском, его взаимоотношениях с сыном, и о князе Андрее в роли отца. При этом следует видеть не просто семейную проблематику, связанную в романе также с образами Ростовых, Курагиных, с сюжетом «Эпилога», но и отраженную в них особую библейскую тематику. Тема Бога-отца и Бога-сына с особой силой звучит в «Эпилоге», в эпизоде клятвы Николеньки.

Обратимся сначала к образам двух старших Болконских. Князь Николай Андреевич – человек незаурядный, один из тех, кто в XVIII веке строил мощную российскую государственность, приближенный Екатерины II, генерал-аншеф, занимавший видное положение именно благодаря своим талантам, а не стремлению сделать карьеру. Он один из тех, кто служил Отечеству и никогда не прислуживался, о чем говорит его отставка и даже ссылка при Павле. В его облике отразились черты знатного и богатого деда Л.Н. Толстого по матери, генерала Н.С. Волконского, атеиста, о котором существует легенда, что он попал в немилость, отказавшись жениться на любовнице Павла, за что и был сослан сначала в далекий северный Грумант, а затем в свое имение под Тулой.

Болконские – старинный княжеский род, Рюриковичи, аристократы, которым и царская фамилия – не указ, они по праву гордятся своим древним родом и заслугами перед Отечеством. Высокое понятие о чести, гордость, независимость, благородство и остроту ума старый князь передал по наследству и своему сыну. Оба презирают выскочек, карьеристов (типа Курагина), хотя единственное исключение Болконский, видимо, делал для старого графа Безухова, принадлежащего, по всей видимости, к новой знати, фаворитам Екатерины (прототипом его в некоторой степени был граф Безбородько). Титулы этих «новых людей», как и их богатство, были не родовыми, а пожалованными. Дружба с

Пьером, сыном Безухова, досталась князю Андрею, видимо, тоже по наследству от дружбы его отца с отцом Пьера.

Следует отметить, что оба Болконских – разносторонне образованные, одаренные люди, которым близки идеи гуманизма и просветительства, они гуманно относятся и к своим крепостным, несмотря на внешнюю строгость и требовательность к себе и окружающим. Княжна Марья знала, что крестьяне ее отца были зажиточными, что отцом учитывались в первую очередь нужды мужиков, и это побуждает ее в первую очередь заботиться о крестьянах при отъезде из имения ввиду нашествия неприятеля. При сравнении князя Андрея и его отца, однако, забывают, что характеры и того и другого даны в развитии.

Князь Андрей, конечно, шагнул гораздо дальше Николая Андреевича, к которому питает неизменно уважение и которым восхищается (недаром он просит отца при своем отъезде на войну не оставлять внука). Болконский-отец верил в прогресс и будущее величие Родины, которому служил всеми силами. Болконский-сын – главный идеологический герой Толстого – скептически относится к государству и власти вообще. Высокая идея служения Отечеству, воодушевлявшая его отца, трансформируется у князя Андрея в идею служения миру, единения всех людей, идею всеобщей любви и объединения человечества с природой. Старый князь живет в России, а его сын ощущает себя гражданином, частью Вселенной. Он совершает подвиг, но это не подвиг патриота, это подвижничество апостола (Greenwood 1982).

И недаром Толстой наделяет его апостольским именем – *Андрей*, но имя это – синоним слова *Россия*, ведь апостол Андрей – покровитель России, предсказавший населявшим эти земли славянам великое будущее. Россия должна дать миру пример любви и непротивления злу насилием, открыть новую эпоху единения всех людей, продолжая завет Христа: «несть ни эллина, ни иудея…». Христианство было шагом вперед в духовном развитии человечества, потому что признавало всех людей братьями во Христе, сыновьями единого Бога, не выделяло какой-то избранный народ. В этом смысле толстовский апостол Андрей проклинает войну, не разделяя войны на справедливые и завоевательные. Война – это убийство, по мнению героя Л.Н. Толстого, а убийство всегда (на любой войне) противно Богу и закону любви. Во имя этих идей и принимает мученическую смерть толстовский апостол Андрей со своим полком, не сделавшим ни единого выстрела, но выстоявшим.

Надо сказать, что старый князь, сначала несколько скептически относившийся к этим апостольским, подвижническим устремлениям своих детей – сына, в котором он с тревогой находит что-то большее, чем беззаветное служение Отечеству, и христианки-дочери, и под конец жизни склонен признать их правоту. Сначала отец весьма суров к князю Андрею и княжне Марье, в которых, при всей их преданности отцу, чувствуется какая-то духовная самостоятельность. Отец издевается над

религиозностью княжны, в сыне же он вообще с тревогой и внутренним неприятием находит какие-то непонятные для себя духовные ресурсы и стремления. Отец, например, одобряет стремление князя Андрея к славе, его отъезд на войну в 1805 году, но объясняет это желанием «Бонапарта завоевать». Привив своему сыну нравственную чистоту и серьезное отношение к семье, старик Болконский, однако, вовсе не принимает в расчет его чувство к Наташе, всячески стараясь воспрепятствовать новому браку сына. На переживания князя Андрея по поводу непонимания со стороны Лизы отец проницательно замечает и утешает сына тем, что «они все такие». Одним словом, с точки зрения старого князя, любви нет, есть только строгое исполнение долга.

Для старого Болконского в князе Андрее слишком много живой жизни, духовной утонченности, стремления к идеалу. Дочь же Болконский-отец и вовсе не хочет выдавать замуж, не веря в возможность счастья в браке, считая, что для продолжения фамилии достаточно одного внука – ребенка князя Андрея и Лизы. Однако перед смертью обычная жесткость старого князя по отношению к детям исчезает. Он просит прощения за искалеченную жизнь у дочери и заочно – у сына. Княжна Марья еще будет счастлива, а о сыне старый князь говорит перед смертью пророческие слова: «Погибла Россия!» Может быть, он только сейчас понял, что сын его принес в мир идею более великую, чем патриотизм и служение отечеству.

Продолжать идеи своего отца будет другой Николай Болконский — Николенька. В «Эпилоге» ему 15 лет. Шести лет он остался без отца. Да и до шести лет мальчик немного провел времени с ним. В первое семилетие жизни Николеньки его отец участвовал в двух войнах, надолго задержался за границей из-за болезни, много сил отдал преобразовательной деятельности в комиссии Сперанского (чем был горд старый князь, наверняка, огорчившийся бы, если бы узнал о разочаровании князя Андрея в государственной деятельности). Умирающий Болконский оставляет своему сыну что-то вроде старинного зашифрованного завещания о «птицах небесных». Он не произносит этих евангельских слов вслух, но Толстой говорит, что сын князя все понял, даже больше, чем мог бы понять взрослый, умудренный жизненным опытом человек (Wilson 2001: 47). В качестве «птицы небесной», которая в Евангелии представляет собой символ души, не имея «образа и формы», но составляя одну сущность – любовь, – приходит, как и обещал, князь Андрей к Николеньке уже после своей смерти. Мальчику снится Отец – любовь к людям, и Николенька дает клятву принести себя в жертву (недаром вспоминается Муций Сцевола) по повелению Отца (*Отец* – слово, написанное с большой буквы неслучайно).

Так «Война и мир» завершается темой Отца и Сына, темой апостольского служения Богу, темой единения людей. Толстой не дает отчетливых контуров христианской идеи, потому что Андрей у него –

апостол новой, толстовской религии. Это подробно показано в книге Б.Бермана «Сокровенный Толстой». Но главное, что тема Отца и Сына, очень важная для русской литературы («Отцы и дети»), в «Войне и мире» развернута не как тема блудного сына, а как тема божественного служения Бога-сына Богу-отцу.

Литература

Greenwood, Nathan. Russian Philosophy // American Psychological Review, Vol.3. New-Jersey, 1982. P. 147–162.

Wilson, Steve. Tolstoy and Philosophy. Pubb Publishing House. Chicago, 2001.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 41-52
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.41

Ария Хазиевна Азаматова
(Алматы, Казахстан)

ПЕРСПЕКТИВЫ УПОРЯДОЧЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ

Abstract: The paper is devoted to the issues of unification and regularization of the terminological system of linguistics forming a basis of meta-language in given branch of science. The alignment and universalization of semantic space, conventionalization of meanings are appreciably supported by use of standard meanings of Greco-Latin lexemes and word-formative elements. The paper reports results derived from studying the expression means of system, lexico-semantic, pragmatic relations of terminological units, ways of replenishment of meta-dictionary in modern linguistics, ways of structuralization of linguistic terms themselves and stages of their codification.

Keywords: metalanguage, term, terminology, unification, Greco-Latin lexemes and word-formative elements.

Проблемы совершенствования терминологии присущи в той или иной степени любой области науки и практики. Это связано, прежде всего, с увеличением информационных потоков в современном обществе, что неизбежно влечет за собой возрастание количества терминов, и необходимость соблюдения определенных правил их использования.

В наши дни в связи с появлением новых предметных областей и методов исследования теоретическое осмысление процессов формирования концептуально-терминологического аппарата и решение задач, «связанных с упорядочением терминосистем, стандартизацией терминов, с необходимостью переиздания существующих терминологических словарей, справочников, перечней и т.д.» (Потапова 2001: 289), приобретают особый методологический смысл, и «проблемами первостепенной важности для металингвистики являются следующие: 1) проблема метаязыка, его отношение к терминологии и номенклатуре и вытекающие отсюда общие вопросы таксономии и метатаксономии данной науки; 2) проблема развития данной терминологической системы…» (Ахманова 2004: 8).

Совокупность наименований научных фактов базируется на определенной системе понятий, теоретических построений, которые характеризуют соответствующее научное направление. В частности, можно утверждать, что терминология языкознания имеет в своей основе те понятия, явления, определения понятий, которые составляют концептуальные основы в изучении предмета. При исследовании терминов чрезвычайно важным оказывается их изучение не только в системе терминологии, но и более широко – в системе метаязыка.

Метаязык в общем и целом характеризует мировоззрение использующего его субъекта, отражает внутреннюю сторону ментальной репрезентации, особенности структурирования непосредственного опыта человека. Поэтому важным является выявление того, какие именно концепты (по структуре, по содержанию и по степени конкретности) лежат в основе терминологической номинации и более всего способствуют фиксации, хранению и передаче научных знаний (Манерко Л.А., Новодранова В.Ф., Шелов С.Д. и др.). «Научное общение между учеными осложняется, если в процессе обмена научной информацией обнаруживается несоответствие методологических положений, лежащих в основе используемых метаязыковых систем» (Гвишиани 1984: 30).

Метаязык, как всякая языковая система, не является закрытой субстанцией, постоянно изменяясь, развиваясь в зависимости от развития и эволюции понятийного аппарата науки. Эти процессы, в свою очередь, проецируются на деривационную систему языка науки, развивая и модифицируя аспекты ее организации и функционирования.

Метаязык лингвистики представляет собой сложный, многосоставный пласт языка, который ориентирован на выполнение ряда прикладных задач, стоящих перед лингвистикой. Наряду с единицами общенаучной лексики метаязык включает номенклатурные знаки-номены, число которых необозримо велико и с трудом подается систематизации, а также терминологию, представляющую собой стержень любого функционально ориентированного формализованного языка, обслуживающего потребности соответствующей отрасли науки. Изучение метаязыка научной отрасли начинается с анализа, гармонизации и систематизации терминологии и заканчивается ее унификацией и стандартизацией.

Терминология рассматривается как совокупность слов и словосочетаний, употребляющихся для выражения специальных понятий и для названия типичных объектов данной области знания. Являясь обозначением определенного научного понятия, термин возникает и функционирует не в языке в целом, а внутри отдельных подъязыков, наиболее представительной частью которых, является терминология, формирующая единое межъязыковое пространство и обеспечивающая «выход» за пределы конкретных языков. Общее ноэтическое пространство, пространство значений и смыслов непосредственно формируются терминосистемами.

Терминология является системой, но ее системные свойства представлены имплицитно, в отличие от терминологической системы, где системные свойства должны быть выражены явно. Если терминология – реальный объект, моделирующий реальную картину предметной области в динамике, то терминосистема – это всегда формализованное описание терминологии, ее модель. Терминосистему можно назвать когнитивной моделью терминологии, или метамоделью предметной области.

Представляя особую функционально-коммуникативную область конкретного языка, терминология является важнейшим каналом интеллектуальной коммуникации, располагая мощным потенциалом специальных терминообразующих средств, которые призваны обеспечивать оптимальность профессионально-научной деятельности.

В настоящее время в развитии терминологии языкознания достаточно четко просматриваются две тенденции: 1) неуклонный рост числа новых терминов, связанный с появлением в лингвистике не существовавших ранее направлений, и 2) расширение количества и объема понятий, выражаемых через посредство существующих терминов. Обе эти тенденции, будучи реализованы на практике, приводят к появлению большого количества терминов-дублетов, непоследовательности в употреблении существующих терминов.

Упорядочение – основная составляющая практической работы по унификации терминологии, связанной с приведением терминов к единообразию, единой форме или системе, поэтому в задачу исследователя в процессе создания упорядоченной терминологии входит образование системы понятий. Любая терминология предполагает обязательную и постоянную работу по ее упорядочению. «Если сознательно не заниматься терминами, ученые в конце концов перестанут понимать друг друга. Форма науки оказывается отнюдь не безразличной к содержанию самой науки» (Будагов 1974: 124). Упорядочение терминологии предполагает ее унификацию, т.е. приведение в систему в соответствии с лингвистически объективными требованиями к идеальному термину и с системой научных понятий (Даниленко – Скворцов 1981: 9).

Унификация призвана обеспечить однозначное соответствие между системой понятий и терминосистемой. Работа по унификации проводится на всех уровнях – содержательном, логическом и лингвистическом. При этом осуществляется как лингвистический анализ терминов и учет общих норм и закономерностей языка, так и учет специфических моментов, характерных для нормативных критериев оценки терминологии.

Унификация лингвистической терминологии «осложняется действием экстралингвистических, т.е. внешних по отношению к языковой природе термина, причин: это бурное развитие лингвистики XX века, особенно второй половины, множественность лингвистических направлений, школ, концепций в мировом и отечественном языкознании, что предельно активизировало терминотворчество и явилось главным деструктивным, дестабилизирующим фактором по отношению к лингвистической терминологии в целом» (Салмина – Куликова 2002: 7).

Выход из ситуации, сложившейся в сфере лингвистического терминообразования и терминопользования, видится в поиске таких путей, следование которым позволило бы доказательно обосновать

принципиальную возможность унификации и стандартизации терминологического массива, применяемого в современном языкознании.

«Первым условием создания нормативных терминов является унификация терминов – сложный процесс, включающий минимизацию вариантов терминов, обеспечение однозначного соответствия между выбранным термином и обозначаемым им понятием в системе понятий. Унификация терминов реализуется в виде гармонизации, упорядочения и стандартизации терминов и их совокупностей» (Лейчик 1989: 41).

Метаязык лингвистики подается систематизации, унификации и последующей стандартизации, по крайней мере, в той части его номенклатурно-терминологической части, которая сформирована на интернациональной (греко-латинской) части, которая и характеризуется наличием полного семантического соответствия в рамках различных семиотических кодов. Общая основа метаязыка лингвистики обеспечивает прямую передачу информации при переводе с одного языка на другой и позволяет достичь максимального формального соответствия между аналогичными терминологическими единицами различных языков.

Растущая интернационализация социальной и духовной жизни народов, обусловленная общечеловеческим прогрессом эпохи научно-технической революции, постоянно вызывает появление множества новых реалий, формирование множества идей, концепций, мыслительных категорий общечеловеческого характера, требующих не только их номинации в каждом национальном языке, но и однозначного обозначения в разных языках. Эти требования поддерживаются экстралингвистическими факторами, которые «подталкивают» языки к их собственным и совместным поискам языковых средств и способов словесного выражения новых понятий.

В условиях длительного и интенсивного взаимодействия контактирующие языки попадают под действие сильных и универсальных процессов унификации, порождающих во взаимодействующих языках параллельные преобразования. Функциональное партнерство языков в сфере лингвистической науки способствует формированию одинаковых смыслов и уплотнению общего семантического пространства, осуществляя, таким образом, интернационализацию терминологической лексики. Процесс интернационализации в контактирующих языках может проявляться по-разному: в межъязыковых семантических параллелях значений, форме, структурном сходстве, образовании интераналогов.

Процессы универсализации семантического пространства протекают с большей интенсивностью и результативностью в сфере научной терминологии, поскольку терминосистемы разных языков, и в особенности, интернациональная часть терминосистем, характеризуются сильными семантическими связями, которые актуализируются как общая база для взаимопонимания при коммуникации носителей разных языков.

Выравнивание и универсализация семантического пространства, конвенционализация значений в значительной мере поддерживаются использованием стандартных смыслов греко-латинских лексем и словообразовательных элементов.

В формировании новых понятий, в том числе и интернационального характера, участвуют все языки. Однако, как свидетельствуют многочисленные наблюдения, в силу определенных исторических, социально-культурных и языковых факторов большинство новых содержаний, смыслов общечеловеческого характера получает материализованное воплощение прежде всего с помощью языков, выполняющих функции «строительного материала». Классические – греческий и латинский – языки являются основным этимологическим источником интернационализмов уже не только в языках общеевропейского ареала.

В связи с интенсивным развитием научных знаний, усложнением понятийного аппарата науки, расширением международных научных контактов объем современного словаря науки резко увеличивается. Специальные словари включают десятки, а то и сотни тысяч терминов. Несмотря на это, основных элементов, из которых строятся термины сравнительно немного. Причем в качестве источника научных терминов многие языки, теперь уже не только индоевропейские, используют греко-латинский лексический и словообразовательный фонд. Традиция использования классического фонда для терминообразования имеет свои исторические корни в каждом языке. За многие века существования в европейских языках она доказала свою жизнеспособность и преимущество перед другими способами терминообразования.

С одной стороны, греко-латинский фонд существует как нечто данное, неизменное, изолированное, «ничейное», по определению А.А.Реформатского, античное наследие, зафиксированное в дошедших до нас памятниках и словарях. С другой стороны, он реально функционирует в виде слов, словообразовательных элементов и моделей во многих языках мира, входя в их словарный состав и, создавая в нем особые интернациональные слои.

Терминообразование на базе грецизмов и латинизмов – наиболее нейтрального «строительного материала» – остается ведущим приемом терминотворчества, поскольку лексический фонд античных языков представляет собой универсальный резерв элементов, используемых для кодирования новых понятий. Грецизм/латинизм рассматривается как элемент (лексема, морфема, синтаксическая конструкция), заимствованный из греческого/латинского языка, или образованный морфологическим путем на базе греческих/латинских слов или по греческим/латинским словообразовательным моделям.

Мультиязыковое сопоставление межъязыковых терминологических соответствий позволяет установить основные направления семантической

транспозиции, поддерживаемой греко-латинскими словообразовательными средствами в сфере лингвистической науки, конечным результатом которых является образование общего терминологического фонда.

«Возможные пути обогащения метаязыка лингвистики на основе латыни на современном этапе его развития могут быть сведены: 1) к использованию имеющегося огромного лексического материала поздней и средневековой латыни для обозначения новых понятий; 2) к созданию неологизмов на основе как собственно латинской, так и латинизированной греческой лексики; 3) к перифрастической передаче словообразовательными средствами латинского языка новоязычных терминов; 4) к обогащению латинского терминологического состава лингвистическими заимствованиями из современных (европейских и неевропейских) языков с последующей латинизацией этих заимствований <…>; 5) к использованию латинизированных вариантов уже существующей терминологии новогреческого языка» (Иванов 2004: 24).

В рамках общей теории металингвистики актуально отношение единиц метаязык и термин. Отмечается, что «изучение <…> естественного языка в <…> структурно-системном плане составляет предмет науки о языке, создание же метаязыковой системы – инвентаризация терминов (понятий и номенклатур) является завершающим этапом языковедческого исследования (ЛЭС 1990: 297).

Сложная (неоднородная, многослойная) структура термина как единицы метаязыка, предполагает многогранность и многоаспектность терминологического анализа. Термин может быть рассмотрен как своеобразный коррелят некоторой ментальной операции, протекающей в сознании исследователя, и на этом основании в термине усматриваются субъективные свойства, представляющие в целом субъективный мир его создателя (Алексеева Л.М). Вместе с тем термин является универсальной языковой категорией, характеризующейся общими свойствами языкового знака.

Согласно наиболее распространенному мнению термин – знак специальной семиотической системы, обладающий номинативно-дефинитивной функцией. «Номинативной потому, что термин именует, обозначает целый сложный смысловой фрагмент из общей построенной системы интенсионалов (смыслов); дефинитивной – потому, что замещает дефиницию, состоящую в эксплицитном и имплицитном виде из целого ряда высказываний, и подразумевает эту дефиницию в своем употреблении, являясь по отношению к ней вторичным образованием» (Никитина 1987: 28).

Термин представляется как «свободное, многослойное образование: языковой субстрат и логический суперстрат образуют соответственно нижний и верхний слой термина, а сердцевина его составляет терминологическая сущность, которая включает его концептуальную

структуру, функциональную структуру, формальную структуру, представленную терминоэлементами» (Лейчик–Бесекирса 1998: 138).

Структурная системность термина может находить свое частное выражение на словообразовательном (морфологическом) уровне, о чем свидетельствует регулярность в употреблении тех или иных словообразовательных средств (например, терминоэлементов греко-латинского происхождения). Л.Л. Кутина отмечает двоякую направленность действия словообразовательных связей: в связи со способностью слов группироваться, во-первых, в словообразовательные гнезда («объединяющим моментом здесь является тождество корневой морфемы») и, во-вторых, в словообразовательные категории и типы на основе общности аффиксов (Кутина 1970: 91).

Принадлежность термина к терминологии, а терминологии к подъязыку отнюдь не исключает термин из лексической системы общенационального языка; «термин остается и должен быть нормальным членом лексической системы языка, а если не нормальным, то не вопреки этой системе, а именно в силу этой системы» (Реформатский 1963: 121). Все структурно-семантические особенности термина вытекают из проблемы *логоса*, специфической, присущей только термину сопоставленности с понятием и системой понятий, и проблемы *лексиса* – термина как члена лексической системы языка (А.А. Реформатский).

Эти два онтологических аспекта, независимо от путей его возникновения, одинаково существенны при изучении термина. Появление нового термина, детерминировано как *логосом*, так и *лексисом*: необходимость в том или ином термине и его общий тип мотивируются сферой *логоса*, но его конкретный облик в значительной мере определяется сферой *лексиса*.

Относительная значимость логосных и лексисных факторов может быть различной в зависимости от способа создания нового термина в конкретной области знания. При *терминообразовании* значимость логосных и лексисных факторов либо может уравновешиваться, либо лексисные факторы будут преобладать, если данная терминология уже достаточно развита, и можно говорить о существовании определенного эталона термина.

Исследование лингвистического статуса термина выявляет двоякую системность терминологических единиц: системность внешнего характера, которой термин наделяется в силу своей принадлежности к общей системе языка, и системность внутреннюю, основанную на понятийной и структурной организованности терминологии. Внутренняя системность проявляется как на уровне отдельно взятого термина, так и на уровне совокупностей терминов, формирующих терминосистему. Системность отдельно взятого термина выражается в его соотнесении со специальным понятием и в возможности его определения посредством других специальных понятий с привлечением (если необходимо) других

терминов. Однако о полной соотнесенности термина и номинируемого им понятия говорить все же не приходится, так как на практике существует значительное количество многозначных терминов, существование которых противоречит самой сути системности как признака.

Признание системности термина в общеязыковом аспекте влечет за собой необходимость решения проблемы взаимоотношений терминологии и общелитературного языка, которая должна решаться на основе сопоставления признаков лексического состава общелитературного языка и терминов, формирующих терминологию. Эти признаки (обработанность и упорядоченность лексического состава, нормативность, граничащая с кодифицированностью, стабильность, обязательность для пользователей, универсальность для целей успешной коммуникации либо на общеязыковом уровне, либо в специальной сфере) в равной мере характерны как для неспециализированных элементов общего языка, так и для элементов, входящих в субъязыковые сферы. Кроме этого, необходимо учитывать тот факт, что терминология не существует в отрыве от остальной лексической системы языка, а входит в нее на правах специализированной части, сохраняя за собой, как уже было сказано, основные признаки этой системы, но будучи при этом ориентированной на выполнение специальных функций специальными средствами.

Помимо понятийной системности, термину присуща также системность структурная, которая проявляется двояким образом: во-первых, в том, что каждый термин занимает «личную» нишу со своим дублетом. Отдельные термины образуют терминологические ряды, представляющие собой более сложные структурные образования. Ряды, в свою очередь, формируют соответствующий отдел терминосистемы (микротерминосистему), отделы терминосистем составляют терминологическую систему в целом (макротерминосистему, т.е. терминосистему в традиционном ее понимании), которая в совокупности с номенклатурой и общенаучной лексикой образует метаязык конкретной отрасли науки. При такой последовательной структуризации терминологической лексики достаточно легко можно проследить как горизонтальные взаимосвязи между терминами на гипонимическом (видовом) или гиперонимическом (родовом) уровне, так и вертикальные связи на гипо-гиперонимическом (родо-видовом) уровне.

Во-вторых, частное выражение структурная системность термина может находить на словообразовательном (морфологическом) уровне, о чем свидетельствует регулярность в употреблении тех или иных словообразовательных средств (например, терминоэлементов греко-латинского происхождения).

Структурированность межтерминологических связей вызывает такой важный системный признак терминологии как иерархичность, которая находит свое выражение в иерархической упорядоченности

терминологических рядов, соотнесенных и связанных с иерархическими отношениями между научными понятиями внутри этой дисциплины.

Установление признака иерархичности влечет за собой выявление еще одного, не менее важного системного признака терминологии – ее замкнутости, которая предопределяет известную консервативность терминологии, однако, обнаруживает себя на синхроническом уровне, отражая состояние терминологии в определенный момент ее существования. В диахроническом плане терминосистемы демонстрируют свою открытость, свидетельствуя о своей способности к дальнейшему развитию по мере расширения научного знания и интенсификации терминотворчества как лингвокреативного процесса.

В структурно-семантическом аспекте к основным признаком термина могут быть отнесены: 1) нормативность, находящая свое проявление в лингвистическом, содержательном и логическом аспектах; 2) воспроизводимость (устойчивость), связанная в первую очередь со статистическим критерием определения степени терминологичности той или иной языковой единицы; 3) конвенциональность (общепринятость, общепризнанность), позволяющая термину в любой языковой среде сохранять свою понятийную адекватность и основные внешние (структурные) признаки; 4) концептуально-семантическая целостность, в рамках которой термин должен выражать все стороны номинируемого им понятия; 5) соотнесенность с конкретной областью знаний (специализация термина), реализуемая в логической структурированности всех оттенков значения термина; 6) дефинируемость (дефинитивность), предполагающая наличие у термина четко очерченной дефиниции, являющейся в свою очередь органической частью дефинитивного поля всей терминологической системы.

Все перечисленные нормативные требования, предъявляемые к терминам, являются важной отправной точкой для работы по упорядочению терминологии.

В лингвистической терминологии большую роль играют следующие способы образования моновербальных терминов: *терминологизация*, представляющая собой такое лексическое преобразование, которое состоит в превращении слова общеупотребительного языка в омонимичный ему термин на новой понятийно-дефиниционной основе (*звук*, *речь*, *корень*, *лицо*); *ретерминологизация*, представляющая собой терминологическое преобразование – перенос готового термина из одной дисциплины в другую с полным или частичным его переосмыслением и превращением в межотраслевый омоним (*морфология* /биол./ → *морфология* /лингв./, *формализация* /лог./ → *формализация* /лингв./, *изоморфизм* /мат./ → *изоморфизм* /лингв./); *терминообразование*, представляющее собой разновидность словообразовательной процедуры, но отличающееся от обычного словообразования предпочтением определенных компонентов (терминоэлементов) и/или композиционных

искусственных моделей (*пермиссив*, *архифонема*, *депроприатив*, *ксеноглоссия*); *терминозаимствование*, представляющее собой заимствование готового иноязычного термина с сохранением его основных дефиниционных параметров (*аорист*, *шифтер*).

В деле создания и совершенствования научной терминологии центральным вопросом является выбор наиболее разумного (для каждого данного языка) пути терминотворчества. Трудности такого выбора часто обусловлены необходимостью гибкого сочетания определенных национальных традиций в создании и употреблении терминов с тенденцией к интернационализации терминологии данной отрасли знания. Самый естественный, проверенный историей науки путь к интернационализации терминологии лежит через использование греко-латинских элементов как наиболее нейтрального и универсального материала для создания термина. Их структурно-семантические свойства, вытекающие из интернациональности (монореферентность, внеположенность экспрессии, широкая конституентная валентность), позволяют создать языковой знак, максимально приближенный к «идеальному термину».

Понимание терминоэлементов как морфологических, а не синтаксических или символических компонентов термина, позволяет рассматривать их «как трояко вида конститутивные единицы в структуре термина: 1) терминоэлементы, выделяемые посредством морфологического членения термина-слова; 2) терминоэлементы, выделяемые в результате синтаксического членения термина-словосочетания и 3) терминоэлементы, выделяемые посредством изобразительно-графического членения, при котором в составе термина оказываются символы, имеющие только графическое выражение» (Суперанская и др. 1989: 102).

Терминоэлемент можно определить как двустороннюю языковую единицу, обладающую в плане содержания не функцией номинации (точнее, не номинативно-дефинитивной функцией), которой обладает целый термин, а дейктической функцией: значение терминоэлемента сводится к указанию на определенное терминологическое поле. Для практических целей не всегда существенно значение греческого или латинского корня или аффикса, к которым восходит терминоэлемент, но важен тот смысл, который они заключают в себе в качестве строевых компонентов терминов. Терминологизированную единицу и исходный корень – этимон античных языков – порой разделяет изрядная семантическая дистанция. Так, элемент *-фикс*, характеризующийся дейктемой «указание на морфологическую структуру слова» (ср. *суффикс*, *аффикс*, *конфикс* и др.), существенно отличен от исходного латинского *-fixus*, производного от глагола *figo* «вбивать, закреплять».

Дейктичность терминоэлемента может колебаться от предельно конкретного указания, исключающего варианты, например, *ди*, *уни*, *а*,

ретро, *пан* (такие элементы, как правило, междисциплинарны), до самого общего указания на языковой уровень (элементы *морф*, *лекс*) или раздел языковедческой науки, сравните, элемент *-ив* (*пассив*, *делатив*, *бенефактив*), характеризующийся лишь обобщенной дейктемой «грамматические категории и формы».

Кроме того, один и тот же элемент может указывать на разные терминологические ряды. В метаязыке лингвистики элемент *-ика* полидейктичен: он содержит указание на: 1) «совокупность однородных явлений, единиц, отношений» (*фоника*, *лексика*, *графика*) и 2) «область, раздел лингвистики» (*фонетика*, *русистика*, *ономастика*).

Таким образом, имея в виду различный характер дейктичности, можно выделить а) полидейктичные элементы (коституирующие термины разных терминологических рядов, ср. *мета* ‘указание на перенос, переход’, например *метатония, метасемия, метафора*; *мета* ‘указание на построение более высокого порядка’, например *метаязык*, *метатекст*); б) идеодейктичные элементы – заполняющие уже сложившуюся терминологическую модель и тем самым реализующие собственное значение греческого/латинского этимона (такие элементы противопоставлены моделеобразующим элементам, носящим, как правило, стандартный характер, ср. модели на *-оним*, *-глоссия*, *-лект*).

«В связи с этим возникает вопрос о лингвистическом статусе терминоэлемента среди прочих единиц языка. Поскольку сам термин, с лексико-грамматической точки зрения функционирует как слово (хотя и ограниченное сферой употребления в специальном подъязыке) и поскольку терминоэлемент существует как значимый компонент термина, есть, казалось бы, все основания считать терминоэлементы обычными морфемами. Но это не так: морфемы всегда – принадлежность определенного языка, и в этом смысле они уникальны, греко-латинские терминоэлементы же – достояние многих языков и поэтому они универсальны» (Суперанская и др. 1989: 104).

Таким образом, говорить о греко-латинских терминоэлементах как о равноправных морфемах конкретного языка нельзя. С точки зрения русской грамматики, это «морфемоиды» без четкого морфемного статуса и строгой языковой прикрепленности, и название «терминоэлементы» указывает именно на их интернациональный характер. Их семантические, структурно-комбинационные и функциональные свойства проявляются не в стихии языка вообще, а в пределах специального метаязыка.

Литература

Ахманова, О.С. (2004) Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стереотип. М.

Будагов, Р.А. (1974) Терминология и семиотика // Человек и его язык. МГУ.

Гвишиани, Н.Б. (1984) Категории и понятия языкознания как предмет методологического исследования: Дис. ... д-ра филол. наук. Москва.
Даниленко, В.П. – Скворцов Л.И. (1981) Лингвистические проблемы упорядочения научно-технической терминологии // Вопросы языкознания. № 1.
Иванов, А.В. (2004) Метаязык фонетики и метрики. Архангельск.
Куликова, И.С. – Салмина, Д.В. (2002) Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии) Санкт-Петербург.
Кутина, Л.Л. (1970) Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. Москва.
Лейчик, В.М. (1989) Предмет, методы и структура терминоведения: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Москва.
Лейчик, В.М. – Бесекирса Л. (1998) Терминоведение, предмет, методы, структура. Белосток.
Лингвистический энциклопедический словарь. (1990) Москва.
Никитина, С.Е. (1987) Семантический анализ языка науки. На материале лингвистики. Москва.
Потапова, Р.К. (2001) Речь: коммуникация, информация, кибернетика. Москва.
Реформатский, А.А. (1963) О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. Москва.
Суперанская, А.В. – Подольская, Н.В. – Васильева, Н.В. (1989) Общая терминология: Вопросы теории. Москва.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 53-60
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.53

Гульзада Гадульяновна Багаутдинова
(Йошкар-Ола, Россия)

СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ И. А. ГОНЧАРОВА («СЧАСТЛИВАЯ ОШИБКА», «ПЕПИНЬЕРКА»)

Abstract: In Goncharov studies the statement about a special role of the comic effect in the writer's artistic system is universally recognized. The research in this field of poetics deals with J.A. Goncharov's novels. The article reveals the means of comic effect creation in small prose of the writer.

Keywords: small prose, comic effect, linguistic means, literary method

Бесспорно важной в гончароведении является мысль об особой роли комического в художественном мире писателя. Предприняты научные изыскания в изучении романной поэтики Гончарова (например, Балакшина, Гуськов, Отрадин). Малая проза писателя, за редкими исключениями (Багаутдинова, Гродецкая, Ермолаева), обойдена вниманием исследователей. Сложность в изучении природы комического состоит в том, что до сих пор нет универсального и исчерпывающего определения комического. Кроме того, существует множество определений видов комического (юмора, иронии, сатиры и др.), отличительные признаки которых также четко не выявлены. К сожалению, многие исследования лишь констатируют комическое, не отвечая на вопрос, каков его механизм создания, каков художественный путь формирования комического. Цель статьи – обозначить некоторые средства создания комического в ранней прозе И.А.Гончарова: «Счастливая ошибка (1839), «Пепиньерка» (1842).

Под «комическим» в современном отечественном литературоведении понимается (в широком смысле) – «вызывающее смех» (Кормилов 2001:384). Способы создания комического разнообразны, но так или иначе они служат созданию явлений, отклоняющихся от общепринятой нормы, в результате чего возникает, как минимум, два содержательных плана: «от исходной точки совершается внезапный переход к конечному результату, резко отличающемуся от этой исходной точки» (Санников 1999: 22).

В «Счастливой ошибке» выявляются следующие приемы, создающие комическое:

1. Эффект недоразумения (Дземидок). Причиной недоразумений может послужить непонимание героем сущности услышанного, увиденного, истинных причин происходящего: он дает свое толкование событий, как правило, резко расходящееся с истинным положением вещей. Например, в «Счастливой ошибке» такой прием недоразумения становится сюжетообразующим: новеллистическая коллизия разрешается за счет

ошибки кучера, который привез Адуева вместо бала в Коммерческом клубе на бал к неаполитанскому посланнику. Вот как объясняет кучер мотивы своей ошибки: «У того дома всегда видимо-невидимо карет стоит, а в окошках огни горят, когда ни проедешь. Я и смекнул, что, должно быть, там» (Гончаров 1997: I, 101)[1].

Эффект недоразумения может иметь «ретроспективный характер», то есть вызывать смех лишь с момента раскрытия недоразумения: «В дверях ему попался тот же старик и опять обратился к нему с учтивым вопросом, отчего он не танцует. (…) – Что он пристает ко мне? – пробормотал Егор Петрович, отходя прочь, – верно, я понравился ему. Да нет, вон, он и за другими ухаживает. Так…добрый человек. Ведь есть этакие старики, что ко всякому лезут. Чудак должен быть; уж не помешанный ли? в публичных местах иногда являются такие. Надо спросить, кто это такой» (I, 92-93). Комизм создается за счет узнавания: «помешанный» старик, пристававший к нему, был сам хозяин, неаполитанский посланник.

2. Деформация – изменение формы явлений и характеров (Дземидок)**.** Деформация фактов и явлений обладает разнообразными формами проявления. Преувеличение дает возможность писателю глубоко охарактеризовать изображаемый тип. Например: «…зимой в сумерки совершается важный, а для некоторых наиважнейший, процесс нашей жизни – обед; у первых он состоит в наполнении, у вторых в переполнении желудков и нагревании черепов искусственными парами - сообразите следствие этих двух последних обстоятельств» (I, 66). Комический эффект усиливается за счет использования в данном отрывке таких языковых средств, как параллелизм и градация.

Преувеличение как один из приемов деформации явлений может иметь отношение и к внешнему виду (лицо, фигура, одежда), поведению (манера разговаривать, действия, жесты, мимика), ситуации и характерным признакам. Это же мы можем наблюдать и в тексте: «Вообразите огромную лысину, которая по бокам вооружена двумя хохолками редких, седых стоячих волос, очень похожими на обгоревший кустарник; вскоре после лысины следовал нос: то был конус значительной величины, в который упиралась верхняя губа, помещенная у самого его основания, а нижняя, не находя преграды, уходила далеко вперед, оставляя рот отворенным настежь; по бокам носа и рта бежали две глубокие морщины и терялись в бесчисленных складках под глазами. Сверх того, все лицо было испещрено самыми затейливыми арабесками. Таков был действительный тайный советник барон Карл Осипович Нейлейн, владелец этого дома» (I, 68).

3. Неожиданность – прием комического, внезапно проявляющийся в любой точке сюжетной линии и не связанный с нормальными ситуациями

[1] Далее цитирую по этому изданию.

(с той или иной точки зрения) (Дземидок). Данный прием связан как с явлениями, событиями, одеждой, поведением, действиями и взаимоотношениями героев, так и с речевыми средствами. Например: «Любя сильно, страстно, он думал, что женщина должна совершенно посвятить себя ему одному, так, как он посвящал себя ей; не расточать знаков внимательности и нежности другим, а приносить их, как драгоценные дары, в сокровищницу любви; не знать удовольствия, которое не относилось бы к нему, считать его горе своим и проч. … Сущий варвар! – скажут читательницы…» (I, 80). Комический эффект возникает из-за взаимопересечения гендерно-антитетических точек зрения: внутренний монолог Адуева неожиданно прерывает несобственно-прямая речь автора, включающая женскую точку зрения. Полученный эффект усиливает и употребление слова «варвар» в данном контексте, так как его значение не соответствует тем понятиям, о которых рассуждает Адуев. Таким образом, происходит расхождение плана содержания и плана выражения, что и создает комический эффект.

Или: «Все бытописатели, которым приходилось писать о бале, не забывали никогда упомянуть о самом ничтожном и само собою разумеющемся обстоятельстве, что подъезд и окна бывают ярко освещены, а улицы перед домами заперты экипажами. Да разве может обойтись без этого хоть один съезд порядочных людей?» (I, 89) Слова «ничтожное» и «само собой разумеющееся» являются однородными в предложении, хотя абсолютно различны по своей семантике. Комизм, создаваемый употреблением определенных лексических единиц, тесно связан с изменением обычных стилистических условий функционирования слов. Слова, относящиеся к различным функциональным стилям (научному, художественному, официально-деловому, обиходно-разговорному и т. д.), употребляясь в совершенно «чуждой» среде, превращаются в источник юмористического или сатирического смеха, то есть этот прием можно выделить как некий подвид приема неожиданности, так как лексика одного стиля совершенно неожиданно проявляется в ином стиле текста. Например: «Кажется, так, mesdames, эта добродетель вашего милого пола – окружать себя толпою праздных молодых людей и – из жалости к их бездействию – задавать им различные занятия. Это, как называл их опять тот же Адуев (он иногда страдал желчью), род подписчиков на внимание избранной женщины: подписавшиеся платят трудом, беготней, суматохой и получают взамен робкие, чувствительные, пламенные, страстные взоры, хотя, конечно, искусственные, но нисколько не уступающие своею добротою природным» (I, 71). Изменений в грамматическом построении при этом не наблюдается, формально-грамматические связи между словами остаются неизменными. Нарушение связи имеет место в структуре содержания, так как в образную ткань художественного произведения автор привносит

такие выражения, как «род подписчиков», «подписавшиеся платят трудом», «получают взамен», когда речь идет о чувствах.

4. Несоответствие (Дземидок). Одним из основных приемов комического является связь совершенно противоположных, различных, разнородных явлений. В художественном языке несоответствие может проявляться в различных формах. Наиболее часто встречается несоответствие формы содержанию, несоответствия нрава действующего лица его внешним чертам. Например: «Ну вот, я теперь и спокоен! – говорил он, судорожно отрывая одной рукой пуговицу у сюртука, а другой царапая чуть не до крови ухо, – совершенно спокоен!» (I, 88).

5. Нарушение логических норм (Дземидок). Для выражения комического автор использует и такой прием, как алогичность вывода, нахождение каких-то причинно-следственных связей между предметами, которые такими связями не обладают. Например: «Елена Карловна была мила и любезна. Егор Петрович любезен и мил: мудрено ли, что судьба свела их в маленькой зале? кому же после того и сходиться, как не им? Ужели старому барону с женой?.. фи! как это можно! Они сами чувствовали все неприличие, всю гнусность такого поведения и оставались каждый на своей половине, а если сходились, то только за обедом, да при гостях, и то в приличном друг от друга расстоянии, как следует благоразумным и степенным супругам» (I, 72).

Таким образом, художественные приемы обладают широкими возможностями формирования комического эффекта. Они могут быть связаны с сюжетом произведения, характерами явлений и образов, могут порождаться их поведением и действиями, ситуацией, комизм могут создавать одежда героя и детали обычных предметов. Нередко в пределах одного предложения или абзаца автор совмещает различные приемы, усиливая полученный эффект.

Исследование языковых средств в создании комического в произведениях Гончарова может быть достаточно эффективным, так как языковая игра – это некоторая языковая неправильность, осознаваемая субъектом высказывания (автором) и намеренно им допускаемая (Санников). Словесная форма комического позволяет говорить о неслучайном, целенаправленном, закономерном, а следовательно, об объективном проявлении комического в творчестве писателя.

В «Пепиньерке» можно выделить следующие языковые способы создания комического:

1. Повтор как стилистическая фигура усиливает выразительность художественного произведения. Большими возможностями обладают повторы и в создании комического эффекта. Это становится возможным в

тех случаях, когда повтор слова, словосочетания, предложения используется неожиданно. Уже в самом начале произведения Гончаров использует данный прием, нарочито часто употребляя одни и те же слова, стремясь подчеркнуть их важность: «Итак, пепиньерка есть девица – и не может быть недевицей, так точно и недевица не может быть пепиньеркой. Это неопровержимая истина. По крйней мере, если б по какому-нибудь случаю между пепиньерками вкралась недевица, то это была бы такая контрабанда, на которую нет ни в одном таможенном уставе довольно строгого постановления» (I, 514). В данном фрагменте текста повтор опирается на антитезу и гиперболу, взаимопроникновение этих приемов вызывают улыбку у читателя.

В «Пепиньерке» повтор создается различными языковыми средствами:

а) синтаксический повтор: у светской девушки «вся чернильница с наперсток и в ней капля чернил… У пепиньерки, напротив, чернил в-волю: казенные - капай сколько хочешь… (I, 515);

б) тематический повтор. «Тайна?» - спрашивает одна. «Тайна! – отвечает та, – только, ради Бога, никому на свете... это такая, такая тайна... ах, какая тайна!» (I, 528). Спустя некоторое время: «Между тем тайна пепиньерки отправляется далее. Подруга ее, через час после того, встречается с своею избранною подругою и шепчет: «Лиза, Лиза!» или «Annette, Annette!» – и делает известный знак. «Тайна?» – «Тайна! Только, ради Бога, никому на свете, никому, никому...». Тут опять следует известная формула клятвы, а потом и тайна» (I, 529). Автор не дает прямой оценки, но мы чувствуем скрытую иронию, потому что тайна в данном контексте не является «тайной» в прямом смысле слова, то есть явлением, который хочется спрятать, скрыть, утаить от окружающих: возникает противоречие между истинным определением предмета и его воплощением в действительной ситуации, что и создает комическое.

2. Псевдовопросы. Текст «Пепиньерки» пронизан авторскими ремарками, выражающими его отношение к изображаемому. Это происходит благодаря своеобразным авторским вопросам, или псевдовопросам: многие вопросы (недоуменные, риторические и т.д.) не являются вопросами как таковыми, потому что не содержат компонента «незнания» и поэтому не требуют ответа: «…дружба корпуса пепиньерок держится на взаимных тайнах, а что за тайны без любви? Неужели можно назвать тайною, когда побранят начальство, передразнят классную даму, не послушаются инспектрисы?» (I, 516). Или: «Она только что дочитала до того места, где герой обманул героиню: как же уснуть, не узнавши, что из этого будет?» (I, 518). Такие «псевдовопросы» рассчитаны на комический эффект, так как в повествовании они появляются неожиданно, образуя эффект обманутого ожидания: наблюдается контраст между ожиданиями субъекта (основанными на его жизненном опыте) и конечной реализацией. Явление, кажущееся естественным для

автора, в сознании пепиньерки выглядит как абсурд или ошибка: «Вот-вот шаги... ах нет: это не торопливые шаги блаженного; это какая-то тяжелая, ровная походка. Может ли блаженный ходить тяжело и ровно?» (I, 524).

3. Вызывают интерес разнообразные речевые приемы комического, основанные на индивидуальном использовании словообразовательных возможностей языка: «Я знал блаженных, которые так проворно любили, что, перелюбив всех раза по два, возвращались по порядку к первым любвям в третий раз» (I, 529). Созданию комического эффекта служит противопоставление общелитературного слова и индивидуального, создаваемое посредством обыгрывания отсутствия родительного падежа множественного числа в парадигме слова «любовь». Такое отступление от морфологических норм языка, безусловно, осознается автором и намеренно используется для создания комического эффекта.

4. Сравнения**.** Известно, что слова сами по себе, употребленные вне контекста, редко бывают смешными; фраза же, сочетания слов открывают широкие возможности для сравнения различных предметов, явлений, качеств, особенностей. Неожиданные сравнения придают тексту комическую окраску: «И так далее секрет переходит к третьей, перебывает, *как ходячая монета*, у всех в кармане, потом передается в сдачу, тоже при размене важной тайны, и блаженному. И вот через две недели ее знают все пепиньерки и блаженные» (I, 529).

5. Метонимия**.** Наряду с сравнением, Гончаров прибегает к метонимии, которая создает большие возможности для комического обыгрывания ситуаций: «Костюм пепиньерки прост: *белая пелерина, белые рукава* и платье серого цвета. Может быть, есть на свете пепиньерки и других цветов, но я их и знать не хочу» (I, 514). Или: «*Окна* у инспектрисы уж освещены. *Ухо* пепиньерки постоянно дежурит у дверей комнаты, мимо которой проходят гости» (I, 524).

6. Контраст, создающий прием несоответствия, а комическое отражает противоречие действительности: «Как несносно кажется тогда дежурство пепиньерке! Как она сердится на девиц, щиплет, толкает их. Зато как ласкова к инспектрисе, у которой назначен вечер. «Душка! ангел! Ах, какой ангел!» – говорит она, встречая ее в коридоре и целуя у ней с неистовством руку» (I, 524).

7. Цитация (Походня). Важным средством создания комического в произведениях Гончарова является цитата. Цитация понимается широко: включая в себя понятия «аллюзии», «реминисценции» и пр. Текст «Пепиньерки» наполнен пушкинскими цитатами и реминисценциями, как известно, Гончаров глубоко почитал и уважал А.С. Пушкина. Функция цитат может быть различна, применительно к «Пепиньерке» она нередко имеет комическую направленность. Взятые из определенного, широко известного контекста, в котором они являются свободными сочетаниями слов, цитаты, попадая в иной контекст, выступают как устойчивые,

неделимые единицы, сохраняя при этом экспрессию того произведения, в котором первоначально использовались в качестве «своего», а не чужого слова, – все это создает двуплановость восприятия, соотнесенность данного текста и его литературного предшественника. Комизм создается контрастностью соотносимых текстов. Помещенные в несвойственное им словесное окружение, цитаты сами претерпевают изменение и влияют на весь контекст, сообщая ему комический характер: «Блаженный, которому подгажено, замечая перемену в предмете, часто не догадывается о причине. Тогда он принимает на себя вид отчаянного и так, ни с того ни с сего, при каждой встрече твердит пепиньерке:

Кто сердцу юной девы скажет:

Люби одно, не изменись? и т. п.…» (I, 528-529).

Данная фраза является цитатой из поэмы «Цыгане» А.С. Пушкина и представлена в комическом освещении: лирико-романтический пафос отрывка, в отличие от поэмы Пушкина, снижается, так как он не передает настоящего переживания «блаженного».

Кроме того, в «Пепиньерке» дается отсылка к древнегреческому философу-кинику Диогену Синопскому (ум. ок. 323 до н. э.) (I, 817) в эпизоде ужина институток: «Как привлекательна их простая трапеза! Она напоминает мне вечернюю трапезу студенческих годов: так же нет излишних и обременительных украшений, например скатертей, салфеток, отчасти вилок и ножей. Да на что скатерть, салфетка, когда казна дает коленкоровый рукав? Зачем вилки и ножи, когда природа снабдила прекрасными, маленькими и тоненькими пальчиками, очень удобно заменяющими эти орудия? Не так ли думал Диоген? а ведь он был мудрец» (I, 517). По мнению составителей примечаний к академическому изданию сочинений Гончарова, отсылку к Диогену может объяснить следующее свидетельство: «Увидев однажды, как мальчик пил воду из горсти, он (Диоген – Г.Б.) выбросил из сумы свою чашку, промолвив: «Мальчик превзошел меня простотой жизни». Он выбросил и миску, когда увидел мальчика, который, разбив свою плошку, ел чечевичную похлебку из куска выеденного хлеба» (I, 817). В «очерке» Гончарова, в отличие от первоисточника, создается комическая ситуация, для возникновения которой используется прием несоответствия: столовые принадлежности названы «обременительными предметами», тогда как в действительности они должны способствовать облегчению приема пищи. Но, возможно, автор иронизирует в данной ситуации, так как в мемуарах отмечена непритязательность еды воспитанниц института (Белоусов).

Таким образом, в «Пепиньерке» И.А.Гончарова используются различные языковые способы создания комического: изобразительно-выразительные средства; псевдовопросы; контраст; цитата и пр. Какова их функция, еще предстоит выяснить, но специфика комического у Гончарова такова, что зачастую трудно провести грань между тем или

иным видом комического: будь то юмор, ирония или сатира. Благодаря комическому, автору удается создать, несмотря на незамысловатое описание, усложненную художественную картину мира.

Литература

Багаутдинова, Г.Г. (2008) Комическое как средство выражения авторской позиции в «Слугах старого века» И.А.Гончарова // И.А.Гончаров. Материалы Международной научной конф-ции, посвященной 195-летию со дня рождения И.А.Гончарова. Ульяновск. С.253-260.

Балакшина, Ю.В. (1999) Комическое в романе И.А.Гончарова «Обыкновенная история» (Юмор как эстетическая доминанта художественного целого). Автореф. дисс. … к.филол.н. СПб., 18 с.

Белоусов, А.Ф. (1990) Институтка в русской литературе // Тыняновский сборник: Четвертые тыняновские чтения. Рига. С.77-96.

Гончаров, И.А. (1997) ПСС и писем: В 20 т. Т.I. СПб.

Гродецкая, А.Г. (2008) Автоирония у Гончарова // Sub specie tolerantiae. Памяти Туниманова. СПб., С.532-544.

Гуськов, С.Н. (2008) Невидимый миру смех // И.А.Гончаров. Мат-лы Международной научной конф-ции, посвященной 195-летию со дня рождения И.А.Гончарова. Ульяновск. С.261-266.

Дземидок, Б. (1974) О комическом. Москва.

Ермолаева, Н.Л. (2011) Эпическое мышление И.А.Гончарова: Монография. Иваново. 324 с.

Кормилов, С.И. (2001) Комическое // Лит-ная энциклопедия терминов и понятий. Москва. 1600 стб.

Отрадин, М.В. (1992) «Трудная работа объективирования» (Юмор в романе И.А.Гончарова «Обломов») // От Пушкина до Белого: Сб.науч.статей. СПбГУ. Спб., С.80-100.

Походня, С.И. (1980) Языковые виды и средства реализации иронии. Киев. 264 с.

Санников, В.З. (1999) Русский язык в зеркале языковой игры. Москва. 544с.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 61-73
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.61

Елена Владимировна Баканова
(Ульяновск, Россия)

БИБЛИЯ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ: КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ» В СИНОДАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ

Abstract: The article is concerned with the problem of the study of the text of the Bible as one of the fundamental sources of formation of the Russian conceptual sphere. The Synodal Translation played an important role in the development of the Russian linguistic picture of the world. The article suggests an original philological interpretation of The Synodal Translation. The author is focused on the analysis of the concept of Family in the Russian Synodal Bible looked upon from the point of view of language conceptology. The article is aimed at such audience as specialists in the sphere linguistics and linguadidactics.

Keywords: the Bible, The Synodal Translation, concept of Family, symbolical value.

Формирование языковой картины мира, национальной концептосферы обусловлено целым рядом исторических, культурных, экономических, социальных и других факторов. Концептосфера древнерусской народности, прошедшей трудную историю становления своей государственности и национального самоопределения, складывалась из противоположных культур язычества и православия. Библия с её идеей монотеизма, чуждой язычеству, тем не менее оказалась близкой русскому народу, всегда стремившемуся к любви и добру, поискам истины и справедливости. Главная идея Библии – идея всемогущей силы и безграничной власти Бога-Творца, который «есть любовь» и олицетворение добра и света, – органично слилась с русским сознанием.

Значение Библии для человечества в том, что текст её отражает фрагмент древнего мира и потому может служить источником сведений о сложившихся к моменту Рождества Христова концептах как исходной точке современных знаний. Предполагаем, что этот текст как закрытая система обещает дать достаточно объективную картину. Н.М. Орлова характеризует библейскую прецедентность как «кросскультурную универсалию», отчётливым признаком чего называет «межъязыковой характер ключевых концептов и когнитивных линий» (Орлова 2010: 13).

В аспекте изучения русской концептосферы интересно прежде всего исследование Синодального текста Библии. В русской светской культуре Синодальный перевод занимает определённое место среди самостоятельных произведений словесного искусства с собственной системой образов и языковых средств и к настоящему времени уже сам

стал прецедентным текстом. Поэтому проблема интерпретации Синодального перевода Библии сегодня не просто остаётся актуальной, а приобретает особое звучание: современный читатель теряет смыслы, лежавшие для древних авторов на поверхности, либо в одном и том же феномене видит иные смыслы, разные их объёмы или степень глубины либо разные оттенки и коннотации; кроме того, отдельные слова в определённых текстах имеют символическое значение, многие тексты полностью написаны языком символов. Следствием этого является ошибочное или неправильное толкование библейских текстов сегодня, о чём мы неоднократно писали ранее (Баканова 2011 и др.). О «неполном, частичном совпадении основных когнитивных линий, их скажении, привнесении», о «сдвигах в смысловой структуре концептов библейского истока» пишет и Н.М. Орлова (Орлова 2010: 12). Библия как гипертекст образует сложную структуру смыслов, складывающуюся из многослойных текстов, объединённых ключевыми концептами, образами, символами. Семантическое пространство текста Библии многогранно и многомерно.

Цель настоящей статьи – поделиться некоторыми результатами осмысления концепта Семья в Синодальном переводе. Написание Библии растянулось на века, а потому термины родства позволяют проследить историю становления и развития семейных отношений в еврейской и греческой культурах.

Реализация концепта «семья» в Библии осуществляется на пересечении с такими библейскими концептами, названными нами основополагающими, как Время, Вера, Добро / Зло, Любовь и др., поскольку на примере конкретных семей в Библии показаны движение человечества во времени, формирование отношений человека с Богом, история развития цивилизации и становления всех систем ценностей, в том числе семейных.

На лексическом уровне концепт Семья в гипертексте Библии вербализуется соответствующими лексемами: это слова *сын – сыновья / сыны* (‘дети’, ‘потомки’) 4428, *дом* 1916, *отец – отцы* (‘родители’, ‘предки’) 1350, *брат* 941, *жена* 685, *дочь / дщерь* 541, *муж* 425, *дети* 380, *колено* (‘потомство’) 359; *мать / матерь* 308, *племя* (‘потомство’) 241, *род* (‘потомство’ ‘поколение’) 192, *поколение* 168, *сестра* 126, *семя* (‘потомство’) 95, *семейство* 85, *вдова / вдовица* 76 / 10, *потомство* 54, *потомок* 39, *дитя* 38, *отрок* (‘сын’) 28, *жених* 27, *родители* 26, *невеста* 21, *тесть* 20, *невестка* 19, *семья* 17, *дядя* 17, *свекровь* 12, *внук* 12, *домашние* (‘члены семьи’) 11, *брак* 11, *отроковица* (‘дочь’) 11, *домочадцы* 7, *старики* (‘старшие родственники’, ‘предки’) 3, *праотец* 3, *тётка* 3, *свёкр* 3, *племянник* 2, *бракосочетание* 1, *прародители* 1, *тёща* 1 – и словосочетаниями *брат/сестра отца, брат/сестра матери; жена брата, жена сына; дочь сына, дочь дочери* и др.

Как видим, собственно «семья» в Синодальном тексте почти не встречается – всего 17 употреблений словоформ почти на 1500 страницах текста. Однако формирование именно этого концепта последовательно просматривается в тексте через систему его репрезентантов, а на парадигматическом уровне через тематические группы и следующие синонимические ряды: 1) *семья, дом, семейство, домашние, домочадцы*; 2) *отцы, родители, старики, праотцы, прародители*; 3) *сыновья, дети, потомки, потомство, колено*; 4) *колено, племя, род, семя, потомство* – соответственно с доминантами *семья, родители, дети, потомство*.

То есть «семья», с одной стороны, понимается как ценностно важное образование для каждой личности, отдельного человека – все те, кто окружает тебя в твоём доме, а также сам этот дом как надёжная защита его обитателей. В этом смысле концепт Семья в Библии складывается из когнитивных слоёв, которые условно можно обозначить как «родители и дети», «муж и жена», внутри которых в свою очередь можно выделить смысловые сегменты «отношения в семье», «воспитание», «отец и сын», «любовь в семье» и другие.

Но «семья», по Библии, – это также и целый род, племя, «семя», несколько поколений родственников, «колен», а в ветхозаветной традиции – целый народ и его Отец – Бог. Показательно, что соответствующие лексемы-номинанты этого сегмента смысла *колено, род, племя, потомки, потомство* в подавляющем большинстве употребляются именно в еврейских текстах (Цыганков 2010).

На греческой почве в свете переосмысления идей народа Израиль многоярусность смыслов концепта, на наш взгляд, нашла выражение в целом ряде лексем, объединяющих в составе семемы разные компоненты смысла, которые, в свою очередь, могут повторяться в семантической структуре других слов. Например: οικία – «1) дом; 2) семья, семейство; домочадцы»; οικίακός – «1) домочадец; 2) родственник»; οικείος – «1) член семьи, родственник; 2) домочадец; *мн.ч.* домашние (*о родственниках или слугах и рабах*)»; γένος – «1) род; 2) семья, родня; 3) племя, народ; 4) потомки, потомство; 5) род, класс, разновидность, разряд»; οικος – «1) дом; (…); 2) семья, семейство; домочадцы; 3) народ; 4) храм, святилище»; οικητήριον – «жилище, дом»; αυλή – «1) двор; 2) (внешний) двор (*Храма*); 3) дворец, царский двор; 4) дом, жилище; 5) загон (*для овец*)» (Кузнецова 2008).

В русском же переводе основные компоненты смысла объединяются этимологически, внутренней формой ключевых слов: сын – ‘рождённый, плод’; народ, племя – ‘рождённое’; род – ‘то, что выросло’; семя – ‘потомок, род’; потомок – ‘рождённый после’; жена – ‘родная’; сестра – ‘женщина из своей семьи’ (Шанский 1994).

Когнитивный сегмент «отцы и дети» в библейских текстах осмысляется очень глубоко, в общечеловеческом и сакральном аспектах, – причём в обоих случаях на основе заповедей Бога: «***Дети, повинуйтесь***

***своим родителям в Господе**, ибо сего требует справедливость. «Почитай отца твоего и мать», это – первая заповедь с обетованием: «Да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле». И вы, **отцы**, не раздражайте **детей ваших**, но **воспитывайте** их **в учении и наставлении Господнем**»* (Еф. 6: 1-4).

Осмысление когнитивного слоя «отцы и дети» в сакральном аспекте выявляет пересечение концептосфер Семья и Любовь, Вера, Надежда. Причём это не только и не столько лежащие на поверхности связи, которые можно вербально облечь в высказывание, что всякая семья должна жить в Любви и согласии по законам Бога, соблюдая его заповеди, храня Веру в него, и только такая семья угодна Богу и потому имеет Надежду на спасение и жизнь вечную.

Корни этой связи гораздо глубже, и они обращают нас к истокам: Бог создал человека, мужа и жену, а значит, и само понятие «семья», создал «по образу и подобию своему», замыслив «наполнить землю» (Быт. 1); поэтому по существу все люди – дети одного единого Отца: «*Один Бог и **Отец всех**, Который над всеми, и чрез всех, и во всех нас*» (Еф. 4: 6). Однако уже первые люди нарушили единственный запрет Творца и тем самым отступились от него, что коренным образом изменило ход дальнейшей истории (Быт. 3): унаследовавшее первородный грех человечество настолько быстро «увязло» в своих грехах, что «*(...) **раскаялся Господь, что создал человека на земле**, и восскорбел в сердце Своем*» (Быт. 6: 6) и послал потоп на землю (Быт. 7: 11-24), сохранив жизнь лишь праведному Ною и членам его семьи.

Среди потомков Ноя (колена Авраама) Бог избрал свой *народ*: «*И Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое; и будешь ты в благословение*» (Быт. 12: 2), стал для него любящим и справедливым Отцом, «наполнил» им землю: «*В семидесяти душах пришли отцы твои в Египет, а ныне Господь, Бог твой, сделал тебя многочисленным, как звезды небесные*» (Втор. 10: 22), «*Ибо **часть Господа народ Его***» (Втор. 32: 9). По существу избранный Богом народ – это его семья, поэтому так ревностно следит «Отец всех» за чистотой внутри этой семьи, чистотой нравов и помыслов; создаёт для своего народа законы и заповеди; помогает ему во всём, оберегает от нападок злого, одновременно заботливо следя за исполнением верности Завету и остерегая от греха: «*Слушай и исполняй все слова сии, которые заповедую тебе, **дабы хорошо было тебе и детям твоим после тебя вовек**, если будешь делать доброе и угодное пред очами Господа, Бога твоего*» (Втор. 12: 28).

Но и «избранный» ещё не значит «совершенный» – о греховной сути своих соплеменников очень выразительно и одновременно с большой болью говорит один из первых еврейских пророков и первый библейский автор Моисей в своей Песне (Втор. 32: 1-43): «***Польется, как дождь, учение мое**, как роса, речь моя, как мелкий дождь, на зелень, как ливень*

на траву. (…) Но они развратились пред Ним, они ***не дети Его по своим порокам****, род строптивый и развращенный. Сие ли воздаете вы Господу, народ глупый и несмысленный? Не* ***Он*** *ли* ***Отец твой****, Который усвоил тебя, создал тебя и устроил тебя?*» (Втор. 32: 2, 5, 6 и далее).

Любящий и заботливый Отец, Бог не перестаёт любить своих несовершенных, грешных и потому несчастных детей: он не только даёт им Своё Слово, он посылает им надёжных наставников – пророков, через которых даёт обетование, надежду на спасение через искупительную жертву грядущего Мессии. Чтобы спасти всех своих детей, любящий Отец послал на землю Христа. Христос, самый любимый Сын Бога, принёс людям знание: «*Верьте Мне, что* ***Я в Отце, и Отец во Мне****. (…) В тот день узнаете вы, что я в Отце Моем,* ***и вы во Мне, и Я в вас****. Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим, и Я возлюблю Его и явлюсь ему Сам*» (Ин. 14: 11, 20, 21), «***Я и Отец – одно***» (Ин. 10: 30); заключил с ними новый завет: «*Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга*» (Ин. 13: 34 и др.), воспитал своих учеников и последователей, открыл им великую тайну будущего: «***Воля же Пославшего Меня Отца*** *есть та, чтобы из того, что Он Мне дал, ничего не погубить, но все то воскресить в последний день; Воля Пославшего Меня есть та,* ***чтобы всякий****, видящий Сына и верующий в Него,* ***имел жизнь вечную****; и Я воскрешу его в последний день*» (Ин. 6: 39, 40).

Все тексты Ветхого Завета, собственно, суть наставления в верном поведении и образе жизни в ожидании прихода Спасителя. Поэтому так понятны становятся обращённые к народу слова Иисуса, означающие отнюдь не отречение от своей земной семьи, а лишь преданность Отцу небесному, который одновременно и «Отец всех»: «*И указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот матерь Моя и братья Мои; Ибо,* ***кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра и матерь***» (Мф. 12: 49, 50); «*Он сказал им в ответ: матерь Моя и братья Мои суть слушающие слово Божие и исполняющие его*» (Лк. 8: 21). Именно поэтому в одной и той же главе Евангелия от Матфея читаем на первый взгляд противоречивые стихи, в действительности отражающие библейское понимание земной и небесной семьи: «*Почитай отца и мать; и: люби ближнего твоего, как самого себя*» (19: 19) – и «*И всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную*» (19: 29).

Понятие духовного родства, основанного на любви и преданности к Богу, характерно для библейских текстов. Однако не каждый современный читатель всегда адекватно способен воспринять текстовую информацию Синодального перевода. Так, например, в послании Филимону апостол Павел пишет: «*Прошу тебя о* ***сыне*** *моем Онисиме,*

которого ***родил я в узах*** *моих* » (Флм. 1: 10) – речь идёт не о «ребёнке», родившемся в браке [подстрочный перевод, обращение к которому в данном случае только осложняет процесс восприятия]: в современном языке слово «узы» существует только во фразеологически связанном переносном значении ‘(семейные) узы’. В библейском же тексте это слово употреблено в присущем ему тогда прямом значении – ‘цепи, оковы’, что, в свою очередь, проливает свет на метафорическое употребление слов «родил» и «сын». Находясь в оковах, т.е. в *тюрьме*, будучи узником, Павел *приобрел духовного сына,* т.е. ученика, за которого и просит. Последующие стихи этого послания раскрывают смысл стиха Флм. 1: 10, но вырванная из контекста эта фраза может быть понята буквально – искажённо.

Концептосферы Семья и Любовь тесно связаны в библейских текстах – иначе и быть не может: «*Бог есть любовь*» (1 Ин. 4:8). Так, в Евангелиях, с одной стороны, читаем: «*Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное*» (Мф.19: 14), но, с другой, Иисус также знает, что «*(…)никакой пророк не принимается в своем отечестве*» (Лк. 4: 24 и др.); знает своё будущее, свою судьбу, но он не слепой исполнитель воли Бога, а верный, преданный и любящий Сын, а также мыслящая личность с правом выбора, поэтому Иисус идёт на смерть сознательно во имя Любви**,** Любви к Отцу, любви к человечеству, во имя спасения своих духовных братьев и сестёр: «*Ибо* ***любовь Христова объемлет нас*** *(…)*» (2 Кор. 5: 14). Он выполнил до конца своё предназначение на Земле, навеки оставив образец беспримерного служения людям, образец истинной Любви. Интересно, что нигде в библейских текстах о последних днях земной жизни Христа не встречается понятие «подвиг» – не потому ли, что Иисус принял смерть не за абстрактную идею, а за спасение конкретных людей? «*А* ***Христос за всех умер****, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего*» (2 Кор. 5: 15) – воскресший Иисус пред своим вознесением на небо говорит ученикам: «*Сия есть заповедь Моя,* ***да любите друг друга****, как Я возлюбил вас.* ***Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих***» (Ин. 15: 12, 13).

Однако смысл подвига Христа связан также с разрешением спорного вопроса о праве Бога быть «Отцом всех», поставленного сатаной через грехопадение Евы и Адама. Слишком просто жилось бы человечеству, если бы после смерти Христа все грехи были прощены: жертва Иисуса даёт лишь *надежду* на спасение людям, живущим по законам Бога и раскаявшимся в своих грехах, «*Ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что́ он делал, живя в теле, доброе или худое*» (2 Кор. 5: 10). Именно поэтому приход Спасителя означал для каждого самоопределение, на чьей он стороне и по каким законам будет жить; именно поэтому Христос говорит своим ученикам: «*Не думайте, что Я пришел принести мир на*

землю; ***не мир пришел принести Я, но меч****; Ибо Я пришел разделить человека с отцем его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И* ***враги человеку – домашние его****. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня*» (Мф. 10: 34-37, а также Лк. 12: 51; 14: 26); именно в этом контексте, а не буквально следует понимать последний выделенный стих. И в этом же контексте находятся пророчества Иисуса, связанные с будущим, его предвидение разрушения самых тесных связей, какие только существуют, – кровных связей, – которое произойдёт в последние дни перед тем, как будет окончательно разрешён спорный вопрос на земле: «*Предаст же брат брата на смерть, и отец детей; и восстанут дети на родителей, и умертвят их*» (Мк. 13: 12); «***Отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери и дочь против матери****; свекровь против невестки своей, и невестка против свекрови своей*» (Лк. 12: 53) – здесь пересекаются концептосферы Семья и Время.

На наш взгляд, именно духовное единство, верность и преданность внутри единой духовной семьи с единым «Отцом всех» Богом во главе – глубинный смысл концепта Семья в библейском контексте, поскольку одновременно это и залог будущей вечной жизни для каждого из членов этой семьи, а значит, и конечное исполнение изначального замысла Творца (Быт. 1: 27, 28). Такую интерпретацию поддерживает текстуальная информация Нового Завета, в котором понятие «**народ Бога**» обретает новый смысл, – теперь это «***всякий, кто призовет имя Господне***» (Деян. 2: 21; Римл. 10: 13); «*Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и* ***все напоены одним Духом***» (1 Кор. 12: 13); с этим народом теперь заключён новый завет, «*А Израиль, искавший закона праведности, не достиг до закона праведности*» (Римл. 9: 31).

Когнитивный сегмент «муж и жена» также занимает семантические пространства, которые условно можно обозначить «человеческое» и «божье».

В первой библейской книге Бытие читаем, что, создав человека, Творец создал из его ребра жену: «*И сказал Господь Бог:* ***не хорошо быть человеку одному****; сотворим ему* ***помощника, соответственного*** *ему (…) И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она* ***будет называться женою: ибо взята от мужа***» (Быт. 2: 18, 22, 23).

Важный когнитивный смысл имеет каждый элемент текстовой информации: Бог создал не друга, не сестру, а именно *жену*; создал не «из праха земного», как самого Адама (Быт. 2: 7), а именно из его ребра как часть его. Значит, с самого начала в библейском смысле муж и жена представляют собой «соответствие», «одну плоть», нечто целое, что

предполагает полное взаимопонимание и единство действий. Вот почему далее в Бытие появляется так ранящий сердца современных родителей и кажущийся им несправедливым стих: «*Потому* ***оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей****; и будут одна плоть*» (2: 24), – который повторяется также в Евангелиях Матфея (19: 5), Марка (10: 7, 8), в послании апостола Павла Ефесянам (5: 31) и др.; распространённое представление о любящих людях как двух половинках, вероятно, восходит к этим библейским стихам. «***Кто нашел добрую жену, тот нашел благо и получил благодать*** *от Господа*», – пишет мудрый царь Соломон (Притч. 18: 22). Такое понимание взаимоотношений мужа и жены в семье, в общем, неизменно в библейских текстах на протяжении тысячелетий человеческой истории.

В большинстве библейских текстов лексемы *жена* и *муж* употребляются в прямых значениях – соответственно: 1) супруга; 2) женщина и 1) супруг; 2) мужчина. В этом случае лексемы *жена* и *муж* представляют концепт Семья и находятся в его приядерной зоне. Однако в пророческих книгах Библии (а также в некоторых других книгах и отдельных стихах) такие лексемы-репрезентанты концептосферы Семья, как *жена, невеста, жених, муж, брак,* приобретают ещё один совершенно особый и очень важный аспект значения – символический. В этом значении указанные слова встраиваются в семантическое пространство концептов Добра и Зла, названных нами основополагающими (Баканова 2011: 48). В рамках данной статьи рассмотрим символические значения лексем *жена, невеста, жених, муж,* осмысление которых считаем важным для понимания общего идейного содержания Библии.

Приведём наиболее яркие примеры употребления лексем *невеста, жена, жених* в символическом значении – из пророческой книги Откровение Иоанна Богослова, полностью написанной символическим языком. Это, например, такие стихи: «*(…) и я увидел* ***жену, сидящую на звере*** *багряном, преисполненном* ***именами богохульными****, с семью головами и десятью рогами. И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодейства ее; И на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий,* ***мать блудницам и мерзостям земным***» (17: 3-5), «*Здесь ум, имеющий мудрость. Семь голов суть семь гор, на которых сидит жена, (…)* ***Жена*** *же, которую ты видел,* ***есть великий город****, царствующий над земными царями*» (17: 9, 18), «*(…) пал, пал Вавилон,* ***великая блудница****, сделался* ***жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу****, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице; ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы, И цари земные любодействовали с нею, и купцы земные разбогатели от великой роскоши ее. И услышал я иной голос с неба, говорящий: выйди от нее, народ Мой,*

чтобы не участвовать вам в грехах ее и не подвергнуться язвам ее» (18: 2-4), «*И свет светильника уже не появится в тебе; и голоса жениха и невесты не будет уже слышно в тебе; ибо купцы твои были вельможи земли, и волшебством твоим введены в заблуждение все народы*» (18: 23) – а также: «*И я Иоанн увидел* ***святый город Иерусалим****, новый, сходящий от Бога с неба,* ***приготовленный как невеста****, украшенная для мужа своего*» (21: 2), «*И пришел ко мне один из семи Ангелов, у которых было семь чаш, наполненных семью последними язвами, и сказал мне: пойди, я покажу тебе* ***жену, невесту Агнца***» (21: 9), «*Возрадуемся и возвеселимся и воздадим Ему славу; ибо* ***наступил брак Агнца****, и жена Его приготовила себя. И дано было ей облечься в виссон чистый и светлый; виссон же есть праведность святых*» (19: 7, 8). Как видим, две группы стихов Откровения представляют два совершенно разных значения названных лексем, и каждое из них символично.

В первой группе примеров *жена* – не просто «женщина», а «нечистая, развратная женщина, блудница», наделённая автором Откровения эпитетами с яркой отрицательной коннотацией. Автор называет её имя – *«тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным»*. Это символ ложной религии и того царства Зла, которое распространилось по всей земле и о предстоящей гибели которого и предупреждает Ангел Иоанна в его видении. *Жених* блудницы – сатана, символический союз с которым, *брак,* означает грех и преступление, а значит, и соответственное наказание – смерть, ибо « *(…)* ***возмездие за грех – смерть*** *(…)*» (Римл. 6:23).

Царство Зла, сложившееся за всё время человеческой истории, – царство прошлого и настоящего. Подобно тому, как некогда пал могучий, но погрязший в грехе и разврате Вавилон, будет уничтожено и это царство, сбудутся пророчества, записанные в древних библейских текстах: «*И* ***прекращу*** *в городах Иудеи и на улицах Иерусалима голос торжества и голос веселия,* ***голос жениха и голос невесты****; потому что земля эта будет пустынею.(…) Ибо так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: вот, Я прекращу на месте сем в глазах ваших и во дни ваши голос радости и голос веселья, голос жениха и голос невесты*» (Иер. 7: 34; 16: 9 и др.).

Вторая группа приведённых стихов Откровения рисует символический образ жены-невесты, чистой девы, одетой в *«праведность святых»* и вступающей в брак с Агнцем, – это религия истинная, построенная на союзе с Христом, под мудрым руководством любящего Бога. Здесь *брак* означает духовный союз с Христом и Богом, основанный на верности, преданности и чистой любви. Этот символический *брак* будет заключён в будущем, на основе его будет создана новая символическая семья, новый народ Бога, будет построен новый мир: «***Побеждающий наследует все****, и буду ему Богом, и он* ***будет Мне сыном***» (Откр. 21: 7). Картина такого будущего также предсказана многими древними пророками, например:

«*И **обручу тебя Мне навек**, и обручу тебя Мне **в правде** и суде, в благости и милосердии, И обручу тебя Мне в верности, и ты познáешь Господа*» (Ос. 2: 19, 20) и др.

В пророческих (и некоторых других) текстах этого плана на языке символов женщина-невеста называется также Иерусалимом в напоминание о некогда счастливом городе народа Бога, близкое символическое возрождение которого с ликованием утверждает Иоанн Богослов, а также за сотни (и даже тысячи) лет предсказывали древние пророки: «*И буду ходить среди вас, и буду Вашим Богом, а вы будете Моим народом*» (Лев. 26: 12), «*Торжествуйте, пойте вместе развалины Иерусалима; ибо **утешил господь народ Свой, искупил Иерусалим**. (...) Не будут уже называть тебя «оставленным», и землю твою не будут более называть «пустынею», но будут называть тебя: «Мое благоволение к нему», а землю твою – «**замужнею**», ибо Господь благоволит к тебе, и **земля твоя сочетается**. Как юноша сочетается с девою, так сочетаются с тобою сыновья твои; и **как жених радуется о невесте, так будет радоваться о тебе Бог твой***» (Ис. 52: 9; 62: 4, 5) и др.

К Вере в это царство и Надежде на него призывает Слово Бога с древнейших времён через своих пророков: «*Но **будет число сынов Израилевых, как песок морской**, которого нельзя ни измерить, ни исчислить; и там, где говорили им: «Вы не Мой народ», будут говорить им: «**вы сыны Бога живого**»*» (Ос. 1:10); через служение Христа и его Апостолов: «*Ибо я ревную о вас ревностью Божиею, потому что **я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою***» (2 Кор. 11:2).

Таким образом, в символическом аспекте лексемы *жена, невеста, жених, муж* в Библии являются не просто многозначными, но и отражают движение энантиосемии, превращаясь в разных семемах в контрадикторные антонимы.

При этом противоположность значений очень чётко прослеживается не только на парадигматическом (ср.: *блудница, мать мерзостей земных, Вавилон* – соответственно *чистая дева, праведность святых, Иерусалим*), но и на синтагматическом уровнях (ср.: *жена на звере багряном с именами **богохульными**; жена облечена в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, с золотой чашей мерзостей и **нечистоты блудодейства** в руке; цари земные **любодействуют** с женой; **грехи** и язвы жены; голоса жениха и невесты **не слышно*** – соответственно *жена облечена в виссон **чистый** и светлый, **праведность святых**; **невеста для мужа** своего*; ***возрадуемся и возвеселимся браку***).

Символический аспект значения названных лексем в обоих лексико-семантических вариантах, с одной стороны, выводит их за пределы концептосферы Семья и относит соответственно к сферам концептов Зло

и Добро – а, с другой стороны, на глубинных ступеньках смысла показывает пересечение концептосфер Семья и Зло и Добро и показывает необходимость осмысления концепта Семья в идейном контексте гипертекста Библии.

Так, впервые слово *жена* в его главном символическом значении ‘религия, церковь’ появляется уже в первой книге Библии Бытие: «*И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоем, и будешь есть прах во все дни жизни твоей. И* ***вражду положу между тобою и между женою****, и* ***между семенем твоим и между семенем ее****; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту*» (Быт. 3: 14, 15). Такое наказание определил Творец змею, прельстившему первых людей на совершение грехопадения, и это первое пророчество обо всём последующем ходе человеческой истории. Это начало противостояния Добра и Зла, растянувшегося во Времени, конец которого с победоносным «*сокрушением главы змея*» был предсказан древними пророками и показан в Откровении Иоанна Богослова.

Важность значения приведённых стихов в религиозном аспекте отмечает архимандрит Никифор: «В этих немногих, кратких словах заключается главное и великое начало всей нашей религии. Они составляют корень и сущность всех пророчеств и обетований во все последующие времена.(…) Сын Божий и все истинно верующие суть «семя жены»; диавол и все его слуги олицетворяют собою змея и его порождения» (Библейская энциклопедия 2002: 708).

Такое же символическое обобщение православные исследователи Библии усматривают в значениях слов *невеста, возлюбленная, жених, возлюбленный* и в Песни Песней Соломоновых, понимаемой в светской традиции как гимн любви, гимн красоте человеческого тела, написанный высоким поэтическим слогом (Песн.1: 9, 14, 15; 2: 2, 3, 14; 4: 1-5, 7, 9; 5: 10-15; 6: 4, 6, 7, 10). Представленные автономно, стихи Песни Песней на первом, поверхностном уровне воспринимаются современным читателем как поэтическое описание эротических отношений между мужчиной и женщиной: «*Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо* ***ласки твои лучше вина***», «*О, как любезны ласки твои, сестра моя,* ***невеста****; о, как много ласки твои лучше вина, и благовоние мастей твоих лучше всех ароматов*»; «*Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня*», «***Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему****(...)*» (Песн. 1: 1; 4: 10; 2: 6; 6:2). Именно такое понимание лежит в основе интертекстуальных связей Песни Песней с повестью А.И. Куприна «Суламифь».

Однако сразу обращает на себя внимание неоднократное повторение в одном ряду слов *невеста* и *сестра* как синонимов (Песн. 4:9, 11, 12; 5:1, 2), а система параллельных мест, относящая читателя к пророческим

книгам, сигнализирует, что смысл этих библейских стихов не столь однозначен. «*Тайна сия велика; я* ***говорю по отношению ко Христу и к Церкви***», – пишет апостол Павел в параллельном стихе (Эф. 5: 32). Вот что пишет об этом архимандрит Никифор: «Под символом чистой любви, какую выражают друг к другу жених и невеста, П.П. [Песнь песней – Е.Б.] выражает ту высокую любовь, которой Господь Иисус Христос возлюбил Свою Церковь, и то пламенное стремление к соединению с Господом, какое питает всякая истинно верующая и любящая Его душа» (Библейская энциклопедия 2002: 573).

Сравним лишь некоторые параллельные библейские стихи: «*Вся ты прекрасна,* ***возлюбленная*** *моя, и пятна нет на тебе*» (Песн. 4:7) → «*Чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна*» (Еф. 5:27); «***Возлюбленный*** *мой бел и румян, лучше десяти тысяч других*» (Песн. 5:10) → «*Кто это идет от Едома, в червленых ризах от Восора, столько величественный в Своей одежде, выступающий в полноте силы Своей? «Я –* ***изрекающий правду, сильный, чтобы спасать****»*» (Ис. 63:1) и др. Итак, *возлюбленная, невеста* – это «прекрасная», «не имеющая пятен», «святая и непорочная», то есть подлинная, истинная *Церковь,* религия, а *возлюбленный* её – несущий в мир слово правды, истины Спаситель-Христос. Достоверность такого понимания в приведённых параллельных текстах подчёркивают графически прописные буквы в существительном «Церковь» и местоимениях, а в новозаветном стихе – и ближайшее контекстуальное окружение, в котором *жена* и *муж,* употреблённые в прямом значении, прямо сравниваются с церковью и Христом: «*(…) муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела; Но, как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем. Мужья, люби́те своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее*» (Эф. 5: 23-25). Таким образом, любовь в браке должна быть так же духовно чиста, как и любовь и преданность Христа к Церкви, вере в истинного Бога, за которого он отдал свою жизнь, чтобы спасти человечество.

Кроме того, система параллельных мест постепенно подводит читателя к притче о брачном пире (Мтф. 22: 1-14): «*Со мною с Ливана,* ***невеста****! Со мною иди с Ливана! Спеши с вершины Аманы, с вершины Сенира и Ермона, от логовищ львиных, от гор барсовых!*» (Песн. 4:8) → «*Радостью буду радоваться о Господе, возвеселится душа моя о Боге моем;* ***ибо Он облек меня в ризы спасения****, одеждою правды одел меня, как на жениха возложил венец и, как невесту, украсил убранством*» (Ис. 61:10) → «*Итак, пойдите на распутия и* ***всех****, кого найдете,* ***зовите на брачный пир***» (Мтф. 22:9). Апостол Матфей пишет, что Христос начинает притчу прямым сравнением: «***Царство небесное подобно человеку царю****, который сделал брачный пир для сына своего И послал рабов своих звать званных на брачный пир(…)*» (Мтф. 22:2,3), – поэтому

вся притча строится на прямых параллелях между «миром сим», миром земным, человеческим и миром дольним, Царством Отца Небесного, а потому и в этом тексте следует отметить символическое значение лексем – репрезентантов концепта Семья в случае их прямого словоупотребления: *сын* (‘жених’), *царь* (‘отец’), *брачный пир* (‘брак’). *Невеста* на языке символов – истинная религия; её *убранство, брачные одежды* – вера и преданность Отцу, Богу, которая даёт путь к спасению. Спаситель, Сын Божий, Христос (*жених*) несёт в этот мир слово Истины; «всех», «и злых и добрых» сзывает *на брачный пир* – единение с Богом и истинной Церковью. Но только те, кто одет *в брачные одежды – одежду правды, ризу спасения* – то есть преданные и непорочные будут спасены и приняты Богом в будущее Царство Добра, «*Ибо много званных, а мало избранных*» (Мтф. 22:14). Те же, кто *не в брачной одежде,* – грешники и всё воинство сатаны с ним во главе – будут изгнаны «*во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов*» (Мтф. 22:13).

Так символический компонент значения лексем *жена, невеста, жених, муж, брак* выводит их за пределы концептосферы Семья и относит их к сферам концептов Зло / Добро, но в то же время убеждает в невозможности осмысления концепта Семья в отрыве от основной идеи гипертекста Библии.

Таким образом, концепт Семья в Синодальном переводе Библии содержит сложную сферу смыслов, которые раскрываются в общечеловеческом и теологическом аспектах, а также имеет ряд репрезентантов, развивающих символические значения и тем самым связывающих концепт Семья с основополагающими концептами Библии.

Литература

Баканова, Е.В. (2011) Библия как гипертекст: культурно значимые концепты. Ульяновск.

Библейская энциклопедия. (2002) Москва.

Кузнецова, В.Н. (ред.) (2008) Греческо-русский словарь Нового Завета: Пер. краткого греческо-английского словаря Нового Завета Баркли М. Ньюмана. Москва.

Орлова, Н.М. (2010) Библейский текст как прецедентный феномен. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Саратов.

Цыганков, Ю.А. (сост.) (2010) Полная Симфония на канонические книги Священного Писания. Санкт- Петербург.

Шанский, Н.М. – Боброва, Т.А. (1994) Этимологический словарь русского языка. Москва.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 74-79
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.74

Bakonyi István
(Győr, Magyarország)

AZ OROSZ MENTALITÁS EGYKOR ÉS MOST
(Változott-e a szépnem helyzete?)

Abstract: In her book of 100 questions and 100 answers «Какие мы, русские?» (What Are We, Russians Like?) Alla Sergeyeva gives a real account of the XXI century mentality and stereotypes of behaviour. Like women in many other countries of the world Russian women consider taking care of the family hearth the most important in their lives. Their status during history was not enviable at all. One of the urgent problems of today is: why do they often make an effort to choose a foreign husband. Even today friendship and love "in the Russian way", intimacy and sex in Russian people's lives is an inexhaustible topic for discussion. It is important to study how the above concepts are expressed in the language and how they are translated into foreign languages.

Keywords: Russian soul, family hearth, emancipation, discrimination, foreign husband

A közelmúltban szerte a nagyvilágban, hazánkban és Oroszországban is reflektorfénybe került a nők helyzete, sorsuk alakulása a politikában, a munkahelyeken, az üzleti és a magánéletben.

A felmérések szerint Oroszországban a középvezetők közel 90 százalékát – mint ahogyan oroszul is mondják – a **„szépnem"** képviselői teszik ki. A felső vezetőségben (pl. a Dumában) ez az arány már mindössze **8-10 százalék** közötti, a hazai adatok hasonlóak.

A XXI. századi orosz mentalitás és a viselkedési sztereotípiák reális bemutatására vállalkozott **Alla Szergejeva *Какие мы, русские?*** (Milyenek vagyunk mi, oroszok?) című, 100 kérdésre 100 részletes választ adó könyvében. A sokat vitatott **„rejtelmes orosz (női) lélek"** elemzése mellett fontos szerepet kap a nők által ápolt családi tűzhely bemutatása is. A napjainkban egyre gyakrabban emlegetett, rejtelmes, titokzatos orosz női lélek fogalma köztudottan **egyházi eredetű.** A XX. századi orosz filozófusok, költők, írók több oldalról közelítették meg az orosz lélekkel kapcsolatos megfejthetetlen rejtélyeket, melyeket a történelmi körülmények miatt egyre több külföldi újságíró tűzött tollára. A hosszú évtizedekig tartó elszigeteltség következményeképpen a szovjet határokon kívül mindinkább az a szemlélet terjedt el, hogy az orosz lélekhez vezető kulcsot, illetve kódot lehetetlen megtalálni.

Tyutcsev orosz költő sokszor idézett verssorai is azt hangsúlyozzák, hogy Oroszországot ésszel megérteni nem lehet, hinni és bízni kell benne. Ugyanakkor a költőt is több kritika érte, hisz ép ésszel gyakran nem érthetjük a

jó Istent, a gyengébb nem képviselőit, a klasszikus zenét vagy a modern festészet remekeit. A tjutcsevi hit elsősorban az együttérzésre, a teljes átélésre, esetleg empátiára utal, de ez gyakran kevésnek bizonyul.

A korábbi évszázadok, főként a középkor lovagi kultusza, majd a reneszánsz életöröm, a szexuális szabadosság csak részben tükröződik az orosz civilizációban. A nyugat-európai kultúra elsősorban az arisztokrácia köreihez jutott el. A XVIII. század elején a dán király például gratulált Nagy Péter cárnak, hogy **„európaizálódott",** hisz nyilvánosan szeretőt tartott. Utódai, mindenek előtt II., azaz Nagy Katalin az imperátor méltó követője lett.

A XVII. században a feudális világszemlélet alapját a pravoszláv vallási hierarchia elve képezte: a világot Isten kormányozza, az államot az uralkodó, a **családot pedig a férj.** A **Házirend (Domosztroj)** a régi orosz családi életre vonatkozó intelmek gyűjteménye arra tanította a férjet, hogyan kell büntetnie a feleségét: kisebb vétségért korbácsütés járt, nagyobb engedetlenségért a férj már a feleség meztelen hátára mérhette ostorcsapásait.

A háztartáson kívül minden egyéb tevékenység elérhetetlen volt a nők számára. A változás Nagy Péter uralkodásával kezdődött el, aki komoly erőfeszítéseket tett arra vonatkozóan, hogy **a nők** részt vehessenek a nyilvános rendezvényeken, közös mulatságokon. Ezen kívül tervek születtek arról, hogy a nők részt vehessenek az **oktatásban**.

A reformok a XVIII. században folytatódtak. A fiatal házasulandóknak pl. nem kellett, hogy engedelmeskedjenek a szülői akaratnak, mint korábban. 1724-ben erről cári törvény is született. A század második felében kezdett terjedni a **nők házi taníttatása** is.

A XIX. század második felében a radikális egyetemi mozgalmakhoz már nagyon sok nő is csatlakozott. Céljuk az volt, hogy a **felsőoktatás** számukra is elérhető legyen. A század végén a nők helyzete visszaesett a korábbi szintre, s továbbra is elzárkózva, kirekesztve éltek. Ezen az 1917-es forradalom próbált változtatni, a bolsevikok mindent megtettek a nők **emancipációjáért.** 1917 után minden 20 év feletti férfi és nő titkos és egyenlő szavazati jogot kapott. A siker azonban nem volt tartós.

Az 1920-as években az állam egyértelműen arra biztatta a nőket, hogy vegyenek részt a termelésben, az iparban és a mezőgazdaságban is. Ugyanakkor az állam azt is megkövetelte a nőktől, hogy álljanak helyt **anyaként és feleségként** is. Az 1926-os törvényben az élettársi közösségben élők ugyanolyan jogokat kaptak, mint a házastársak. A **válásnál** elég volt, ha az egyik fél kérvényezte, a másik fél beleegyezésére sem volt szükség, őt levélben értesítették. Ezenkívül bevezették a törvényes és **ingyenes abortuszt.** Így a Szovjetunió lett a világ első olyan országa, ahol elfogadott volt a terhesség-megszakítás.

Az **1930-as években** nagy változások következtek be a nők társadalmi szerepvállalásában. Növelni kellett a lakosságszámot, hiszen az éhínségek és az erőszakos kollektivizálás számos áldozatot követelt. A nőkre hirtelen **anyaként lett** szükség, s arra biztatták őket, hogy minél több gyermeket szüljenek. A

média felhívta a nők figyelmét arra, hogy legyenek **nőiesebbek**. Propagálták a korábbi „burzsoá luxust” (manikűrkészlet, divatos ruhák, kozmetikumok stb.). A propaganda fő üzenete az volt, hogy a társadalom alapja a család, ezért megnehezítették a válást, **illegálissá** tették az abortuszt.

Az 1930-as évek második felében nők ezrei váltak a nagy **terror áldozatává.** A vád ellenük az volt, hogy a nép ellenségeinek voltak feleségei, testvérei, gyermekei vagy csupán ismerősei. **Sztálin** még a legközelebbi munkatársai feleségeit is túszként tartotta koncentrációs táborban (pl. Molotov felesége).

Visszatérve a jelenlegi állapotokhoz, elmondhatjuk, hogy a nemzetközi emberjogi szervezet felmérései szerint az **utóbbi évtizedekben** Oroszországban naponta **36 ezer nőt** ver meg a férje, vagy élettársa. A probléma forrása, hogy Oroszországban nem kezelik önálló bűntényként a **házasságon belüli erőszakot.** Emiatt a nők körében is jellemző az alkoholizmus és a kábítószer-fogyasztás.

Az orosz **szexuális kultúra** jellemzői azonban a hazai hagyományok és a népi mentalitás alapján fejlődtek ki. Ezek legfontosabb vonásai: az **intimitás** és a **meghittség**, szívélyesség. Legnagyobb értéke az intim kapcsolatoknak van, amelyek semmiképpen sem tűrnek külső szemlélőt. Természetesen ez nem zárja ki, hogy nemcsak a párizsi, budapesti metrón, hanem a **moszkvai utcákon** sem ritka jelenség a hosszasan csókolózó ifjú pár.

Az orosz kultúrában elkülönül a szerelem és a szex fogalma. Míg ez utóbbi csupán biológiai kapcsolat, addig a **szerelem oroszul** a felek közötti önzetlen, szívélyes és együttérző kapcsolatot jelent, melynek során lemondanak az egoista, önző önmegvalósításról, az egyéni szabadság túlburjánzásáról. Az orosz gondolkodásmód szerint a szerelem ritkán ölt **anyagi jelleget**, bár ez napjainkban világszerte vitatott kérdés. Évszázadokon keresztül nemzedékek nevelkedtek a közmondásokban tükröződő népi bölcsességeken, mint pl.

„A kedvesemmel a kunyhóban is a Paradicsomban vagyok”.

„A boldogságot meg nem vásárolhatod”.

A. Szergejeva szerint is e bölcs mondatok jelenleg már **aligha** tűnnek meggyőzőnek.

A közmondások és a hagyományos, jelenleg konzervatívnak minősíthető felfogás szerint a szerelmet a házasság követi. «Без жены дом – содом», azaz a **feleség nélküli ház – zűrzavar,** kicsapongás, sőt „erkölcsi fertő”. A magyar változat vélhetően azt hangsúlyozza, hogy a család lelke a nő. Ugyanakkor a jelenlegi Oroszországban az elmúlt 20 év alatt csaknem **felére csökkent** a **házasságkötések száma**. Hazánkban az elmúlt 60 év alatt ez egyharmadára szorult vissza (1949-ben 108 ezer, 2009-ben 38 ezer). Egyre több fiatal választja a tartós együttélést, amit az orosz nyelv megdöbbentően **„polgári házasságnak”** (гражданский брак) nevez, minthogy a korábbi évszázadokban hivatalosnak az egyházi esküvőt ismerték el. Aligha vigasztaló az a tény, hogy a francia lakosság egynegyede jelenleg egyedül élő (szingli), míg **Párizsban ez az arány 50%-os.**

Köztudott, hogy az orosz nők helyzete napjainkban sem könnyű: 99%-uk dolgozik, s emellett a családi tűzhely ápolása, a **második műszak** is főként rájuk hárul. A férfiak, azaz a férjek tisztelik az évszázados hagyományokat, amelynek értelmében a családfő az otthoni munkából ritkán veszi ki a részét.

A XX. századi tragikus események (forradalom, üldöztetések, háború) következtében ezek az archaikus hagyományok erősödtek. Ezzel magyarázható az, hogy **1945 után egy érett férfira három nő** jutott. A jelenlegi statisztikai adatok szerint Oroszországban ma is **10 millióval** több nő van, mint férfi. A szép nem képviselői gyengédséggel, szinte anyai gondoskodással küzdenek a másik nem „meghódításáért". Nem véletlenül emlegetik a következő viccet:

*Milyen nemzetiségű volt Éva? Az **olasz** válasz szerint csodaszép, tehát olasz. Sajátjának tartja a **francia** is, hisz Éva könnyűvérű volt. Mindkét véleményt cáfolja azonban az **orosz**, hisz Éva kunyhóban élt, az almát kettéosztotta, mezítelenül járt, és a paradicsomban érezte magát, tehát csak orosz lehetett.*

Sajnos a mai orosz Évák egyáltalán nem érzik magukat a paradicsomban. A háborút követő években eltörölték a **gyermektartási díj** fizetését. A statisztikai adatok szerint jelenleg is az elvált férjek csupán 12%-a segíti gyermekei fejlődését. Még az ezredfordulót követő években is a gyermekek **háromnegyedét** egyedülálló anyák nevelik.

Ennél is meghökkentőbb az a világrekord, melyet az **abortuszok** számával vívott ki Oroszország: ott ez 20-szor több, mint az európai országokban. Egyáltalán nem irigylésre méltó a mai orosz nők helyzete. Függetlenségre, önállóságra törekednek, de erős a velük szemben alkalmazott **diszkrimináció.** Pl. azonos munkáért kevesebb bért kapnak, bár ez jelenleg is vitatott kérdés. Ez a tendencia Magyarországon is megfigyelhető, hiszen a nők azonos pozícióban nálunk is kb. 20%-kal kevesebbet keresnek, mint a férfiak. Ugyanakkor Oroszországban mindent megtesznek a női emancipáció erősítése érdekében, törekednek a munkahelyi karrier és a családi fészek problémáinak összehangolására. A prioritás kérdése természetesen még mindig vitatott, de az orosz nők többsége még napjainkban is a **családi életet** tartja elsődlegesnek.

A fenti adatok és tények ismeretében válik rendkívül aktuálissá az a társadalompolitikai kérdés, vajon miért igyekeznek **külföldi férjet** választani a mai orosz nők. Meglepő és tanulságos is egyben, hogy a válasz nem csupán az anyagi előnyökről szól.

Melyek tehát az okok, amelyek a **külföldi férjválasztást** indokolják.

1. Mindenek előtt a **férfihiány**. Oroszhonban az ezredforduló után is tízmillióval kevesebb a férfi.
2. Másodszor a szabad **orosz férfiak** többsége **nem versenyképes**, azaz sok közöttük a rokkant, alkoholista, munkanélküli, akik alacsony fizetésük miatt aligha lehetnek családfenntartók. A nyugati férjjelöltek külsőleg is jóval vonzóbbak: ápoltak, ritkán hangoskodnak, mosolygás közben nem rejtik el fogaikat, az orosz férfiaknál jóval „charmosabbak".

3. Természetesen nem elhanyagolható a legfontosabb: a gazdasági helyzet sokak számára Oroszországban kevés előnyt nyújt, gyakran hiányzik az **anyagi biztonság**. Ez Nyugaton többnyire biztosítottnak tűnik.

Másik oldalról felmerül a kérdés: **miért** kellenek az orosz hölgyek az amerikai, nyugat-európai uraknak, hisz más a mentalitásuk, gyakran a nyelvet és a kultúrát sem ismerik jól, s rengeteg az egyéni problémájuk.

A statisztikai adatok szerint az USA-ban, Nyugat-Európában jóval **több a férfi** (az USA-ban 8 millióval több), s mindemellett évente több milliós emigráns, főként egyedülálló férfi érkezik a világ minden részéről. Mint minden nő, úgy többségében az orosz hölgyek is igyekeznek minél **vonzóbbak** lenni. Megőrzik "kulturális étvágyukat", tájékozottak az irodalom, a művészet területén. Így népszerűek a külföldiekkel való házasságkötések. S az sem véletlen, hogy az orosz nagyvárosokban növekszik a nem mindig tisztességes munkát végző házasságközvetítő irodák száma.

A fentiek alapján jogosan merül fel a kérdés: **sikeresek-e** a külföldiekkel kötött házasságok? **Pro és kontra** számtalan példát ismerünk, pontos adatokkal nem rendelkezünk. A házas évek során a problémák hamarosan jelentkeznek. Angliában és Franciaországban az első jelzést a férj kapja, amikor a munkahelyén egyre kevesebb felelősségteljes megbízást, külföldi kiküldetést kap, lassan halad felfelé a hivatali ranglétrán. Egyre szűkül a baráti kör, ami szintén nem javítja az otthoni helyzetet.

A **válások szubjektív okai** közül leglényegesebb, hogy az orosz nők egy idő után **csalódnak** a férjükben, hisz a nyugati álomvilág, a paradicsomi élet helyett gyakran szűk lakások, s messze nem a pazar luxusautók kísérik életüket. Gyorsan szétfoszlik a megálmodott mítoszok világa.

Az orosz nők többségét kellemetlenül érinti a férjek takarékossága, "fukarsága", hisz nem hagyják, hogy a feleség pocsékolja a vizet, a villanyt, hogy órákig csevegjen telefonon. Egy idő után a feleség népes családjának gyakori látogatása sem örvendezteti meg az okosan gazdálkodni kívánó férjet.

Természetesen a kölcsönös csalódás minden házasságban előfordulhat. A megértést gátolhatják a nyelvi nehézségek, a gondolkodásmódban és viselkedésben rejlő eltérő sztereotípiák. Idegen nyelven nem mindig sikerül a partnereknek adekvátan, az adott szituációnak tökéletesen megfelelően kifejezniük magukat, s ennek eredménye a stressz, a meg nem értés, majd a kölcsönös elhidegülés. Ezt elkerülendő mindkét félnek alaposan meg kell ismernie társa nyelvét, kultúráját, mentalitását, hogy a külföldi férjjel kötött házasság valóban tartós és harmonikus legyen.

Alla Szergejeva könyve továbbra is a vitatémák kimeríthetetlen tárháza, hisz a barátság, a szerelem, az intimitás, a szex és házasság vagy együttélés egyre fontosabb szerepet játszik a mai orosz ember életében is. A kérdésekre adott válaszok a feldolgozás során gyakran komoly **vitát provokálnak.**

Mindezek ismeretében érdemi kutatást igényel a fenti témák nyelvi kifejezése, valamint ezek idegen nyelvre történő hű fordítása (pl. дом-содом),

hogy az oroszul nem beszélő számára is maradéktalanul érthetők legyenek azok az információk, amelyek sajátosan az orosz nyelvű kulturális ismeretekhez kapcsolódnak.

Irodalom

Сергеева, А.В. (2006) Какие мы, русские? (100 вопросов – 100 ответов) Изд. Русский язык. Курсы.
http: //www.undp.ru/Gender_MDG_eng.pdf (2012.09.19)

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 80-85
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.80

Silvestar Balić
(Pečuh, Mađarska)

HRVATSKI ČASOPISI U MAĐARSKOJ OD 1989. DO 2009. BIBLIOGRAFIJA

Abstract: In the 20 years between 1989-2009, a number of Croatian journals were published in Hungary. In general, it is hard to find an access to these journals – and they are still not processed in any form. The Institute of Croatians in Hungary aims to launch a project in which this problem would be treated by a bibliography. This paper is the introductory study for this bibliography. In the study, the principal goal is pointing out the most important bibliographic data of the journals published in Hungary during these decades. A further goal is giving general information abo the circumstances of their publishing.
Keywords: bibliography, periodical, Croatians in Hungary

Ova retrospektivna bibliografija je sačinjena kako bi predstavila jedan odsječak života Hrvata u Mađarskoj, a riječ je o izdavaštvu, o hrvatskim časopisima koji izlaze od razdoblja demokratskih promjena (1989) do kraja prvog desetljeća XXI. stoljeća (2009). U ova dva desetljeća gore navedene promjene zahvatile su i hrvatsku zajednicu u Mađarskoj, ona se također uključila u proces demokratizacije. U institucionalnom smislu Hrvati su se stabilizirali, imaju svoje škole (osnovne i gimnazije), svoje kulturne ustanove, muzej, izdavačku kuću, znanstveni zavod itd. Međutim, najbitniji statistički podaci pokazuju da unatoč tom relativno povoljnom položaju Hrvata u Mađarskoj, koji i govore svoj materinski jezik, ima sve manje[1]. Ako je sve manje govornika hrvatskoga jezika u Mađarskoj, onda je i potencijalna čitateljska publika sve malobrojnija. Unatoč toj situaciji tiskali su se sljedeći časopisi koji sada čine predmet naše bibliografije: *Glas* – Časopis za književnost, kulturu i društvena pitanja; *Naša škola* – Časopis za metodička pitanja; *Zornica* – List za Hrvate katolike; *Riječ* – Časopis za književnost i kulturu Hrvata u Mađarskoj; *Pogledi* – Časopis za kulturu i društvena pitanja Hrvata u Mađarskoj; *Hrvatski znanstveni zbornik* – Časopis Hrvatskoga znanstvenog zavoda; *Pečuški/Pécsi Horizont* – Časopis za kulturu i znanost.

1. Najbitniji uvjet pri odabiru časopisa je bio hrvatski jezik. Taj se kriterij kod pojedinih časopisa ostvaruje u potpunosti, dok kod nekih drugih djelomično. Unatoč tome da pojedini časopisi (*Glas* i *Naša škola*) u svojim podnaslovima ne spominju etničku odrednicu „hrvatski“, mi smo ih ipak

[1] Broj onih građana Mađarske koji svojim materinskim jezikom smatra hrvatski s 14,326 (2001) smanjio se na 13,716 (2011). Izvor: http://www.ksh.hu/nepszamlalas/

svrstali u skupinu hrvatskih časopisa u Mađarskoj. Razlog tomu je da su u njima objavljivani tekstovi hrvatskih, a budući da su izlazile još za vrijeme južnoslavenskog jedinstva i srpskih autora, dok u časopisu *Pečuški/Pécsi Horizont* možemo pročitati i tekstove na mađarskom jeziku. Zbog toga ovi časopisi predstavljaju dio i hrvatske periodike u Mađarskoj. Kako se vidi iz podnaslova, uvrstili smo kulturne, književne, znanstvene pa i vjerske časopise. Pošto je riječ o retrospektivnoj bibliografiji uvršteni su časopisi koji više ne izlaze. Doduše, katolički je list *Zornica*, nakon dugogodišnje stanke obnovljen, s nebitno promijenjenom uredničkom strukturom trenutno izlazi pod imenom *Zornica nova.* Naš je interes ovoga puta usredotočen na bibliografiju koja pokušava registrirati i ustanoviti časopise i publikacije u njima. Budući da su bibliografije sastavljene sa svrhom da omoguće korisnicima brzo pronalaženje bibliografskih podataka koji su im potrebni za znanstveni ili stručni rad ili za koju drugu svrhu (Hrvatska enciklopedija, 101-103), cilj ove bibliografije je, kao prvo, pomoći onim budućim istraživačima koji su zainteresirani za bilo koje područje života Hrvata u Mađarskoj, kako bi tijekom istraživanja jednostavnije našli za njih bitne radove, studije, članke itd. Time će okolnosti za istraživanje određenoga područja postati povoljnije, pa se nadamo većoj zainteresiranosti za kroatističke teme, te očekujemo kvalitetnije radove. Ovom bibliografijom Znanstveni zavod Hrvata u Mađarskoj publicira prve rezultate iz svoje bibliografske djelatnosti čime se želi potaknuti znanstveno istraživanje svekolike hrvatske baštine u Mađarskoj. Druga težnja ove bibliografije je spasiti spomenute časopise od zaborava. Izrada svake bibliografije ima svoj motiv (Szentmihályi 1978: 16), što može biti naglašavanje jednog ideala, umjetničkog pravca ili nacionalne književnosti (motiv propagande), informiranje o dostignućima raznih područja znanosti (motiv znanstvenog i stručnog informiranja) itd. U našem slučaju riječ je o motivu očuvanja, ali i informiranju znanstvene javnosti. Želimo očuvati dio periodike hrvatske zajednice u Mađarskoj, a s druge strane pružiti temeljne bibliografske informacije svim zainteresiranima. O ovim časopisima, kao ni o mnogim drugim hrvatskim izdanjima nije vođena bibliološka briga. Riječ je o pionirskom pothvatu koji govori o „naravi opstojnosti“ (Žigmanov 2005: 7) te zajednice. Zbog toga teško možemo navesti radove koji prethode ovome. Naš je rad potaknut činjenicom da je jedan segment našega znanstvenog života u ogromnom zaostatku u odnosu na bibliografsku praksu u Hrvatskoj i kod većinske zajednice u Mađarskoj. Možemo se u potpunosti složiti s uzrocima nastanka bibliografije koja nosi naslov „Vrela za povijest Hrvata u Vojvodini – monografske publikacije do 1918.“, a izdana je u Vojvodini (Bara i Žigmanov, 249). Ima istu funkciju s našom, budući da i tu hrvatsku zajednicu muče slične poteškoće zbog kojih je primorana obaviti te prijeko potrebne predradnje kako bi se stvorili temelji suvremenom znanstvenom pristupu. Tijekom izrade sustava kojim su u ovoj bibliografiji časopisi zabilježeni naš je uzor u prvom redu bila bibliografija književnih časopisa iz 19. stoljeća, rad Vinka Brešića. Riječ je o popisnoj bibliografiji, tj. navode se samo osnovni podaci. U slučaju

pojedinih brojeva to su podaci naznačeni u impresumu (ako su navedeni): naslov, godište, broj, podnaslov, izdavač, glavni urednik, urednici, adresa uredništva, lektor, pokrovitelji, broj tiskanih primjeraka, međunarodni standardni broj serijske publikacije (ISSN) itd. Ovi su podaci navedeni kod svakoga broja kako bi se mogle pratiti eventualne promjene (npr. novi glavni urednik, urednik, novi izdavač itd.). Kod pojedinih tekstova objavljenih u časopisima zabilježeni su sljedeći podaci (ako su navedeni): autor, naslov, podnaslov, broj stranice i žanrovska pripadnost (članak, studija, pjesma, priča, pripovijetka itd.). Žanrovska pripadnost objavljenih tekstova nije u svakom slučaju jasna, nedvojbena, zbog toga umjesto naše odrednice mogu se koristiti, naravno, i druge. Riječ je o primarnoj bibliografiji jer je ona zgotovljena uvidom u izvornu građu, s autopsijom.

2. Iz podnaslova časopisa je vidljivo da osim *Zornice*, koja sebe određuje kao list, sve ostale tiskovine su odabrale naziv časopis. One periodično (ne uvijek redovito, ovisno o mogućnostima) donose duže tekstove o temama određenima u podnaslovima. Zbog toga je dijelom opravdan opis *Zornice* kao lista, budući da većinom donosi kraće tekstove, izvještaje, dopise, vijesti koji informiraju o aktualnim događanjima u zajednici, ali u prevelikim vremenskim razmacima za to da budu aktualni. Osvrnuvši se na naslove naših časopisa može se reći da su oni u skladu sa sadržajem, dominiraju metaforičko-simbolični naslovi poput *Zornice*, *Riječi*, *Glasa*, *Pogleda*, ili deskriptivni naslovi, poput *Hrvatskog znanstvenog zbornika* itd. U podnaslovima se precizira područje kojim se časopisi žele baviti. Najčešće su to kulturne, književne i društvene teme. U podnaslovima se često određuje da su oni namijenjeni hrvatskoj čitateljskoj publici u Mađarskoj (*Riječ* – Časopis za književnost i kulturu Hrvata u Mađarskoj; *Pogledi* – Časopis za kulturu i društvena pitanja Hrvata u Mađarskoj), premda je jasno da bi oni svoje čitatelje mogli naći i u matičnoj domovini. Izdavače ovih hrvatskih časopisa možemo razvrstati prema sljedećim skupinama: civilne, narodnosne[2], državne i privatne organizacije[3]. U većini je slučajeva riječ o organizacijama koje su financirane, raznim putevima, ali iz istog, državnog proračuna. Jedini je izuzetak u tom smislu nakladnik časopisa *Riječ*, komanditno društvo Slovenika. Ne možemo znati točan proračun toga časopisa ali se on izdavao i uz potporu raznih javnih zaklada i narodnosnih organizacija, čime se vraćamo potpori iz državnog proračuna. Civilna sfera je zastupljena u obliku društva književnika (Društvo hrvatskih, srpskih i slovenskih književnika u Mađarskoj) te zaklada (Zaklada „Zornica“) dok kod manjinskih organizacija mislimo na mjesne i državne hrvatske samouprave, odnosno institucije u njihovoj ingerenciji (Hrvatska

[2] Mađarski Zakon o pravima narodnosti (2011/CLXXIX) umjesto izraza „kisebbség“ – manjina propisuje „nemzetiség“ – narodnost. U ovom radu ću koristiti obje natuknice.
[3] Naravno, ove skupine nisu isključive, i civilne udruge mogu biti narodnosne, a narodnosne organizacije su također ovisne o državnom proračunu.

samouprava u Pečuhu, Hrvatska samouprava Budimpešte, Hrvatski znanstveni zavod). Jedan od izdavača je i Pedagoški zavod Županije Baranje, koji nije bio financiran izravno iz državnog proračuna ali je umrežen u veliki javni sektor državnih institucija. Može se, dakle, zaključiti da postojanje hrvatskih časopisa u Mađarskoj uvelike ovisi od financijske potpore raznih državnih fondova ili, u novija vremena, od Europske Unije. Zbog nestabilne financijske pozadine civilnih i ostalih narodnosnih organizacija, izdavanje tih časopisa bit će otežano, zbog čega često izostaju godišta ili brojevi. Druga je posljedica toga stanja da nijedan od prikazanih časopisa nije preživio više od 12 godina[4]. Među glavnim urednicima i članovima uređivačkih odbora ovih časopisa možemo naći osobe koje su već prije demokratskih promjena bile uključene u zbivanja hrvatske kulture u Mađarskoj, a tijekom godina priključili su se oni članovi koji i dan danas djeluju na tom polju. Briga urednika rijetko nadilazi granice sadržaja. Časopisi često nisu lektorirani ili korigirani, česte su pogreške u prijelomu, zanemaruje se važnost i uloga grafičkog dizajna, kod pojedinih brojeva nedostaje ISSN oznaka itd. Pojednostavljeno, osim samoga sadržaja, izbora tekstova koji će ući u aktualni broj časopisa, ne vodi se briga o navedenim radovima, koji također pripadaju uredničko-izdavačkom djelokrugu. Pored ovih podataka iz impresuma vrijedi istaknuti još jedan, koji se odnosi na sjedište uredništva/izdavača[5]. Analizirajući te podatke razaznaje se da ovi časopisi izlaze u dvama središtima: Pečuhu i Budimpešti[6]. Ovi gradovi se mogu nazvati i središtima ne samo hrvatskih časopisa već i Hrvata u Mađarskoj. Zahvaljujući obrazovnim (od vrtića do sveučilišta), kulturnim (kazalište, hrvatski klub itd.) i znanstvenim (odsjek, zavod) ustanovama, Pečuh se smatra jednim od središta Hrvata u Mađarskoj, dok Budimpešta, gdje je registrirana Hrvatska državna samouprava, vodeće političko tijelo Hrvata u Mađarskoj te brojne ustanove i udruge (poduzeće Croatica, školski centar, kulturne udruge itd.), također se može nazvati važnim uporištem Hrvata u Mađarskoj. Zbog toga je jasno da u ovim gradovima djeluju one osobe koje su u mogućnosti (kako financijski tako i intelektualno) pokrenuti hrvatske časopise.

3. Prema indeksu autora u ovih sedam časopisa zastupljeno je ukupno 480 autora. U većini su hrvatski autori, kako iz Hrvatske tako i iz Mađarske, ali se na popisu nalaze i strani autori, većinom mađarski, čiji se tekstovi često objavljuju u prijevodu na hrvatski. Listu najzastupljenijih autora vode hrvatski autori iz Mađarske[7], od njih Đuro Franković s 44 objave, Leona Sabolek s 29

[4] Najdugovječniji časopis je Zornica, koja u svojoj prvoj fazi izlazi od 1990. do 2002. godine.
[5] U većini slučajeva mjesto uredništva se poklapa s naseljem gdje djeluje izdavač.
[6] U slučaju katoličkog lista Zornica do 2/3 broja godišta 1993. adresa uredništva je u Pečuhu, nakon tih brojeva u Kukinju, naselju s hrvatskim življem desetak kilometara od Pečuha. Druga je iznimka časopis *Riječ* čije je uredništvo kod prvih brojeva registrirano u Židanu.
[7] Iznimku čini Leona Sabolek, hrvatska autorica iz Sarajeva koja je godinama boravila u Mađarskoj.

objava, Stipan Filkaković s 25 objava, Stjepan Blažetin i Milica Klaić Tarađija s 24 objave i Marko Dekić s 23 objave. Većina ovih autora je urednik ili glavni urednik u jednom od navedenih časopisa, afirmiraju se kao književnici, znanstvenici i novinari prije (Franković, Filaković, Dekić), a i tijekom spomenutoga razdoblja (Stjepan Blažetin, Milica Klaić Tarađija). Velika zastupljenost „domaćih" autora upućuje na to, da hrvatska zajednica u Mađarskoj i nakon demokratskih promjena ima svoje autore koji su sposobni pisati i stvarati na hrvatskom jeziku o raznim znanstvenim, umjetničkim i inim temama. Više od 20 godina nakon demokratskih promjena položaj pošiljatelja (autora) nije znatno promijenjen. I danas postoje autori koji mogu napuniti stranice časopisa s raznim sadržajem, međutim, situacija s recipijentom, hrvatskim čitateljem u Mađarskoj se pogoršava, čiji je najbolji dokaz podatak iz zadnjega popisa stanovništva u Mađarskoj iz 2011. Prema podacima broj govornika hrvatskoga jezika je u blagom padu što će u kasnijim razdobljima utjecati na pošiljatelja, na autora, od kojih će biti sve manje, budući da ih „proizvodi" ta ista jezična zajednica. Jedini podatak koji se ne tiče suhih informacija o publikacijama je žanrovska pripadnost na kraju svake objave. Ova kratka informacija u bibliografiji predstavlja njen jedini opisni segment (bez obzira na tu informaciju ona će ostati popisnom bibliografijom). Kako smo to naveli nekoliko stranica prije, određivanje pojedinih tekstova nije bilo lagano, u nekim slučajevima navedena odrednica se može zamijeniti s drugom, naročito kod nekih proznih književnih ostvarenja. Najpopularnije žanrovske vrste su književne, kao što su pjesme, priče, pripovijetke itd., budući da od sedam časopisa njih četiri se bavi kulturom, književnošću, pa se redovito publiciraju književni tekstovi. Zatim, u velikom se broju u ovim časopisima nalaze i znanstveni tekstovi (studije, stručni radovi itd.) te trebamo spomenuti i karakteristične publicističke žanrove poput članka, vijesti, dopisa itd. Sve ove žanrovske odrednice su, zapravo, u skladu s temama časopisa naznačenima u njihovim podnaslovima.

4. Na kraju bi naveli neke od gorućih pitanja naših časopisa, a djelom i hrvatskog izdavaštva u Mađarskoj uopće. U našem slučaju, budući da je riječ o izdanjima koja imaju skromnu čitateljsku publiku, ne možemo usporediti ove tiskovine s izdavačkom strukturom većih, nacionalnih časopisa. Prihod od pretplate je zapravo nepostojeći, što znači da pojedini časopisi ne ovise o svojim pretplatnicima već o svojim pokroviteljima. Sredstva pokrovitelja, kako smo naveli nekoliko stranica prije, povezana su s jednim proračunom, državnim. Zbog toga velika je uloga onih pojedinaca koji svoje slobodno vrijeme posvećuju organizacijskim i ostalim menadžerskim zadacima, lobiranju kod raznih državnih i manjinskih organa, eventualno privatnih sponzora, pisanju natječaja kod raznih zaklada i fondova. Rezultat nestabilne pozicije časopisa očituje se u njihovom neredovitom izlaženju. Od onih časopisa koji su izlazili više od dvije godine, nijedan nije objavljivan redovito, prema rasporedu koji je u početku zamišljen. Očito je da su ih mučile financijske poteškoće zbog

nedovoljne institucionalne pozadine, što bi se moglo izliječiti (u prošlosti i budućnosti također) ako bi jedna od manjinskih institucija postala osloncem jednoga časopisa, osiguravši mu tako financijsku pozadinu. Međutim, najbitniji problem hrvatskih časopisa u Mađarskoj na dugoročnoj, a i na srednjoročnoj razini će biti nedostatak hrvatskih govornika, potencijalnih čitatelja u Mađarskoj. Nijedan pisani medij ne može preživjeti bez svoje publike, ako nema svoje hrvatske čitatelje i ako nema svoje (od vlastite zajednice stvorene) autore. Za razliku od prijašnjega pitanja riječ je o procesu koji se ne može zaustaviti, tek usporiti, a protiv čega, zapravo, nema pravog lijeka. Svojevrsna kriza hrvatskoga (narodnosnoga) izdavaštva osjeća se i danas. Kako se iz popisa vidi trenutno niti jedan od ovih tiskovina ne izlazi (osim već spomenute *Zornice nove*). Razlog tomu itekako mogu biti već navedeni problemi, ali i opće tendencije u društvu, gdje ima sve manje volje i energije za tu vrstu „duhovne hrane“.

Literatura

Bara, M. – Žigmanov, T. (2011) Vrela za povijest Hrvata u Vojvodini – monografske publikacije do 1918. Godišnjak za znanstvena istraživanja Zavoda za kulturu vojvođanskih Hrvata, broj 3, 247-271.

Brešić, V. (1993) Hrvatsko pjesništvo osamdesetih : bibliografija 1980-1989. Knj. 1. Zrcalo. Zagreb.

Brešić, V. (2006) Bibliografija hrvatskih književnih časopisa 19. stoljeća. Knj. 1. Filozofski fakultet. Zagreb.

Hrvatska enciklopedija. (2000) Knj. 2. Be-Da. Leksikografski zavod Miroslav Krleža. Zagreb.

Szentmihályi, J. – Vértesy, M. (1963) Útmutató a tudományos munka magyar és nemzetközi irodalmához. Gondolat. Budapest.

Szentmihályi, J. (1978) Bibliográfia I. Az általános jellegű bibliográfiai tájékoztatás elmélete, gyakorlata és forrásai. Tankönyvkiadó. Budapest.

Žigmanov, T. (2005) Bibliografija Hrvata u Vojvodini (1990-2002). Istarski ogranak Društva hrvatskih književnika. Pula.

Žigmanov, T. (2012) Izazovi – sabiranja, sumjeravanja, tumačenja: Studije i ogledi o književnim i književnim temama hrvatskoga istočnog zagraničja. Znanstveni zavod Hrvata u Mađarskoj. Pečuh.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 86-93
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.86

Janusz Bańczerowski
(Budapest, Magyarország)

NAZWY <NIEBO> I <ŚWIAT> WE FRAZEOLOGII POLSKIEJ I WĘGIERSKIEJ*

Abstract: The main goal of this article is to compare the polish and hungarian phraseological expressions concerning the names of sky and world. The analysis of the material showed the significant similaritys, but in some cases an evident differences too. The majority of metaphors found in set phrases suggest antropocentrism and show that people not merely acquire knowledge of and experience the world but also assess it in their own particular ways.

Keywords: polish and hungarian phraseology, human world view, the names of sky and world, assessment of the world.

Wyrażenia frazeologiczne, do których zaliczamy również przysłowia, są swoistymi komunikatami językowymi, będącymi w użyciu społecznym od zamierzchłych czasów. Za ich pomocą ludzie, poznając otaczający ich świat, na przestrzeni wieków przekazywali swoje doświadczenia, przeżycia, przemyślenia, wyobrażenia, zjawiska właściwe kulturze danej wspólnoty językowej, związane z wzorcami kulturowymi, obyczajami, zwyczajami, mentalnością, tradycją, folklorem, systemem wartości, specyfiką struktury życia społeczno-politycznego itp. Utrwalają one sposób oglądu świata determinowany przez specyficzny dla danej wspólnoty językowo – kulturowej światopogląd. Analiza frazeologizmów pozwala zrekonstruować wiele aspektów językowego obrazu świata, rozumianego jako podmiotowa interpretacja rzeczywistości obiektywnej, czyli jej mentalny metaobraz.

W artykule podejmujemy próbę porównania związków frazeologicznych języka polskiego i węgierskiego dotyczących <nieba> i <świata> ze szczególnym uwzględnieniem sposobu konceptualizacji i kategoryzacji odnośnego fragmentu Kosmosu.

W potocznym obrazie świata niebo jest postrzegane jako ogromna przestrzeń, która widoczna jest nad ziemią, gdy patrzymy w górę. W dzień widzimy na niej słońce, a w nocy księżyc i gwiazdy. Rejestrują to takie wyrażenia metaforyczne jak: *Coś jest jasne jak słońce na niebie; Świecić na niebie* (słońce, gwiazdy); *Niebo zasłonięte warstwą ciemnych chmur*; *Kto w*

* W niniejszym artykule przyjmujemy następujący porządek: najpierw podajemy przykłady polskie nie mające odpowiedników w języku węgierskim, następnie przytaczamy przykłady z jednakową denotacją (wyrażenia ekwiwalentne, podkreślone: =), a po nich wyrażenia występujące tylko w języku węgierskim.

niebo pluje, na głowę mu spada; *Zawieszony między niebem a ziemią; Gdy się niebo obali, wszystkich nas przywali; Niebo wysoko, na ziemi twardo*; *Tak daleko, jak niebo od ziemi = Oly távol esik, mint ég a földtől*; *Spaść/spadać z nieba = Mintha égből esett volna*; *Annyi mint csillag az égen* [Tyle, ile gwiazd na niebie]; *Égre követ ne dobj, mert fejedre esik* [Nie rzucaj kamieniem w niebo, bo ci na głowę spadnie]; *Ha az égre nézel, rútnak tetszik a föld* [Gdy patrzysz nie niebo, ziemia wydaje się wstrętna]; *Csak az eget nézi* [Patrzy tylko na niebo]; *Ki mindig égbe néz, kútba esik* [Kto zawsze patrzy tylko na niebo, wpadnie do studni] itp.

Takie metaforyczne użycia jak: *Jak niebo i ziemia;Różnić się o całe niebo; Być lepszym od kogoś o całe niebo; To niebo i ziemia = Ég és föld; Niepodobne jak niebo do ziemi = Ég a földhöz; Tak daleko, jak niebo od ziemi = Oly távol esik mint ég a földtől; Ég és föld választja el* [Kogoś/coś rozdziela/odróżnia niebo i ziemia]; *Égben két nap, hüvelyben két pallos* [Na niebie dwa słońca, a w pochwie dwa miecze nie pomieszczą się] mówią o ludziach lub rzeczach zupełnie różnych, całkowicie do siebie niepodobnych.

Niebo jest symbolem radości, przyjemności, zadowolenia, który oznacza szczęście człowieka: *Było komuś jak w niebie; Tak dobrze jak w niebie; Cieszy się jakby był w siódmym niebie*; *Najbardziej potrzeba dosłużyć się nieba; Być/czuć się jak w niebie*; *Przychylić/uchylić komu nieba*; *Dostać się/pójść do nieba*; *W niebie nagroda, na ziemi zapłata*; *Niebo się otwiera, otwierało, otworzyło = Megnyílt az ég felette*. Aby jednak dostąpić tego szczęścia, tzn. aby móc dostać się do nieba, muszą być spełnione pewne warunki: *Chcesz się dostać do nieba, nie żałuj biednym kęsa chleba; Fifami do nieba się nie wkupisz; Kto chce być w niebie, niech patrzy siebie; Kto chce nieba, cierpieć trzeba, a kto chce chleba, pracować trzeba*; *Kto się chce dostać do nieba, żyć cnotliwie trzeba; Lekkim być trzeba, kto do nieba bieży; Nie każdy się do nieba dostanie z tych, co wołają: Panie, Panie!; Nie wprzód niebo, ale wprzód idzie zasługa; Nieba za pieniądze nie kupisz; Piersiami nieba nie podniesiesz; Wysoka drabka do nieba; Ciasna furtka/ścieżka do nieba; Kto chce nieba dostąpić, bojaźń wprzód mieć trzeba piekła; Nic z nieba nie spada/spadnie* itp.

Na gruncie wiedzy potocznej z niebem związane są losy, cechy charakteru, zachowania, zachcianki i wady ludzi, np.: *Wołać o pomstę do nieba*; *Komuś zachciewa się gwiazdki z nieba*; *Będziesz w niebie, tam gdzie kura grzebie; Ani na szczupaku do nieba, ani na byku do piekła nie wjedzie;Choćby siekiery/kije/krupy z nieba padały; Kto leniwie do nieba idzie, nierychło zajdzie; Żywcem do nieba wziąć/pójść; Pod nieba lata, kiedy po ziemi chodzi; Poruszyć niebo i ziemię = Eget, földet megmozgat*; *Wynosić kogo albo co pod niebo = Égig/Az egekig magasztal valakit; Égbe kiáltó bűn = To woła o pomstę do nieba; Hol voltál, amikor az ég zengett?* [Gdzie byłeś, kiedy byłeś potrzebny?]; *Csak az eget nézi* [Patrzy tylko na niebo = W ogóle nie pracuje]; *Eget földet megígér* [Obiecuje niebo, ziemię = Wszystko obiecuje, ale nic nie robi]; *Úgy átkozódik, majd lehúzza az eget* [Przeklina, ściąga niebo = Wyrażać się bardzo wulgarnie, przeklinać]; *Az egek rovására is hazudik* [Kłamie nawet z

ujmą dla nieba = Bardzo kłamie]; *Csendes mint a csillagos ég* [Cichy jak gwiaździste niebo = Bardzo cichy, spokojny]; *Eget poklot összekever* [Myli piekło z niebem]; *Felmagasztalták az felé* [Wyniesiono go pod niebiosy = Powieszono go]; *Letagadná a napot az égről* [Wyparłby się nawet słońca z nieba]; *Nem leszek én árva mindig, ború után derült az ég* [Nie będę zawsze sierotą, po smutku nastąpi pogodne niebo]; *Úgy él mint az égi madár* [Żyje jak niebiański ptak = Żyje bez kłopotów nie pracując]; *Ki vagyok, én vagyok, az égig látok* [Kto ja jestem, ja jestem, widzę wszystko do samego nieba = Butny, hardy człowiek]; *A dűlő egek sem vehetnék ki szívét* [Nawet nieba nie mogłyby mu wyjąć serca = O człowieku, który się niczego nie boi]; *Akár ég, akár pokol, neki mindegy* [Dla niego wszystko jedno, czy to niebo, czy piekło]; *Ég és föld között lakik* [Mieszka między niebem a ziemią = Zawisł na szubienicy]; *Tudja, mit végeztek az égben* [Wie, co zrządzono w niebie] itp.

Pewna część frazeologizmów charakteryzuje stany człowieka, jego wygląd itp.: *Być zawieszonym/pozostawać/tkwić między niebem a ziemią*; *Wyglądać o niebo lepiej*; *O wielkie nieba! = Ó égek!, Szentséges ég!*; *Égnek áll a haja szála* [Włosy stoją w stronę nieba = Włosy stanęły dęba]; *A jó ég tudja!/Tudja a jó ég!* [To wie tylko dobre niebo = Okrzyk w stanie niewiedzy, braku orientacji]; *Egek ura!* [Panie nieba! = Okrzyk zdumienia]; *Irgalmas ég!* [Łaskawe niebo! = Okrzyk zdziwienia, strachu, przerażenia]; *Te jó ég!/Szent ég!* [Dobre niebo!/Święte niebo! = Okrzyk zdziwienia, zdumienia]; *Az ég elszólít* [Wzywa go niebo = O człowieku zmarłym]; *Az eget is bőgőnek nézi* [Nawet w niebie widzi basetlę = O człowieku w stanie nietrzeźwym]; *Vállaira vehetné talán az eget is* [Mógłby nawet wziąć niebo na swoje barki]; *Tudja, mit végeztek az égben* [Wie, co dokonano w niebie = O człowieku butnym, pysznym zarozumiałym]; *Tiszta mint az ég* [Czysty jak niebo = Bardzo czysty]; *Azt hiszi, hogy rászakadt az ég* [Myśli, że niebo spadło na niego = O człowieku, którego ogarnął strach, przerażenie]; *Esküszik égre, földre* [Przysięga na niebo i ziemię = Przysięga na wszystkie świętości] itp.

Używając słowa *niebo* lub *nieba* przenosimy się myślami do Boga lub opatrzności boskiej, np.: *Niech się dzieje wola nieba!; Wola nieba!*; *Łaskawe nieba; Bóg na niebie*; *Niech się dzieje wola nieba, z nią się zawsze zgadzać trzeba*; *Niebo mi świadkiem*; *Niebo mi go zesłało; Niebo bez trzasku wielki obrót kieruje*; *Dary nieba*; *Bor, búza, szalonna, égnek fő adománya* [Wino, zboże, słonina to główne dary nieba]; *Eget, poklot össze ne keverj* [Nie mieszaj nieba z piekłem]; *Égnek rendelése kinek hova menése* [Zrządzenie nieba dokąd kto ma iść]; *Háború pokolban, békesség az égben* [W piekle jest wojna, w niebie pokój]; *Ég veled*! [Niech niebo będzie z tobą! = Wyrażenie przy powitaniu i pożegnaniu]; *Olyan igaz, mint hogy az isten az égben van* [Jest to tak prawdziwe jak Bóg na niebie] itp.

Z obserwacji nieba człowiek potrafi przewidywać pogodę, przyszłość itp.: *Niebo się wypogadza/przeciera/zachmurza się/zaciąga się chmurami*; *Wszystkie znaki na niebie i ziemi wskazują na coś/zapowiadają coś*; *Ogień, żar leje się, leci z nieba*; *W niebie pierzyna się rozpruła*; *Ha bárányos az ég,*

harmadnapra eső lesz [Jeśli na niebie są chmury kłębiasto-pierzaste, na trzeci dzień będzie deszcz]; *Vörös az ég alja* [Spód nieba jest czerwony = Będzie wiatr]; *Megnyílnak az ég csatornai* [Otwierają się kanały nieba = Będzie deszcz]; *Nekikeseredik az ég* [Rozgoryczało się niebo = Zbiera się na deszcz] itp.

Niektóre przykłady zawierają przestrogę, zalecenia, wskazówki, np.: *Co niebo przeznaczyło, przestroga nie uchroni*; *Kiedy niebo jarzębiate, śmiało opuść chatę*; *Póki świat światem, wilk owcy nigdy nie będzie bratem*; *Ég és föld megindul* [Poruszyło się niebo i ziemia = Nadchodzi wielkie niebezpieczeństwo, katastrofa]; *Égen csinálj házat, ott is félre*! [Buduj dom na niebie, ale w inną stronę! = Uważaj na siebie!]; *Égre követ ne dobj, mert fejedre esik* [Nie rzucaj kamieniem w niebo, bo ci na głowę spadnie] itp.

Takie metaforyczne wyrażenia frazeologiczne jak:

1. *Pod gołym niebem*; *pod otwartym niebem* wskazują na miejsce, gdzie coś się odbywa na otwartej przestrzeni, nie w budynku, nie pod dachem;
2. *Przewyższać kogoś o niebo; O całe niebo wyższy; Różnić się o całe niebo; O całe niebo przerasta; Podnieść kogoś o całe niebo wyżej* mówią o tym, że ktoś kogoś przewyższa pod jakimś względem;
3. *Dziury w niebie nie będzie; Nie zrobi się w niebie dziura; Akkor lesz az, amikor az egek megfordulnak* [Będzie to wtedy, gdy nieba obrócą się na drugą stronę = Nigdy to nie nastąpi]; *Állandó, mint az ég forgás* [Stały (niezmienny) jak obrót nieba = Stały, niezmienny] to sygnały tego, że nic się nie zmieni, nic ważnego się nie stanie/nie wydarzy się;
4. *Spaść/spadać jak z nieba; Jakby z nieba spadł = Mintha égből esett volna le* powiadamiają o tym, że ktoś zjawił się nieoczekiwanie, w samą porę;
5. *Coś nie spadło z nieba* podkreśla, że osiągnięcie czegoś wymagało wysiłku;
6. *Mieć niebo w ustach/w gębie* mówią o czymś, co nam bardzo smakuje;
7. *Dobrze na niebie, wszyscy powiadają, przecie się z światem nieradzi żegnają; Komu się nie chce do nieba, tego gwałtem pchać nie trzeba; Jakby go żywcem do nieba brali; Do nieba nie pójdę po klucz; Ha öröm nem volna, az ég is pokol volna* [Gdyby nie było radości, niebo byłoby piekłem] mówią o chęci do życia człowieka;
8. *Jak grom z jasnego nieba = Mint derült égből villámcsapás* informują o czymś nagłym, zupełnie nieoczekiwanym;
9. *Nézheti az eget (a csillagos eget)* [Może patrzeć tylko na niebo (na gwiaździste niebo = Nie dostanie nic do jedzenia, nie dostanie kolacji] wskazują na człowieka, który nie ma nic do jedzenia oraz który nie dopnie swego celu;
10. *Az ég szerelmére! Az égre/egekre kérlek/kérem!* [Na miłość nieba! Proszę cię na niebo/nieba!] wyrażają usilną prośbę, błaganie.

Świat utrwalony we frazeologizmach omawianych tu języków jest wielowymiarowy. Może to być wielka przestrzeń (np. *Szmat świata; Kawał świata; Wszędy świat; Świat jest przestronny; Świat nie torba, dużo się do niego zmieści; Elég tág a világ, elférünk benne* [Szeroki jest ten świat, zmieścimy się w nim]; *Nagy a világ* [Świat jest wielki]; *Száz mérföld a világ!* [Świat ma sto mil! = Świat jest wielki]; *Széles a világ* [Świat jest szeroki]; *Világűr* [Przestrzeń świata = Przestrzeń kosmiczna]), kraj, lub dużo krajów oraz kontynenty półkuli wschodniej (np. *Kawałek świata; Nieznany świat; Daleki, szeroki świat; Stary Świat; Magyar világ* [Węgierski świat = Węgry]), środowisko, obszar kulturowy, krajobrazy, okolica (np. *Dwa światy; Bliski, otaczający świat; Należeć do dwu światów; Świat zabity deskami; Iść/wyjechać w świat = Világgá menni; A világ minden tájáról* [Ze wszystkich stron świata]; *Nem egész világ Báránya, laknak Somogyban is* [Województwo Baranya nie jest całym światem, ludzie mieszkają też w województwie Somogy = Wszędzie mieszkają ludzie]; *Itt a világ közepe, ki nem hiszi jöjjön be* [Tu jest środek świata, kto w to nie wierzy, niech tu przyjdzie]), miejsce, w którym przebywa człowiek aż do śmierci (np. *Ten świat; Świat doczesny; Dzisiejszy, ówczesny świat; Świat ludzki; Świat żyjących; Świat boży Wyższy świat*; *Wielcy świata; Úgy egész a világ, ha okos is van rajta, meg bolond is* [Świat jest wtedy pełny, gdy są w nim i mądrzy, i głupi ludzie]); miejsce, w którym przebywa człowiek po śmierci i które jest niewidoczne (np. *Tamten świat; Znaleźć się na tamtym świecie; Przenieść się na tamten świat; Opuścić świat; Rozstać się ze światem; Zejść z tego świata; Wynieść się na tamten świat; Zabrać się z tego świata; Wybrał się na tamten świat; Żegnać się ze światem; Kandydat na tamten świat; Porzucać świat*; *Świata bożego nie widzieć; Z tamtego świata listów nie podają, jak się mają; Drugi, lepszy świat; Świat pozagrobowy, wieczny; Elaludt a világa* [Zasnął jego świat = Umarł]), obszar, na którym znajdują się istoty żywe, rzeczy, rośliny, zwierzęta itp. (np. *Siano to i trawa – wszystko chwała świata tego; Świat istot żywych = Az élőlények világa; Świat roślinny = A növények világa; Świat rzeczy = Tárgyi világ; Świat zwierzęcy = Az állatok világa; Wszechświat = Világmindenség*) itp.

W odczuciu człowieka świat jest bytem, który jest w ciągłym ruchu (np. *Świat na miejscu nie stoi; Tak się ten świat obraca, jednych podnosi, drugich wywraca; Świat idzie naprzód; Tak się świat ten kołem toczy; A világ forog tovább* [Świat toczy się nadal]). Ma on początek i koniec (np. *Od początku, od stworzenia świata; Koniec świata; Świat się jeszcze nie kończy; Do końca, do skończenia świata = A világ végéig; A világ végén* [Na końcu świata]; *Eltart a világ egész végig* [Świat utrzyma się do końca]) itp.

Człowiek nie tylko obserwuje i poznaje świat, ale go również wartościuje pozytywnie i negatywnie: *Świat się kończy!; Cholerny świat; Tak to na tym usmarkanym świecie; Ten świat jak makowy kwiat; Więcej na świecie złego niż dobrego; Wszystko na świecie marność; Wszystko się plecie na tym tu biednym świecie; Wtenczas na świecie będzie lepiej, jak wilk będzie ogonem orał, a owcami bronował; Zekpiał świat, trzeba go poprawić; Tak ci teraz na świecie*

nastało: ofertów wiele, a szczyrości mało; Świat się zestarzał i szczęście statkować nie umie; Świat – jabłko żółcią nadziane; Świat jako syrena śpiewa, a jak niedźwiadek jad wlewa; Świat, gdy kogo cieszy, zdradza; Świat jak dziecko, co się cackiem bawi; Świat jak las, człowiek jak liść; Świat z pozorów sądzi; Pół świata skacze, a drugie pół płacze; O światku, światku! Kiedy by to nigdy nie umierać; Opak się wszystko na świecie dzieje; Kląć, przeklinać na czym świat stoi; Świat przewraca się/wywrócił się do góry nogami = Az egész világ a feje tetejére áll; *Świat teraz mądrzeje = Mindig okosabb a világ*; *Felfordult a világ* [Wywrócił się ten świat]; *Hálátlansággal füzet a világ* [Świat odpłaca się niewdzięcznością]; *Így fizet a világ: sokat ígér, keveset ad* [Tak odpłaca się ten świat: dużo obiecuje, a mało daje]; *Kétszínűvé lett a világ* [Świat stał się dwulicowy]; *Okosság vezeti a világot* [Mądrość kieruje światem]; *Pénz izgatja a világ dolgát* [Pieniądz podnieca/pubudza sprawy świata = Światem rządzi pieniądz]; *Talán jobbra fordul a világ* [Świat być może stanie się lepszym]; *Kutya világ lesz* [Będzie psi świat = Będzie bardzo źle]; *Szegény világ* [Biedny świat]; *El kell veszni a világnak*! [Ten świat powinien zginąć!]; *Ha mindnyájunk jó volna, nem lenne tarka a világ* [Gdybyśmy wszyscy byli dobrymi ludźmi, świat nie byłby tak pstry] itp.

Pewna część frazeologizmów utrwala cechy charakteru, stany, zachowanie, sytuację życiową, mentalność, styl życia człowieka itp. Świadczą o tym takie przykłady jak: *Nie wie po jakim świecie chodzi*; *Cały świat może się walić, a ja nie ustąpię; Siedem światów pokazuje się przed oczami; Koniec świata!; Narodzić się na nowo na świat; W świecie takiego nie najdzie; Świata nie widzieć poza kimś, poza czymś; Błagać, prosić na wszystko w świecie; Nie wiedzieć nic o bożym świecie; Świata bożego nie znać; Mieć z kimś, z czymś trzy światy, siedem światów; Świat się komuś zawalił; Świat się komuś wali na głowę; Umrzeć dla świata; Wyrzec się świata; Zamknąć się przed światem; Powrócić z tamtego świata; Świat stoi otworem przed kimś; Świat uśmiecha się do kogoś; Nie zginie na świecie; Świat sobie zawiązać; Przynieść z sobą coś na świat; Czyjś świat kończy się na czymś; Odsunąć się/uciekać od świata = Elmenekül a világ elől; Świat należy do kogo = Neki áll a világ*; *Nie z tego świata/Nie dla niego ten świat = Nem erre a világra való*; *Jakby się dopiero na świat urodził = Mintha most jött volna a világra*; *Jakby posiadł rozumy całego świata = Minha a világ összes okossága az övé lenne*; *Pępek świata = Ő a világ közepe; Világgá kürtöli = Trąbi na cały świat*; *A világ pajkosa* [Swawolny, figlarny chłopak świata = Chłopiec, którego lubią dziewczyny]; *Azt műveli, mint a világ ördöge* [Zachowuje się jak diabeł świata = Zachowuje się hałaśliwie]; *Egy világ dől össze benne* [Załamał się w nim cały świat = Rozczarowany człowiek]; *Avval csak a világ több* [Takich jest dużo na świecie = Prosty człowiek]; *Átvetette a világ a vállán* [Przejął cały świat = Człowiek, który dużo cierpiał]; *Él a világ közepén/Éli a világot* [Żyje w środku świata/Używa świata = Ktoś dobrze żyje]; *Nem elég kerek neki a világ* [Świat jest dla niego niezbyt kolisty = Człowiek niezadowolony, któremu nic się nie podoba]; *Összedőlhet miatta a világ* [Dla niego świat może się zawalić =

Człowiek, który niczym się nie interesuje]; *A világba beszél* [Mówi do świata = Nie mówi nic ważnego]; *Elnyelné a világot* [Połknąłby nawet świat = Egoista]; *Egyszer lettem a világra, egyszer kell meghalni* [Tylko raz przyszedłem na świat, więc tylko raz trzeba umrzeć = Człowiek, który niczego się nie boi]; *Gyere világ, fütyülj a markomba* [Chodź do mnie świat, gwiżdż mi w garść = Nie martwić się niczym]; *Világgá megy* [Idzie w świat = Uciekać, opuszczać ojczyznę]; *Világ embere* [Człowiek świata = Człowiek rozrzutny, rozpustny]; *Csukott szemmel jár a világban* [Chodzi po świecie z zamkniętymi oczyma = Człowiek niezorientowany]; *Elsötétedik a világ valaki előtt* [Zaciemnił się przed kimś świat = Stracił wzrok]; *Rózsás színben látja látja a világot* [Widzi świat w różowym kolorze = Świat wydaje mu się piękny]; *Sötét színben látja látja a világot* [Widzi świat w ciemnych kolorach = Świat wydaje mu się ponury]; *Világ lustája* [Leniuch, leń świata = Człowiek bardzo leniwy] itp.

Takie wyrażenia frazeologiczne jak: *Świata nie przemożesz; Świata nie przerobisz; Człowiek świata nie przemoże, ale świat go zmoże*; *Tego nie zabierzesz ze sobą na tamten świat; Świata nie przeżyjesz, chleba nie przejesz, wody nie przepijesz; Świat nie kończy się na kimś, na czymś* wskazują na bezsilność człowieka względem świata, dlatego też powinien on jedynie *Używać świata, póki służą lata*; *Używać, zażywać świata; Żyć ze światem*; *Odkrywać nowe światy*, bo jest on taki jaki jest: *Tak to bywa na tym świecie: zima w zimie, lato w lecie; Tak to na tym świecie bywa: Kto na wierzchu, ten się kiwa; Tak to na świecie: gdzie dwoje, tam i trzecie; Taki jest porządek świata = Ez a világ sora*; *Ilyen a világ = Taki jest ten świat* itp. Chociaż *Świat otwiera się przed kimś = Szemesnek áll a világ*, to jednak odbywa to się nie bez przeszkód: *Zasłaniać/przesłaniać komuś przed kimś świat*; *Zawiązać komu świat* itp.

O rzeczach, ludziach ważnych i niezwykłych mówią takie przykłady jak: *Ktoś, coś jakiego świat nie widział; Sól świata; Ósmy cud świata = A világ nyolcadik csodája*, a o czymś zupełnie niemożliwym: *Za nic na świecie; Za żadne skarby świata; Nem adnám a világért* [Nie oddałbym nawet za cały świat = Nie oddałbym za nic na świecie] itp.

Z powyższego porównania wynika, że obraz świata utwalony we frazeologizmach obu języków dotyczących nieba i świata wykazuje wiele podobieństw, aczkolwiek widoczna jest również pewna specyfika postrzegania świata. W niektórych przypadkach przykłady polskie nie mają swych odpowiedników w języku węgierskim, a w niektórych węgierskie w języku polskim. Zauważalna jest również znaczna różnica ilościowa dotycząca frazeologizmów istniejących w omawianych tu językach.

Literatura

Bańczerowski, J. (2012) A frazeológia mint az emberi világkép tükröződése. // Magyar Nyelvőr, 2012. 136/4. s. 457-461.

Bąba, St. – Liberek, J. (2003) Słownik frazeologiczny współczesnej polszczyzny. Warszawa.

Bárdosi V. (2003) Magyar szólástár. Szólások, helyzetmondatok, közmondások értelmező és fogalomköri szótára. Budapest.
Biró I. – Schlandt H. (1937) Szólások és fordulatok. Pécs.
Dziewońska-Kiss, Dorota (2011) Néhány megjegyzés a frazeológia szerepéről a világ nyelvi képének rekonstruálásában (magyar és lengyel anyag alapján). // Bárdosi Vilmos (ed.). Tegnapi filológiánk mai szemmel. Budapest, s. 71-77.
Kłosińska, A. – Sobol, E. – Stankiewicz, A. (2011) Wielki słownik frazeologiczny z przysłowiami. Warszawa.
Krzyżanowski, J. (1970) Nowa Księga Przysłów i Wyrażeń Przysłowiowych Polskich. Warszawa.
Litovkina, A. (2005) Magyar közmondástár. Közmondások értelmező szótára példákkal szemléltetve. Budapest.
Margalits E. (1896) Magyar közmondások és közmondásszerű szólások. Budapest.
Masłowscy, D., i Wł. (2000) Księga przysłów polskich. Kęty.
O. Nagy G. (1976) Magyar szólások és közmondások. Budapest.
O. Nagy G. (1988) Mi fán terem? Budapest.
Póra F. (1991) A magyar rokonértelmű szók és szólások kézikönyve. Budapest.
Skorupka, St. (1977) Słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa.

Oznaczenia:
[] – w nawiasie kwadratowym podane jest dosłowne tłumaczenie i aktualne znaczenie oznaczone znakiem równości =.
= znak ekwiwalentu

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 94-99
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.94

Ernest Barić
(Pečuh, Mađarska)

U KOJOJ MJERI MOGU DVOJEZIČNI RJEČNICI PRATITI PROMJENE DRUŠTVENIH ZBIVANJA

Abstract: The consideration of the structural changes in the countries of Central Europe and Central Eastern Europe at the end of the 80s and at the beginning of the 90s and the consequent radical social reforms raise the issue of applicability of the bilingual (Hungarian-Croatian and Croatian-Hungarian) dictionaries. In my paper I present specific examples supporting the gap between the rising expectations on the usesrs' side and the scope offered by the existing dictionaries.

Keywords: bilingual dictionaries, dictionary users, selecting dictionary entries, linguistic purism

Uvodne napomene

O tome koliko postojeća dvojezična leksikografska literatura s hrvatskim jezikom kao izvornim ili ciljnim zadovoljava stvarne potrebe korisnika može se govoriti na osnovi podataka o trenutno na mađarskom tržištu dostupnim, inače ne malobrojnim rječnicima, iako pretežito dominiraju isključivo oni džepnog formata. S druge strane, sam broj ili veličina rječnika nije pouzdan pokazatelj do koje je mjere potreba za dvojezičnim priručnicima uistinu zadovoljena, kako brojem tako i kakvoćom. Procjene stručnjaka, lingvista, kao i onih koji se u svom poslu dnevno služe leksikografskim pomagalima, poput prevoditelja i nastavnika jezika, ali i studenata i drugih korisnika kojih je sve više, počivaju na bogatu iskustvu i nisu tek apstraktne impresionističke pretpostavke. No istodobno, valja dopustiti da takve procjene mogu biti pod presnažnim utjecajem pojedinačnih, ma kako stručnih kriterija. Prilično je vjerojatno, ipak, da bi se i opsežnija empirička istraživanja u velikoj mjeri podudarala s više ili manje intuitivnom procjenom stručnjaka o stvarnom stanju. Višejezični odnosno dvojezični rječnici već po tradiciji pripadaju u instrumentarij svih onih koji ili praktično primjenjuju strane jezike na radnim mjestima ili se njima bave, recimo u nastavi stranoga jezika. U tom smislu možemo ih smatrati primarnim pomagalima u procesu prilaza stranome jeziku. Upotreba je rječnika u takvoj mjeri normalna pojava da se korisnici obično i ne pitaju zašto i u kakvim se situacijama služe kojim rječnikom. Iz toga možemo izvući zaključak da postoji neka vrsta intuitivnosti, pa i nejasnoća o tome što pojedini rječnici nude, tj. na što stavljaju težište, odnosno što se prema tome može od njih očekivati. Drukčije rečeno, korisnik kad izabere rječnik, postupa manje-više intuitivno.

1. Svjetski jezici, tzv. mali jezici

U nizu pitanja u vezi s pristupom i ocjeni postojećih hrvatsko-mađarskih i mađarsko-hrvatskih dvojezičnika, u današnje vrijeme svekolikih promjena, htjeli mi to ili ne, sve više izbija u prvi plan praktična upotrebljivost tih jezičnih pomagala, i to ne samo za uže „strukovnjake“ već za sve širi sloj korisnika. Najjednostavnije i najopćenitije načelo procjene „upotrebljivosti” jest ono prema kojem se može utvrditi ima li svaka skupina korisnika na raspolaganju leksikografska pomagala za sve svoje potrebe ili ne, te u kojoj mjeri. Ni u Mađarskoj ni u Hrvatskoj nema većih problema u tom pogledu kada su u pitanju svjetski jezici, poput engleskog ili njemačkog, jer u praksi se podrazumijeva da postoje odgovarajući dvojezični rječnici za školsku populaciju, priručni ili džepni rječnici za nestručnjake, turiste i slične povremene korisnike, rječnici za studente (stranih jezika) i druge napredne korisnike i jezične stručnjake te, naposljetku, rječnici za prevođenje tekstova na općem jeziku, ali i jeziku pojedinih struka, na strani jezik i sa stranog jezika. U slučaju tih jezika valja napomenuti da su kao pravilo dvojezični i jednojezični rječnici međusobno komplementarni. Dakako, znatno je gora situacija s tzv. malim jezicima i u pogledu jednojezičnih opisnih, ali i dvojezičnih rječnika. Pri tome, bez obzira na to o kojim se općim dvojezičnim rječnicima radilo, uvijek se postavlja pitanje kojim bi osobinama, aspektima i područjima jezika trebalo posvetiti veću pozornost: a) izgovoru, b) prijevodnim ekvivalentima, c) podacima o gramatičkim posebnostima riječi, d) sintaktičkom ponašanju riječi i njezinim kolokacijama, e) značenjskim posebnostima i ograničenjima riječi, f) kulturno-civilizacijskim posebnostima značenja, g) frazeologiji i idiomima, h) obradi tzv. funkcionalnih riječi, i) enciklopedijskoj informaciji, j) slengu i drugim žargonima, k) tehničkom i strukovnim vokabularima, a navedeni niz pristupa mogli bismo i nastaviti. Zadovoljavanje svih istaknutih zahtjeva po prirodi stvari nadilaze granice tradicionalnoga leksičkog opisa. Spomenimo uzgred da neka iskustva potkrepljuju bojazan od „pretjerane” porabe dvojezičnih rječnika zbog toga što kod korisnika može pojačati lažno uvjerenje o postojanju doslovne leksičke ekvivalencije, te bi stoga valjalo upućivati korisnike da se što više služe jednojezičnim rječnicima, budući da oni potiču usvajanje stranoga vokabulara u prirodnijem jezičnom ozračju. Naš je stav, najgrublje rečeno, da korisnike u svakom slučaju valja odgajati za djelotvorno korištenje i jednojezičnih i dvojezičnih rječnika; oni se nikako ne smiju međusobno isključivati, već ih valja naučiti rabiti kao komplementarne priručnike.

2. Izbor jezične građe

Imajući u vidu do sada iznesene mnogobrojne, odreda aktualne i značajne aspekte primarno dvojezičnih rječnika, u ovome radu pozornost usredotočujemo na jedno od temeljnih pitanja tih rječnika, naime na izbor jezične građe. Smatramo da pri izboru jezične građe ne samo za dvojezične

rječnike svjetskih jezika već i za tzv. male jezike kao što su hrvatski i mađarski, valja voditi računa o reprezentativnosti izbora, i to u smislu da na odgovarajući način bude zastupljen aktualni opći leksik, u našem slučaju hrvatskoga i mađarskoga jezika. Takav pristup ne isključuje uvjerenje da u svaki dvojezični hrvatsko-mađarski i mađarsko-hrvatski rječnik treba biti uključen i znatan dio onog vokabulara koji je prodro u opći jezik iz raznih drugih slojeva. Zbog posebnosti razvoja i standardizacije hrvatskoga jezika mislimo da je korisno unijeti u dvojezični rječnik leksičke jedinice koje su u općeuporabnom leksiku markirane na sasvim specifičan način. Mislimo tu na semantički sinonimne ili bliske leksičke jedinice kao što su: uskrsno jaje i pisanica, piri i puše, kiša i dažd, stolac i stolica, obućar i postolar, na regionalizme poput: marenda, gablec, barba, nono, šjor, striček i sl. Jednako tako je korisno unijeti u rječnik i jedinice koje pripadaju raznim stilskim registrima npr.: dijete i čedo, usta prema njuška i gubica, lice prema faca, jesti prema žderati, papati i klopati, nemati novaca i nemati love, nabaviti pare prema žicati pare, doviđenja i bog itd. Listajući postojeće domaće dvojezičnike možemo konstatirati da oni manje-više vode računa o navedenim aspektima i posebnostima. Međutim, ni približno ne stoji pozitivna ocjena u slučaju vrednovanja reprezentativnosti odabira leksičke građe suvremenoga hrvatskoga i mađarskoga jezika, naročito onoga dijela koji je iz strukovnih područja ušao u suvremeni općeuporabni leksik. Nema sumnje da u naše vrijeme posebnu ulogu igraju područja kao što su: politika, moderni mediji, tehnika, gospodarstvo, informatika, sport, medicina i sl. Stoga, ako bismo trebali načiniti ljestvicu prioriteta svakako da bi dvojezični rječnik trebao obuhvaćati i pokrivati najnoviji vokabular spomenutih područja. Ovakva se očekivanja mogu formulirati općenito, neovisno o jeziku, ali ona trebaju sadržati i specifičnosti pojedinih jezika, posebno u zemljama Srednje Europe. Otuda kada je riječ o mađarskom, a naročito o hrvatskom jeziku, treba svakako voditi računa o velikim jezičnim promjenama zadnjih dvadesetak godina koje su se odvijale zbog svjetske globalizacije i internacionalizacije na jednoj, te gospodarskih, financijskih i političkih mijena nakon demokratskih promjena na drugoj strani. Sasvim je nesporno da svi spomenuti segmenti društvenoga života u ovim prostorima zahvaćeni tim promjenama, a koje itekako zadiru i u svakodnevnu egzistenciju građana, moraju naći svoje mjesto i u dvojezičnim hrvatsko-mađarskim, odnosno mađarsko-hrvatskim rječnicima. Ovo je potrebno pogotovo zato što pojedini jezici na spomenute izvanjezične, točnije sociolingvističke promjene ne reagiraju na isti nego na različit i svojevrstan način.

3. Što unijeti u dvojezični rječnik od vokabulara nastalog nakon demokratskih promjena?

U svim postkomunističkim zemljama, u nekima prije u nekim pak nešto kasnije, došlo je do demokratskih promjena, pa tako i u Mađarskoj 1989., a dvije godine kasnije 1991. i u Hrvatskoj, uslijed čega u najvažnijim područjima

života nastaje čitav niz novih riječi i izraza kao jezični odraz sveobuhvatnoga preobražaja društva. U skladu s tim promjenama utemeljuje se npr. poveći broj novih, ranije nepostojećih ustanova, nastaju novi pojmovi u vezi s djelovanjem tih institucija. Sada već imamo i vremenski odmak od dvadesetak godina i djelovanje nekoliko vlada s različitim političkim opcijama u obje zemlje, s mnoštvom novih naziva primjerice ministarstava, preustroja u upravljanju gospodarstvom i raznim područjima društva, što po prirodi stvari donosi nove termine za imenovanje novih realija koje – zahvaljujući medijima masovnog priopćavanja – za razmjerno kratko vrijeme ulaze iz sfere strukovnih termina u općeuporebni rječnik. Pri tome se ispostavilo čak i to da je veoma korisno da bude u rječniku zastupljen i poveći broj kratica jer ćemo ih čuti danas u vrijeme ubrzane komunikacije na svakom koraku, tim prije jer su pokraćivanja potaknuta i širokom praksom SMS poruka u mobilnoj telefoniji. Tako se sve češće uz ranije rabe i nove kratice novonastalih ustanova, tvrtki, organizacija, a nepoznavanje kojih znatno može otežati razumijevanje i ophođenje na mađarskom i hrvatskom jeziku. Evo nekoliko primjera: MTA (Magyar Tudományos Akadémia – Mađarska akademija znanosti), KSH (Központi Statisztikai Hivatal – Državni zavod za statistiku), MÁV (Magyar Államvasutak – Mađarske željeznice), ÁSZ (Állami Számvevőszék – Državni ured za reviziju), NAV (Nemzeti Adó és Vámhivatal – Nacionalna porezna i carinska uprava), ÁFA (általános forgalmi adó – porez na dodanu vrijednost), Kft (korlátolt felelőségű társaság – društvo s ograničenom odgovornošću), HAZU (Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti – Horvát Tudományos és Művészeti Akadémia), HNK (Hrvatsko narodno kazalište – Horvát Nemzeti Színház), HŽ (Hrvatske željeznice – Horvát Államvasutak), HC (Hrvatske ceste – Állami Közútkezelő Kht), KBC (Klinički bolnički centar – Klinikai Központ), HGSS (Hrvatska gorska služba spašavanja – Horvát Hegyimentő Szolgálat), PDV (porez na dodanu vrijednost – általános forgalmi adó), D.o.o. (društvo s ograničenom odgovornošću – korlátolt felelőségű társaság) itd. Primjenjujući metodu retrospekcije za ilustraciju ukorjenjivanja novih riječi u razdoblju od demokratskih promjena naovamo, poći ćemo i navesti one „najsvježije" i najnovije, kao i one s početka spomenutoga perioda, a koje traže svoje mjesto i u dvojezičnim hrvatsko-mađarskim i mađarsko-hrvatskim rječnicima. Od najnovijih tu su: túlzott deficit eljárás (megszüntetése) – (ukidanje) postupka zbog previsokoga proračunskog manjka, megszorító, kiigazító intézkedések – mjere restrikcije i korekcije, hitelminősítő intézet – rejtinška agencija, tranzakciós adó – porez na transakcije, online pénztárgépek – fiskalne blagajne, számitógépes bűntény – računalni kriminal i sl. Ako pak krenemo od početka devedesetih, dobit ćemo respektabilan popis danas već zaživjelih novih riječi i izraza. Da navedemo poneke od njih: részvény – dionica, osztalék – dividenda, értékpapír – vrijednosnice (vrijednosni papiri), gazdasági szerkezetátalakítás – restrukturiranje gospodarskog sustava, reklámár – promotivna cijena, költségvetés módosítása – rebalans proračuna,

adósságátütemezés – reprogramiranje duga, vállalkozó – poduzetnik, tajkun – újgazdag/oligarcha, otpremnina – végkielégítés, dubinsko snimanje/dubioza – átvilágítás, drogbáró – narko boss, hladni pogon – működési költség, közbeszerzés – javna nabava, szóvívő – glasnogovornik, nagykövet – veleposlanik, megbízólevél – vjerodajnice, tisztségviselő – dužnosnik, útlevél – putovnica, tiszt – časnik, laktanya – vojarna, nyugdíj – mirovina, Alkotmánybíróság – Ustavni sud, vezérkar – glavni stožer, számítógép – računalo, reketarenje /iznuđivanje novca – védelmi pénzbeszedés, kamerával felügyelt hely – videonadzor, kivetítő – videozid, kommandósok – specijalci, kilakoltatás – deložacija, matrica-vinjeta, szőrtelenítés – depilacija, biotermék – ekoproizvod, üvegbetét – povratna naknada za boce, zérótolerancia – nulti tolerancija, jövedelemsáv – imovinski/dohodovni cenzus, tanösvény – poučna staza, szagelszívó – napa, energiatanúsítvány – energetski certifikat, láthatósági/fényvisszaverő mellény – fluorescirajući prsluk, bombariadó – lažna dojava, gyűlöletbeszéd – jezik mržnje, hirdetőtábla – reklamni pano, exitpol felmérés – izlazne ankete, kertépítő mérnök – krajobrazni arhitekt, GPS (dzsipiesz) készülék (Andrea) – GPS navigator (Ančica), fűtésszabályozó (beépítése) – (ugradnja) razdjelnika topline, bukóablak – otklopni prozor, természetgyógyászat – alternativna medicina, csontkovács – kiropraktičar, parlagfű – ambrozija itd. Navedene riječi i izrazi jasno svjedoče i o jezičnoj politici samostalne Hrvatske u smislu reaktiviranja u bivšoj državi potiskivanih ili zabranjivanih riječi i izraza, a nastalih u duhu hrvatske purističke jezične tradicije. I najpovršnijom analizom hrvatskoga jezičnoga korpusa lako je uočiti kako hrvatski standardni jezik slijedi mađarskome sličnu purističku tradiciju, pa čak i u pogledu uporabe denotativnoga i konotativnoga značenja leksema, odnosno značenjsko razgraničavanje leksema, od kojih je ovaj drugi u paru, kao pravilo internacionalizam: proračun – budžet – költségvetés – büdzsé, izaslanstvo – delegacija, küldöttség – delegáció, pučki pravobranitelj – ombudsman, szószoló – ombudszman, vjerodajnice – akreditivi (u bankovnom poslovanju), megbizólevél – akkreditiv (hitellevél), knjižnica – biblioteka, könyvtár – bibliotéka, ravnatelj – direktor, igazgató – direktor, kazalište – teatar – színház – teátrum itd. Također je lako uočiti da je u hrvatskom standardnom jeziku mnogo više riječi stranoga podrijetla nego u mađarskom. Što se mađarskoga jezika tiče treba znati da je od demokratskih promjena u mađarski jezik ušlo preko pet tisuća novih riječi, od kojih nemali broj internacionalizama koji se u svakodnevnoj praksi rabe prema paradigmi: veb stranica – veb lap - honlap, internet – internet – világháló, mobilni telefon – mobil telefon – maréktelefon, privatizacija – privatizáció – magánosítás itd., ali je znatan broj suvremenih riječi, u prvom redu anglizama, ili posredstvom engleskoga preuzetih posuđenica bez inačica u vlastitom jeziku, razumije se u fonetski i fonološki adaptiranim oblicima: akkreditáció, fakultáció, reprezentáció, kuratórium, kurátor, kredit, butik, diszkont, szupermarket, pláza, szolárium, diagnosztika, videoklipp, pendraws, klaster, holding, portfólió,

menedzsment, menedzser itd. Hrvatski jezik tipološki ustrojen kao flektivni jezik, u najvećem broju slučajeva, mađarske aglutinativne konstrukcije prevodi s pomoću sufikasa ili prijedložnim konstrukcijama, što također zadaje mnogo glavobolje čak i lingvistički bolje upućenim govornicima. Riječ je o konstrukcijama kao što su: ülésterem – vijećnica, útlevél – putovnica, ajándékbolt – suvenirnica, szülőszoba – rađaonica, mosógép – perilica rublja, mosogatógép – perilica suđa, ülőlift – sedežnica, autópályadíj –cestarina, alagútdíj – tunelarina, üvegház effektus – efekat staklenika, ügyrend – poslovnik, munkatörvény – zakon o radu, vonatjegy – karta za vlak, strandröplabda – odbojka na pijesku, arckrém – krema za lice, részletfizetés – plaćanje u obrocima, árnyékkormány – vlada u sjeni, csúcstalálkozó – susret ili sastanak na vrhu, fejvadász – lovac na glave, tépőzár – zatvarač na čičak itd. Iz predočenog je materijala razvidno da je nužno postojeći leksik mađarsko-hrvatskih i hrvatsko-mađarskih dvojezičnih rječnika s vremena na vrijeme nadopunjavati i osuvremenjivati.

Literatura

Anić, V. (2005) Veliki rječnik hrvatskoga jezika. Novi Liber. Zagreb.

Előry V. (2007) Értelmező Szótár (A-K, L-ZS). Tinta Kiadó. Budapest.

Europski rječnik 8000 pojmova na šest europskih jezika: hrvatski, engleski, njemački, francuski, talijanski, španjolski. (2005) Mozaik knjiga. Zagreb.

É. Kiss K. – Kiefer F. – Siptár P. (2003) Új magyar nyelvtan. Osiris Kiadó. Budapest.

Katičić, R. (2013) Hrvatski jezik. Školska knjiga. Zagreb.

Minya K. (2003) Mai magyar nyelvújítás. Tinta Kiadó. Budapest.

Nyomárkay I. (2013) Szláv szomszédaink. Akadémiai Kiadó. Budapest.

Nyomárkay I. – Víg I. (2004) Kis szláv lexikográfia. BTK. Szláv Filológiai Tanszék. Budapest.

Samardžija, M. (1999) Norme i normiranje hrvatskoga standardnog jezika. Matica hrvatska. Zagreb.

Samardžija, M. – Selak, A. (2001) Leksikon hrvatskoga jezika i književnosti. Pergamena. Zagreb

Silić, I. – Pranjković, I. (2005) Gramatika hrvatskoga jezika. Školska knjiga. Zagreb.

Šonje, J. (2000) Rječnik hrvatskoga jezika. Leksikografski zavod. Školska knjiga. Zagreb.

Stanojčić, Ž. – Popović, Lj. (1992) Gramatika srpskog jezika. Beograd – Novi Sad.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 100-110
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.100

Elizabeta Bernjak
(Sombotel, Madžarska)

ETNONIMI V SLOVENSKI IN MADŽARSKI FRAZEOLOGIJI

Abstract: The article presents the results of the contrastive analysis of phraseological units with ethnonyms in two neighbouring languages: Slovene and Hungarian. The chosen phraseological units are analyzed from the perspective of social psychology and cognitive linguistics. Phraseological units with ethnic stereotypes are often based on prototypical models or their metphorical or metonymical projections, the other/alien in them is perceived from the perspective of one´s own cultural model, which creates the basis for the distinction US – THEM. The analysis shows that phraseological units are often carriers of stereotypical opinions, they are emotionally expressive and represent one nation´s attitudes, positions and also prejudices about the other nation. The selection of phraseological units in this survey contains mainly such with negative connotations – such a perception of others is the consequence of various social, historical and cultural circumstances. The judgments expressed in them show that the speakers of the analyzed languages like to attribute negative qualities to others and specifically to their neighbouring nations. In most of the analyzed phraseological units we see the same ethnonyms (Jews, Gypsies, Spaniards, Turks, the French, the English) that are connected with similar or the same, mainly negative characteristics. Some ethnonyms only appear in Hungarian (Russians, the Polish, the Slovaks). The group of Slovene phraseological units doesn´t contain many cases of negative characterisation of their neighbours (the Hungarians f.i.) and certain phraseological units with ethnonymic elements (the Spaniards f.i.) have probably been borrowed from the German language.

Keywords: phraseological unit, ethnonym, sterotyp, social psychology, cognitive linuistics

1. Teoretična izhodišča

1.1 Primerjava z drugim/tujim ter kategorizacija stvari in pojavov okrog nas sta univerzalna načina spoznavanja sveta in sebe. Stiki s pripadniki drugih kulturnih in jezikovnih skupnosti nas vodijo do stalne primerjave z lastno skupnostjo. Srečanja z drugo kulturo se odražajo tudi v frazeologiji, saj z jezikom izražamo tudi naše socialne, kognitivne in afektivne izkušnje. V tem kontekstu obravnavam frazeme z etnonimskimi sestavinami, ker je v njih prisotno videnje drugih in sebe, pri tem se bom omejila na semantične aspekte izbranih frazemov z vidika socialne psihologije in kognitivnega jezikoslovja. Izhodišče za raziskavo so bili frazeološki enojezični in večjezični slovarji ter

korpusno gradivo[1], na osnovi njihovega preučevanja sem prišla do zaključka, da je sorazmerno malo takih frazemov, ki eksplicitno vsebujejo o lastnem ali o drugem narodu oblikovano stereotipno podobo.

1.2 Frazeologija je področje jezika, ki preko svoje stilistične funkcije in funkcije posredovalca vrednot vsebuje tudi določeno vedenje, včasih zmotno mnenje, stereotipe posameznih narodov o sebi in drugih. Stereotipi[2] so podlaga „narodnih karakterologij", ki s predajanjem kulturnega izročila živijo in delujejo skozi generacije ter dajejo izhodiščno točko za označitev lastnega in drugega naroda. Stereotipni pogled se pogosto druži z etnocentričnim pogledom, v katerem lastna skupina zaseda mesto na pozitivni strani vrednotenjske lestvice, druga/tuja skupina pa na negativni strani. Etnični stereotipi se opredeljujejo kot „poenostavljene in neutemeljene sodbe o narodih ali nacionalnih skupinah oziroma pripadnikih le-teh" (Ule 1997: 157).

1.3 Etnonimi v frazemih označujejo tipične lastnosti kakega naroda. Kot posledica neposrednega ali posrednega izkustva z drugimi narodi se ti običajno etiketirajo po eni sami lastnosti. Etnonim pogosto preide v frazem, ker se z njim povezuje sterotipna predstava o kakem narodu. Tako je npr. frazem *škrt kot Škot* samo jezikovna refleksija že obstoječe stereotipne podobe o zelo skopih Škotih. Izpostavljene lastnosti se posplošujejo in postanejo del pričakovanj o določenem narodu. V stereotipih usidrana podoba sveta označuje kako jezikovno in kulturno skupnost in omogoča, da prikličemo take kategorije, ki olajšajo našo orientacijo v zapleteni objektivni stvarnosti s tem, da z opravičevanjem sprejemanja ali zavračanja dane skupnosti prispevajo k določitvi, okrepitvi in varovanju lastne pozicije (prim. Wenzel 1978: 20-22).

1.4 Stereotip, kot ga je prvi znanstveno formuliral sociolog Walter Lippman (1922), je taka, »v naši glavi« shematična in poenostavljena slika, ki se nanaša na kako skupino ljudi, predmetov ter pojavov in nam omogoča lažjo orientacijo v svetu, temelji pa na načelu ekonomičnosti zaznavanja. O nastanku stereotipov je več razlag, od teh sta za ta prispevek relevantne kognitivne in socialno-psihološke interpretacije. V kognitivnem pojmovanju so stereotipi mentalni programi, ki pridobljene informacije ne samo urejajo in kategorizirajo, ampak jih tudi konceptualizirajo, torej jih tudi interpretirajo po kulturnih vzorcih dane komunikativne skupnosti (prim. Lakoff 1987: 87). V socialno-psihološkem pristopu pa so stereotipi tvorbe, ki omogočajo ohranitev lastne identitete in hkrati predstavljajo tudi tvorni del identitete. V socializacijskem procesu se oblikuje razlikovanje med MI in ONI. Klasificiranje po MI in ONI zrcali določen miselni samoobrambni proces. Po socialno-psihološki razlagi se za stereotipi skriva strah, da bi zgubili svojo samoidentiteto, kar zagotavlja

[1] Slovar slovenskega knjižnega jezika I-V (1970-1991); Janez Keber: Slovar slovenskih frazemov, 2011; Mukics Ferenc: Magyar-szlovén frazeológiai szótár, 1993; Forgács Tamás: Magyar szólások és közmondások szótára, 2003; O. Nagy Gábor: Magyar szólások és közmondások, 1976; FidaPlus.

[2] Stereotip je po etimologiji zloženka iz grških besed stereos 'trd, tog' in typos 'oblika, vzorec, šablona' (Anton Dokler, Anton Breznik, Frančišek Jere: Grško-slovenski slovar, 1999).

pripadnost skupini MI in pod vplivom tega vodijo do oblikovanja takega obnašanja, ki se usmerja proti drugim, tujim (prim. Quasthoff 1988: 38).

1.5 Številne pojave sveta okrog nas ne bi bili zmožni sprejemati, če jih po določenih selekcijskih kriterijih ne bi razvrščali v kategorije. Uvrščanje stvari in pojavov v kategorije, njihovo stereotipiziranje je v tesni zvezi z lastno kulturo vsakega posameznika, saj se vanjo tako rekoč »vrodimo«, stereotipe dobimo gotove od naših prednikov z osvojitvijo jezika, navad in kulturnih norm. Stereotipi ne nastajajo samo o drugih skupinah ali narodih, ampak v nas živijo tudi stereotipne podobe in vrednostne sodbe o lastni skupini (Hunyadi 1996: 12-44). Allport (Allport 1994: 246) pravi, da je stereotip podoba, ki spremlja kategorijo, pri njegovem nastajanju sodeluje tudi osebni vrednotenjski sistem. O stereotipu namreč lahko govorimo le tedaj, ko se kategorija napolni s podobami in sodbami. Tako je npr. kategorija „cigani" lahko nevtralna, pojem, ki se nanaša zgolj na etnično skupino, etnični stereotip postane takrat, ko se izvorna kategorija napolni s slikami in sodbami o ciganih, ki sugerirajo, da so cigani leni, brezdelni in bogve še kakšno ljudstvo.

1.6 Stereotip ima pomembno vlogo tudi v kognitivnem jezikoslovju, ki veliko pozornosti namenja človekovi mentalni strukturi oz. temu, kako se pojmi iz vsakdanjega življenja oz. pomeni jezikovnih izrazov mentalno reprezentirajo (prim. Ivanetić Bremer 1999: 50). Človek mentalno osvaja svet okrog sebe tako, da ga klasificira v kategorije, tipični predstavnik kategorije je prototip. Idealno mentalno reprezentacijo normalnega primera označuje Putnam (1975: 249) kot stereotip. Stereotipi vsebujejo značilnosti, ki definirajo prototip, torej atribute, ki so za dano vrsto karakteristični, tipični. V frazemih kot *büszke, mint a spanyol grand* (ponosen kot španski grand) ali *krasti kot cigan* je tipični atribut Špancev ponos, ciganov pa kradljivost, vsi predstavniki teh skupin se potem identificirajo s temi lastnostmi.

2 Aksiološki vidik protistave frazemov z etnonimi

2.1 Pri presojanju sosedskih in drugih narodov imajo poleg neposrednih izkustev bistveno vlogo tudi skozi stoletja izoblikovani stereotipi o njih. V medkulturnih stikih se vsakodnevno srečujemo z izjavami, mnenji in vrednotenji, katerih osnovo predstavlja splošna, na celo skupnost nanašajoča se sodba. Lastno skupino vedno razločujemo od druge, zunanje skupine. Razlikovanje med MI in ONI je nujno za izoblikovanje človekove identitete, hkrati je tudi načelo za urejanje vedenja o drugem, za urejanje sveta okrog nas v kategorije, torej za konstituiranje strukture našega vedenja. Osnova za nastanek stereotipov so lahko zgodovinska dejstva, poenostavitve, posplošitve, pretiravanja, rasistične, seksistične in druge diskriminacijske oblike. V obravnavanih jezikih obstajajo stereotipi, ki se nanašajo na drug narod, t. i. etnični heterostereotipi (npr. *nemška natančnost*, *togi Angleži* ipd.) in stereotipi, ki se nanašajo na lastni narod, t. i. etnični avtostereotipi (npr. *kranjski Janez*) (prim. Ciglenički 1992: 173). O drugem/tujem ustvarjeni stereotipi pogosto sovpadejo s podobo o lastni skupini, samo presojevalec lastnosti ni vedno isti.

Miroljubnost je npr. pozitivna lastnost z vidika krščanskega vrednostnega sistema ter z vidika sožitja, s strani druge skupine pa se lahko vrednoti tudi kot nezmožnost, nemoč; ponos kot pozitivna lastnost je lahko s strani drugega tudi oholost. V raziskavi se je pokazalo, da v obravnavanih jezikih prevladujejo tisti stereotipi, ki imajo v frazemih negativno konotacijo. Odnos do tujih se pogosto pokaže v šaljivi, zaničljivi in pejorativni rabi etnonimov.

2.2 Pripadnost k danemu kulturnemu krogu, v našem primeru evropski kulturi, hkrati pomeni tudi to, da se določanje v jeziku zaznamovanih civilizacijskih meja dogaja tako, da se zavrača vse, kar ne spada v pomenski krog evropske civilizacije, npr. taka negativna vrednotenja človekovih lastnosti, kot so laž, goljufija, agresivnost, grobost, divje navade, nevzgojenost, nevednost, nemoralnost, izsiljevanje itd. Pripadnost k evropski kulturi jezikovno ne pomeni samo tega, da sprejemamo vse, kar je družljivo z zahodno civilizacijo. Jezikovna analiza kaže, da je slabo lahko le tujega izvora. Seveda to ne pomeni, da govorci obravnavanih jezikov ne preferirajo evropske civilizacije, izbrani frazemi pa dokazujejo, da si ob tem prizadevajo izpostaviti lastne vrednote, navade, svetovni nazor, mentaliteto, kulturne razlike in narodno identiteto, pogosto tudi tako, da druge narode vidijo v ksenofobnem zrcalu. V večini frazemov se etnonimi pojavljajo z negativno konotacijo. Na primer ime naroda, dozdevnega sovražnika, so v preteklosti pogosto uporabljali za poimenovanje bolezni: *angleška bolezen, francoska bolezen:_ spanyolnátha* (španska mrzlica)*, angolkór* (angleška bolezen)*, német rák* (nemški rak).

2.3 Znano je, da je v frazeologiji kodiran pomemben del kulturnega spomina vsake jezikovne skupnosti. V frazemih je ljudstvo ovekovečilo vtise o srečanjih in stikih z drugimi in jasno individualiziralo tujce z izpostavitvijo ali pretiranim poudarjanjem kake njihove negativne lastnosti: *kleti/preklinjati kot Madžar: dohányzik, mint a török* (kadi kot Turek).

2.4 Etnični stereotipi so specifične tvorbe dane jezikovne in kulturne skupnosti, njihov obseg je določen z vrednotenjskim sistemom vsakokratne skupnosti. Izkustvo z drugo skupnostjo in njeno kulturo zaznavamo glede na lastni model obnašanja: *balkanske razmere: balkáni/ázsiai állapotok* (balkanske/azijske razmere). Stiki med skupnostmi vsebujejo tudi čustvene oznake, ki se nanašajo na vrednotenje in izražanje stališč do drugih iz zornega kota lastnih vrednot in norm. Čutna imajo zelo kompleksno konceptualno strukturo, pa vendarle v stereotipni percepciji drugih prevladuje črno-bela optika, tj. pozitivno ali negativno vrednotenje, redkeje nevtralno. V naboru frazemov je pozitivno vrednotenje redko: *nemška natančnost, švicarska točnost : német alaposság* (nemška temeljitost); v večini etnonimskih frazemov, kot smo že omenili, prevladuje negativno vrednotenje: *smrdeti kot cigan, balkanske razmere, oditi po francosko, narediti se Francoza*: *angolosan távoik* (oddaljiti se po angleško)*, csehül áll/van vmivel* (biti s čim po češko 'kaj slabo kazati'), *poros merevsg* (pruska togost).

2.5 Socialna psihologija izhaja iz predpostavke, da kohezija vsake skupnosti temelji na določeni distanci in razmejevanju od drugih skupnosti, ki med

drugim implicira tudi pretežno pozitivno predstavo o sebi (prim. Quasthoff 1988: 45). Etnični stereotipi odražajo vedenje o določeni narodni skupnosti, ta socialni stereotip o skupnosti se potem ponavlja tudi v frazemih. Tako posploševanje kažejo frazemi kot *kaditi kot Turek, preklinjati kot Madžar: dohányzik, mint a török* (kadi kot Turek). V obravnavanih jezikih obstajajo etnonimiski frazemi, v katerih se celotnemu narodu pripisujejo določene negativne lastnosti: slovenski frazem kot npr. *oditi po francosko* in madžarski frazem *angolosan távozik* (oditi po angleško) v pomenu 'oditi brez slovesa, na skrivaj', ali npr. nagnjenost ciganov do laganja v madžarščini in slovenščini: *a cigány sem mond mindenkor igazat* (tudi cigan ne govori vedno resnice): *lagati kot cigan*, kažejo, da se drugi/tuji zaznavajo na isti ali podoben način, kar priča o univerzalnem značaju negativnih lastnosti drugih/tujih (prim. Eismann 1994:94).

3. Etnonimi v slovenskih in madžarskih frazemih

Pri nastajanju stereotipov sodeluje več dejavnikov: izkustvo, kultura, čustvo. To se kaže v frazemih z imeni narodov, ljudstev, s katerimi so obstajali/obstajajo neposredni intenzivni stiki, tako Madžarov z Judi, Cigani, Nemci, Slovaki, Poljaki, Turki, Čehi; Slovencev z Nemci, Cigani, Madžari, Turki ter z narodi bivše Jugoslavije.

3.1 Poljaki

Slovenci niso imeli neposrednih stikov s Poljaki, tako v korpusu ni frazemov s tem etnonimom, Madžari so bili tudi zgodovinsko tesneje povezani s Poljaki, a tudi v madžarskem korpusu je malo frazemov o Poljakih, ti pa so vedno negativno konotirani: *lengyel lopó* (poljski tat 'dober tolovaj'); *kérkedő, mint a lengyel* (bahaški kot Poljak 'hvalisav').

3.2 Judje

Negativno konotacijo vsebuje tudi večina slovenskih in madžarskih frazemov z etnonimom Jud: *skop kot Jud/skopi Žid* ('zelo skop'), *biti kdo Judež* ('ovaduh'), *judežev poljub* ('hinavski, neiskren'), *večni Žid* ('nemiren, iščoč, večno nezadovoljen človek'); *járkál vki, mint a zsidóban a fájás/fájdalom* (hoditi kot v Židu bolečina,'brezciljno hoditi naokrog'), *járkál, mint a zsidó az üres boltban* (hoditi sem ter tja kot Žid v prazni trgovini 'biti nestrpen'), *fél, mint a zsidó a kereszttől* (bati se kot Žid križa 'zelo se bati'); v madžarščini se etnonim Jud izjemoma vrednoti tudi pozitivno, npr. *erős, mint a zsidó vallás* (močan kot židovska vera 'zelo močan').

3.3 Čehi

Frazemi z etnonimom Čehi se pojavljajo v madžarskem jeziku in imajo pretežno negativno konotacijo*: csehül áll vki* (češko stoji kdo 'biti v težavah'), *csehül áll/van vmivel* (biti s čim po češko 'slabo kazati kaj komu'), *csehül érzi magát* (počutiti se po češko'slabo se počutiti').

3.4 Turki

V obeh jezikih obstajajo frazemi z etnonimom Turki, večstoletno zgodovinsko izkustvo in čustveni naboji so prispevali k temu, da so se ti

frazemi ohranili vse do danes, zlasti v madžarski frazeologiji: *törököt fog* (vkivel/vmivel) vki (uloviti kdo s kom/čim Turka 'doseči, kaj, kar si želimo'); *megszokja, mint a török a pipát* (navaditi se kot Turek pipe 'zelo se navaditi česa'); *dohányzik, mint a török* (kadi kot Turek 'veliko kaditi'), *nincs török a hátunkon* (nimamo Turka na hrbtu 'ni potrebno hiteti'), *Rossz szomszédság török átok.* (Slabo sosedstvo je turško prekletstvo.'slab sosed je velik udarec'). Negativni pomen imajo tudi slovenski frazemi o Turkih: *kleti/preklinjati kot Turek* ('zelo preklinjati'), *kaditi kot Turek* ('veliko, pogosto'), *lagati kot Turek* ('veliko, pogosto'), *zbit/zdelan kot turška fana* ('zelo izmučen'), *to je za koga turško* ('popolnoma neznano'), *obnašati se kot Turki* ('divje, zastrašujoče'); nevtralno motiviran je npr. slovenski frazem: *sedeti po turško* (s prekrižanimi nogami v isti višini kot je zadnjica).

3.5 Cigani

Cigani kot etnonim so sestavina frazemov v obeh jezikih, njihova stereotipna podoba kaže negativno vrednotenje: *smejati se kot cigan belemu kruhu* ('široko, na vsa usta'), *biti kot pri ciganih* ('vse biti v neredu'), *krasti kot cigan* ('zelo'), *smrdeti kot cigan* ('zelo'), *lagati kot cigan* ('zelo, močno lagati'), *črn kot cigan* ('temnopolt') : *Minden cigány a maga lovát dícséri.* (Vsak cigan svojega konja hvali. 'vsakdo izpostavlja svoje'), *ha a cigánygyerekek potyognak is az égből, akkor is/sem* 'če bodo padali ciganski otroci z neba, tudi tedaj/ne 'vsekakor oz. nikakor'), *megszokja, mint a cigány a verést* (navaditi se česa kot cigan tepeža 'sprijazniti se s čim'), *fekete, mint a cigány* (črn kot cigan 'zelo temnopolt').

3.6 Nemci

Nemci so v madžarski jezikovni podobi sveta zahrbtni, neumni, nezanesljivi, nihče jih ne razume, nikogar ne poslušajo, ne držijo besede, imajo neprikupen zunanji videz, a so tudi temeljiti: *ráncos, mint a szász csizma* (gubast kot saški škorenj 'zelo gubast'), *sovány, mint a sváb lábszár* (suh kot švabska golen'zelo suh'), *német asszony napján lesz meg* (na dan nemške ženske bo kaj 'nikoli'), *akár a részeg németnek beszélj* (kot bi govoril pijanemu Nemcu 'zaman, ne posluša'), *fele német, fele tót* (na pol Nemec, na pol Slovak 'podel, nizkoten'), *német alaposság* (nemška temeljitost 'natančnost'). V redkih slovenskih frazemih so Nemci pozitivno vrednoteni: *nemška natančnost* ('velika natančnost'), *nemška disciplina* ('stroga disciplina').

3.7 Španci

Etnonim Španci in pridevnik španski je sestavina frazemov v obeh jezikih, asociira oddaljenost, neznano, nerazumljivo, v madžarskem frazemu tudi ponos, oholost, obsedenost: *büszke vki, mint egy spanyol grand* (ponosen kot španski grand 'zelo ponosen'), *azt hiszi vki, hogy ő találta fel a spanyolviaszt* (misli, da je iznašel španski vosek 'imeti se za posebnega, znano stvar oznanjati kot novo'), *őrült spanyol* (ponoreli Španec 'obseden, fanatik'); v slovenskem korpusu se ta etnonim pojavlja v frazemih *biti kaj španska vas* ('popolnoma neznano'), *to so za koga španski kraji* ('popolnoma neznano').

3.8 Rusi

V madžarskem korpusu so pogosti frazemi o Rusih, ki imajo največkrat pejorativen pomen, v njih se izpostavlja njihova nizka duhovna raven, glasno obnašanje, pijančevanje, preklinjanje in pohotnost: *okos orosz ritkaság* (pameten Rus je redkost), *ordít, mint az orosz az ólban* (kriči kot Rus v svinjaku 'zelo kričati'), *az orosz medve* (ruski medved - zaničljiv izraz za Rusijo), *orosznak csak délig van esze* (Rus ima pamet samo do poldneva 'pozneje je pijan'), *annyian vannak, mint az oroszok* (toliko jih je kot Rusov 'zelo veliko'). V slovenskem korpusu se etnonim Rusi pojavi metonimično v frazemu *ruska duša* ('sentimentalna duša') in v frazemu *biti koga/česa kot r(R)usov* 'zelo veliko', kjer je občna beseda rus'žuželka' le homonimna lastnemu imenu Rus 'prebivalec Rusije'.

3.9 Slovaki

V madžarskem korpusu so pogosti frazemi oTótih/Slovakih, v katerih so izpostavljene predvsem negativne lastnosti: ne marajo kislega mleka, radi imajo pogače, so izbirčni, jokavi, nehvaležni, npr. *úgy hiányzik/kell vkinek vmi, mint üveges tótnak a hanyattesés* (tako manjkati/treba komu kaj kot slovaškemu steklarju padec vznak 'ne biti potreben česa'), *Adj a tótnak szállást, kiver a házadból*.(Daj prenočišče Tótu, pa te vrže iz tvoje hiše. 'nehvaležnost za dobra dejanja'), *örül neki, mint a tót a pogácsának* (veseliti se česa kot Tót pogače 'zelo se veseliti'), *válogat, mint a tót a vadkörtében* (izbirati kot Tót v lesniki 'biti zelo izbirčen').

3.10 Avtostereotipi

V obravnavanem korpusu se pojavljajo tudi avtosterotipi, predvsem v madžarski frazeologiji. Madžari sebe pozitivno vrednotijo, toda v nekaterih frazemih so tudi negativne sodbe o sebi: *magyar átok* (madžarsko prekletstvo 'razdor, sovraštvo'), *Három a magyar igazság*.(Tri je madžarska resnica. 'iz vsake dobre stvari je treba tri'), *Sírva vigad a magyar.* (Madžar se jokaje veseli.'v veselju je tudi žalost'*), a magyar ugar* (madžarska ledina 'madžarska zaostalost'), *magyar betegség* (madžarska bolezen 'jetika, malarija, razkol'), *magyar ember megtartja a szavát* (madžarski človek drži besedo 'Madžar je verodostojen'), *magyarnak nyelvén a szíve* (Madžar ima srce na jeziku 'Madžar je odkritosrčen), *ha két magyar együtt van, háromfelé húz* (če sta skupaj dva Madžara, vlečeta na tri strani ' Madžari niso enotni, solidarni'). Slovenci o sebi pravijo, da so pridni, delavni, pošteni, a frazemi z avtostereotipom Slovenci v korpusu ne obstajajo, zaslediti je mogoče t. i. »notranje heterostereotipe«, ki so med drugim posledica nekdanje deželne ureditve v stoletjih habsburške vladavine, in še ožje, obstajajo celo heterostereotipi na osnovi pokrajinske pripadnosti, npr. o Gorenjcih: *skop kot Gorenjci/skopi Gorenjci* 'zelo skop'.

3.11 Drugi narodi

Nekateri etnonimi so v frazeološkem korpusu manj frekventni, tako npr. Italijani, Hrvati, Azijci, Balkanci, Indijanci, Švicarji, Valižanci, pripisujejo se jim različne sterotipne lastnosti: *že sedem laških/hrvaških let* ('zelo dolgo'), *italijanski škorenj* ('Italija, vojska fašistične Italije') : *ritka az olasz macska*

nélkül (redek je Italijan brez mačke*), ravasz, mint az olasz* (zvit kot Italijan 'zelo pretkan'); *balkanske razmere* ('zaostalost, revščina'): *balkáni/ázsiai állapotok; csak a halott indián jó indián* (samo mrtev Indijanec je dober Indijanec 'samo mrtev sovražnik ne more škodovati'); *točen/natančen kot švicarska ura* ('zelo točen, natančen'); *úgy néz ki, mint a walesi herceg* (izgleda kot velški princ 'biti zelo eleganten'). Korpus vsebuje tudi skupne, mednarodne frazeme: *babilonski stolp/zmešnjava* ('zmeda, kaos, zmešnjava'): *bábeli zűrzavar/torony*; *stric iz Amerike* ('bogat in radodaren človek'): *amerikai nagybácsi*; *egiptovska tema* ('globoka tema')*: egyiptomi sötétség*.

4. Kognitivni aspekti protistave

Obravnavani frazemi v slovenskem in madžarskem jeziku so nastali v procesu konceptualizacije na podlagi primerjanja, metaforiziranja in metonimije. Ubeseditev konceptov v frazemih pomeni tudi določeno perspektivizacijo stvarnosti, osnovo perspektivizacije pa omogoča kognitivna sposobnost usmerjanja pozornosti (prim. Ungerer/Schmid 1996: 209).

4.1 Koncept nevljudnosti, nerazumljivosti, neznanega in skoposti se v frazemih asociira z etnonimom Francozi, Angleži, Kitajci, Španci in Škoti*: izginiti/oditi po francosko/ posloviti se/ izginiti po francosko* ('oditi brez slovesa, neopazno'), *narediti se Francoza* ('delati se brezbrižnega, nevednega, neumnega') : *angolosan távozik* (oditi po angleško); *kínai(ul) van vki* (biti kdo po kitajsko' ne razumeti, ne dojeti česa'); *biti kaj španska vas* ('popolnoma neznano'), *to so za koga španski kraji* ('popolnoma neznano'); *skop kot Jud, skopi Žid, škrt kot Škot, pravi Škot : fösvény, mint a skót* (skop kot Škot).

4.2 Pretkanost in neumnost se v obravnavanih frazemih sterotipno upodablja z Grki, Italijani, Rusi, Španci in Francozi: *sötét, mint a francia posztó* (temen kot francosko sukno 'neumen'), *ravasz, mint a görög/olasz* (zvit kot Grk/Italijan 'zelo zvit'), *őrült spanyol* (ponoreli Španec 'obseden'), *okos orosz ritkaság* (pameten Rus je redkost) : *narediti se Francoza* ('delati se neumnega, nevednega').

4.3 V naboru je veliko metaforičnih primerjalnih frazemov, v katerih se etnonim pojavlja kot primerjana sestavina, ki se priključuje primerjalnemu glagolu ali pridevniku, frazeološki pomen pa izhaja iz primerjave, s katero se poudarja intenziteta neke lastnosti ali dejanja, npr.: *krasti kot cigan, kleti kot Madžar; megszokta, mint a török a pipát* (navaditi se kot Turek pipe 'zelo se navaditi česa').

4.4 Metaforični frazemi so odraz zaznavanja stvarnosti iz določene perspektive, saj kot pravi Lakoff (Lakoff 1987: 276), je naš pojmovni sistem pretežno metaforičen; metafora ne samo poimenuje pojave, ampak fokusira tudi naše gledišče, ko spaja prvine dveh področij. Tako je npr. slovenski frazem *bosanski lonec* primer preslikave iz domene kulinarstva na politične razmere (prim. Ivanetič/Karlavaris Bremer 1999), *španska vas* pa preslikava oddaljenost na abstraktni pojem neznanega.

4.5. Po Lakoffu (Lakoff 1987: 79) je glavni izvor prototipnih fenomenov metonimija kot ena od oblik slikovite reprezentacije stvarnosti. Z njo se vzpostavljajo odnosi med dvema prvinama istega koncepta, pri čemer je ena prvina del druge ali je z njo tesno povezana. Tako se podkategorije zelo pogosto prototipno poistovetijo s celotno kategorijo. V madžarskih frazemih pridevnik kínai simbolizira nerazumljivo informacijo: *kínai(ul) van vkinek vmi*; v madžarščini se v tej funkciji pojavlja tudi arabščina (*Aki nem tud arabusul, ne beszéljen arabusul*. Kdor ne zna arabsko, naj ne govori arabsko.), se pravi, da etnonim zemljepisno oddaljenih ljudstev služi za izražanje nerazumljivosti, v slovenskem frazemu, prevzetem iz nemščine, nerazumljivo in nesmiselno uteleša ime zemljepisno bližjih sosedov: *biti kaj za koga španska vas*.

5. Zaključek

V narodnih jezikih so skozi stoletja nastajala in se ukoreninila v prvi vrsti stereotipna vrednotenja o sosednjih, a tudi bolj oddaljenih narodih. Vrednotenja in podobe drugih so zelo poenostavljene, pogosto imajo čustveni naboj, zrcalijo določena kulturna in družbena izkustva, včasih tudi predsodke in tem ustrezna pričakovanja, večinoma so odvisne od duha časa, od ideoloških in verskih prepričanj ter od tendenc, ki prevladujejo v dani državi. Ta vrednotenja so se fiksirala v družbeni in narodni zavesti in so preko predajanja izročila postala stalne prvine v jezikovni in kulturni podobi narodnih skupnosti. Podobe o tujcih so na splošno negativne, včasih humorne, nepravične, zlonamerne in žaljive. Večina obravnavanih narodnih stereotipov se je ohranila vse do danes, nekateri med njimi so tudi izginili, toda namesto njih nastajajo novi, kar pomeni, da jih ni mogoče povsem odpraviti. Verjetno tudi zato ne, ker stereotipi zrcalijo določeno naravno kognitivno obliko človekovega posploševanja. Stereotipi kot rezultat človekovega spoznavanja se lahko pod vplivom določenih zunanjih in notranjih dejavnikov relativizirajo in spreminjajo. Zunanje, objektivne spremembe se odvijajo pod vplivom zgodovinskih preobratov, notranje spremembe pa zadevajo spremembo tistega zornega kota, iz katerega druge vidimo in vrednotimo. Zavestna primerjava, konfrontacija, razlaga, ustrezna občutljivost do teme ter izbira ustrezne tematike pri pouku, predvem tujega jezika, lahko v veliki meri pripomore k relativizaciji negativnih sodb. Zato pa je potrebno spoznati tiste psihološke in družbeno-kulturne mehanizme, ki delujejo kot sito na človekovo percepcijo. Potrebna pa je tudi zadostna mera dobre volje, občutljivosti, odprtosti, percepcijske sposobnosti, poznavanja lastnih kulturnih realij, visoka stopnja objekivnosti, spoštovanje drugih ter znanja in vedenja, ki se nanašajo na jezikovno in nejezikovno obnašanje drugih jezikovnih in kulturnih skupnosti, ker stereotipi ne govorijo samo o tistih, na katere se nanašajo, ampak v določeni meri tudi o tistih, ki so jih ustvarili.

Literatura

Allport, Gordon Williard (1977) Az előítélet. Budapest, Gondolat Kiadó.

A magyar nyelv értelmező szótára. (1984) Budapest. Akadémiai Kiadó.

Dokler, Anton – Breznik, Anton – Jere, Frančišek (1999) Grško-slovenski slovar. Ljubljana, Cankarjeva založba.

Eismann, Wolfgang (1994) Nationales Stereotyp und sprachliches Klischee. Deutsche und Slawen im Lichte ihrer Phraseologie und Parömiologie. V Sandig, Barbara (ur.). Europhras 92. Tendenzen der Phraseologieforschung. Bochum: Brockmeyer, 81-107.

Fabčič, Melanija Larisa (2007) Interkulturelle Aspekte der phraseologischen Äquivalenzbeziehungen im Ephras-Korpus. Jesenšek, Vida, Fabčič, Melanija (Hrsg.): Phraseologie kontrastiv und didaktisch. Neue Ansätze in der Fremdsprachenvermittlung. Maribor, Slavistično društvo, Filozofska fakulteta (Zora; 47).

Forgács, Tamás (2004) Magyar szólások és közmondások szótára. Mai nyelvünk állandósult szókapcsolatai példákkal szemlélve. Budapest, Tinta Kiadó.

Hunyadi György (1996) Sztereotípiák a változó közgondolkodásban. Budapest, Akadémiai Kiadó.

Ivanetić, Nada – Karlavaris Bremer, Ute (1999) Onimijski frazemi i konceptualizacija sveta. Suvremena lingvistika 47-48. 131-142.

Keber, Janez (2011) Slovar slovenskih frazemov. Ljubljana, Založba ZRC, ZRC SAZU.

Korpus slovenskega jezika FidaPlus: http://www.fidaplus.net. (Dostop 8.8.2012)

Lakoff, George (1987) Women, Fire, and Dangerous Things. Chicago, UP.

Lippman, Walter (1922) Public Opinion. New York, Pelican books.

Magyar szólástár. Rokonértelmű szavak, szólások és ellentétek szótára. (1998) Budapest, Tankönyvkiadó.

Mukics Ferenc (1993) Magyar-szlovén frazeológiai szótár. Szombathely.

O. Nagy Gábor (1976) Magyar szólások és közmondások. Budapest, Gondolat Kiadó.

Putnam, Hilary (1975) The Meaning of 'Meaning'. V Putman, Hílary: Mind, Language and reality. Philosophical Papers, Vol.2, Cambridge: CUP, 215-271.

Quasthoff, Uta (1988) Ethnozentrische Verarbeitung von Informationen: Zur Ambivalenz der Funktionen von Stereotypen in der interkulturellen Kommunikation. V Matausche, Petra (ur.). Wie verstehen wir Fremdes. München, Goethe-Institut. 37-62.

Slovar slovenskega knjižnega jezika I-V, (1970-1991) Ljubljana.

Ule Nastran, Marjana (1997) Temelji socialne psihologije. Ljubljana, Znanstveno in publicistično središče.

Ungerer, Friedrich – Schmid, Hans-Jörg (1996) An Introduction to Cognitive Linguistics. London etc., Longman.
Wales, Teresa (ur.) (1995) Stereotypes and Nations. Cracow, Interantional Cultural Centre.
Wenzel, Angelika (1978) Stereotype in gesprochener Sprache. München, Huber Verlag.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 111-123
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.111

Đuro Blažeka
(Zagreb, Hrvatska)

TEMELJNA NAČELA U IZRADI RAZLIKOVNIH RJEČNIKA BLISKIH MJESNIH GOVORA

Abstract: The author discusses the basic principles for the compilation of dictionaries of differentiating vocabulary between closely related local speeches. In dialectol lexicography, the concept of differentiating vocabulary is mainly used in relation to the standard language to emphasize that the lexicographers will not include items "that are equal to the standard" (in a very broad sense of the word). The compilation of a comprehensive scholarly dictionary of a given local speech is an enormous and time-consuming task and its publication requires substantial material resources. Therefore, in cases, when a scholarly dictionary of a local speech has been published, and if a larger linguistic material of a relatively closely related local speech has been collected and compiled, it would be more meaningful to publish a differentiating dictionary that would omit all those vocabulary items that are in no relevant way different from the same vocabulary items in the "main" dictionary.

Keywords: Dialectal lexicography, Kajkavia Dialect, differentiating vocabuly between closely related local speeches, types of lexical distinctivness

Uvod

Prije 4 godine u izdanju Učiteljskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu izašao je *Rječnik Svetog Đurđa (Rječnik ludbreške Podravine)* (Belović-Blažeka 2009). Taj rječnik od 10000 natuknica plod je višegodišnje suradnje gospodina Stjepana Belovića (umirovljenog ludbreškog učitelja, pedagoga i istraživača zavičajne baštine ludbreške Podravine) i mene. U rječniku su očuvani svi slojevi ljudskog iskustva materijalne i nematerijalne kulture stanovnika toga kraja. Posebno su pomno birane rečenične potvrde koje su sve odreda iz živih komunikacijskih situacija. Stjepan Belović mi je pred mjesec dana poslao novih šestotinjak zanimljivih leksema i zamolio me da i njih znanstveno obradim. Ta mi je građa poslužila da u prvom dijelu ovog rada inicijalno obradim problematiku „razlikovnih dijalektnih rječnika“ prema leksiku drugih, relativno bliskih, govora (u ovom slučaju rječnik Preloga koji izrađujem već desetak godina i u kojem trenutno ima oko 30000 riječi) i istaknem potrebu za izradu takvih rječnika.

1. Razlikovni rječnik jednog mjesnog govora prema drugom, relativno bliskom, mjesnom govoru

Stjepan Belović mi je u proljeće 2005. godine predao popis od desetak tisuća

riječi (po principu *riječ – značenje*) i zamolio me da ga pregledam i pomognem u objavi. Prvotna intencija gospodina Belovića bila je, kao i kod mnogih poštovatelja zavičajnih idioma koji nisu jezikoslovci, da se rječnik objavi po jednostavnom načelu *natuknica – značenje.* Kako imam poveće iskustvo u skupljanju leksičke građe kajkavskih govora, posebice međimurskog dijalekta u kojem sam skupio oko 50000 riječi, prije nego što sam uzeo u ruke popis riječi pomislio sam kako u njemu neću vidjeti bogzna koliko meni nepoznatog leksika, posebice zato jer se radi o govoru koji je po svojim fonološkim i morfološkim osobinama, a u relativnom smislu i geografski (12 kilometara), vrlo blizak preloškoj skupini govora – skupini međimurskog dijalekta u kojoj sam skupio oko 30000 riječi. No vrlo sam brzo shvatio da nisam u pravu jer sam na svakoj stranici ugledao barem nekoliko riječi koje su mi bile potpuno nepoznate (posebice iz područja poljoprivrednog života), a broj riječi koje se odlikuju ili različitom tvorbom ili nekom posebnom fonološkom osobitošću ili posebnom značenjskom nijansom u odnosu na srodne riječi u bliskim međimurskim govorima bio je doista iznenađujuće velik, i to tako da nisam uzimao u obzir sustavne fonološke razlike o kojima ću govoriti u idućoj točki. U tijeku izrade rječnika bilježio sam takve razlike i razmišljao o potrebi promišljanja metodologije izrade rječnika razlikovnog leksika bliskih govora. Pojam razlikovnog leksika[1] u dijalektnoj leksikografiji uglavnom upotrebljavaju dijalektni leksikografi u relaciji prema standardnom jeziku kad žele istaknuti da u rječnik neće uvrstiti riječi „koje su jednake standardnima“ (u vrlo širokom smislu te riječi). Izrada cjelovitog znanstvenog rječnika nekog mjesnog govora velik je i dugotrajan posao, a vrlo često je povezan i s vrlo realnim poteškoćama poput iznalaženja sredstava za objavljivanje. Čak i kad se nađu sredstva za objavljivanje, problem je daljnja prodaja rječnika jer osim uske znanstvene zajednice jedini potencijalni zainteresirani "konzumenti" rječnika govornici su tog mjesnog govora, a znamo da je većina sela danas sastavljena od staračkih domaćinstava. Zato bi u slučajevima kad je već izašao obimniji znanstveni rječnik nekog mjesnog govora, a skupljena je poveća građa iz nekog relativno bližeg i jezično bliskog mjesnog govora, svrsishodniji bio razlikovni rječnik u kojem bi bile izostavljene one riječi koje se ni po čemu relevantnom ne razlikuju od istovrsne riječi u „glavnom“ rječniku.

2. Kriteriji za izbor riječi u dijalektnom „razlikovnom rječniku“ prema drugom mjesnom govoru

U takav razlikovni rječnik ne bi ulazile riječi koje se razlikuju samo po

[1] „U rječnik je uvrštavan većim dijelom razlikovni leksik, tj. one riječi koje se i u izrazu i sadržaju razlikuju od književnojezičnih. To u dijalektnoj leksikografiji ima opravdanje, iako se u posljednje vrijeme zagovara cjelovit pristup prikupljanju leksika. Bilježenjem svih riječi, bez obzira razlikuju li se u čemu od književnojezičnih, dobiva se cjelovit leksički sustav pojedinoga govora u kojemu će se razmatrati različiti semantički odnosi kao što su polisemija, sinonimija, hiperonimija i dr.“ (Maresić 2009).

nekim općepoznatim fonološkim izoglosama koje su dosljedno provedene u jednom od obrađivanih govora, kao što su ovom slučaju *ń // j̃, j / ǯ* (kao refleks palatalnog *d'),* prijelaz otvorenih samoglasnika u zatvorene pod utjecajem nazala // nema takva prijelaza. U drugim rječnicima ne bi se spominjale razlikovnosti poput postoji *lj* u samoglasničkom inventaru // nema *lj* u samoglasničkom inventaru, refleks slogotvornog *l* je *u* // refleks slogotvornog *l* je *o,* protetsko *j* ispred *o* // nema protetskog *j* ispred *o,* otvorenost nekog *e-* ili *o-* samoglasnika // zatvorenost nekog *e-* ili *o-* samoglasnika, diftong / monoftong... No ni takve razlike ne treba isključiti ako je riječ samo o pojedinačnim primjerima kao što su *v'i͡ẹnec / v'inec* i ako one nose neku semantičku razliku. U Prelogu je *v'i͡ẹnec* 'vijenac općenito', a *v'inec* 'pogrebni vijenac'.

3. Vrste razlikovnosti:

Za potrebe ovog rada napravio sam 8 kategorija razlikovnosti. U daljnjim istraživanjima sigurno će ih se pojaviti i mnogo veći broj, no za opseg ovog rada i to je dovoljno.

a) različiti tvorbeni nastavci

b) dolazi do određene glasovne promjene / ne dolazi do određene glasovne promjene

c) leksemi koji su onomatopeje s istim značenjem, a različitim planom izraza

d) leksem u tom značenju nije zabilježen u drugom mjesnom govoru

e) potpuna ili djelomična pseudoanalogonomija

f) za isto se značenje u jednom mjesnom govoru upotrebljava jedan leksem, a u drugom mjesnom govoru drugi

g) različit rod

e) ostale semantičke zanimljivosti

4. Izabrani primjeri iz budućeg razlikovnog rječnika Svetog Đurđa i Preloga[2]

Svaku sam kategoriju oprimjerio s nekoliko primjera. Najprije se donosi cjelovito obrađen leksem iz govora Svetog Đurđa, a zatim se u zagradi opisuje situacija u govoru Preloga.

BRAČA [**br'o̧ča** br'o̧če] ***m*** *naziv iz poštovanja za najstarijeg muževog brata.* ✸ Sn'e̯he sụ m'o̧ževụm 'ocụ ị m'aterị gụv'oṛle j'apa ị m'ama, a st'arešemụ br'atu br'o̧ča. (PRELOG br'ača *zb. im.* < br'at) **(E)**

CICEK [**c'icek** c'iceka] ***m*** HIP. < c'e̯cek. ✸ N'ačevị d'e̯klịcị sụ p'očelị c'icekị r'o̧stị, a st'opram je navrš'ila dvan'o̧jst l'i͡e̯t. (*U Prelogu je* c'e̯ckec.) **(A) (B)**

[2] Najprije se donosi cjelovito obrađen leksem iz govora Svetog Đurđa, a zatim se u zagradi opisuje situacija u govoru Preloga. Na kraju se donosi oznaka vrste razlikovnosti.

CIGLIN [**c'iglịn** c'iglịna] ***m*** *opeka*. (*U Prelogu je* c'igel.) **(A)**

CIRKVA [**c’ẹrkva** c'erkve] ***f*** *crkva.* (*U Prelogu je* c'irkva - *nije došlo do sekundarnog jata od* i *ispred* r.) **(B)**

CUC CUC [**c'uc c'uc**] ***uzv.*** *uzvik za poticanje djeteta na mokrenje.* ✸ Pụ n'očị nam’i͡ẹčem d’ẹčeca na k’ọhlịcụ i p’ọr p’ọt vel'im c'uc c'uc ị 'un se bez s’ẹ br'ige pụšč'i. (*U Prelogu je* p'iš p'iš.) **(C)**

ČONITI SE [**č'ọnịtị se** č'ọnịm se] ***adj.*** *voziti se čamcem.* ✸ Dụk sụ n’i͡ẹ napr'avịlị m'osta, smụ se pr’i͡ẹk Dr’ọve č'ọnịlị. *(U Prelogu nije zabilježen taj glagol.*) **(D)**

ČRNINA [**črn'ina** črn'ine] ***f*** 1. *crnina, žalobna odjeća*. ✸ N'ẹgda sụ ž'ẹne d'okše n'osịle črn'inụ. 2. *crno grožđe.* ✸ Črn'ina v’ẹč dụzr’i͡ẹva. (*U Prelogu nema značenja* 2., *a za crno grožđe upotrebljava se imenica* č'rnụ *koja je nastala supstantivizacijom pridjeva*. ✸ Č'rnụ smụ v’ẹč pụj’ẹlị.) **(E)**

ČRVOTOČEN [**črvụt'očen** črvụt'očnụga] ***adj.*** *crvotočan.* ✸ T’ọ dr’i͡ẹvụ je črvụt'očnụ. *(U Prelogu je* črvụj’i͡ẹden.) **(F)**

DIHALJE [**dịh’ọlẹ** dịh’ọlạ] ***n*** *začin.* ✸ Č'urke sụ vam b'aš n’i͡ẹ j’ọko t'ečne. ịzgl'eda da vam je sfal’ẹlụ dịh’ọlẹ da ste je nad’i͡ẹvali. (U *Prelogu je* dịh’ọlẹ *kozmetika.* ✸ Pr’ẹveč sị sị dịh’ọlạ d’i͡ẹla n’ọ se. 'Očem se zad'ušịtị.) **(E)**

DURCUG [**d'urc'uk** d'urc'uga] ***m*** *propuh.* ✸ Dụk je B'olta b'il m'alị, pụt'egel ga je d'urc'uk t'ak da mụ j'oš v’ẹ l'alụfka stụj'i na j’ẹdnụ str’ọn. (U *Prelogu nije zabilježen taj germanizam već samo domaća riječ* pr'opụh.) **(F)**

FČINITI [**fč'inịtị** fč'inịm] ***pf.*** *učiniti.* ✸ K'uḷkụ p'ọt mị m'ọj Fr'anc zn’ọ n’ẹkaj g'rdụga fč'inịtị, a j’ọ sị r'ajšị zamag’ọdịm nek bị se sv4dịla. (*U Prelogu je* fč'inịtị '*začiniti*': Sl'abụ sị fč'inịl j'uhụ.**) (A)**

FEJRONT [**f’ẹjrụnt** f’ẹjrụnta] ***m*** 1. *završetak posla*. ✸ M'i bị v’ẹč sej’ọtvụm b'ilị f’ẹjrụnt da nam je n’i͡ẹ C'ifra zbet’ẹžela. 2. *završetak radnog vremena.* ✸ Dụk krčm’ọr r’ẹče „F’ẹjront!“, s'i pịj’ọncị se m'ọrajụ d'imụ pụbr'atị, m'akar jịm je n’i͡ẹ pr'af. (*U Prelogu* je f'ajrụnt. *Ne mijenja se* a u j *iza* a *u toj riječi*. *Inače je ta promjena česta, npr.* d’ẹj, fkr’ẹj, n’ẹj) **(B)**

GNOJŠČINA [**gn’ọjščịna** gn’ọjščịne] ***f*** *gnojnica*. ✸ S'ọsedam se zašt'ọpala c’i͡ẹf za gn'ọjščịnụ pak sụ jụ z d'ọgem žel’ẹzụm ụdšt'ọpalị. (*U Prelogu je* gn'ọjščịca.) **(A)**

HARIJAK [**h'arịjak** h'arịjaka] ***m*** *vragolan.* ✸ T’i͡ẹ h'arịjak je b'il vr’ọžį j'oš dụk je d’ęčec b'il. (*U Prelogu postoji imenica s istim korijenom, ali samo za žensku osobu:* harį’i͡ętka) **(G)**

HASNETI [**h'asnetį** h'ọsnịm, *imp.* h'asnį, *prid. rad.* h'asnel, h'ọsnela, h'asnelụ] ***impf.*** *raditi nešto korisno*. ✸ J’ọna je d’angụba k’oja c’i͡ęle bụgụv’i͡ętne dn’eve n’išt ne h’ọsne, s’amụ se pụ s’ęlį st’ępļe. (*U Prelogu je značenje ‚koristiti‘, ali samo od strane nečeg neživog:* ✸ Tį k'aj h’ọsnịjụ t'e tabl’i͡ęte?) **(B) (H)**

HLENCATI [**hl'encatį** hl'encatį] ***impf.*** *jecati.* ✸ J'oš sam n'ikụga n’i͡ę č'ul t'ak hl'encati k'ak K'atụ da jį je m'ama hm'rla. *(U Prelogu nije zabilježen taj glagol.*) **(D)**

HMENJATI (SE) [**hm’i͡ęńatį (se)** hm’i͡ęńam (se)] ***impf.*** *mijenjati se.* ✸ Da smụ se hm’i͡ęj̃alį za kụb'ile, Dr’ọšụ sam j'oš n’ękaj pen'es d’ọl 'iber. (*U Prelogu je* m’i͡ęńatį se. *Nije jasno značenje prefiksacije toga glagola u Svetom Đurđu: vjerojatno analogijom prema početničkim suglasničkim skupinama u vrlo frekventnim glagolima* hm'itį se, hmr'i͡ętį) **(B)**

HORA [**h'ora** h'ore] ***f*** *situacija u kojoj treba žurno djelovati.* ✸ V’ę je h'ora za pụsprav'itį k'rmụ, n’i͡ęmamụ č'as pụsed’ọvatį. (*U Prelogu je* h'ura, *i to u 3 značenja:* 1. *oluja.* ✸ H'ura je d'ošla. ✸ Spr’ọvļa se h'ura. 2. *napeta situacija.* ✸ Tr'e pụč'akatį ka pr'ejde h'ura pa ‘unda v’idetį k’aj bụmụ. ✸ N'ęj d'ęlatį h'urụ! ✸ K'akvụ h'urụ je zd'igel. 3. *žurba.* ✸ St’anį se pr’ędį ka n’amụ v h’urį.) **(B) (E)**

HURMALIJA [**hụrmal'ija** hụrmal'ije] ***f*** *nepodopština.* ✸ N’ęj v’ę zv’ọđatį n'ikakve hụrmal'ije nego se h'odį v'učịt į p'isat z'adačụ. (*U Prelogu je* hamal'ija.) **(B)**

JAPEK [**j'apek** j'apeka] ***m*** HIP. DEM. < j'apa. ✸ T’ęškụ je d’ęcį dụk m'ala ųst’ọnejụ bez j'apeka, a m'ama sį dr'ugụga n’ọjde. (*U Prelogu je* j'apek *samo hipokoristik od* j'apịca '*djed*'.) **(E)**

KAJDER [**k'ajder** ***uzv.*** *nego što.* ✸ K'ajder da je pr’ọva B'ọža 'istịna t'ọ k'aj se za Fr'anco pụ s'elį prepov’i͡ęda! (*U Prelogu se u tom značenju upotrebljava uzvik* negụ k'aj). **(F)**

KOBOCATI [**kụb'ocatį** kụb'ocam] ***impf.*** *kretati se teškom mukom*. ✸ J’ęga č'udaj ž'en k'oje pụd st’ọre dn'eve, k'ak r'ace, pụ gr'untụ kụb'ocajụ. S'igụrnụ je sịr'ote k'ọki f’ęjst bụl'ijụ. (*U Prelogu nema tog glagola, ali ih postoji čitav niz koji se odnose na različite vrste teškog hoda, npr.* g'ebatį se, g'rbatį, hl'empatį,

šl'ọpatį, klep'indrįtį, kl'ọčįtį...) **(F)**

KOMERITI SE [**kụm'ẹrįtį se** *3.* kụm'i͡ẹrį se] ***impf.*** *početi se oblačiti - o vremenu.* ✸ M'ọralį bụmụ 'itį k'rmụ pụk'upčatį. P'očelụ se kụm'i͡ẹrįtį, k'aj jụ n'ẹj d'i͡ẹšč nam'očįl. (*U Prelogu je* kụm'ọrį5tį se) **(B)**

KOSTURITI SE [**kụst'urįtį se** kụst'urįm se] ***impf.*** *junačiti se.* ✸ J'ožek se med p'uckamį kụst'urį k'ak p'ẹfček, a dụk d'ọjde ne'ẹče j'akšį, m'ọm d'imụ ụtk'urdį. (*U Prelogu nije zabilježen taj glagol.*) **(F)**

KRIŠČATI [**kr'iščatį** krįšč'i] ***impf.*** *derati se.* ✸ Šk'ọlcį na 'odmụrụ krįšč'ijụ k'ak da se sv'ọdįjụ, a s'amụ se 'igrajụ. (*U Prelogu je* kr'ičatį. *Sekundarno* š *u glagolu iz Svetog Đurđa zanimljiva je pojava izazvana željom za jačom onomatopejnošću.*). **(B)**

KVAPATI [**kv'apatį** *3.* kv'ọpa*, imp.* kv'ọpaj, *part. perf. act.* kv'apal, kv'ọpala, kv'apalụ, *sup.*k v'apat] ***impf.*** *kapati*. ✸ Dụk se str'ẹhe kv'apale, m'i smụ sį t'rgalį sv'i͡ẹče pụk smụ įh cm'ukalį. (*U Prelogu je* čv'apatį.) **(C)**

LEBIVI [**leb'ivį** leb'ivụga] ***adj.*** *krt - o mesu*. ✸ D'ẹca sụ r'ajšį m'i͡ẹla leb'ivụ m'esụ, a st'ọrcį sụ št'ẹli m'asnụ, 'unụ kaj d'rfče. (*U Prelogu je* l'ojšį.) **(F)**

MERIKA [**M'ẹrįka** M'ẹrįke] ***f*** *Amerika.* ✸ N'ẹgda se š'ifụm pr'i͡ẹk dv'ọ tj'edne v'ozįlụ dụ M'ẹrįke. (*U Prelogu je* 'Ameriįka). **(B)**

MERIKANEC [**Meriįk'ọnec** Meriįk'ọnca] ***m*** *Amerikanac.* ✸ Fr'ajnk į br'at mụ T'oma, sụ l'i͡ẹtįma ž'ivelį v M'ẹrįkį. Dụk sụ d'ošlį v K'ọrlovec pụh'odįtį r'odbįnụ, pụn'ọšalį sụ se kak pr'ọvi Meriįk'ọncį. (*U Prelogu je* Ameriįk'ọnec). **(B)**

MERITI [**m'ẹrįtį** m'ẹrįm] ***impf.*** *miriti.* ✸ S'elskį glav'ọr je m'ọral m'i͡ẹrįtį pụsv'ọđene ļ'ude. (*U Prelogu je* m'irįtį, *a do sekundarnog jata nije došlo jer bi došlo do homonimije s glagolom* m'ẹrįtį '*mjeriti*'). **(B)**

MIJEVATI SE [**mįį'i͡ẹvatį se** mįį'i͡ẹvam se] ***impf.*** *mimoilaziti se u uskom prostoru*. ✸ V š'umį smụ se mįį'i͡ẹvalį t'ak da smụ čez kl'ọjec prep'uščalį natụv'arjene f'orįnge, a pr'ọzni smụ č'ẹkalį da se 'unį zr'edajụ. (*U Prelogu je* mej'ọvatį se) **(A)**

MINĐA [**m'inđa** m'inđe] ***f*** *ženski spolni organ.* ✸ J'ọna je d'obrụ zn'ọla sv'ojụ m'inđụ skụr'istįtį dụk je ml'ajša b'ila. V'ẹ jụ v'iše m'uški neti ne gled'ijụ. (*U Prelogu nije zabilježena ta imenica, a u značenju ženskog spolnog organa upotrebljava se* c'uca.) **(F)**

MOČJENK [**m'očjenk** m'očjenka] ***m*** *jelo od kukuruznog brašna*. (*U Prelogu je* m'očńak. *U Svetom Đurđu je došlo do prelaska* ń *u oblik s anticipiranim* j *u slijedu* jn, *a zanimljivo je da se* e *iz tvorbenog nastavka pomaklo između* j *i* n.) **(A)**

NACIGATI [**nac'igatį** nac'igam] ***pf.*** *napraviti nabore*. ✸ L'ępše sų mį nac'igane k'ikļe nego gl'at. (*U Prelogu je* naf'ǫldatį). **(F)**

NAJNER [**n'ajner** n'ajnera] ***m*** *devetka u kartanju.* ✸ N'ajner je j'ǫkų d'obra k'ǫrta dųk se 'igra na 'ęnc. Na j'ǫ p'aše s'aka dr'uga k'ǫrta. (*U Prelogu je naziv za tu kartu* dev'etka). **(F)**

NEJDZODJI [**n'ęjdz'ǫdǰį** n'ęjdz'ǫdǰega] ***adj.*** *posljednji*. ✸ P'rvį pre j'elų, n'ęjdz'ǫdǰi na d'ęlų. (*U Prelogu je* n'ajz'ǫdńį. *Ne mijenja se* a *u* j *iza* a *u prefiksu za superlativ.*) **(B)**

NERETKO(MA) [**n'ʲe͡r'ʲe͡tkų(ma)**] ***adv.*** *nerijetko, prilično često.* ✸ Na Pųredj'ǫ mį n'ęšče v kųr'uzį ner'ʲe͡tkųma kv'ǫra d'ʲe͡ła. (*U Prelogu ne dolazi navezak na taj prilog: samo* n'ęretkų.) **(A)**

NEROVOZA [**neruv'oza**] ***f*** *nervoza, stanje živčane napetosti.* ✸ Za Tr'ęzų je n'ʲe͡ č'udų kaj jų lųv'i neruv'oza kad 'ima d'ęset kųm'ǫdi d'ęce. Tr'ęba t'uļkų deč'urlįjų ųbl'ʲe͡ęčį, nahr'ǫnįtį į v r'edų drž'atį. (*U Prelogu je* nerv'ǫza. *U Svetom Đurđu je zanimljivo umetanje* ų *između* r *i* v.). **(B)**

NESUMLJIF [**nes'umļįf** nes'umļįvųga] ***adj.*** *koji nije sumnjiv.* ✸ Taj'ič je l'ofcam nes'umļįf, a pų m'ękį jįm d'ivjač str'ʲe͡ļal. (*U Prelogu postoji samo konstrukcija* n'ʲe͡ sųmń'ivį: 'ǫn įm je pųl'icįjį n'ʲe͡ sųmń'ivį.) **(A)**

NEVALJANI [**nevaļ'ǫnį** nevaļ'ǫnųga] ***adj.*** *lijen*. ✸ K'akųf bų t'ǫ č'ovek z j'ęga ak je v'ęč v'ę t'ak nevaļ'ǫnį! (*U Prelogu je* neveļ'ǫnį - *dolazi do blagoglasja s* e *iz prefiksa*, *a uz značenje koje je jednako onom u Svetom Đurđu, taj pridjev još ima i značenje 'koji nije za upotrebu'*. ✸ N'ekvų neveļ'ǫnų v'inų nam je nat'očįl.) **(B) (E)**

NEVREDNI [**nevr'ędnį** nevr'ędnųga] ***adj.*** *neuredan, zapušten.* ✸ T'ǫ je n'ʲe͡ št'unt k'ak sų jįm d'ęca nevr'ędna k'ak da n'ʲe͡majų v'odį pr h'ižį. (*U Prelogu je* n'ʲe͡ kr'ęden. ✸ K'ak m'ore t'ak n'ʲe͡ kr'ędnį d'ǫjtį k m'ęšį?) **(A)**

OBOŽEVATI [**ųbų̄ž'evatį** ųbų̄ž'evam] ***pf.*** *obožavati.* ✸ Ml'ajšį br'at je n'afčenį da ga s'i pų r'edų ųbų̄ž'evajų. (*U Prelogu je* ųbų̄ž'ǫvatį.) **(A)**

OPRASNICA [**'oprasn̨ica** 'oprasn̨ice] ***f*** *krmača*. (*U Prelogu je* s'oprsn̨ica.) **(A) (B)**

OTKURDITI [**u̯tk'urdi̯tį** u̯tk'urdi̯m] ***pf.*** PEJ. *odjuriti.* ✸ Du̯k je p'očelu̯ g'rmetį, Sl'afku̯ je u̯d str’o̰ha u̯tk'urdi̯l d'imu̯. (*U Prelogu nije zabilježen glagol u tom značenju.*) **(D)**

POČOBRATI [**pu̯č'o̰brati̯** pu̯č'o̰bram] ***pf.*** EUF. *pokrasti.* ✸ T’o̰tu̯ je l’ẹ̄ži̯ n’ẹ̄ku̯ga pu̯č'obrati̯ nek pl̥'unu̯tį v š'ake i̯ pu̯št’ẹ̄nu̯ d’e̯lati̯. (*U Prelogu nije zabilježen glagol u eufemističkom značenju 'pokrasti'.*) **(D)**

POHLJUKNOTI [**pu̯hl̥'uknu̯ti̯** pu̯hl̥'uknem] ***pf.*** *naglo posrkati tekućinu.* ✸ M'artį̄n je pu̯hl̥'uknu̯l k'upi̯cu̯ hu̯t'ele du̯k si̯ z j'oku̯m tr’ẹ̄pnu̯l. V'ujna Št’ẹ̄fa je nav’i̯ē̯k p'rva j'uhu̯ pu̯hl̥'uknu̯la, b'ila vr'o̰ča i̯li̯ zd'ena. (*U Prelogu je* pu̯šl̥'oknu̯tį.) **(C)**

POPOKLI [**pu̯p'okli̯**] ***adv.*** *po prstima.* ✸ Vu̯ šk'o̰li̯ bu̯š t'i d'obi̯l š'ibu̯m pu̯p'okli̯ 'aku̯ bu̯š hm’o̰j̄į i̯li̯ n'aš n’ẹ̄kaj zn'al. (*U Prelogu se u tom značenju upotrebljava prijedložni izraz* pu̯ šč'epci̯'.) **(F)**

PRALIŠČE [**pral'išče** pral'išča] ***n*** *uređeno mjesto na izvoru ili potoku za pranje rublja.* ✸ Pu̯l̥’o̰nske ž’ẹ̄ne se na pral'iščų v ku̯r'itaj pr’o̰le pr’ẹ̄du̯ i̯ pl’o̰fte. (*U Prelogu je* pral'išče '*krpa koja je služila za pranju suđa*.' ✸ T'o̰ st’o̰ru̯ m'ajcu̯ bu̯m st'rgala za pral'išče.) **(E)**

PRAŠČE [**pr’o̰šče** pr’o̰šča] ***m*** *prase.* ✸ M'oja 'oprasn̨ica vr’i̯ē̯di̯ č'udaj v'iše s pr’o̰šči̯, negu̯ da sam ju̯ br’ẹ̄du̯ pr'odal. (*U Prelogu je* pr’o̰se.) **(A)**

PRERAMNATI (SE) [**prer'amnati̯ (se)** prer'amnam (se)] ***pf.*** I. TRANS. *pripraviti*. ✸ Prer'amnala sam ti̯ p'ostelu̯. M'oreš 'iti̯ sp’o̰t. II. REFL. *pripremiti se za posao*. ✸ M'o̰raš se zn'ati̯ prer'amnati̯ s'aku̯mu̯ p'oslu̯. (*U Prelogu je* prer'avnati̯ (se). **(B)**

PRŠNJAK [**pršń’o̰k** pršń’o̰ka] ***m*** *vrsta jednostavnog bezkvasnog kolača.* (*U Prelogu je* pršń'ača.) **(A)**

RAJTATI [**r’o̰jtati̯** r’o̰jtam] ***impf.*** *naporno raditi.* ✸ Sl̥'uge su̯ pre g'azdi̯ c’i̯ē̯lu̯ l’ẹ̄tu̯ r’o̰jtali̯ za st’o̰n, k'oštį i̯ j'an c'ajgani̯ 'ancu̯k. (*U Prelogu se u tom značenju upotrebljava glagol* h'rmbati̯.) **(F)**

RASTRLEŠČITI SE [**rastrl’i̯ē̯šči̯ti̯ se** rastrl’i̯ē̯šči̯m se] ***pf.*** *rasprsnuti se uslijed pada - o voću.* ✸ V’ẹ̄ter je st’ẹ̄pel n'82jl’ẹ̄pše hr'uške t'ak da su̯ se rastrl’i̯ē̯šči̯le. *(U Prelogu je* resprel’iščį̄ti̯ se.) **(C)**

RAZBEČARITI SE [**razbeč’o̜rịtị se** razbeč’o̜rịm se] ***pf.*** *raspustiti se - o muškarcima.* ✸ J'oš sam n’i͡ę̣ v'idla tv'ojega B'oltų t'ak se razbeč’o̜rịtị. *(U Prelogu ne postoji imenica* beč’o̜r *ni bilo kakva izvedenica od nje.*) **(D)**

REUM [**r’ę̣wm**] ***m*** *reuma*. ✸ M'artịna je r'ę̣wm zm'očịl t'ak da se drž'i naj'ankraj. (*U Prelogu je ž.r.:* r'ę̣uma) **(G)**

SED CE [**s’ẹd c’i͡ę̣**] ***interj.*** *uzvik za tjeranje kokoši u kokošinjac*. ✸ S’ẹd c’i͡ę̣ v k’otec! (*U Prelogu je samo* C’i͡ę̣!) **(A)**

SHODATI SE [**sh'o̜datị se** sh'o̜dam se] ***pf.*** *nahodati se.* ✸ N’ęgda sụ se ļ'udị m’ẹlị pr'ilịkụ sh'o̜datị. Ne n’i͡ę̣ b'ilụ č'udaj pec'iklịnị, a za 'alte se n’i͡ę̣ nịtị zn'alụ. (*U Prelogu je* sh'o̜datị *'ushodati se'.* ✸ Sh'o̜dala sụ kụlị d'oktụrị, alị sụ jụj n'ikaj n’i͡ę̣ n'ašlị. *U značenju iz Svetog Đurđa upotrebljava se glagol* nah'o̜datị se) **(E) (F)**

SHRANITI [**shr'o̜nịtị** shr'o̜nịm] ***pf.*** *utoviti*. ✸ J’ẹnụga st'o̜kịl’oša bụmụ shr’o̜nịlị z’o̜ se, a dr'ugụga za prụd'atị. (*U Prelogu je* prehr’o̜nịtị.) **(A)**

SKOPI [**sk'o̜pị** sk'o̜pụga] ***adj.*** *skup.* ✸ 'Imam n’ẹkaj gr'aha za prụd'atị, a n’ẹj ga št’ẹl f'al d'atị. B'o̜m pụč'akal dụk bụ sk'o̜pļešị. (*U Prelogu je* sk'o̜pị *'škrt'.* ✸ 'Ọn tị je pr’ẹveč sk'o̜pị. N'ikaj tị n'a d’o̜l.) **(E)**

SMETLJIVI [**smetļ'ivị** smetļ'ivụga] ***adj.*** *pun korova.* ✸ Ž'itụ mị je j’o̜kụ smetļ'ivụ ụd k'o̜kụļa, m'o̜ralị ga b'o̜mụ pl’ẹtị. (*U Prelogu je* sm’ẹten.) **(A)**

SOČIVO [**s'očịvụ** s'očịva] ***n*** *samo u* vr’o̜žje s'očịvụ (*nestaško*). ✸ V'aš d’ęčec je vr’o̜žje s'očịvụ. S'ikam d'ospe į s’ẹ ft'igne. (*Imenica* s'očịvụ *nije zabilježena u Prelogu, a i u Svetom Đurđu je unikalna komponenta samo navedenog frazema i nitko ne zna što znači sama za sebe*.) **(D)**

SOMLJIČAVI [**sụmļ'ičavị** s'umļ’ičavụga] ***adj.*** *sumnjičav*. ✸ Ụd d’a sụ ga ụn’ak g’rdụ fk’anịlị, k'um F'ilịp je j’o̜kụ sụmń’ičavị. (*U Prelogu je* sụmń'ičavị.) **(B)**

SPATEK [**sp’o̜tek**] ***adv.*** HIP. *uzvik kojim se dijete potiče da ide spavati*. ✸ V’ẹ pa m'o̜j d’ęčec sp’o̜tek kaj v’ẹlkị zr’o̜ste! (*U Prelogu nema uzvika u tom značenju.*) **(D)**

SREDEK [**sr’ẹdek** sr’ẹtka] ***m*** *dio kruha bez kore.* ✸ D’ẹca r'ajšị j’i͡ę̣jụ kụr'ice,a b'abịca į d’ẹdek v'o̜lịjụ sr’ẹtka. (*U Prelogu je to* sred'ina.)) **(A)**

STEPATI SE [**st’ẹpatį se** st’ẹpļem se] ***impf.*** *skitati se.* ✸ J’ọna se pų c’i͡ẹle dn'eve st’ẹpļe pų s’ẹlį. (*U Prelogu je* pųt’ẹpatį se.) **(A)**

STRINKA [**str'inka** str'inke] ***f*** HIP. < str'ina. ✸ 'Ivek je sv'ojųm str'inkųm s'akų j'utrų h'odal k'okųšam v p'išek p'rsta r'ivat da be z’ẹznalį k'uļkų bų j’ẹjcį zneš'enų. (*U Prelogu je* str'iņica) **(A)**

SUHARLJIVI [**sụharļ'ivį** sụharļ'ivụga] ***adj.*** PEJ. *mršav.* ✸ T'ak je b'il sụharļ'ivį ka bį ga sk'orų v’ẹter dn'esel. (*U Prelogu je* sụhụt’i͡ẹrnį.) **(A)**

ŠČUNJKATI [**šč'ujnkatį** šč'ujnkam] ***impf.*** *tinjati - o bolu.* ✸ Pr’i͡ẹkpred’ẹfčerụm me z'ọp zab'olel ị j'oš mį v’ẹ pụm'alem šč'ujnka. (*U Prelogu se u tom značenju upotrebljava glagol* kļ'uvatį: ✸ Z'ọp me n’ẹkak c’i͡ẹlų n'ọč kļ'uje.) **(F)**

ŠKOLEC [**šk'ọlec** šk'ọlca] ***m*** *školarac.* ✸ 'Imamų dv’ọ šk'ọčce ị č'udaj br'igį k'ak ịh ụbl’i͡ẹčį ị ụb'utį. (*U Prelogu je* škụl’ọš *i* škụl’ọrec) **(A)**

ŠKULJATI [**šk'uļatį** šk'uļam] ***impf.*** *pretraživati kako bi se nešto ukralo (sitne vrijednosti).* ✸ Dụk je T'oma d'ošel k t'uđį h'ižį, m’ọm je šk'uļal 'alį j’ẹga k'aj za pụt'ečį. (*U Prelogu je* f'ọkšįtį.) **(F)**

TEČIKA [**t’ẹčįka** t’ẹčįke] ***f*** HIP. DEM. < t’ẹca. (*U Prelogu je* t’ẹcįka.) **(B)**

TEPČIJA [**tepč'ija** tepč'ije] ***f*** *skitnja.* ✸ č’i͡ẹm se ụž’ẹnšį, bų d'ošel kr'aj tv'ojųj tepč'ijį. (U *Prelogu je* t’ẹpńava *i* tepeš'ija.) **(A)**

TOLAŽITI [**tụl'ažįtį** tụl’ọžįm, *imp.*tụl'ažį, *prid. rad.* tụl'ažįl, tụl’ọžįla, tụl'ažįla] ***impf.*** *tješiti.* ✸ Da je s'ọsedam žreb'ička c'rkla, s'i smų je tụl'ažįlį. B'aš nam je b'ilų ž'al kaj sụ b'ọkcį t'ak pr’ẹšlį. (U *Prelogu je* t’ọžįtį.) **(B)**

TREMPLJAVI [**tr’ẹmpļavį** tr’ẹmpļavụga] ***adj.*** *nespretan zbog prekomjerne težine.* ✸ T'ak je tr’ẹmpavį ka se n’ẹmre nįtį na bįc'iklįnų peļ'atį. (U *Prelogu je* tr’ẹmpavį.) **(A)**

TUKMEŠ [**t'ukmeš** t'ukmeša] ***m*** *tupan.* ✸ J’ọlžįn m'ọš je t'akųf t'ukmeš ka se v n'išt ne r'azme, s'amų zn’ọ d’ẹcų d’ẹlatį. (*U Prelogu je* t'ọkač.) **(A)** (**B)**

TULJAFKA [**t'uļefka** t'uļefke] ***f*** *obrub bunara.* ✸ N’ẹkụjį zd’ẹncį sụ m’ẹlį t'uļefke, a n’ẹkụje je zdenč’ọr ụbz'idal s c'iglį. *(U Prelogu je* t'uļafka, *i to u značenju 'gornji dio šešira'* ✸ M’ọj škrļ’ọk 'ima vįs’ọkų t'uļafkų.) **(E)**

UN [**'un** 'unụga] ***z.*** *on. (U Prelogu je* 'ọn.) **(B)**

VALJA [**V'aḷa** V'aḷe] ***m*** HIP. < V'alent. (*U Prelogu je oblik tog imena* V'alį.) **(A)**

VETERPANT [**v'ęterp'ant** v'ęterp'anta] ***m*** *greda ili daska koja spaja krovište radi zaštite od vjetra.* (*U Prelogu se to opisno naziva* pr'i͡ęčna gr'eda kr'ova) **(D)**

VIČEN [**v'ičen** v'ičnụga] ***adj.*** *vičan.* ✸ M'ọj z'ęt je n'i͡ę v'ičen d'ęlatį na p'oḷụ. (*U Prelogu je* v'učen. ✸ 'ọn je n'i͡ę v'učen č'itańụ.) **(E)**

VIŠE [**v'iše**] ***m*** *više.* ✸ 'ọn 'ima v'iše pen'es negụ m'i. (*U Prelogu se u tom značenju upotrebljava* v'ęč. ✸ S'ę v'ęč ị v'ęč pen'es mụ je tr'e. V'iše *znači 'na većoj visini'*.) **(E) (F)**

ZADOBE [**zad'ọbe**] ***adv.*** *na vrijeme.* ✸ M'i smụ zad'ọbe k'rmụ pụspr'avịlį. V'ę bį nam se na d'i͡ęždụ pl'ọjhala. (*U Prelogu je popriložena sveza gdje je u osnovi imenica srednjeg roda, za razliku od Svetog Đurđa gdje je u osnovi imenica ženskog roda:* zad'ọba. ✸ Zad'ọba smụ d'ošlį d'imụ pred d'i͡ęždụm.) **(G)**

ZAKREKOLITI [**zakrek'oḷịtį** zakrek'oḷịm] ***pf.*** *zapjevati u pijanom stanju.* ✸ Dụk sụ se pụn'apịlį, t'ak sụ zakrek'oḷịlį k'aj je b'ilụ g'rdo č'utį. (*U Prelogu nije zabilježen glagol u tom značenju.*) **(D)**

ZALIHA [**z'aḷịha** z'aḷihe, L z'ọḷịhį] ***f*** *zaliha.* ✸ Za v'ę 'imamụ d'ost ž'ita na z'ọḷịhį, alį m'ọšča nam b'ọ zm'ęjnkala. (*U Prelogu je* z'ọḷịh *m.r.* ✸ 'Imaš k'aj pen'es v z'aḷihụ?) **(G)**

ZDERJATI SE [**zd'i͡ęrjatį se** zd'i͡ęrjam se] ***impf.*** *izdirati se*. ✸ M'ortį 'imaš š'ocụ? Z'ọtụ se zd'i͡ęrjaš n'a mene? (*U Prelogu je* zd'irjatį se.) **(B)**

ZDRČIŠČE [**zdrč'išče** zdrč'išča] ***n*** *strka.* ✸ Pre R'okịčevaj se n'ękaj h'udụga dụg'odịlụ kad 'imajụ t'akvụ zdrč'išče. (*U Prelogu se za to značenje upotrebljava imenica* st'rka.) **(F)**

ZMROČITI SE [**zmr'ọčịtį se** *3.* zmr'ọčį se] ***impf.*** *smračiti se.* ✸ N'i͡ęmam v št'alį sv'ętla pụk m'ọram m'ọrhụ nap'ojịtį pr'ęjdį nego se zmr'ọčį. (*U Prelogu je* smr'ọčịtį se). **(B)**

ZLEČI [**zl'ęčį** zl'egnem] ***pf.*** *donijeti na svijet - o životinji.* ✸ Zaj'ica je zl'egla p'et z'ajčekį. (*U Prelogu je* sk'otịtį). **(F)**

ZUMITI [**z'umịtį** z'umịm] ***pf.*** *izumiti.* ✸ K'aj je 'ọn v'ęč s'ęga z'umịl, a n'i͡ęje

n'ikaj vr’î̯ẹden! (*U Prelogu je* ịz'umịtị: *Gubljenje početnog nenaglašenog* ị *u Prelogu nije tako dosljedno*) **(B)**

ZUNKRAJ [**z'unkr'aj**] ***prij.*** *s one strane.* ✸ Z'unkr'aj Dr’ọve je Međ'imụrje. (*U Prelogu je* z'ọnkr'aj. *U leksemu u Svetom Đurđu došlo je do promjene* o > u *ispred nazala.*) **(B)**

ZVIŠKA [**zv'iška**] ***adj.*** *iznad predviđene ili uobičajene količine čega.* ✸ S’ę k'aj nam ụbrụd'i zv'iška, t'ọ bụmụ pr'odalị v štac'unụ. (*U Prelogu je* zv'iška *iznad predviđene ili uobičajene količine čega (u negativnom smislu).* ✸ T'i sị nam t'u zv'iška. *U pozitivnom smislu je oblik bez prefiksa:* v'iška ✸ 'Imam n’ẹkaj v'iška pen'es.) **(A) (E)**

ŽMUKLER [**žm'ukler** žm'uklera] ***m*** *nespretnjaković.* ✸ N’î̯ẹsam zn'al da je J'akụp t'akụf žm'ukler k'oj n'ikụt n'ikam ne d'ospe. ụb’ęčal mị je da bụ mị napr'avịl št'iļa za sek'irụ, a j'oš je netị dr’î̯ẹvụ ne z’ębral. (*U Prelogu je* žm'ukļeš, *i to sa značenjem 'sitni prevarant'*.) **(A) (E)**

Zaključak

Izrada razlikovnih rječnika između manje ili više bliskih mjesnih govora važan je lingvistički zadatak jer bi se pomoću njih moglo dobiti uvid u procese jezične divergencije u jednom manjem geografskom prostoru. Na taj način lakše bi se pratili procesi širenja i rasprostranjenosti najrazličitijih jezičnih pojava iz područja semantike i tvorbe riječi, a ne samo općepoznatih jezičnih izoglosa koje se tiču uglavnom fonologije. Prije izrade rječnika potrebno je napraviti kriterije za izbor riječi kako se ne bi opteretio leksemima koji se razlikuju po „očekivanim“ razlikovnostima po izoglosoma po kojima se ta dva mjesna govora razlikuju.

Literatura

Belović, S. – Blažeka, Đ. (2009) Rječnik Svetog Đurđa (Rječnik ludbreške Podravine). Učiteljski fakultet Sveučilišta u Zagrebu. Zagreb.

Blažeka, Đ. − Nyomárkay I. − Rácz E. (2009) Mura menti horvát tájszótár – Rječnik pomurskih Hrvata. Tinta Könyvkiadó. Budapest.

Blažeka, Đ. (2011a) Raznolikost međimurskog dijalekta kao izazov za dijalektnu leksikografiju. Globinska moč besede – Zbornik u čast Red. prof. dr. Martini Orožen ob 80-letnici / [uredio Marko Jesenšek]. Kansas. Maribor. Praha: – Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti. Filozofska fakulteta. Univerza v Mariboru – Bielsko-Biala. (Zbirka Zora; 80). 444-460.

Blažeka, Đ. (2011b) ‘Lažni prijatelji’ između hrvatskoga standardnoga jezika i

međimurskoga dijalekta. Filologija 57. Zavod za lingvistička istraživanja HAZU, Zagreb, 1-33.
Greenberg, M. L. (1999) Slovarček središkega govora na osnovi zapisov Karla Ozvalda [A glossarį of the Središče dialect on the basis of Karol Ozvald's notes.]. Slovenski jezik / Slovene Linguistic Studies 2. 128–175.
Maresić, J. (2009) Izvješće o dijalektološkom istraživanju u Goli kraj Koprivnice 2009. godine. Kaj Vol. 43 (215) No. 5-6, Zagreb, 93-100.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 124-129
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.124

Stjepan Blažetin
(Pečuh, Mađarska)

KIKLOP RANKA MARINKOVIĆA NA MAĐARSKOM JEZIKU

Abstract: Contemporary Hungarian readers perceive Ranko Marinković primarily as the author of *Glorija*. Since its Hungarian premiere in 1961, this play has been revived in two more productions.Owing to the efforts of Zoltán Csuka, several Marinković' short stories and his undoubtedly most important novel *Kiklop* were translated into Hungarian. *Kiklop* was first published in Croatia in 1965, and already by 1968 Hungarian translation of the novel was available to Hungarian readers. This paper identifies some difficulties in translating this novel by Ranko Marinković, due to the numerous intertextual relations and linguistic playfulness of the text - how to translate the text, and how to deal with the identified intertextual figures such as direct and indirect quotations, apparent and hidden allusions, pastiches and paraphrases, etc.
Keywords: Intertextuality, source text, translation, tradition

Suvremenom je mađarskom čitatelju ime Ranka Marinkovića ponajprije poznato zahvaljujući uprizorenjima njegovog najpoznatijeg dramskog teksta *Glorije*. Praizvedba je upriličena 13. listopada 1961. godine u Narodnom kazalištu u Pečuhu. Drugo uprizorenje dogodilo se 28. studenog 1975. godine u Kecskemétu, u Kazalištu Katona József, a treće 25. veljače 1994. u Kazalištu Hevesi Sándor u Zalaegerszegu.[1] Sva tri uprizorenja nastala su na temelju prijevoda srpskog književnika i prevoditelja Stojana D. Vujičića. Koliko mi je poznato, prijevod nije objelodanjen sve do danas.

Zaslugom najpoznatijega prevoditelja s hrvatskog i srpskog jezika na mađarski, Zoltána Csuke, prevedeno je nekoliko Marinkovićevih novela, kao i njegov, nesumnjivo najznačajniji roman, *Kiklop*. Kao što je poznato, *Kiklop* je objelodanjen 1965. godine, a mađarski ga je čitatelj mogao već 1968. čitati u prijevodu.

Govoriti o prevođenju, uspoređivati izvorni/polazni tekst s prijevodom je delikatan posao. Prevođenje je naime stvaralačka djelatnost pri kojoj prevoditelj pokušava polazni tekst što bolje prenijeti u drugi jezik pri čemu mora neprestano rješavati probleme koji proizlaze iz različitosti jezičnih, kulturoloških, civilizacijskih itd. sustava. Konotacijama koje pobuđuje u čitatelju tekst na nekom jeziku nije moguće naći potpunu zamjenu u drugom jeziku. Dodamo li tomu nerijetko različitu povijesnu, kulturnu itd. tradiciju unutar kojih se razvijaju književni izrazi jednog ili drugog jezika neće biti teško zaključiti kako savršenog prijevoda nema. Drugim riječima prevoditelj bi, s jedne strane, trebao biti idealni čitatelj koji polazni tekst razumije, zatim

[1] Usp. István Póth: Hrvatska drama na mađarskoj pozornici, Pečuh-Budimpešta, 1997.

interpretira pa tek onda prenosi u drugi jezični sustav. Navedeni zahtjevi prevoditelja stavljaju takoreći u bezizlaznu situaciju, no, odgovoriti ovim izazovima upravo je zadaća svakoga prevoditelja.

Ovdje ukratko citirane poteškoće višestruko važe za Marinkovićev *Kiklop*. Danas se već smatra naime općim mjestom da je Marinkovićev roman riznica raznih intertekstualnih (možda i intermedijalnih) pojava i jezično-stilskih igara. No, u vremenu kada je Marinković napisao svoj roman te nastao mađarski prijevod, teorija o intekstualnosti, na ovim našim prostorima, bila je još u povojima. Govoreći o *Kiklopu* još ni Ivo Frangeš u svojoj *Povijesti hrvatske književnosti*[2] ne ističe intertekstualne odnose koji ipak spadaju među najznačajnije karakteristike romana. Hrvatska se književna znanost početkom 80-ih godina počinje intenzivnije baviti intertekstualnim odnosima[3] pa će se tek dvadesetak godina nakon objavljivanja *Kiklopa* započeti teorijsko osvješćivanje intertekstualnih odnosa toga romana. Među prvim tekstovima koji s tih pozicija pristupaju Marinkovićevom *Kiklopu* i nastoje sustavnije evidentirati razne oblike intertekstualnosti u romanu je i tekst Krešimira Nemeca *Aluzije, citati i literarne reminiscencije u Marinkovićevu „Kiklopu"*, prvi put objavljen 1989. u *Forumu*.

Svaki prevoditelj prije svega treba biti „idealni čitatelj" jer će samo na taj način moći interpretirati tekst koji je nakanio prevesti. Marinkovićev *Kiklop* pak iziskuje vrlo obrazovanog čitatelja, koji dobro poznaje europsku a u sklopu toga posebno hrvatsku književnu tradiciju jer u protivnom neće prepoznati sve one krakove kojima se tekst romana vezuje za tekstove nastale u prošlosti. Razumije se, Kiklop se može čitati i bez prepoznavanja i osvješćivanja brojnih intertekstualnih odnosa, ali će se tako roman bitno osiromašiti, nestat će toliko karakterističan ironijski „razgovor" s tradicijom, s već etabliranim književnim i kulturnim vrijednostima našega podneblja.

Imamo li sve to na umu, krenuti u prevođenje *Kiklopa* je velika avantura s brojnim neizvjesnostima. Dodamo li tomu da kada je Zoltán Csuka pristupio prevođenju *Kiklopa*, kako smo vidjeli maloprije, nije mogao imati skoro nikakvu teorijsku podršku, te je vjerojatno bio prepušten svom instinktu i čitateljskom iskustvu, ta avantura izgleda još neizvjesnijom. Znamo kako je Zoltán Csuka vodio konzultacije s autorima čija je djela prevodio, poznata je njegova dosta obimna korespondencija s Krležom, ali se dogovarao i s Andrićem, Desnicom i drugima. Značajan dio te korespondencije danas je već i objelodanjen. Nije nam, međutim, poznato da li se Csuka konzultirao s Marinkovićem.

U već spomenutoj studiji Krešimir Nemec pokušava „naznačiti glavne izvore intertekstualnih veza" Marinkovićevog *Kiklopa*: 1. Antička književnost i mitologija, 2. Biblija, 3. Književnost zapadnoeuropskoga kulturnog kruga, 4.

[2] Usp. Ivo Frangeš: Povijest hrvatske književnosti, Zagreb-Ljubljana, 1987.

[3] Usp. Intertekstualnost & intermedijalnost, Zagreb, 1988, Dubravka Oraić Tolić: Teorija citatnosti, Zagreb, 1990. itd.

Domaća književna tradicija, 5. Povijesne osobe i događaji. Prihvatimo li Nemecovu podjelu, odmah će postati jasno da će za prevoditelja najviše poteškoća zadati intertekstualne veze s domaćom, dakle, hrvatkom književnom tradicijom. Naime, mađarskog čitatelja, mađarsku književnost i kulturu manje-više možemo smatrati baštinikom antičke književnosti, kršćanstva i zapadnoeuropske književnosti kao i hrvatskog čitatelja, hrvatsku književnost i kulturu. To znači, ako se prepoznaju intertekstualni odnosi prema Homerovoj *Odiseji*, Shakespeareovim dramama, biblijskim pričama ili romanima Dostojevskog, doduše uz veliki napor, ali se mogu pronaći adekvatni prijevodi citiranih tekstova i na mađarskom jeziku, načiniti njihova parafraza itd. Istina, to još uvijek ne znači da će intertekstualni odnos zaživjeti u mađarskom prijevodu isto tako kako to živi u hrvatskom, naime recepcija jednog autora ili nekog njegovog djela u hrvatskoj i u mađarskoj književnosti može biti različita. Ali što učiniti s intertekstualnim vezama prema domaćoj (hrvatskoj) književnoj tradiciji? Na temelju sljedećeg ulomka naznačit će se o kakvim je problemima riječ.

„– A sada, gospodo – obrati se Ugo publici – ja idem... možda i u Pampelunu. Završili smo naš današnji lični u-lični program. Svojim dragim slušaocima želimo laku i ugodnu noć. Himna – i gotovo. No, a propos, bicikletissime, ima li možda vaša poštovana velocipederastija jednu cigaretu?

– I dvije, i dvije! – vadi biciklist omašnu dozu od svinjske kože nabijenu cigaretama. – Evo, poslužite se.

– O, tenkju veri mač iz toka, braćo! Ne, ne, samo jednu, radi, kako su govorili dubrovački gospari, skladne uspomene.

Ili, možda ipak... još jednu za moga Eustahija. To nije papagaj, to je onaj prijatelj na vagi. Neki specijalisti preporučuju mu pušenje. He, he, ljuti se... Tako, hvala velikarna. Takva se velocipederska gesta ne zaboravlja! Viteže!... – klikne Ugo. Odstupivši tri koraka, zabaci nogu i široko zamahne šeširom klanjajući se pred biciklistom vrlo ceremonijalno. Zatim baci hitar pogled na Melkiora i prasne u smijeh." (25.-26. str.)

„– Most pedig, uraim – fordult Hugo a publikumhoz –, én megyek, esetleg a Pampelumba. Mai nyilvános és látványos utcai műsorunkat ezennel befejeztük. Kedves hallgatóinknak jó és nyugodalmas éjszakát kívánunk! Himnusz, lallala és kész. De apropó, bicikletissime, van talán mélyen tisztelt velocipederasztiádnak egy cigarettája?

– Ó, kettő is, kettő is! – húzta elő a kerékpáros disznóbőrből varrt tekintélyes nagyságú és cigarettákkal dugig megtömött tárcáját. – Tessék, parancsoljon!

– Ó, thank you, very macska, kedves testvér! Nem, nem, csupán egyet fogadok el, azt is csak a bon souvenir kedvéért, ahogy ezt művelt eleink mondották. *Avagy, talán mégiscsak… még egyet az én kedves Eustachius barátomnak. Ez az Eustachius nem papagáj, hanem az én kedves barátom, ott a mérlegen. Némely szakorvosok erősen ajánlják neki a dohányzást. Hehehe, persze, haragszik… Úgy… legmélyebb hódolatom. Az efféle velocipederaszta*

gesztust nem lehet föladni! Lovag!... – kiáltott föl Hugo hármat visszalépve, egyik lábával nagyot kanyarintott, kalapját meglengette, és szertartásosan mélyen meghajolt a biciklista előtt. Aztán gyors pillantást vetett Melchiorra, és kacagásba tört ki." (36.-37. str.)

Kao što i ovaj ulomak svjedoči, *Kiklop* je roman koji se sastoji od niza scena ili prizora koji čitatelja neprestano podsjećaju na kazalište. Tako je i sa citiranom uličnom situacijom. Istaknuta rečenica dobro ilustrira Marinkovićev postupak građenja teksta, koji ovdje otvara nekoliko asocijativnih lanaca. Engleski tekst ispisan fonetski u kojem «mač» je ključna riječ kojom se ludistički prelazi u hrvatski jezik, što više priziva se nacionalna tradicija, najpoznatija Zajčeva opera, Nikola Šubić Zrinski, najpoznatija arija koju Zrinski pjeva prije nego što će jurnuti u smrt i sav nacionalni zanos, sav patos kojom je hrvatska politička i druga elita bila, pa i danas jest natopljena. Sve se to događa izvlačeći cigaretu iz doze kao mač iz toka. A to još nije sve! Dolaze „dubrovački gospari" pa „skladna uspomena" i prizivanje sjajne dubrovačke epizode hrvatske književnosti i kulture, koja je sad već samo uspomena pa i u djelima nekih književnika kao što je recimo Ivo Vojnović. Prevesti jednu takvu rečenicu na mađarski jezik tako da ona u mađarskom čitatelju otvori barem slične asocijacije, zapravo je nemoguće.

Ako mađarski prijevod pokušamo ponovo prevesti na hrvatski dobit ćemo otprilike sljedeći tekst: **Oh, tank you very mačka dragi brate! Ne, ne, uzet ću samo jednu, i to radi bon souvenira kako su govorili naši učeni preci**. Asocijacije na Zrinskog nigdje, opere nema, a nema ni Dubrovnika, nestao je onaj ironijski odmak toliko karakterističan za Marinkovićev stil. No, ima tu i dobrih rješenja, recimo „**bon souvenir** – skladna uspomena". Šteta međutim što prevoditelj nije spomenuo dubrovačke gospare kao **nobilis Ragusae** recimo.

Ukoliko se u tekstu prepoznaje određeni intertekstualni odnos, naročito kada se radi o prizivanju hrvatske književne, kulturne, povijesne itd. tradicije, kada se uspostavlja svojevrstan dijalog sa tradicijom, prevoditelj bi mogao posegnuti i za bilješkama kao pomagalom pri stvaranju potrebitog konteksta koji potencijalnom mađarskom čitatelju vjerojatno nedostaje. U romanu *Kiklop* koji u mađarskom prijevodu ima 645 stranica, prevoditelj, Zoltán Csuka tri puta koristi ovaj instrument[4]. Bilješka na 128. stranici objašnjava da je stih „zora puca bit će dana" aluzija na rodoljubnu pjesmu Petra Preradovića koja je objavljena 1844.

Druge dvije bilješke su prijevodi latinskih rečenica. Ovaj je pristup u najmanju ruku čudan, naime nema više niti jedne bilješke koja bi ukazivala na intertekstulane odnose, nigdje se ne tumače brojne slične aluzije, citati Matoševih, Ujevićevih itd. stihova, premda je Marinkovićev roman pun takvih mjesta.

[4] Bilješke se nalaze na 128-oj, 138-oj i 140-oj stranici.

Sljedeći ulomak također pokazuje koliko je Marinkovićev tekst uronjen u jezik, koliko se voli poigravati sa mogućnostima koje on pruža. U ovom se slučaju ne radi o „razgovoru“ sa hrvatskom tradicijom, već se priziva europski kontekst i stereotipi koji umnogome formiraju svaki naš sud o drugom.

*„Melkior zatraži komadić **jetre na žaru**, ili tako nešto, mršavo.*

*– Ah, bojim se, znate, gospodin profesor... slabo danas stojimo s mesom – govorio je Kurt jako nesretan, popravljajući stolnjak. – **Bezmesni dan, gospodin profesor. Meso jedu vojske – govorio je ganuto. – Rat je veliki gurman, jede samo fine stvari. Meso...***

Čovjetinu, osobito, reče Melkior u sebi surovo, tako da je Kurt nešto čuo.

***– Ovčetinu, to ostavljamo Englezima, ha, ha – Kurt se milo našali.** – Pitat ću mamu ima li što za vas.*

Začas se vrati s radosnom viješću, konspirativno, ima lijep komad teletine, to je kao za vas, pa bečki odrezak, dobro? Dobro, Kurt, dobro. Izvrsno. Kurt dade mami znak glavom «dobro» i sjedne odmah s Melkiorom za stol, dok mama pripremi 'bečki'” (143. str.)

*„Melchior egy roston sült **borjúszeletet** kért vagy valami hasonló sovány húst.*

*– Ó, professzor úr, tetszik tudni, attól tartok, ma rosszul állunk hassal – sopánkodott Kurt rettentő boldogtalanul, miközben az asztalterítőt igazgatta. – **Ma hústalan nap van, professzor úr. A húst a katonák kapják – mondta szinte megilletődötten. – A háború nagy gourmand, a harcosok csak finom dolgot esznek. Húst…***

„Főleg emberhúst” – jegyezte meg magában Melchior zordonan, úgy, hogy Kurt füle is elkapott valamit belőle.

–A birkahúst, azt az angoloknak hagyjuk, haha – tréfálkozott kedvesen Kurt. – Majd megkérdem anyámat, van-e valami önnek való.

Egy pillanat múlva már vissza is tért az örömhírrel, és bizalmasan közölte, hogy van egy szép darab borjúhús, mintha csak a professzor úrnak teremtették volna, így tehát bécsi szelet, helyes? Jól van, Kurt, jól van, kitűnő. Kurt a fejével intett a mamájának, hogy rendben van, s mindjárt oda is ült Melchior mellé, az asztalhoz, amíg anyja elkészíti a bécsi szeletet.” (228. str.)

Zanemarimo sada zašto je ***„jetru na žaru“*** prevoditelj preinačio u ***„borjúszelet”*** premda za to nema nikakvoga razloga, pa ni onda, ako je jasno da se cijeli ulomak okreće oko mesa koje Melkior nije zatražio, jer meso jedu vojske, rat, koji je personificiran i jede ljudsko meso, dakle ubija ljude. Svojim nepotrebnim dodacima prevoditelj je ovu paralelu skoro sasvim ukinuo. U prijevodu naime stoji: **Rat je veliki gurman, vojnici jedu samo fine stvari. Meso...** Jasno je kako Marinković nije mislio na vojnike, već na vojsku ili vojske koje se ubijajući uništavaju. Jedino tako ima smisla nastavak „Čovjetinu, osobito,“ jer vojnici ipak ne jedu čovječje meso, već rat kao strašna zvijer. Zatim je tu i sjajna igra „pokvarenog telefona“, buke u komunikacijskom kanalu gdje Kurt krivo rekonstruira riječ koju je izgovorio Melkior te razumije „ovčetinu“. Kao što je poznato mađarski jezik nazive za

pojedine vrste mesa tvori tako, da dodaje imenici meso (hús) naziv životinje. Kada se prevede na mađarski „čovjetina“ (emberhús), odnosno „ovčetina“ (birkahús) sličnost u fonemskom nizu originalnog teksta nestaje, te tako cijela igra pokvarenog telefona ne može funkcionirati pa je u najmanju ruku nelogično reći da je Kurt nešto čuo i tako pomiješao riječi emberhús i birkahús. K tomu riječ „čovjetina“ posebno je stilogena, tvorena kao što se tvori u hrvatskom jeziku naziv za raznu vrstu mesa, ali se ta riječ ne koristi jer za to nema razloga. Ima međutim u *Kiklopu* gdje Melkior osjeća da je čovjek izgubio svaku vrijednost, izgubio svoje dostojanstvo, postao je meso koje se može vagati, ubijati, „jesti“.

Ulomcima iz Marinkovićeva romana *Kiklop* nastoji se prije svega pokazati kako je prevoditeljski posao složen. Radovi koji uspoređuju originalni (polazni) tekst s prevedenim tekstom često se nalaze kritične riječi na račun prijevoda, predlažu se druga rješenja, drugi izrazi itd. Ti prigovori nerijetko dobro ukazuju na pogreške koje je prevoditelj učinio, no ponekad proizlaze iz činjenice što kritičar prijevoda ponešto drugačije interpretira (razumijeva) originalni tekst, nego prevoditelj. Stoga se može reći da konačnoga prijevoda nema, a svaka kritika pridonosi poboljšanju prevedenoga teksta.

Literatura

Frangeš, I. (1987) Povijest hrvatske književnosti. Zagreb-Ljubljana.

Intertekstualnost & intermedijalnost. (1988). Zagreb.

Klaudy K. (1999) Bevezetés a fordítás elméletébe. Scholastica. Budapest.

Levi, J. (1982) Umjetnost prevođenja. Svjetlost. Sarajevo.

II. Magyar Alkalmazott Nyelvészeti Konferencia 1992. (1994) Egyetemi Kiadó. Veszprém.

Marinković, R. (1968) A küklopsz. Európa Könyvkiadó. Budapest.

Marinković, R. (1982) Kiklop. Grafički zavod Hrvatske. Zagreb.

Nemec, K. (1995) Tragom tradicije. Matica hrvatska. Zagreb.

Nemec, K. (2003) Povijest hrvatskoh romana od 1945. do 2000. Školska knjiga. Zagreb.

Oraić Tolić, D. (1990) Teorija citatnosti. Grafički zavod Hrvatske. Zagreb.

Póth I. (1997) Hrvatska drama na mađarskoj pozornici. Pečuh-Budimpešta.

Pranjić, K. (1985) Jezik i književno djelo. Nova prosveta. Beograd.

Pranjić, K. (1986) Jezikom i stilom kroza književnost. Školska knjiga. Zagreb.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 130-138
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.130

Blanka Bošnjak
(Maribor, Slovenija)

MINIMALIZEM MED »POPULARNIM IN PEKLENSKIM«

Abstract: In-depth reading and comparative analysis of the short story collection of Vesna Lemaić *Popularne zgodbe* (2008) and Dušan Čater *Dženehenem* (2010), both awarded by the fable for the best short story collection, reveal some fundamental characteristics: the prevailing minimalism, from the perspective of the literary style, which is revealed through e.g. the dialogue discourse, mimetic speech with all linguistic specialties, short connections in communication between the characters and theming the subject's identity crisis, interculturalism, intertwining of the rural and urban with the addition of extensions of irony, fiction/fantasy, uncanniness and social criticism. The typology of the contemporary Slovene short prose, compared to the Slovene short prose of the last 20 years of the 20th century, is reaching new spheres.

Keywords: contemporary Slovene short prose, Vesna Lemaić, Dušan Čater, minimalism, fiction/fantasy

Uvod

Problem narave literarnega dogodka je, da lahko o njem kot o performativu razmišljamo na dva načina: najprej literarno delo »opravi enkratno in specifično dejanje. Ustvari realnost, ki je delo, in njeni stavki dosežejo nekaj posebnega v tem delu« (Culler 2008: 125). Po drugi strani pa delo uspe in postane »dogodek na podlagi množičnega ponavljanja, ki se podreja normam in mogoče spremeni stvari« (prav tam). Erika Fischer Lichte izpostavlja pomen t. i. »performativnega obrata« v gledališču, ki je povzročil nova razmerja med objektom in subjektom, opazovalcem in opazovanim, gledalcem in izvajalcem (prikazovalcem), med materialnostjo in znakovnostjo elementov kakor tudi med označevalcem in označenim (Fischer-Lichte 2004: 19-20). Tudi Tomaž Toporišič ugotavlja izrazito performativnost v slovenski sodobni drami po performativnem obratu in v zvezi s tem dejstvo, da »jezik postane eden bistvenih protagonistov (ne več)dram, hkrati tudi (ne več)gledališča, kjer prihaja do rušenja meje med tekstom in uprizoritvijo. Beseda (izjava) postaja kot performativ sama spektakel, ona je tista, ki ustvarja strukturo besedila in uprizoritve« (Toporišič 2011: 268). Podobno lahko zaznamo obrat k izraziti performativnosti v sodobni slovenski kratki prozi minimalističnega tipa, ki teži k dialoškosti diskurza s posnemanjem predvsem pogovornega jezika, v tem tipu se tudi zelo malo uporablja povzemalni in pripovedni diskurz, »tako da je treba dogajanje razbrati in povezati na drugačen način; takšna besedila se približujejo dramatiki« (Bošnjak 2005: 95). Izpostavljene značilnosti najdemo v dveh izbranih zbirkah sodobne slovenske kratke proze, Vesne Lemaić

Popularne zgodbe (2008) in Dušana Čatra *Džehenem* (2010), obeh nagrajencev fabule za najboljšo zbirko kratke proze, ki ju bomo analizirali predvsem z vidika minimalistične poetike ter žanrskosti besedil.

1. Minimalizem v zbirkah Dušana Čatra in Vesne Lemaić

Prav izjavljanje je tisto dejanje, ki iz posameznikov dela subjekte, omogoča komunikacijo med njimi, vendar pa minimalistična poetika to komunikacijo problematizira tako, da »s posnemanjem oziroma mimetičnim ponazarjanjem vsakdanje komunikacije na konkretnih primerih prikazuje krizo performativne identitete« (Perić Jezernik 2011: 44). Literarni subjekti in tudi bralci so torej na neki način izgubljeni v diskurzu: jezik ali »pogovor« med subjekti je le navidezna rešitev neprijetnih situacij, saj t. i. »subjekti pogovarjanja«[1] govorijo drug mimo drugega. Dialogi med njimi so le navidezni, saj ne gre za konstruktivno izmenjavo mnenj in občutij, kar kaže na t. i. krizo subjektove identitete (v vseh pripovedih ima prav ta izpostavljen pomen, pravzaprav prerašča v poglavitno širšo temo odtujenosti), ki se reflektira skozi vsakdanjo in izpraznjeno medsebojno komunikacijo (ali bolje: govor, govorico). Prav tako intertekstualnost, ki proseva skozi nekatere Čatrove pripovedi in zgodbe Vesne Lemaić v obeh obravnavanih zbirkah, kaže na minimalistično poetiko besedil in se lahko realizira kot zavestni »stilno-kompozicijski izraz krize identitete« (Perić Jezernik 2011: 45). Zanimiv primer intertekstualnosti v kontekstu minimalizma je najti v znanstveno-fantastični pripovedi V. Lemaić *Lovki na občutke* iz obravnavane zbirke, v kateri se med drugimi tehničnimi inovacijami pojavlja psihotropno mamilo *soma*, ki po hitrem postopku osrečuje ljudi. Pojavlja pa se tudi želja po doživljanju čim bolj pristnih občutkov, tudi groze, saj gre pravzaprav za »lov na občutke« dveh nizozemskih turistk Baphie in Tatienne, kot je izpostavljeno že v naslovu zgodbe; dekleti se po te občutke odpravita v Ljubljano (v letu 2098), saj tam grozi nevarnost »Scalp Maniaca«, ki omogoča dobičkonosno dejavnost oziroma »shock turism« (Lemaić 2008: 15), kjer te srhljive občutke končno tudi doživita, čeprav morata bežati: »Tečeta iz Ljubljane, v kateri sta tudi sami pustili nekaj svoje krvi. V telesih se jima dogaja eksodus občutkov« (Lemaić 2008: 44). V tem izpostavljenem motivno-tematskem segmentu je vzpostavljena intertekstualna navezava na roman *Krasni novi svet* ameriškega avtorja Aldousa Huxleya,[2] v katerem imajo

[1] Sintagmo je med prvimi izpostavil Tomo Virk v pomenu, da je po smrti subjekta akcije nastopil t. i. subjekt pogovarjanja (Virk 1998: 47).

[2] Prvič je delo izšlo l. 1932 pod naslovom *Brave New World*. V tem znastveno-fantastičnem romanu, ki ga je avtor označil kot roman prihodnosti in je neke vrste negativna utopija ali antiutopija, saj se dogaja 632 let po tem, ki je Henry Ford uvedel tekoči trak in množično proizvodnjo; pojavlja se mamilo *soma* (zapisano v kurzivi kakor tudi pri Lemaićevi) in iskanje, lovljenje občutkov, npr.: »/…/ imamo vedno na voljo *somo*, čudovito *somo*, pol grama za pol praznika – en gram za konec tedna, dva grama za potovanje na razkošni Vzhod, trije pa za temno večnost na luni. In ko se vrnejo, varno na trdnih tleh dnevnega dela in razvedrila spet tekajo od

romaneskni liki vsajene tudi elektrode za vzbujanje občutkov, si vbrizgavajo različne umetne hormone, kar daje »knjigi neko posebno srhljivost« (Fukuyama 2003: 4).

Poleg tega so v analiziranih zgodbah o na videz običajnih življenjskih situacijah prisotni še dodatni kazalniki minimalizma:[3] redukcionistična težnja na ravni zgodbe, dogajanja, oseb, jezika, subjekta; posebna atmosfera z močnejšo ali pa vsaj enakovredno semantiko kot izgovorjene besede; pomenljiva tišina in številni premolki; tematika vsakdanjika, na prvi pogled neproblematična, vendar simptomatična za sodobno družbo – npr. v Čatrovi zgodbi *Kjer si, tam si* gre za odtujenost med partnerjema (Deniso in Blažem), ki se posredno kaže skozi dialog med bratom (Sejo) in sestro (Deniso), ki sta sicer bosanska prebežnika zadnje vojne v bivši Jugoslaviji v Slovenijo, kar postavlja zgodbo v politični in časovni kontekst bližnje preteklosti oz. sedanjosti:

»Sejo jo je gledal in se še sam smejal.

»Kaj, Denisa?« je rekel med smehom.

Še vedno smeh.

»Ko sta z Aido šla po starega, ha, ha …« se je smejala.

»… Ko sta …« se je nenadoma zresnila in obmolknila.

Tudi Sejo se je zresnil in nekaj časa samo gledal vanjo.

»Ko sva kaj, Denisa?« je potem vprašal.

Denisa se je zagledala nekam predse in videti je bila povsem odsotna.

»Ko sta …« je rekla.

»Kaj?«

Premolk. /…/

»Nič, kaj sem že hotela, no …?« je nato Denisa dvignila glavo, se zagledala v brata in mu namenila bled nasmešek.

»Pa kje zdaj hodi?« se je vprašala in pogledala na uro. »Rekel je, da bo doma ob pol petih, zdaj pa je že pet in pol …« (Čater 2010: 18.)

Dialoški diskurz posnema pogovorni jezik, pomenljivi so površinski detajli, ki sublimno kažejo na neizrekljivost določenih dejstev, trenutek resnice oziroma vpogled ali spoznanje; v navedeni zgodbi nastopi ključno spoznanje ob koncu pripovedi, ko se Denisi sicer v Blaževi prisotnosti razkrije njuna odtujenost, kar se na zunanji ravni dogajanja kaže v »speštani torti« na tleh (namenjena je bila bratu za rojstni dan), Denisa pa je »čepela naslonjena ob steno in brezglasno hlipala. Obraz si je pokrila z rokami in smrkala. Blaž je sedel na zofi in kimal sam sebi v brado.« Dodana je še ironična podmena s pojočo plastično ribo, ki jo je dobil od sestre v dar Sejo, v rokah pa jo odsotno drži Blaž: »V rokah je imel tisto pojočo ribo in pritiskal je na gumb. Riba je pela tejk mi tu de ri-ve-er, trou mi in de vo-te-er …«, kar se zaključi z

enega čutnega filma do drugega, od enega dekleta do drugega, še bolj pnevmatičnega dekleta, od elektromagnetskega igrišča za golf do …« (Huxley 2003: 58.)

[3] Določene značilnosti minimalizma so povzete po Perić Jezernik (2011).

globalnim spoznanjem o življenju, ki ga premleva Sejo: »Jebenti, a smo vsi v naši familiji povsem v kurcu, je razmišljal Sejo. V tem sranju … Peklu![4] … Pekel je globalna zadeva. Zemeljska … Tuzemeljska! Mah! …« (Čater 2010: 25). Pekel je tudi osrednja metafora celotne Čatrove zbirke minimalistično izpisane kratke proze *Džehenem*, 2010, ki prerašča v simbol najrazličnejših tesnobnih občutkov odtujenosti/tujosti. Ti nenehno prevevajo like (poleg omenjenih še Ivana, Nadjo, Dragija/Dragišo, Marcela/Long Vabala, Tario) Čatrovih sicer intimistično zastavljenih zgodb in »so peklenska gugalnica za posamezne subjekte, ki jih identiteta tujstva sicer dela ranljive, vse prežemajoča tematska stalnica »peklenskosti« (odtujenosti) pa je vendarle doktrina sodobnega življenja, ki ne prizanaša nikomur« (Bošnjak 2013: 69).

Podobna spoznanja glede značilnosti minimalistične poetike veljajo predvsem za del pripovedi v zbirki V. Lemaić *Popularne zgodbe*, 2008, in sicer za: *Pogodba, Esterine joške, Čevlji, A daš pulover?, Nedolžnost, Nič ni, nič ni,* medtem ko je v drugih besedilih te zbirke poleg minimalizma prisotna še žanrska obarvanost, pri čemer izstopata fantastičnost in grozljivost teh pripovedi. V naslovu izpostavljena t. i. »popularnost« ima tako najprej retorično vrednost, zatem pa ironično konotacijo, saj se na semantični ravni razkrijejo ti teksti kot prav tako intimistično zastavljene »vsakdanje zgodbe«, z izpostavljenimi ključnimi eksistencialnimi zasuki v življenju likov, ki poudarjajo od tematizacije raka na dojkah (*Esterine joške*), invalidnosti (*Čevlji*), incesta, posilstva (*Nedolžnost*) do smrti, in sicer dedka, ki jo otrok doživlja na svoj način (*Nič ni, nič ni*) – kakor tudi različne oblike nasilja (*Pogodba, A daš pulover?, Čevlji, Nedolžnost*).

2. Žanrskost – fantastičnost/grozljivost pripovedi Vesne Lemaić

Razumevanje in definiranje pojma žanr je raznoliko, vendar ga lahko razumemo kot snovno natančno določeno kategorijo, pri čemer naj bi zadostil predvsem trem zahtevam: snovni določenosti s tipičnimi glavnimi in stranskimi motivi, oblikovni konvenciji ter kontinuiteti, pri čemer več besedil istega žanra artikulira določeno žanrsko usmeritev. V besedilih istega žanra ostajajo določeni razpoznavni elementi zgodbe nespremenjeni, manj pomembni pa se lahko spreminjajo. »Znotraj posameznega žanra se lahko razvijejo različni žanrski tipi ali podžanri, v daljšem časovnem obdobju pa se žanri spreminjajo skladno s slogovnimi inovacijami ali pod vplivom drugih žanrov« (Belšak 2003: 152). Posebno izrazitih žanrskih značilnosti ne najdemo v analizirani zbirki D. Čatra, v zbirki V. Lemaić pa je najti nekaj tovrstnih besedil, predvsem takih, ki jih lahko še najustrezneje umestimo v fantastični žanr v povezavi z grozljivo zgodbo naslednjih pripovedi: *Lovki na občutke, Bazen, Seveda te ljubim* ter *Tisočšeststoti razgovor za službo*. O relacijah med pojmoma

[4] Po peklu se imenuje tudi celotna Čatrova zbirka kratkih pripovedi *Džehenem*. Pojem *»džehenem«* je turcizem in pomeni pekel. Naslov tega Čatrovega dela je povezan s Sarajevom in tamkajšnjim istoimenskim »kafičem« (Plahuta Simčič 2012).

fantastičnosti v literaturi ter stvarnosti je pisala med drugimi Kathryn Hume v delu *Fantasy and mimesis*, 1984, kjer izpostavlja dva impulza, ki sta vodilna pri pisanju: mimezis (imitacija realnosti) in fantastika (predelava realnosti); oba sta vključena v ustvarjanje večine literature, tako da fantastika ni neka ločena kategorija, saj nastaja zaradi številnih variiranj stvarnosti ali potrebe po metaforičnih podobah (Hume 1984: 20). Fantastika zajema tudi prehod bodisi v psihološkem smislu (npr. človeško nesmrtnost, potovanje, hitrejše od svetlobe, telekinezo, telepatijo), v smislu tehničnih ali socialnih inovacij, ki jih trenutno še ni (npr. kloniranje človeka, družbe prihodnosti), alternativnih svetov in univerzumov, v katerih se končno verjame v čudeže in pošasti, saj postanejo »realni«. Ob tem avtorica opredeli resničnost kot »dogovorno resničnost«,[5] ki določa razmerje med fantastiko in stvarnostjo s stališča bralca (isto: 20–21). Humova trdi, da je fantastika kot element blizu najrazličnejšim oblikam literature, Christine Brooke-Rose pa zagovarja stališče, da imajo načeloma fantastične pripovedi realistično osnovo (1983: 81); Linda Hutcheon v delu *Narcissistic Narrative* dokazuje, da je fantastika druga stran realizma (Hutcheon 1984: 77), Neil Cornwell pa izpostavlja misel, da je fantastika obrnjena realnost, torej ni iz nje izločena, saj obstaja kot parazitska ali simbiotična relacija v odnosu do realnega; fantastika torej ne more obstajati neodvisno od »realnega« sveta (Jackson 1981: 20, povzeto po: Cornwell 1990:25). Ob tem ta avtorica poudarja, da fantastičnost v literaturi služi tudi posebnim socialnim in psihološkim tendencam (isto: 27).

Izpostavljene značilnosti znanstveno-fantastične literature vsebuje v analizirani zbirki V. Lemaić pripoved *Lovki na občutke*, pri čemer ustreza teoretičnemu modelu K. Hume – zlasti v smislu tehničnih in socialnih inovacij (npr. »shock« turizem, hotelske četrti s kapsulnimi ležišči, nove vrste drog ipd.), ki jih trenutno še ni, a bodo morda običajne v družbi prihodnosti, kakor je prikazano v zgodbi o Ljubljani na pragu 22. stoletja, v kateri mladi sofisticirani dekleti Baphie in Tatienne bežita pred grožnjo t. i. »Scalp Maniaca«, čeprav si to srhljivo dogajanje zaradi lova na občutke tudi želita.

2.1 Fantastično in grozljivo

Po drugi strani pa lahko teorijo fantastičnega razumemo v psihoanalitičnem smislu, kar pomeni, da je pojem fantastičnega definiran v razmerju do pojmov realnega in imaginarnega, ki ju razumemo v običajnem pomenu besede, »v lacanovske pojme pa bi lahko stvar prevedli tako: opraviti imamo z vdorom Realnega sredi domače, znane (se pravi imaginarne) realnosti, in ta vdor proizvede oklevanje, negotovost – domačnost se skrha in poruši« (Dolar 1994:111-112). Tako je dimenzija fantastičnega tudi po Todorovu v bližnjem sorodu z »das Unheimliche«, kar pomeni neko vrsto »intelektualne

[5] Pojem »dogovorne resničnosti« opredeljuje razmerje med fantastiko in resničnostjo s stališča bralca, kar pa je lahko tudi problematično, zlasti zaradi »spreminjanj[a] splošnih dogovorov skozi zgodovino in soobstoj[a] različnih splošnih dogovorov v istem času« (Kenda 2009: 23).

negotovosti« (isto: 111), oziroma, da tudi »das Unheimliche« lahko obstaja le na ozkem robu, v nekakšnem vmesnem prostoru, vse dokler se ne razblini negotovost glede njegove narave, »in le na tej *no man's land* je lahko proizvajalo tesnobo in učinek »subjekta v suspenzu«, lebdečega subjekta, ki so se mu izmaknila tla pod nogami /…/ Ponuja tudi neposredno vez z lacanovsko postavko, da se Realnega nikoli ne da zajeti direktno, naravnost, temveč da se pojavi le na nekem kočljivem robu, v poševni perspektivi, za »pogled s strani« (isto: 112–113). Izraza »das Unheimliche« se ne da ustrezno posloveniti, v glavnem pa ga prevajajo kot »grozljivo« (v slovenskem prevodu Freudovega dela *Das Unheimliche*, 1994). Freud ga pojasnjuje kot vrsto strašljivega, grozljivega, ki izvira iz nekdaj znanega, že zdavnaj domačega in postane strašljivo pod določenimi pogoji (Freud 1994: 8).[6] Po Freudu pa lahko kaj učinkuje grozljivo, če se zabriše meja med fantazijo in dejanskostjo, če se kot realno pokaže nekaj, kar smo prej razumevali kot fantastično (isto: 29). Freud poda v svoji razpravi zbirke primerov, ki povzročajo grozljiv učinek, lahko pa nekateri delujejo tudi fantastično (kar potrjuje Freudova analiza Hoffmannove novele *Der Sandmann* (*Peskar*), 1817), zlasti v smislu definicije T. Todorova: »Pojem fantastičnega je torej definiran v razmerju do pojmov realnega in imaginarnega« (1970: 29). Freudove primere je M. Dolar razporedil v pet kategorij (1994: 76–80):

- Prva je *meja med živim in neživim* – »das Unheimliche« izhaja iz *dvoma*, ali je neko na videz živo bitje res živo, ali obratno, ali nekaj mrtvega ni v resnici živo (npr. vampirji, duhovi, voščene figure, avtomati, lutke …, ali da se nekaj »mehaničnega« polasti »normalne« duševne dejavnosti). Problem je v t.i. vmesni coni, kjer določeni stvori še niso docela mrtvi in »kjer se smrt zajeda v življenje«[7] (Dolar 1994: 77), npr. Lemaić: *Tisočšeststoti razgovor za službo* – zgodba deloma ustreza tej kategoriji, zlasti v smislu mehanične transformacije človeka v stvor/ribo (Lemaić 2008: 111).
- Druga kategorija je *dvojnik***,** ki izvira iz spoznanja, da se zrcalne podobe drži neka tesnoba in nelagodnost, saj lahko dobi samostojnost in nam stopi nasproti kot alter ego, tako da postane lahko narcistično zadovoljstvo grozljivo in tesnobno. Dvojnik, ki navadno napotuje na smrt, najbolj neposredno uteleša dvoumnost, ki jo nosi v sebi »das Unheimliche« – domače in hkrati neposredno tuje.
- Tretja kategorija je *pogled*, Freud govori o »zlem pogledu«, ki se ga drži dimenzija magičnega, hipnotičnega pogleda, npr. Lemaić: *Bazen* – v tej zgodbi se pojavlja bazen kot poosebljeno zlo, saj je »nepredstavljivo lep in strašen«, moraš se mu približati in ga gledati, »voda ima odsev usodnosti: obseda tvoje oči«, ne moreš ga zapustiti, »bazen ti postane neodtujljiv kot

[6] »[Nikalna] predpona *»un-«* v tej besedi [*un-heimlich*] je tu znamenje potlačitve« (Freud 1994: 30).

[7] Leto dni kasneje je Freud dimenzijo avtomatizma, ki se lahko polasti tudi živega, izoliral v konceptu prisile ponavljanja in iz nje izpeljal koncept nagona smrti (Dolar 1994: 78).

lastna podzavest«; »*Neprestano ti gleda čez ramo,*[8] kje imaš roke, kam gledaš, poslušaš, kaj rečeš. Bazen ti je odredil določene položaj poleg sebe, zavezan si mu.« (Lemaić 2998: 56-57.) Bazenu so liki v tej zgodbi hipnotično in usodno zavezani do smrti (zaradi samoutopitve, dehidracije ali sončarice pod razbeljenim nebom …).

- Četrta kategorija je *naključje*, saj serija naključij dobi lahko usodni pomen, razvrstijo se v *zakonitost*, in se povezujejo s *»skrivnim duhom v rečeh«,* kar izvira še iz animizma oziroma vere v vsemogočnost misli, npr. Lemaić: *Bazen* – smrtno zlo bazena, ki poseduje nekakšen skrivni smisel in deluje magično na ljudi s svojim skrivnim duhom, je delo brata osrednjega lika, ki na prvi pogled nevidno, na videz naključno in vendar usodno vpliva na življenja svojih najbližjih in prijateljev:

»Do brata si od nekdaj čutil razumno ljubezen, toda ko ga zdaj opazuješ, kako stoji med ljudmi in vodo, ti je jasno, da pripada bazenu. Z ustnic mu lahko prebereš, da tistim na drugi strani zagotavlja isto kot vama z očetom: »Kako lepo vas je imeti vse na kupu!« In zaveš se, da vas bo sčasoma vse pogoltnil, naložili se boste na kup drug čez drugega na dnu, če tam spodaj sploh obstaja kaj takega, kot je dno.« (Lemaič 2008: 55.)

- Zadnja kategorija je t. i. *»disiecta membra«,* kar pomeni, da občutek grozljivosti povzročajo *odrezani telesni udje*. »Za Freuda ta kategorija nedvoumno napotuje na kastracijo kot eno poglavitnih rdečih niti, ki spenja med seboj različne primere »das Unheimliche«. Kar vzbuja grozo, je v eni svojih bistvenih razsežnosti groza pred kastracijo« (Dolar 1994: 80), npr. Lemaić: *Seveda te ljubim* – zgodba izraža grozo pred kastracijo, vendar so spolne vloge spremenjene in fantastično dodelane: strah pred kastracijo doživlja namreč ženska, ki ji je zrasel penis na roki iz ljubezni do druge ženske; njegov obstoj omogoča izrekanje zarotitvenega obrazca: »Seveda te ljubim, imejva otročka, ki nekdaj bo rekel, tako kot je očka …« (Lemaič 2008: 72); na koncu je ženska dejansko kastrirana in tako ne gre le za grozo pred kastracijo: »Nisi ga znala dovolj previdno upravljati: Zlomila si si ga, svoj novi ud.« (Prav tam.)

3. Zaključek

Podrobno branje in primerjalna analiza zbirk kratke proze Vesne Lemaić *Popularne zgodbe* (2008) in Dušana Čatra *Džehenem* (2010) razkrivata, da tipologija najsodobnejše slovenske kratke proze dobiva nove razsežnosti prav z razmahom minimalistične poetike, ki na nek način razgrajuje resničnost, kar se kaže tudi v izgubi avktorialne pozicije avtorja. Resničnost služi bolj ali manj demonstriranju vloge minimalističnega subjekta, ki je večinoma osamljen, izgubljen in v eksistencialno izpostavljenih situacijah deluje nemočno, odsotno. Prav tako pojav žanrskosti v nekaterih teh besedil, zlasti fantastičnosti in

[8] S kurzivo poudarila avtorica razprave.

grozljivosti, podkrepljuje minimalističnost njihovega izraza oziroma različne redukcije na ravni motivno-tematske semantike, identitete subjekta ter s komunikacijskimi kratkimi stiki, ki se prav z dialoškim diskurzom približujejo performativni moči širše razumljenega kulturnega dogodka. Dojemanje minimalistične literature kot performativa nam omogoča, da si jo lahko predstavljamo kot dejanje jezika ali dogodek, ki preoblikuje svet in ustvarja stvari.

Literatura

Belšak, A. (2003) Žanri v slovenski daljši prozi. Mednarodni simpozij Obdobja – metode in zvrsti (2002; Ljubljana). Slovenski roman. Ljubljana: Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik pri Oddelku za slovenistiko Filozofske fakultete (Obdobja 21). 152-160.

Bošnjak, B. (2005) Premiki v sodobni slovenski kratki prozi. Maribor, Slavistično društvo (Zora 38).

Bošnjak, B. (2011) Fantastični elementi v sodobni slovenski kratki prozi. Slovenski slavistični kongres (2011; Maribor). Slavistika v regijah. Ljubljana: Zveza društev Slavistično društvo Slovenije. 105-110.

Bošnjak, B. (2013) Pekel odtujenosti v izbrani kratki prozi Dušana Čatra. Jezik in slovstvo LVIII, št. 1-2. 63-72.

Brooke-Rose, Ch. (1983) A rhetoric of the unreal: Studies in narrative and structure, especially of the fantastic. (1st paperback ed.). Cambridge [etc.], Cambridge University Press.

Cornwell, N. (1990) The literary fantastic. Fom gothic to postmodernism. New York [etc.], Harvester. Wheatsheaft.

Culler, J.D. (2008) Literarna teorija: Zelo kratek uvod. V Ljubljani, Krtina.

Čater, D. (2010) Džehenem. Ljubljana, Študentska založba (Beletrina).

Dolar, M. (ur.) (1994) Das Unheimliche. Ljubljana, Društvo za teoretsko psihoanalizo.

Fischer-Lichte, E. (2004) Ästhetik des Performativen. Frankfurt am Main, Suhrkamp.

Freud, S. (1994) Das Unheimliche. Ljubljana, Društvo za teoretsko psihoanalizo.

Fukuyama, F. (2003) Konec človeštva: posledice revolucije v biotehnologiji. Tržič, Učila International.

Hladnik, M., Kocijan, G. (ur.) (2003) Mednarodni simpozij Obdobja – metode in zvrsti (2002; Ljubljana). Slovenski roman. Ljubljana: Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik pri Oddelku za slovenistiko Filozofske fakultete (Obdobja 21).

Hume, K. (1984) Fantasy and Mimesis. Responses to reality in western literature. New York and London, Methuen.

Hutcheon, L. (1984) Narcissistic narrative: the metafictional paradox. New York, London, Methuen.
Huxley, A. (2003) Krasni novi svet. Ljubljana, Mladinska knjiga.
Kenda, J. (2009) Fantazijska književnost: Očrt teorije žanra in njegovega sodobnega modela. Ljubljana, Mladinska knjiga.
Krakar-Vogel, B. (ur.) (2011) Slovenski slavistični kongres (2011; Maribor). Slavistika v regijah. Ljubljana, Zveza društev Slavistično društvo Slovenije.
Lemaić, V. (2008) Popularne zgodbe. Ljubljana, Cankarjeva založba.
Perić Jezernik, A. (2011) Minimalizem in sodobna slovenska kratka proza. Ljubljana, Založba ZRC, ZRC SAZU.
Plahuta Simčič, V. (2012) Dušan Čater: »Moja literatura, to sem jaz!«. V: Delo, 5. 3. 2012. URL: http://www.delo.si/kultura/knjizevni-listi/dusan-cater-moja-literatura-to-sem-jaz.html (2013- 02 -22).
Todorov, Tz. (1970) Introduction à la littérature fantastique. Paris, Éditions du Seuil.
Toporišič, T. (2011) Performativna dimenzija v slovenski sodobni drami: Božič – Jesih – Jovanović – Šeligo. Slavistična revija 59/4. 357–370.
Virk, T. (1998) Premisleki o sodobni slovenski prozi. Ljubljana, ZRSS.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 139-141
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.139

Bölcs Matild
(Horvátzsidány, Magyarország)

REGIONÁLIS HORVÁT IRODALMI KULTUSZHELYEK A KŐSZEGI JÁRÁSBAN

Abstract: Memorial places and literature of the Croatians living in the Kőszeg district
Key words: cult, exhibition, calendar, land

A nyugat-magyarországi (gradistyei) horvátok öt évszázados története során az irodalmi kultusz leglátványosabb megnyilatkozási módját az évfordulókhoz kapcsolódó ünnepi megemlékezések jelentették. A kultuszok mögött az emberek eredendő szakralitás iránti igényét kereshetjük. A nem vallási jellegű kultuszok egy tiszteletfajta kifejezésére szolgálnak. *A tisztelet kifejezésekor a közösség kulturális emlékezete lép működésbe, olyan nyelvi – viselkedési készleteket mozgósítva, amelyek a kulturális emlékezet szerint valaha döntően szakrálisak voltak.* (Takáts 2002: 1535).

A szakirodalom a kultuszt és a kultúrát, mint eltérő beállítódásokat, szokásrendeket és nyelvhasználati módokat határozza meg. *A kultusz… bizonyos szellemi vagy anyagi értékek mértéket nem ismerő, mindenekfölötti tisztelete… szentnek tekintett helyek fölkeresése, ereklyék gyűjtése… túlnyomórészt olyan (magasztaló) kijelentésekben ölt testet, melyeket sem bizonyítani, sem cáfolni nem lehet, mert részletes tapasztalati ellenőrzésükre nincs mód.* (Dávidházi 1989: 5).

Az irodalmi kultusz túlmutat a művészi teljesítményen, emberi, etikai, társadalmi, „sorsbeli többletének" tematizálása emlékhelyeken, kiállításokon (Horvátzsidány, Ólmod, Peresznye) valósul meg. A magánszemélyeknél valamint a plébániákon felhalmozott gyűjteményekből az utóbbi két évtizedben számos emlékhely realizálódott. A bemutatott tárgyak, relikviák a kultuszban ereklyeként spirituális közvetítő eszközzé válnak. *A kultuszkiállítás annyiban jogosan feltételezi a tárgyak beszélő képességének magától értetődő voltát, hogy csak az zarándokol el az emlékhelyekre és a múzeumi kiállításokra, aki eleve része a közösségileg legitimált ítéletnek vagy vágyik erre a részesedésre… Ezek az alkalmak ugyanis sohasem okozhatnak csalódást a kultusz létében érdekelt kör számára.* (Lakner 2000: 365). A rendszerváltozás előtti évtizedekben osztrák magángyűjtők kiürítették a horvát lakosság padlásokon dédelgetett, régiségekkel teli ládáit. Az utóbbi években megfordulni látszik a folyamat, az osztrákok által Magyarországra továbbított szeméthegyekből a helyi kiállítás szervezői „visszaveszik" a régi „kincseket". Kiállításra csak az érdemes, ami a múlthoz tartozik. A tárgyak hangulatértéke

megnő, mert egy korábbi életre emlékeztetnek. A hagyomány szolgálata a kultuszban kitüntetésnek számít.

A táj, amely az évszázadok óta itt élő horvátok életének keretét adta, 2013 óta ismét Kőszegi járás néven húzódik keresztül 3 városon és 18 községen. 1920-ban a járás kétharmad részét Ausztriához csatolták, ennek következtében a határon túli valóságot az irodalom pótolta, a tájakat pedig leírásuk. 1954-ben a Kőszegi járást végleg megszüntették. *Hogy az országot hazánkká egészítsük ki, a képzeletet kellett segítségül hívnunk és az irodalmat, így lett képzetünk a haza tájairól kissé irodalmias.* (Szabó 1999: 25).

A horvátoknak az anyaországgal való kapcsolatát elsősorban népköltészeti alkotások dokumentálják. Bencsics Miklós irodalomtörténész álláspontja szerint a gradistyei horvátok műköltészetében már csupán rejtett nyelvi, tartalmi és formai utalások fedezhetők fel. Az első nagyszabású népköltészeti gyűjtés a XIX. század hasonló jellegű európai kiadványainak módszertanához igazodik. Fran Kurelac (1811-1874) horvát irodalomtörténész 1842-48 közötti látogatásait koronázta meg a közismert nevén Énekeknek nevezett (a Croatica által 2010-ben Budapesten reprint kiadásban kiadott) kötet. Kurelac saját bevallása szerint nem vállalkozott a népköltészeti és műköltészeti alkotások szétválasztására. A mintegy 700 darabból álló gyűjtemény 38 szövege kapcsolható a jelenlegi Kőszegi járás területéhez. Településenként lebontva a főleg szerelmes verseket, katonadalokat és szatirikus költeményeket tartalmazó anyagot: Bozsok (13), Horvátzsidány (10), Peresznye (10), Ólmod (5). A szövegekben megjelenő kultikus helyszínek: a hegyen, az erdőben, a kútnál, az ablak alatt, a harcmezőn.

A világi irodalom megjelenése a XVIII, század második felére tehető. Falusi krónikák, kalendáriumok jelzik a kezdeteket. (A kalendárium a mai napig kedvenc olvasmánya a horvátoknak.) 1769-ben „A zsidányi és a peresznyei hegyközség paragrafusai" címmel fontos jogi irat jön létre, amely a szőlőhegynek, mint a falutól elkülönülő kultikus helynek a szerepét fogalmazza meg. A kutatások azt mutatják, hogy a magyar minták alapján fordított etikai kódex egyúttal a korabeli horvát nyelvi gazdagság és lelemény tárháza. A horvátzsidányi szőlőhegy ősi gyümölcsfái az édenkert ízeit hordozták. A XX. század második felében a szőlőhegy a téeszesítésnek esett áldozatul, a határzárba szorulva pedig csak öregek látogathatták, így sorsa a kultusz leépülését példázza. Anekdoták valamint a társművészetek egy-egy alkotása ma is őrzi a hegyen folyó küzdelmes, ugyanakkor vidámsággal teli napokat.

Az egyházi irodalom két jeles képviselője Jožef Ficko (1772-1843) és Ivan Mušković (1848-1930) a Kőszegi járás két szomszédos falujában Peresznyén és Horvátzsidányban plébánosként tevékenykedett. Ficko szlovén származású volt, munkássága kapcsán ezért is vetődik fel a nyelv idegen elemekkel való fellazítása. Mušković az osztrák határ túloldalán született, nyelvi igényessége kortársai számára példamutatónak bizonyult. Ficko a felvilágosodás képviselője, a tankönyvírás korai szakaszának művelője. Az Ószövetséget

(1824) valamint az Újszövetséget (1824) fordította és látta el rövid magyarázatokkal, ezek a kiadványok a gradistyei horvát egyházi irodalom kiemelkedő alkotásai. 1829-ben jelentette meg imakönyvét Nova Hiža Zlata címmel, ez a mű a horvát ferences szerzetes Lovre Bogović 1754-es, a Mária kultusz felépítését célzó, híres barokk imakönyvének letisztult változata. Révai Miklós A.B.C. Könyvecskéje nyomán kétnyelvű abc-s könyvet jelentetett meg. Mušković Győrben megjelent Természetrajza (1880), Katekizmusa (1908) valamint Kis Bibliája (1913) révén vált ismertté. Vitatják szerzői illetékességét A tánc veszedelmes voltáról írott tanulmánya kapcsán. A szent Iván és szent Teréz életét bemutató novellái igazi stílusgyakorlatok, megtérés a szűkebben vett falusi tájhoz, a gradistyei fiatalok életérzésének fájdalmasan szép bemutatása. Amíg Ficko következetes szigorral viszonyult környezetéhez, Mušković életét színes mendemondák övezték. Mindketten kitartó, szívós munkájuk révén búvópatakként ma is jelen vannak a két falu életében, bár kultuszuk kialakulásához a körülmények még ez ideig nem voltak kegyesek.

A gradistyei horvát irodalom klasszikus képviselőiről is elmondható, hogy sok év óta *hagyományozódott recepciójukban minden szinten, minden idézési modalitásban, mind személyükhöz, mind élettörténetükhöz… mind pedig munkásságukhoz számtalan olyan kultikus mozzanat tapad, melyeket lehetetlen leválasztani egy feltételezett történeti tényszerű „igazság" „kiderítése" során.* (Margócsy 1995: 11). *Sem a közvéleményben, sem a tudományban nem állandó egy-egy művész „megítélése", ez utóbbi igencsak összefügg a jelen tendenciáival, ízlésváltozásaival.* (Sinkó 1995: 16).

A kultuszkutatás jelentős erényének látom, hogy elmozdítja az irodalomtörténet-írást önnön kanonikus területe felől a nem kanonikusok felé, legyenek azok az irodalom kevéssé vizsgált használati módjai, helyi jelentőségű szereplői vagy egyes, aprólékosan sosem vizsgált eseményei, melyeknek dinamikájáról semmit sem tudunk. (Takáts 2002: 5).

Irodalom

Benčić, N. (1998) Književnost gradišćanskih Hrvata. Zagreb.

Kurelac, F. (1871) Jačke ili narodne pesme prostoga i neprostoga puka hrvatskoga… Zagreb.

Dávidházi, P. (1989) A magyar Shakespeare-kultusz természetrajza. Gondolat. Budapest.

Lakner, L. (2000) Irodalom és múzeum, Literatura, 4., 359 – 377.

Margócsy, I. (1999) Petőfi Sándor. Kísérlet. Korona. Budapest.

Sinkó, K. (1995) Művészkultusz és műpártolás Magyarországon a 19. században. MNG. Budapest.

Szabó, Z. (1999) Szerelmes földrajz. Osiris. Budapest.

Takáts, J. (2002) A kultuszkutatás és az új elméletek. // Holmi, 12. 1534-1544.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 142-152
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.142

Czetter Ibolya
(Szombathely, Magyarország)

MÁRAI SÁNDOR ÉS AZ OROSZ IRODALOM

Abstract: From the intertextual landscape of the 20th century Hungarian literature a great deal of attention has been devoted to mapping the influence of Italian, German, Spanish and French culture and literature on Márai's works. On the other hand, the impact of Russian literature on the Hungarian author's oeuvre seems to have escaped the attention of literary scholarship. Present study sets out to throw light on the Russian authors Márai thought highly of and whose ideas, views or individual works were mentioned, dealt with in his essays, diary entries or other writings. Additionally, an attempt has been made to pinpoint what these intellectual and literary encounters reveal about Márai's literary taste, world view and last but not least what referential, intertextual connections are shared by Márai and these Russian authors.

Keywords: Russian poets, authors and literature in Sándor Márai's oeuvre

Márai posztumusz karrierje példátlan sikertörténet a magyar irodalomban. Neve az európai sikerlisták vezető helyén szerepel, művei kelendőek, „piacképesek" a világ számos országában. Kétségtelen tény, hogy Márai „megtörtént" a világirodalom számára, s mivel e tény korántsem természetes, a magyarázat élénken foglalkoztatja a kortárs kritikusokat, kutatókat, fordítókat, monográfusokat. Sokféle válasz, teória, vélemény született részint a népszerűség okainak megfejtésére, részint a világirodalmi, folyamatosan átrendeződő kánonban elfoglalt helyének meghatározására, annak konklúzióira és további kilátásaira.[1] Az életmű nyilvánvaló irodalomközi érintkezéseiről (a

[1] Faix Dóra. Márai Sándor műveinek fogadtatása a spanyol nyelvterületeken // Czetter Ibolya (szerk.) Mérleg és eszmecsere Márairól. Budapest, Nemzeti Tankönyvkiadó, 2012. 259–271.; Fried István. Márai Sándor önkanonizációja // „Ne az író történjen meg, hanem a műve" (A politikus és az irodalmi író Márai Sándor) Budapest, Argumentum, 2002. 8–18; Fried István. A világirodalom Márai Sándora // Irodalomtörténet 2011/4. 568–582.; Fried István. Márai Sándor és a francia irodalmi kontextus // www.forrasfolyoirat.hu/0506/fried.html; Fried István. Márai Sándor és a spanyol világ // www.inaplo.hu/nv/200107/17.html; Fried István. Siker és félreértés között. Tiszatáj Könyvek, Szeged, 2007; Bernáth Árpád és Bombitz Attila (szerk.) Posztumusz reneszánsz (Tanulmányok Márai Sándor német nyelvű utóéletéhez) Szeged, Grimm Könyvkiadó, 2005.; Lőrinczy Huba: Ortega és Márai, Adalékok egy szellemi vonzalom históriájához // Ambrustól Máraihoz. Válogatott esszék, tanulmányok. Szombathely, Savaria University Press, 1997, 283–299.; Mészáros Tibor: Az élet orgazdája az ember, Vágy a teljes életmű után: Gondolatok Márai Sándor Föld c. művének részletei kapcsán // Forrás, 2008/4, 19–50.; Szávai János: Márai kánonjai és a néma nyelv // A kassai dóm, Közelítések Márai Sándorhoz, Kalligram, 2008, 36–62.; Szabó Tünde: A szerelem emlékezete. Három Márai-regény. Orosz Irodalom és Irodalomkutatás, ELTE Doktori Program, Budapest, 2010; Teresa Worowska: Márai

német, spanyol, francia irodalmi kontextus kérdéseiről), a kézenfekvő összefüggésekről (Thomas Mann, Ortega y Gasset, Kafka, Gide, Gabriel Marcel, Cocteau, Unamuno és mások) sok érdekes, értékes szempontot és adalékot szolgáltat a kutatás (lásd többek közt Fried István, Lőrinczy Huba, Szabó Tünde, Szávai János vonatkozó tanulmányait), ugyanakkor adós marad a siker természetrajzának szisztematikus feltárásával, s az egyéb világirodalmi kapcsolatok (pl. az olasz, szláv stb.) vizsgálatával. A Márai-világirodalom-képről tehát a közkinccsé tett írások ellenére még mindig keveset tudunk, és szerények az ismereteink az említett kultúrákkal való érintkezéséről is, pedig az összefüggések feltárása jelentősen hozzájárulhat az életmű örvendetesen gazdagodó értelmezéséhez.

A dolgozat a Márai naplóiban, publicisztikájában, a különböző műfajú írásokban fellelhető adatokból és utalásokból kiindulva, a kutatás eddigi eredményeire alapozva megpróbálja feltárni az oeuvre orosz irodalommal való közvetlen, illetve közvetett érintkezésének jellemzőit, s választ adni egyebek mellett a következő kérdésekre: Márai világirodalom-recepciójában milyen helyet foglalnak el az orosz irodalom klasszikusai, és viszont, hol tart az orosz irodalomban a Márai-recepció? Mit tudunk meg a naplóbejegyzésekben, tárcákban, esszékben stb. itt-ott felbukkanó, orosz témájú feljegyzésekből? Hogyan vélekedett az orosz jelenségről, a szláv mentalitásról? Kiket s miért tart érdemesnek az olvasásra, az újraolvasásra? Mely szerzők művei befolyásolták a történelmi korszakról való gondolkodását, történelembölcseletét, irodalom- és életfelfogását, másképp mondva: mely szerzők művei és világfelfogása olvasható/vethető össze a Máraiéval? Az európai kulturális folyamat részeként értelmezett szláv, illetve orosz kultúrával való találkozás miképp hatott szépírói gyakorlatára?

Az utóbbi évtizedekben bekövetkezett társadalmi és politikai változások ellenére Márai józerével visszhang nélkül maradt az orosz recepcióban, leszámítva a Balti államok érdeklődését (2002 óta folyamatosan fordítják és adják ki az Európában népszerűségnek örvendő regényeket. Megjelent *A gyertyák*, a *Válás Budán,* a *Füves Könyv,* az *Egy polgár vallomásai*, az *Eszter hagyatéka,* a *Föld, Föld!...,* valamint a *San Gennaro vére* észt, lett és litván fordítása.) A kirekesztés, az elhatárolódás vagy a fenntartás érthető, hiszen Márai világszemlélete, a kommunista diktatúrával szemben tanúsított konzekvens, intranzigens magatartása, a diktatórikus berendezkedés és a kollektivista eszme éles hangú bírálója, ízig-vérig európéer polgár volta, intellektuális, arisztokratikus jelensége, a személyiség autonómiáját hirdető felfogása lehetetlenné teszi, hogy a nyugati civilizáció elkötelezettjét a keleti világ is befogadja.

A kutatók közül kevesen foglalkoznak érdemben Márai orosz irodalmi tájékozódásának kérdéseivel, más nemzetiségű szerzők felsorolása mellett

Sándor lengyel recepciója // (szerk.) Czetter Ibolya. Mérleg és eszmecsere Márairól. Budapest, Nemzeti Tankönyvkiadó, 2012. 203–207.

futólag említik meg azokat az orosz írókat, költőket, teoretikusokat, akiknek munkásságáról elismerően vagy épp ellenkezőleg: elítélően nyilatkozott műveiben. Szávai János Márai világirodalmi kanonizációjával foglalkozó áttekintésében mindössze egy bekezdést szentel Márai kortárs irodalomról alkotott véleményének. Sajnálkozva jegyzi meg, hogy a modernnel, az avantgárddal, az újjal, a divatossal való kapcsolata művészet- és értékfelfogásának tradicionalista voltából következően csakis az elutasítás lehet, így Jeszenyin, Babel, Bulgakov vagy Paszternak sem került be Márai látókörébe, egyedül Szolzsenyicin kap figyelmet a megemlítettek között. A Márai-kánonba tehát a klasszicizáló művek és szerzők kerülnek kitüntetett helyre: a 19. századi szerzők közül Tolsztoj, némi fenntartással Dosztojevszkij és Csehov vezetik a listát. Dosztojevszkijtől idegenkedik, „Jelentőségét persze nem vonja kétségbe, de nem sorolja azon írók közé, akik számára erőforrást jelentenek. Idegen számára az író egész figurája, a Dosztojevszkij-mű pedig felfogása szerint látlelet egy olyan világról, amelyet Márai elutasítana, amellyel teljes erőből szembeszáll." (Szávai 2008: 54). „Dosztojevszkij hatását követően kezdődött valami, amit Hermann Hesse így nevezett: Európa elkaramazovosodása." – jegyzi meg Márai egy naplófeljegyzésben (Márai 2000a: 276). Szávai közelítései új szempontból dolgozzák fel a Márai regényeket, újdonságuk mindenekelőtt az intertextuális perspektíva alkalmazásában rejlik. Olyan összefüggések rendszerét villantja fel, amelyek segítségével tágabb kontextusban helyezhetők el a művek: a *Válás Budán*t például a *Kreutzer szonáta* felől értelmezi, *A gyertyák csonkig égnek* című regényt pedig a Tolsztoj-mű regénybeli párhuzamain túl a dosztojevszkiji regénypoétika nézőpontjából szemantizálja. Ezt az eljárást teljesíti ki olvasataiban Szabó Tünde, aki először végez módszeres összehasonlító vizsgálatot, feltárja a Márai-regények Tolsztoj és Dosztojevszkij műveivel való kapcsolatát, illetőleg az orosz szépirodalmi kultúrkincs Márai prózáját érintő sajátosságait. Az említett szerzők alkotásainak jelentésvilágát beilleszti a Márai-világba, amint erről az író egyik vallomásában olvashatunk: „Utak, mélyvizek és áramok az irodalomban. Az irodalomban különféle hullámhosszú áramok vannak, amelyek megfelelő érzékenységű vevő- és adóállomásokon át kifejezik magukat" (Márai 2006a: 24). A művek párbeszéde folytán: ahogy az olvasó Márai kánonja beépül az író Márai kánonjába, a szöveghagyomány tovább él, a jelentésháló gazdagodik, beláthatatlan távlatokkal bővül. Szabó Tünde elemzéseiben az irodalmi, filozófiai és mitológiai háttér feltárását, a szövevényes intertextuális kapcsolódások kibontását kísérhetjük figyelemmel.

Fried István nagyívű tanulmányában (Fried 2011) nem tér ki Márai orosz irodalmi tájékozódásának kérdéseire, Előbb részletezően szól a kánonalkotási kísérletek nehézségeiről, arról, hogy Márai világirodalomban elfoglalt helyét jószerével lehetetlen meghatározni: „…az európai nyelveken túli nyelvterületek szükségszerű felértékelődésében olyan jelenségekbe ütközünk, amelyek szétfeszítik a hagyományosnak elfogadott kánonalkotási kereteket, (…) a

váratlan irodalmi berobbanások, újrafelfedezések (így Máraié is!), az értékelési szempontok átstrukturálódása (a populáris irodalom státusának újragondolása) szinte lehetetlenné teszik az általánosan, de legalábbis egy tágabb értelmezői közösség által elfogadott európai (nyelvű) és/vagy világirodalmi áttekintést", majd szűkebb keretben, kelet-közép-európai kitekintésben értékeli a Márai képviselte irodalmat. A tanulmány tehát nem foglalkozik az orosz irodalmi kapcsolatokkal, inkább a közép-európai írói magatartás kérdéseit taglalja. Itt jegyzi meg, hogy „Igen kevés adatunk van arra, mennyire ismerte Márai a kisebb szláv irodalmakat". Megtudhatjuk viszont, hogy „Márai munkatársa volt a Gál István szerkesztette *Apollo* című folyóiratnak, amely a közép-európai humanizmus eszméjét hirdette, ifjú szlavisták és romanisták szlavisztikai, romanisztikai, balkanisztikai tanulmányait közölve." Az írás egyik bekezdésében Márai helyét a közép-európai térben jelöli ki Fried, a mondat értelmének tényleges megfejtéséhez bővebb kommentárra, kifejtésre lenne szükség: „A német és az orosz irodalom között lelhető (irodalmi-kulturális) mezőn látják többen Márait, nem csupán magyar elődökkel és utódokkal együtt, hanem mindazokkal, akik egy irodalmi Közép-Európa megalkotásában érdekeltek (voltak)."

Egyetértünk Szabó Tünde megállapításával, hogy eleddig nem értékelte súlyának, jelentőségének megfelelően a kutatás Márai orosz irodalmi vonatkozásait. Örvendetes viszont, hogy a Tolsztoj és Dosztojevszkij termékeny hatását, az utóbbinak Márai regényírói gyakorlatában is kimutatható befolyását feltáró munkák részben napvilágot láttak, illetőleg sürgetik az alaposabb megvilágítást.

Még mielőtt számba vennénk Márai orosz „találkozásait", szeretnénk felhívni a figyelmet egy különös sorsú kiadványra: az írónak előbb 1931-ben Franciaországban, Németországban és Olaszországban, majd 1932-ben Magyarországon is megjelent fotóalbumára, amelyet Domándi Lászlóval közösen szerkesztett, *Így történt! 1914–1930 képekben* címmel került nyilvánosságra, s nagy sikert aratott. A képeskönyv összeállítása jelzi, hogy Márait erőteljesen foglalkoztatta az orosz történelem, s célja az volt, hogy a 16 fejre állított év történetét a maga tragikus mindennapiságában, dokumentaritásában mutassa be, minden kommentár nélkül. A könyv több mint négy évtizeden át Hollandiában egy páncélszekrényben lapult, majd egy angol fotótörténész tulajdonába került, s 2003-ban jelent meg Magyarországon, *Oroszország Márai Sándor szemével (Oroszország – amilyen volt, amilyen lett és amilyen most)* címmel, az író idézeteinek felhasználásával. Ahogy az album előszavában Körmendi Zsuzsa is rámutat, Márait az orosz jelenség, az orosz, ázsiai lélek küldetésének magyarázata inspirálta a képeskönyv összeállítására. „Ezért fordul megfejtésért Dosztojevszkij zsenijéhez, ezért foglalkozik magával az országgal, a cárizmussal, az előzménnyel. Az album az orosz múlttal kezdődik, s nem csak időrendet, logikai rendet is követ, midőn kihagyhatatlannak ítéli az orosz géniusz nagyjait: Tolsztojt és Goncsarovot,

Dosztojevszkijt és Csehovot." (Körmendi 2003: 23). A korabeli publicisztika, később a Naplók feljegyzéseinek orosz témájú részletei, valamint az 1972-ben, Salernóban írott keserű számvetés: a *Föld, Föld!...* is arról tanúskodik, hogy Márait mindenekelőtt a keletiek titka (világuk, mentalitásuk, kultúrájuk, reflexeik) izgatta. A Kassai Naplóban 1920 és 1929 között megjelentetett írásokból, amelyeket a Frankfurter Zeitungban is közöltek, több írás (pl. *Orosz cukrászda, Oroszok*) foglalkozik az orosz emigránsok idegenségének kérdéseivel, azon töpreng, vajon miért nem tudnak asszimilálódni Európában. Az orosz psziché érthetetlen, temperamentumuk, szokásaik, „amit mi, európaiak, orosz ideál és orosz materiál alatt elkönyveltünk, megfoghatatlan nekünk, mint minden ideál, amit egy idegen összetételű matéria kisugároz" (Márai 2004: 152) – összegzi a berlini emigránsok sorsával kapcsolatos tapasztalatokat.

A második világháború vészterhes időszakáról vall a negyvenes évek publicisztikáját összegző egyik kötet (Márai 2012), amelyben Márai arról számol be, hogy az irodalom valósággá vált, a keleti háború eseményei ugyanis időszerűvé teszik Dosztojevszkij újraolvasását. Ekkor tanulmányozza át a róla szóló szakirodalmat is: Gide könyvét, Zweig lírai esszéjét, s értetlenül áll a „nyavalyatörős lángész", az „ázsiai démonizmussal" megáldott, Oroszország megváltói küldetésében hívő nagy orosz író előtt, akinek „Európa-ellenessége olyan perzselő erővel csap felénk könyveiből, mint egy lángszóró lángja". Hiába minden nagyrabecsülés Márai részéről, az írásból kiérződik, hogy az európéer, alapvetően racionalista polgár értetlenül áll Dosztojevszkij messianizmusa és spiritualizmusa előtt.

A kései emlékirat, a *Föld! föld!...* első fejezete szól leghosszabban arról az élményről, amellyel az ország a keleti hódítót fogadta, s a Leányfalun tapasztaltakról, az országot elözönlő szovjetekről részletes, pontos és helyenként ironikus, szellemes jellemzést ad. Mentalitásukról feljegyzi, hogy milyen kiszámíthatatlanok a reakcióik, milyen kifürkészhetetlenek az élet helyzeteire adott válaszaik. Egyik pillanatban nyájasak, részvéttel teliek, érzelmesek, majd gondolkodás nélkül falhoz állítják, s kirabolják az embereket. Megállapítja, hogy „van az oroszokban valami ›más‹, amit nyugati nevelésű ember nem ért", s próbálkozik sokféle magyarázattal, mégsem tud felelni a „miben más" kérdésére. „Természetesen elvitték a malacot, a lisztet; de ez nem volt érdekes. (…) Az órák gyűjtése iránt tanúsított előszeretet sem volt könnyen magyarázható. (…) Megjelenéseik, látogatásaik, eltűnéseik: minden ilyen érthetetlen, kiszámíthatatlan volt körülöttük. (…) Hírszerzésük, híradásuk, parancstovábbításuk, belső rendtartásuk összefüggéseit nem lehetett kitapintani." „Ezenfelül agyafúrtak voltak, ravaszok, gúnyosan és kárörvendően csalafinták; örültek, ha becsaphattak bennünket, ›nyugatiakat‹. Gyermekes örömmel teltek el, ha látták, hogy lépre mentünk. Sok orosszal volt dolgom akkor és néha később is, de egyetlenegyszer sem esett meg, hogy az orosz, aki kért valamit és komoly hangon ígérte, hogy visszaadja, amit

kölcsönkért – szerszámot, könyvet, akármilyen értéktelen tárgyat –, megtartotta volna a szavát." (Márai 2006b: 34-35). Feljegyzi még, hogy „Nagyon szerettek játszani, komédiázni. ›Más‹ volt ez a játék is, nem érzett rajta a ›*homo ludens*‹ tudatossága, sem a *commedia dell'arte* kiművelt reflexe; minden rögtönzött játékukban volt valami vajákos, törzsi, szertartásszerű – és ezért kissé félelmesek is voltak, amikor játszani kezdettek" (Márai 2006b: 36). Hosszan ír Márai arról, hogy milyen különös volt az oroszok írótisztelete, szinte mágikus jelentőséget tulajdonítottak az írásnak, az írókat pedig szentként tisztelték. Nem voltak különösebben műveltek, keveset olvastak, de az írott szó hitelével, varázsával tisztában voltak. „És a ›műveltség‹, amelyről olyan áhítatos hanglejtéssel beszéltek, mit is jelenthetett a nyugati értelemben kétségtelenül tájékozatlan emberek számára, akik nem élték meg a nyugati műveltség két nagy megrázkódtatását, a reneszánszot és a reformációt? ... Időbe tellett, amíg megértettem, hogy a ›műveltség‹ ezek számára titokban, lelkük mélyén, egyértelmű ezzel a fogalommal: menekülés. … Menekülés, mi elől? Menekülés az életük sivárságából. Gyanították, mint az első keresztények, hogy csak egy szellemi megoldás mentheti ki őket az életük, a termeszélet mély, reménytelen sivárságából." Márai irodalmi-poétikai gondolkodásának megfelelően minden jelenséget az irodalom, kultúra felől közelített meg, az orosz embert az orosz kultúra letéteményesének tekintette: „bizonyos, hogy egy nagy nép irodalma… ha másképp nem, nevek és fogalmak alakjában lecsapódik minden írni-olvasni tudó ember öntudatában, aki ennek az irodalomnak a nyelvét beszéli" (Márai 2006b: 40), ezért érdekelte a saját irodalmukról alkotott véleményük, rákérdezett, valóságos közvélemény-kutatást végzett az orosz és a világirodalom képviselőiről az orosz tisztek, a vöröskatonák körében. Válaszul Puskin és Lermontov nevét említették, Tolsztojról és Dosztojevszkijról hallottak, de olvasni nem olvastak tőlük. A megkérdezettek Csehovot lelkesedéssel emlegették, a „polgári" és „nyugatos" Turgenyevet becsülték, a század végi és század eleji oroszok második irodalmi arcvonaláról: Oszip Dimovról, Arkagyij Avercsenkóról, Arcibasevről, Kuprinról, Ivan Bunyinról, Merezskovszkijról, Leonyid Andrejevről nem hallottak, ahogy Gladkov vagy Solohov neve sem váltott ki bennük lelkesedést. Miközben Márai a befogadók ízléséről tudakozódott, sokat elárult saját olvasottságáról, tájékozottságáról is, s arról, hogy mely szerzők foglalkoztatták visszatérően. A legjelentősebb író kétségkívül Tolsztoj volt számára, akit esszéiben[2], kisebb jegyzeteiben, publicisztikájában, sőt: még kései naplóiban is, amikor sokakat igaztalanul elmarasztalt, Tolsztojt a legnagyobbaknak kijáró feltétlen elismeréssel, magasztalóan emlegette.[3] Kivált a többször is végigolvasott, „az élet

[2] Márai Sándor. Könyvek között // Írók, költők, irodalom. Budapest, Helikon Kiadó, 2002. 219.; Háború és béke // Vasárnapi krónika. Budapest, Akadémiai Kiadó-Helikon Kiadó, 1994.; Egy rossz házasság, Bestseller // Ihlet és nemzedék. Budapest, Akadémiai Kiadó-Helikon Kiadó, 1992.

[3] „Tolsztoj a legnagyobbak egyike volt" (Márai 2001: 112).

teherpróbáját kiálló könyve", a *Háború és béke*, valamint az *Anna Karenin*a, a *Kreutzer szonáta*, az *Ivan Iljics halála* említtetnek meg mint kivételes erejű alkotások. Irodalmi eszményei közé tartozott Dosztojevszkij is, akiben a nagy emberábrázolót, a teljességet felmutatni képes művész-zsenit látta meg. Több önálló írást szentelt alakjának[4], noha szemléletét, műveit a fentebb említett ellenérzéssel tanulmányozta. S ha szellemiségében, világfelfogásában elhatárolódott is tőle, regénykoncepciójának formálásában minden bizonnyal sokat köszönhetett neki. Mielőtt e kérdést részletesebben is körüljárnánk, essék szó még egyszer Márainak az ún. szláv kérdésről vallott nézeteiről, amely a legtöbbet foglalkoztatta. A háború alatt külföldön jelent meg egy bolsevistaellenes balti író: Schubart *Európa és a Kelet lelke* című műve, amelyet áttanulmányozott (Márai 2006b: 42), s amelynek néhány fontos megállapítását kései emlékiratában is megidézi. Például azt a konklúzióját, hogy a „nyugati ember" még „prométheuszi", tehát a földi birtoklás és uralomvágy élményétől leigázott ember; de a „keleti", így az orosz is, már „johannisztikus", hisz a megváltásban. S ez a világmegváltó küldetés vajon mit jelent a nyugati világ számára? – töpreng némi nyugtalansággal. Az oroszokkal való találkozás minden alkalommal felveti e kérdést, s bár számtalan élethelyzetet, közös történetet idéz fel *a Föld,föld!...* lapjain, egyetlen bizalmas pillanat sem feledtette vagy oldotta fel a közöttük lévő idegenséget (Márai 2006b: 63). Márai kitartóan keresi a választ, s felállítja hipotézisét: „a Kelet nem adhat ösztönzést a nyugati műveltségnek", mert „mások a térfogataik". A keleti ember körül mindig van egyféle személytelenség, és ez éppen úgy „térfogat", amelyben elmerülhet, ahová visszavonulhat, mint az idő és a tér és a keleti nyomorúság". A nagy, a végső célt a személyiség feloldásában látták, a pillanatban, amikor az ember túlemelkedik személyiségén és „elvegyül a világritmussal". … Számomra, a „nyugati" számára ez a szemlélet valóban kínaiul vagy hinduul hangzik, mert ha feladom személyiségem – ezt a különös rögeszmét –, feladtam az élethez való kapcsolataim értelmét" (Márai 2006b:83) – fogalmazza meg bölcseleti érvénnyel saját álláspontját Márai. Keletnek adott válasza tehát: a saját sorsát megélni és beteljesíteni képes öntörvényű ember, aki József Attilát idézve „igazodni magára mutat", nem vegyül, nem oldódik fel a masszában, integritását őrző szuverén személyiség. Ezt a legfőbb értéket látja végveszélyben a szovjet hatalom terjeszkedésével, ezért fordít hátat az országnak, s tölt majd ugyanannyi időt száműzetésben, mint amennyit hazájában. „ezért el kell menni innen valahová, ahol – talán – egy ideig lehetséges megélni a saját sorsomat. Mert itt már csak számadat vagyok egy kategóriában" (Márai 2006b: 327) – mondja félelemmel telten.

Márai kultúrafelfogása Ortega és Spengler tanaival egybehangzóan szembeszegül a kollektivitás-eszmével, a polgárság kultúrahordozó szerepébe

[4] Márai Sándor. Ihlet és nemzedék. Budapest, Akadémiai Kiadó–Helikon Kiadó, 1992. Márai Sándor. Írók, költők, irodalom. Budapest, Helikon Kiadó, 2002; Márai Sándor. Sok a nő? (Publicisztika 1940–1942). Budapest, Helikon Kiadó, 2012.

vetett feltétlen bizalmán alapszik, s legfőbb értékként a személyiséget, az egyéniséget jelöli meg. A szovjet és mindenfajta diktatórikus berendezkedés pedig szétrombolja a nyugati műveltség eszméit, megtagadja az egyéni élet mindenfajta igényét, a személyiség szabad érvényesülésére épülő nyugati civilizáció radikális felszámolására törekszik, így a „bolsevizmus kérdése az európai ember számára nem politikai, nem is osztályhatalmi kérdés, hanem a lét és nemlét, az európaiság kérdése" (Márai 200b). A bolsevizmus kísérlete azért is sikerülhetett Keleten, mert ott a társadalmi személytelenségben elveszni a legfőbb jó, az üdvözülés egy neme, a nyugati ember számára pedig a legnagyobb csapás és veszedelem. Ugyanezért bírálja Márai a nyugati civilizációt, amely mindinkább behódol a tömegtársadalmak mentalitásának és kultúrájának, amely nem ismeri többé az egyéni felelősséget.

Az elmondottak kapcsán megemlítendő még, hogy már az 1941-es *Kassai őrjárat*, a „korkritikai meditációvá formált útirajz" (Kulcsár-Szabó 2011: 538), amely sok tekintetben az egy évvel később napvilágot látott, Márainak legkidolgozottabb politikai írásaként számon tartott *Röpirat*ot előlegezte meg, a történelmi felelősség kérdéseivel foglalkozva a válságot az egyén és a tömeg szembenállásának különféle módozataiban határozza meg. A *Röpirat* a világháború értelmére, indokoltságára keresve a választ úgy látja, hogy a válsághoz az egyéniség elpusztítása vezetett, ezért annak elhárítása csakis a személyiség vezető státusának helyreállításával lehetséges. „A Röpirat programja éppen ezért lesz az egyéniséget hordozó és fenntartó >műveltség< megőrzésének programja." (Kulcsár-Szabó 2011: 539).

S végül essék szó azokról az „orosz találkozások"-ról, amelyek a regényírót megihlették, írói gyakorlatára a legnagyobb hatással voltak. Fentebb már említettük, hogy Márai változó intenzitással, különféle periódusokban olvasta, újraolvasta a klasszikusokat, köztük az orosz irodalom kiválóságait: Puskint, Csehovot, Gogolt, Tolsztojt, Dosztojevszkijt és másokat. Az ő művészetükre is építve alakította ki azt a regényformát, amellyel „a századfordulós modernségre reagálva igyekezett beépülni az utómodern epikai gondolkozásba" (Fried 2001) Márai a harmincas, negyvenes években alakította ki azt a regényformát, amelyet hosszú élete végéig művelt, s amelyről a kutatók különbözőképp vélekednek: van, aki lélektani regénynek nevezi (Szegedy-Maszák 1991: 102), van, aki a krízisregény definícióját véli megfelelőnek (Lőrinczy 2002: 10), s akad, aki a dialógusregény (Szabó 2010: 149) megnevezéssel jelöli meg őket. Az elnevezésekben megmutatkozó eltérés ellenére bizonyos hasonló vonások alapján az is kijelenthető, hogy regénypoétikájának kialakításában a leginkább inspiráló mestere Ortega y Gasset volt. Sok kísérlet után adott alakot Márai a monumentális formátlanság műfajának, s hozta létre az epikusi adottságainak és világszemléletének leginkább megfelelő modellt. Azt, amelyet a *Gondolatok a regényről* című Ortega-esszé (Ortega 1993) téziseivel egybehangzóan alakított ki, s amelynek alapképlete az alábbiakban foglalható össze: a történetek krízisszituációra épülnek, rövid időtartamúak, kevés helyszínt és

szereplőt mozgatnak, valamint egyetlen nagyjelenetet tartalmaznak. Ortega műfajelméleti fejtegetésében mindvégig Dosztojevszkij művészetére hivatkozik, azt mintának tartva állapítja meg, hogy „Dosztojevszkij, az ember, szegény bolond volt, próféta …de az író …homme de lettres volt, magasztos mesterség gondos kézművese. S mindenekelőtt a technika mestere volt, a regényforma legnagyobb újítóinak egyike." (Ortega 1993: 25). Márai regénymodellje tehát – mutatis mutandis – leginkább a Dosztojevszkij-művek mintájára épül, s nem csak formatechnikai szempontok alapján, hanem látásmód szempontjából is. Valójában a bahtyini kategória: a polifonikusság (Bahtyin 2001) érvényes rá. (Hozzátéve, hogy e fogalom árnyalására és Márainál megnyilvánuló sajátosságaira külön tanulmányt kellene szentelnünk. Erre azonban jelen írás keretei közt nincs lehetőség.) Márainál sem jelenik meg az objektív valóság, hanem inkább annak valamelyik hős által értelmezett válfaja, vagyis jelentések viszonyaként fogjuk fel a környező világot. Dosztojevszkij s Márai számára sem a valóság a fontos, hanem az, hogyan történik meg a világ a hősben, milyen a valóságról való látomása. Ami „>valóságos<, az a hős tudatának és öntudatának valóságán keresztül átszüremlő világ: az ábrázolás valódi tárgya eme *öntudat működése*… A *jelentés* ilyen módon a *személyes jelenlét*tel függ össze; a polifónia Dosztojevszkij regényeiben a hősök *perszonalisztikus* világlátásán alapul." (S.Horváth).[5] „Dosztojevszkij >realizmusa< …nem az elbeszélt tárgyakban és tényekben van, hanem a módban, amelyre az olvasót kényszeríti, hogy bánjék velük" (Ortega 1993: 28) – mondja Ortega. A Dosztojevszkij-regényekkel kapcsolatban a másik kulcsszó: a dialogikusság is áthatja a Márai-regényeket. Abban az értelemben, ahogy Bahtyin a külső, kompozicionálisan felépített dialógusokat megkülönbözteti a belső dialógusoktól, s ez utóbbit hozza összefüggésbe a prózanyelv dialogikusságával. Márai is alkalmazza ezt a formaeszközt kívülállása fenntartására, ám egyidejűleg kívül és belül is áll, hiszen a beszéltetéssel olyas valamit is el tud mondani/mondatni, amit a maga szerzői nyelvén nem tudna. Ez a kettősség a regényszerű dialógus alapja mindkét szerzőnél. Érdekes, hogy Márai regényeiben is megfigyelhető az előbb említettekkel összefüggésben, hogy általában nem él az egyéni nyelvi jellemzés eszközével: a hősök és a szerző beszédmódja nem különül el, homogén egységet alkot a két szólam. Dosztojevszkijnél is feltűnő, mintha „a regények hősei egy és ugyanazon nyelven beszélnének, szerzőjük nyelvén" – idézi Bahtyint S. Horváth (S. Horváth: 547). „A polifonikus regényben így a prózanyelv belső dialogizáltsága *új formát ölt*. A hős szólamában jelentkező belső megosztottságot nem a szerzői kívülállás objektív pozíciója, hanem a *másik* ember *idegen szólama* teremti meg." (S. Horváth: 547).

A jellemek tekintetében leginkább abban látunk hasonlatosságot a két szerző közt, hogy a tipikus hősök határhelyzetben, átmeneti krízisszituációban lévő

[5] Mindenütt a szerző kiemeléseit vettük át – *C.I.*.

emberek, akiket többnyire a társadalmon kívüliség, a szilárd létalapok elvesztése jellemez. (Ilyen Askenazi, a Canudos-regény orvos főszereplője, Henrik és Konrád, Casanova és Franciska, Eszter és Lajos, Z., a zeneszerző s folytathatnánk még másokkal a sort.) Alakteremtésük során mindketten a „zavartkeltés" művészei, hiszen a jellemek előttünk formálódnak, „emancipálódnak", nem kész személyiségek, állandó önmeghatározási kísérlet részesei a másikkal folytatott dialógus által.

Ismeretes, hogy a modern regényben a „mese" csupán ürügy, mindenesetre elenyésző fontosságú, s Márairól köztudott, hogy lelkesen és öntudatosan volt cselekményellenes. A regényszerűség lényege Ortega szerint „nem abban rejlik, ami történik, hanem épp abban, ami nem történés. …[az alakok] adta hangulatban, az atmoszférában." (Ortega 1993: 37-38). A jó író áttelepíti olvasóját egy olyan virtuális világba, amely hermetikusan zárt világmindenség, s megszakítja a külső valósággal való mindenfajta összeköttetést. A regény valódi anyaga az alkotó lélektan, abban az értelemben, hogy az olvasó elfogadja a hősöket olyanoknak, mint akikkel a való életben is találkozhatna, s a regény ezeknek a „felfigyelésre érdemes"lehetséges lelkeknek a lélektanával foglalkozik.

Dosztojevszkij regényeit eszmeregényeknek is szokás nevezni. Bár semmilyen kifejtett eszmerendszert nem találunk nála, hősei valójában ideológusok, csak nem elvont, absztrakt tanok híveiként állnak előttünk, hanem egyediségükben, tapasztalati valóságukban. Az eszme mint tudat jelenik meg a művekben, mint megszenvedett, egzisztenciális helyzet, amelyet a hősök önmagukon próbálnak ki. Márait az igazság, a személyiség igazságának kérdése kapcsán köthetjük e dosztojevszkiji problematikához. Askenazi, a Canudos anarchista lázadóvá vált főhősei, Henrik és Konrád vagy Eszter egy eszme foglyaiként a személyes igazságukért, identitásukért küzdenek, természetesen más értelemben, mint Raszkolnyikov vagy Miskin herceg. De ugyanúgy az eszmével folytatott küzdelem felnyitja őket, egy életet tesznek fel arra, hogy az őket izgató kérdésekre választ kapjanak a másiktól, a világtól. Ahogy Horváth Géza állítja, „az eszmét …Dosztojevszkij rögtön egy másik eszme megvilágításában, a gondolatot egy másik gondolat fényében mutatja meg. Emiatt az eszme is dialogikus képződmény." (S. Horváth: 555).

Sajnos, nem jutott terünk s időnk arra, hogy a dolgozat valamennyi feltett kérdésére kimerítő választ adjunk. Márai orosz irodalommal való kapcsolatának vizsgálata során világossá vált, hogy a jövőben végzendő kutatásoknak a most csupán vázlatosan felvetett témákról jóval részletezőbben kellene szólniuk.

Irodalom

Bahtyin, M.M. (2001) Dosztojevszkij poétikájának problémái. (Fordította: Könczöl Csaba, Szőke Katalin, Hetesi István és Horváth Géza). Budapest, Gond- Cura-Osiris.

Fried István. (2001) Márai Sándor és a spanyol világ http://www.inaplo.hu/nv/200107/17.html

Fried István. (2011) A világirodalom Márai Sándora // Irodalomtörténet. 4. 568-582.

Márai Sándor. (2000a) Napló 1958-1967. Budapest, Helikon.

Márai Sándor. (2000b) Röpirat a nemzetnevelés ügyében. Pozsony, Kalligram.

Márai Sándor. (2001) Napló 1976-1983. Budapest, Helikon.

Márai Sándor. (2004) Japán kert I. Pozsony, Madách-Posonium.

Márai Sándor. (2006a) Napló 1943-1944. Budapest, Helikon.

Márai Sándor. (2006b) Föld, föld!... Budapest, Helikon.

Márai Sándor. (2012) Sok a nő? (Publicisztika 1940–1942) Budapest, Helikon.

Körmendi Zsuzsanna. (szerk.) (2003) Oroszország Márai Sándor szemével. Budapest, XX. Századi Intézet.

Kulcsár-Szabó Zoltán. (2011) A liberális demokrácia „forradalma" // Irodalomtörténet. 4.

Lőrinczy Huba. (2002) Világkép és regényvilág. Újabb Márai-tanulmányok. Szombathely, Savaria University Press.

José Ortega y Gasset. (1993) Gondolatok a regényről. Hétágú Síp Alapítvány, Budapest.

S. Horváth Géza: Dosztojevszkij polifonikus regénye (Mihail Bahtyin: Dosztojevszkij poétikájának problémái) gepeskonyv.btk.elte.hu/adatok/Szlavisztika/78Kroó/aaz2/y541.pdf

Szabó Tünde. (2010) A szerelem emlékezete. Három Márai-regény. Orosz Irodalom és Irodalomkutatás, ELTE Doktori Program, Budapest.

Szávai János. (2008) Márai kánonjai és a néma nyelv // A kassai dóm. Közelítések Márai Sándorhoz. Kalligram. 36-62.

Szegedy-Maszák Mihály. (1991) Márai Sándor. Budapest, Akadémiai.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 153-159
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.153

Валентина Даниловна Черняк
(Санкт-Петербург, Россия)

ТЕКСТ ВОСПОМИНАНИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: НАБРОСКИ К РЕЧЕВОМУ ПОРТРЕТУ Е. Р. ДАШКОВОЙ

Профессору Карою Гадани с давней симпатией и глубоким уважением

Abstract: The article is dedicated to the research of the speech portrait of the outstanding representative of the Russian culture E.R. Dashkova. To recreate her speech portrait we use the memoirs («Записки») of the Duchess Dashkova written in French and first published in Russian in 1907 and the first biography of Dashkova published in the collection «Плутарх для прекрасного пола» in 1819.

Keywords: E.R. Dashkova, speech portrait, memoirs

В 2013 г. исполнилось 270 лет со дня рождения Екатерины Романовны Дашковой, одной из выдающихся женщин в российской истории, президента Академии Российской. Реконструкция значимых черт ее языковой личности – задача очень сложная, поскольку до нас дошли лишь мемуары, написанные по-французски, и немногочисленные письма и документы. Тем на страницах книги «Записки княгини Дашковой. С приложением разных документов и писем», изданной в 1907 г., появляется яркий речевой портрет незаурядной фигуры их автора. Удачный перевод «Записок» передает особенности речевой манеры Дашковой, что становится очевидным при сопоставлении их с текстами писем и других документов, как написанных по-русски, так и представленных в переводе. Заметим, что «Записки» (без прямого цитирования) активно использовались уже первыми мемуаристами в книге «Плутархъ для прекрасного пола» (подробнее об этой книге см.).

Прежде всего обратимся к выразительному словесному портрету, представленному в заметках Д. Дидро, с которым Дашкова много общалась, будучи в Париже:

«Княгиня Дашкова ростом мала, лицом не красива; нос у ней большой и высокой, толстыя надутыя щеки, глаза ни велики, ни малы, брови и волосы черные, нос широкой, рот большой, губы толстыя, зубы испорченныя, шея круглая и прямая; грудь выдавшаяся, стан неправильный: она в движениях скора; не имея приятности, весьма приветлива; физиогномия ея значительна. Характер ея важен, по-французски изъясняется легко; она не все то обнаруживает, что знает и думает, говорит просто, сильно и уверительно; ея мысли основательны,

велики и возвышенны<…> Одарена будучи проницательностью, она почти всегда находит истинную причину вещей; по своей природной скромности, или по неуважению занимаемой ею роли, не терпит похвалы и лести» (Плутархъ для прекрасного пола…1819: 183-184).[1]

Уже здесь перед нами не только весьма отличающаяся от парадных портретов характеристика внешности, но и намеки на особенности речевого поведения.

Показательны истоки исключительной для своего времени образованности Дашковой, в которой никто из современников не сомневался. Поворот в судьбе 13-летней девочки, приближенной ко двору, связан с «прилипчивой болезнью» – корью. Согласно строгим предписаниям того времени, она была перевезена в загородное имение Воронцовых и могла общаться только с врачом и служанкой. Именно в это время обнаружились ее страсть к чтению и склонность к рефлексии: «Тогда она почувствовала необходимость и важность наук и первый раз вкусила сладость размышления… Дашкова, пробужденная к деятельности скучною болезнью, старалась обработать ум свой и вкус чтением и размышлением». (Плутарх… 1819). Много лет спустя она писала: «Глубокая меланхолия, размышления над собой и над близкими мне людьми изменили мой живой, веселый и даже насмешливый ум. Я стала прилежной, серьезной, говорила мало, всегда обдуманно. Когда глаза мои выздоровели, я отдалась чтению. Любимыми моими авторами были Бейль, Монтескье, Вольтер и Буало» (Записки…1907: 6). Тогда же Дашкова начала писать стихи.

Особой страницей биографии Дашковой является ее участие в перевороте 1762 г. Как пишет Н. Д. Чечулин, «осторожно надо относиться к тем страницам, где Дашкова говорит о своем непосредственном участии в том или другом событии, вообще о чем-либо, живо и непосредственно ее затрагивающем» (Записки…1907: IV). Нельзя не заметить особый женский почерк мемуаристки: «Я поцеловала ей [императрице. – *В.Ч.*] руку и очутилась в офицерском мундире, с лентой через плечо, с одной шпорой, похожая на четырнадцатилетнего мальчика» (Записки…1907: 65).

Дашкова, без сомнения, была мастером выразительного публичного речевого поступка. Она ценила афористичность, яркую формулу, в которую облекала мысль. Софизм Руссо, пленивший ее еще в детстве, – «Напрасно боятся смерти, так как пока мы живем – ее нет, а когда она наступит, мы не существуем» – сопровождается следующим тезисом: «Его произведения очень опасны, потому что молодые головы легко могут принять его софизмы за силлогизмы» (Записки…1907: 219).

[1] Здесь и далее материалы изданий XIX – нач. XX века приводятся в орфографии, приближенной к современной.

В «Записках» приводится немало выразительных примеров эффектных выступлений Дашковой. Так, после переворота 1762 г. она отказывается от бриллиантового ордена св. Екатерины: «Простите мне, ваше величество, то, что я вам сейчас скажу. Отныне вы вступаете в такое время, когда, независимо от вас, правда не будет доходить до ваших ушей. Умоляю вас, не жалуйте мне этого ордена; как украшению я не придаю ему никакой цены; если же вы хотите вознаградить меня им за мои заслуги, то я должна сказать, что какими бы ничтожными они ни являлись по мнению некоторых лиц, в моих глазах им нет цены и за них нельзя ничем вознаградить, так как меня никогда нельзя было и впредь нельзя будет купить никакими почестями и наградами» (Записки… 1907:65). Во время коронации ей, как жене полковника, было отведено место в последнем ряду. Дашкова пишет: «Мне совершенно безразлично, на каком месте я буду сидеть; я настолько горда, что думаю, что я своим присутствием украшу самое последнее место и сделаю его равным первому». Много позже на заседании Академии математик Эйлер долго не находил своего места. Дашкова, подведя его к креслу, сказала: «Государь мой! Пожалуйте садитесь, где вам угодно; место, которое вы займете, всегда будет первым» (Плутарх… 1819: 170). Умелая ориентация на адресата обнаруживается и в следующем обращении к членам Академии: «В просвещении и способности охотно я отдам преимущество своим предшественникам, но ни единому из них не уступлю в праводушии, которое побуждать меня всегда будет, поставлять должностию себе и удовольствием отдавать справедливость вашим дарованиям» (Плутарх… 1819).

Очень интересно описание разговора с Екатериной II, в котором Дашкова обнаружила умение добиваться своих целей с помощью умело выбранных риторических приемов:

> «Я своим ушам не поверила, когда императрица предложила мне место директора академии наук. От удивления я не могла выговорить ни слова, и императрица успела мне наговорить много лестного, думая этим убедить меня принять ее предложение.
>
> – Нет, ваше величество, – наконец сказала я, – не могу я принять место, совершенно не соответствующее моим способностям. Если ваше величество не смеется надо мной, то позвольте мне сказать, что в числе многих прочих причин, я из любви к вашему величеству не хочу рисковать сделаться всеобщим посмешищем и не оправдать вашего выбора. <…> Императрица умела быть очаровательной, красноречивой и тонкой, когда хотела привлечь к себе или убедить кого-нибудь. Но на этот раз ее постигла неудача.
>
> – Сделайте меня начальницей ваших прачек, – сказала я, – и вы увидите, с каким рвением я вам буду служить.
>
> – Теперь вы смеетесь надо мной, предлагая занять такое недостойное место.

– Ваше величество думаете, что меня знаете; но вы меня не знаете; я нахожу, что какую бы должность вы мне ни дали, она станет почетной с той минуты, как я ее займу; и как только я стану во главе ваших прачек, это место превратится в одну из высших придворных должностей и мне все будут завидовать. Я не умею стирать и мыть белье, но если бы я тут сделала ошибки вследствие своего незнания, они бы не повлекли за собой серьезных последствий, между тем как директор академии наук может совершить только крупные ошибки и тем навлечь нарекания на государя, избравшего его» (Записки…1907: 182-183).

В спорах о роли Петра I с австрийским премьер-министром Кауницем Дашкова высказывает мысли, которые в современном политическом контексте звучат вполне современно: «Великая империя, имеющая столь неиссякаемые источники богатства и могущества, как Россия, не нуждается в сближении с кем бы то ни было. Столь грозная масса, как Россия, правильно управляемая, притягивает к себе кого хочет. Если Россия оставалась неизвестной до того времени, о котором вы говорите, <…> это доказывает только невежество и легкомыслие европейских стран, игнорировавших столь могущественное государство» (Записки…1907: 161).

Большое место в мемуарах занимают заметки о путешествии по Европе, которое Дашкова в течение нескольких лет совершала, заботясь об образовании своих детей и выполняя «обязанности матери и наставницы». «Виденные ею в чуждых странах полезные учреждения, соответствующие истинной цели просвещения, возбудили в ней благородную ревность к подражанию; но в подражании она не ослеплялась одною наружностью, одним пустым блеском: она мыслила, что всякое новое учреждение тогда только хорошо, когда имеет внутренние достоинства, основанные на благоразумии и справедливости» (Плутарх… 1819). В книге представлено много ярких бытовых описаний, характеристик культурных объектов и выдающихся исторических фигур, с которыми Дашкова общалась.

Очень яркой характеристикой речевого портрета Дашковой является ее прекрасное знание иностранных языков и русско-французское двуязычие, которое ярко продемонстрировано в одном из опубликованных писем: в пределах одного текста Дашкова легко переходит с русского языка на французский. Если французский и немецкий были усвоены еще в детстве, то английский Дашкова осваивала во время своих путешествий по Европе: «В Спа я познакомилась с четой Неккер, но я была дружна лишь с английскими семьями. Мы ежедневно виделись с лордом и леди Суссекс; с помощью французского и немецкого языка я стала вскоре понимать все, что читала по-английски, не исключая и Шекспира. Обе мои приятельницы приходили поочередно каждое утро, читали со мной по-английски и исправляли мой выговор; они были моими

единственными учительницами английского языка, которым я впоследствии владела довольно свободно» (Записки…1907: 99).

Большой интерес представляет переписка Дашковой с родными, прежде всего с братом, А.Р. Воронцовым. Интересно сопоставить письма, написанные по-русски, с письмами, переведенными с французского языка. Письма, написанные по-русски, показывают становление норм русского литературного языка, причудливое переплетение тяжеловесных книжных оборотов и разговорно-просторечной лексики: «Прости мне, любезный друг, если я так долго не отвечала на твое письмо. Во-первых, извиняюсь болезнью; а во-вторых удивлением, которое во мне произвела батюшкина пропозиция о Знаменском его дворе» (Записки…1907: 276).

Письма, переведенные с французского, отличаются и содержательно, и по выбору языковых единиц: «Сегодня у брата ассамблея, на которой буду я. Граф д'Артуа приезжает на ассамблею в в 9 ч. прямо от императрицы; он не ужинает, обходит игорные столы и смотрит на ужин, т.е. входит в столовую, чтобы сказать несколько слов дамам, и затем уезжает. Епископ Арасский, приехавший с ним, говорил со мной вчера более часу в Эрмитаже; хотя он очень горячо отзывается о событиях во Франции, но суждения о них не могут понравиться деспоту; взгляды его на старый режим мудрые и правильные» (Записки…1907: 280). Здесь мы наблюдаем использование многочисленных калек, получивших особое распространение в карамзинскую эпоху («*честный человек с возвышенной душой», «возлюбленный брат», «отдохнуть душой», «неизъяснимая радость*»). Наряду с этим в письмах к дочери, отношения с которой складывались чрезвычайно сложно, Дашкова использует большое количество экспрессивной лексики: «*беспутное твое мотовство», «прихоть», «чванство», «все сие безбожное противу меня ополчение», «при первом пароксизме злости ты их* [детей. – В.Ч.] *выкинешь из окна*», «*вся церковь была потрясаема бешенным твоим голосом; все были поражены ужасом, видя бесчеловечие, злость и намерение уморить мать слухом сего безбожного исступления», «мучительница моя безбожная дочь»*.

Письма Е.Р. Дашковой демонстрируют великолепную способность к переключению кодов, что, согласно современным представлениям, является одним из важнейших признаков элитарной языковой личности. Отметим, что это особенно важно для конца XVIII века, когда система функциональных стилей находилась еще в стадии становления. Так, в письмах можно наблюдать особенности складывавшегося делового стиля. В письме брату в декабре 1775 г. Дашкова пишет: «Верющее письмо батюшкино должно быть в такой силе: верю продать, заложить или в наймы отдавать и деньги принимать, которое письмо должно быть в Юстиц-Коллегии в Петербурге засвидетельствовано». В книге приводятся подобные «*верющие письма*» (доверенности): «По доверенности от батюшки получила я от брата Александра Романовича в совершонную

заплату данных мною батюшке в займы денег, вексель от Сабакина на всю сумму тоесть на 20 141, вчем я сию расписку и дала 1775 года марта 5 дня. Княгиня Екатерина Дашкова»; «Получила я от брата в зачет тех денег, кои он мне тысячу восемь сот восемьдесят рублей в чем я дала сию расписку. Княгиня Екатерина Дашкова» (Записки…1907: 278).

Много позже, уже будучи президентом Академии, Дашкова часто пишет прошения императрице, в стилистике которых сочетаются особенности торжественной книжной речи и делового стиля: «Поелику за всеми по Академии Наук расходами по 1-е число настоящего месяца состоит экономических денег сто пятнадцать тысяч рублей, то всеподданнически прошу дозволения обратить из оных тридцать тысяч рублей в пользу добропорядочных служащих при Академии и упражняющихся в различных художествах и других должностях, приносящих трудолюбием своим казне Вашего Императорского Величества прибыли, когда таковые за старостию или по болезням продолжать служение не возмогут, чтоб для пропитания имели бы пенсию» [Записки…1907: 299].

Очень любопытны указания по уходу за садом, написанные собственноручно Е.Р. Дашковой: «Где подсадка, а не посеяно, то граблями выровнять и чисто содержать, чтоб трава не прорастала и тем растениям не мешала»; «В канальцы и ямки, приготовленные для садки, отнюдь не сажать ни берез, ивнику, сосен, ни ёлок, а засаживать оные калиновыми, рябиновыми, орешниковыми, бересклетовыми и шиповными кустами»; «В клумбы и близко к дорожкам можно садить ягодки»; «Приказать сажать деревья и кусты в показанном мною бульоне»; «Дуб и другие деревья, есть ли они не очень здоровы покажутся, то поливать оным же бульоном, разведя оный пожиже».

Конечно, предметом особого внимания Дашковой был научный стиль, в частности, язык философских сочинений (не случайно в Словаре Академии Российской она взяла на себя разработку нравственных понятий). Еще в 1774 г. она писала Екатерине: «Я льщусь надеждой, что потомки наши будут иметь то преимущество, что красоты слога будут безвредно присоединяемы к сочинениям философическим» (Записки…1907: 166). Вступая в должность директора Академии, Дашкова говорила: «…при всех преимуществах не доставало языку нашему предписанных правил постоянного определения речениям и непременного словам знаменования. Отсюду происходили разнообразности в сопряжении слов, несвойственные, или паче рещи, обезображивающие язык наш речения, заимствуемые от языков иностранных» (Плутарх… 1819: 172-173).

Большой интерес представляют комментарии Дашковой о разных аспектах деятельности Академии до и после вступления ее в должность. Сначала формулируется тезис, который призван вызвать негативное отношение к организации того или иного вида деятельности. После этого

в предельно лаконичной форме представлен безусловно положительный итог деятельности Дашковой. Ср.:

«Из Академии получали книги для прочтения посторонние, вследствие чего несколько сочинений оказались разрозненными; книги не были размещены в алфавитном порядке и стояли в беспорядке. Теперь только члены Академии имеют право брать книги и то под расписку; все книги перебраны и установлены в порядке».

В заключение хотелось бы привести характеристику русского языка, данную Дашковой в ее обращении к членам Академии: «Вы, Государи мои, знаете цену сего монаршего к Отечеству и сему собранию дара; вам известны обширность и богатства языка нашего; на нем сильное красноречие Цицероново, убедительная сладость Демосфенова, великолепная Вергилиева важность, Овидиево приятное витийство и гремящая Пиндарова лира, не теряют своего достоинства» (Плутарх… 1819: 172-173).

Литература

Записки княгини Дашковой. (1907) Перевод с французского по изданию, сделанному с подлинной рукописи. С приложением разных документов и писем / Под ред. Н.Д. Чечулина. Санкт-Петербург.

Плутархъ для прекрасного пола, или галлерея знаменитыхъ россіянокъ. (1819) Сочин. гг. Блантарда и Пропіака. Москва.

Черняк, В.Д. (2012) Образ идеальной женщины в «Плутархе для прекрасного пола» // Черняк, В.Д. (отв. ред.) Слово. Словарь. Словесность: Литературный язык вчера и сегодня (к 300-летию со дня рождения М.В.Ломоносова). Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 16-17 ноября 2011 г . СПб., САГА. С.17-21.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 160-173
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.160

Валерий Анатольевич Доманский
(Санкт-Петербург, Россия)

ФУНКЦИИ ТОПОСА САДА В РОМАНАХ И. А. ГОНЧАРОВА

Abstract: In all three novels of Ivan Goncharov's garden is an essential component of their chronotop. It organizes different types of art space: natural, homestead, family and community, intimate space heroes, cultural, surreal. Garden endowed with such important functions as a cultural-historical (defines cultural epoch) family clan (family marks, generic way), aesthetic (embodies the aesthetic tastes of the owner of the garden and its visitors); emotionally suggestive (the garden is "read" like a book, serves as a psychological motivation for the relationship the characters of the text); symbolic and metaphorical (images and loci garden becomes a means of artistic metaphor). However, in each of the three novels of the garden of their main functions, which are revealed in this article.

Keywords: novels, chronotop, topos and features gardens.

Во всех трех романах И.А. Гончарова сад является важнейшим компонентом их хронотопа. Он организует разные типы художественного пространства: природного, усадебного, семейно-бытового, интимного пространства героев, культурного, ирреального. Сад наделен такими важнейшими функциями, как культурно-историческая (определяет культурную эпоху); семейно-родовая (маркирует семейный, родовой уклад); эстетическая (воплощает эстетические вкусы владельца сада и его посетителей); эмоционально-суггестивная (сад «читается» как книга, служит для психологической мотивировки взаимоотношений персонажей текста); символико-метафорическая (образы и локусы сада становятся средством художественной метафоризации). Вместе с тем в каждом из трех романов у сада свои главные функции.

В романе «Обыкновенная история» он служит прежде всего для маркировки «приютного уголка», провинции с ее неторопливой жизнью, противопоставленной столице. Но это лишь поверхностный пласт. Топос старинного сада в родовом имении Александра Адуева Грачи вместе с природным топосом, в который он органично вписан, символизирует родину, Россию, ширь и красоту ее пейзажей. Не случайно первые картины сада и окружающей его природы подаются в романе как авторское лирическое отступление: «С балкона в комнату пахнуло свежестью. От дома на далекое пространство раскидывался сад из старых лип, густого шиповника, черемухи и кустов сирени. Между деревьями пестрели цветы, бежали в разные стороны дорожки, далее тихо плескалось в берега озеро, облитое к одной стороне золотыми лучами утреннего солнца и гладкое, как зеркало; с другой – темно-синее, как

небо, которое отражалось в нем, и едва подернутое зыбью. А там нивы с волнующимися, разноцветными хлебами шли амфитеатром и примыкали к темному лесу» (Гончаров 1997: I, 178).

Юный Адуев не может пока оценить и понять эту красоту. Он устремлен к новой жизни в Петербурге, которая волнует его воображение и манит к себе своими невиданными перспективами. Но недолго восторгался герой красотами столицы. Вскоре «однообразные каменные громады», которые ему казались «колоссальными гробницами», стали вызывать у него тоску, и он в своем воображении все чаще видит свой сад и огород, свою провинцию с ее незатейливыми картинами жизни, которая теперь открываются ему в новом свете: «Он задумывается и мысленно переносится в свой город. Какой отрадный вид! Один дом с остроконечной крышей и с палисадничком из акаций. <…> Другой дом – точно фонарь <…> Подле него кокетливо красуется диконький дом лекаря, раскинувшийся полукружием, с двумя похожими на будки флигелями, а этот весь спрятался в зелени, тот обернулся к улице задом, а тут на две версты тянется забор, из-за которого выглядывают с деревьев румяные яблоки, искушение мальчишек» (I, 204–205).

По истечении двух лет Александр Адуев сделался столичным, городским жителем, и топосы сада, кажется, больше не соприкасаются с ним, погруженным в деловую жизнь Петербурга. Вновь сад возникает в романе уже для обозначения интимного пространства влюбленного героя. В дачных садах Петербурга зарождается и развивается его любовный роман с Надинькой Любецкой. В одну из белых ночей под сенью дачного сада на островах Петербурга достигает Адуев «апогея своего счастья» (I,264). С необыкновенной лирической силой описывает И.А. Гончаров романтическую мечтательность юных влюбленных, Александра Адуева и Надиньки Любецкой, те «редкие ощущения», когда душа «постигает смутно возможность счастья, которого так усердно ищут в другое время и не находят» (I, 261).

Передать этот юношеский трепет сердец помогает писателю ночной летний сад, таинственный мир природы, которая, кажется, раскрывает свои объятия влюбленным, живет единой жизнью с человеческой душой: «Деревья образовывали темный свод и чуть-чуть, без шума, качали ветвями. На дачах по берегам мелькали огоньки.

Что особенного тогда носится в этом теплом воздухе? Какая тайна пробегает по цветам, деревьям, по траве и веет неизъяснимой негой на душу? Зачем в ней тогда рождаются иные мысли, иные чувства, нежели в шуме среди людей? А какая обстановка для любви в этом сне природы, в этом сумраке, в безмолвных деревьях, благоухающих цветах и уединении!» (I, 260-261).

Другое назначение функций сада раскрывается в VI главе второй части романа, описывающей возвращение опустошенного неудачами в любви недавнего романтика в родовое имение. Воскресить способность

чувствовать и любить жизнь помогает ему животворящая природа, летний усадебный сад, который становится теперь садом воспоминаний: «…здесь на каждом шагу, перед лицом природы, душа его отверзалась мирным, успокоительным впечатлениям. Говор струй, шепот листьев, прохлада и подчас самое молчание природы – все рождало думу, будило чувство. В саду, поле, дома его посещали воспоминания детства и юности. <…> Александр мысленно дополнял эти воспоминания другими: "Вон на этой скамье, под деревом, – думал он, – я сиживал с Софьей и был счастлив тогда, А вон там между двух кусов сирени, получив от нее первый поцелуй…"» (I, 446-447).

Посредством восприятия Александром Адуевым природы, сада автор показывает эволюцию души героя. Он воскрес к новой жизни, но это уже не прежний романтик, живущий в своем мире грез и фантазий, а человек, реально воспринимающий действительность, который, насытив свою душу воспоминаниями, стал скучать по Петербургу, деятельности в этой деревенской неподвижности жизни: «Он сиживал молчаливо у окна и уже равнодушно глядел на отцовские липы, с досадой слушал плеск озера. Он начал размышлять о причине этой новой тоски и открыл, что ему было скучно – по Петербургу!? Удаляясь от минувшего, он начал жалеть о нем. Кровь еще кипела в нем, сердце билось, душа и тело просили деятельности…» (I, 448).

Внимательное наблюдение над эволюцией героя позволяет нам не согласиться с В.Г. Белинским, который утверждал в своей критике на роман И.А. Гончарова, что финал романа «фальшив и неестественен», потому такие романтики, как Адуев, «никогда не делаются положительными людьми» (Белинский 1982: 397).

О глубоких переменах в сознании героя свидетельствуют фламандские сцены деревенской жизни, увиденные его глазами. Их автор романа сравнивает с теньеровскими, разворачивая, как в киноленте, одну за другой: «Иногда он [Александр Адуев] переходил к окуну, выходившему на двор и на улицу в село. Там другая картина, картина теньеровская, полная хлопотливой, семейной жизни. Барбос от зноя растянется у конуры, положив морду на лапы. Десятки кур встречают утро, кудахтая взапуски; петухи дерутся. По улице гонят стадо в поле. Иногда одна отставшая от стада корова тоскливо мычит, стоя среди улицы и огладываясь во все стороны. Мужики и бабы, с граблями и косами на плечах, идут на работу. <…> Там крестьянская телега с громом проедет по мостику, за ней лениво проползет воз с сеном. Белокурые и жестоковолосые ребятишки, подняв рубашонки, бродят по лужам» (I, 446-447).

Вглядываясь в эти картины, герой начал постигать пушкинскую «поэзию *серенького неба, сломанного забора, калитки, грязного пруда и трепака»* (I, 447). Из наивного и восторженного романтика Александр

Адуев превращается в реалиста, человека, постигающего незатейливую красоту в естественной жизни.

В романе «Обломов», несмотря на то, что основное действие в нем разворачивается в рамках так называемого городского петербургского текста, имеется упоминание о семи садах, функции которых в тексте самые разнообразные – от их общего символического значения до создания «усадебного сюжета» в жизни главных героев.

Идея рая, Эдема представлена садом родового гнезда героя. В отличие от романа «Обыкновенная история», где сад в имении матери Александра Адуева может быть рассмотрен как метафора утраченного рая, сад во сне Обломова предстает как перманентное и животворное возвращение взрослого человека к своему детству, золотой поре его жизни, «благословенному уголку земли». Это не столько сам сад, сколько, по выражению Е.А. Краснощековой, «классически идиллический природный ландшафт» (Краснощекова 1997: 171), поэтому сама Обломовка изображена как «обломок» идиллии, кусочек Эдема: «Весь уголок верст на пятнадцать или на двадцать вокруг представлял ряд живописных этюдов, веселых, улыбающихся пейзажей. Песчаные и отлогие берега светлой речки, подбирающийся с холма к воде мелкий кустарник, искривленный овраг с ручьем на дне и березовая роща – все как будто было нарочно прибрано одно к одному и мастерски нарисовано» (Гончаров 1998: IV, 100).

Собственно сам сад в имении родителей Обломова предстает частью этого природного ландшафта и практически лишен культурных знаков, присущих дворянским усадебным садам. В этой связи В.Г. Щукин считает, что родовое гнездо Обломова в данном случае маркирует параазиатский уклад жизни, в отличие от параевропейского в усадьбах И.С. Тургенева (Щукин 2007а: 274–275).

Судя по саду в Сосновке, основания для такого вывода нет, так как в нем нет и культурных знаков восточного (или азиатского) сада. Во сне Обломова перед взором читателя возникает именно российский вариант райского уголка, патриархальной идиллии с ее замкнутым пространством и застывшими, неподвижными формами жизни-сна, как в волшебной сказке о спящем царстве. Писатель подробно описывает, как постепенно в полуденный зной послеобеденный сон окутывает всю усадьбу: дом, сад, двор. Сну этой жизни противопоставлена лишь живая и динамичная природа, которая находится далеко за пределами замкнутого пространства усадьбы: «Только вдали поле с рожью точно горит огнем да речка так блестит и сверкает на солнце, что глазам больно» (IV, 108).

Патриархальный сад в Обломовке лишен всякой романтической образности: в нем нет ни аллей, ни цветника, ни беседок. Он не служит для передачи смены настроения его посетителей, поэтических мечтаний и философствования. Это сад детства, сказки, один ребенок его одухотворяет беззаботно резвиться и играет в нем, и только «страшный»

овраг, находящийся в пятидесяти аршинах от сада, пугает его преданиями о нечистой силе. Обозначая замкнутое, горизонтальное пространство, хронотоп сада в Обломовке не служит для обозначения исторического и историко-культурного времени. Он указывает лишь на время профанное, циклично-бытовое, в котором нет измерения качественного развития мира (Ляпушкина 1989: 33; Ильинская 2002: 38-43; Borowec 1997: 567). Здесь все повторяемо в своей обыденности, что передается при помощи бытовых подробностей. Так, например, на смену старому плетню в саду сооружают новый, потому что прежний повалился, в результате чего коровы и козы съели «смородиновые кусты да принялись обдирать десятую липу, а до яблонь и не дошли» (IV, 125).

Ностальгические воспоминания о детстве в благословенном уголке побуждают Илью Обломова, мечтать, создавать свою виртуальную жизнь, которая заменяет ему его неподвижное «диванное» существование. Но это не беспочвенные мечты Манилова, а работа ума и воображения Обломова, которую он, кажется, воплощает в реальность. Прокручивая много раз сюжет устройства своей будущей жизни в родовом имении, «планируя и располагая» постройки, интерьеры и локусы сада, каждый раз добавляя новые, живые детали, Обломов, по сути, как писатель, живописец, рисует свою картину рая на земле. Его обыденная, прозаичная жизнь словно застряла между Эдемом в ретроспективе и Эдемом в перспективе.

Главная роль в создании этого словесно рисуемого рая отводится воображаемому дому и саду: «Его занимала постройка деревенского дома; он с удовольствием остановился несколько минут на расположении комнат: определил длину и ширину столовой, бильярдной, подумал о том, куда будет обращен окнами его кабинет; даже вспомнил о мебели и коврах.

После этого расположил флигеля дома, сообразив число гостей, которое намеривался принимать, отвел место для конюшен, сараев, людских и разных других служб.

Наконец обратился к саду: он решил оставить все липовые и дубовые деревья так, как они есть, а яблони и груши уничтожить и на место их посадить акации; подумал было о парке, но, сделав в уме примерную смету издержкам, нашел, что дорого, и, отложив это до другого времени, перешел к цветникам и оранжереям» (IV, 75-76).

Очерчивая идиллию своей жизни, Обломов в обустройстве усадьбы ориентируется не на патриархальные нравы родителей, а на моду своего времени, в частности на искусство создавать сады, выращивать цветы, составлять букеты. Все это предполагает знание автором романа популярной в России поэмы Жака Делиля «Сады», переведенной А.Воейковым (Делиль 1816), а также не менее популярных «азбук цветов» (Делиль 1816; Dubos 1808). Весьма примечательно, что в создаваемых героем картинах его виртуальной жизни (новые картины

своего райского житья герой дорисовывает при встрече со Штольцем), присутствует поэзия и красота.

Воображаемый сад Обломова представляет собой синтез регулярного и романтического садов. Спальня героя с балконом, как спальня короля Людовика XIV в Версале, обращена на восток и к саду, в котором прочерчены главные и боковые аллеи, а садовник ежедневно подстригает цветы и кустарники. Ландшафтный сад с «темными аллеями» и «отложенный до другого времени», то есть еще не дорисованный парк, организуют пространство для интимных прогулок, создают открытость пространства сада, органически переходящего в окружающую природу. Обломов живописует Штольцу, как он, «обняв жену за талью», углубляется с ней «в бесконечную, темную аллею», считает минуты счастья, слушает, «как сердце бьется и замирает» (IV, 177). Вместе с тем романтический сад, прогулка по которому должна вызывать у его посетителей постоянное движение чувств, смену настроений, не соответствует строю чувств Обломова. В рисуемых им картинах жизни его чувства ровные и постоянные, никаких отливов и приливов, ведь его идеал любви – это «вечно ровное биение покойно-счастливого сердца» (IV, 203). А его представление о счастье – жизнь, лишенная забот и труда в своем благоустроенном имении в кругу друзей, приятные разговоры, идиллические прогулки, изысканные обеды, пикники на природе, а главное – общество добродушной, гордо-стыдливой, покойной подруги, которая и через двадцать и тридцать лет с обожанием и кротостью будет смотреть ему в глаза.

Любопытная деталь в виртуальной планировке Обломовым сада: фруктовые деревья он заменяет душистыми акациями; они услаждают душу, но не приносят реальных плодов. Вместе с тем имеется и другое символическое значение акации – символа бессмертия (Энциклопедия символов 2008: 729), которое достигается отсутствием бурных страстей и спокойствием. Именно такое представление у Обломова о рае на земле.

Совсем иное значение имеет сад, точнее загородный парк, который является местом интимного сближения Ильи Обломова и Ольги Ильинской и развития их поэмы любви во второй и третьей главе романа. События, разворачиваемые в этих главах, представляют собой разновидность усадебного романа (Щукин 2007 б: 316-337; Доманский 2006: 56-60; Доманский 2007: 20-31; Кафанова 2009: 112-130), специфика которого определяется местом действия – загородная петербургская дача с ее основным топосом – парком. В жизни российских столиц со второй половины XIX в. дача все больше стала принимать на себя культурные функции «дворянских гнезд» (Щукин 2007 в: 370-407). Это объясняется рядом причин и прежде всего экономическими условиями развития России, демократизацией общества (в усадьбах начинают жить не только дворяне). Жизнь в усадьбе требует от ее владельцев постоянной заботы о хозяйственной стороне жизни. Сезонное пребывание горожан на съемной

в пригороде даче лишена этих забот, поэтому она становится лишь местом отдыха и культурного досуга.

Развитие сюжета в усадебном романе представляет собой описание встреч, интимного сближения героя и героини. Все это осуществляется в пространстве сада, парка во время прогулок, бесед, откровений в моменты созерцания и восприятия окружающей природы. Действие охватывает все культурное пространство: дом, сад с его аллеями, беседками, павильонами, лабиринтами, прудами, холмами, полянами, ручейками, мостиками. Оно включает и все романтические составляющие этого пространства: небо, солнце, звезды, свет и тени, восходы и закаты и т.д.

Главные события в развитии любовного чувства героев происходят в пространстве парка и маркируются его знаками. Весьма примечательна их случайная (конечно же, не случайная!) встреча на одной из боковых аллей парка. Как известно, назначение боковых, закрытых аллей в ландшафтном саду, в отличие от центральных, открытых, заключается в том, что здесь уединяются, мечтают и вспоминают. Внутреннее волнение от зарождающейся в их сердцах любви заставило Ольгу и Обломова искать уединения. Их объяснение в любви происходит посредством флористических кодов – ветки сирени и ландышей.

Вскоре любовь героев прошла все фазы развития платонического любовного чувства, характерного для усадебного романа, и стала повторяться «в разнообразных варьяциях»: «Свидания, разговоры – всё это была одна песнь, одни звуки, один свет, который горел ярко, и только преломлялись и дробились лучи его на розовые, на зеленые, на палевые и трепетали в окружавшей их атмосфере. Каждый день и час приносил новые звуки и лучи, но свет горел один, мотив звучал всё тот же» (IV,245).

Письмо Обломова к Ольге и последовавшее за ним объяснение придало «поэме любви» героев новый импульс. Интимное пространство сада, переходящего в парк с его темными аллеями, узкими, уединенными дорожками, способствовало пробуждению их чувственности.

Автор романа тщательно прописывает зарождение в сердце героини первого волнения и трепета страсти, от которого бросает в жар, «ей становится тяжело, что-то давит грудь, беспокоит» (IV, 269). Ей страшно и сладко от неведомого раннее волнения, но она, находясь наедине с любимым мужчиной в отдаленном уголке парка, не желает от него избавиться: «– Мне страшно и тебя! – говорила она шепотом. – Но как-то хорошо страшно! Сердце замирает. Дай руку, попробуй, как оно бьется» (IV, 270).

Угасание чувств героя также передано в романе при помощи символики отцветшей и поблекшей сирени, сезонных перемен в природе: «Лето продвигалось, уходило. Утра и вечера становились темны и сыры. Не только сирени, но и липы отцвели, ягоды отошли» (IV, 273).

По сути, дачный роман Обломова, как и дачный сезон, начинается весной и заканчивается осенью. В городе он не может больше продолжаться, так как ему не хватает интимного пространства сада, свидания героев затруднены.

Писатель не случайно местом одной из последних, решающих встреч Ольги и Ильи избирает Летний сад. Знаменательно, что ко времени действия в романе этот сад, созданный в регулярном стиле, сохранив классическую планировку, принял вид пейзажного парка. Поэтому встреча в знаменитом городском саду Петербурга должна была возродить угаснувшие романтические чувства Обломова, вызвать у него поэтическое восприятие мира. Опустевший осенний сад рождает лирическую грусть и сладкие воспоминания в душе Ольги, которые для нее созвучны с мотивами поэтической книги В. Гюго «Осенние листья»: «Ах, как здесь хорошо: листья все упали, feuilles d´automne <…> (IV, 329).

Но напрасны душевные порывы Ольги, Илья вновь погрузился в свою лень и апатию и неохотно отправляется к месту свидания. Об этом красноречиво говорит его внутренний монолог: «”И в самый обед: нашла время!” – думал он, направляясь, не без лени, к Летнему саду» (IV, 328).

Пятый сад в романе не описывается, а лишь упоминается. Это сад в усадьбе Ольги Ильинской, которую обустроил барон, друг ее тетушки. Сад с павильоном на горе и с видом на реку, трижды упоминаемый в тексте романа, конечно, символизирует не жизненный идеал Ольги, а безбедное и цивилизованное существование, без чего невозможно счастье. Именно о нем и собирается сообщить героиня своему возлюбленному после их помолвки, чтобы его приятно удивить и разрешить возникшие для него материальные затруднения.

Еще один сад, точнее, сад-огород, который устроен по подобию крестьянских садов-огородов, упоминается в описании жизни Обломова на Выборгской стороне. Предназначенный в основном для хозяйственных нужд и отдыха, он совершенно лишен тех функций, которыми наделен сад в дворянской усадьбе. В нем нет поэзии, как и во всей жизни Обломова в конце романа. Этот сад является органической частью жизненного топоса Обломова, нашедшего свой идеал в «покое, довольстве и безмятежной тишине» (IV, 473). В этом саду ради своего здоровья Илья Ильич совершает утром и вечером «двухчасовое хождение» (IV, 476), но сад уже никак не связан с движением чувств героя.

Седьмой сад в романе «Обломов» представлен в его «крымской» главе, в которой патриархальной идиллии Обломова противопоставляется неоромантическая идиллия Андрея Штольца, пытающегося соединить деятельную, трудовую жизнь с красивым отдыхом под «сенью муз» и эстетически обустроенным жилищем и бытом. «Они поселились в тихом уголке на морском берегу. Скромен и невелик был их дом. <…> Сеть из

винограда, плющей и миртов покрывала коттедж сверху донизу. С галереи видно было море, с другой стороны – дорога в город» (IV, 447).

Описание штольцевского коттеджа и сада на южном берегу Крыма выполнено в духе известных романтических произведений К.Н.Батюшкова, П.А. Вяземского, А.С. Пушкина (Звиняцковский 2008: 88-91). Обращаясь к литературной традиции, автор сознательно избегает каких-либо конкретных деталей в создании образа своей «Тавриды», которая романтиками начала XIX в. воспринималась как поэтическая Эллада. Поэтому и изображенный писателем идеал жизни Штольца также условен, как и образы этого восточного крымского сада. Нет идеала как некой константы, поскольку беспредельно стремление человека к гармонии, совершенству и бессмертию. Грусть-тоска Ольги Ильинской, которая задумалась о «тайне человеческой смерти и о праве людей на физическое бессмертие», по мысли В.А. Недзвецкого и есть «расплата за Прометеев огонь» (Недзвецкий 2008: 85).

Роман «Обрыв» И.А. Гончарова можно рассматривать также как разновидность усадебного романа, который наиболее полно был представлен в творчестве И.С. Тургенева. Философские, эстетические и этические идеи романа в значительной мере определяются культурным пространством сада. Писатель конструирует его на нескольких уровнях: мифопоэтическом, символическом и реальном, определяемых локусами усадебного текста. Их взаимодействие и взаимоналожение создает сложную художественную структуру, обеспечивающую трансформацию смыслов, разветвленную систему метафор.

Прежде всего сад на мифологическом уровне предстает как олицетворение эдема, мира горнего. Расположенный на горе у обрыва, он создает своеобразную вертикаль мира, где «верх» – «райский сад», вера, Бог, гармония, нравственная чистота, а «низ» – обрыв, пропасть, бездна, грех. Но этот сад – царство Бережковой, бабушки Райского, фамилия которой восходит к славянской Берегине, богине, оберегающей природу, дом, семью, олицетворяющей материнское, родовое начало.

В структуре романа «Обрыв» сад образует усадебный хронотоп, является составной частью лирического сюжета, создает интимное пространство; он олицетворяет буколическую Аркадию, вечно животворящую природу.

Вместе с тем сад представляет собой не только идеальный пейзаж, но и идеальное место пребывания человека на земле, которое репрезентируется аркадийно-пасторальными картинами сельской местности. И.А. Гончаров со свойственной ему художественной скрупулезностью тщательно выписывает локусы этого рая с поэтическим названием Малиновка, поочередно обращаясь к описанию сада, цветников, огорода с его природными дарами. Но, в отличие от условных, стилизованных картин сельских пейзажей, словно сошедших с картин

Ватто или Буше и характерных для идиллии, картины в «Обрыве» отличаются конкретикой, многими реалистическими подробностями.

Идиллические картины, описывающие уютный домашний мир, говорят о возможности высшего счастья, гармонического существования человека на лоне сельской природы в противовес суетной, дисгармонической жизни в большом городе. Следуя в целом сложившейся структуре усадебного романа, Гончаров выстраивает своеобразную цепочку основных составляющих его метасюжета: окружающий ландшафт, сад (или сады), дом (в романе два дома), интерьеры, фамильные портреты предков.

Буколический сад и огород вместе с патриархальным домом создают в романе заветную Аркадию, «спасительный оазис, некое прибежище от земных невзгод» (Дмитриева – Купцова 2003: 151). Вот почему бабушка Райского так бережно охраняет свое царство, патриархальные порядки и традиции, видя разрушающее влияние на них новой жизни. Но самое главное – ей удается воспитать аркадийный идеал – внучку Марфиньку, воплотившую в себе кротость, наивность, доброту и простодушие, семейные добродетели. Показательна первая встреча с ней Райского, который застает ее за кормлением птиц. Пред ним предстала девушка, словно сошедшая с полотен сентиментального Греза. «Так и есть: идиллия! Я знал! <…> думал он, – какая она миленькая! Какая простота, какая прелесть!» (Гончаров 2004: VII, 154). Кажется, что герой, который вечно стремится к абсолюту, неустанно ищет высшую гармонию (не случайно его фамилия восходит к семантике рая), нашел свой идеал. Дальнейшее сближение с девушкой в пространстве буколического сада еще больше убеждает его в этой мысли, когда он любуется ею во время их пребывания в буколическом саду: она «летала по грядкам и цветам, как сильф, блестя красками здоровья, веселостью серо-голубых глаз и летним нарядом из прозрачных тканей» (VII, 174).

Летние дни сближения Райского с Марфинькой в буколическом саду после петербургской суеты и разочарований наполнили его сердце новыми, неизвестными ему чувствами спокойствия и умиротворения. «У него перед глазами был идеал простой, чистой натуры, и в душе созидался образ какого-то тихого, семейного романа, и в то же время он чувствовал, что роман понемногу захватывал его самого, что ему было хорошо, тепло, что окружающая жизнь как будто втягивает его…» (VII,176).

Но этим «тихим счастьем» надолго не могла бы утешиться бурная романтическая натура Райского. Его влекут страсти, новые волнения и искушения, а Аркадия предполагает остановку и обретение ровного, безоблачного счастья на всю жизнь, как в старинных романах, заканчивающихся свадьбой, которые так любила читать Марфинька.

Совсем другое интимное пространство сада у ее сестры Веры. Если окна Марфиньки в бабушкином доме выходят в локальное, замкнутое

пространство: цветник, сад, огород, то совсем другой вид открывается из окон Вериной комнаты: на поля, деревню, сад у обрыва и сам обрыв – пространство открытое в природу. Иными приметами наделен и окружающий ее дом ландшафт, где героиня совершает свои прогулки. Это прежде всего старый запущенный сад, переходящий в лес, темные аллеи и поросший кустами обрыв. Ее романтический сад предстает в движении, воспринимается как книга настроения. Здесь Вера мечтает, грустит, читает, любуется Заволжскими просторами, вспоминает и размышляет. Любопытно, что если буколический сад Марфиньки дается только при свете солнца, то романтический сад Веры чаще предстает в пограничные времена суток, даже ночью, при свете луны. Этот ночной сад фосфоресцирует, искрится, мерцающие картины сменяют одна другую. Сама Вера появляется в лунном свете «как белая статуя в зелени» (VII, 575) или «в полумраке, как настоящая ночь, с звездным блеском, с злой улыбкой, с таинственным, нежным шепотом к кому-то и с насмешливой угрозой ему, блещущая и исчезающая, то трепетная, робкая, то смелая и злая!» (VII, 400), а иногда среди ночной грозы, озаренная молниями.

Гончаров совместил два сада – дневной и ночной, солнечный и лунный. У каждого есть свой персонаж. Марфинька – хозяйка солнечного сада, в нем она сама казалась Райскому «какой-то радугой из <…> цветов, лучей, тепла и красок весны» (VII, 174).

Вера – царица лунного сада, ее красота, как «сияющая, таинственная ночь» (Гончаров 2004: VII, 426), полная мглы и искр. Это таинственное мерцание ночи в сознании Райского невольно ассоциируется с картинами великих художников Высокого Возрождения – Антонио Корреджо («Святая ночь») и Паоло Веронезе («Брак в Канне»), – запечатлевших ослепительное сияние ночи.

Каждый из садов романа является местом зарождения и развития любовного сюжета. В буколическом саду разыгрывается простенькая мелодия любви Марфиньки, хотя и в ней была своя поэзия: «Поэзия чистая, свежая, природная, всем ясная и открытая, билась живым родником – в их здоровье, молодости, неиспорченных сердцах» (VII, 495). Поэтому роман Марфиньки и Викентьева нельзя обозначать как вариант обычного мещанского счастья. Идиллия по-своему прекрасна, но может существовать лишь в повторяющемся циклическом времени и для таких натур, как младшая кузина Райского и ее избранник, которых, по выражению автора романа, «не манила даль к себе; у них не было никакого тумана, никаких гаданий». Перспектива была ясна, проста и обоим им одинаково открыта» (VII, 495).

Романтический сад Веры, расположенный на горе у самого «Обрыва», образует своеобразную дихотомическую модель мира, где «верх» – царство бабушки с традициями, часовенкой, верой, а «низ» – дно, соблазн, падение, обрыв, ветхая беседка, в которой происходят тайные

свидания Веры с Марком Волоховым, проповедующим любовь «до срока». Этот сад весь наполнен тайной, дыханием первобытного эроса, как и вся история любви-страсти героини, которая протекает на границе двух миров – культурного пространства сада и дикой природы, мира христианского и языческого, реального и инфернального.

Любопытно проследить все появления Веры в своем саду и доме. То она является земной красавицей, спокойной и задумчивой, словно сошедшей с полотен Мурильо, то казалась Райскому нимфой, змеей или хищной птицей, а иногда русалкой, вынырнувшей со дна Волги «с светлыми прозрачными глазами, с печатью непроницаемости и обмана на лице, с ложью на языке, чуть не в венке из водяных порослей на голове» (VII, 426).

Ее загадочный роман с внезапными исчезновениями и появлениями со дна обрыва, таинственными письмами на синей бумаге, выстрелами, доносящимися откуда-то с берега Волги и доводящими героиню до безрассудства, не укладывается в известные любовные схемы усадебного романа. Борис Райский, которому, казалось бы, изначально должен был стать центральным персонажем этого усадебного сюжета, превращается в лицо страдательное и одновременно в стороннего наблюдателя страсти Веры к неизвестному сопернику. Ему словно отведена роль Чацкого, который только в финале узнает имя избранника своей возлюбленной.

Интимное пространство главной героини, маркируемое романтическим садом, соединяет в себе языческие и христианские семантические коды. В основе страсти лежит первобытный хаос, язычество, неприкрытые одеждами «нимфа и сатир». Поэтому с христианских позиций страсть ведет к греху и утрате рая. Но не так все просто в романе с этим мотивом грехопадения, поскольку в нем отчетливо прослеживается также и жоржсандовская трактовка смысла любви и страсти. О связи «Обрыва» с романом Жорж Санд «Мопра» писал В.А. Недзвецкий (Недзвецкий 1997: 113-124), а о перекличках гончаровского романа с ее «Лукрецией Флориани» – О.Б. Кафанова (Кафанова 2003: 260-261). Намек на жоржсандовское понимание любви видится нам и в истории с букетом из померанцевых цветов, который вручается невесте.

История «грехопадения» Веры также прочитывается посредством локусов ее сада. В ней место соблазна символически обозначено «развалившейся и полусгнившей беседкой» на дне обрыва, «в лесу, который когда-то составлял часть сада» (VII, 522). Обычно в романтическом саду руины обозначали неумолимость хода времени, вызывали у его посетителей философскую рефлексию, но здесь ветхость и гнилость беседки семиотически связана с испорченным и духовно развращенным Марком Волоховым. Не случайно Бережкова после падения Веры распоряжается не только разобрать эту беседку, но и закрыть дерном и посаженными деревьями даже то место, где она находилась. Таким образом в романтическом саду Веры исчезает и сам

локус соблазна, Марк больше никогда «не будет "ждать ее в беседке"» (VII, 723). Ценой больших духовных и физических страданий при поддержке своих близких героине вновь удается обрести веру и смысл жизни, подняться со дна обрыва. Возродившейся и преображенной видит Веру Райский после ее болезни. Перед ним предстает уже не царица ночи «с бархатным, гордым и горячим взглядом», а кроткая и задумчивая, полная «нежной грации и унылого покоя» (VII, 711) земная женщина. Ее черты стали более определенными, и Райскому удается, наконец, их запечатлеть на холсте.

Духовное возрождение Веры и свадьба Марфиньки, которая происходит в конце романа, а также планы переустройства усадьбы бабушки являются свидетельством возвращения «потерянного рая» в садах Малиновки. И это возможно потому, что условием нравственного прогресса, в понимании автора «Обрыва», являются основы «русской коренной жизни», ее «племенные черты», которые, по его мнению, будут лежать в жизни и последующих поколений» (Гончаров 1980: 159).

Литература

Белинский, В.Г. (1982) Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский, В.Г. Собр. соч. в 9 т. Т.8. Москва.

Гончаров, И.А. (1997) Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т.I. СПб., Наука.

Гончаров, И.А. (1998) Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. IV. СПб., Наука.

Гончаров, И.А. (2004) Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т.VII. СПб., Наука.

Гончаров, И.А. (1980) Предисловие к роману «Обрыв» // Гончаров, И.А. Собр. соч. В 8 т. Т.8. М.

Делиль, Ж. (1816) Сады, или Искусство украшать сельские виды. / Пер. А. Воейкова. Санкт-Петербург.

Дмитриева, Е.Е. – Купцова О.Н. (2003) Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. Москва.

Доманский, В.А. (2006) Русская усадьба в художественной литературе XIX века: культурологические аспекты изучения поэтики // Вестник Томского гос. ун-та. № 291. Сер. Филология». Томск. С. 56-60.

Доманский, В.А. (2007) Сюжет и метасюжет усадебных романов И.С.Тургенева: Спасссское-Лутовиново // Спасский вестник. Вып. 14. Спасское-Лутовиново. С. 20-31.

Звиняцковский, В.Я. (2008) Крымская глава «Обломова» // И.А. Гончаров: Материалы IV Международной научной конференции, посвященной 195-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск. С. 88–91.

Ильинская, Т.Б. (2002) «Категория времени в романе “Обломов”» (К истории вопроса) // Рус. лит. № 3. С. 38-43.

Кафанова, О.Б. (2009) Поэзия и философия сада в творчестве И.С.Тургенева // И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы.I /Отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. СПб., С. 112-130.

Кафанова, О.Б. (2003) И.А. Гончаров и Жорж Санд: творческий диалог // Гончаров И.А. Материалы Международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Сборник русских и зарубежных авторов. Ульяновск. С. 260-261.

Краснощекова, Е.А. (1997) И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб.

Ляпушкина, Е.И. (1989) Идиллический хронотоп в романе И.А. Гончарова «Обломов» // Вестник ЛГУ. Сер. 2. Вып. 2.

Недзвецкий, В.А. (1997) В свете традиции («Обрыв» И.А. Гончарова и «Мопра» Жорж Санд) // Недзвецкий, В.А. От Пушкина к Чехову. М., С.113–124.

Недзвецкий, В.А. (2008) Тоска Ольги Ильинской в «крымской» главе «Обломова»: интерпретации и реальность» // И.А. Гончаров: Материалы IV Международной научной конференции, посвященной 195-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск.

Щукин, В.Г. (2007) Тургеневское гнездо и Обломовка // Щукин, В.Г. Гений просвещения. М., С. 272-296.

Щукин, В.Г. (2007) Усадебный текст русской литературы // Щукин, В.Г. Гений просвещения. М., С. 316-368.

Щукин, В.Г. (2007) Дача как усадьба железно-демократического» века // Щукин, В.Г. Гений просвещения. М. С. 370-384.

Энциклопедия символов (2008) / Сост. В. М. Рошаль. М.; СПб.

Borowec, Ch. (1994) Time after Time: The Temporal Ideology of “Oblomov” // Slavic and East European Journal. Vol. 38. № 4.

Dubos, C. (1808) Les Fleurus, idelles. Paris.; Florian. Estelle, pastorale. Paris, 1809.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 174-184
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.174

Ibolya Dončec Merkli – Elizabeta Emberšič Škaper
(Sombotel, Madžarska)

SLOVENSKA HIŠNA IMENA NA GORNJEM SENIKU IN V ŠTEVANOVCIH

Abstract: In the paper the authors examine and analyse the so called house names in two villages Felsőszölnök and Apátistvánfalva. In the villages of the Porabje district all the houses or families have the house names of their own. The house names are inherited, and it is so, even in the case when a family dies out: the next owners inherit the house name even if they are not related to the former ones. In our days, when there are lots of house owners-strangers the house names survive and help first of all in the orientation in these villages. The study gives an account of the house names in the two villages of the Porabje district in synchronic groups.

Keywords: house names, house names in Felsőszölnök and Apátistvánfalva, dialectology, etymology

Uvod

V prispevku so predstavljena hišna imena v dveh porabskih vaseh, na Gornjem Seniku in v Števanovcih. Največja porabska vas Gornji Senik ima okrog petsto prebivalcev, od tega je še danes 90 odstotkov slovenske narodnosti. Je značilno raztreseno naselje, kjer so se ljudje do 1980. let ukvarjali skoraj izključno s poljedelstvom in živinorejo. Od začetka 1990. let pa se prebivalci (zlasti mlajša generacija) zaposlujejo v industriji v Monoštru, v novejšem času tudi v sosednji Avstriji, v manjšem številu pa si najdejo zaslužek v Sloveniji. Gornji Senik je z Ritkarovci in Dolnjim Senikom pripadal istemu veleposestvu in to je odločilno vplivalo tudi na podobo načina življenja v teh vaseh (Kozar-Mukič 1984: 34).

V drugem večjem porabskem naselju, v Števanovcih, kamor spadajo tudi Otkovci, živi okrog 400 ljudi. Naselje z okoliškimi vasmi (Otkovci, Andovci, Verica, Slovenska ves in Sakalovci) je bilo gospodarsko in versko povezano v istem gospostvu in župniji. Način življenja ljudi je v teh vaseh bil podoben kot na Gornjem Seniku. Za okolico je značilno množično izseljevanje v Monošter in druge predele Madžarske ali v tujino (Kozar-Mukič 1984: 35).

Slovenska hišna imena v Porabju so zbrana in objavljena v zborniku *Etnologija Slovencev na Madžarskem 2.* iz leta 1999. V tej izdaji so hišna imena podana za vsako porabsko vas posebej po abecednem redu, zbiratelji in zapisovalci so bili domačini. Po zbranem gradivu sklepava, da za zbiranje niso imeli poenotenih kriterijev, tako sva se v prispevku odločili za predstavitev hišnih imen v množinski obliki in le z enkratnim navajanjem vsakega poimenovanja.

Zbrani podatki v zborniku so nama služili kot izhodišče za predstavitev, poleg tega pa sva še na terenu sami preverili, ali navedena imena res obstajajo in v taki obliki, kot so zapisana. Raziskovali sva tudi izvor in pomen teh imen, pri razlagi in pojasnjevanju pa so nama bili v pomoč tudi prebivalci omenjenih vasi. S terenskim delom se je pokazalo, da so najboljši informatorji starejši domačini, mlajša generacija večinoma hišnih imen ne pozna več natančno.

Med domačini preverjana hišna imena predstavljajo osnovni vir našega prispevka, pregledali sva namreč tudi matične knjige, katastrske mape in topografske načrte za Gornji Senik in Števanovce, vendar podatkov o hišnih imenih nisva zasledili.

1. Splošno o hišnih imenih

Hišna imena glede zgodovinskega izvora sodijo v stare čase podeželskega življenja. Ime hiše se je preneslo na njene stanovalce, tj. na gospodarja in gospodinjo ter njune naslednike. Stanovalci posamezne hiše so imeli poleg svojih osebnih imen še družinski priimek, vendar so bili svojim sovaščanom bolj znani z imenom hiše.

Hišna imena so posebna kategorija vzdevkov, ki so imela zlasti velik pomen na podeželju. Drugače se imenujejo še domača ali vulgarna imena, v starejši slovenski literaturi tudi vzdevek, pritikljej, zdelo, priloženo ime, gerdo ime, ime z zmerjanjem dano (Keber 2002: 61).

Hišna imena so se začela uveljavljati v 12. stoletju, uvajali so jih ljudje sami po dodatnih razlikovalnih značilnostih (npr. po osebnem imenu očeta, redkeje matere; po kakšni telesni ali duševni posebnosti; po živalih ali rastlinah, katerih tipične lastnosti so prenesli na človeka; po poklicu ali dejavnosti, ki so jih opravljali; po kraju in legi domačije; po pokrajini ali kraju, od koder so prišli) (Kotnik-Šipec 2004: 8) in ne oblasti, kot je bilo to pri priimkih.

Priimki so mlajši od hišnih imen in pogosto uradni nasledniki le-teh. Proces nastajanja priimkov je v Evropi trajal več stoletij. Najprej so se pojavili v 9. stoletju v Italiji, na Slovenskem pa v 13. stoletju. V davnih časih so ljudje živeli v majhnih vaseh, priimki niso bili potrebni, zadostovala so imena. Tako so posamezniki imeli le osebna imena, z razvojem in napredkom družbe pa se je pokazala potreba po natančnejšem razločevanju ljudi.

Iz osebnih imen gospodarjev so se izoblikovala mnoga hišna imena, ki se držijo hiš, kmetij, domačij, in sicer ne glede na to, da so se v njih menjavali gospodarji z različnimi priimki. »Kljub upadanju so v kmečkem okolju še danes živa in ohranjajo imena, vzdevke ali priimke nekdanjih gospodarjev ali kažejo še kake druge posebnosti glede naselitve, lokacije, pri nekmečkih hišah tudi (obrtno, gostinsko idr.) dejavnost prednikov« (Keber 2002: 61).

Domačini zelo dobro poznajo hišna imena, ki so še v rabi, vendar tonejo v pozabo, predvsem tista, kjer so gospodarji umrli, mlada generacija pa se je odselila.

1.1 Kriteriji za razvrščanje hišnih imen

Kriteriji za razvrščanje hišnih imen so lahko podani po diahronem ali sinhronem načelu. Slovenistka in etnologinja Marija Stanonik v svoji monografiji z naslovom *Hišna imena v Žireh* podaja kriterije Rudolfa Andrejka, ki je svojo snov razvrščal po zgodovinskem načelu.[1]

Večina avtorjev, ki se ukvarja z raziskavo hišnih imen upošteva sinhrono načelo sistematiziranja, tako tudi npr. Marija Stanonik svoje gradivo hišnih imen v Žireh razvršča po tem načelu. V njeni monografiji so v razdelkih od 1 do 12 imena razvrščena v skupine po skupnih jezikoslovnih, geografskih, socialnih ... značilnostih, vsakič po abecednem vrstnem redu.[2]

Porabski slavist, Francek Mukič v svoji diplomski nalogi deli hišna imena glede na osnovo iz osebnih imen, priimkov ter glede na socialni položaj družine ali njenih prednikov. Poleg tega pa še navaja naslednje:« Največ pa je takih, ki kažejo na različne poklice, poimenovane z besedami iz nemščine. So tudi slovenske besede, ki se pojavljajo na Gornjem Seniku edino le v teh domačih imenih, sicer jih ljudje ne poznajo in večinoma ne razumejo. Domača imena na Gornjem Seniku nam prav lepo dokazujejo, da so bili nekoč v tem kraju tudi taki poklici, ki jih danes ni: tkalci, lončarji, cehmoštri» (Mukič 1978: 9-12).

2. Hišna imena v dveh porabskih vaseh

Hišna imena so pomemben del kulturnega izročila porabskih Slovencev, saj so še danes močno prisotna med ljudmi, in jih je potrebno prav zaradi pričanja o porabski preteklosti in prednikih zapisati, da jih ne bodo pozabili mladi in njihovi nasledniki, ki jih bodo lahko vsaj prek pisane besede ohranjali in se zavedali bogate kulturne dediščine. Porabje je bilo dolgo časa zapostavljeno, danes se kažejo zametki gospodarskega razvoja te pokrajine, vendar pa se vseeno opaža trend izseljevanja mladih, predvsem izobražencev. V porabskih vaseh se prebivalstvo stara. Z izumrtjem starejše generacije postanejo nekatere

[1] I. Nastajanje rodbinskih imen (1. Patronymica, 2. Mešanje novih priimkov s starimi hišnimi vzdevki, 3. Dvojna pisava priimkov iste rodbine). II. Važnejša rodbinska imena in njihova razširjenost po Selški dolini (1. Staroslovenska imena, 2. Slovenska imena, 3. Nemška imena, 4. Italijanska imena) (Statonik 2005: 28).

[2] Tako navaja naslednje skupine: 1. Hišna imena po osebnih imenih (nekdanjih ali sedanjih) lastnikov, 2. Hišna imena iz osebnih imen po raznih besedotvornih vzorcih (v tej skupini so imena v devetih podrazdelkih razvrščena glede na pomanjševalniške pripone ali druge značilne končnice), 3. Hišna imena iz občnih in osebnih imen po skupnih besedotvornih vzorcih (imena so v osmih podrazdelkih razvrščena po priponskih obrazilih), 4. Hišna imena na podlagi ledinskih imen (podskupine so: Vzpetina, Vdolbina, Voda, Vrsta tal, Vrste gozda in drevja, Drugo rastje ali njega deli, Način izkoriščanja tal), 5. Lega ali vrsta bivališča glede na naravne in prometne razmere, 6. Stan in družbeni položaj, 7. Gospodarska dejavnost, 8. Osebne lastnosti in posebnosti, 9. Hišna imena po živalih, 10. Hišna imena na podlagi krajevnih imen (pri tej skupini navaja tri podskupine, to so V soseščini, Od drugod, Iz tujine), 11. Ženske oblike žirovskih hišnih imen (v tej skupini obravnava gradivo v petih podrazdelkih glede na priponska obrazila oz. končnico),12. Hišna imena s podstavo ženskih imen in opravil (sem spadajoča imena so izvedena iz ženskih imen, iz ženskih dejavnosti in družbeno pogojena hišna imena v ženski obliki). Nekateri od teh razdelkov so še podrobneje razčlenjeni.

hiše zapuščene, načne jih zob časa in se počasi podirajo. Zato pa se nama je zdelo pomembno, da zbereva in analizirava tista hišna imena, ki so še danes zakoreninjena v teh dveh vaseh.

Za Slovence v okolici Monoštra je značilno, da ima posameznik priimek, ime, hišno ime in vzdevek. »Ljudje v slovenskih naseljih poznajo, imenujemo in ogovarjajo drug drugega po hišnih imenih. Vzdevek se daje osebi po kaki značilnosti in je lahko ljubkovalen, posmehljiv ali žaljiv. Slednji se uporabljajo le v odsotnosti osebe. V vsaki porabski vasi imajo posamezne hiše oz. družine hišno ime. Po poroki se mož in žena še naprej imenujeta vsak po svojem hišnem imenu oz. sčasoma postane prevladujoče hišno ime tistega zakonca, v katerega hiši stanujejo. Otroci podedujejo hišno ime hiše, v kateri doraščajo – tudi v primeru, ko ne gre za očetovo, temveč materino hišo. Če družina izumre, njeno hišno ime lahko podeduje tudi družina, ki z njo ni bila v sorodu« (Kozar 1999: 165).

Zapisana hišna imena so med porabskimi prebivalci še zelo živa, saj jih domačini pri medsebojnem sporazumevanju vsakodnevno uporabljajo in jih dobro poznajo, služijo jim pa tudi za orientacijo v vasi. Najbolj so se ohranila v zavesti starejših vaščanov, poznajo pa jih tudi mlajši in priseljenci. Manj znana pa sta njihov izvor in nastanek.

V najinem prispevku so hišna imena za lažjo predstavitev razporejena v skupine glede na njihov izvor, zbrano gradivo sva zapisali v poknjiženi obliki, temu sledi z znanstveno dialektološko transkripcijo zapisano in onaglašeno narečno ime v osnovni slovarski obliki. Nato sledijo ime, vzdevek, priimek ali poklic, iz katerega naj bi ime izhajalo. Pri nekaterih hišnih imenih je podana razlaga manj znanih besed in pojasnilo o nastanku imena. Zbrana imena so v večini slovanskega izvora, nekaj je tudi germanizmov in madžarizmov. Pri posameznih skupinah zapisujeva primere tako za Gornji Senik kot Števanovce in je v oklepaju zaznamovano, od kod izvira določeno hišno ime. Na koncu prispevka navajava zbrana in obdelana hišna imena v obeh porabskih vaseh.

Pri razlagi besed so nama bili v pomoč Bezlajev Etimološki slovar slovenskega jezika, Snojev Slovenski etimološki slovar, Pleteršnikov slovar, Mukičev Porabsko-knjižnoslovensko-madžarski slovar, Novakov Slovar beltinskega prekmurskega govora in Slovar slovenskega knjižnega jezika.

2.1 Sistematiziranje hišnih imen

V članku sva se odločili za sinhrono načelo sistematiziranja. Zanimalo naju je predvsem to, kako se določeno hišno ime narečno izgovarja, kakšen je njegov pomen in od kod izvira. Pri analizi hišnih imen na Gornjem Seniku in v Števanovcih sva se odločili za razvrstitev gradiva v šest glavnih skupin, to so: 1. Hišna imena iz osebnih imen nekdanjih lastnikov; 2. Hišna imena iz poimenovanj poklicev in drugih dejavnosti; 3. Hišna imena s topografsko označitvijo kraja; 4. Hišna imena v zvezi z narodnostmi, znamenitimi ljudmi; 5. Hišna imena iz vzdevkov, ki so jim jih izmislili sokrajani; 6. Hišna imena, ki so povezana s priimki prednikov ali prejšnjih lastnikov. Med zbranim

gradivom najdemo tudi posamezne primere, ki so nastali npr. po rastlinah (*Ajdani/'A:jdanę*), po živalih (*Zvejrini/Z've:irętę, Vukini/'Vu:kętę, Vučtjini:'Vu:čt'ętę*), po kakovosti sveta v bližnji okolici domačije (*Trnjašni/'Thńašnę, Trnjarini/Th'ńa:rętę*) po prostorih domačije in drugih objektov (*Pincatjini/'Pincat'ętę, Klejtini/K'le:itętę, Poštojski/'Poštojskę*).

2.1.1 Hišna imena iz osebnih imen nekdanjih lastnikov

Andrini: 'A:ndrętę; ime je izpeljano iz osebnega imena Andrej, v hišnem imenu se je ohranila le osnova imena.

Djančkini: 'D'a:nčkętę; ime je izpeljano iz narečnega osebnega imena 'D'a:nčę (Djanči), slovenska knjižna vzporednica je Janez, madž. János /Gornji Senik/.

Djujzlini: 'D'ujzlęlę; ime je izpeljano iz narečnega osebnega imena 'D'ujzlę (Djujzli/Lujzek), madž. Alajos /Gornji Senik/.

Djuratjini: 'D'urat'ętę; ime je izpeljano iz narečnega osebnega imena 'D'urek (Djurek), knjižna vzporednica je Jurij, madž. György /Števanovci/.

Djürini: 'D'ürętę; ime je izpeljano iz narečnega osebnega imena 'D'üra (Djüra), madž. György /Gornji Senik/.

Ernösovi: 'Ernösovę; ime je izpeljano iz madžarskega osebnega imena Ernő /Gornji Senik/.

Fordjanini: For'd'a:nętę; ime je izpeljano iz narečnega imena For'd'a:n (Fordjan), knjižna vzporednica je Florijan, madž. Flórián /Števanovci/.

Gašparni: 'Gåšparnę; ime je izpeljano iz madžarskega osebnega imena Gáspár /Gornji Senik/.

Ivanski: 'I:vanskę; ime je izpeljano iz osebnega imena Ivan /Gornji Senik/.

Kodlini: 'Kodlętę; ime je izpeljano iz narečnega osebnega imena 'Kådlę (Kadli), knjižna vzporednica je Karel, madž. Károly /Gornji Senik/.

Lajošni: 'Låjošnę; ime je izpeljano iz madžarskega osebnega imena Lajos /Gornji Senik/.

Lujzatjini: 'Lujzat'ętę; ime je izpeljano iz narečnega osebnega imena 'Lujzek (Lujzek), madž. Alajos/Lajos /Števanovci/.

Markini: 'Mårkętę; ime je izpeljano iz narečnega osebnega imena 'Mårko (Marko), knjižna vzporednica je Marko, madž. Márkó /Gornji Senik/.

Maucekini: 'Mo:ucekętę; ime je izpeljano iz narečnega osebnega imena 'Mo:ucek (Maucek), knjižna vzporednica je Matjaž, madž. Mátyás /Gornji Senik/.

Miklaušini: Męk'lo:ušętę; ime je izpeljano iz narečnega osebnega imena Męk'lo:uš (Miklauš), knjižna vzporednica je Miklavž, madž. Miklós /Gornji Senik/.

Nejskini: 'Ne:iskętę; ime je izpeljano iz narečnega osebnega imena 'Ne:iska (Nejska/ Agneška), madž. Ágnes /Gornji Senik/.

Paulini: 'Po:ulętę; ime je izpeljano iz madžarskega osebnega imena Pál /Gornji Senik/.

Petarni: 'Petarnę; ime je izpeljano iz osebnega imena Peter /Gornji Senik/.

Petarni: ’Pętarnę; ime je izpeljano iz osebnega imena Peter /Števanovci/.

Petrini: 'Pętrẹnę; ime je izpeljano iz osebnega imena Peter /Števanovci/.

Šandorstji: 'Ša:ndorst'ę; ime je izpeljano iz madžarskega osebnega imena Sándor /Števanovci/.

Štavanekini: Šta'va:nekẹnę; ime je izpeljano iz narečnega osebnega imena Š'tẹvan (Števan), knjižna vzporednica je Štefan /Gornji Senik/.

Števani: 'Štẹvanę; ime je izpeljano iz narečnega osebnega imena Š'tẹvan (Števan) knjižna vzporednica je Štefan /Gornji Senik/.

Tonikini: 'Tonẹkẹnę; ime je izpeljano iz narečnega osebnega imena ’Tonẹka (Tonika), madž. Antónia /Gornji Senik/.

Žužini: 'Žužẹnę; ime je izpeljano iz madžarskega osebnega imena Zsuzsa /Števanovci/.

2.1.2 Hišna imena iz poimenovanj poklicev in drugih dejavnosti

Bikašni: 'Bikašnę; ime je izpeljano iz narečnega izraza ’bikaš (bikaš), knjižna vzporednica je osemenjevalec, madž. inszeminátor /Gornji Senik/.

Čemeštarni: Če'meštarnę; ime je izpeljano iz madžarskega izraza céhmester /Gornji Senik/.

Djagarski: 'D'a:garskę; ime je izpeljano iz narečnega izraza 'd'a:gar (djagar), lov. žag. vzporednica je jager, knjižno lovec, madž. vadász /Gornji Senik/.

Djamarni: ’D’a:marnę; ime je izpeljano iz narečnega izraza 'd'a:mar (djamar), knjžna vzporednica je jamar, madž. sírásó /Gornji Senik/.

Enaštji: 'Ẹ:našt’ę; ime je izpeljano iz narečnega izraza ’ẹnaš (enaš), knjižna vzporednica je vajenec, madž. inas /Števanovci /.

Ferbarovi: ’Fẹrbarovę; ime je izpeljano iz narečnega izraza 'fẹrbar (ferbar), knjžna vzporednica je sodar, madž. kádár /Gornji Senik/.

Fiškališni: Fiš'ka:lẹšnę; ime je izpeljano iz narečnega izraza fẹš'ka:lẹš (fiškališ), knjižna vzporednica je odvetnik, madž. ügyvéd, fiskális (iz lat.) /Števanovci/.

Incekovi: 'I:ncekovę; ime je izpeljano iz madžarskega izraza vincellér /Gornji Senik/.

Kalcini: 'Ka:lcẹnę; ime je izpeljano iz narečnega izraza 'ka:lec (kalec), knjižna vzporednica je tkalec /Gornji Senik/.

Kalcini: 'Ka:lcẹnę; ime je izpeljano iz narečnega izraza ’ka:lec (kalec), knjižna vzporednica je tkalec / Števanovci /.

Kovačini: Ko'va:čẹnę; ime je izpeljano iz apelativa kovač /Gornji Senik/.

Kovačini: Ko'va:čẹnę; ime je izpeljano iz apelativa kovač /Števanovci /.

Kolarini: Ko'la:rẹnę; ime je izpeljano iz apelativa kolar /Gornji Senik/

Kolarstji: Ko'la:rst'ę; ime je izpeljano iz apelativa kolar /Števanovci /.

Kmetini: K’mẹtẹnę; ime je izpeljano iz apelativa kmet /Gornji Senik/.

Kmetini: K'mẹtẹnę; ime je izpeljano iz apelativa kmet /Števanovci/.

Ločarini: Lo'ča:rẹnę; ime je izpeljano iz narečnega izraza lo’ča:r (ločar), knjižna vzpoednica je lončar /Gornji Senik/.

Masarini: Ma'sa:rẹnẹ; ime je izpeljano iz narečnega izraza ma'sa:r (masar), knjižna vzporednica je mesar /Gornji Senik/.

Mlinarni: M'li:inarnẹ; ime je izpeljano iz apelativa mlinar /Števanovci/.

Mlinarski: M'li:narskẹ; ime je izpeljano iz apelativa mlinar /Gornji Senik/.

Ofčarski: Of'ča:rskẹ; ime je izpeljano iz narečnega izraza of'ča:r (ofčar), knjižna vzporednica je ovčar /Gornji Senik/.

Pekoski: 'Pẹkoskẹ; ime je izpeljano iz apelativa pek /Gornji Senik/

Pintarni: 'Pi:ntarnẹ; ime je izpeljano iz narečnega izraza 'pi:ntar (pintar), knjižna vzporednica je sodar, madž. kádár /Gornji Senik/.

Sabauski: Sa'bo:uskẹ; ime je izpeljano iz narečnega izraza sa'bo:u (sabau), knjižna vzporednica je krojač, madž. szabó /Gornji Senik/.

Šaustarni: 'Šo:uštarnẹ; ime je izpeljano iz narečnega izraza 'šo:uštar (šauštar), knjižna vzporednica je čevljar, madž. cipész /Gornji Senik/.

Šauštarni: 'Šo:uštarnẹ; ime je izpeljano iz narečnega izraza 'šo:uštar (šauštar), knjižna vzporednica je čevljar, madž. cipész /Števanovci/.

Tišlarski: 'Ti:šlarskẹ; ime je izpeljano iz narečnega izraza ’tišlar (tišlar), knjižna vzporednica je mizar, madž. asztalos /Gornji Senik/.

Zidarini: Zi'da:rẹnẹ; ime je izpeljano iz apelativa zidar /Števanovci/.

Zvonarski: Zvo’na:rskẹ; ime je izpeljano iz apelativa zvonar /Gornji Senik/.

2.1.3 Hišna imena s topografsko označitvijo kraja

Brgancini: Br'gåncẹnẹ; poimenovanje je izpeljano iz narečnega izraza b're:ik (brejk) /Števanovci/.

Bükašni: 'Bükašnẹ; poimenovanje je izpeljano iz narečnega topografskega izraza ’Bükońa/’Bükašna g’råba (Bükonja/Bükašna Graba) /Gornji Senik/.

Divicini: Dẹ'vi:cẹnẹ; poimenovanje je izpeljano iz narečnega topografskega izraza Da'vi:cẹnẹ g’råba (Davicina graba) /Gornji Senik/.

Dolejnjini: Do’le:iṅẹnẹ; poimenovanje je izpeljano iz narečnega izraza 'dolẹ (doli) /Števanovci/.

Grabarni: G'råbarnẹ; poimenovanje je izpeljano iz narečnega izraza g’råba (graba) /Števanovci/.

Grabini: G'råbẹnẹ; poimenovanje je izpeljano iz narečnega izraza g’råba (graba) /Gornji Senik/.

Gubiči: 'Gubẹčẹ; poimenovanje je izpeljano iz narečnega topografskega izraza 'Gubẹč 'måjor (Gubič major) /Gornji Senik/.

Gubini: 'Gubẹnẹ; poimenovanje je izpeljano iz narečnega topografskega izraza 'Gubẹn 'do:u (Gubin dau) /Gornji Senik/.

Kautnarski: 'Ko:utnarskẹ; poimenovanje je izpeljano iz narečnega izraza 'ko:ut (kaut) /Gornji Senik/.

Kularni: ’Kularnẹ; poimenovanje je izpeljano iz narečnega topografskega izraza 'Kularna g’råba (Kularna graba) /Gornji Senik/.

Onzini: 'Onzẹnẹ; poimenovanje je izpeljano iz narečnega topografskega izraza 'Onzẹn v'rẹjek (Onzin vrejek) /Gornji Senik/.

Sejčarni: Sej'ča:rnę; poimenovanje je izpeljano iz narečnega izraza 'sęča (seča) /Števanovci/.

Šumistji: 'Šumišt'ę; poimenovanje je izpeljano iz narečnega izraza ’šuma (šuma), knjižna vzporednica je gozd /Števanovci/.

Vankini: 'Va:nkęnę; poimenovanje je izpeljano iz narečnega topografskega izraza 'Va:nkęn b're:ik (Vankin brejk) /Gornji Senik/.

2. 1.4 Hišna imena v zvezi z narodnostmi, znamenitimi ljudmi

Grofoski: G'rofoskę; ime je izpeljano iz slovenskega izraza grof /Gornji Senik/.

Madjarni: 'Måd'arnę; ime je izpeljano iz madžarskega izraza magyar /Števanovci/.

Rovatini: Ro'va:tęnę; ime je izpeljano iz narečnega izraza Ro'va:t (Rovat), knjižna vzporednica je Hrvat /Gornji Senik/.

Talanini: Ta'la:nęnę; ime je izpeljano iz narečnega izraza Ta'la:n (Talan), knjižna vzporednica je Italijan /Gornji Senik/.

Totostji: ’Totost’ę; ime je izpeljano iz madžarskega izraza Tót. /Števanovci/.

Turekini: ’Turekęnę; ime je izpeljano iz slovenskega izraza Turek /Gornji Senik/.

Žipanini: Žę'pånęnę; ime je izpeljano iz narečnega izraza 'žipan (žipan), knjižna vzporednica je župan /Gornji Senik/.

2.1.5 Hišna imena iz vzdevkov, ki so jim jih izmislili sokrajani

Klencini: K'lencęnę; poimenovanje je nastalo iz narečnega izraza k’lęn (klen); »P'rędnik je 'biu 'du:gi 'kåk k'lęn. – Prednik je bil visok kot klin.« /Gornji Senik/.

Švorcini: Š'vorcęnę; poimenovanje je nastalo iz narečnega izraza š’vorc (švorc); »'Čərnę 'biu 'kåk š'vorc. – Bil je črn kot kos.« /Gornji Senik/.

Tučkini: 'Tučkęnę; poimenovanje je nastalo iz narečnega izraza 'tuček (tuček), knjižna vzporednica je storž, madž. torzsa

Upkašni: 'Upkašnę; poimenovanje je nastalo iz narečnega izraza 'upek (upek); »Smar'di: 'kåk 'upek. – Smrdi kot upkač.« /Gornji Senik/.

Vukini: 'Vu:kęnę; poimenovanje je nastalo iz narečnega izraza 'vu:k (vuk); »'Låčen 'kåk 'vu:k. – Bil je lačen kot volk«. /Gornji Senik/.

Čubini: 'Čubęnę; poimenovanje je nastalo iz narečnega izraza 'čobe (čobe); »'Vęrtęńa je 'me:ila 'velke 'čobe. – Gospodinja je imela velika usta.« /Števanovci/.

Lošini: 'Lošęnę; poimenovanje je nastalo iz narečnega izraza 'loškę (loški), knjižna vzporednica je divji /Števanovci/.

Öcini: ’Öčęnę; poimenovanje je nastalo iz madžarskega vzdevka öcsi /Števanovci/.

Pöknjasti: ’Pö:ikńast’ę; poimenovanje je nastalo iz narečnega izraza 'pö:ikńa (pöjknja), knjižna vzporednica je pika /Števanovci/.

Pufarni: 'Pufarnę; poimenovanje je nastalo iz narečnega izraza 'pufarnę (pufarni) knjižna vzporednica je debeljak, madž. pufók, kövér /Števanovci/.

Šatjini: 'Šåt'ęnę; poimenovanje je nastalo iz narečnega izraza 'šatńa (šatnja), knjižna vzporednica je čarovnija, vraža /Števanovci/.

Šebarstji: 'Šębarst'ę; poimenovanje je nastalo iz narečnega izraza 'šębar (šebar), knjižna vzporednica je škorenj /Števanovci/.

Štotjini: Š'tot'ęnę; poimenovanje je nastalo iz narečnega izraza š'tok (štok), »P'rędnik je 'biu 'visek 'kåk š'tok. – Prednik je bil visok kot nadstropje.« /Števanovci/.

Vučtjini: 'Vu:čt'ęnę; poimenovanje je nastalo iz narečnega izraza 'vu:k (vuk), knjižna vzporednica je volk /Števanovci/.

2.1.6 Hišna imena, ki so povezana s priimki prednikov ali prejšnjih lastnikov

Kljub temu da so priimki mlajšega izvora kot hišna imena, sva tudi to skupino navedli, saj je še danes ohranjeno staro poimenovanje domačije, čeprav že v hiši stanujejo lastniki z drugim priimkom.

Bazekini: Ba'zękęnę; iz hišnega imena je izpeljan priimek Bajzek /Gornji Senik/.

Bedekni: 'Będeknę; iz hišnega imena je izpeljan priimek Bédek /Gornji Senik/.

Bedini: 'Będęnę; iz hišnega imena je izpeljan priimek Bedi /Števanovci/.

Čukini: 'Čukęnę; iz hišnega imena je izpeljan priimek Csuk /Gornji Senik/.

Dravcini: D'ra:fcęnę; iz hišnega imena je izpeljan priimek Drávecz /Gornji Senik/.

Fickini: 'Fickęnę; iz hišnega imena je izpeljan priimek Fickó /Gornji Senik/.

Fistarni: 'Fistarnę; iz hišnega imena je izpeljan priimek Fiszter /Gornji Senik/.

Kolmani: 'Kolmanę; iz hišnega imena je izpeljan priimek Kalamár /Gornji Senik/.

Kondarni: 'Kondarnę; iz hišnega imena je izpeljan priimek Kondor /Števanovci/.

Kölesni: 'Kölešnę; iz hišnega imena je izpeljan priimek Köles /Gornji Senik/.

Krajcarni: K'råjcarnę; iz hišnega imena je izpeljan priimek Krajczár /Gornji Senik/.

Lazarni: 'La:zarnę; iz hišnega imena je izpeljan priimek Lázár /Gornji Senik/.

Nematni: 'Nęmatnę; iz hišnega imena je izpeljan priimek Németh /Gornji Senik/.

Pintarni: 'Pintarnę; iz hišnega imena je izpeljan priimek Pintér /Števanovci/.

Praudarni: P'ro:udarnę; iz hišnega imena je izpeljan priimek Proder/Gornji Senik/.

Šafarcini: 'Ša:farcẹnẹ; iz hišnega imena je izpeljan priimek Sáfár /Števanovci/.

Törkini: 'Törkẹnẹ; iz hišnega imena je izpeljan priimek Törk /Gornji Senik/.

Zavcini: 'Za:fcẹnẹ; iz hišnega imena je izpeljan priimek Závecz /Gornji Senik/.

3. Povzetek

Stara hišna imena so del žive kulturne dediščine, saj so ponavadi odraz zgodovine določenega kraja, z njimi se ohranja narečni govor ter nenazadnje tudi ponos in pripadnost ljudi določenemu kraju. Imena sočasno z opuščanjem kmetij in podiranjem starih ter z gradnjo novih stavb počasi zamirajo in izginjajo v pozabo, zato je skrajni čas, da jih ohranimo zdaj, ko so še živa, in jih predamo našim potomcem. S pomočjo hišnih imen lahko izvemo nekatere značilnosti kraja, saj so ključnega pomena za ohranjanje pokrajinskih in kulturnih značilnosti.

Pri obravnavi hišnih imen na Gornjem Seniku in v Števanovcih sva se odločili za razvrstitev gradiva v šest glavnih skupin. To so hišna imena iz osebnih imen, iz poimenovanj poklicev in drugih dejavnosti, imena s topografsko označitvijo kraja in v zvezi z narodnostmi, znamenitimi ljudmi, iz vzdevkov, ki so jim jih izmislili sokrajani ter hišna imena, ki so povezana s priimki prednikov ali prejšnjih lastnikov.

V prispevku predstavljena imena so večinoma izvorno slovensko narečna, nekatera poimenovanja pa so prevzeta iz stičnih jezikov (madžarščine in nemščine) v časovno različnih jezikovnozgodovinskih obdobjih. Danes jih dobro poznajo govorci najstarejše in srednje generacije, slabše pa govorci mlajše generacije.

4. Seznam hišnih imen v dveh porabskih vaseh

Hišna imena navajava po abecednem redu, zapisana so z znanstveno dialektološko transkripcijo in onaglašena. Pri tem nama je kot izhodišče služilo gradivo, zbrano v *Etnologiji Slovencev na Madžarskem 2*, vendar sva v obravnavanih vaseh zbrana hišna imena preverili in poenotili, vsako navajava le enkrat v množinski obliki.

4.1 Hišna imena na Gornjem Seniku

'A:ndrẹnẹ, 'A:nškẹnẹ, 'Bákẹnẹ, Ba'láškẹnẹ, Ba'zẹkẹnẹ, 'Ba:balnẹ, 'Bẹdeknẹ, 'Bẹnarskẹ, 'Bikašnẹ, 'Boslẹnẹ, 'Burskẹ, 'Bükašnẹ, 'Cifroskẹ, Cẹ'gütẹnẹ, 'Ča:rdašnẹ, 'Ča:trẹnẹ, Če'meštarnẹ, 'Čukẹnẹ, Dẹ'vi:cẹnẹ, 'Donkarnẹ, 'Doręćńekovẹ, 'Dorẹnẹ, D'ra:fcẹnẹ, D're:inẹnẹ, 'D'o:uklẹnẹ, 'D'a:garskẹ, 'D'a:marnẹ, 'D'a:nčkẹnẹ, 'D'ęčkẹnẹ, 'D'ujzlẹnẹ, 'D'ürẹnẹ, 'Ernösovẹ, 'Fẹrbarovẹ, 'Fickẹnẹ, 'Filaksovẹ, 'Fincẹnẹ, 'Fistarnẹ, 'Forgošnẹ, 'Gášparnẹ, 'Gẹrglẹnẹ, G'lo:uzarnẹ, G'råbašńẹ, G'råbẹnẹ, G'ra:jkarnẹ, G'rofoskẹ, 'Gubẹčẹ, 'Gubẹnẹ, 'I:ncekovẹ, 'I:vanskẹ, 'Ko:ucẹnẹ, 'Ko:utnarskẹ, 'Ka:lcẹnẹ, K'le:itẹnẹ, K'lencẹnẹ, K'lübarnẹ, 'Kodlẹnẹ, 'Kolmanẹ, Ko'la:rẹnẹ, Ko'va:čẹnẹ, 'Kölešnẹ,

K’mętęnę, K’råjcarnę, ’Kujsarnę, ’Kularnę, ’Kutęnę, ’Küžarnę, 'Låjošnę, 'La:zarnę, 'La:zarskę, Lę’cüvęnę, 'Lęnkęnę, Lo'ča:ręnę, 'Lonkęnę, 'Lujzkęnę, 'Mågašnę, 'Ma:lekęnę, Ma'sa:ręnę, 'Mo:ucekęnę, 'Mårkęnę, Mar'činkęnę, 'Ma:nkošnę, Mę’jo:ukęnę, Mę’jo:ukecęnę, Męk'lo:ušęnę, M'li:narskę, 'Nejskęnę, 'Nęmatnę, 'Nu:sarskę, Of'ča:rskę, 'Onzęnę, 'Pålkęnę, Pan'curašnę, 'Po:ulęnę, 'Po:ušarnę, 'Petarnę, 'Pękęnę, 'Pękoskę, 'Pi:ntarnę, 'Poštojskę, P'ro:udarnę, P'ra:jzęnę, 'Pülcęnę, 'Ro:udašnę, Ro'va:tęnę, 'Rugolskę, Sa'bo:ulęnę, Sa'bo:uskę, 'So:ucarnę, S'kinęnę, 'Sulcarnę, 'Šåfarnę, Šalak'ńa:kęnę, 'Šo:uštarnę, 'Ša:loskę, 'Šeręnę, Šę’ničęnę, Ška'pe:iręnę, Š'poranę, Šta'va:nekęnę, Š'tęvanę, Š'te:ifarnę, Š'vorcęnę, Ta'la:nęnę, 'Tinękovę, 'Tišlarskę, 'Tonękęnę, 'Tošęnę, 'Törkęnę, 'Törökovę, ’Trńašnę, 'Tučkęnę, 'Turekęnę, 'Upkašnę, 'Va:ncarnę, 'Va:nkęnę, 'Vu:kęnę, 'Za:fcęnę, Z'nückęnę, Zvo’na:rskę, Žę’pånęnę, Ž'nindarnę, 'Žužkęnę.

4.2 Hišna imena v Števanovcih

'A:jdanę, 'Ba:karst'ę, 'Będęnę, 'Be:ibarst'ę, 'Bödrašt'ę, Br'gåncęnę, B'rožęnę, 'Čubęnę, 'D'urat'ęnę, 'D'ürcęnę, Do’le:ińęnę, ’Doręnę, ’Ę:našt'ę, Fa're:inščęnę, Fęš'ka:lęšnę, For'd'a:nęnę, G'råbarnę, 'Ka:lcęnę, K'mętęnę, Ko'la:rst'ę, Ko'mętarst'ę, 'Kondarnę, 'Ko:ucęnę, Ko'va:čęnę, Ko'zo:ulęnę, K'ra:ncęnę, 'Kurdęnę, 'Lošęnę, 'Lujęnę, 'Lujzat'ęnę, 'Måd'arnę, 'Ma:tęvę, Mę’jålęnę, 'Mindašt'ę, M'li:narnę, 'Mondęst'ę, 'Öčęnę, ’Petarnę, ’Petręnę, 'Pincat'ęnę, 'Pi:ntarnę, 'Pö:išt'ęnę, 'Pö:ikńastę, P’re:išarnę, P'rolęnę, 'Pufarnę, 'Ruobanęnę, 'Röfcęnę, ’Ruglast’ę, ’Rumęnę, Sat’ka:ręnę, ’Se:ičarnę, So'dö:it’ęnę, ’Totost’ę, T’råreęnę, Tr’ńa:ręnę, ’Vu:čt'ęnę, 'Ša:farcęnę, 'Ša:lost'ę, 'Ša:ndorst'ę, 'Šåt'ęnę, 'Šębarst'ę, 'Suolęnę, 'Šo:uštarnę, Š'poranę, Š'tot'ęnę, 'Šumęst'ę, 'Žužęnę, Zę'da:ręnę, Z've:iręnę.

Literatura

Adanič, J. (2009) Ledinska in hišna imena v občini Turnišče. Diplomsko delo.

Bezlaj, F. (1976, 1982, 1995, 2005) Etimološki slovar slovenskega jezika A–J; K–O; P–S; Š–Ž. Ljubljana, SAZU.

Keber, J. (2001) Leksikon imen. Celje, Mohorjeva družba.

Kozar, M. (szerk.) (1999) Etnologija Slovencev na Madžarskem 2. Budapest.

Kozar-Mukič, M. (1984) Slovensko Porabje. Ljubljana – Szombathely.

Kotnik-Šipec, M. (2004) Stara hišna imena na Polzeli. Polzela: samozaložba.

Mukič, F. (1978) Gornjeseniški govor. Diplomsko delo. FF Ljubljana.

– – (2005) Porabsko-knjižnoslovensko-madžarski slovar. Szombathely.

Novak, F. – Novak, V, (1996) Slovar beltinskega prekmurskega govora. Murska Sobota: Pomurska založba.

Pleteršnik, M. (1894-95) Slovensko-nemški slovar. Ljubljana.

Snoj, M. (1997-2003) Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, Mladinska knjiga.

Stanonik, M. (2005) Hišna imena v Žireh. Maribor, Slavistično društvo.

Slovar slovenskega knjižnega jezika (elektronska oblika), 1995. Ljubljana, DZS.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 185-197
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.185

Dorota Dziewońska-Kiss
(Węgry, Budapeszt)

JĘZYKOWY OBRAZ CZTERECH ŻYWIOŁÓW W POLSKIEJ I WĘGIERSKIEJ FRAZEOLOGII

Abstract: The aim of present article is the reconstruction of the linguistic image of fire, water, air and earth fixed in Polish and Hungarian phraseology and colloquial language. By analysing these concepts it is possible to identify e.g. according to what spoken criteria individual speakers conceptualize, categorize and evaluate the world.

Keywords: linguistic image of the world, phraseology, conceptualization, evaluation

Człowiek obserwując otaczający go świat (zjawiska przyrody, świat roślinny i zwierzęcy, samego siebie, swoje zachowanie) kategoryzuje go, konceptualizuje i wartościuje. Swoje refleksje rejestruje w języku w postaci związków frazeologicznych, przysłów, metafor, sentencji, maksym[*] itp. tworząc tym samym obraz świata właściwy kulturze, w której przyszedł na świat, w której dorastał, w której nadal żyje, z której czerpie utarte wzorce i głęboko zakotwiczone informacje dotyczące obyczajów, tradycji, systemu wartości itp.

Celem niniejszego artykułu jest rekonstrukcja obrazu czterech żywiołów – ognia, wody, ziemi i powietrza – zarejestrowanego w polskiej i węgierskiej frazeologii oraz mowie potocznej. W pracy przyjmujemy za Bańczerowskim, że językowy obraz świata jest podmiotową interpretacją rzeczywistości obiektywnej, jest jej metaobrazem. „Językowy obraz świata jest niczym innym, jak obrazem istniejącej rzeczywistości obiektywnej postrzeganej przez użytkowników języka, posiadających podobne doświadczenia i wyznających podobne wartości. Językowy obraz świata możemy także interpretować jako rodzaj wiedzy o rzeczywistości, będący zarazem jej nośnikiem. Jest to nic innego, jak mentalna mapa informacyjna człowieka, jego wewnętrzny obraz świata, który jest integralną częścią języka i ponieważ obraz ten może istnieć tylko w języku, jest w nim więc zakodowany i utrwalony w postaci alinearnej struktury kognitywnej. Nie jest to naukowy obraz świata, lecz jego naiwny, codzienny, subiektywny obraz" (Bańczerowski 2008: 140).

Myślenie ludzkie jest metaforyczne. „Nasycenie języka metaforami i metonimiami wynika z tego, że dzięki nim człowiek – za pośrednictwem

[*] Ze względu na ograniczenia dotyczące objętości artykułu w pracy wykorzystano tylko część zebranego materiału. Przykłady i ich znaczenia zaczerpnięto ze słowników frazeologicznych i zbiorów przysłów wykazanych w bibliografii.

doświadczeń zmysłowych – może zrozumieć, a następnie nazwać te sfery rzeczywistości, które są niedostępne ludzkim zmysłom" (Waszakowa 2009:53).

Opisując znaczenie interesujących nas pojęć bierzemy pod uwagę asocjacje jakie one wywołują u nosicieli języka oraz ich cechy konotacyjne (por. Waszakowa 2009: 57). Znaczenie nie zostaje zatem ograniczone do haseł słownikowych, zostaje wzbogacone o różne aspekty, o różne modele konceptualizacji. W takim ujęciu interpretacja na pozór uniwersalnych zjawisk czy pojęć może się różnić w odmiennych językach i zależeć będzie od ich potocznych obrazów.

Omawiane przez nas zjawiska z jednej strony kojarzone są z siłą niszczącą, z drugiej zaś z życiodajną. Ogień niszczy i oczyszcza, daje światło i ciepło, woda jest źródłem życia, oczyszcza, jest w ciągłym ruchu, także niszczy. Ziemia symbolizuje płodność, ostoję za życia i po śmierci, powietrze to wolność, nieskończoność, a jego brak to śmierć. Każde z nich sieje zniszczenie, spustoszenie, a tym samym umożliwia zaprowadzenie nowego porządku, łączy w sobie dobro i zło, chaos i porządek (por. Mazurek 2007).

Ogień przede wszystkim kojarzy się ze **światłem**, **blaskiem** i **ciepłem** co znajduje swoje potwierdzenie w takich przykładach jak: *Blask, żar ognia; Ogień złota, klejnotów, kamieni* 'blask, połysk', *Gorzeć ogniem (o słońcu)* 'świecić jaskrawym blaskiem', *Ogień błyska, migocze (migoce), rzuca blask, iskrzy, świeci; Ciepło ogniska domowego* itp.

Wartościowanie **pozytywne** ognia wynikające z cech 'daje światło i ciepło' motywuje kolejne użycia tego pojęcia: *Ognisko domowe* 'dające ciepło, spokój i bezpieczeństwo', *Oczy pełne ognia* to oczy pełne blasku, miłości, *Ogień miłości, wiary* 'silne uczucie', *Iskrzyć się ogniem* 'u kogoś widać energię, zapał, namiętność, temperament', *Közel ül/van a tűzhoz* [Siedzi/jest blisko ognia] 'ktoś ma dobre kontakty, możliwości', *Aki közelebb ül a tűzhöz, jobban melegszik* [Kto siedzi bliżej ognia, ten się lepiej ogrzeje] 'ktoś czerpie korzyści ze znajomości osób uprzywilejowanych' itp.

Ogień wywołuje **strach**, co aktywizuje takie połączenia jak: *Lękać się jak ognia; Obawiać się jak ognia, gorzej ognia; Strzec się, wystrzegać się, unikać czego, stronić, uciekać od czego jak od ognia; Bać się czegoś/kogoś jak ognia = Fél valamitől/valakitől, mint a tűztől* 'bać się, lękać się bardzo, wystrzegać się czegoś'.

Obserwacje ognia i jego **zmieniającej się mocy** – *Ogień bije, bucha, uderza, dopala się, gaśnie, tli się, zamiera, toczy się, zrywa się, cichnie, słabnie, góruje, przenosi* – pozwoliły na ujmowanie go jako siły o różnej intensywności w różnym czasie – *Ogień pali, grzeje, parzy, piecze*.

W potocznym obrazie świata leksem ogień przejawia się w kontekstach nawiązujących na przykład do **uczuć człowieka**: *Słomiany ogień* 'o krótkotrwałych i szybko przemijających uczuciach', *Ogniste spojrzenie* 'namiętne', *Kialszik vminek a tüze* [Zgasł ogień czegoś] 'stracić uczucia', do

jego **stanu psychicznego i emocjonalnego**: *Ogień bije, bucha, uderza, występuje na kogoś, komuś na twarz* ‘ktoś dostaje wypieków, rumieńców, kolorów; rumieni się, staje w pąsach’, *Gorzeć, pałać, płonąć ogniem, świętym ogniem* ‘o kimś: doznawać silnych przeżyć, rwać się do czegoś; ujawniać rumieńcem silne przeżycia, zapał’, do **cech charakteru**: *Ognisty temperament; Ogniste usposobienie* ‘żywe, namiętne’, *Ktoś z siarki i ognia; Istny ogień* ‘ktoś bardzo żywy, energiczny, gwałtowny, porywczy, niepohamowany, mający bujny temperament’, *Ogień młodzieńczy* lub *Ogień młodości* ‘zapał, gorący temperament’ lub **jego zachowania czy stanu fizycznego**: *Coś piecze, pali kogoś (żywym) ogniem, jak ogień* ‘ktoś cierpi z powodu przejmującego, piekącego, przeszywającego bólu’, *Z ogniem robić coś* ‘robić coś zapałem, z pasją, z energią, z werwą’, *Twarz w ogniu; Stanąć w ogniu; Olyan, mint a tűz* [Taki jak ogień] ‘twarz w rumieńcach’, *Olyan lett, mint a tűzláng* [Zrobił się taki jak ogień] ‘zarumienić się gwałtownie’, *Kialszik a tűz vkiben* [W kimś zgasł ogień] ’stracić chęć do czegoś, stracić zapał do czegoś’, *Veri a tűzet* [Bije ogień] ‘kłóci się’ itp.

Utrwalony w wyobraźni stereotypowy obraz ognia i jego siły odzwierciedlają również połączenia typu: *Ogień dyskusji, polemiki, sporu* itp. charakteryzujące nasilenie bardzo ożywionej, namiętnej lub burzliwej dyskusji oraz *Ogień krzyżowy = Két tűz közé* ‘być atakowanym z dwóch stron, być zarzucanym pytaniami’, *Rozniecać ogień = Kiveri a tűzet* ‘robić awanturę’ itp.

Niektóre metaforyczne wyrażenia wskazują na powagę niebezpieczeństw i zagrożenie życia jakie niesie ze sobą ogień: *Pójść, rzucić się, skoczyć dla kogo, za kogo, za kim, na czyjś rozkaz, skinienie w ogień; Tűzbe is elmegy* [Nawet w ogień wejdzie] ’być gotowym dla kogoś na wszystko; być gotowym oddać życie za kogoś; uczynić, poświęcić wszystko dla kogoś’ itp.

Połączenie ognia z różnymi substancjami wywołuje różne reakcje. Reakcje te porównane i przeniesione na płaszczyznę emocji i zachowań ludzkich stały się źródłem takich frazeologizmów jak: *Trudna zgoda z ogniem woda; Nie dolewaj oliwy do ognia = Nem jó a tűzre olajat önteni* ‘niebezpieczne działanie, sytuacja może ulec pogorszeniu*; Dolewać oliwy do ognia = Olajat önt a tűzre* ‘zaostrzenie sytuacji’, *A tüzet olajjal oltani* [Gasić ogień oliwą] ‘daremne starania, niecierpliwością i złością nie można zawrzeć pokoju’ itp.

W niektórych przypadkach ogień postrzegany jest jako **ISTOTA** będąca w ciągłym ruchu: *Ogień tańczy, obejmuje coś, ogarnia, pnie się, szaleje*. Można się z nią bawić: *Igrać z ogniem = Játszik a tűzzel* ‘zachowywać się nieostrożnie, nierozważnie’ lub paść jej ofiarą: *Paść ofiarą ognia* itp.

Część przykładów wskazuje na animizację tego pojęcia. Ogień traktowany jest jak **ZWIERZĘ**: *Ogień pożera, trawi kogoś albo czyjeś wnętrzności* ‘ktoś doznaje silnego bólu fizycznego; ktoś przeżywa gwałtowne uczucia’, *Grzywa ognia* ‘słaby, wątły’.

W języku węgierskim ogień nazywany jest **CZERWONYM KOGUTEM**: *Vkinek a házára küldi a vörös kakast* [Wysłać do czyjegoś domu czerwonego

koguta], *Vörös kakast röpít vkinek házára* [Czerwonego koguta rzucić na czyjś dom] ‘podpalić dom‘, *Leszáll a vörös kakas vhova* [Czerowny kogut gdzieś osiadł] ‘coś się zapaliło’.

Ogień charakteryzuje **szybkie rozprzestrzenianie się**. Konotuje więc cechę ‘działa bardzo szybko’: *Upiec dwie pieczenie przy jednym ogniu* ‘załatwić dwie sprawy za jednym zamachem, posunięciem’, *Prędki jak ogień; Wpaść jak po ogień* ‘wpaść, przyjść gdzieś na chwilę, odejść skądś szybko, spieszyć się’, *Coś szerzy się jak ogień = Terjed, mint a tűz* ‘gwałtownie, bardzo szybko’, *Olyan vkinek az esze, mint a tűz* [Ma rozum jak ogień], *Valóságos tűz vkinek az esze* [Ma rozum jak prawdziwy ogień] ‘ktoś bardzo szybko myśli, szybko podejmuje decyzje’, *Úgy dolgozik, mint a tűz* [Pracuje jak ogień] ‘bardzo szybko’ itp.

Ogień wydaje różne **dźwięki**: *hałasuje, szumi, dudni, strzela, trzaska = pattog, trzeszczy = ropog* itp. Niekiedy przyjmuje **cechy wody**: *Ogień leje się; Fala ognia; Strumień ognia* itp.

Woda konotuje **życie, zdrowie, młodość**: *Chleb i woda, nie ma głoda; Chcesz być zdrowy, młody, nie stroń nigdy od wody; Woda hartuje; Wodę pij, wodą się myj a będziesz zdrów; Woda czyści żołądek a wódka kieszeń; Woda żywym, wino zmarłym; Woda żywi, woda broni; Niezbędny jak woda* ’niezastąpiony, potrzebny’, *A víz a legjobb ital* [Woda najlepszym napojem] ‘lepiej pić wodę niż alkohol’.

Charakterystyczną cechą wody jest jej **ciągły ruch**. Ruch wprowadza zmiany, nie daje pewności, stąd takie metaforyczne użycia jak: *Patykiem na wodzie pisane* ’coś niepewnego’, *Jak woda nie trzyma się gór, tak zemsta nie trzyma się dobrego serca.* Istotny jest także **kierunek** tego ruchu: *Płynąć z wodą* ’postępować tak jak wszyscy’, *Coś jest wodą na czyjś młyn* – ’coś jest po czyjejś myśli; coś ułatwia komuś realizację danego przedsięwzięcia’, *Iść, płynąć przeciw wodzie = Víz ellen úszik* ’postępować wbrew przyjętym obyczajom i tendecjom, sprzeciwiać się’, *Ciagnąć wodę na swój młyn = Saját malmára hajtja a vízet* ’wykorzystywać okoliczności’, *A víz is örömestebb jár a szokott úton* [Woda też chętniej płynie tą samą drogą] ’najbezpieczniejsze jest to, co sprawdzone’, *A víz is oda siet, ahol sok van* [Woda tam się spieszy, gdzie jest jej dużo] ‘szczęście bogatym sprzyja’ itp.

Niekiedy woda tylko pozornie może być spokojna. W potocznej interpretacji woda oceniania jest jako **siła**, której natężenia i skutków przewidzieć nie można: *Jeśli woda spokojna, nie sądź, że nie ma w niej krokodyli; Cicha woda* ’o kimś tylko na pozór spokojnym’, *Woda wielką górę obali, gdy często i wolno podmywa; Na wodzie jak na wojnie; Cicha woda brzegi rwie = Lassú víz partot mos; Veszteg álló viznek, hallgató embernek nem kell hinni* [Cichej wodzie, cichemu człowiekowi nie należy wierzyć] itp.

Woda tak jak i ogień często nacechowana jest **pejoratywnie**. Ujemne cechy wody zarejestrowane zostały we frazeologii odzwierciedlającej **bezsensowne, daremne, bezmyślne, bezcelowe, bezprzedmiotowe czynności człowieka**:

Wodę grabiła, piasek wiązała, po tej robocie trzy dni leżała; Wodę czerpie przetakiem, kto bez ksiąg chce być żakiem; Wodę czerpać sitem (przetakiem); Wodę warzyć, woda będzie; Patrzeć, gapić się jak kozioł na wodę; Lać wodę do dziurawego naczynia; Daleka woda ognia nie gasi; Wodę lać do morza (studni, krynicy); Vizet hord a Dunába [Wodę nosi do Dunaju], *Erdőre tőkét, tengerbe vízet* [Do lasu dynię, do morza wodę] lub jego **świadome działanie**: *Robić komuś wodę z mózgu* 'manipulować zbiorową świadomością, fałszywie przedstawiać obraz rzeczywistości, ogłupiać', *Coś jest kroplą wody na rozpalony kamień* 'coś natychmiast znika, coś nie ma znaczenia', *Spływa jak woda po kaczce, po gęsi; Lepereg vkiről vmi, mint kutyáról a víz* [Spływa jak woda po psie] 'niczym się nie przejmuje', *Bort iszik és vízet prédikál* [Wino pije a wodę predykuje] 'innym doradza, a sam źle postępuje', *Nem sok vizet zavar* [Nie wiele wody mąci] 'nie wyróżnia się, nie wtrąca się', *A víz mindent levisz, csak a bűnt nem* [Woda wszystko zabierze tylko grzechu nie] 'nie można zapomnieć o popełnionym błędzie' itp.

Pozytywne wartościowanie wody widoczne jest w następujących przykładach: *Wtedy się wodę szanuje kiedy jej w studni zabraknie; Kto wpada do wody nie boi się deszczu; Po dobrej strawie dobra i woda w stawie; Wypływać (wypłynąć) na szerokie wody* 'zyskać rozgłos, zrobić karierę', *A víztől is jó kedve van* [Od wody też ma dobry nastrój] 'bez powodu ma dobry humor' itp.

Woda to także **głębia**, w której odnaleźć kogoś lub coś nie jest łatwo: *Rzucić się na głęboką wodę* 'porwać się na coś wielkiego, wręcz niosiągalnego', *Utopić końce w wodzie* 'zatrzeć ślady', *Coś wpadło w wodę* 'coś nie odniosło żadnego skutku, poszło na marne', *Rzucić (wrzucić) kogoś na głęboką wodę = Bedobták a mélyvízbe* 'postawić kogoś przed trudnym zadaniem, pozostawić kogoś własnym siłom', *Przepaść jak kamień w wodę = Elvesztett mint kő a vízben* 'zniknąć bez śladu', *Lenyom a víz alá vkit* [Wcisnąć kogoś pod wodę] 'postawić kogoś w trudnej sytuacji', *Vízbe esik* [Wpaść do wody] 'niepowodzenie', *Vízre tesz* [Włożyć do wody] 'wykluczyć kogoś z czegoś', *Vízre visz* [Wprowadzić do wody] 'oszukać kogoś', *Vízben hagy* [Zostawić w wodzie] 'zostawić kogoś samemu sobie, zostawić na łaskę losu', *Bújj(on), menj(en) a víz alá (száradni)!* [Schowaj się po wodę!] 'zniknij, nie rozpowiadaj takich rzeczy', *Mélyvízbe vetetted a hálódat* [Stawiać na głęboką wodę] 'zaczynając coś poważnego należy być świadomym skutków' itp.

W języku węgierskim wyrażenie *Kint van a vízből* [Wyszedł z wody] informuje o wyjściu z kłopotów, o rozwiązaniu problemów. W języku polskim zarejestrowane zostało to w związku *Wypłynąć na czystą wodę* 'wyjść z kłopotów, pokonać trudności'.

Czystość, jako kolejna cecha konotacyjna wody, realizuje się w takich wyrażeniach jak: *Woda czysta jak kryształ; Coś czystej wody* 'pierwszej jakości, prawdziwy, autentyczny', *W mętnej wodzie nikt się nie przejrzy; Tiszta vízet önt a pohárba* [Nalać czystej wody do szklanki] 'wyjaśnić sytuację,

szczerze mówić', *A tiszta vízet is megszűri, hogy zsírt találjon benne* [Czystą wodę też przecedzi, żeby znaleźć w niej tłuszcz] 'o skąpym człowieku' itp.

Stan czystości wody może jednak ulec zmianie. Obraz mętnej wody motywuje na przykład takie zwroty jak: *Tonący z reguły mąci wodę; Mącić wodę = Felkavarja a vízet* 'wprowadzać zamieszanie', *W mętnej wodzie ryby łowić = Zavaros vízben halászik* 'osiągać zyski z nieuczciwej działalności', *Zavaros vízben jó halászni* [W mętnej wodzie lepiej łowić ryby] 'w niełądzie łatwiej jest się wykazać'. W większości przypadków mętna woda ma wydźwięk negatywny.

Obserwacje wody, a właściwie **ilości** (dużo/mało) jej **przepływu** w czasie (krótko/długo) znajdują swoje odzwierciedlenie w takich użyciach jak: *Dużo wody już upłynęło; Dużo wody jeszcze upłynie, nim się to stanie (nastąpi)* 'minęło/minie wiele czasu', *Nie wraca się nazad upłyniona woda* 'co się stało to się nie odstanie', *Coś idzie jak woda* 'bardzo szybko się sprzedaje', *Pieniądze płyną/idą jak woda* 'szybko i dużo', *Kropla w morzu = Csepp a tengerben* 'niewiele, bardzo mało', *Addig még sok víz lefolyik a Dunán* [Do tego czasu jeszcze dużo wody upłynie w Dunaju] 'musi minąć wiele czasu', *Olyan sok, mint a tenger vize* [Tak dużo ja wody w morzu] 'bardzo dużo' itp.

Ponieważ woda może mieć różną **temperaturę**, często pojawia się jako element frazeologizmu, za pomocą którego określany jest **stan psychiczny, fizyczny** lub **cecha charakteru** człowieka: *Jakby go zimną wodą oblał* 'przestraszył się, zląkł', *W gorącej wodzie kąpany* 'niecierpliwy', *Letnia woda* 'o kimś nie mającym wyrazu, obojętnym, bez temperamentu', *Langyos víz* [Letnia woda] 'głupiec' itp.

Z wodą związane są także metaforyczne użycia mówiące o **wadach** ludzi – *Lać wodę* 'mówić nie na temat, kłamać', *Hazudik, mint a vízfolyás* [Kłamie jak bieg/prąd wody] 'kłamać, wypowiadać się w sposób niekonkretny', *A víz is méreggé válik benne* [Woda się w nim też zamieni w truciznę] 'bardzo złośliwy człowiek' ich **wzajemnych stosunkach** – *Utopić kogoś w łyżce wody = Egy kanál vízben meg tudnám fojtani* 'rzyczyć komuś bardzo źle, nienawidzić kogoś', *Egy kanál vízben elvesztené, ha lehetne* [Gdyby to było możliwe, utopiłby w łyżce wody] 'złośliwy człowiek', **stopniu pokrewieństwa i podobieństwa** – *Dziesiąta woda po kisielu* 'bardzo dalekie pokrewieństwo', *Ktoś podobny do kogoś jak dwie krople wody* 'zupełnie taki sam, łudząco podobny', *Jakie źródło, taka woda* 'jacy rodzice, takie dzieci', *Vér nem válik vízzé* [Krew nie przemieni się w wodę] 'nie można zatrzeć swojego pochodzenia', **o sposobie zachowania** – *Nabrać wody w usta* 'milczeć', *Kiveri a víz* [Oblany wodą] 'spocić się, przestraszyć się', *Felkapja a vízet* [Chwyci wodę] 'zdenerwować się', *Csorog, folyik a víz vkiről* [Z kogoś cieknie, leje się woda] 'poci się, walczy z problemami', *A víz se mossa le vkiről* [Nawet woda z niego nie zmyje] 'niepoprawne, wstydu warte zachowanie, którego nie da się zapomnieć' **o cechach charakteru** *Krew nie woda* 'duży temperament', *A sziklából is vizet facsar* [Ze skały też wyciśnie wodę] 'oszczędny, skąpy',

Szomju ökörnek zavaros víz is jó [Spragnionemu wołu i mętna woda też jest dobra] 'należy się cieszyć z tego co się ma' itp.

Warto także wspomnieć o konceptualizacji **WODA TO ISTOTA ŻYWA** realizującej się w przykładach zaczerpniętych z języka polskiego: *Woda bełkocze; Woda idzie; Iść z wodą, Woda szemrze, szepce* itp.

Powietrze jest niezbędne do życia: *Sześć rzeczy do pożytku i wygody upatrują: powietrza zdrowego, miejsca wysokiego, miasta bliskiego domu wygodnego sąsiada szczerego, przyjaciela słownego.*

Wywołuje asocjacje wolności, swobody, możliwości szybkiego przemieszczania się, chociaż dawniej kojarzone było z zarazą: *Morowe powietrze.*

Powietrze w przeciwieństwie do ognia, wody i ziemi jest niewidoczne/przezroczyste. „[...] jest wszędzie, choć jest nienamacalne – o wszechobecnym szczęściu: szczęście jak powietrze: nie chwycisz, a jest wszystkim i we wszystkim" (Wysoczański 2006: 96). Cechy te uaktualniają się w takich wyrażeniach jak: *Być dla kogoś powietrzem; Traktować kogoś jak powietrze = Levegőnek néz valakit*, których interpretacja może być różna. Z jednej strony mamy do czynienia z konotacją 'potrzebne do życia' = 'ktoś jest dla kogoś bardzo ważny, ktoś bez kogoś nie może żyć', z drugiej zaś 'niewidoczne' i 'nie warte uwagi' = 'nie przejmować się kimś, nie traktować kogoś poważnie, lekceważyć kogoś' (por. Dobrzyńska 1994: 85-87). Ujemną konotację powietrza rejestrują także wyrażenia *Wisi w powietrzu = A levegőben lóg* 'coś niepewnego, coś niebezpiecznego, coś zaraz nastąpi', *A levegőbe beszél* [Mówić do powietrza] 'mówić na próżno'.

Większość frazeologizmów uwzględnia zatem naturalne cechy powietrza (nieuchwytne, niewidoczne, bezbarwne, dostępne). Dokumentują to takie zwroty jak: *Rozpłynąć się w powietrzu* 'zniknąć bez śladu', *Na powietrzu coś pokazać* 'fantazjować, zmyślać', *Powietrze, woda, bór i panna wolne każdemu; Budować pałace, zamki na powietrzu = Levegőre épít* [Budować na powietrzu] 'snuć nierealne projekty', *A levegőből él* [Żyje z powietrza] 'nie widać, żeby miał dochody, nie wiadomo z czego żyje'.

Potoczne wyobrażenie powietrza akcentuje jego **czystość** i **potrzebę**: *Nie zatruwaj powietrza! = Ne rontsd itt a levegőt!, Zatruwa powietrze = Rontja a levegőt* 'ktoś jest zbędny, powinien wyjść', *Tiszta a levegő* [czyste powietrze] 'nie ma w pobliżu nikogo, kto by przeszkadzał lub sprawiał problemy', *Levegőhöz jut* [Złapać powietrza] 'czyjaś sytuacja materialna poprawiła się' itp.

W języku węgierskim znaleźliśmy także wyrażenie z komponentem powietrze, które charakteryzuje człowieka **chciwego, zachłannego**: *Még a levegőt is bérbe adná* [Nawet powietrze ma do wynajęcia] 'o kimś zachłannym', *Elszívja előle a levegőt is* [Wysysa przed nim powietrze] 'pasożytować, wykorzystywać kogoś' itp.

Dominującą konceptualizacją ziemi jest **ZIEMIA TO MATKA**, która *rodzi, płodzi, karmi*. Ziemia symbolizuje zatem płodność, istnienie, życie, świętość. Cechy te ralizują się w takich użyciach jak: *Ziemia rodzi; Macierzysta ziemia; Ziemia wszystkich pospolita matka; Nie rodzi ziemia nie wziąwszy nasienia; Co się z ziemi rodzi, do ziemi wchodzi; Ziemia karmicielka; Ziemia żywicielka; Matka ziemia = Anyaföld; Syn ziemi = Föld fia; Łono ziemi = Föld méhe* itp. Kilka frazeologizmów uwypukla profil **ZIEMIA TO KOBIETA**, która jeszcze nie rodziła: *Dziewicza ziemia = Szűz föld* lub nie jest w stanie rodzić: *Niepłodna/bezpłodna ziemia = Meddő föld.*

Ważnym profilem w obrazie ziemi jest profil **ZIEMIA TO WŁASNOŚĆ OJCÓW/PRZODKÓW**. Potwierdzają to takie wyrażenia jak *Ziemia ojczysta; Ojczyzna, Ojcowizna; Ziemia ojców = Apai föld; Ziemia pradziadów = Ősatyáink földje* itp.

W polu semantycznym ziemia mieści się profil **ZIEMIA TO RODZINA/DOM RODZINNY**: *Rodzinna ziemia = Szülőföld; Őshaza* [Dom przodków] itp.

Użytkownicy języka obserwując ziemię przypisują jej cechy **ISTOTY ŻYWEJ**: *Szczęśliwy gospodarz, którego się ziemia słucha; Ziemia budzi się ze snu* 'przyroda ożywia się o świcie', *Ziemia jęczy, stęka, grzebie, pochłania, pożera, dygoce, drży; A föld alszik, dobog, dübörög, elnyel, forog, hall, imbolyog, lát, lélegzik, megmozdul* [Ziemia śpi, bije, dudni, połyka, kręci się, słyszy, chwieje się, widzi, oddycha, porusza się] itp., *A föld is öregszik* [Ziemia też się starzeje], *A föld gyomrában, méhében, belsejében* [W żołądku, macicy, wnętrzu ziemi], *A föld szíve dobban* [Serce ziemi bije], *A föld hátán* [Na plecach ziemi], *A föld ritkán lát havat* [Ziemia rzadko widzi śnieg] itp. (por. Bańczerowski 2008: 240).

ZIEMIA TO MIEJSCE, którego się **pragnie**: *Ziemia obiecana* 'miejsce pożądane', które nie tylko gwarantuje **bezpieczeństwo**: *Trzymać się ziemi; Eltart a föld, csak legyen mit ennünk* [Ziemia nas utrzyma, tylko żeby było co jeść] 'nadzieja, że nie umrzemy z głodu', ale zapewnia **realistyczny ogląd świata**: *Stać obiema nogami na ziemi* 'być realistą', *Sprowadzić kogoś na ziemię* 'pokazać rzeczywistość, przywołać do porządku', *Zejść na ziemię* 'zacząć realnie myśleć', *Nie z tej ziemi* 'jak nie z tego świata', *Spaść na ziemię* 'wrócić do rzeczywistości', *uciekać od ziemi* 'myśleć o sprawach nierealnych, uciekać od rzeczywistości' *Chodzić, stąpać po ziemi = Földön jár* 'być realistą, być pewnym siebie' itp.

Zachwianie obrazu ziemi jako miejsca stabilnego i bezpiecznego wywołuje asocjacje związane z problemami, kłopotami: *Ziemia/grunt się pali komuś pod nogami = Ég a föld a talpa alatt; Ziemia/grunt usuwa się pod nogami = Kicsúszik a talaj a lába alól* 'być w kłopotach', *Zmieść z powierzchni ziemi = Eltűnik a föld színéről* 'zniknąć, zlikwidować' itp.

W języku węgierskim dużą uwagę zwraca się na uprawę i jakość ziemi. Plony daje tylko ta ziemia, o którą się dba, którą się uprawia: *Amely földet nem*

szántanak, azon gazt aratnak [Z ziemi, której się nie uprawia, zbiera się chwasty] ‘gdzie się nie pracuje tam nie ma wyników’, *Szántatlan földön gaz terem* [Na nieuprawianej ziemi rosną chwasty], *Sok trágyát kiván a sovány föld* [Kwaśna ziemia potrzebuje wiele nawozu], *Nyugodt föld jobban termi a buzát* [Na spokojnej ziemi lepiej rośnie pszenica], *Hantos földben terem a jó búza* [W oranej ziemi rośnie dobra pszenica] itp.

Na obraz ziemi – miejsca bytu człowieka – składa się także interpretacja tego co znajduje się pod jej powierzchnią, czyli obszarów niewidocznych, trudno osiągalnych: *Pojawiać się/wyrastać/wyskoczyć jak spod ziemi* ‘nagle, nieoczekiwanie’, *Zapaść się pod ziemię* ’zniknąć’, *Choćby pod ziemią wynajdzie = A föld alól is előkerítí* ‘znajdzie za wszelką cenę’ itp.

Podziemie to również miejsce spoczynku po śmierci: *Gryźć/gryzie ziemię* ’umrzeć; nie mieć co jeść’, *Spoczywać w ziemi; Gnić w ziemi; Wrócić do matki ziemi; Oddać kogoś ziemi; Niech mu ziemia lekką będzie = Legyen könnyű neki a föld; Földbe megy* [Idzie do ziemi] itp.’umrzeć; być pochowanym’.

Pozytywne wartościownie ziemi często związane jest z oceną **charakteru** i **zachowania** człowieka: *Niegodzien stąpać po tej ziemi* ’o kimś podłym, bardzo złym’, *Jego więcej pod ziemią niż na ziemi* ‘o człowieku skrytym, fałszywym’, *Na pszennej ziemi tak się nie urodzi, jak w głupich głowach; A föld sír alatta* [Ziemia pod nim płacze] ’ktoś leniwy’ *Alszik, mint a fekete föld* [Śpi jak czarna ziemia] ‘głęboko śpi’, *Annyit szenvedett, mint a fekete föld* [Cierpiał tyle co czarna ziemia] ‘bardzo dużo cierpiał’ itp.

Negatywne nacechowanie ziemi głównie widoczne jest w języku węgierskim, co potwierdzają następujące przykłady: *Rest, mint a föld* [Leniwy jak ziemia] ‘bardzo leniwy’, *Részeg, mint a föld* [Pijany jak ziemia] ‘bardzo pijany’, *Leissza magát v. leszid, lehord, leszól vkit v. vmit a sárga földig* [Upił się lub rozniósł, zwymyślał kogoś do żółtej ziemi], *Olyan buta/ostoba mint a föld* [Głupi jak ziemia] ’bardzo głupi’, *Úgy elfelejtette, mint a föld* [Zapomniał tak jak ziemia] ‘zupełnie zapomniał o kimś/czymś’, *Szíja már a föld* [Już go ziemia wsysa] ‘ktoś umiera’, *Olyan süket, mint a föld* [Głuchy jak ziemia] ‘bardzo głuchy’, *Olyan szótlan, mint a föld* [Taki małomówny jak ziemia] ‘nic nie mówi, milczy’, *Elfogja a föld hidegje* [Złapało go zimno ziemi] ‘ktoś bardzo się boi’, *Hideg, mint a föld* [Zimny jak ziemia] ‘człowiek okrutny, bez serca’ *Przyziemny = Földhözragadt* ‘dotyczący codziennych spraw, banalny, zwykły’ itp. Przykłady te, podobnie jak przykłady w wartościowaniu pozytywnym, wskazują na ocenę postępowania człowieka i na jego cechy charakteru.

Świadomość niebezpieczeństw jakie niosą ze sobą żywioły potęguje ważność jakiegoś działania lub czynu i motywuje takie metaforyczne użycia jak: *Ogień i woda największa trwoga; Wyciągać, wyjmować kasztany z ognia* ‘narażać się na niebiezpieczeństwo dla czyjegoś zysku, korzyści’, *Wyciągać, wyjmować kasztany z ognia cudzymi rękami* ‘posługiwać się kimś dla własnej korzyści, nie chcąc się narażać na trud, niebezpieczeństwo’, *Iść, pójść,*

wskoczyć za kimś, za kogoś w ogień i wodę; Tűzbe megy érte [Iść za kimś w ogień], *Tűzbe teszi valakiért a kezét* [Dla kogoś rękę włoży w ogień] 'być w stanie zrobić wszystko dla kogoś; bezgranicznie ufać komuś', *Elöl tűz, hátul víz* [Z przodu ogień, z tyłu woda] 'z każdej strony zagraża niebezpieczeństwo', *Tűz, víz – vigyázz!* [Ogień, woda – uważaj!] 'należy zrobić wszystko, żeby strzec się od wody i ognia' itp.

Wszystkie żywioły postrzegane są jako zjawiska pochłaniające kogoś lub coś bez śladu, bez możliwości odzyskania: *Jak w ogień rzucił; Jak kamień w wodę; Zapaść się pod ziemię; Rozpłynął się w powietrzu* 'zniknął, przepadł', *Niech mnie ziemia pochłonie; Jakby go ziemia pochłonęła = Mintha a föld nyelte volna el; Ziemia pochłonęła = Elnyelte a föld; Zrównać (kogoś) z ziemią = Valakit a fölbe döngöl* 'poniżyć, pokonać, unicestwić' itp.

W potocznym obrazie świata z żywiołami wiążą się różne maksymy/przepowiednie: *Kto chodzi po ziemi, nie upadnie* 'kto racjonalnie myśli temu nie grozi niebezpieczeństwo', *Kto garścią ziemię nosi, góry się doczeka; Kto ma ziemię ma kłopoty; Az a föld jó, amelyik hallja a kakasszót* [Tylko ta ziemia jest dobra, która słyszy pianie koguta] 'ta ziemia dobra, która jest blisko domu', *Nie igraj z ogniem; Nie graj z ogniem bo popuścisz wodą; Nie dotykaj ognia, tedy się nie sparzysz; Ogień na dachu* 'będzie kłótnia', *Aki a tűzhoz közel jár, megégeti magát* [Kto chodzi blisko ognia, sparzy się] 'nie warto zbliżać się do władzy i osób wpływowych', *Ne fújj a tüzbe, mert szemedbe ugrik a szikra* [Nie dmuchaj w ogień, bo wpadnie ci do oka iskra], *Nie można wejść dwa razy do tej samej wody; Kto mieszka blisko wody, przygotuj się na szkody; Nie pluj w studnię bo się możesz z niej wody napić; Z suchej studni wody nie naczerpiesz; Könnyen folyik a víz lefelé* [Woda łatwiej płynie w dół] 'ostrzeżenie, łatwiej stracić dobrą pozycję niż ją zyskać', *Coś wisi w powietrzu = Lóg a levegőben; Coś czuje się w powietrzu = Valami van a levegőben* 'coś grozi, coś za chwilę nastąpi', *Puskaporos a levegő* [Powietrze pełne prochu] 'czuć napięcie'.

Ogień i woda to dwa przeciwstawne zjawiska. Porównując kogoś lub coś do ognia i wody, np: *Jak ogień i woda; To ogień z wodą; Trudna zgoda z ogniem woda* akcentujemy ich niezgodność, przeciwstawność. Do antynomii żywiołów nawiązują również wyrażenia typu: *Ziemia i morze w wiecznym są sporze; Na ziemi się rodziwszy nie szukaj morza* itp.

Cechą charakterystyczną omawianych pojęć jest ich barwa. Każde z nich (z wyjątkiem powietrza) ma swój kolor. Ziemia w potocznej charakterystyce ma najczęściej kolor czarny: *Na czarnej ziemi chleb się rodzi; Czarny jak święta ziemia; Czarny jak ziemia = Olyan fekete, mint a föld; Fekete földben terem a jó búza* [Na czarnej ziemi rośnie dobra pszenica], *Olyan piszkos, mint a föld* [brudny jak ziemia] 'bardzo brudny', czerwony (wraz z odcieniami): *Gdy piekło się żeni, ziemia się czerwieni; vörös föld* [czerwona ziemia], żółty: *żółta ziemia, żółty piach; Leissza magát a sárga földig* [Upił się do żółtej ziemi] 'jest pijany do nieprzytomności', *Nem segít már rajta, csak a sárga föld* [Nic mu już

nie pomoże, tylko żółta ziemia], *Szíja már a sárga föld* [Wsysa go żółta ziemia] ‘jest bliski śmierci’, złoty, brązowy (por. Połubińska-Gałecka 2000: 9, Bańczerowski 2008: 241) lub w języku wegierskim biały: *Fehér földre sz...k a kutya* [Na białą ziemię s...a pies] (por. tamże 2008: 241). Ogień to przede wszystkim kolor czerwony: *Czerwony jak ogień* oraz szkarłatny, purpurowy, żółty, złoty *Złote języki ognia* lub niebieski *Ogień niebieski* ‘błyskawica, piorun’. Barwa błękitna, zielona, żółta charakterystyczna jest dla określeń koloru wody, przy czym błękitna ma wydźwięk pozytywny, żółta negatywny (por. Waszakowa 2003: 113).

Analizując powyższe pojęcia należy także nadmienić, że w obu badanych przez nas językach, mieszczą się one w ramach **KATEGORII SAKRALNEJ.** Wyjątek stanowi pojęcie **powietrze**. Pozostałe leksemy są komponentami takich połączeń jak: *Święty ogień; Ogień ofiarny; Ogień wieczny; Ogień piekielny; Ogień czyśćcowy; Kult ognia; Ognie świętojańskie, sobótkowe; Niech pochłonie ogień piekielny! = A pokol tűze emésszen el!; Woda święta ziemia; Nie skropisz tego święconą wodą* ’nie błaha to rzecz, wielki grzech’, *Unikać czegoś jak diabeł święconej wody* ’bardzo unikać’, *Bać się czegoś jak diabeł święconej wody = Fél tőle, mint ördög a szenteltvíztől* ’bardzo się bać’, *Święta ziemia; Jak ziemia święta wszystko przyjmuje* ‘o kimś, kto przyjmuje wszelkie obelgi, szyderstwa’, *Nie bij świętej ziemi, bo cię nie przyjmie; Święta ziemia wszystko utrzyma; Nie wart, że go święta ziemia nosi* ’nic nie wart’, *Piekło na ziemi* ’kataklizm’, *Raj na ziemi = Földi paradicsom* itp.

Na uwagę zasługuje fakt, że we frazeologii węgierskiej **ogień, woda, ziemia** i **kobieta** to często nierozłączne pojęcia, np.: *Tűz, víz és asszony épen győzhetetlen* [Ogień, woda i kobieta w całości są niezwyciężone] ’dopóki istnieją są niezwyciężone’, *Tűz, asszony és tenger miatt vész el sok ember* [Przez ogień, wodę i kobietę straty poniosło wiele ludzi], *Tűzön, vízen, asszonyon nehéz kifogni* [Trudno pokonać ogień, wodę i kobietę], *Tűznél, tengernél, asszonyi állatnál gonoszabb nem lehet* [Nie może być gorszy od ognia, wody i samicy] ’bardzo zły’ *Tűz a vénasszony* [Ogień to stara kobieta] ‘wiele kłopotów sprawić może stara kobieta’, *A föld anya, a víz mostoha* [Ziemia jest matką, woda macochą] ’ziemia dla człowieka jest bardzo pożyteczna, woda jako żywioł może przynieść szkody człowiekowi’, *Leghamisabb víz az asszonyok könnyhullatása* [Najbardziej fałszywa woda to łzy kobiety] ’nie należy wierzyć łzom kobiety, kobiety często płaczą podstępnie’. W języku polskim fakt ten rejestruje przysłowie: *Woda, ogień i niewiasta nigdy nie powiedzą że basta.*

Dla obu analizowanych języków charakterystyczna jest konceptualizacja **OGIEŃ TO CZŁOWIEK**: *Złodziej kąty zostawi, a ogień wszystko zabierze; Ogień nigdy nie mówi dosyć; Ogień to straszny gość;*, *Ogień i woda dobrzy słudzy, lecz źli gospodarze; Olyan eleven, mint a tűz* [Żywy jak ogień] ‘bardzo żwawy’, *Hazudik, mint a tűz* [Kłamie jak ogień] ‘kłamie bez mrugnięcia okiem’ itp.

Podsumowując należy również dodać, że pejoratywne wartościowanie ziemi najczęściej występuje w języku węgierskim. W języku polskim poza porównaniem *Brudny, czarny jak święta ziemia* i *Głupota jest jak woda, wszystko pomieści* nie odnotowaliśmy przykładów mających wydźwięk negatywny.

Z przytoczonych przykładów wynika, że obraz świata w nich zarejestrowany daleko wykracza poza definicje słownikowe, według których: „***ogień*** zjawisko wydzielania się ciepła i światła towarzyszące paleniu się ciał, postrzegane w postaci płomieni i żaru; ***woda*** - ciecz bezbarwna, bez zapachu i smaku; ***powietrze*** – mieszanina gazów (głównie azotu i tlenu) otaczająca grubą warstwą kulę ziemską; atmosfera zalegająca nad danym obszarem wód lub lądu; ***ziemia*** – trzecia z kolei planeta okołosłoneczna. O kształcie elipsoidy obrotowej, składająca się ze skorupy (litosfery), płaszcza i jądra; siedlisko życia organicznego; glob ziemski, kula ziemska" (SJPSz.).

Każde z omawianych w artykule zjawisk ma jednocześnie moc destruktywną i budującą, pozbawiającą życia i życiodajną. Doświadczenia oparte na ich obserwacji motywują wiele nacechowanych emocjonalnie metaforycznych zwrotów, które służą wyrażaniu przeżyć wewnętrznych, stanów psychicznych i uczuć. Pojęcia **ogień, woda, ziemia, powietrze** stanowią więc element wypowiedzi konstruowanych dla potrzeb obrazowania świata na różne sposoby, nadają wypowiedziom wyrazistości i atrakcyjności.

Literatura

Bańczerowski, J. (2008) A föld nyelvi képe a magyar nyelvben. // A világ nyelvi képe. A világ mint a valóság metaképe a nyelvben és a nyelvhasználatban. Budapeszt, 237-246.

Bańczerowski, J. (2013) Nazwy niektórych ciał niebieskich w przysłowiach i związkach frazeologicznych języka polskiego i węgierskigo // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, (w druku)

Bańko, M (ed.) (2005) Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami. Warszawa.

Bárdosi V. (ed.) (2004) Myagyar szólástár. Szólások, helyzetmondatok, közmondsok értelmező szótára és fogalmiköri szótára. Budapeszt.

Bartmiński, J. (2006) Językowe podstawy obrazu świata. Lublin.

Dobrzyńska, T. (1994) Mówiąc przenośnie... studia o metaforze. Warszawa.

Grzegorczykowa R. – Waszakowa K. (2003) Studia z semantyki porównawczej. Część I i II. Warszawa.

Krzyżanowski, J. (1972) Nowa księga przysłów polskich i wyrażeń przysłowiowych polskich. Warszawa.

Lakoff, G. – Johnson, M. (1988) Metafory w naszym życiu. Warszawa.

Lewicki, A.M. – Pajdzińska, A. (2001) Frazeologia In: Współczesny język polski. Lublin, 315-335.

Maćkiewicz, J. (1999) Wyspa – językowy obraz wycinka rzeczywistości. In: Bartmiński, J. (ed.) Językow obraz świata. Lublin, 193-207.
Margalits E. (1995) Magyar közmondások és közmondásszerű szólások. Budapest.
Mazurek, A. Pióro z ognia. http://www.akcentpismo.pl/pliki/nr3.07/mazurek.html [2013.03.27]
O. Nagy G. (1966) Magyar szólások és közmondások. Budapest.
Pajdzińska, A. (2006) Studia frazeologiczne. Łask.
Pałczyńska, N. Dramat z ognia: symbolika barw w Irydionie. http://www.racjonalista.pl/kk.php/s,8223
Połubińska-Gałecka, E. (2000) Językowy obraz ziemi we współczesnej polszczyźnie // Poradnik językowy, zeszyt 10, Warszawa, 4-10.
Skorupka, S. (1977) Słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa.
Skorupka, S. (1964) Z zagadnień frazeologii porównawczej. In: Prace filologiczne T. XVIII. Warszawa, 119-130.
Szemerkényi Á. (2009) Szólások és közmondások. Budapest.
Szymaczak, M. (ed.) (1981) Słownik języka polskiego. Warszawa.
Waszakowa, K. (2009) Perspektywy badań porównawczych w zakresie semantyki leksykalnej w świetle językoznawczych teorii kognitywnych. LingVaria. Rok IV (2009) nr 1 (7). 49-64.
Wysoczański, W. (2006) Językowy obraz świata w porównaniach zleksykalizowanych na materiale wybranych języków. Wrocław.

Oznaczenia i skróty:
[] dosłowne tłumaczenie
= ekwiwalent
‘’ znaczenie
por. = porównaj
v. = vagy = lub
vkit = valakit = kogoś
vmit = valamit = coś

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 198-202
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.198

Виктор Александрович Федосов
(Владимир, Россия)

РУССКОЕ НАРОДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ: ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ

Abstract: Russian Folk-linguistics: Main features: 1) the first information about the language, 2) folk-etymology, 3) general linguistics information, 4) special system, 5) dialectical logic, 6) form of proverbs, 7) materialism, 8) practical purpose, 9) nationality, 10) prescientific linguistics
Keywords: Russian Folk-linguistics, folk-etymology.

Существует «народная медицина», «народная педагогика», «народная психология» и др. Существует ли «народное языкознание»? Без всякого сомнения – да. **Народное языкознание** – это совокупность представлений народа о языке (например: *Слово слову рознь*) и выработанных на их основе рекомендаций по использованию языка (например: *Поменьше слов, побольше дела*). Эти представления и рекомендации передаются (вместе с языком) от поколения к поколению устным путем, закрепляются в письменных памятниках, например, в сборниках пословиц и поговорок (см. сборник В. Даля «Пословицы русского народа»), в толковых словарях, в которых, как известно, наряду с другими словами толкуется и общенародная лингвистическая терминология*: язык, речь, слово, говорить, слушать* и др. (см. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля). Между народным и научным языкознанием нет принципиального расхождения.

1. Народное языкознание – это **самые первые сведения** о языке; соответственно и рекомендации по использованию языка (как говорить, как слушать и т.д.) не всегда конкретные. Научное языкознание – разветвленная система понятий и взглядов на язык, выработанных с использованием специального методологического аппарата; рекомендации научного языкознания (школьные грамматики, культура речи, словари и т.д.) носят конкретный, специально обоснованный характер. Лингвисты обращают внимание на то, как относятся к языку говорящие, как они понимают его, оценивают. Например, диалектологи обязательно ссылаются в своих рассуждениях на оценки речи диалектоносителями. Вся полевая лингвистика нацелена на то, чтобы максимально учесть реакции говорящих на речевые факты. Очень важны свидетельства говорящих на различение стилей речи.

2. Известным разделом народного языкознания является **народная этимология,** рассматриваемая как донаучный период в этимологии. Часто народную этимологию называют «ложной», что отчасти несправедливо. Народная этимология объясняет, в сущности, не

происхождение слов, а словообразовательные и мотивационные связи между словами в современном языке, что способствует использованию языка (*богатырь <– богатый; самоеды <– сами себя едят* и т.д.).

3. Кроме этимологии, у говорящих (у народа) имеются и **общеязыковедческие** представления о языке (примерно то, что в научном языкознание подходит под раздел «Общее языкознание»). Сюда, например, относятся такие темы (проблемы), как «язык» *(Не спеши языком – торопись делом),* «речь» *(Красна речь поговоркой*), «слово» (*Слово с делом разошлось*), «говорить – слушать» (*Меньше говори – больше слушай*), «говорить – молчать» (*Умей сказать – умей смолчать*), «думать – говорить» (*Сначала подумай, потом говори*), «слово – дело» *(Худое слово доведет до дела злого*), «спрос – ответ» (*По спросу ответ*), «правда – ложь» (*Лжей много, а правда одна)* и т.д.

4. Не будет преувеличением сказать, что общеязыковедческие представления народа – это не механическая совокупность некоторых знаний о языке, а довольно строгая **система** понятий. Всякий раз объединяются сразу два понятия – путем противопоставления их друг другу. Противопоставление это имеет не статический характер, а генетический: одно понятие порождает другое. Например, в противопоставлении «язык – речь» «язык» относится к «речи» так, как орган относится к продукту своей деятельности (например: *На языке речей со ста*), а в противопоставлении «говорить – слушать» говорение выступает тем понятием, которое предшествует понятию слушания (например: *Меньше говори – больше услышишь)* и т.д. Если внимательно проследить за всеми этими противопоставлениями, изучив много пословиц и поговорок о языке, то можно обнаружить, в частности, следующую картину

---- голова → язык → речь
! ! !
---- думать→говорить →слушать

Сверху вниз показаны отношения, которые можно назвать отношением «предмет – функция» (*Язык без костей: что хочет, то и лопочет)* права налево – «источник – результат» (верхний ряд) (*Что на уме, то и на языке*), или «причина – следствие» (нижний ряд) (*Люди говорят, так люди и слушают*). В научном языкознании не наблюдается подобной систематизации: система научного языкознания носит синхронный, классификационный характер.

5. Примечательна **логика** построения суждения о языке. Это не обычная формальная логика, в соответствие с которой понятие определяется путем подведения вида под род или путем введения неизвестного термина в выражение, состоящее из известных терминов. Народное языкознание не преследует цели пространного и

систематизированного изложения сведений о языке, главное – выявить в самом общем, принципиальном виде основные соотношения понятий о языке, обнаружить их причинно-следственную зависимость, их саморазвитие. По-видимому, вполне можно сказать, что в народном языкознании применяется (конечно, стихийно) диалектическая логика. Например, «спрос» и «ответ» – не просто различные явления, но одновременно и тождественные, составляющие единое понятие; они не просто сопоставляются друг другу, но образуют причинно-следственную единство (*По спросу и ответ; Спрашивают – отвечай* и др.).

6. Своеобразна **форма** выражений суждений о языке – это пословицы и поговорки, напоминающие по своей краткости (и концентрации мысли) грамматические сутры древнеиндийского филолога Панини. Особенностью народного языкознания является и то, что сведения о языке, а также и рекомендации о том, как пользоваться языком, формулируются в виде метафор и метонимий, образных выражений (*Язык поит и кормит*), часто зарифмованных и заритмованных (*Не всё то творится, что говорится*). В таком виде эти сведения и рекомендации лучше запоминаются и передаются от поколения к поколению (*Кто говорит, тот сеет; кто слушает, собирает).*

7. Народному языкознанию свойствен последовательный **материализм**. Человек говорит потому, что у него во рту есть язык (*Язык ворочается – говорить хочется*), потому что человек знает, что надо сказать, кому сказать и зачем (*Сначала подумай, потом говори*). Материализм проявляется и в понимании назначения языка: как средства общения (*Язык языку ответ подает*), как средства мышления (*Мудрая голова – короткий язык*). Язык нужен, чтобы оказать воздействие на собеседника – склонить его к определенным поступкам *(Победить живым словом*), способствующим объединению (*Подкрепить слово делом*) или разъединению в труде *(Слово с делом разошлись*). Истинность речи определяется путем соотнесения сказанного с объективной действительностью (соответствует ли сказанное тому, что есть на самом деле, или не соответствует (*Не всё то правда, что люди говорят*).

8. Характерна **практическая** направленность народного языкознания. Пословицы о языке – это не просто сведения, информация о языке, это, главным образом, рекомендации по использованию языка: как надо говорить (*Не спеши языком, торопись делом),* как надо слушать (*Хорошую речь хорошо и слушать)* и пр. Примечательно, что очень часто утверждается не о том, как надо пользоваться языком, а о том, как не надо им пользоваться. По-видимому, такой способ наставления («от противного») оказывается более эффективным (*Красно говоришь, а слушать нечего).* Вообще, народ не рассматривает свой язык как стихийное явление, на которое нельзя воздействовать.

Идея активного влияния на язык, на речь, на речевую деятельность явно видна во многих пословицах (*В добрый час молвить – в худой промолчать)*.

9. Особенностью народного языкознания является его **национальный** характер – связанный с особенностью данного языка, с языковым поведением говорящих данной нации, например русских: *Я тебе по-русски отрежу напрямик; Он, видно, по-русски не понимает; Русский человек любит авось, небось да как-нибудь* и др. Правильнее поэтому говорить не о «народном языкознании», а о «русском народном языкознании», о «немецком народном языкознании» и т.д. Научная лингвистика, в отличие от народного языкознания, интернациональна. Но появление тех или других концепций научной лингвистки часто подсказывается особенностями национальных языков, наличием в этих языках лингвистической терминологии, представлениями говорящих на этих языках, представлениями об этих языках. Например, концепция известного швейцарского лингвиста, основоположника теоретического языкознания Ф. де Соссюра (langue – langage – parole, «язык – речевая деятельность – речь»), подсказана особенностями французского языка, тем, что во французском языке для трех понятий оказались в наличии три отдельных слова. Появление такой концепции на русской, немецкой или другой национальной почве связывалось с терминологическими трудностями национальных языков. В русском языке, например, имеется всего лишь два соответствующих термина: «язык – речь». Французское слово langage переводится на русский язык искусственно: «речевая деятельность».

10. В истории языкознания надо отмечать три самых крупных периода: 1) **донаучное языкознание** – представление говорящих о своем национальном языке (народное языкознание), 2) языкознание переходного периода – от донаучного к научному (индийская, китайская, греко-римская, арабская, грамматические традиции), 3) научное языкознание. Обычно историки языкознания описывают только последний период, иногда, с большими оговорками, – второй период. Что касается первого периода, то они его по сути дела не замечают. Представляется, что это большое упущение в лингвистической историографии. Ниже назовем только наши публикации о русском народном языкознании.

ЛИТЕРАТУРА

Федосов, В.А. (1978) Русские пословицы о языке и речи. // Русская речь. № 3. Москва, сс. 120-121.

Федосов, В.А. (1985) Народная лингвистика как лингвострановедческий источник. // Супрун, В.И. (ред.) Страноведение и

лингвострановедение в подготовке учителя-русиста зарубежной школы. Волгоград, сс. 17-26.
Федосов, В.А. (1993) Тема «Говорить – молчать» в русском народном языкознании. // Studia Slavica Savariensia. №1. (ред. К. Гадани). Szombathely. pp. 91-95.
Федосов, В.А. – Варга М. (1993) Некоторые вопросы русского и венгерского народного языкознания. // Harmadik Magyar Alkalmazatt Nyelvészeti Konferencia. Miskolc. pp. 395-400.
Федосов, В.А. (1994) Русское народное языкознание: представления говорящих о порождении и распознавании речи. // Studia Slavica Savariensia. №1. (ред. К. Гадани). Szombathely. pp. 137-142.
Федосов, В.А. (1995) Слово «слово» в русском языке. // Slavica. XXV1. Debrecen. pp. 57-63.
Федосов В.А. (1996) Дихотомия «Правда – ложь» в русских и венгерских пословицах. // Studia Slavica Savariensia. №1-2. (ред. К. Гадани). Szombathely. pp. 180-188.
Федосов, В.А. (1997) О некоторых правилах русского речевого поведения в сравнении с венгерскими правилами. // Studia Russica. V1. Budapest. pp. 175-186.
Федосов, В.А. (1997) Соответствия в значении главных терминов русского и венгерского народного языкознания. // Slavica Tergestina. №5. Pécs. pp. 379-385.
Федосов, В.А. (2010) Дихотомии народного языкознания. // Современный русский язык: динамика и функционирование. Материалы 2-ой Всероссийской Интернет-конференции. №1 (6). Волгоград. http:// grani@vspu/ru.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 203-210
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.203

Petra Glavor Petrović
(Szombathely, Mađarska)

ANALIZA KULINARSKOG LEKSIKA U JEZIKU GRADIŠĆANSKIH HRVATA: NAZIVI JELA I SLASTICA

Abstract: Culinary terminology of a social environment is an indicator of cultural and linguistic influences. The aim of this paper is to represent the part of culinary lexical structure, the names of meals and sweets in the settlements in Burgenland. This paper covers the lexicological and etymological analysis of material collected from the dictionary *Gradišćanskohrvatsko-hrvatsko-nimški rječnik.*

Keywords: culinary terminology, dialectology, dictionaries, Burgenland Croatian

Uvod

Poznato je da promatrajući leksik neke društvene sredine možemo doprijeti do spoznaja o kulturološkim i jezičnim utjecajima kojima je ta sredina izložena ili je bila izložena. Osobito to vrijedi za kulinarski leksik. Ovaj rad promatra kulinarski leksik u književnom jeziku gradišćanskih Hrvata te ga leksikološki i etimološki analizira.

Termin *gradišćanskohrvatski*[1] odnosi se na stanovništvo, ali podrazumijeva i jezik, no ne samo jezik Hrvata koji su naseljeni u austrijskom Gradišću već obuhvaća i područja hrvatskih naselja u današnjoj zapadnoj Mađarskoj, uzduž mađarsko-austrijske državne granice, hrvatska narječja u okolici Bratislave u Slovačkoj, hrvatska narječja u južnoj Moravskoj u blizini Drnholeca te hrvatska naselja u Donjoj Austriji (usp. Neweklowsky 1995: 432).

Stanovništvo na tim prostorima govori trima narječjima hrvatskoga jezika[2] – čakavskim, štokavskim i kajkavskim. Zbog takve jezične situacije u prikazivanju kulinarskoga leksika jezika gradišćanskih Hrvata polazište za prikupljanje korpusa bio je gradišćanskohrvatski rječnik koji je po svojoj naravi normativni rječnik s gradišćanskohrvatskim književnim jezikom[3].

[1] Termin gradišćanskohrvatski Hrvati skovao je pjesnik Mate Meršić Miloradić (usp. Benčić 1998: 250).

[2] Hadrovics prikazuje dijalekatsku sliku hrvatskoga Gradišća i susjednih hrvatskih područja navodeći da čitavo sjeverno Gradišće, od linije Pinkafeld – Kiseg prema sjeveru sa susjednim selima u Mađarskoj i u Češkoj i Slovačkoj govori čakavicu sa svojstvom da se praslavenski jat reflektira kao *i* i kao *e*. Južno od navedene linije prevladava štokavski dijalekt gdje se praslavenski jat reflektirao kao *i*. U dva sela u Mađarskoj na južnoj obali Niuzaljskog jezera, u Vedešinu i u Umoku održao se kajkavski dijalekt (Hadrovics 1995: 466). O dijalekatskoj slici Gradišća v. i Katičić (1992) i Vulić (2004, 2005).

[3] O gradišćanskohrvatskom književnom jeziku i njegovu razvoju u 20 st. v. Kinda-Berlaković (2011).

U literaturi se kao prvi opsežniji popis gradišćanskohrvatskoga jezičnoga blaga navodi *Nimško-gradišćanskohrvatsko-hrvatski rječnik* iz 1982., odnosno *Gradišćanskohrvatsko-hrvatsko-nimški rječnik* iz 1991.[4] Kao što stoji u predgovoru to nije „dijalektološki rječnik, popis riči nekoga l o k a l n o o g r a n i č e n o g a govora u Gradišću, nego zaželjena normativna rič za javne potriboće na svi polji društvenoga žitka“ (Benčić i dr. 1991: 9). „Rječnik je gradjen na čakavsko ikavsko-ekavskoj osnovi sjevernoga i srednjega Gradišća, ali se obogaćivao i iz govornoga i pismenoga jezika južnoga Gradišća, kade su zastupani i štokavski i čakavski ikavski govori“ (Benčić i dr. 1991: 10).

Neweklowsky navodi da rječnik gradišćanskohrvatskog jezika ima mnogobrojne lekseme koji su znakoviti i za kajkavski dijalekt i slovenski jezik, kojih inače nema u hrvatskom standardnom jeziku. Kao primjere navodi i kulinarske *česan* (‘češnjak’) i *muka* (‘brašno’). Dodaje da iz vremena iseljavanja potječu romanske riječi, kao i malobrojne orijentalne, dok turcizmi koji su došli u hrvatski od početka 16. stoljeća nisu zastupljeni kod gradišćanskih Hrvata. Kao najbrojniju skupinu navodi posuđenice iz njemačkoga. (usp. Neweklowsky 1995: 460).

Etimološka i leksikološka analiza

Leksikološkom i etimološkom analizom kulinarskog leksika obuhvaćeni su nazivi jela i nazivi slastica[5]. Građa je prikupljena iz *Gradišćanskohrvatsko-hrvatsko-nimškog rječnika* te uspoređena s dijalektnim rječnicima gradišćanskohrvatskih govora.

Prikupljeno je i analizirano šezdesetak leksema. Građa je podijeljena u nekoliko skupina: juhe, variva i kaše, jela s mesom (pečenja, kobasice), jela od jaja te slastice. Uz naziv navodi se gramatička odrednica, leksikološko objašnjenje (definicija) te etimologija naziva. Etimološka je analiza rađena prema Skokovu *Etimološkom rječniku hrvatskoga ili srpskoga jezika,* Gluhakovu *Hrvatskom etimološkom rječniku* te Vinjinim *Jadranskim dopunama Skokovu rječniku*.

Nazivi jela

Juhe, variva, kaše

Osim leksema *juha* [ž; tekuće jelo pripremljeno kuhanjem povrća, mesa ili ribe u vodi sa začinima] praslavenskoga podrijetla (prasl. **juxa*), zabilježena je i istoznačnica, germanizam *supa* [ž] njem. *Suppe* (usp. Hadrovics 1995: 474; Nyomárkay 1996: 301). Potvrđeno je nekoliko višečlanih naziva s jednom od tih sastavnica: *govedska/govedja juha* [ž; juha pripremljena kuhanjem govedine] te istoznačnica *govedja supa* [ž]*, juha s rizanci* [ž; juha u koju su ukuhani rezanci] i *supa s rizanci* [ž] i te *riblja juha* [ž; juha pripremljena

[4] Dalje u tekstu za taj će se rječnik koristiti kratica GHHNR.

[5] Sveukupna analiza kulinarskog nazivlja prelazi okvire ovoga rada.

kuhanjem ribe]. *Ubarnica*[6] [ž; juha pripremljena kuhanjem krvavica] vuče etimologiju od glagola *obarati* (črivo) sa značenjem 'čistiti drob', kao i sinonim *obarnica* sa značenjem 'juha koja se dobije od kobasica' koji navodi Skok. Još jedna juha zabilježena u rječniku je i *zapraženka* [ž; juha pripremljena dodavanjem vode u zapršku; prežgana juha] čije je podrijetlo praslavensko (od prasl. **prьžiti*).

Kao juhe, odnosno variva od povrća nalazimo *lećova supa* [ž; gusta juha pripremljena kuhanjem leće u vodi] gdje je prva sastavnica praslavenskoga podrijetla (prasl. **lętja*), a druga već spomenuti germanizam, i *pasulj* [m; gusta juha pripremljena kuhanjem graha u vodi] balkanski grecizam latinskoga podrijetla (Skok 1971: 127) prema lat. *phaseolus,* zabilježena u rječniku samo sa značenjem 'grahova juha'. HER također navodi grčki kao jezik davalac (*phásēlos*), no kao jezik posrednik bilježi mađarski *paszuly*, što je hungarizam i u gradišćanskohrvatskom.

U ovu skupinu spadaju i leksemi *cušpajz* [m; gusto jelo od kuhana povrće] germanskoga podrijetla (austr. njem. *Zuspeise* u značenju 'prilog jelu' prema HER-u) označena u rječniku kao istoznačnica leksema *varivo* [s], praslavenskoga podrijetla od glagola **variti* u značenju 'kuhati'.

Od kâšā pripremaju se heljdina kaša i ječmena kaša, što je zabilježeno višečlanim nazivima *kaša od hajde* [ž; žitko jelo od kuhane heljde], od prasl.**kaša* i od starovisokonjemačkog *haidan* > *heiden,* odbacivanjem *-an* >- *-en* koji se osjećao kao pridjevski sufiks, kako tumači Skok navodeći da naziv *hajda* rabe ugarski Hrvati (Skok 1971: 649) i *tučeni jarac* [m; žitko jelo od kuhana ječma], praslavenskoga podrijetla (*prasl. *telkti* 'tući' **jarъ* + *-ьc* 'jari ječam' (usp. Skok 1971: 755, Gluhak 1993: 288).

Jela od mesa

Od naziva za pečenje u GHHNR nađeni su sljedeći: *pečena janjetina, pečenka, pečenje, ovčinje pečenje* i *pečeno piple.* Podrijetlo je praslavensko **pekti*; apstraktna imenica *pečenje* postala je konkretnom, kako navodi Skok, već u staro vrijeme, „madž. *pecsenye* (16. v.), rum. *pečenie, pecinye* pored *pećine* i *pecie* 'meso od buta govečeta'" (usp. Skok 1972: 628).

Pronalazimo očekivani kulinarski naziv *gulaš* [m; kuhano jelo od manjih komada mesa začinjeno paprikom], hungarizam prema mađ. *gulyás*. Tornow također navodi taj naziv.

Hladetina se u Gradišću naziva trima nazivima: *hladetina* [ž; želatinozno jelo od mesa sa začinima], *mrzletina* [ž; želatinozno jelo od mesa sa začinima]*;* oba su ta naziva praslavenskoga podrijetla, potonji tvoren kao i *hladetina* s nastavkom *–etina* i *želadija* [ž; želatinozno jelo od mesa sa začinima]; Skok objašnjava dalmatoromanskim leksičkim ostatkom naziv *galatina* izvodeći

[6] Istaknimo ovdje da Ivanković pronalazi leksem *urbanica* (juha u kojoj se kuhaju *kobasice* (krvavice) i *čmar* (kulen) na području Uzlopa, hrvatskoga sela u Gradišću (usp. Ivanković 1981:51).

podrijetlo naziva *želađija,* zabilježena nedaleko Senja, prema mletačkoj izvedenici na gr. *-ία zeladia* (usp. Skok 1971: 671). Oblik *žaladija* bilježi i AR u 16. stoljeću u čakavskoga pisca.

U rječniku je zabilježeno da se za odrezak upotrebljava naziv *odrizak* [m; tanko izrezan pržen ili pečen komad mesa], praslavenskoga podrijetla (od prasl. i stsl. *rêzati*) (usp. Skok 1973: 134).

Kao i u hrvatskom standardnom jeziku nalazimo naziv *jetra* [s pl. tantum[7]; jelo od jetra] sveslavenskog i praslavenskog podrijetla (*<jętra*). U ovu podskupinu možemo uvrstiti i višečlani naziv *gubončić od jatar* / *gubončić od jetar* sa značenjem 'jetrena okruglica'. Prvi dio naziva hungarizam je od mađ. *gombóc* u značenju 'okruglica', odnosno 'okruglo oblikovano punjeno tijesto'.

Za čvarak koriste se nazivi *ocvirak* [m; prženo jelo nastalo topljenjem slanine ili sala] i *ocvarak* [m; jelo nastalo topljenjem slanine ili sala]. Izvedivo od c*vriti* 'rastopiti mast' (usp. Skok 1971: 284).

Kobasice

Iz korpusa uočavamo da se rabe brojni nazivi za označavanje vrsta kobasica. Leksem *kobasica* sveslavenski je (od prasl. **kъlbasa/kъlbasъ* (usp. Gluhak 1993: 326). U GHHNR navode se značenja: kobasica, mesna kobasica i pečenica.

Za značenje 'krvavica' supostoji više leksema: *jelito* [s]*, jelita* [ž]*, kobasica* [ž]*; krvava kobasica* [ž].[8] Kao praslavensko naslijeđe lekseme *jelito* i *jelita* bilježi HER (od prasl. *elito, *olito). *Jalito*/*jelito* ima Skok sa značenjem 'djevenica, kobasica vela od najdebljeg crijeva, od krvi i brašna'; u hrvatskom standardnom jeziku istisnuli ih sinonimi *kobasica* i *krvavica* (usp. Skok 1971: 751).

Potvrđeni su i leksemi *jetrenica*[9] [ž; kobasica punjena jetrom sa začinima] u značenju 'jetrena kobasica', te *kobasičica* [ž]*, biršlj* [m] i *hrenovka* [ž] kojim se označava hrenovka. Skok ne bilježi leksem *biršlj*; podrijetlo je vjerojatno njemačko, odnosno bavarsko-austrijsko gdje nalazimo *breisl* u značenju 'mrvice' (usp. Vig 2007: 113). Hrenovka je praslavenskoga podrijetla (< prasl. **xrěnъ*).

Leksem muškoga roda *safaladi* [m, G *~ja*; debela kratka kobasica za kuhanje] navodi GHHNR sa značenjem 'polutrajna kratka debela mesna kobasica za kuhanje'. Skok objašnjava etimologiju leksema *safalada* pod *červeo* (tal. *cervello*), leksem koji M. Držić upotrebljava u značenju 'mozak'. Navodi da milansko *zervelada* = *cervellata* > *safaláda* < madž. *szafaládé* (usp. Skok 1971: 311).

[7] Gramatičku odrednicu navodimo u skladu s GHHNR.

[8] Tornow ima nazive *kobasica*, *masna kobasica*, *krvava kobasica*, ali i *krvavica* (usp. Tornow 1989: 176, 186).

[9] Hadrovics u svom *Glosaru* bilježi *jeternica* (1974: 458); Nyomárkay bilježi isti oblik sa značenjima kobasica i krvavica (1996: 89).

Jela od jaja

Očekivano ne nalazimo potvrde za perzijski turcizam *kajgana,* već se u značenju 'prženo jelo od razmućenih prženih jaja' upotrebljavaju nazivi *frigana jaja, spražena jaja* i *spečena jaja* [ž mn; pržena jaja; prženo jelo od razmućenih prženih jaja].

Naziv *presnjaki* [m, pl. tantum; omlet od krumpira] objašnjen je s navedenim značenjem u rječniku. Skok, Vinja i AR nemaju zabilježen navedeni leksem. Etimologija je vjerojatno praslavenska od prasl. i stsl. *prěsnъ* s produktivnim nastavkom *-(n)jak* kao u *medenjak*, *žličnjak* ili *ripnjaki.*

Ostalo

Za kuhano jelo od kukuruznoga brašna ili kukuruzne krupice potvrđena su dva naziva – *žganci* i *palenta*. Potonji je balkanski latinitet, od lat. *polenta* (usp. Skok 1972: 592)*,* potvrđen i u njemačkom *Polenta*, otkud je vjerojatno preuzet. Naziv *žganci* ne objašnjava Skok, no podrijetlo je vjerojatno praslavensko (od prasl. **žegti > žgati > žeći*)*,* kao što Gluhak izvodi od participa perfekta pasivnog (Gluhak 1993: 706*).* U AR se navodi da je naziv potvrđen u Gradišću. Tornow također bilježi.

Nazivi slastica

Za pokladnicu ili uštipak[10] zabilježeno je više naziva – (*fašinjski*) *groflin*, *groflj*, *frita* i *fanjak.* Za *groflin*[11] u GHHNR stoji „usp. fanjak, frita, groflj ** uštipak, -pka, pokladnica – Krapfen m; Pfannkuchen m (fašinjski groflin ** pokladnica, uštipak, - pka - Faschingskrapfen m)". Vidimo da je prema njemačkom stupcu rječnika taj naziv višeznačan; sinonim je s *pokladnicom* 'u ulju prženo okruglo slatko jelo punjeno slatkim namazom ili pekmezom' u hrvatskom standardnom jeziku, ali i s palačinkom 'na ulju prženo tanko plosnato jelo od brašna, jaja i vode ili mlijeka'. *Groflj* se upućuje u GHHNR na *groflin*. Naziv nemaju hrvatski etimološki rječnici. Podrijetlo bi se možda moglo izvesti iz njem. *Krapfe,* ustvari vjerojatno od kakva njemačkog dijalektizma.

Za *fanjak* GHHNR bilježi „usp. gubonac ** uštipak, -pka, valjušak, -ška, grudica - Pfannkuchen m; Knodel m; Krapfen m". Skok *fanjak* objašnjava pod *fanjek* navodeći potvrde u Belostenčevu i Jambrešićevu rječniku, te u slovenskom jeziku; pritom dodaje da je sinonim *uštipak* (usp. Skok 1971: 506). Etimologiju objašnjava izvodeći iz madž. *fánk* ('pokladnica') koje je, kako

[10] Neobično je da je u GHHNR leksem *šćipanac* (njem. *Zupfnockerl*) potvrđen sa značenjem 'uštipak'. Od Ivankovića doznajemo kako se prave *šćipanci* „u muku razbije jaje pa se izmiješa sve do čvrsta tijesta i prstima se otkida (štipa); obično su veličine malog nokta i stavljaju se u juhu kad zakipi, a kad se dignu na površinu, kuhani su" (Ivanković 1981: 51). Vidimo da je riječ o tjestenini koja se stavlja u juhu, slična možda našim *trgancima*. Naziv je praslavenskoga podrijetla (**šćipati*).

[11] Tornow bilježi naziv *kroflin* – njem. Krapfen (Tornow 1989: 186).

navodi, možda od njem. *Pfannukuchen,* gdje označava palačinku, složenica od *Pfanne* (‘tava’). Oblik u množini *fanjki* potvrđen je i u Hadrovicsevu rječniku (Hadrovics 1974: 450) i u Ivanovićevu popisu leksema hrvatskoga sela Uzlopa gdje navodi da postoje kuhani i pečeni fanjki, fanjki punjeni sirom ili *feržanom* (grahom). Ivanović ga definira kao tijesto od brašna, jaja i soli, s vodom i uljem (usp. Ivanović 1981: 51). Riječ je očito o palačinki ili vrsti palačinke, a u tom ga značenju navodi i Hadrovics kao posuđenicu mađarskoga podrijetla *fanjak* (palačinka) (usp. Hadrovics 1995: 474).

Pod *frita* nalazimo „f, usp. groflin, groflj, fanjak ** uštipak, -pka, pokladnica - Krapfen m, Faschingskrapfen m“, što, sudeći prema njemačkom stupcu rječnika, odgovara *pokladnici* u hrvatskom standardnom jeziku. U AR navodi se potvrda u čakavskoga pisca iz 16. stoljeća. Radi se o romanizmu, odnosno talijanizmu (od tal. *fritto* ‘prženo’), koji spada u fond riječi koji su gradišćanski Hrvati donijeli u današnju postojbinu prije iseljavanja[12].

Naziv *palačinka* [ž; na ulju prženo tanko plosnato jelo od brašna, jaja i vode ili mlijeka], podrijetlom hungarizam (mađ. *palacsinta*) koji nalazimo i u hrvatskome standardnom jeziku, koristi se u gradišćanskohravtskom književnom jeziku i u značenju ‘omlet’, što je zabilježeno u GHHNR. Neobično je da je u njemačkom stupcu navedeno samo *Omelette*.

Za savijaču su potvrđeni nazivi *gibanica*, *masnica* i *savnica*[13]; nazivi *jabukova masnica*, *jabukova savnica* i *jabukovača* za značenja ‘savijača od jabuka’, a *orihova masnica* i *orihova savnica* za značenja ‘orahovača’, odnosno ‘orahnjača’. Naziv *masnica* (prasl. *mastь*) bilježi Skok sa značenjem ‘masna pita’ (usp. Skok 1972: 383). *Savnica*, kao i *savijača,* potječe od prefigiranoga glagola *sviti*, prasl. **viti. Gibanica* (od *prasl. *gybanica*) tvorena je sufiksom *–ica* od participa prošlog *gybanъ, od glagola **gybati*, kojemu je jedno od značenja bilo ‘savijati’ (usp. Gluhak 1993: 227).

Za savijaču od maka, odnosno makovnjaču koriste se nazivi *makovnjača, makovača* i *makovica*. Podrijetlo je praslavensko od **makъ* i *–ъn* s produktivnim nastavcima *–jača, -ača* i *–ica.*

Naziv *ripnjaki* zabilježen je u značenju ‘savijača od repe’. Prvi dio naziva sveslavenska je posuđenica od lat. *rapa* (usp. Skok 1973: 108), odražena kao *ripa*, za razliku od u hrvatskom jeziku standardnojezičnog oblika *repa*. Drugi dio produktivan je nastavak *–(n)jak* pa *rip+njak +i* prethodno u tekstu spomenut.

Naziv *gibanjak* koristi se u značenju ‘savijača’ i ‘gibanica’. Podrijetlo je kao u *gibanica* s nastavkom *-jak*.

Naziv *sirnica* kao i u hrvatskom standardnom jeziku označava savijaču od sira (od prasl. *syrъ i nastavka –(n)ica) (kao u *zeljanica*, *gibanica*, *masnica*).

[12] O romanizmima u gradišćanskohrvatskim dijalektima kao jezično i kulturno vrlo dragocjenom materijalu v. Putanec (1984: 141-142).

[13] Naziv *masnica* ima i Tornow, no ne bilježi nazive *gibanica* i *savnica*.

Od slatkih delicija zabilježen je i naziv *gubonac od slive* za ‘okruglice od šljive’, mađarskoga (od mađ. *gombóc* u značenju ‘okruglica’) i praslavenskoga podrijetla (prasl. **sliva*).

Za kolač potvrđeni su nazivi *kolač*, praslavenskoga podrijetla (od prasl.**kolo* i sufiksa *-ač*), kao i u standardnom hrvatskom, zatim *jilo*, odnosno *mučno jilo* [s; kolač od brašna] (za brašno koriste leksem *muka* praslavenskog podrijetla; *mučan* ‘brašnjav’; *jilo* je ikavski oblik prasl. **(j)ěsti*), i naziv *pecivo* praslavenskoga podrijetla (prasl. **pekti*). *Mučno jilo* u GHHNR višeznačnica je sa značenjima ‘tijesto’, ‘tjestenina’ i ‘kolač’.

Naziv *vrtanj* [m; okrugli svadbeni kolač] zabilježen je u GHHNR sa značenjem ‘svadbeni kolač’. U istom ga značenju navodi i Neweklowsky (1978). Skok objašnjava *vrtanj* kao ‘kolač savit kao kolo’ pod glagolom *vrtjeti* praslavenskoga podrijetla **vьrtěti* (usp. Skok 1973: 632).

Za značenja ‘medeni kolač’, odnosno ‘medenjak’ upotrebljavaju se nazivi *medeni kolač, medenjak* i *medeno pecivo,* nazivi praslavenskoga podrijetla (**medъ*).

Zaključak

Od ovdje proučavanog kulinarskog nazivlja najveći je broj naziva praslavenskoga i slavenskog podrijetla. Treba istaknuti i zanimljivost na tvorbenoj razini; neki se tvorbeni sufiksi ponavljaju u više naziva (npr. *ripnjaki, presnjaki*).

Od posuđenicā najmanji je broj romanizama[14], osobito leksema iz talijanskoga jezika (nađena je tek *frita*), dok turcizme uopće ne nalazimo u prikupljenoj građi. Očekivano prevladavaju germanizmi i hungarizmi.

Posuđenice potvrđene u leksiku gradišćanskohrvatskoga rezultat su posuđivanja unutar dugotrajnih jezičnih dodira na hrvatskim prostorima (do 16. stoljeća) (misli se ponajviše na starije romanizme) te rezultat kasnijih jezičnih, prostornih i kulturnih dodira (npr. hungarizmi *fanjak* i *gubonac* i germanizmi *groflin* i *groflj*).

Izvori i literatura

Akademijin rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika. (1880–1976) I–XXIII. JAZU. Zagreb.

Benčić, N. (1998–2000) Književnost gradišćanskih Hrvata. Sekcija DHK i Hrvatskoga centra P.E.N-a za proučavanje književnosti u hrvatskom iseljeništvu; Agnjica Csenar-Schister. Zagreb; Željezno.

Gluhak, A. (1993) Hrvatski etimološki rječnik. August Cesarec. Zagreb.

Gradišćanskohrvatski – hrvatsko – nimški rječnik. (1991) Zagreb – Eisenstadt.

[14] Pod pojmom romanizam misli se na starije romanizme (elemente iz vulgarnolatinskog i dalmatoromanskog jezika) i novije romanizme (leksemi iz mletačkog narječja i talijanskog jezika).

Hadrovics L. (1974) Schrifttum und Sprache der burgenlaendischen Kroaten im 18. und 19. Jahrhundert. Akademiai Kiado. Budimpešta.
Hadrovics L. (1984) Burgenländisch-kroatische Schulbücher der Bachära. Burgenland in seiner pannonischen Umwelt. Festgabe für August Ernst. Eisenstadt, 140-150.
Hadrovics L. (1995) Povijest gradišćanskohrvatskoga književnog jezika. Povijest i kultura gradišćanskih Hrvata. Nakladni zavod Globus, 465-485.
Hrvatski enciklopedijski rječnik (2002) Novi Liber. Zagreb.
Ivanović, N. (1981) Uzlop, hrvatsko selo u Gradišću – Austrija. Omiš.
Katičić, R. (1992) Lingvističke dimenzije jezičnoga položaja gradišćanskih Hrvata. Novi jezikoslovni ogledi, Školska knjiga, 158-164.
Kinda-Berlaković, Zorka (2011) Razvojni put književnog jezika gradišćanskih Hrvata do regionalnog hrvatskog standardnog jezika. Croatia et Slavica Iadertina, VII/II, 377-387.
Neweklowaky, Gerhard (1995) Hrvatska narječja u Gradišću i susjednim krajevima. Povijest i kultura gradišćanskih Hrvata. Nakladni zavod Globus, 431-461.
Neweklowsky, Gerhard (1978) Die kroatischen Dialekte des Burgenlandes und der angrenzenden Gebiete, Wien (Österr. Akademie der Wissenschaften, Schriften der Balkankommission, Linguistische Abteilung, 25).
Nyomárkay I. (1996) Sprachhistorisches Wörterbuch des Burgenland-kroatisches. Akadémiai kiadó. Szombathely.
Putanec, V. (1984) Romanizmi u leksiku hrvatskih dijalekata u Gradišću (nacrt problema). Gradišćanski Hrvati 1533-983, 141-148.
Skok, P. (1971–1973) Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. JAZU. Zagreb.
Tornow, S. (1989) Burgenlandkroatisches Dialektwörterbuch. Die vlahischen Ortschaften, Osteuropa-Institut an der Freien Universität Berlin, Berlin.
Vig I. (2007) Sprachkontakte im Alpen-Adria-Raum. Szombathely.
Vinja, V. (1998–2004) Jadranske etimologije – Jadranske dopune Skokovu rječniku. ŠK, HAZU. Zagreb.
Vulić, S. (2004) Govori Hrvata u Mađarskoj u okviru hrvatske dijalektologije. Panonski ljetopis, Panonski institut, 380–382.
Vulić, S. (2005) Složeno-sufiksalna tvorba imenica u gradišćanskohrvatskim čakavskim govorima. Croatia et Slavica Iadertina, 47-60.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 211-215
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.211

Robert Hajszan Panonski
(Pinkovac, Austrija)

JEZIČNA OBILJEŽJA U „GRADIŠĆANSKOHRVATSKIM PRIČAMA“ ANTONA LEOPOLDA

Abstract: After the publication of the stories *Gradišćanske povidajke* by Balint Vujkov the Pannonian Institute in Güttenbach published the tales *Gradišćanske narodne priče* by Anton Leopold. Anton Leopold tried to perfect the texts in terms of language so that they are comprehensible to the reader. Nevertheless some words, terms and phrases need to be explained to avoid misunderstandings.

Keywords: Pannonian Institute, stories, Anton Leopold

Panonski je institut nakon publiciranja *Gradišćanskih povidajki* Balinta Vujkova prošle godine uz Panonski ljetopis 2013. objelodanio i *Gradišćanskohrvatske priče* Antona Leopolda. Riječ je tekstovima koje je Anton Leopold sam sastavio, odnosno skupio po selima na austrijskoj strani Gradišća.

Dr. Sanja Vulić, koja je napisala predgovor spomenutoj brošuri, veli između ostaloga: „Zbog načina na koji su napisane, kao i zbog odabranih tema i sadržaja, proze u toj zbirci zanimljivo su štivo, koje se rado, lako i brzo čita“, te zaključuje: „Ova Leopoldova simpatična zbirka sigurno može biti dobar poticaj poštivateljima vlastite kulturne baštine“ (Vulić 2013: 8).

Sam autor Anton Leopold kaže u svojem predgovoru sljedeće:

„Kad sam ja bio školar i mladić, bilo je u Frakanavi već ljudi, ki su znali mnogo povidati, većinom su to bile seoske priče (Sagen). Ja sam već ovakovih ispisao i ove su se otiskale u naši kalendari. Ja sam u različni seli pitao ljude, je li mi znaju povidati neku ovakovu priču iz svojega sela. Ja nimam kola i teško mi je bilo svakamo zajti. Mislio sam kasnije za izdanje prirediti jedno opširno djelo "Hrvatske narodne priče iz Gradišća". Jedno manje djelo se (je) izdalo pod naslovom "Narodne povidajke iz Gradišća" (Franjo Franta – Anton Leopold). Ovde se (je) nešto učinilo, ča se meni nij svidjalo. Franjo Franta je neke priče pokratio i je tako donesao nove pogriške, ke se sa sadržajem i mišljenjem autora nisu slagale, a to je još veća pogriška, ar se (je) na primjer sadržaj od "Hajdenjakov" skoro na glavu postavio! Ovo (naime ove priče) triba ostaviti i čuvati u nekoj knjižnici, da bi se na raspolaganje dalo, ako bi se negdo s ovakovimi pričami bavio, a more se i svagde otiskati. Ja se uslijed svoje starosti već ne morem s ovim baviti“ (Leopold 2013: 2).

Mag. Sanja Benković-Marković sastavila je pogovor i veli između ostaloga: „Leopoldove povidajke svjedoče o proteklom vremenu, o raznim dogodivštinama, sudbinama običnih ljudi, a sve su to priče koje ističu kršćanske vrijednosti i moral a kao takve oduvijek su bile duboko usađene u

hrvatski narod. Čitajući ih prisjetila sam se priča koje mi je kao maloj djevočici kazivala moja baka, tako sam se nehotice povratila u svoje djetinjstvo. A kad nam se takvo nešto dogodi, onda postajemo, nježni, sentimentalni... počinjemo razmišljati više i dublje“ (Benković-Marković 2013: 64).

Što se tiče jezika u zbirci *Gradišćanskohrvatskih narodnih priča* zaključujemo da se Anton Leopold potrudio dotjerati svoje tekstove i u jezičnom pogledu tako da su do kraja razumljivi. Ipak je potrebno objasniti neke lingvističke oblike, odnosno upozoriti na neka jezična pitanja koja su u njegovu pisanju upadljiva, a djelomično i sporna.

Kako smo već rekli, Anton Leopold dotjerao je svaku pojedinu priču u jezičnom smislu, no ipak ima riječi i pojmova koje moramo protumačiti jer nisu svi čitatelji toliko uvježbani da bi potpuno razumjeli sve gradišćanskohrvatske izraze.

Na primjer:

rasčvriti na loj (rascvriti, rastaliti, **rastopiti** - zerschmelzen zu Talg);

štrcalj (štucanj, štučak, **okrnjak**, panj - Stumpf);

navedren (**napit**, veseo; angeheitert);

kret (gibanje, **obrat, okret** - Wende);

škoruš (**mušmula** - Mispel);

kujon (mali zlotvor, **lopov** - Strolch/Übeltater);

ruljnuo se po benti (**nagib** - Neigung, Böschung) prema guščari;

ovakove zrejačije (**živahni dečki** - aufgeweckte Kerle) ...; ... a odnesli su jur iz pogambov (**klet**, pivnica) i vina; ... svirao, tujlao (tujliti, **šurlati** - ein Holzblasinstrument spielen), pjevao i plakao;

na pričac (poprik, **poprečno** - quer) po kraćem putu; narudljani /ruditi, naruditi/ ili kuljmani /kuljmati/ (**ondulirani**) vlasi (gewelltes Haar);

teškoće skrhati (**uništiti**) ...;

pasti i *kvasiti* zelenu travu ...;

kruha, koga je pogvambao (**žderati**, žvakati, gristi - pampfen)...;

šubara (astrika - **Pelzkappe**);

curak („jarak“ /A.L./, potošce - **Rinnsal**);

simba (sinjba, cinba, cimba=lopica za drva /A.L./, **sjenica, streha**);

cejger/cejgar (cejdar=spletena taška /A.L./, ceker, **pletena torba**);

trtovina (vinika, bijela trta ili loza, **pavitina** - Waldrebe);

vlaka (**žica** - Draht);

škrljaka (**krljača** - Hut);

astrika (krznena kapa, **šubara** - Pelzkappe);

oštarija (krčma, **prenoćište** - Einkehrgasthaus, Wirtshaus);

javoran (kremen, potpuno zdrav, **zdrav kao drijen** - kerngesund);

sulica (rogoz /A.L./, trska - **Schilfrohr**);

kilavac (**Schwächling**);

klupko (**smotak** - Knäuel, Rolle);

oklop (**Harnisch**, Rüstung, Panzer);

strnjišće (strnišće, **strnište** - Stoppelfeld);

dočim (dokle, **dok**, za vrijeme - während);
vrša (košić za ribe /A.L./, **koš za ribarenje** - Reuse);
odbrknuti (**poodrasti** - heranwachsen);
piertl (poveženo suče /A.L./, svežanj suhoga kića, suharak, **suharje** - Bündel, Büschel);
štenkati (podbadati, mutiti, **zadirkivati** - stänkern);
tamljati (rušiti se, **teturati**, zanijeti se, posrtati - taumeln);
potprnja (posnašn/j/ica, **djeveruša** - Brautjungfer);
pasac (kanica, **duga** - Regenbogen);
kunjoba (**kućica** - Keusche, kajža/slovenski/);
biruš (**poljoprivedni sluga na majuru** - Meierhofknecht);
puč (otvor, škulja, **pukotina**, raspor, ponor, jaz, rupa - Ritze, Spalt);
jalša (**joha** - Erle);
culo (prtljag, pakljin, **putni smotak** - Ränzel);
hrbudje (haluga, **korov, kukolj, drač** - Unkraut);
klimav (razgiban, rugljav, **raskliman** - wackelig),
plasnica (**plast, stog** - Heuhaufen);
bakara (**ružna, stara žena** - häßliche Frau);
štuk (kanona, **top** - Kanone);
spuditi (istirati, prognati, **protjerati** - davontreiben);
tadbina (**krađa** - Diebstahl);
vrganjar (tvorenica - čovjek koji išće/traži vrganje, gljive - **Schwammerlsucher**);
kolar (**svećenički ovratnik** - Collar, Stehkragen des Priesters);
potepuh (lutalica, potipač, **skitnica** - Vagabund, Landstreicher);
našumen (**pijan** - betrunken);
skrušen (pokoran, **usrdan** - reuig);
čunkast (čunkav, kljakav, kljast, **kržljav, osakaćen** - verkrüppelt);
lukoviti se (**začiniti lukom** - sich zwiebeln);
liskati se (bliskati se, rasikovati se, **sijevati, bljeskati /se/** - blitzen);
baril (drivena putra, **barilo** - Weinkrug, kleines Fass);
puljiti (**grabiti** - schöpfen);
mućak (**faules Ei**, Windei);
faćok (pankrt, **kopile, kopileta, faćuk** - Bankert, Bastard);
dekla (službena, podvornica, **sluškinja, službenica** - Magd, Hausgehilfin);
nasrtljiv (nametljiv - **zudringlich**);
graja (živica, plot, **ograda** - Flechtzaun);
naduven (**nadut, napuhnut** - aufgebläht);
zasunjka (krutajka, suvajka, veruga, zavor, **zasun, zapor, kračun** - Riegel);
grot/grotlo (škulja kod mašina za sikanje /A.L./, krater, **grotlo** - Krater, Schlund);
tobar (dnevni posao, nadnica, **dnevnica** - Tagwerk);
krčelnica (kramp, pik, pikanj, **trnokop, pijuk** - Reutehaue);
ping ili pinga (**talionička peć** - Schmelzofen)

2. Hvale je vrijedno što je respektirao i genitivus partitivus i genitiv negacije („Vidovinke već neće viditi.“)

3. Nije uvijek pogodio posvojnu zamjenicu "svoj" te smo stavili pravilni oblik

4. Samo djelomično je stavljao "ali" na prvo mjesto, a isto valja i za nenaglašenu riječ (enklitika) koja je katkad bila na prvom mjestu što smo ispravljali.

5. Naći ćemo prefiksalno-glagolske složene tvorenice poput: skupazdati, krajsprognati, upametzeti, skupazeti, vanpobrati, dolibižati, goridojti, gorizeti, kraj dati, mimodojti, najprzeti, najzad(d)ržati, najzad(d)ojti, naprikdati, simodojti, skrozdojti, skupaživiti, skupadojti, vanbižati

6. Osobito je upadljivo nepotrebno dodavanje "si": zajačiti (si), sproberala (si) je, zaslužiti (si), sfućkevao i zjačkivao (si) je, taknuo (si) je cvijet, zasukao (si) je, obrisao (si) je pot, zazgledati (si), gasio (si) je, zapamtiti (si), pojti (si) po vodu, znati (si) razvezati, moći (si) zaslužiti, zgradio (si) je, u glavu (si) je zatkao, napravio (si) je, dopeljao (si) je, porizala (si) je, kupio (si) je

7. Isto valja i za nepotrebnu uporabu pomoćnoga glagola "je" kod refleksivnih glagola u perfektu: ... dite se (je) plakalo ... on se (je) pašćio ... ona se (je) potrudila

8. Korektno je poštivao realizaciju starocrkvenoslavenskoga glasa jata

9. Hvalevrijedno je primjerno korištenje genitiva množine poput: čuda ljudi, mnogo muži, koliko konji, toliko zubi, malo vrganji

10. Konzekventno smo mu dodavali "h" u genitivu množine kod pridjeva i zamjenica

11. Poštivao je pravilo ujednačavanja kod dodira zvučnih i bezvučnih suglasnika

12. Pravilno je upotrebljavao glagolski vid

13. Katkad smo morali korigirati nastavak poslije palatala i "c", kad ne dolazi /o/ nego /e/

14. Koristio je i sraslice, npr. ... priksusjedski junaki …; Toni iz popriknjega stana ...

Sve u svemu, dobili smo u ruke novu knjigu koja će obogatiti i razveseliti čitalačku publiku, a možda će u jezičnom pogledu i "podučavati" neke ne toliko uvježbane čitatelje, jer je upotrebljavao, odnosno rabio nekoliko rijetkih riječi, pojmova i izraza, koje treba tek ugraditi ("gorizeti") u vlastito jezično blago.

Zelenjaki (Priča iz Gerištofa)

Pred mnogo i mnogo ljeti odibirali su u selu starešinu, koga danas zovu načelnik ili liktar. A to svagde nij bilo lako, ar je u tom selu bilo već vrlih muži, ki su imali pamet i sposobnost za ovu časnu ulogu i službu. Stalo se je, da je starešina Blaž naglo umro i morao se je vrijeda odibrati novi, ar su čekale na odluku različne važne zadaće u općini. Ončas nij bilo kakovih "partajev" (strankov), da bi se prema tomu na tajni način odibiralo. Nego, općinski

tanačniki su htili navadno jednoga izmed njih odibrati. No, ovput to nije bilo lako, ar su ovde bili tri kandidati: Jure, Zidor pak Pave. Svi tri su bili sposobni, niti jedan nije bio bolji ili gorji od drugoga. Kad se pak u tri sjednica "Poštovane gmajne" nij odlučilo, mislili su oni pitati za tanač najstarijega muža sela. Ov devedesetljetni starac je još bio javoran (kerngesund) i imao je još svitlu pamet pod svojom kapom astrikom (šubara – Pelzkappe).

Stari Kuzmo je htio siditi na staroj klupčici pod jednom velikom vrbom uz široku mlaku na sred sela. U ovoj mlaki, okrojenom šašem (Schilfgras) i sulicom (Schilfrohr), živile su bezbrojne zelene žabe i male žabice, ke su nazivali "pumpori". Ove žabe su htile u dugi protulićni i ljetni noći sve do polnoći lipo jačiti – kreketati... Kad su došli staroga pitati za tanač, rekao im je ov: "Vidite ovu našu mlaku, u koj ima toliko i toliko žabokrečine (Wasserfaden), ku su napravile naše žabice. Ja bih rekao: Neka svi tri kandidati skoču ovde nutra – mer zatopit se nećedu, ar nij tako diboko! Ki pak bude imao na svojem tijelu najveć zelenila, ta neka bude starešina!" I tako se je pak učinilo. Svi tri muži su se morali svlići do gać ter su morali skočiti u vodu mlake. Veli se, da je imao jedan od njih veći trbuh, ki je malo širije stao. A na ov trbuh se je nalovilo puno zelenila.

Tako je postao nešto deblji Jure Žabić novi načelnik – starešina, ar je na njegovom tijelu bilo najveć zelenoga. Velje dojduću nedilju je on prisegao pred tanačem "Poštovane gmajne". On je bio dobar starešina, ki se je i zato skrbio, da u selu ostane zelena priroda nedotaknuta. Ali su pak njegovi nasljedniki dali zagrnuti tu široku mlaku. Glas o ovom odibiranju se je vrijeda raširio na široko i daleko. I njevi susjedi Hrvati su pak počeli stanovnikom toga sela govoriti "Zelenjaki". Danas su ove nekadašnje "zelene" naslijedili drugi Zeleni, ki se tako zovu kot politički partaj (stranka). Ovi se zalažu za čuvanje prirode, a tako bi hotili nekadašnje zagrnute mlake i potoke opet iskopati i u nje opet doprimiti zelene žabe i zlate ribe.

Poslije publikacije *Gradišćanskih povidajki* Balinta Vujkova izdao je Panonski institut u Pinkovcu *Gradišćanskohrvatske narodne priče*, koje je Anton Leopold dijelom sam napisao, a dijelom ih je skupio po selima u Gradišću te ih sastavio. Potrudio se dotjerati ih u jezičnom pogledu tako da su do kraja razumljive. Ipak je potrebno objasniti neke lingvističke oblike odnosno upozoriti na neka jezična pitanja, koji su u njegovom pisanju upadljivi, a djelomično i sporni.

Literatura

Benković-Marković, S. (2013) Pogovor, Biblioteka Zavičaj, knjiga 1., Panonski institut Pinkovac, 63-64.

Leopold, A (2013) Gradišćanskohrvatske narodne priče. Panonski institut. Pinkovac.

Leopold, A. (2012) Pismo Robertu Hajszanu Panonskom.

Vujkov, B. (2012) Gradišćanske povidajke. Panonski institut. Pinkovac.

Vulić, S. (2013) Anton Leopold hodi tragom Balinta Vujkova, Biblioteka Zavičaj, knjiga 1.,Panonski institut Pinkovac. 4-8.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 216-223
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.216

Мария Янкович
(Сомбатхей, Венгрия)

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 19 ВЕКА

Abstract: In the first half of the 19th century the development of the Russian literature had a great influence on translation, too: almost all of the outstanding writers were dealing with translation, too, both theoretically and practically. At that time translation was already considered an art demanding great talent. This paper gives an account of the views on translation of the most important translators of the age – Zhukovsky, Katenin, Gnedich, Pushkin and Lermontov, and also that of the famous literary critic Belinsky and through this it also shows the new ideas of translation in the first half of the 19th century.

Keywords: literature, translation, art, word for word translation, translators' principles

1. Введение

Расцвет русской литературы, особенно поэзии в первые десятилетия 19 века оказал большое влияние и на развитие переводческой деятельности. Практически все крупные писатели данного периода занимались и переводом, высказывали свои различные теоретические суждения по его поводу.

К началу 1 9 века отношение к переводческой деятельности в значительной мере изменилось: с этого времени перевод считался не просто ремеслом, а **искусством**, которым занимались и такие знаменитые деятели культуры, поэты и писатели, как Жуковский, Фет, Вяземский, историк Карамзин и др. Одному из первых крупных деятелей русской литературы, В.А. Жуковскому, например, известность принесли как раз переводы поэтических произведений зарубежных авторов. Литературовед М.П. Алексеев эту эпоху назвал творческим периодом истории русского переводческого искусства, для которого наиболее характерны «уверенность и профессионализм передачи». Некоторые переводы этого периода являются настоящими шедеврами переводческого искусства. Однако, в результате того, что в начале 19 века принципы перевода часто меняются, после появления в литературных журналах нового перевода, в периодике, как правило, публикуются многочисленные рецензии. Не изолированно, а в культурном контексте эпохи ведутся горячие дискуссии о том, каким должен быть хороший перевод, что обозначает верность по отношению к оригиналу, как передать в переводе культурные и национальные особенности или художественные формы оригинала, как воспроизводить национальный колорит и т.д. Писатели-переводчики стараются объяснить и доказать свои решения. В результате критических

разборов отдельных переводов техника переводческого искусства постепенно совершенствуется (Алексеев in Нелюбин–Хухуни 2006: 241).

Сторонники Карамзина, т.н. «новаторы» в своей деятельности по развитию русского языка, рассчитывали на помощь переводчиков, а его противники во главе с писателем и политиком Шишковым, т.н. «архаисты» обвиняли их в том, что – применяя чужие семантические и фразеологические элементы в своих переводах – они выступают как раз против своего родного языка (Соболевский in Нелюбин–Хухуни 2006:241).

2. Крупные переводчики первой половины 19 века

Василий Андреевич Жуковский (1783-1852), получивший от А.С.Пушкина титул «гений перевода», занимает особое место в истории перевода России. В его литературном творчестве переплетаются три ведущих направления конца 18 – начала 19 веков: классицизм, сентиментализм и романтизм. Это отражается как в его переводческой деятельности и принципах, которым он следовал в своем творчестве, так и в его высказываниях о переводе.

На раннем этапе творческой деятельности для него были характерны черты, присущие *классицизму:* он подчеркивал (воспроизводив мысли французских авторов), что «самый приятый перевод одновременно и самый верный», что в интересах «гармонии» в случае необходимости можно пожертвовать и «точностью», и «силой». В таком духе переводил он в 1804 году «Дон Кихота» Сервантеса не с испанского оригинала, а с французской перевода. Традиция эстетики классицизма у переводчика Жуковского заметна и в его подходе к прозе и поэзии. Его знаменитый афоризм*: «Переводчик в прозе есть раб, переводчик в стихах – соперник»* (Федоров in Нелюбин–Хухуни 2006: 247). Некоторыми исследователями он трактуется так: поэзия для Жуковского относится к более высокому жанру по сравнению с прозой (это влияние классицизма). Согласно другой (романтической) интерпретации для Жуковского перевод в прозе – это нехудожественный «грамматический» перевод, а перевод в стихах – это творческий «свободный» перевод (Федоров in Нелюбин–Хухуни 2006: 248). Но и в том, и в другом случае совершенно очевидно, что теоретические взгляды Жуковского отчетливо ориентируют переводчика на вольное обращение с исходным текстом, в результате чего термин «перевод» в его понимании вызывает споры (Нелюбин–Хухуни 2006: 248).

В некоторых его переводах с английского на русский язык наблюдается влияние *сентиментализма*: появляются *чувствительность и меланхолический настрой*. Однако, несколько десятилетий спустя, Жуковский дал совершенно новый вариант перевода этих произведений, уже в романтическом духе.

Оригинальный текст, написанный в прозе, Жуковский не раз передает на русском языке в форме стихотворения. Он предпочитает переводить произведения менее известных авторов и восточных классиков: с их произведениями он обращается при переводе более вольно. Некоторые части пропускает, другие прибавляет – собственно говоря, не переводит, а старается просто пересказать на русском языке ту историю, которая ему понравилась. Это свободное обращение со стихами было мотивировано и его личностью*: при переводе он в такой степени пропускал вульгарные выражения, подчеркивал религиозные мотивы и прибавлял эпизоды из своей жизни,* что в результате вместо перевода он создавал свое собственное произведение. Об этом в разных местах неоднократно критически высказывались уже его современники: писатели Бестужев, Гнедич, Гоголь, Полевой и другие. По мнению известного критика 19 века Белинского, *Жуковский был поэтом, а не переводчиком*: его т.н. «переводы» на самом деле не переводы, а воссоздание оригинала в собственном духе. Как переводы они плохие, но как собственные произведения – отличные (Нелюбин–Хухуни 2006: 251).

В более зрелом возрасте Жуковский старался переводить *более точно*, но для него *содержание* и тогда *было важнее формы*. В результате того, что некоторые произведения он снова переводил с оригинала, и обе версии сохранились, получилось два «стихотворения Жуковского» так как все его «переводы» были *субъективными.*

В течение последних 150 лет в истории русского переводоведения не удалось определить роль Жуковского как переводчика лирических произведений на русский язык: одни исследователи считают, что его взгляды были близки к понятию т.н. адекватного перевода в современном смысле, а другие относятся к ним отрицательно.

Резко критиковал переводческую деятельность Жуковского сторонник декабристов, поэт, критик и драматург **Петр Андреевич Катенин** (1792-1853)**,** который при переводе в «свое» хотя и вносил «чужое», всегда старался *точно передать форму, ритм и объём оригинального произведения*. Единственной ценностью переводов Жуковского он считал сохранение объема оригинала.

Для переводческой деятельности автора русской «Илиады», **Николая Ивановича Гнедича** (1784-1833) наиболее характерно стремление *оставаться максимально верным к оригиналу*. Ничего не изменять, все передавать так, как это было у автора оригинала – такова была его позиция. Несмотря на это, оценка его творчества в кругу современников была неоднозначна: Пушкин считал его «русскую Илиаду» героическим подвигом, а другие писатели и поэты слишком сложным произведением.

На наш взгляд, Жуковский при переводе слишком свободно обращался с произведениями зарубежных авторов. Особенно тогда, когда добавлял эпизоды из своей жизни или прозаические произведения переводил в

стихах. Такой подход не допустим даже в случае т.н. адекватного перевода в современном понимании.

3. Переводчики - сторонники буквального перевода

Во второй половине 20-х годов 19 века переводчики старались *подчиняться переводимому автору и точной передаче оригинала,* в результате чего этот период является новым этапом в развитии русского перевода и переводческой мысли.

Близкий друг А.С. Пушкина, поэт, журналист и критик **Петр Андреевич Вяземский** (1792-1878) следовал переводческим принципам Жуковского и перевел «Крымские сонеты» с польского на русский язык в прозе, стараясь при этом «переводить как можно буквальнее». В начале 30-х годов при переводе прозаического произведения с французского он подчеркивает, что переводить можно и независимо от оригинала – передавая его смысл и дух в новой форме, а также в зависимости от него, – сохраняя даже его форму. Он сам придерживался второго способа: мысли и стиль автора старался передать средствами своего родного языка в той же форме, и одновременно сохранить дух культуры оригинала. Позже – в результате отсутствия разработанных средств передачи национальных и индивидуальных особенностей оригинала – за их буквальное воспроизведение ради передачи специфики, присущей подлиннику, его резко критиковали (Нелюбин–Хухуни 2006: 261).

Сторонником буквального перевода являлся и военный топограф **Михаил Павлович Вронченко** (1801/2-1855), который хотя и не был переводчиком-профессионалом, много занимался переводами произведений Байрона, Гете, Мицкевича, Шиллера и Шекспира. Особенно большое значение имел перевод «Гамлета», сделанный им во второй половине 20-х годов. Он старался перевести это произведение Шекспира на русский язык впервые без самовольных опущений и добавок, в истинном виде. В предисловии к нему Вронченко излагает те основные принципы, которыми он руководствовался при переводе «Гамлета», а именно:

1) Переводить следует точно, сохраняя мысли оригинала, а также их порядок: прозу прозой, стихотворение стихами.
2) Выражения – в определенных рамках – должны быть верными оригиналу.
3) Игру слов необходимо переводить и в том случае, если это угрожает точности.
4) В неясных и сомнительных местах надо советоваться со всеми комментаторами, а потом выбрать наиболее адекватное толкование.
5) Чтобы текст для читателей был полностью ясным, необходимо давать в сносках все нужные объяснения и комментарии (Нелюбин–Хухуни 2006: 261-262).

Он переводил почти всегда слово в слово, чтобы получить как можно более точную копию подлинника. Современники (Тургенев, Белинский и др.) – признавая его заслуги – упрекали его в «унасиловании» родного русского языка.

4. Переводческая деятельность А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова

Многие исследовалети русской переводной литературы особое внимание уделяли переводческой деятельности **Александра Сергеевича Пушкина**: изучали его место и роль в развитии теории и практики русского перевода. Их можно разделить на две противоположные группы: одни ученые (Г.Д. Владимирский, О.П. Холмская и др.) подчеркивали, что у Пушкина наблюдается целая система самостоятельных переводческих принциипов, свидетельствующих о том, что поэт при переводе осуждал как буквализм, так и чрезмерную вольность. В 1950-х годах И.А. Кашкиным была нарисована следующая картина о пройденном русской переводческой традицией пути: В начале 19 века рядом с приверженцами вольного романтического перевода (Жуковский и Батюшков) существуют сторонники точности (Катенин), а гениальные реалистические переводы появляются лишь под пером Пушкина и Лермонтова. Как видно, Кашкиным высказано в наиболее яркой форме, что: *«великий поэт в то же время великий переводчик»* (Нелюбин-Хухуни 2006: 264).

В 1930-х годах 20 столетия исследователи, принадлежащие к другой группе (Б.В. Томашевский, Ю.Д. Левин и др.) были того мнения, что Пушкин (как и Жуковский) был в первую очередь поэтом, а не переводчиком: как поэт был хорош, но его переводы занимают в литературе не очень значительное место. Для него переводческая деятельность была своеобразной школой, которая готовила поэтов к созданию оригинальных произведений.

Однако, все исследователи согласны с тем, что его роль в развитии художественного перевода значительна, что его переводческая деятельность стала неотъемлемой частью его творчества: среди его произведений встречаются как настоящие переводы, так и произведения, созданные с одновременным применением нескольких переводческих принципов. Пушкин подчеркивает, *что верность слову и верность смыслу и выражению противоречивы*, так как у каждого языка есть свои обороты, сложные риторические выражения, которые перевести на другой язык теми же словами невозможно (Пушкин in Нелюбин–Хухуни 2006: 266).

Михаил Юрьевич Лермонтов принадлежит также к *представителям «реалистического перевода»*. Хотя он упрекал Жуковского в том, что тот не различал перевод от оригинального произведения, что время от времени не указывал источники, из которых заимствовал отдельные мотивы, и часто в значительной мере изменял иностранный текст, не

упомянув даже автора оригинального текста, у него также *не было резкой грани между своим произведением и переводом*: во всех его переводах, адаптированных текстах и версиях сильно чувствовалась его поэтическая личность, «лермонтовский элемент». По мнению некоторых исследователей у него переводов вообще не было (Федоров in Нелюбин–Хухуни 2006: 267).

5. В.Г. Белинский о теоретических вопросах перевода

Крупнейший русский критик 19 века **Виссарион Григорьевич Белинский** (1811-1848) хотя в молодости – правда, чаще всего случайно и для заработка – занимался переводами с французского языка, как переводчик не оставил значительных следов в переводной литературе. Однако и позднее уделял ей большое внимание: его многочисленные статьи, рецензии и письма были посвящены теоретическим вопросам перевода.

В одной из своих ранних работ, вышедшей в 1835 году, он рассуждал о важности переводов с точки зрения общественного развития России. В ней он подчеркивал, что переводы нужны в еще большем количестве, их полезность неоспорима, важно и необходимо обращать внимание как на перевод научных, так и на перевод художественных текстов: ведь они помимо того, что доставляют удовольствие, развивают эстетическое чутье, формируют вкус, знакомят читателей с понятием настоящей эстетики, играют важную роль в развитии формирующегося русского языка (Нелюбин–Хухуни 2006: 268).

В 1838 году в одном из своих тезисов Белинский пишет о двух видах перевода, а именно: о «художественном», объективно отражающем действительность, и о «поэтическом», идеализированно отражающем субъективное. Суть и специфика *«художественного»* перевода заключается в том, что старается передать оригинальный текст без прибавок, не изменяет его даже в том случае, если в нем находятся ошибки. Цель таких переводов, сделать доступным оригинальное произведение и для тех, кому по незнанию языка оно недоступно, дать им возможность наслаждаться и судить о нем.

А «*поэтический*» перевод нужен потому, что произведения иностранных авторов для большинства русских читателей пока еще недоступны: они понятны лишь для любителей и исследователей искусств. Однако, так как переводы делаются не для нескольких человек, *переводчик не только имеет право, но и должен выкидывать все, что без объяснения непонятно, что характерно только для эпохи писателя* (Нелюбин–Хухуни 2006: 269).

На основе наших современных знаний по переводоведенеию, мы с этим полностью согласиться не можем: пропущением, вызывающим в любом случае потери, переводчик может пользоваться лишь изредка, и в этом случае он должен компенсировать потери где-нибудь в тексте.

Через несколько лет Белинский выдвигнет противоположный тезис, в котором подчеркивает, что *цель перевода дать по возможности самое верное представление читателям о чужом тексте, не изменяя его.* Эти мысли обозначают как раз отрицание сути «поэтического» перевода. Позже в одной своей статье уточняет и понятие «художественного» перевода: «При переводе художественных произведений существует лишь одно правило, а именно: *нужно передать дух произведения, написанного на исходном языке, а это возможно лишь тогда, если переводить его так, как написал бы его автор, если бы он был русским»* (Нелюбин–Хухуни 2006: 270).

Также неоднозначна позиция Белинского относительно вопроса переводимости: с одной стороны, саркастически обращается к тем, по мнению которых переводить всегда, со всех языков и в любом случае лишняя трата времени, бесполезно и для литературы, и для общества, так как любой перевод трудно представить без прочтения оригинала. По его мнению, они, к сожалению, забывают тот факт, что переводы делаются в первую очередь для тех читателей, у которых нет возможности прочитать произведение в оригинале. Самое важное, что перевод литературных произведений одного народа на язык другого является основой знакомства и распространения мыслей людей, принадлежащих к разным народам, а также развития литературы и мышления. С другой стороны, Белинский подчеркивает, что у человечества нет ни одного значительного произведения, которое можно было бы перевести на другой язык без того, чтобы возникло желание у читателей этого перевода прочитать данное произведение в оригинале. А без прочтения оригинала – даже в случае самого удачного перевода – у читателя не может быть точного представления о нем (Нелюбин–Хухуни 2006: 270).

О том, допустимы ли прозаические переводы стихотворных произведений Белинский высказывался также по-разному. В 1838 году он считал важным при переводе сохранение формы (полагая, что в том случае, если перевод лучше оригинала, это уже не перевод, а переделка), *перевод стихов в прозе рассматривал как самый неверный и неточный перевод*. Но уже в 1847 году для него в большинстве случаев именно *этот метод становится самым подходящим*.

Причина этих противоречивых взглядов Белинского вероятно заключается в сам**о**м переломном характере эпохи. Но положения и выводы, содержащиеся в его рассуждениях в дальнейшем послужили стимулом для поисков специалистов теории и практики перевода (Нелюбин–Хухуни 2006: 271).

3. Заключение

Сравнивая переводческие концепции 18 и начала 19 века, можно установить следующее:

Начиная с 18 века вплоть до середины 19 века в кругу переводчиков поэзия считалась высшей формой по сравнению с прозой. Если в начале

18 века при Петре Первом в России с иностранных языков на русский переводят в первую очередь «полезную», т.е. научную и специальную литературу, то во второй половине века появляются уже и первые переводы мировой развлекательной литературы, разрабатываются принципы и методы художественного перевода, а к началу 19 века перевод превращается из ремесла в искусство.

В начале18 века переводы часто делаются не с оригинала, а в конце 18 и начале 19 вв. писатели-переводчики уже все реже пользуются языком-посредником, техника перевода постепенно совершенствуется.

В 18 веке передача иностранного текста ориентируется на «получателя» (переводят не слово в слово, но понятно для читателей), в то же время переводческая этика исключает полный произвол переводчика по отношению к автору оригинала. Во второй половине века наблюдается стремление к идеалу, допускается даже «плагиат» в современном понимании слова: важно лишь сохранение стиля и формы оригинала. В начале 19 века для некоторых переводчиков содержание является важнее формы, они свободно обращаются с текстом, перевод – это пересказ оригинала в собственном духе, поэтому является субъективным (Жуковский). Для других же переводчиков важна максимальная верность оригиналу: передача формы, ритма и объема (Катенин). Для третьих важно сохранить форму, передать мысли и стиль оригинала средствами своего родного языка (Гнедич).

Перевод в первой половине 19 века считался очень сложным занятием, предполагающим особый талант. Переводчики должны были отвечать следующим требованиям: владеть исходным языком и языком перевода, знать автора оригинала, уметь передать дух оригинального произведения, в то же время сохраняя стиль автора.

Литература

Нелюбин, Л.Л. – Хухуни Г.Т. (2006) Наука о переводе. Москва, Флинта.

Янкович М. (2011) У истоков переводоведения. // Gadányi K. (szerk.) Studia Slavica Savariensia 1-2. Szombathely, Nyugat-magyarországi Egyetem Kiadó. 147-155.

Янкович М. (2013) Переводческая деятельность в России в 18 веке. // Lendvai E. (főszerk.) Translatologia Pannonica 2013. 1.sz. A PTE BTK Fordítástudományi Kutatóközpont elektronikus folyóirata. 43-49. http://translator.btk.pte.hu/

Jankovics M. (2011) A fordítás elméletének és gyakorlatának orosz-magyar vonatkozásai. Szombathely, Nyugat-magyarországi Egyetem Kiadó.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 224-236
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.224

Jászay László
(Budapest, Magyarország)

NYELVÉSZETI SZEMPONTÚ MEGJEGYZÉSEK A VID-HASZNÁLAT TANÍTÁSÁNAK KÉRDÉSÉHEZ

(К лингвистическим основам преподавания глагольного вида)

Abstract: The article is devoted to the question, that should be incorporated form the results of linguistic research in the field of Russian verbal aspect to the educational material. The author pays attention mostly to the verbal perfective-imperfective pairs, analysis of the oppositional verbal types and the hierarchical system of verbal aspect usage rules.

Keywords: semantic types of aspectual pairs, oppositional verbal types, hierarchy of rules

0. Bevezető megjegyzések.

A helyes orosz nyelvhasználatnak elengedhetetlen része az igeszemlélet megfelelő használata. Ennek a részterületnek nincs egységesen elfogadott és követésre ajánlott módszertani útmutatója, – a tankönyvszerzők és a gyakorló tanárok bizonyos általános elvek alapján a kívánt nyelvi szinthez igazodva próbálják lépésről-lépésre felépíteni azt a funkcionális rendszert, amely megbízható alapot ad az orosz nyelven folytatott kommunikáció gyakorlatában. Tapasztalatból mindnyájan tudjuk, hogy ilyen irányú erőfeszítéseink nem mentesek bizonyos kudarcoktól, tudomásul vesszük, hogy olykor a negatív eredmények is az igeszemlélet elsajátításának elkerülhetetlennek látszó velejárói, sőt, azzal is tisztában vagyunk, hogy egy bizonyos szinten túl, az aspektuális árnyalatok gazdagságában a maximumra, a teljességre való törekvésünk illuzórikus célkitűzést jelentene. Az eredményes módszerek alkalmazásához részben a folyamatos oktatásbeli kísérletezésen keresztül vezet az út: a következtetések levonásával, a pozitív és negatív tapasztalatok értékelésével, a korábbi gyakorlat újragondolásával. E sorok írója nemcsak a gyakorlatorientált orosz nyelvtantanítás folyamatában vesz részt, de nyelvészként az igeszemlélet több elméleti vonatkozását is vizsgálta. Ezért magától értetődő számomra, hogy az orosz vid-használat tanítását annak nyelvészeti alapjai felől célszerű megközelíteni. Ennek az elvnek általában véve is természetesnek kell lennie, hiszen a tudományos elmélet és a gyakorlat között azért sem lehet szakadék, mert bármely helyt álló nyelvészeti elmélet a gyakorlati működés elvonatkoztatása nyomán jön létre, ill., megfordítva, valamely elmélet helyességét a gyakorlat próbája igazolja vissza. Erre a szoros összefüggésre vall L.V. Scserbának az a gondolata is, hogy a nyelvoktatás módszertana voltaképpen a nyelvtudomány alkalmazási területe, tehát alkalmazott nyelvészet. Az alábbiakban – a teljességre való törekvés igénye nélkül – megkísérlem összefoglalni azokat az általam kiemelten fontosnak

tartott nyelvészeti szempontokat, amelyek az igeszemlélet tanításában megkerülhetetlenek, de amelyek egynémelyike rejtve maradhat a gyakorló tanár számára, ezért a tanítási órákon többnyire nem is kap kellő figyelmet.

Tisztában kell lennünk azzal, hogy a különböző aspektuselméleti kérdések korántsem egyforma jelentőséggel bírnak a gyakorlati használat elsajátítása szempontjából. Ennek illusztrálására két példát említek.

1) Az egyik az aspektus általános, invariáns jelentésének meghatározása, mely e kutatási terület rendre visszatérő, „örökzöld" problémája (vö. a perfektivitás invariánsának tulajdonított különböző jegyeket: 'целостность', 'ограниченность пределом', 'достигнутый предел', 'точечность', 'возникновение нового состояния' stb.). Csakhogy a gyakorlatban nem az absztrakció szintjén van szükségünk a perfektív és imperfektív szemlélet jelentésére, hanem az invariánsnak a „variánsaira", azaz a kontextusban megvalósuló különböző specifikus jelentéseire (részjelentéseire).

2) Egy másik, az elméleti kutatásban klasszikusnak minősülő, de számunkra mellőzhető kérdés pedig az, hogy milyen típusú kategória a vid: osztályozó (s egyszersmind szóképző) vagy szóragozó (azaz szóalak-változtató) jellegű-e? E két felfogásnak megfelelően a szemléletpárok igéi valóban önálló külön igék-e ugyanabban a lexikai jelentésben, vagy ugyanazon igei lexéma két grammatikai alakjával van-e dolgunk? Gyakorlati szempontból azonban ez a dilemma nem lehet kulcsfontosságú kérdés, mert a vid használatáról minden lényeges tudni való kifejthető mind az egyik, mind a másik elméleti keretben is (vö. Зализняк–Шмелев 2000: 16). Nem mellékes tehát, hogy az igeszemlélet tanításának szempontjából mely nyelvészeti kérdéseket vesszük figyelembe. Az alábbiakban néhány olyan, részben elméleti kérdést helyezünk előtérbe, amelyek nem választhatók le az igeszemlélet gyakorlati elsajátítását célzó módszertanról, azaz esetünkben glottodidaktikainak minősülnek.

1. A vidpár fogalmának tisztázása

A vidpár (vagy szemléletpár, aspektuspár, igepár) fogalma kulcsfontosságú kérdés, mert a nyelvhasználat során, amikor aspektusváltást kell végrehajtanunk, akkor valójában vidpárokat használunk és nem pusztán „egyes" igéket. Ez tehát alapja mind a szemlélet gyakorlati alkalmazásának, mind e kategória tudományos leírásának. A szemléletpár nem csupán a szembeállított aspektusjelentések közvetítésének az eszköze, hanem egyúttal az aspektusnak mint elsődlegesen grammatikai kategóriának a „mértékegysége" is (vö. Черткова 1997: 241). A szakirodalom e tekintetben viszonylag egységes meghatározásokkal szolgál. A csupán megfogalmazásukban eltérő definíciók közös és leglényegesebb elemeként azt kell kiemelni, hogy a szemléletpárokba szerveződő igék nem különböznek lexikai jelentésükben, az ilyen igék között megnyilvánuló különbség kizárólag aspektusbeli (ld. pl. Авилова 1959: 21, Бондарко–Буланин 1967: 36, Тихонов 1998: 10, Падучева 1998: 35, Камынина 1999: 158). A magyar anyanyelvűek képzésében azonban a vid különböző oppozíciós típusainak figyelembe vételével (erről bővebben ld.

alább, a 2. pontban) célszerű az alábbiak szerint módosítani a meghatározást: **a** *szemléletpár olyan különböző aspektusú igék szembeállítása, amelyekben a korrelánsok lexikai jelentésbeli azonossága abban nyilvánul meg, hogy a praesens historicum (elbeszélő jelen) és az iterativitás pozícióiban a folyamatos ige is képes kifejezni azt az eseményt, amelynek jelölése alaphelyzetben a befejezett igéhez köthető* (Krékits – Jászay 2008: 194). E meghatározáshoz két kiegészítés kívánkozik: 1) Ez a meghatározás a „valódi", általánosan elfogadott szemléletpárokra vonatkozik. A továbbiakban azonban látni fogjuk, hogy létrejöhet részleges, nem teljes értékű szemléleti viszony is. 2) A lexikai jelentés páron belüli azonossága sem abszolút érvényű, mert az ún. erős pozíciókban történő szembeállítás (folyamat – befejezettség) esetén ez gyakran megkérdőjelezhető (erről is szó lesz a továbbiakban, a 2. pontban).

A fenti meghatározásban említett kritérium lényegében arra az azonos lexikai jelentésen belüli átváltási műveletre céloz, amely során valamely múlt idejű befejezett cselekvést elbeszélő jelenbe transzformálunk vagy bármely befejezett cselekvést ismétlődőként mutatunk be. Az oroszban mindkét átalakítás kötelező imperfektivációt von maga után, s ezt a próbát nevezzük röviden Maszlov-féle tesztnek (vö. Маслов 1984: 66). A szemléleti párság ellenőrzésének ez a módszere azért megbízható és követésre ajánlott, mert funkcionális elvű, s a kritérium teljesüléséből következik, hogy a befejezett ige egyéb kötelező imperfektiválásakor is – például. a fázisigei szerkezetekben (*начал записывать*) vagy a cselekvéshez való negatív viszonyulás esetén (*Зачем продавать машину?*) változatlan marad az ige lexikai jelentése. Látnunk kell azonban, hogy a Maszlov-féle funkcionális teszt alapján a szemléletpárok köre kiterjedtebb, mint ahogy ez a szótárak többségéből vagy a szótárakra építő tankönyvekből ez általában következik. Például, azon befejezett igekötős igék egy részét, melyeket kezdő jelentésük miatt az ún. kezdő akcióminőségekhez sorolnak (ld. *пойти, увидеть, услышать, закричать, почувтвовать*), gyakran eleve kizárják a szemléleti párságból, s ez ellentmond a gyakorlati használatnak, mely szerint a megfelelő alapigék folyamatos párnak tekintendők, amiről a fenti átalakítások alkalmazásával könnyen meg is győződhetünk:

(1) *Он* ***пошел*** *в угол, сел на лавку и уперся локтями в колени* (Федин, Старик) → Ugyanez elbeszélő jelenben: *Он* ***идет*** *в угол, садится на лавку и упирается локтями в колени.*

(2) *После тренировки он* ***пошел*** *домой, поужинал и лег спать.* → Ugyanez az iterativitás kontextusában: *После тренировки он обычно* ***шел*** *домой, ужинал и ложился спать.*

(3) *Я вошел и вдруг* ***увидел****...* → *Вхожу и вдруг* ***вижу****...* – azaz itt sincs okunk kétségbe vonni az igék páros voltát, továbbá, hasonló jelentésbeli megfelelés, azaz szemléleti viszony jön létre a többi fent említett igével összefüggésben is: *Он вдруг* ***услышал / закричал / почувствовал*** *– Он*

вдруг ***слышит / кричит / чувствует***. Vö.: *В общем, иду по улице и* ***вдруг слышу*** *какой-то стон* (Зощенко, Ночное происшествие).

1.1. A szemléleti viszony tágabb értelmezése. Az oktatási gyakorlatban célszerű az igepárok fogalmát tágabban értelmezni, amire éppen a funkcionális megközelítés ad alapot. Az elméleti aspektológiában is előfordul a „megközelítőleges szemléletpár" terminus, az utóbbi évtizedekben pedig e fogalom további árnyalására, ill. kiszélesítésére újabb, többnyire jelzővel pontosított megnevezések születtek: „funkcionális szemléletpár" (Гак 1996), „nem törvényes szemléleti kapcsolat" (Зализняк–Шмелев – ld. internetcímen), „delimitatív pár" vagy – a megszokott „pár" használata helyett – „aspektuspartner" (Lehmann 1988: 177–178). A szemléletpárokban megnyilvánuló aspektusbeli viszony és az akcióminőségek elválaszthatatlan kapcsolatára utal a kompromisszum jellegű „szemléleti akcióminőség" (видовой способ действия) terminus (Мелиг 1997: 186). Mindegyik megnevezés végső soron egyfajta „kvázi-szemléletpárság" létezésére utal, ennek pedig oly módon kell beépülnie az oktatási gyakorlatba, hogy bővül a korrelavív igék köre. A számos ilyen jellegű lehetőség közül ebben az összefüggésben a delimitatív akcióminőség igéire (*почитать, погулять, поиграть, поговорить, посидеть* stb.) szeretném felhívni a figyelmet, melyek az igekötő nélküli alapigével alkotott viszonyukban megközelítőleges szemléletpároknak foghatók fel, s ebből következően a *говорить–поговорить* típusú szembeállításokat a módszertannak inkább igepárokként kellene bemutatnia, semmint egymástól „független" pár nélküli igék használataként kezelni. Ily módon persze szembehelyezkedünk azzal az eljárással, amely az igék szótári feldolgozásában figyelhető meg, de be kell látnunk, hogy a szemléletpárok lexikográfiai keretekben megmerevedett interpretálása előbb vagy utóbb a vid tanításának fékjévé válik.

A *говорить* igénél maradva, a szemléleti viszonyt tehát úgy célszerű interpretálni, hogy ennek az igének 'mond / megmond' jelentésben – amint ez nyilvánvaló – a *сказать* ige alkotja a párját, de 'beszél' jelentésben a *поговорить*, – ez utóbbi esetben tehát nem egy abszolút folyamatos, ill. egy abszolút befejezett igét feltételezünk (ami egyenlő a szemléleti viszony tagadásával), hanem egyetlen poliszém alapigéből levezetett két különböző párt. Lássunk néhány egyszerű példát, amikor a delimitatívumokat elsősorban nem annak hangsúlyozására használjuk, hogy az adott, időben körülhatárolt cselekvés viszonylag rövid ideig tart(ott), hanem azért, mert az adott kontextusban befejezett igét kell, használni.

(1) *Я хочу* ***поговорить*** *с вами.* (2) *Как я обещал, я уже* ***поговорил*** *с ним.* (3) *Вчера мы даже не успели* ***погулять*** *(****поиграть*** *в карты).* (4) *Садитесь. – Спасибо, я* ***постою***. Ezekben a példákban a delimitatívum nem a rövid időtartamot hangsúlyozza (jóllehet valóban rövid idejű cselekvésekről van szó), hanem elsősorban azt, hogy (1) a cselekvés egyetlen konkrét alkalomra vonatkozik, ill. azt, hogy (2) az esemény a várakozásnak megfelelően megtörtént. A (3)-as példában az az *успеть* ige vonzata csakis

befejezett infinitívusz lehet, a (4)-es példában pedig jelen idő helyett az egyszerű jövő időt kell kifejeznünk. További jellemző kontextusa a befejezett igének, amikor egymás utáni, egymásra következő cselekvések sorozatát mutatjuk be: *Я позвонил начальнику,* ***поговорил*** *с ним и только потом пошел обедать. Пообедал,* ***погулял*** *и вернулся на работу.* Láthatjuk, hogy a delimitatívumok az ilyen és hasonló példákban ugyanúgy viselkednek, mint a senki által sem vitatott ún prototipikus szemléletpárok befejezett igéi.

Rövid összegzésképpen azt mondhatjuk, hogy a delimitaívumokkal alkotott igepárok a szemléleti viszonynak egy sajátos típusát képviselik, amely, ellentétben a hagyományos értelemben vett szemléletpárokkal, nincs összefüggésben új szituáció létrejöttével. Amíg a cselekvésnek a kezdő vagy az elért határpontja új szituáció létrejöttét jelzi (pl. *Я понял вопрос; Он сделал уроки*), addig a delimitatív ige csupán időben körülhatárolt perfektív cselekvést jelöl.

1.2. A vidpárok szemantikai típusai. Az igeszemlélet és az ige lexikai jelentése között szoros kapcsolat van, mely többek között a szemléleti viszony létrejöttében, ill. annak egyik vagy másik típusához való tartozásában is megnyilvánul. A lexikai jelentés már a szemléletpárok képezhetősége vonatkozásában „belép” az igeszemléletbe: a szótárak igei szócikkei alapján is nyomon követhetjük, hogy egyes páros igéknek bizonyos jelentésekben nincs befejezett párja. Olyan esetekről van szó, mint például *утверждать–утвердить* (pl. *постановление*) (’jóváhagy, megerősít), de ’hangoztat, állít’ jelentésben csak a folyamatos *утверждать* lehetséges. Kevésbé „rejtett” a lexikával való összefüggés, amikor a különböző jelentéseknek megfelelően morfológiailag más-más párt képezünk. Ezt a jelenséget a számos ilyen példa közül egy különböző igekötős és egy különböző szuffixális képzéssel illusztráljuk: 1) *готовить* – 1. *приготовить,* 2. *подготовить*; 2) *приложить* – 1. *прилагать,* 2. *прикладывать*.

A fenti mintapéldával illusztrált jelenség jól ismert a páros igék lexikográfiai bemutatása alapján. Mindezen kívül azonban fontos lenne figyelmet szentelnünk annak a kérdésnek is, hogy a szemléletpárok eleve különböző szemantikai típusokba tartoznak, és ez hatással van azok használatára is. Mindenekelőtt a folyamatos igék specifikus szemléletjelentéseire nézve vannak bizonyos, az általános lexikai jelentésből levezethető korlátozások. Az alábbiakban a vidpárok legjellemzőbb típusait tekintjük át röviden, öt csoportban.

(1) A szemléletpárok alaptípusát azok a szembeállítások alkotják, amelyek szemantikai tartalma eképpen jellemezhető: egy célirányos, határpontra utaló folyamat mint változás elvezet a határpont reális eléréséhez. Szemantikai szempontból különböző morfológiai képzésű párok tartoznak ide *делать–сделать, шить–сшить, писать–написать, строить–построить* (ezek perfektiválás útján jöttek létre), *решать–решить, убирать–убрать, переписывать–переписать* (ezeket imperfektiválással képezzük), ill *ловить–поймать* (mint szuppletív pár). Ezek a befejezett igék az abszolút határpont

elérésével jellemezhetők, ezért az ilyen cselekvések már nem folytathatók, amit aspektológiai elemzésekben ún. negatív diagnosztizáló példával szokás illusztrálni: **Он уже написал письмо, но всё еще продолжает его писать;*Она уже убрала комнату, но всё еще продолжает убирать ее* – és ehhez hasonló anomáliák bemutatásával. Az ebbe a csoportba tartozó pároknak a rezultatív jelentésükből következően egyik jellegzetes kontextusváltozata az, amikor a befejezett igével vagy tagadjuk, vagy megerősítjük a folyamatos igével leírt célra orientált folyamat végkifejletét, azaz a várt eredményt: *разное делал, но ничего не сделал; решал, но не решил; долго решал и наконец решил; ловил и наконец поймал.*

(2) Részben hasonló jelentéstartalom fejeződik ki a páros igék egy másik (összességében nem domináns) csoportjában (*худеть–похудеть, толстеть–потолстеть, крепнуть–опрепнуть, повышаться–повыситься, усиливаться–усилиться* stb.), de azzal a lényeges különbséggel, hogy az elért határpont (mondjuk úgy, az „eredmény") viszonylagos, ezért a cselekvés még tovább is folytatható. Ezt egyértelműen visszajelzi a fentebb alkalmazott diagnosztikai kontextus, mely ez esetben értelmes, lehetséges mondatot ad: *После операции она похудела и всё еще продолжает худеть; Температура больного повысилась и всё еще продолжает повышаться.*

(3) Külön szemantikai csoportba célszerű összevonni azokat a szemléletpárokat, amelyek folyamatos igéi az imperfektív szemlélet alapjelentését, magát a folyamatot nem képesek kifejezni: *находить–найти, достигать–достигнуть, побеждать–победить, лишаться–лишиться,* ilyen továbbá a *при-* igekötős mozgást jelentő igepárok imperfektív tagja – *приходить–прийти, приносить–принести* stb. A folyamatos igékre ezekben az esetekben azért van szükség, mert általuk kifejezhető a jelen idő praesens historicum változata, valamint az eredményes cselekvés ismétlődése. Ezt a fajta szemléleti viszonyt a következőképpen interpretálhatjuk: 'eredményes cselekvés többszörös megvalósulása (az abszolút határpont többszöri elérése)' – 'eredményes cselekvés egyszeri megvalósulása'. Funkcionális hasonlóságuk miatt ide sorolhatók, egyrészt a véletlenszerű cselekvések igéi is, melyek csak pillanatszerű cselekvésként értelmezhetők: *терять–потерять,ошибаться–ошибиться, спотыкаться–споткнуться* és hasonló párok, másrészt némely aspektushármas másodlagos imperfektívuma is, mint például a *есть–съесть–**съедать**, учить–выучить–**выучивать**, читать–прочитать–**прочитывать*** viszonyokban.

(4) A szemléletpárok egy bizonyos köre lényegében fordított viszonyt fejez ki, mint az (1)-es csoporthoz (az alaptípushoz) tartozó párok. Itt egy sajátos perfektumjelentésről van szó, olyan viszonyról, amelyben a folyamatos ige állapotot jelöl, amely annak következményeként jött létre, hogy előzetesen végbement egy befejezett cselekvés. Tehát a folyamatos igével jelölt állapot a befejezett cselekvés eredményét rögzíti. Például a *«я понимаю», «я вижу»* állapotról annak eredményeként beszélhetünk, hogy végbement a *«я понял», «я увидел»* állapotváltozás. Lényegében a leírtaknak megfelelően viselkednek a

következő szemléletpárok, melyek, a fentiekhez hasonlóan, lehetnek igekötős vagy szuffixális képzésűek: *увидеть–видеть, услышать–слышать, обрадоваться–радоваться, почувствовать–чувствовать, ощутить–ощущать, понять–понимать, увлечься–увлекаться, удивиться–удивляться.* Ennek a szemléleti viszonynak a lényege könnyen megragadható, ha azt szembeállítjuk a jól ismert s az alaptípushoz tartozó párokkal. Vö.: *Он пишет письмо* – ennek eredménye: *Он написал письмо*, ill. *Он понял вопрос* – ennek eredménye: *Он понимает вопрос.* Viselkedésüket tekintve „perfektumközelinek" minősülnek, ezért ide tartoznak az olyan szinonim viszonyok, melyeket befejezett múlttal, ill. jelen idejű, tehát folyamatos alakkal fejezünk ki: *Вода наполнила бассейн / Вода наполняет бассейн;Наши интересы совпали / наши интересы совпадают; Меня огорчил его отказ / Меня огорчает его отказ.*

(5) A mozzanatosságot jelölő *-ну-* képző alapján formailag is könnyen elkülöníthetők a következő párok: *прыгать–прыгнуть, толкать–толкнуть, дергать–дернуть, вилять–вилнуть,колоть–кольнуть, мигать–мигнуть, махать–махнуть, хлопать–хлопнуть* stb. Mivel azonban itt az aspektusviszonyok szemantikai (s nem formai) csoportosításáról van szó, ide kell sorolnunk azokat a párokat is, amelyekben a befejezett ige morfémás jelöltség nélkül is mozzanatos jelentéstartalmú: *бросать–бросить, хватать–хватить, ударять(ся)–ударить(ся).* Annak ellenére, hogy a morfémásan jelölt gyakorító jelentésű folyamatos és a mozzanatos jelentésű befejezett igék két különböző akcióminőséghez tartoznak, az oroszban ezek a szembeállítások egyben vidpárok is, mivel a Maszlov-féle teszt teljesítésével megfelelnek a szemléletpárság fentebb közölt definíciójának. Vö. pl.: *Он выбежал из дома и* ***прыгнул*** *через забор – Он выбегает из дома и* ***прыгает*** *через забор.*

1.3. A vidpárok képzéséről. Aligha vitatható, hogy az igeszemléleti szabályok ismerete, az aspektuális szituációkban való megfelelő eligazodás önmagában nem elegendő, ha nem tudjuk az éppen használni kívánt igepárt képezni. Elviekben egy egyszerű technikai kérdéssel állunk szemben: vagy folyamatos alapigéből képezünk befejezettet valamely igekötő vagy a *-ну-* képző segítségével (ez a perfektiválás), vagy befejezett igéből képezünk folyamatosat, általában az *-ыва- (-ива-), -а-* és *-ва-* képzők segítségével (ez az imperfektiválás). A tanítási munka során ezzel kapcsolatban az alábbi szempontoknak érdemes külön figyelmet szentelni:

1) Lényeges a szemléletpárt képző prefixumok és a lexikailag is módosító prefixumok elhatárolása. Ez a kezdő tanuló számára nem egyszerű feladat, mert ugyanaz a prefixum az egyik igével alkotott kapcsolatában tisztán aspektusképző, míg egy másikkal – a lexikai jelentést is megváltoztató (vö.: *вылечить* és *выбежать*, ill. *прочитать* és *прописать*). Ebben az összefüggésben az aspektusképző prefixumomok száma – igaz, korántsem azonos produktivitással – meglehetősen magas: 16. Ezzel szemben csupán néhány olyan igekötő van, mely nem képes részt venni a szemléletpár-képzésben (a grammatikalizálódott perfektiválásban) – ezek a *в-, до-, над-,*

пред- igekötők. A prefixáció néhány esetben együtt jár a tő megváltozásával: *сажать–посадить, вешать–повесить.* A *-ну-* képzővel való perfektiváláskor (pl. *толкать–толкнуть*) fel kell hívnunk a figyelmet arra, hogy létezik egy másik *-ну-* képző is, melynek a befejezett jelentéshez, ill. a mozzanatosság kifejezéséhez nincs köze (ld. a *гибнуть–погибнуть, крепнуть–окрепнуть* párokban). Itt szuffixális homonímiáról van szó.

2) Imperfektiváláskor, ha a folyamatosítás képzője *-а-*, akkor bizonyos szabályszerű hangváltozásokkal is számolnunk kell: *убедить–убеждать, прекратить–прекращать, украсить–украшать, ответить–отвечать* stb. Az *-ыва-* és *-а-* morfémák gyakran minősülnek variáns képzőknek, s így általuk létrejönnek az imperfektív morfológiai variánsok: *приготавливать / приготовлять, украшивать / украшать, осмысливть / осмыслять, приспосабливать / приспособлять, простуживаться / простужаться.*

3) Valamely igekötős befejezett igének párja lehet a kiindulásul szolgáló alapige és a tőnyújtásos ún. másodlagos imperfektívum is, melyek általában funkcionálisan vagy szemantikai árnyalatokban kiegészítik egymást. Ilyenkor beszélünk aspektushármasokról (pl.: *читать–прочитать–прочитывать, учить–выучить–выучивать, делить–разделить–разделять, слабеть–ослабеть–ослабевать*).

4) Egyes, szinkrón megközelítésben szuppletívnek minősülő visszaható igepárok befejezett igéiben nincs jelen a *-ся* morféma (*садиться–сесть, ложиться–лечь*), de ez a posztfixum bizonyos igekötős képzésekben (nem mindegyikben!) a befejezett igében is megjelenik: *рассесться, усесться* (de: *присесть*).

2. A folyamatos–befejezett viszony oppozíciós típusai

A szemléletpárokban megtestesülő és a beszédben megvalósuló folyamatos és befejezett aspektusjelentések viszonyát minősíthetjük „erős” vagy „gyenge” oppozíciónak. Ennek megkülönbözetése a módszertan szempontjából is fontos, – nyilvánvaló, hogy az erős oppozíció típusainak elsajátítása meg kell, hogy előzze a gyenge szembeállítás tanulmányozását. Az oppozíció akkor erős, ha szemantikailag ellentétes aspektusjelentések állnak szemben egymással, melyek nem cserélhetők fel a mondat alapvető értelmének megváltozása nélkül (ld. többek között Рассудова 1982: 11, Маслов 1984: 72-74). Másképpen fogalmazva, erős oppozícióban az imperfektív ige erős helyzetet foglal el, s ezáltal a szemantikailag viszonylagos állandóságot mutató perfektívummal való összehasonlításban ellentétes tartalom fejeződik ki (vö. Князев 2004: 110-111). Gyenge oppozícióban az ellentétes szemléletjelentések bizonyos mértékben kiegyenlítődnek, a markáns különbség elhalványul. Ennek következtében olykor elvileg fölcserélhetővé válik a két aspektusforma, s eközben a kijelentés általános értelme alapvetően nem változik meg. Az erős és gyenge oppozíció között nem vonható mindig éles határ, olykor a konkrét beszédhelyzettől függ, hogy az adott különbség a mondat értelme szempontjából lényegesnek vagy elhanyagolhatónak tekinthető-e. Utóbbi

esetben a két aspektus viszonylagos szinonímiájáról, azaz konkurenciájáról beszélünk. E két oppozíciós típusnak az eltérő jellege egyúttal jól szemlélteti az orosz vidkategória kétarcúságát, valamint a magyar nyelvben is előforduló szemléleti pároktól való elvi különbözőségét.

2.1. Az erős oppozíció. Ilyen szembeállítás esetén egy igepáron belül a folyamatos tag a maga elsődleges jelentésében vagy annak valamely variánsában áll szemben a befejezettel. Ennek bemutatására egy-egy idézünk példát az *открыть–открывать, убить–убивать, умереть–умирать* és a *делать–сделать* igepárokkal: *О, будьте уверены, что Колумб был счастлив не тогда, когда он* ***открыл*** *Америку, а когда он* ***открывал*** *ее* (Достоевский, Идиот). *На войне я научился убивать. Меня* ***убивали****, да* ***не убили****, и я* ***убивал*** *– некоторых* ***убил*** (С. Смирнов, Эшелон). *Князь Андрей не только узнал, что он* ***умрет****, но чувствовал, что он* ***умирает****, что он уже* ***умер*** *наполовину* (Л. Толстой, Война и мир). *Что же Бельтов* ***делал*** *в продолжение этих 10 лет? Всё или почти всё. А что он* ***сделал****? Ничего...* (Герцен, Кто виноват).

2.2. A gyenge oppozíció. Az aspektusbeli szembeállítás gyenge formájával akkor találkozunk, amikor a folyamatos és befejezett szemlélet privatív oppozíciót alkot. Az ilyen tartalmú viszonyban a befejezett ige szemantikai jelöltségével a folyamatos ige jelöletlensége áll szemben. A szemantikai jelöletlenség következtében az imperfektívum a kontextus támogatásával képes „behatolni" a perfektív jelentés szférájába, lehetővé téve a két aspektus szemantikai közeledését, végső soron, konkurenciáját. Néhány ilyen példa: *Я уже рассказывал / рассказал об этом; Кто брал / взял билеты?; В какой газете ты читал / прочитал об этом?; Где ты покупал / купил эти туфли?Я еще не писал / написал об этом.* Nem kétséges, hogy az ilyen esetek elemzése nem kaphat prioritást az erős oppozícióval szemben, ill. az ilyen árnyalatok vizsgálatának eleve csak a képzés magasabb szintjén van létjogosultsága.

3. Az igeszemléleti szabályok nyelvészeti nézőpontból

Fölvetődik a kérdés: hány gyakorlati szabályra van szükség ahhoz, hogy megtanítható legyen az orosz folyamatos és befejezett ige használata? A válasz nem egyszerű, s ráadásul indokolt így kezdeni: „az attól függ…" Közismert ugyanis, hogy a megfelelő orosz igeszemlélet megválasztása elsősorban a szituáció jellegétől függ, melynek alapján megfogalmazhatók a használati szabályok. Ugyanakkor a szituációk száma – még ha azokat típusokba rendezzük is – meglehetősen magas. A.A. Karavanov a haladó tanulók és az orosz nyelvet már használni tudók képzése számára készített kiváló igeszemléleti tankönyvében mintegy 70 szituációhoz kapcsolódóan kínál gyakorlatokat, ill. fűz azokhoz használati útmutatót, mondhatnánk, ennyi esetben fogalmaz meg szabályokat (Караванов 2004). V.V. Gurevics hasonló céllal írt munkájában az egyes gyakorlatokhoz kapcsolódóan 53 esetben közöl igeszemléleti magyarázatokat, azaz szabályokat (Гуревич 2008). Másfelől, ha

a nyelvészeti elvonatkoztatás alapján fogalmazzuk meg a két aspektus invariáns szintű lényegét, ezt egyetlen mondatba is belesűríthetjük: A szemantikailag jelölt befejezett szemlélet abban különbözik a folyamatostól, hogy az előbbi határponttal korlátozott egészszerű cselekvést (целостное действие) jelöl, s ennek következményeként nem kapcsolódik az ún. fázisigékkel, valamint a határozószók egy bizonyos osztályával (*с каждой минутой, из года в год, ежедневно* stb.). Nem kétséges, hogy önmagában ez vagy az ehhez hasonló általános „szabály" alkalmatlan a pedagógiai gyakorlatban, szükség van ennek az elvont állításnak a különböző beszédhelyzetekből kiinduló konkretizálására, azaz szükség van gyakorlatias szabályokra. Az ily módon megszülető használati útbaigazítások azonban nem azonos szintű (nem egyenrangú) szabályok. Az alábbiakban azt kívánom bemutatni néhány, az oktatás során gyakran hivatkozott szabály alapján, hogy az alkalmazott szabályok nem abszolút érvényűek, azok egymással hierarchikusan meghatározott viszonyban vannak, azaz egyik szabály felülírhatja a másikat. A szituáció valójában az egyik vagy másik szabály prioritását határozza meg (Ясаи 2011).

3.1. Vizsgáljuk meg azt a jól ismert szabályt, miszerint az ún. annullált eredményű cselekvéseket folyamatos igével fejezzük ki. Ezáltal tudjuk ugyanis megkülönböztetni ezt a jelentésárnyalatot a perfektumjelentést közvetítő befejezett cselekvéstől, amely az eredménynek a beszéd pillanatáig való megőrződésére utal: *Кто открывал окно?* (az ablak a beszéd pillanatában már zárva van, de korábban valaki kinyitotta) – *Кто открыл окно?* (az ablak a beszéd pillanatában nyitva van). Mielőtt továbblépnénk, szükséges megjegyezni, hogy ez a szemléletjelentés csupán azokkal az igékkel adható vissza, amelyeknek van ellentétes irányt kifejező konverzív párja (pl. *снимать–вешать, спускаться–подниматься* és hasonlók).

Előfordulnak azonban olyan esetek is, amikor az itt említett szabály nem érvényesül, azaz a múlt idejű folyamatos alak szerepel annak ellenére, hogy az eredmény nem annullálódott, hanem jelen van. Ilyenkor ugyanis a beszélőt elsősorban nem az eredmény érdekli, hanem bizonyos egyéb, mellékes körülmények. Képzeljük el a következő szituációt: a beszélő ugyan látja, hogy az ablak éppen nyitva van, de a kérdése nyilvánvalóan egyéb körülményekre vonatkozik, ezért elegendő a folyamatos alak: *Вы не знаете, кто* ***открывал*** *окно? На подоконнике лежали мои бумаги, их куда-то переложили* (Рассудова 1982: 56). Elviekben hasonló A.A. Karavanov példája is: *Кто последним* ***уходил*** *из аудитории? Вы не забыли выключить свет?* (Караванов 2004: 120).

3.2. Két, gyakran javasolt szabály konfliktusával van dolgunk a következő szituációban: az ajtó zárva van, ennek ellenére a konverzív cselekvésre utalva ('kinyitottad') a befejezett *открыл* alak szerepel: *Ты открыл дверь, как собирался? А почему она сейчас закрыта?* (Борисова 1998: 82). Jóllehet a kontextus egyértelműen arra utal, hogy a cselekvés eredménye nem őrződött meg a beszéd pillanatáig, itt mégis a befejezett múltat kell használni. Ennek

oka, hogy ún. elvárt cselekvésről van szó, ami befejezett szemléletet kíván. Láthatjuk tehát, hogy e két szabály nem egyenrangú.

3.3. Az annullált eredményű cselekvések kapcsán még egy, a tanuló szempontjából „ellentmondásos viselkedésre" kell felhívni a figyelmet. Egymás utáni, egymást követő egyszeri cselekvések esetén az imént vizsgált annullálódás már mellékes, mert mindenképpen befejezett igét kell használni: *Он вошел в комнату, зажег свет и сел* – még akkor is, ha ez az állapot már nem felel meg a beszéd pillanatának. Ilyenkor ugyanis a viszonyítás alapja egy másik cselekvés (ez a viszonyított idő), ezzel szemben annullált eredmény esetén a cselekvést a beszéd pillanatához viszonyítjuk.

3.4. Az egyik alapszabály: „a cselekvések egymásutánisága = befejezett ige". Ez valóban fontos és erős szabály, de jelen megfogalmazásában ez sem abszolút érvényű. Egyrészt felülírja ezt, ha a cselekvések ismétlődőként vannak bemutatva: *Каждый раз, когда он входил в комнату, зажигал свет и садился...* Másrészt, elbeszélő jelenben sem használható perfektív alak: *Он входит в комнату, зажигает свет и садиться...* Ez a szabály akkor nem ismerne kivételt, ha kiegészítenénk: a cselekvések egyszeri egymásutánisága múlt vagy jövő időben befejezett igét követel.

3.5. Valójában az ismétlődő cselekvéseknek a folyamatos igével való összekötése is „gyengíthető" kivételekkel, de ezektől kezdő szinten természetesen eltekintünk, sőt, még haladó szinten is mellőzhetjük mint túlzottan speciális használati formákat. A felső fokú nyelvtudásra irányuló képzésben azonban az ilyen esetekkel is foglalkozni kell. Az alábbiakban ebből a szempontból az ún. összegző jelentéspozícióra hívom fel a figyelmet, melyben befejezett ige szerepel. Az olyan használati formákról van szó, mint *два раза / три раза (дважды / трижды) повторил; несколько раз перечитал* stb. Az összegző jelentés megvalósulásának két feltételét lehet kiemelni.

1) Az egyik az, hogy a cselekvések együttesen bizonyos értelemben lokalizáltként legyenek felfoghatók, tehát időben ne legyenek széttagoltak. Ilyenkor úgy tekinthetjük az egyes cselekvéseket, mint azoknak egyetlen szituációra vonatkozó összegzését. A mennyiségileg is meghatározott ismétlődő cselekvések összegzését a köztük lévő viszonylag rövid (a beszélő által rövidnek tekintett) időintervallum teszi lehetővé. Vö.: *Он несколько раз повторил свой вопрос,* de *На уроках мы уже несколько раз повторяли эту тему*. Mindazonáltal az összegző jelentésnek ezt a hátterét én „gyenge előfeltételnek" nevezném, mert a szituáció fenti szempont szerinti értékelése nem ritkán szubjektív megítélés alá esik, ami a gyakorlatban nem más, mint az interpretálás módjának a szabadsága, azaz a két aspektus párhuzamos használatának a lehetősége: *Он звонил / позвонил два раза, но ему никто не открыл; Водитель три раза проверял / проверил зажигание машины, но двигатель никак не заводился; Преподаватель несколько раз повторял / повторил вопрос (чтобы ученики смогли записать его); Он несколько раз смотрел / посмотрел этот фильм, но так ничего и не понял.*

2) Az összegző jelentés „erős előfeltételének” azt a helyzetet kell tekintenünk, amikor a fentebb leírtakhoz a cselekvés szekvenciális kapcsolata is társul, azaz amikor a néhányszor (vagy meghatározott számban) megismételt cselekvés belép az egyszeri egymást követő cselekvések viszonyába. Ilyenkor a befejezett ige használata kötelező: *Он несколько раз пересчитал деньги и отошел от кассы* (nem: **пересчитывал*); *Он дважды перечитал / прочитал письмо и выбежал из комнаты* (nem: **перечитывал*). Az igeszemléletnek ez a fajta viselkedése is mutatja, mennyire erős szabálynak bizonyul az a helyzet, amelyben a cselekvések egymás után következése egyúttal meghatározza a befejezett ige használatát (vö. 3.3., ill. 3.4.).

4. A szabályok formális megközelítéséről

A gyakorlati szabályok többsége a szituáció jellegéből vezethető le, s ilyenkor a szabályszerűséget a jelentés elemzése felől közelítve próbáljuk megfogalmazni. Előfordulnak azonban egyszerűbb esetek is, melyeket gyakorlati szempontból elegendő, sőt célszerű pusztán formailag kezelni az aspektus szintagmatikai kötöttségéből adódóan. Ilyenkor a beszélőnek nincs mérlegelési lehetősége (melyik szemlélet a megfelelőbb?), választását az igei kapcsolatok kötöttségéből eredő normatív szabályok eleve meghatározzák. Az alábbiakban utalásszerűen, egy-egy példával illusztrálva felidézzük a leggyakoribb egyértelmű eseteket, melyek mindegyikét kivételt nem ismerő abszolút szabálynak kell tekintenünk, ezért elsajátításuk következetes odafigyeléssel nem okoz nehézséget.

4.1. A legismertebb alapvető szabály: fázisigékkel kapcsolódva az infinitívusz csak folyamatos lehet: *Он начал переводить текст; Мы продолжали выписывать газету; Завод перестал выпускать машины.* Terminológiailag ugyan nem fázisigék, de jelentésükből szintén következik a „folyamatos vonzat”: *Они привыкли ложиться спать рано; Наши форварды, наконец-то, научились забивать голы; Ей нравится переводить стихи.*

4.2. Szintén folyamatos az infinitívusz azokban a személytelen típusú kijelentő mondatokban, amelyekben a cselekvés szükségtelen, értelmetlen vagy felesleges voltát fejezzük ki, azaz negatívan viszonyulunk a cselekvéshez: *Не надо останавливаться; Не следует осуждать его; Не сто́ит смотреть этот фильм; Зачем продавать машину?*

4.3. Kötelező a folyamatos infinitívusz (feltehetően ezúttal is a negatív viszonyulásból adódóan) némely ige összetett állítmányában: *Я устал подниматься пешком; Мне надоело выслушивать твои объяснения; Хватит прогуливать занятия!*

4.4. Az infinitívusz tagadószóval mindig folyamatos az ilyen típusú mondatokban: *Прошу вас не уходить; Мы решили не начинать программу до вашего прихода; Преподаватель разрешил ему не писать контрольную; Мы посоветовали ему не садиться за руль в таком состоянии.*

4.5. Könnyen megjegyezhető az a néhány ige, amely összetett igei állítmányban mindig befejezett infinitívuszt követel meg maga mellett: *успеть, удаться, суметь, смочь, забыть*. Mondatokban illusztrálva: *Он успел вернуться до 10 вечера; В этом сезоне нашей команде удалось набрать 35 очков; Вы не смогли ответить ни на один вопрос экзаменационного билета; Сумеешь починить замок? Ты не забыл поговорить с ней?*

Irodalom

Krékits J. – Jászay L. (2008) Szláv igeaspektus különös tekintettel az orosz nyelvre. Budapest.

Lehmann, V. (1988) Der russische Aspekt und die lexikalische Bedeutung des Verbs // Zeitschrift für slavische Philologie XLVIII. 1., 170-181.

Авилова, Н.С. (1959) О категории вида в современном русском языке // РЯШ № 4, 21–26.

Бондарко, А. В. – Буланин Л. Л. (1967) Русский глагол. Ленинград.

Борисова, Е. Г. (1998) Частновидовые значения и практические правила употребления видов русского глагола // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. Отв. ред. М.Ю. Черткова, Москва, 80-87.

Гак, В.Г. (1996) Функциональные видовые пары в русском языке // Словарь, грамматика, текст. Москва, 62–71.

Гуревич, В.В. (2008) Глагольный вид в русском языке: значение и употребление. Москва.

Зализняк, А.А. – Шмелев, А.Д. (2000) Введение в русскую аспектологию. Москва.

Зализняк, А.А. – Шмелев, А.Д. Типы видовой связи // http://www.dialog-21.ru/Archive/2001/volume1/1_15.htm

Камынина, А.А. (1999) Современный русский язык. Морфология. Москва.

Караванов, А.А. (2004) Виды русского глагола: значение и употребление. Москва.

Маслов, Ю.С. (1984) Очерки по аспектологии. Ленинград.

Мелиг, Х.Р. (1997) Ответы на вопросы анкеты аспектологического семинара фил. факультета МГУ // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Т.2, 183-186.

Падучева, Е.В. (1998) Опыт систематизации понятий и терминов русской аспектологии // Russian Linguistics 22, 1998 / 1, 35-58.

Рассудова, О.П. (1982) Употребление видов глагола в современном русском языке. Изд. 2-е, Москва.

Тихонов, А.Н. (1998) Русский глагол. (Проблемы теории и лексикографирования) Москва.

Ясаи Л. (2011) Об относительности правил употребления видов русского глагола // Вестник. Будапешт. 73-77.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 237-243
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.237

Marko Jesenšek
(Maribor, Slovenija)

KARDOŠEV POMEN ZA OHRANITEV PREKMURSKEGA JEZIKA

Abstract: In the article we present the work of Janoš Kardoš and his significance for preservation of Prekmurje language in region between river Mura and Raba, especially his aspirations for educational system, publishing religious texts, adaptation of Christian "mrtvečne pesmi" and church songs and translation of Hungarian romantic poems to Prekmurje language. Kardoš was a preserver of the Prekmurje Slovene linguistic identity, Prekmurje literary language and motivator of the Slovene Hungarian literary contacts.

Keywords: Janoš Kardoš, history of Slovene language, prekmurijana, Prekmurje literary language, Slovene Hungarian contacts.

1. Janoš Kardoš, slovenski evangeličanski duhovnik, je »najveljavnejši« evangeličanski pisatelj za Števanom Küzmičem (Novak 1976: 71), je zelo pomemben za ohranitev prekmurskega jezika, ki ga je v pokrajini med Muro in Rabo »napopolno küncsnoszt osznôvo« (Flisar 1925: 95). Še zlasti si je prizadeval za prekmursko šolstvo, izdajal je cerkvena besedila, prirejal krščanske pesmi ter prevajal madžarske romantične pesmi v prekmurščino. Njegov pomen za razvoj prekmurskega jezika je primerljiv z obema Küzmičema, Košičem, Borovnjakom in Ivanocyjem, čeprav mu tega slovensko jezikoslovje ne priznava dovolj. Očita se mu, da ni razumel zgodovinskega trenutka, ko se je slovenski jezik na levi in desni strani Mure poenotil in s tem izpolnil temeljno romantično idejo: enoten slovenski knjižni jezik je konstitutivni element samostojne slovenske države (Jesenšek 2013).

Kardoš je bil ohranjevalec in nadaljevalec prekmurske slovenske samobitnosti,[1] ki jo je leta 1771 uveljavil protestant Števan Küzmič v prevodu Nouvega Zakona, pred njim že Temlin, Sever in avtor prvega prekmurskega abecednika iz leta 1725, začetki pa segajo k Martjanski pesmarici, rokopisu več pisarjev in prevajalcev, ki je »nastajal v daljši dobi« (Novak 1997: 21). Kardoševa posebnost je bila, da je samobitnost prekmurskega jezika uveljavljal nasproti madžarščini in nasproti novoslovenščini.[2] Šlo je za nejezikovno

[1] »Kardos za dühovnika vönavcsen je na dela presztor sztopo. Sto je on i ka je nam bio, vszaki evangelicsanec dobro zna. Kak piszatel je dalecs poznani, kak predgar lubleni dühovnik ne szamo od szvoji gmajnarov, nego visziko prestimani od szeszlovenszki i dalecs bodocsi vernikov.« (Flisar 1925: 96)

[2] »Med madžarsko revolucijo in uporom proti Habsburžanom se Slovenci med Muro in Rabo niso poenotili: katoličani so podprli Habsburžane ter se odločili za jezikovno poenotenje in združitev z osrednjeslovenskim knjižnim jezikom /…/, evangeličani na čelu s Kardošem so podprli madžarske borce za svobodo in Lajosa Kossutha, ker so se bali izrazito katoliško usmerjene habsburške politike.« (Jesenšek 2013: 103).

odločitev, ki je bila cerkveno-politično pogojena – poenotenje slovenskega knjižnega jezika sredi 19. stoletja je »razumel kot (dolgoročno) prevlado slovenske katoliške večine nad prekmursko evangeličansko manjšino«, saj se je bal, »da bo nacionalna združitev Slovencev v eni državi pomenila tudi versko združitev in poenotenje katoliške vere na celotnem slovenskem geografskem in nacionalnem prostoru.« (Jesenšek 2010). Kardoš je verjel, da bo slovenska evangeličanska vera v Prekmurju obstala le, če bodo Slovenci lojalni madžarski državi in njeni politiki v času dualizma.

Ideja o tem, da med Rabo in Muro prebivajoči (ogrski) Slovenci ne govorijo enakega jezika kot (avstrijski) Slovenci v osrednjeslovenskem prostoru in da je stari slovenski jezik razlikovalen do kajkavščine (dolgo časa je bila v Prekmurju nadomestni knjižni jezik) in »Trubarjeve slovenščine«, seveda ni bila Kardoševa, res pa je, da so bili evangeličanski duhovniki in verniki na koncu 19. stoletja prepričani, da svojo evangeličansko vero lahko obdržijo le, če se uklonijo madžarski politiki in sprejmejo neznanstveno tezo, da so *Vendi,* se odcepijo od matičnega slovenskega naroda in se asimilirajo v madžarskem prostoru. (Kozar-Mukič 2004: 6-10). Vendski pečat sta Kardošu podtaknila Melich in Mikola (1919), ki sta ob pogajanjih za priključitev Prekmurja in Porabja h Kraljevini Jugoslaviji na Pariški mirovni konferenci zapisal, da ima »vendski jezik /ima/ tudi svojo književnost, iz katere izstopa predvsem besedišče Janoša Kardoša, ki ni primerljivo s slovenskim.« (Horvat 2012: 23). Pri tem sta spretno prikrojila tudi Kardoševo misel o prevladi katolicizma v Prekmurju in Porabju, tako da sta predstavila protestantizem na območju »Vendske krajine« in poudarila, da bi s priključitvijo k Jugoslaviji protestanti izgubili svojo vero, saj kraljevina Jugoslavija ni naklonjena protestantizmu in nima protestantske cerkve ter šol za protestantske duhovnike. (Horvat 2012:24).

Slavič, slovenski pogajalec na Pariški mirovni konferenci, je odločno zavrnil neznanstveno vendsko teorijo, Kardoša pa je rehabilitiral in označil za enega izmed najpomembnejših prekmurskih Slovencev, tako da ga je postavil ob bok Števanu in Miklošu Küzmiču, Košiču, Barli, Ivanocyju in Pavlu) – imenoval ga je za uglednega izdajatelja evangelijskega katekizma in molitvenika (Slavič 1921: 24).

Kardoš nikoli ni spodbujal ideje o »enotnem in nedeljivem madžarskem narodu«, vendar pa se ga je zaradi lojalnosti do madžarske politike taka oznaka neupravičeno prijela – Šebjanič (Šebjanič 1966: 140) ga je zato prestrogo označil za človeka, ki je zagotavljal primerne jezikovne pogoje za utemeljevanje vendske teorije.

Ella Pivar (Pivar 2008: 8) se upravičeno sprašuje, ali je Kardoš »prekmurski narodni junak, dušni pastir, branitelj slovenstva v prekmurskih evangeličanskih gmajnah ali izdajalec slovenstva v Prekmurju«, hkrati pa zagovarja njegovo slovensko naravnanost in je prepričana, da ga je potrebno spoštovati, saj »je kot šolski nadzornik v jeziku *pavrov in prostega ludstva* napisal učbenike, prevajal pesmi, zakone, ker je to pač bil njegov materni jezik«. Kardoševe zasluge za

slovenski prekmurski jezik je pohvalil tudi Smej (Smej 2011: 225), ki je predstavil značilne jezikovne tvorbe (neologizme) »prekmurskega pisatelja Janoša Kardoša«, v katerih se »zrcali izrazna moč prekmurščine 19. stoletja«. Pritegniti moramo tistim sodobnim poznavalcem Kardoševega življenja in dela, ki prepoznavajo, tako kot Just (Just 2008: 9), v Noršincih rojenega in štirideset let v Hodošu službujočega slovenskega protestantskega duhovnika za »(so)oblikovalca prekmurskega slovstva, knjižne prekmurščine in madžarsko-slovenskih književnih stikov.« Kardoš je ob jezikovnem in književnem delu zaslužen tudi za izgradnjo tretje evengeličanske cerkve in šole v Hodošu.[3] Očitki, da je Kardoš poskušal opustiti prekmursko slovensko knjižno samobitnost in da je zagovarjal t. i. vendsko teorijo, ki neznanstveno zagovarja neslovenskost prekmurskega jezika, zato niso upravičeni.

2. Kardoš je bil literarno zelo dejaven; njegovo »delo je bilo prevajalsko tako obsežno, vsebinsko mnogostransko in jezikovno ustvarjalno« (Novak 1976: 71), da še vedno čaka na celostno predstavitev in natančno analizo. O njegovem jezikoslovnem delu je še največ pisal Jesenšek v treh monografijah o prekmurskem jeziku (2005, 2010a, 2013) in dveh razpravah (1998,[4] 2010[5]), Kardoševa bolj izčrpna biografija je bila objavljena v Düsevnem listu (Flisar 1925) in dvakrat v Evangeličanskem koledarju (Kuzmič 1975, Sočič 2013), njegovo prevajalsko delo pa je najbolj natančno predstavili Kuzmič (Kuzmič 1988: 27-31). Škafar (Škafar 1978: 93) navaja natančno trideset Kardoševih bibliografskih enot, tj. izvirnih del, prevodov in priredb, Kuzmič (Kuzmič 1975: 74-75) pa k temu dodaja »še veliko del« iz rokopisne zapuščine: (1) *Starisinsztvo i zvačinsztvo* (natisnjeno anonimno npr. v Monoštu 1898, 1909,

[3] »Po smrti duhovnika Cipotta (1834) je na njegovo mesto prišel duhovnik Janoš Kardoš. Bil je obenem tudi pomemben pisatelj in pesnik. V času njegovega službovanja so leta 1840 začeli graditi novo cerkev iz opeke, katero so sami pripravljali. Leta 1842 zgrajena, je leta 1843 cerkev bila blagoslovljena. Gre za še danes obstoječo, tretjo hodoško evangeličansko cerkev. Leta 1845 so začeli graditi še šolo in stanovanje za organista oziroma kantorja-učitelja.«
http://www.evang-cerkev.si/sl/page.asp?id_informacija=87&id_language=1&id_meta_type=1

[4] Jesenšek ugotavlja, da ima Kardoš nerodne opise slovničnih zakonitosti, da narečne posebnosti v Kardoševem jezikovnem priročniku ne dosegajo več ravni polnorazvitega strokovnega jezika, »kljub jezikovnim slabostim pa je Kardoš zagovarjal potrebo, da se je jezika potrebno učiti, da jezik potrebuje pravila, ki so zapisana in priznana kot norma in predpisi za vse pišoče in beroče Prekmurce; zato si je prizadeval uveljaviti najpotrebnejša pravopisna pravila in izpeljati prenovo pouka v prekmurskih protestantskih šolah. « (Jesenšek 1989: 132).

[5] »Prekmurski knjižni jezik se je oblikoval v 18. stoletju kot različica slovenskega knjižnega jezika – normo in predpis mu je določil protestant Števan Kuzmič. Katoliški pisci na čelu z Miklošem Kuzmičem so nadaljevali jezikovno usmeritev protestantov in do sredine 19. stoletja se je slovenski knjižni jezik v Porabju in Prekmurju razvijal zelo enotno. Takrat pa so se prekmurski katoliški pisci pridružili ideji enotnega slovenskega knjižnega jezika in začeli uporabljati t. i. novoslovenščino, protestantski pisci na čelu s Kardošem pa so v drugi polovici 19. stoletja še vedno nadaljevali jezikovno tradicijo Števana Kuzmiča in se niso odločili za poenotenje slovenskega knjižnega jezika, kakršno je napovedala Pomlad narodov in ideja o nacionalni, politični in jezikovni združitvi vseh Slovencev v samostojni državi. Dvojnični razvoj slovenskega knjižnega jezika je Kardoš s somišljeniki tako podaljšal še globoko v 20. stoletje.« (Jesenšek 2010: 231).

1911); (2) prevod epa Arany Janosa *Toldi, Toldia starost i smrt*; (3) prevod dela Stare zaveze (Düsevni list, priloga, 1926-1927); (4) prevod Vörösmarthyjevega dela Szózat/Klic; (5) *Evangeliomszke vere ino cerkvi obcsinszki prigodi* (pregled zgodovine krščanstva).

Kardoševe knjige, ki jih poznamo iz Škafarjeve bibliografije, pokrivajo štiri področja, in sicer je glavno skrb namenil (1) učbeniškemu sestavu za šolsko in versko vzgojo – abecedniki,[6] jezikovne vadnice,[7] čitanke[8] in metodika risanja[9] (2) bil je zbiratelj prekmurskega slovenskega narodopisnega gradiva – *Starišinstvo i zvačinstvo*, (3) pesnik in prevajalec ter (4) sestavljalec cerkvenih pesmaric (Sočič 2013: 250).

Kuzmič (Kuzmič 1988: 27–31) opozarja na pomemben Kardošev delež pri ohranjanju in razvoju prekmurskega jezika, literature in kulture.[10] Kardoš je kot mojster jezika zaslovel zlasti s prevodom epa Arany Janosa *Toldi, Toldia starost i smrt*; s tem prevodom se je "najbolje uveljavil" (Novak 1976: 72); Novak (Novak 1987: 9) navaja, da je Kardoš v sedemdesetih letih 19. stoletja »v svojih berilih prevedel – kot prvi v slovenščino – vrsto madžarskih pesnikov«, npr. Aranyja, Petőfija, Vörösmartyja, Gyulaija, Vajdo ... pred tem pa je leta 1848 v Kőszeki izdal tudi svoje »najpomembnejše delo«, priredil in uredil je pesmarico *Krstšanske cerkvene pesmi* (Novak 1976: 71), v Körmendi pa istega leta tudi *Krstšanske mrtvečne pesmi*. Pri tem ni le ponatisnil Barlove pesmarice (1823) in Sijartovih pogrebnih pesmi (1796), ampak je, naslanjajoč se na »na določeno tradicijo zapisovanja cerkvenih pesmi in na dela prvih prekmurskih protestantskih piscev«, skoraj v celoti na novo prevedel pesmi iz madžaršcine in pri tem pokazal na samobitnost prekmurskega knjižnega jezika, na njegovo knjižno tradicijo, ki sega v 18. stoletje. To pa kaže na velik Kardošev pomen za razvoj prekmurskega jezika, ki ga je Sočič (Sočič 2013: 254) prvi med slovenskimi raziskovalci pravilno ovrednotil: »Visoko je dvignil /Kardoš/ nivo jezikovnega izražanja, bogatil je jezik rojakov z novim izrazjem, skrbno pisavo, uveljavil odličnost pri uporabi materinščine, t. j. prekmurščine.« Bil je najboljši posrednik med madžarsko in slovensko literaturo ter jezikom, protestantski Avgust Pavel 19. stoletja – oba posrednika sta bila dolgo časa

[6] Npr.: Nôve ABC i zacsétne knige cstenyá za vesznícski sôl prvi zlôcs. V-Büdini, 1871. ABC ali Návuk na piszajo-cstenyé. V-Bécsi 1867. ABC zacsétne knige cstenyá. V-Budapesti, 1899. (prim. Škafar 1978).

[7] Npr.: Návod na flíszanya vu govorenyi i razményi, V-Büdini, 1870. Jezícsna flíszanya, V-Büdini, 1871. Návod vu szlovenszke A-B-C-ske i zácsétnoga csténya kniga za vucsitele. Buda, 1873.

[8] Npr.: Nôve knige cstenyá za vesznicski sôl drügi zlôcs. V-Büdini, 1870 (ponatisi: 1871, 1872). Nove ABC i zacsétne knige cstenyá za vesznicski sôl prvi zlôcs. V-Büdini, 1871. Szlovenszke nove knige cstenya za vesznicki sól III. zlocs. V-Büdini, 1872. Szlovenszke nove knige cstenya za vesznicki sól IV. zlocs. V-Büdini, 1872. ABC zacsétne knige csténya za vesznicske solé. V-Budapesti, 1899. (prim. Škafar 1978)

[9] Potikazács na zacsétno rovatanye. Návod za sólszke vucsitele. V-Büdini 1871.

[10] »Kardošev prevajalski delež torej ni majhen, zato ga ne smemo prezreti niti v slovenskem okviru /…/.« (Kuzmič 1988: 30)

napačno razumljena in premalo spoštovana predvsem med Slovenci. Ali kot je za Kardoša dejal Novak: »Na rokaj bi ga morali nositi, njega, pa vse drüge, kak velko delo so opravili!« (Sočič 2013: 256).

3. Kardošev velik pomen za razvoj prekmurskega jezika bo potrebno še natančneje ovrednotiti, pomembno pa je, da se v zadnjem času ruši stereotip, ki je bil povezan z njegovim imenom in ki ga je predstavljal v povsem napačni luči. Kardoš je eden najpomembnejših prekmurskih pisateljev, prirejevalcev in prevajalcev iz madžarščine v slovenski prekmurski jezik druge polovice 19. stoletja. Flisar (Flisar 1925: 97) ga je imenoval za najvrednejšega nadaljevalca Števana Küzmiča: »On je obprvim, kak jezicsar nas jezik :po tisztoj poti, stero je Küzmics zacsno, na teliko osznovo, ka sze v-nyem vszaka znanoszt, küncsna literatura lehko pravi.« Kardoševo prevodoslovno delo, zlasti prevajanje Aranyja, je označil za vrhunec slovenskega prekmurskega literarnega jezika 19. stoletja (»z-vogrszkoga vu lipoj nasoj szlovenscini tak verno presztavleno«) z domiselno primero, da bi bralec, če ne bi vedel, da je Kardoš prevajalec, mislil, da je originalno besedilo napisano v prekmurski slovenščini in prevedeno v madžarščino. Kdor želi spoznati lepoto »našega jezika«, naj prebere te pesmi! Kardoš je pravi dokaz, da nimajo prav tisti, ki mislijo, da prekmurski Slovenci v 19. stoletju niso imeli svojega knjižnega jezika (»niki zgrebni jezicsarje i piszatelje pomensavajocs trdijo, ka mi nemamo lasznoga piszmenoga jezika«).

Poglejmo za konec, kako umetelno ta knjižni jezik zveni v Düsevnom listu izpod Kardoševega peresa v odlomku prevoda tretjega speva Toldia Sztaroszt i Szmrt (Piszao: Arany J.; poszlovencso: Kardos J.):

Sztopa sztari Toldi v miszli vtonyen, sztopa
sto zna, ka zdaj miszli, ar li mucsecs sztopa;
znam jasz, kaj i voda gde je najtihesa,
je vszigdar v tekocsem potoki najglobsa,
Ni Bence, od kemao ideta, ne gucsi
ali on mucsanye li te'zko zadr'zi;
li prvo edno recs vö naj pove Toldi,
preci de jo znao on z vecsimi zvrsiti.

Tak je szkoncsao zdaj on, kaj sze blüzi k verti
pridruzi, tak da ni na pamet ne's vzeti,
teda gde sze szkasla (poleg szvoje dobi),
gde sze pa z jahancom szvojirn gucsecs lodi.
Ali i to potom on celo taniha,
ar modro previdi, kaj nika ne vala;
sla, potüvala szta escse dober presztor,
geto Miklos csiiti da ete pregovor:

Ne szva najne jame, ne zaman kopala,
vis, Bence, eti sze neva vecs poznala,

frliko vcsinijo i z mene dnesz vütro
i praviti majo: vörjemo csi scsemo ...«
Tu malo taniha, ali sze zadene,
zna csi de vecs gücso, kaj ga jocs prevzeme,
i tak neve, csi je edna szkrivna szkuza
ne polejala zdaj nyegvoga obraza.

Literatura

Flisar, J (1925) Prekmurja znameniti evang. možje. Kardoš Janoš. Düsevni liszt: mejszecsne verszke novine. Prejkmurszka evang. sinyorija, 20.07.1925, str. 95-98. http://www.dlib.si/?URN=URN:NBN:SI:DOC-IYR0QNK5

Horvat, I. (2012) Prekmurski knjižni jezik in vprašanje vendske teorije. Diplomska naloga. Filozofska fakulteta Univerze v Mariboru. Maribor.

Jesenšek, M. (1998) Jezik prekmurskih abecednikov in učbenikov v 19. stoletju. Slovensko-madžarski jezikovni in književni stiki od Košiča do danes : zbornik razprav. Košičev sklad. Budimpešta, 121-138.

Jesenšek, M. (2010) Kardoš in prekmurski knjižni jezik. IX. nemzetközi szlavisztikai napok, 2010. október 1-2., (Studia Slavica Savariensia, 1/2). Berzsenyi Dániel Főiskola. Szombathely, 231–239.

Jesenšek, M. (2010a) Prekmuriana: fejezetek a szlovén nyelv történetéből (Opera Slavica Budapestinensia, Linguae Slavicae). Balassi kiadó. Budapest.

Jesenšek, M. (2005a) The Slovene language in the Alpine and Pannonian language area. Kraków, Universitas, 2005.

Jesenšek, M. (2013) Poglavja iz zgodovine prekmurskega knjižnega jezika (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 90). Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta. Maribor.

Just, F. (2008) Hirešnji vend slovenski pesnik, koga goréči düh leščio i svéto de se nadale: Janos Kardos. Pén: Vestnikov mesečnik, št. 157, 8-9.

Kuzmič, F. (1988) Prevajalska dejavnost Janeza Kardoša. Prevajalci Pomurja in Porabja. Društvo slovenskih književnih prevajalcev. Ljubljana, 27-31.

Kozar Mukič M. (1997) Kossics József (1788–1867) a magyarországi szlovének kutatója. Vasi Honismereti és Helytörténeti Közlemények: a Vas megyei honismereti mozgalom folyóirata, št. 24/4, 5-10.

Mikola, S. in Melich, J. (1919) Vend honfitársaink! Budapest.

Novak, V. (1976) Izbor prekmurskega slovstva. Zadruga katoliških duhovnikov. Ljubljana.

Novak, V. (1978) Značaj in pomen prekmurskega slovstva. Bibliografija prekmurskih tiskov od 1715 do 1919. SAZU. Ljubljana, 7-14.

Novak, V. (1996) Martjanska pesmarica. Založba ZRC. Ljubljana.

Pillar, E. (2008) Hirešnji vend slovenski pesnik, koga goréči düh leščio i svéto de se nadale: Janos Kardos. Pén: Vestnikov mesečnik, št. 157, 8-9.

Smej, J. (2011) Jezikovne tvorbe Janoša Kardoša (1801-1875) v njegovem Moses I Josua. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 80). Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta. Maribor, 225-233.

Slavič, M. (1921) Prekmurje. Slovenska krščansko-socialna zveza. Ljubljana.

Sočič, L. (2013) Janoš Kardoš – njegovo delo in pomen. Evangeličanski koledarza navadno leto 2013. Tiskarna Klar. Murska Sobota, 246–257.

Šebjanič, F. (1966) Novejši književno-zgodovinski in kulturno-politični razvoj v Prekmurju. Panonski zbornik. Murska Sobota, 139–145.

Škafar, I. (1978) Bibliografija prekmurskih tiskov od 1715 do 1919. SAZU. Ljubljana.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 244-248
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.244

Ljubica Josić
(Zagreb, Hrvatska)

PROPITIVANJE ODRŽIVOSTI TROVRSNIH KRITERIJA LINGVOSTILISTIČKE ANALIZE KNJIŽEVNOGA TEKSTA

Abstract: The research focuses on questioning the sustainability of the three-type criteria in linguo-stylistic analysis of a literary text that builds its methodology on the basis of singling out, commenting and evaluating stylogenetics of units with an increased expressiveness. We are talking about the criteria for recognizing relevant stylistic units as deviations from the (differently understood) norm, then as places where additional (stylistic) information in a contextual sequence is achieved and as the consequence of the author's choice within the totality of linguistic possibilities. The conclusion refers to over-evaluation, but also to the necessity of preserving certain precepts of linguo-stylistic methodology applied to the research of a literary text.

Keywords: linguo-stylistics, style, stylem, deviation, additional information, choice

Uvod

Jezik je književnoumjetničkoga djela nesumnjivo legitimno područje jezikoslovnoga istraživanja, posebice ako je namjera istraživanja analizirati intenziviranje izražajnih mogućnosti jer se ono u prostoru stvaralačkoga ostvaruje u potpunoj jezičnoj slobodi, često i uočljivije negoli u drugim tipovima jezičnih realizacija. Međutim, upravo je sloboda kao temeljno obilježje jezika književnoga djela (što podrazumijeva nenormiranost i neimitativnost) navela suvremenu jezikoslovnu misao da propita je li riječ o tipu jezične funkcionalnosti istih premisa kao i u drugih funkcionalnih stilova, što je za posljedicu imalo da se književnoumjetnički stil unutar tradicionalne peteročlane funkcionalnostilističke razdjelbe sve češće promatra kao zaseban jezični kod, odnosno, kako ističe J. Silić (Silić 1997: 363), jezik *sui generis*. U takvu se kontekstu postavlja pitanje kako redefinirati lingvostilističku metodologiju s obzirom na to da su joj temelji zadani šezdesetih godina kada su bili izgrađeni na strukturalističkoj premisi poistovjećivanja jezičnoga standarda i sustava. Ovo će izlaganje analizom održivosti triju lingvostilističkih kriterija pokušati dati odgovor na nj.

O lingvostilističkoj metodologiji

Lingvostilistika se bavi uočavanjem, opisom i vrjednovanjem funkcionalne uporabe izražajnih sredstava u jeziku književnoumjetničkoga djela te je stoga deskriptivna disciplina. Izražajna sredstva su »oni fonetski, morfološki i rječotvorni, leksički, frazeološki i sintaktički oblici koji postoje u jeziku kao

sistemu za svrhu logičke i emocionalne intenzifikacije iskaza« (Pranjić 1983:255). Sva izražajna sredstva uporabljena u književnome tekstu nisu istoga stupnja izražajnosti, a neka od njih ostvaruju pojačanu izražajnost te mogu biti potencijalno stilogena. Pojačana im izražajnost omogućuje da, ostvarujući se u isti mah kao značenjsko-sadržajne jedinice, postanu nositelji estetskih efekata stila književnoumjetničkoga djela. Takve jedinice nazivaju se stilemima (obilježenim ili markiranim jezično-stilskim elementima ili jezično-stilskim dominantama). Stilski neobilježene jedinice mogu se naći u takvom kontekstu u kojem će postati obilježene, a obilježene jedinice mogu izgubiti svoju »dodatnu« vrijednost u kontekstu zasićenom sličnim izražajnim jedinicama te postati stilski neobilježene, odnosno stilski neutralne. To potvrđuje koliku važnost za ostvarivanje stilističke vrijednosti ima kontekst, a i to da stilem, kao i stilistička vrijednost, nije apsolutna kategorija.[1]

Stilem je osnovna jedinica lingvostilistike te se sažeto može definirati kao jezična jedinica koja »nosi određenu stilsku informaciju« (Katnić-Bakaršić 2001: 38). Jedinice pojačane izražajnosti mogu se pojaviti na bilo kojoj od jezičnih razina u tekstu (ili na svima) te se, sukladno razinama jezične strukture u gramatici, nazivaju semantostilemima, fonostilemima, morfo(no)stilemima, grafostilemima, leksikostilemima, sintaktostilemima i makrostilemima (tekstostilemima). Stilem stoga funkcionira kao hiperonim jer obuhvaća nabrojene vrste stilema nazvane po jezičnim razinama na kojima se stilski »dodatak« može uočiti i izolirati, »čime se ostvaruje njihov odnos kao potklasa prema klasi stilem« (Stolac 2008: 292).

Kriterij otklona

Ako se piščev stil promatra kao funkcionalno odstupanje unutar pojedinačnoga izraza, tada nužno u pokušaju definiranja stilističke vrijednosti stilema treba utvrditi u otklonu od kakva uzorka, pravilnosti, mjere ili ustaljenosti se ta vrijednost ostvaruje. S obzirom na to, pojmovi otklona i norme usko su vezani te nisu kakve mehanički primjenjive kategorije već su u lingvostilističkoj metodologiji deskriptivne kategorije i ovise isključivo o konkretnome kontekstu.[2] Dakle, spomenuta »pravilnost« ili »mjera« za

[1] Termin »stilem« ostao je do danas u uporabi, premda ne bez kritika. Tako primjerice V. Kalenić (Kalenić 1965: 196) ističe kako taj termin sugerira trajnost kategorije poput one u terminima »fonem« i »morfem« koji podrazumijevaju ograničen broj jezičnih jedinica. Stoga Kalenić upozorava da je stilem relativna kategorija jer se u tekstu može ostvarivati na mnoštvo načina koji se ne mogu egzaktno odrediti tj. svesti na ograničenu brojivost svojih oblika te predlaže njegovu zamjenu terminom »stilografska tačka«, no on u lingvostilističkim radovima nije bio šire prihvaćen. Slično tvrdi i Molinié (Molinié 2002: 97) kada raspravlja o dvojbenosti stilema kao stilističkoga koncepta naglašavajući kako su oznake stilema višeznačne (mogu biti u obliku autonomnih morfema, spojenih i statičnih morfema, leksičkih kategorija sa specifičnom ili promjenljivom vrijednošću, suoznaka u obliku obvezne asocijacije dvaju elemenata bilo koje jezične prirode, distribucije, sintaktičkoga sustava, melodije itd).

[2] Norma se uspostavlja u konkretnome kontekstu i nije prenosiva kategorija. Norma i devijacija u jezikoslovnom su smislu u potpunosti korelativi pojmovi jer u tekstu koji obiluje devijacijama

određivanje stilema jest konkretan govorni niz kojemu je stilem imanentna osobina jer se jedinica pojačanja izražajnosti promatra kao nepretkazivi element konkretnoga govornog niza, a tu pretkazivost ne određuje jezik kao sustav ni jezik kao standard već samo konkretan kontekst.

Zablude vezane za primjenu kriterija otklona uglavnom su se odnosile na usporedbu piščeva jezika s tzv. svakodnevnim jezikom jer su se time stilemi promatrali kao one jezične jedinice koje se u jeziku književnoumjetničkoga djela ostvaruju odudaranjem od tzv. uobičajene jezične uporabe.[3] U srži takva pristupa leži metodološka nepravilnost jer se njime dokida potreba da svaki funkcionalni stil pronalazi uzor u samome sebi jer se specifičnosti jednoga stila promatraju isključivo kroz prizmu razlikovnosti toga stila prema drugomu tipu stila, što uvodi mjeru iz jednoga tipa jezične uporabe u drugu. Lingvostilistička metodologija zaobilazi tako shvaćen kriterij te otklon ograničuje na princip nepretkazivosti konkretnoga konteksta. Također, izbjegava se opasnost shvaćanja kriterija otklona na ekskluzivistički način jer bi takva isključivost davala prednost onim piscima kreativnijega odnosa prema jeziku te bi se stilemi u njihovu izrazu proglašavali izražajnijima u odnosu na one pisce koji pišu unutar postojećih jezičnih mogućnosti.

Kriterij dodatne (stilske) obavijesti

Ako se odnos jezika i piščeva stila opiše kao odnos općega i pojedinačnoga, tada stil uvijek pretpostavlja izbor iz mogućnosti sadržanih u jeziku. Ipak, nije svaki jezični izbor i stilski izbor, već samo onaj koji se razlikuje svojom izražajnošću ili »viškom« obavijesti. Stoga se u tome kontekstu još uvijek može uporabiti Riffaterreova krilatica (Riffaterre 1989a: 525) »jezik izražava, a stil naglašava« (*language expresses and style stresses*). M. Riffatere individualnost književnoumjetničkoga stila uviđa kao heurističku prednost u istraživanju jer književni stilovi posjeduju osobine koje omogućavaju njihovo jasno razlikovanje te to razlikovanje promatra s pomoću »stilističkih instrumenata« ili sredstava naglašavanja na određenim mjestima u tekstu koja svojom nepredvidljivošću prisiljavaju čitatelja na pozornost i tako osiguravaju da se piščeva poruka »dekodira«onako kako je to pisac zamislio. Budući da prisutnost »stilističkih instrumenata« razlikuje izražajno pisanje od neizražajnoga, Riffaterre ih smatra specifičnim mehanizmima individualnoga stila pa tako i razlikovnim elementima književnoumjetničkoga stila i drugih funkcionalnih stilova.

Prema Riffaterreu, »stilistički instrument« jezična je jedinica koja je u strukturi jezične postave stilski relevantna jer prenosi stilsku obavijest kao svojevsrni estetski dodatak jezičnoj jedinici koje je dio, ali bez izmjene njezina

devijacija postaje norma.

[3] J. Derossi u tome kontekstu postavlja ovo pitanje: »Kako se može vjerovati da temeljni normativni sustav nekog jezika treba tražiti u svakodnevnu, komunikativnu jeziku uopće, u jeziku tobože objektivnom i lišenom najboljega mogućeg izbora?!« (Derossi 1972: 198).

značenja. Zbog toga su mnogi teoretičari skloni opisivati Riffaterreovu teoriju kriterija dodatne (stilske) obavijesti kao osuvremenjivanje teorije *ornatusa* s pomoću nazivlja teorije obavijesti. Ipak, kad se otklone mnogobrojne zamjerke Riffaterreovu modelu,[4] razvidno je da kriterij dodatne (stilske) obavijesti pridonosi učvršćivanju lingvostilističke premise o svojevrsnom »višku« obavijesti jer stilemi doista funkcioniraju kao stilski napregnuta mjesta u odnosu na kontekst u kojem se ostvaruju.

Kriterij izbora

Lingvostilistička je metodologija u glavnini utemeljena na kriteriju izbora. Međutim, piščev stil sagledan prema tome kriteriju implicira nekoliko problemskih mjesta: a) utvrđivanje pojedinačnoga i općega na razini desosirovske dihotomija *langue / parole*; b) razdvajanje stilskih izbora od pragmatičkih i gramatičkih jezičnih izbora; c) pitanje stilskih varijanata; d) razdvajanje svjesnih i nesvjesnih izbora; e) rekonstruiranje skupa jezičnih mogućnosti koji je bio na raspolaganju nesuvremenim piscima. Iz toga proizlazi da nam se, ako se na jezik književnoumjetničkoga djela gleda kao na izbor, nužno nameću mnoga pitanja koja se uvjetno mogu svesti na prvo problemsko mjesto, odnosno razjašnjavanje odnosa pojedinačnoga i općeg u jeziku.

Prema Siliću (Silić 2006: 181-2), među nekima od važnijih pitanja u tome smislu su ona koja se odnose na opseg unutar kojeg se ostvaruje izbor, potom ima li izbora unutar jezika književnoumjetničkoga djela kao individualne tvorevine, je li individualno »birljivo« te može li se birati iz »nebirljivoga«. Odgovore na ta pitanja, upućuje nas isti autor, treba tražiti unutar kategorija »postojećeg« i »postajućeg«, odnosno unutar jezika kao standarda (jezik *in actu*) i jezika kao sustava (jezik *in potentia*). Jezik kao sustav nema izbora jezičnih sredstava u smislu obveze njihove uporabe te dopušta sve moguće izbore koji su u funkciji jezičnoga oblikovanja književnoumjetničkoga djela, iz čega proizlazi da se piščev izbor ostvaruje u jeziku kao sustavu, a ne jeziku kao standardu.

Zaključak

Ako se kriterij izbora shvati kao izbor iz potencijalnih mogućnosti jezika (jer se u prostoru stvaralačkoga može slobodno jezično oblikovati i sukreirati), a kriterij otklona kao nepretkazivost stilema u konkretnome kontekstu govornoga

[4] Teorija stila o dodatnoj obavijesti u konačnici nije uspjela objasniti što neku verbalnu poruku čini književnom te je to pitanje ostalo aktualno do današnjih dana: »Jezikoslovnom se raščlambom mogu pouzdano ustanoviti jezični podaci u svakoj jezičnoj postavi, pa tako i u književnome djelu, a izvan jezikoslovnoga (i uopće jezičnoga) ostaje estetsko vrednovanje promatrane postave kao i je li ona književna ili neknjiževna. U tome je teorija o otklonu (odstupanju) od norme i teorija o dodatnoj (estetskoj, stilističkoj) obavijesti slabo pomogla jezikoslovlju, a i (lingvostičkoj) stilistici i zato su im ›slaba mjesta‹ s pravom kritizirana…« (Samardžija 2003: 12).

niza, tada lingvostilistička metodologija zadržava konzistentnost i ostaje dobrodošla pomoć u istraživanju piščeva izraza. Ona nudi znanstveni aparat kojim se razglobljuju jezično-stilske sastavnice piščeva izraza radi jezično-filološkoga komentara (bez interpretacije u estetskome smislu). Tim se komentarom može bolje razumjeti ne samo vlastitost piščeva jezika nego i veza jezičnoga prijenosa ili ostvaraja ostvarivoga na osi jezično-stilskih sastavnica djela i jezika kao skupa nebrojenih mogućnosti.

Literatura

Derossi, J. (1972) U susret modernoj hrvatskoj stilistici, Umjetnost riječi 16, br. 203, 187-202.

Kalenić, V. (1965) Jezik i umjetnički izraz Augusta Šenoe. Sveučilište u Zagrebu. Ljubljana. (doktorska disertacija).

Katnić-Bakaršić, M. (2001) Stilistika. Ljiljan. Sarajevo.

Molinié, G. (2002) Stilistika. (prijevod G. Rukavina). Ceres. Zagreb.

Pranjić, K. (1983) Stil i stilistika. Uvod u književnost: teorija, metodologija. Ur. Z. Škreb i A. Stamać. Grafički zavod Hrvatske. Zagreb.

Riffaterre, M. (1989a) Kriteriji za stilsku analizu (preveo D. Pleić), Quorum 5, br. 5(28), 524-537.

Riffaterre, M. (1989b) Stilistički kontekst (preveo D. Pleić), Quorum 5, br. 5(28), 538–545.

Samardžija, M. (2003) Piščev izbor: prinosi (leksiko)stilistici i tekstologiji hrvatskoga jezika. Pergamena. Zagreb.

Silić, J. (1997) Književnoumjetnički (beletristički) stil hrvatskoga standardnog jezika, Kolo 6, br. 1, 359-369.

Silić, J. (2006) Funkcionalni stilovi hrvatskoga jezika. Disput. Zagreb.

Stolac, D. (2008) Metodologija sintaktostilističkih istraživanja. Vidjeti Ohrid. Hrvatsko filološko društvo – Hrvatska sveučilišna naklada, Zagreb, 287-300.

Tikvica, Lj. (2008) Riffaterreovi koncepti stilema i stilističkoga konteksta u suvremenoj stilistici. Studia lexicographica 2, br. 1–2, 139-153.

Vuletić, B. (2006) Govorna stilistika. Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu, Odsjek za fonetiku. Zagreb.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 249-261
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.249

Ольга Бодовна Кафанова
(Санкт-Петербург, Россия)

АМПЛУА ПЕРСОНАЖА-НЕМЦА В РУССКОЙ ФЕМИНИСТСКОЙ ПРОЗЕ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Abstract: Russian philosophers wrote about the mysterious Russian contradictory nature, which consists in the unconnected in him the masculine and feminine principles. Courageous will always start from the outside, hence the eternal dependence on foreign. In the new conflicts of Russian literature appears the character of German nationality, who plays the role of a friend, a symbolic «father», the defender of the girl, not finding understanding in society. Another of his «role» is due in feminist prose with his role her husband, the love triangle resolving the situation in a new way, in terms of ideas of feminism. Thus, the «foreign» becomes «his».

Keywords: women's emancipation, disengagement husband, a symbolic «father».

Русские философы (и в особенности Н. Бердяев) отмечали загадочное противоречие русского характера, в котором принципы феминности и маскулинности разъединены. «Россия остается неразгаданной тайной, – писал Бердяев – <…>. Бездонная глубь и необъятная высь сочетаются с какой-то низостью, неблагородством, отсутствием достоинства, рабством. <…> Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждет жениха, мужа, властелина. Россия – земля покорная, женственная <…>. Мужественное начало всегда ожидается извне, личное начало не раскрывается в самом русском народе. Отсюда вечная зависимость от инородного. <…> С этим связано то, что все мужественное, освобождающее и оформляющее было в России как бы не русским, заграничным, западноевропейским, французским или немецким или греческим в старину. Россия как бы бессильна сама себя оформить в бытие свободное, бессильна образовать из себя личность» (Бердяев 1990: 19).

По-видимому, эта особенность объясняет отчасти, почему генезис женской прозы в России сопровождается введением нового персонажа, немца по происхождению, который утрачивает комические черты, характерные для предшествующей традиции его изображения в русской культуре (Кантор 2005; Оболенская 2000; Разумова 2009). При этом немцам принадлежит особое место а русской литературе. Именно ему часто отдавалось предпочтение в качестве персонажа-инородца по причине его связей с культурой высокой духовности, контекст которой представлен именами Шиллера и Гёте. В свою очередь, женщины-авторы

актуализировали одну из антиномий Гофмана, а именно социально-психологический тип художника, противопоставленный филистеру.

Феминистская литература, основным критерием которой является защита женских прав, включает в России творчество двух полов. Однако авторы-женщины опередили в раскрытии этой темы мужчин на несколько лет. Женская феминистская проза появляется в России в 1830-е гг. под непосредственным влиянием творчества Жорж Санд (Кафанова 1998). Усвоение в России произведений этой французской писательницы распадается на три различных периода по хронологии и в связи со степенью влияния на русскую культуру. Это эпоха 1830-х гг., совпадающая со временем развития романтизма; затем «сороковые годы», когда появляется «натуральная школа», то есть ранний русский реализм; и, наконец, шестидесятые годы, период беспощадной идеологической и эстетической борьбы между либералами и демократами в отечественной словесности.

Революция в понятиях любви, брака, «добродетельной» и «падшей» женщины, которую Жорж Санд производила в своих романах, объединила против нее в 1830-х гг. критиков и журналистов разной эстетической ориентации. Фаддей Булгарин и Осип Сенковский, Павел Плетнев и молодой Виссарион Белинский выступили против феминизма и Жорж Санд как его идеолога. Разрушение патриархатной системы ценностей было неприемлемым для большинства русских литераторов того времени, потому что они находились под глубоким влиянием идеалистической немецкой философии, и в особенности философии Гегеля. Франция и французская литература вызывали враждебность русского общества, которая была следствием, с одной стороны, недавней войны с Наполеоном, а с другой – объяснялась неприятием «неистовой словесности» («école frénétique»), к представителям которой причисляли молодого Бальзака, Жанена, Жорж Санд и других менее значительных французских авторов.

Это неоднородное с точки зрения поэтики явление отражало ломку идеалистических представлений и служило идеологической предпосылкой для формирования реалистических и натуралистических тенденций в искусстве. Для русских критиков понятие «отвратительного» («odieux») во всей его многозначности было частью эстетической проблемы соотношения искусства и действительности. Вследствие сильнейшего влияния идеалистической философии на русскую общественную мысль 1830-х гг. вопрос о возможности изображения всех (в том числе и неприглядных) сторон жизни решался преимущественно отрицательно. Разрушение мифологемы «святости» брака, которое вытекало из пафоса первых сандовских романов «страсти», представлялось большинству русских критиков 1830-х гг. безнравственным. Негативному восприятию творчества Жорж Санд способствовало и прямое отождествление ее героинь с нею самой.

Личность и творческая судьба писательницы воспринимались как воплощение того «отвратительного» начала, которое было направлено на разрушение основ общественного «порядка».

Самая главная роль в создании негативного образа Жорж Санд и всего ее романного творчества принадлежала журналисту и писателю Осипу Сенковскому, редактору «Библиотеки для чтения». Лейтмотивом всех критических выступлений этого по-своему талантливого журналиста против Жорж Санд было глубокое отвращение к женщине, нарушающей супружескую верность. Именно в подобных ситуациях изображались Индиана и Валентина, героини одноименных романов 1832 г., или Фернанда («Жак, 1834). Этот персонаж, маргинальный с точки зрения общепринятой нравственности, вызвал единодушную враждебность критиков-мужчин, и, напротив, глубокую, но скрытую симпатию авторов-женщин.

Жорж Санд несомненно стимулировала в России развитие женской и феминистской прозы. Такие беллетристки, как Е.А.Ган (1814–1842), М.С.Жукова (1805–1855), Е.П.Растопчина (1805–1855), первыми выразили моральные и интеллектуальные требования своих современниц. Они защищали, хотя еще довольно робко, права женщин в семье и интимной жизни. Не упоминая из соображений предосторожности имени Жорж Санд, они использовали элементы сандовских сюжетов. Вслед за знаменитой французской писательницей они изображали своих героинь в разных ситуациях их повседневного существования и рассматривали возможные конфликты с обществом.

В период 1830-х гг. актуализировалась дискуссия о женском писательском творчестве. С самого начала русская критика (мужская по преимуществу) негативно отнеслась к женщинам-авторам, которых нередко обвиняли в безнравственности только за их стремление к публичному признанию. Именно женщины начали в литературе говорить о страданиях русской девушки, особенно провинциалки, наделенной поэтическим, музыкальным или художественным талантом. При этом, как это ни странно, выстраивалась некая аналогия между женщинами и немцами в России: женщины, немые до тех пор, впервые поднимая свой голос в литературе, прибегали к персонажу другой национальности, который мог бы поддержать потребности их героинь в познании самих себя. Таким персонажем и стал немец (т.е. «немой» по семантическому значению слова).

Очень много этнических немцев, но немцев обрусевших встречается в повестях М.С.Жуковой. Феминистская проблематика занимает центральное место в ее творчестве. В судьбе Жуковой есть сходство с судьбой Жорж Санд: обе женщины родились в одном и том же году, «разъехались» со своими мужьями (но не развелись, потому что официальный развод был невозможен в это время) и должны были зарабатывать на жизнь литературным творчеством (Иезуитова 1986: 268-

282). В цикле Жуковой «Вечера на Карповке» (1837) появляется несколько персонажей немецкого происхождения в амплуа друга, поверенного женщин. Один из рассказчиков, судя по его отчеству (Иван Карлович) – немец, но национальность его полностью игнорируется, стирается, поскольку он самый лучший и сердечный друг старушки Шемиловой, в доме которой собирается круг близких людей: «Давно уже он был врачом и поверенным душевных и телесных болезней Натальи Дмитриевны, которая любила его как ближнего родного» (Жукова 1986: 7). Смешные черты в его характере отходят на задний план, растворяются в доброте, которая распространяется на всех окружающих: «Старичок, веселый, почти квадратный, вспыльчивый до бешенства с больными, выходившими из повиновения, и добрый до слабости с здоровыми и друзьями» (Жукова 1986: 7). Для Натальи Дмитриевны видеть его каждый вечер «было необходимостью», и она места себе не находила, когда он запаздывал.

В других повестях Жуковой этого цикла герой немецкого происхождения уже не врач, а музыкант по профессии, но также выступает в роли друга, учителя, наперсника девушки. В повести «Медальон» (1837) определились черты любимой героини Жуковой, образ которой она затем не раз будет варьировать в произведениях 1840–50-х гг. Это небогатая сирота, которую воспитывают из милости в знатном семействе, или же провинциалка. Она живет интенсивной духовной жизнью: книгами, музыкой, общением с природой. Ее отличают естественность и искренность поведения, поскольку она не испорчена светскими правилами. Как глубокая натура, она способна на сильное настоящее чувство и самопожертвование в любви. Маша, скромная воспитанница в богатом княжеском доме, казалась некрасивой, невзрачной рядом с блестящей Софьей, дочерью князя З***. Но ее способность тайно, глубоко и преданно любить доктора Вельского, по убеждению автора, возвышала ее, делала значительнее легкомысленной соперницы. Никто из окружающих не видит скрытой красоты ее души, кроме ее учителя музыки, Гутенгерца.

Жукова впервые вводит образ старого немца-музыканта, который, глубоко чувствуя музыку, без труда читает и в сердцах своих учениц: «Никогда добрый старик не искал исторгнуть ее доверенности или навязаться с дружбою; но есть случаи, когда душа человеческая напрасно желала бы заключиться сама в себе: чувство, наполняющее ее, выходит из берегов и разрушает все преграды, пока не встретит другое, готовое принять избыток его; так случилось с Мариею, и г-н Гутенгерц сделался ее поверенным» (Жукова 1986: 92).

Учитель музыки Гутенгерц становится утешителем, ангелом-хранителем сироты Марии, доверяющей ему все свои тайны. Жукова передает душевную щедрость этого человека и через имя, связанное с семантикой доброты: guten Herz.

И в более поздней повести «Дача на Петергофской дороге» (1843) наперсником любимой героини писательницы становится старый немец Карл Адамович. Мотив музыки станет у Жуковой важнейшим приемом раскрытия внутреннего мира, а восприятие искусства одним из показателей духовного развития личности. Созданный писательницей образ молодой женщины, глубоко чувствующей искусство, и духовно близкого ей немца-музыканта, получит развитие впоследствии в творчестве писателей-реалистов. Интенсивная внутренняя жизнь, особое пристрастие к занятиям музыкой, обостренное чувство собственного достоинства, – все эти черты воплотятся позднее в образе друга Лизы Калитиной, гениального музыканта Лемма из «Дворянского гнезда» И.С. Тургенева.

Образ Карла Адамовича более сложен, чем образ Гутенгерца. Его характер складывается из противоположных черт: он немец по национальности, но родился в Петербурге; он каждую весну мечтает поехать в Германию, но никогда не бывал в стране своих предков. В его портрете присутствуют комические черты. Истинный художник, он страдает непростительной слабостью: часто впадает в запой и во время этих кризисов тратит все свои сбережения. Повествовательница передает мнение о нем филистеров, которые видят в старом учителе неисправимого чудака, если не глупца: «Карл Адамович, человек лет под 60, страстный музыкант, был петербургский уроженец, весь век ходил в темно-зеленом поношенном сюртуке и весь век свой собирался *на весну* уехать в Германию; <…> пил в ее честь по целой неделе; <…> в пылу своего разгула он обыкновенно забирал деньги у помещика, и часто даже вперед; <…> по окончании припадка он оставался с больною головою и очень часто с совершенно пустым кошельком» (Жукова 1987: 278–279). Его оригинальность сродни чудаковатости героев-художников Гофмана: он преображается, когда общается с другим художником, способным его понять. Зоя, героиня повести «Дача на Петергофской дороге», сделалась его любимою ученицей: у нее он проводил целые часы, «с нею вспоминал… несравненную Зонтаг, <...> но уже не собирался в Германию» (Жукова 1987: 281).

Зоя обладала музыкальным талантом и прекрасным голосом. Неудивительно, что очень скоро она стала для Карла Адамовича «воплощенною идеей музыки», воплощенною идеей музыкальной Германии, и он привязался к ней, как привязывается артист к своему любимому идеалу, как старик к существу, которое на закате жизни подарило его отблеском утренних его радостей» (Жукова 1987: 281). Что касается самой Зои, то ее учитель музыки стал для нее, сироты, самым дорогим и близким человеком: «Ее любовь, ее душа была – фортепиано и Карл Адамович» (Жукова 1987: 277). И в этом признании не было иронии.

Таким образом, герой-немец, персонифицирующий тип артиста,

выполнял своего рода роль защитника, друга русской девушки в произведениях Жуковой. Подобного героя мы находим и в произведениях Е.А. Ган (урожд. Фадеева, 1814–1842), которую критики назвали «первой русской феминисткой» и «русской Жорж Санд» (Некрасова 1886: 555; Сахаров 1992: 16).

Ган прожила очень недолгую, полную страданий жизнь (на ее долю выпали ранний, в шестнадцатилетнем возрасте, брак с духовно чуждым ей человеком, смерть ребенка, нищета, душевное одиночество в пошлой, захолустной среде, наконец, неизлечимая болезнь). Успев написать одиннадцать повестей, она почти в каждой из них, приближаясь к форме исповеди, показывала столкновение возвышенной мечты об идеальной любви и высоком предназначении женщины с грубой прозаической действительностью. Описывая по преимуществу то, что она сама пережила и перечувствовала, Ган смогла выразить духовные потребности многих представительниц своего пола, жаждущих признания прав личности, в особенности творческой. В своих повестях «Идеал» (1837) и «Суд света» (1840) она говорит о несправедливости общества по отношению к девушке или женщине, наделенной талантом или деликатной душой. В последней своей повести «Напрасный дар» (1842) она вводит в качестве персонажа немца, усложняя его функции, по сравнению с образами немцев в произведениях Жуковой.

Ган, сама прятавшаяся под псевдонимом «Зенеида Р-ва», обратилась в своей повести к «наболевшей» проблеме, изображая девушку – «поэта, убитого силою своего таланта» (Зененида Р-ва 1842: 15). Старый учитель Анюты, Гейльфрейнд, в прошлом «даровитый студент Берлинского Университета», потерявший семью, скитающийся по чужим странам и начавший «топить свое горе в вине» (Зененида Р-ва 1842: 18), выступает своего рода идеологом. Распознав «незаурядный ум» и «небесный дар» девушки, он с горечью признает неравенство полов в современном обществе. Мужчине «открыты все пути искусства, наук, поэзии, славы», тогда как женщина, равная ему талантами, «должна прозябать в пустыне, в неизвестности, далеко от света, от всех великих образцов, от всех средств к учению, которого так жаждет душа ее, оттого только, что она женщина»» (Зененида Р-ва 1842: 38). И в этой дискриминации он обвиняет не «природу», а «людей, законы общества, условия» (Зененида Р-ва 1842: 39).

Таким образом, Анюта, странная девочка, принимаемая всеми за ненормальную, встречает на своем пути старика, который для окружающих тоже своего рода юродивый – неудачник и пьяница, и «меж этим сирым стариком и отчужденным от всех ребенком составился тесный союз: он просвещал ее разум, она услаждала его сердце» (Зененида Р-ва 1842: 19). Гейльфрейнд стал учить девочку, он открыл ей мир знания и познания, он ввел ее «в мир Отца, в мир Слова, библиотеки, и этот переход создал глубоко проблематичную ситуацию, так как в

терминах Лакана “символический порядок – это мир, где для женщины нет места”» (Andrew 1993: 134). Не случайно вводится «говорящая» фамилия персонажа: Heilfreund, т.е. «лечащий друг» с немецкого.

Открывая горизонты для ее ума, Гейльфрейнд мечтает сохранить в невинности и блаженном неведении ее сердце, поэтому поначалу запрещает брать из шкафов библиотеки тома поэзии. Учитель предупреждает, что чрезвычайно опасно или даже невозможно для женщины сделать плоды своего таланта известными публике: «Прекрасен твой дар... но где поприще, где цель и награда, указанные ему на земле? Сестра по таланту и по душе этим великим поэтам, которым ты поклоняешься, ты никогда не сравнишься долею с ними!... Мужчины! Как огромны ваши преимущества, как благословенны ваши права!» (Зененида Р-ва 1842:38). После смерти Гейльфрейнда девушка начинает сомневаться в своем призвании, а затем «мир существенности» в лице «управителя» и поддерживающей его матери требует новых жертв – отказаться от книг и от стихов. Согласившись на мольбы матери, вернувшись к «спокойной», обычной, земной жизни, Анюта превращается в статую, в живого мертвеца и начинает верить людской молве, объявившей ее с детства безумной. Сбываются слова глубоко сочувствующего ей учителя: «И напрасен дар ее, напрасны все порывы к усовершенствованию: однажды заброшенная судьбой в глушь, она, как преступник, отверженный обществом, не вырвется больше ни к свету, ни к жизни» (Зененида Р-ва 1842: 38).

Традиция и образ жизни лишали русскую девушку (женщину) правом распоряжаться своим призванием – такова психологическая подоплека многих конфликтных ситуаций, представленных Е. Ган и М. Жуковой. И именно герои немцы, созданные в романтической парадигме, поддерживают и утешают страдающих героинь. Немцы становятся более близкими русским женщинам, чем их соотечественники, достаточно грубые и примитивные в своих чувствах.

Кроме персонажа пожилого немца, выполняющего роль друга, символического отца девушки, в русской феминистской литературе герой немецкой национальности выступает и в другом амплуа. Речь идет о достаточно молодом герое, способном быть возлюбленным или мужем. М.Жукова наметила новый способ разрешения «любовного треугольника», пример которого дала Жорж Санд в своем романе «Жак» («Jacques»,1834). Французская писательница представила модель самоустранения мужа, вплоть до самоубийства. Законы общества, несправедливые по отношению к замужней женщине, полюбившей другого мужчину, подталкивали мужа (если он был благородным человеком) взять на себя исправление этой несправедливости.

В повести «Барон Рейхман», входящей в цикл «Вечера на Карповке», Жукова еще довольно схематично наметила подобное разрешение ситуации любовного треугольника, в которой главный герой (муж)

проявляет особую деликатность в интимных отношениях. Прекрасная Наталья Васильевна скучает в браке по расчету с генералом, который начинает стареть. Муж «добр, снисходителен, всегда думает об ее удовольствиях», но, по ее мнению, «в нем нет поэзии, он не понимает сердца ее!» (Жукова 1986: 51). Но поведение Сергея (Сержа, как его называет молодая жена) Рейхмана опровергает эту характеристику. В произведении мало информации о его происхождении, но мимоходом упоминается, что имя одного из его предков «встречалось далеко в летописях Ливонских», а затем другой переселился в Россию при Петре, «когда Великан созидал новое царство и привлекал дружелюбно иноземцев». «Это пересадное дерево так сдружилось с климатом и почвою, что приняло все свойства туземной растительности и от всего немецкого сохранило одно имя, к которому барон был очень привязан» (Жукова 1986: 42). Можно было бы добавить, что от немецкого происхождения осталось в этом персонаже и благородство души.

Наталья Васильевна готова покинуть своего мужа и уехать с его адъютантом, Александром Левиным, которого она любит, за границу. Она могла бы в этом случае навсегда потерять своего ребенка, не говоря уже о чести. Но внезапно, в кульминационный момент, муж героини превращается в тонкого психолога и обезоруживает влюбленных своим благородством. Барон Рейхман уважает чувства своей жены. «Я лучше люблю уступить, чем разделять» (Жукова 1986: 45), – объявляет он свой принцип. Он не ругает и не оскорбляет жену, не обвиняет в измене, не преследует своего подчиненного и соперника. «Ты должна быть свободна во всем!» – говорит он своей жене. И спустя несколько минут приказывает слуге постелить ему отдельно в его «кабинете». А затем еще раз подтверждает свое решение, обращаясь к жене уже по имени и отчеству и на «Вы», словно дистанцируясь от нее и отказываясь от притязаний мужа: «Вот видите, Наталья Васильевна: вы всегда будете свободны во всем, что касается до вас» (Жукова 1986: 72).

В этой сцене чувствуется отголосок сандовского «Жака». Барон Рейхман демонстрирует в ней необычную для того времени модель поведения. Не случайно повесть названа по имени этого героя как наиболее в ней значительного. Не случайно также Жукова выбрала для этой достаточно необычной роли немца, а не русского, потому что в этот период она могла наблюдать очень негативную реакцию интеллектуальной русской элиты по отношению ко всем видам феминистских тенденций.

Но ситуация радикально меняется в середине 1840-х гг., когда русское общество разделяется на восторженных почитателей Жорж Санд и на ее непримиримых идеологических противников. Дискуссия о романах и поднятых в них проблемах сформировала в России культурное движение, названное жорж-сандизмом. Термин возник по аналогии с «байронизмом»: к имени писателя, повлиявшего не только на литературу,

но и на быт, добавили суффикс -изм. А.Ф. Писемский запечатлел это явление специальной главой «Жорж-зандизм» в своем романе «Люди сороковых годов» (1869). Проявления «жорж-сандизма» в этот новый период развития русской культуры можно наблюдать в романах и повестях писателей мужчин: Герцена, Гончарова, Салтыкова-Шедрина, Кудрявцева, Дружинина, М. Достоевского и других, также как и в моделировании бытового поведения западников по сюжетам Жорж Санд (Кафанова 2003: 104-143).

Именно поэтому среди русских феминистов появляются и энтузиасты мужчины. Западники во главе с Белинским с воодушевлением приветствовали новые идеи Жорж Санд о любовной этике и отношениях между мужчиной и женщиной. Можно сказать, что Санд «повезло» с Белинским, критиком страстным, увлекающимся, чутким к новым нравственным тенденциям. По мнению Белинского, Жорж Санд «постигла таинство любви получше всех немцев, и в штанах, и в юбках» (Белинский 1959: 12,124). В статье «Русская литература в 1845 году» он называл ее «первым талантом во всем пишущем мире нашего времени» (Белинский 1955: 9, 397). В целом Белинский видел в Жорж Санд вдохновительницу нового культурного движения, которое должно было бы привести к разрешению многих противоречий современной жизни. Перефразируя высказывание Пушкина, относящееся к Вольтеру, Жорж Санд можно назвать, в свою очередь, «вождем умов и моды» для значительной части русского образованного общества, прежде всего западников.

Модель самоустранения мужа, которую Жорж Санд предложила в романе «Жак», а Жукова частично использовала в «Бароне Рейхмане», во всей своей полноте проявилась в повести А.В. Дружинина «Полинька Сакс» (1847), которую в момент ее выхода воспринимали как типично феминистское сочинение. Дружинин (1824–1864), известный журналист, критик, переводчик с английского, член редакции журнала «Современник», во время работы над своим первым произведением еще не вполне определил свою идейно-эстетическую позицию, поэтому казался последователем Жорж Санд в защите прав женщин.

По-видимому, в 1845 г., он создал конспект драмы о семье Саксов, где пытался сформулировать и определить мечты своего героя о жене – «товарище», «чтоб грустить о том, что грустно на свете, и смеяться над смешными сторонами этого света». «Таких женщин, – пояснял он, – мало, даже в творениях знаменитых писателей» (Дружинин 1986а: 410).

Как и Жукова, Дружинин делает героя повести «Полинька Сакс» немцем по происхождению, что выражается в его фамилии, но это немец обрусевший. Зовут его Константин, и его нерусское происхождение ни разу не обсуждается. Известно, что он чиновник и преуспевает по службе. Сакс очень недоволен воспитанием своей юной жены, избалованной родителями и обществом. Полинька гордится тем, что она

невинна и невежественна, как ребенок, она ничего не понимает ни в литературе, ни в искусстве. Вслед за Жорж Санд Дружинин избрал эпистолярную форму, значительно упростив при этом сюжетную коллизию. В романе «Жак» перекрещивалось несколько любовных треугольников. Поначалу романистка вводила два его «восточных» типа: один мужчина и две или несколько женщин вокруг него. До женитьбы главного героя это: Сильвия – Жак – Фернанда, затем Сильвия – Октав – Фернанда. Но к концу романа эти связи перегруппировывались, и возникал свойственный для западноевропейской культуры культ женщины, ради которой соревнуются мужчины (Гачев 1995: 268-269).

Любовный треугольник Жак – Фернанда – Октав Жорж Санд впервые в европейской литературе разрешила путем добровольного самоустранения мужа. То, что Жак отказался от попыток утешиться с другой женщиной, исключил для себя возможность новой любви (хотя узнав, что Сильвия не сестра ему, он мог бы дать волю глубокой к ней привязанности), делало его самопожертвование еще более значительным и бескорыстным. Он тщательно скрыл от окружающих (и в особенности от жены) свое самоубийство, позаботившись о том, чтобы оно было принято за несчастный случай.

В «Полиньке Сакс» Дружинин сразу задал «европейский» треугольник: главная героиня – Сакс – Галицкий. Мужчины изображались Дружининым однолюбами. Сакс, подобно Жаку, предоставил жене полную свободу в любви, но менее героическим способом. Каким-то сказочно-романтическим путем, о котором автор не рассказывал читателям, он добился развода. Вследствие этих изменений в русской повести значительно трансформировался конфликт. Если Жак своим актом самопожертвования бросал вызов обществу, консервативной морали и церкви, рассматривающим брак как нерасторжимое единение людей и не считающихся с изменчивостью чувств, то благородство Сакса заставляло Полиньку раскаяться в своем заблуждении и вновь, уже осознанно, полюбить мужа.

Имя французской романистки и ее сочинения многократно и сочувственно упоминались и цитировались в повести Дружинина, что побудило не только рядовых читателей, но и членов редакции «Современника» во главе с Белинским увидеть в ней апологию женской эмансипации. Автор изобразил глубокие страдания Константина Сакса, который в первый год своей супружеской жизни тщетно бьется над эстетическим, нравственным и интеллектуальным развитием Полиньки, стремясь сделать из нее друга, «приготовить милого и дельного помощника» своей «измученной душе», которая так «нуждается в дружбе, в истинной веселости… в потребности болтать от чистого сердца» (Дружинин 1986б: 8).

Но, испорченная воспитанием в пансионе, где более всего ценились ребячливость, простодушие и невинность, героиня никак не может выйти

за пределы «сентиментальной, бессмысленной невинности» (Дружинин 1986б: 9). Попытки Сакса прибегнуть к влиянию первых романов Жорж Санд, в которых как раз и отражался ранний этап развития самосознания женщины, к успеху не привели: Полинька «зевала, зевала и – бросила книги с отвращением» (Дружинин 1986б: 8).

Стремясь загладить последствия первой супружеской ссоры, героиня способом «задабривания» мужа сделала свой якобы пробудившийся интерес к книгам французской писательницы, поскольку знала, что это его любимый автор. Но обращение Полиньки с романом Жорж Санд «Мопра», который Сакс очень ценил, вызвало его гнев, потому что она «загнула два верхние листка» романа и пообещала выучить их, «как долбили <…> в школе» (Дружинин 1986б:25). Наиболее привлекательной для Сакса должна была стать воплощенная в «Мопра» мысль о могущественной силе любви как средстве воспитания. Желание быть достойным своей возлюбленной, равным ей духовно, заставило Бернара Мопра научиться обуздывать свойственный ему дикий нрав и постепенно превратило его в благородного и просвещенного человека. Этот роман особенно ценил Белинский и его единомышленники.

Но книжные образцы не возымели на Полиньку никакого действия, перевоспитать ее смогло только рыцарское поведение мужа, узнавшего об ее измене, и, тем не менее, поставившего ее счастье выше собственной гордости и благополучия.

Когда Полинька влюбляется в красивого князя Галицкого, Сакс, благородный человек и муж, думающий прежде всего о ее счастье, дает ей полную свободу. Правда, Дружинин ушел от неразрешимого социального конфликта, поскольку развод в это время был фактически невозможен как в России, так и во всей Европе. Но его герой каким-то волшебным или фантастическим способом устраивает невозможное: развод позволяет Полиньке вторично выйти замуж. И только потеряв Сакса и поумнев, героиня понимает, как она его любит. Настойчиво декларируемая любовь Константина Сакса к творчеству Жорж Санд заставляла читателей задуматься о благотворности влияния на него этого автора. Но трагический финал личной жизни героя как бы ставил под сомнение правильность выбора подобного идейно-нравственного ориентира. И вместе с тем создавалось общее впечатление господства жоржсандовских образов и мотивов в «Полиньке Сакс». Очень скоро Дружинин занял критическую позицию по отношению к Жорж Санд, но именно он апробировал на русской почве сюжет самоустранения мужа, который затем более социально и психологически убедительно развивали М.В. Авдеев («Подводный камень»), Н.Г. Чернышевский («Что делать?»), Л.Н. Толстой («Живой труп»). Однако для первого, возможно, еще не вполне полноценного воплощения образа мужа, способного к самоустранению, потребовался герой немецкого происхождения.

Таким образом, для изображения в русской литературе новых конфликтных ситуаций, связанных с дискуссионными проблемами предназначения женщины, вопросов любви и брака, востребованными стали персонажи немецкой национальности. Выступая в амплуа друга, учителя, заботливого мужа, они демонстрировали чуткость и благородство по отношению к женщине, проявляя высокую способность сопереживания вплоть до самопожертвования ради восстановления нравственной справедливости. Эти персонажи оказались необходимыми для русской литературы в эпоху перехода от романтизма к реализму и в период усвоения новых нравственных идеалов. Таким образом, в новых коллизиях русской литературы, связанных с проблемами женской эмансипации, Немец, «чужой» стал «своим».

В иной историко-культурной ситуации Иван Тургенев в своем романе «Накануне» прибегнул к герою болгарской национальности (Инсаров) Но в целом писатели реалисты в подобных сюжетах вводили уже русских героев.

Литература

Белинский, В.Г. (1953–1959) Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1-13. Т.9. Москва.

Бердяев, Н.А. (1990) Судьба России. Москва.

Зененида Р-ва. [Ган Е.А.] (1842) Напрасный дар // Отечественные записки. Т. 21. Март. Отд. I. С. 3-85.

Гачев, Г. (1995) Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М., С.268-269.

Дружинин, А.В. (1986а) Замысел драмы о семье Саксов // Дружинин, А.В. Повести. Дневник. М., С. 410-420.

Дружинин, А.В. (1986б) Полинька Сакс. Повесть // Дружинин, А.В. Повести. Дневник. М., С. 5-58.

Иезуитова, Р.В. (1986) Об авторе «Вечеров на Карповке» // Жукова, М.С. Вечера на Карпове. М., С.268-282.

Жукова, М.С. (1986) Вечера на Карпове. Москва.

Жукова, М.С. (1987) Дача на Петергофской дороге // Дача на Петергофской дороге. Проза русских писательниц первой половины XIX века. Москва.

Кантор, В.К. (2005) Русская классика, или Бытие России. М.

Кафанова, О.Б. (1998) Жорж Санд и русская литература. (Мифы и реальность) 1830–1860 гг. Томск.

Кафанова, О.Б. (2003) Русский жорж-сандизм // Вожди умов и моды. Чужое имя как наследуемая модель жизни. СПб., С.104-143.

Некрасова, Е.С. (1886) Е.А. Ган (Зенеида Р-ва). 1814-1842. Биографический очерк. // Русская старина. Т.51. Сентябрь. № 9.

Оболенская, С.В. (2000) Германия и немцы глазами русских (XIX). М.

Разумова, Н.Е. (2009) Образ немца от Крылова до Чехова // Русское в немецких дискурсах, немецкое в русских дискурсах. Сб. материалов российско-германского семинара 27 июня – 3 июля 2009. Томск. С.108-120.

Сахаров, В.И. (1992) Форма времени // Русская романтическая повесть писателей 20–40 годов XIX века. М., С. 5-30.

Andrew, J. (1993) Narrative and Desire in Russian Literature, 1822–49. The Feminine and the Masculine. London, Macmillan.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 262-265
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.262

Анна Станиславовна Кейко
(Москва, Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ ПОСОБИЯ «ЭКСКУРСИЯ ПО МОСКОВСКОМУ КРЕМЛЮ» ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧАЩИХСЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

Abstract: This article is considering the importance of knowledge of the traditions and customs, norms and valuable of nation′s culture. The importance of lingua-cultural aspect in training foreign students of Russian language becomes the conventional point of view in the modern methodic. The main principles to succeed in forming cultural competence of foreign applicants for Russian universities are also discussed.

Keywords: culture, national traditions, intercultural communication, peculiarities of communication.

В современной методике считается бесспорным тот факт, что одной из составляющих успешного овладения любым иностранным языком является знание культуры страны изучаемого языка. Культура – это совокупность материальных и духовных ценностей, накопленных и накапливаемых определённой общностью людей. По словам Э. Сепира, «язык не существует вне культуры, то есть внесоциально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» (Сепир 1993:185). Поэтому иностранец, познакомившийся с культурой народа, язык которого он изучает, будет обладать определёнными социальными установками, знанием национально-культурной специфики речевого и неречевого поведения, знанием социально-культурных норм и особенностей коммуникации, а также национальных систем вежливости.

Обучение языку – это своего рода «ключ» к пониманию народа, его культуры. Это связано с тем, что «процесс изучения языка должен опираться на рассмотрение и включение в учебный процесс наиболее значительных и вызывающих максимальный интерес иностранных учащихся фактов и явлений культуры с тем, чтобы знание языка способствовало межкультурной коммуникации, диалогу культур, становлению и развитию сотрудничества во всех областях знаний» (Митрофанова 2002: 35).

Как показывает практика, это особенно важно для студентов-иностранцев, приезжающих на учёбу в Россию, так как многие из них очень часто не имеют представления не только о культуре и традициях нашей страны, но и о мировой культуре в целом. А знание языковой, культурной и социальной среды поможет иностранным учащимся легче

адаптироваться в русскоязычной среде, познакомит с менталитетом россиян, а также будет способствовать пониманию духовных ценностей общества.

Лингвокультурология как новое направление в лингвистике возникло в XX веке. Её цель – «изучать определенным образом отобранную и организованную совокупность культурных ценностей, исследовать живые коммуникативные процессы порождения восприятия речи, опыт языковой личности и национальный менталитет, давать системное описание языковой картины мира и обеспечивать выполнение образовательных, воспитательных и интеллектуальных задач обучения» (Воробьёв 1999:126).

Главной задачей лингвокультурологии является взаимодействие культуры и языка в процессе функционирования языка, так как «каждый язык отражает культурные реалии того социума, где язык функционирует и при этом адекватно обслуживает его культуру» (Фрумкина 1999: 10).

Как отмечалось выше, обучение любому иностранному языку должно быть направлено на понимание народа, его культуры. Следовательно, в обучении русскому языку как иностранному с точки зрения лингвокультурологии ставится несколько задач: научить языку как форме выражения, как средству коммуникации, а также познакомить иностранных учащихся с культурой русского народа.

Важность аспекта лингвокультурологии в обучении РКИ на всех этапах обучения несомненна, но особенно она важна на этапе довузовского образования. Ведь незнание этнокультурной «ауры» изучаемого (русского) языка приводит, как правило, к коммуникативным и речевым ошибкам. В результате этого возникают коммуникативные «сбои», что может привести даже к непониманию намерений и высказываний участника коммуникации. Это происходит обычно из-за того, что все инокультурное может казаться странным и непонятным, так как в коммуникации могут участвовать представители совершенно разных культур. А в основе коммуникативного поведения людей лежат национальные традиции, основанные на культурных ценностях, сформированных средой проживания и воспитания в течение многих лет, и даже не одного поколения.

Как показывает опыт работы, такие знания будут помогать формировать у иностранных учащихся не только позитивного отношения к русскому языку, но и к россиянам и России в целом.

Для успешного формирования лингвокультурологической компетенции иностранных учащихся на занятиях по РКИ на наш взгляд, необходимо учитывать ряд составляющих. Среди них можно назвать такие, как

- подбор текстового материала, на основе которого учащиеся будут не только учиться строить свои высказывания и участвовать в общении, но и смогут получать информацию о социокультурных особенностях и традициях нашего народа. (Тематика таких текстов должна

соответствовать познавательным, коммуникативным и эстетическим потребностям учащихся).

- коннотация культурологических фактов в художественных, информационных и других учебных текстах и их подробный комментарий.

- показ учебных фильмов, мультфильмов, отрывков из художественных фильмов, а также демонстрация слайдов и фотографий (с предварительной работой, которая поможет снять возможные трудности лингвистического, лексического или культурологического характера) и т.д.

Также следует отметить, что в процессе создания учебных пособий и учебников преподавателям РКИ всегда надо учитывать важность формирования лингвокультурологической компетенции иностранных учащихся. И в создаваемых пособиях нужно стремиться использовать аутентичные тексты или частично адаптированные, а также давать фоновый или культурологический комментарий к тем сведениям, которые были использованы.

Учитывая вышесказанное, нами было подготовлено учебное пособие «Экскурсия по Московскому Кремлю». предназначенное для выработки культурологической и языковой компетенций иностранных учащихся, изучающих русский язык.

В основе данного пособия лежат определённые лингводидактические принципы, например, такие, как:

- принцип лингвокультурологической направленности, так как пособие является источником культурологической информации, а также содержит материал для усвоения и закрепления языковых знаний и способствует формированию уровня коммуникативной компетенции учащихся.

- принцип системности и цикличности, так как информация в пособии строится по определенной системе, которая повторяется в каждом уроке. В данном пособии 12 текстов. В начале каждого урока даётся текст, а также по определённой системе, повторяющейся из урока в урок, представлена система заданий, предназначенных не только для снятия трудностей при чтении и извлечении из текстов основной информации, но и повышения уровня языковой компетенции иностранных учащихся. В конце каждого урока даны вопросы для обсуждения того, о чём узнали учащиеся, прочитав данные тексты.

- принцип наглядности. Учитывая то, что наглядность активизирует внимание, мышление и память, в пособии даны фотографии, которые подкрепляют и расширяют текстовой материал.

Предполагается, что в процессе работы с пособием учащиеся овладеют, прежде всего, навыками ознакомительного чтения. Именно ознакомительное чтение в большей степени отвечает формированию познавательного интереса как одного из действенных мотивов речевой деятельности и предусматривает так называемое «обильное чтение»,

которое осуществляется на материале определённых текстов (в данном случае на материале текстов культурологического содержания).

Так как данное пособие нацелено также и на формирование коммуникативно-речевой компетенции иностранных учащихся, то оно может быть использовано не только на начальном этапе обучения РКИ. Его можно использовать и для работы с продолжающими изучать русский язык в вузе, магистрантами, аспирантами, приезжающими в Россию для продолжения образования, для обучающихся на курсах русского языка, в русских школах и для самостоятельного изучения языка.

Таким образом, знания о культуре, традициях и обычаях, получаемые иностранными учащимися в процессе изучения РКИ, будут способствовать пониманию ими особенностей страны проживания, культуры и языка с одной стороны, а человека как носителя этого языка, как языковую личность – с другой. Это возможно, по нашему убеждению, при условии, если изучаемый язык воспринимается, в первую очередь, как источник культурных ценностей народа и страны в целом.

Такое органическое единство языкового и культурного аспектов в процессе обучения РКИ будет, на наш взгляд, повышать мотивацию к изучению языка, помогать адаптации иностранных учащихся к новой для них языковой и культурной среде, даст необходимые знания для успешного овладения иностранным (т.е. русским) языком, а также способствовать диалогу культур в общем формате межкультурного общения.

В свою очередь, понимание значения лингвокультурологического аспекта и его учёт в процессе обучения РКИ поможет не только иностранным учащимся в изучении русского языка, но и преподавателям РКИ в их работе. И необходимость знакомства учащихся с культурой народа, его историей является одной из главных задач в обучении русскому языку как иностранному.

Литература

Воробьёв, В.В. (1999) О статусе лингвокультурологии. IX Международный конгресс МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже веков. Т.2. Братислава. С.126.

Митрофанова, О.Д. (2002) Русский как иностранный: традиции, новаторство, творчество // Хавронина, С.А. – Балыхина, Т.М. (ред.) Традиции и новации в профессиональной деятельности преподавателя русского языка как иностранного. Учебник-монография. Москва. С.35.

Сепир, Э. (1993) Введение в изучение речи. // Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва. С.185.

Фрумкина, Р.М. (1999) Культурологическая семантика в ракурсе эпистемологии. // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т.58. №1. М., С.3-10.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 266-272
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.266

Кенан Коч
(Мугла, Турция)

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЮЖНО-КАЗАХСКИХ ДИАЛЕКТАХ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Общеизвестно, что впервые проблемы, связанные с казахской диалектологией были упомянуты в работах о казахском языке русскими лингвистами, такими как В.В. Радлов (Радлов 1870), П.М. Мелиоранский (Мелиоранский 1897) и В.В. Катаринский (Катаринский 1898).

Тот факт, что в казахском языке имеются слова не только из арабского, персидского и русского, но также из других языков, упоминался уже в первых работах. Более того, в некоторых иностранных языках также имеются казахские и турецкие заимствования, что обосновано в работе Е.Н.Шиповой «Словарь тюркизмов в русском языке» (Шипова 1976) и Н.А.Баскакова «Русские фамилии тюркского происхождения» (Баскаков 1979).

Исследования специфики казахских диалектов были на высшей точке своего развития с 1952 года, так как в этом году много внимания было уделено поиску и собиранию информации о языковых особенностях, на основании Указа Академии наук Казахской ССР (Постановление 1952).

С 1953 года было опубликовано много объемных монографических работ, такие как работы Ж.Доскараева (Досқараев 1946, 1955, 1960) и С.Аманжолова (Аманжолов 1960).

После того как работы Ж. Доскараева и С. Аманжолова были опубликованы, молодые специалисты начали изучение национальных диалектов. В результате, много монографических работ о специальных диалектах были написаны, кандидатские и докторские диссертации были защищены. Тысячи статей были опубликованы. В этих работах диалектологические особенности казахского языка были широко изучены. Некоторые из них были исследованы, как заимствования в определенных регионах (Айдаров 1977; Қалиев 1982; Нақысбеков 1972; Нұрмағамбетов 1974; Сарыбаев 1976; Бектуров 1968; Накысбеков 1963).

Мы считаем, что очень важно углубляться в исторические стороны элементов типов заимствования определенных диалектов, что является основной целью нашего исследования, потому что заимствования проникают в литературу языка через диалекты определенного языка.

Совершенно ясно, что заимствования с особенным значением имеются в каждом языке. Также невозможно представить два общества совсем без взаимоотношений. Хотя это не означает, что заимствование слов из других языков всегда приемлемо, так как если зависимость от иностранного языка слишком велика, в результате родная речь может быть разрушена, а заимствования могут проникнуть в базовый словарный

запас, заменяя многие основные понятия в родном языке, и, в конце концов, не дать возможность преподавания и обучения родному языку.

Мы считаем, что изучение заимствований языка позволяет узнать историю языка. Мы были свидетелями того, как сильно определение языка с исторической точки зрения близко связано с обществом. Язык, который воспринимается, как основной элемент в культуре может быть обогащен культурными отношениями народа с другим народом и элементы заимствований в старом языке в написанных вариантах являются лучшим примером этого факта. Это значит, что обмен словами между языками, относящимся к разным языковым семействам – настоящий феномен, возникший как результат разных межнациональных отношений. Например, взаимодействия между латынью и греческим, казахским и русским, тюркским и персидским, персидским и арабским-лучшие тому доказательства. Более того, вполне можно найти слово определенного народа во всех языках мира, хотя народ, обладающий этим словом, находился далеко от всех стран, даже когда народ совсем неизвестен.

Как правило, основная единица в языковой взаимосвязи – слово. Изначально слова передавались из-за религии, литературных, географических и торговых взаимоотношений. Следовательно, эти заимствованные слова могут быть распределены по некоторым типам: звуковые отношения между языками (ударения в иностранном языке, заимствования в звуковой системе); языковые взаимосвязи в грамматическом отношении (заимствование некоторых грамматических форм, языковой обмен в грамматических аспектах, некоторые функции в одинаковых формах).

Мы можем с уверенностью сказать, что поиск русских элементов в казахском языке с лексической точки зрения всё еще является важной научной необходимостью.

Исследование определенного языка с лексической точки зрения дает нам возможность получить больше информации о жизни народа, его культурных отношениях с другими народами. Через изучение казахской диалектологии мы тоже выявили много информации. Это очевидно, что казахский словарный запас был обогащен культурным и техническим ростом к концу XIX века и изменениями в начале XX века. Мы можем видеть влияние этих событий в некоторых диалектах, в некоторых регионах на примере: *нәселке* “носилька”, *лөктір* “доктор ”, *першіл* “фельдшер”, *зөнтік* “зонтик”, *жәшік* “ящик ”, *ләпке* “лавка”, *күрішке* “кружка” и так далее.

В языковом отношении некоторые новые слова могут быть заимствованы через некоторые синтаксические структуры. К примеру, основа ”*С праздником*” переводится как ” *Мерекеңізбен*”. “*Я думаю*” это значит личная мысль человека интерпретируется как ” *Мен ойлаймын*”, то есть, никогда не сохраняет порядок слов, как в русском языке. В

казахском языке, основа "*С праздником*" произносится как " Мерекеңіз құтты болсын" в первом примере, а во втором примере глагол "*думаю*" идет в конце предложения "Мен .....ойлаймын".

Как мы уже упоминали выше, обмен словами, или процесс заимствования слов, объясняется тесной взаимосвязью народов. Изменение в языках и сходство в звуковой системе и в разговорной речи является естественным феноменом для двух народов, находящихся в одном регионе. Элементы узбекского языка в диалектах Южного Казахстана, элементы языка Киргизии в Южном Джамбуле, недалеко от Республики Киргизия, элементы уйгурского в диалекте восточной Жетису, некоторые слова татарского, ногайского и башкуртского языков доказывают этот факт.

В своей работе «"Languages in"», которая была направлена на изучение языковых взаимосвязей, Ю. Веинрич делал ударение на то, что взаимосвязь между языками – непростая вещь. Как оказалось, процесс обмена между языками весьма сложен. Есть три основных понятия об этой проблеме со старых времен. Существует три типа передачи слов из одного языка в другой:

1. Стороннее влияние (adstart, adstratum, Adstratum), то есть заимствование слов может быть объяснено соседством. Отношения между соседями важно для культурного братства между языками, такими как греческий и латынь, китайский и японский, турецкий и персидский. Такие же проблемы имеются в Бельгии, Канаде, Кипре, Швеции и Америке.
2. Влияние снизу (substrat, substratum, Substratum). В таком случае родной язык народа разрушается под влиянием оккупации другого народа, а также элементы родного языка могут встречаться в языке оккупантов.
3. Влияние сверху (superstrat, superstratum, Superstratum). Наоборот, при влиянии сверху язык оккупантов находится под воздействием чужого языка. Некоторые элементы турецкого языка в балканском языке являются отличным примером этого факта. Мы хотим сказать, что взаимоотношения языков не начинаются только как результат устных отношений народов в обществе, но также через прямое воздействие, например, письменность. Лучшим примером этого может служить случай принятия одной и той же религии в двух странах, находящихся вдалеке друг от друга, или влияние одного языка на другой через литературу и культуру.

Определение особенностей процесса приобретения заимствований в казахскую диалектологию является одной из основных задач науки диалектологии, потому что изучение диалектологии с исторической стороны невозможно без различения старых заимствований от заимствований последних периодов.

Заимствования из арабского, иранского, русского, монгольского и турецкого языка могут встречаться в южных диалектах казахского языка. В особенности русские заимствования занимают важную роль между языками упомянутых народов.

В целом экономические, сельскохозяйственные, культурные и политические отношения русского и казахского народов начались до Октябрьской революции, которая была в начале XX века, когда Казахстан сформировал альянс с Россией. Это событие может быть легко обнаружено в казахском словарном запасе. Русский язык повлиял не только на казахскую литературу, но также на некоторые казахские диалекты. Например, мы может найти много русских заимствований даже в некоторых южно-казахских диалектах, хотя они находятся далеко от России, потому что вторую половину XIX века русские люди проживали там и строили некоторые укрепления и станции. С объединением совхозов и колхозов, русские и казахские люди жили по соседству и имели близкие взаимоотношения друг с другом.

В результате жизни по соседству, и жизни в близком взаимоотношении друг с другом, многие русские заимствования проникли в казахский язык. Лингвисты разделяют эти русские заимствования на два типа: заимствования, проникшие перед Октябрьской революцией и заимствования, проникшие после Октябрьской революции. Перед революцией около сотни слов перенеслись в казахский язык. Передавались ли эти слова из уст в уста из-за слабой развитости казахского письменного языка? Эти заимствования состоят из слов из жилищного хозяйства, блюд, транспорта, и тому подобного. Многие русские заимствования сохранили своё значение, но пишутся по казахским нормам, например: *шәлі* “шаль”, *кәмзол* “камзол”, *ояз* “уезд”, *болыс* “волость”, *қамыт* “хомут”, *божы* “вожжи”, *жәрмеңке* “ярмарка”, *бәтіңке* “ботинок”, *керуерт* “кровать”, *сот* “суд” т.п.

Тем не менее заимствования, которые проникли после революции были словами, связанными с современным оборудованием, вещами из домашнего быта, одеждой, сельским хозяйством, наукой и техникой, и использовались в повседневной жизни. *Болыс* “волость”, *губерния* “губерние”, *қазына* “казна ”, *обылыс* “область”, *старшын* “старшина”, *сот* “судь”, *уез* “уезд” – имеют связь с государственными делами, *бөрене* “бревно”, *бірішке* “бричка”, *кірпіш* “кирпич”, “мәтке, арқалық, қары”, *учаске* “участок”, *үстел* “стол”, *шолан* “чулан ” из домашнего обихода, культурно-экономические слова: *әртіс* “артис”, *гәзіт* “газет”, *доқтыр* “дәрігер” “доктор”, *зауыт* “завод”, *жәрмеңке* “ярмарка”, *жорнал* “журнал”, *концерт* “концерт”, *көпес* “купец”, *лозунге* “лозунг”, *мәшина* “машина”, *кейтан арба* “паэтон ”, *пелшер* “фельдшер”, *пойыз* “поездь”, *сәмөлет* “самолет”, *тыйатр* “театр” и также повседневные слова: *барқыт* – “бархат”, *бөлке* “булка”, *бөкебай* – “пухавой”, *сәтен* “сатин”, *сухар* “сухари”, *плуш* “плюш”, *кашаубай, кәшебай* “кашевка”, *кәрзеңке*

“корзинка”, *кемірік* “конфорка”, *керәсін* “керосин”, *лəмпə* “лампа“, *ləпке* “лавка”, *мəйкі-* “майка”, *нəсіелке* “носилки”, *қамыт* “хомут”, *тауар* “товар”, *тесе-* “тиски”, *ызбрай* “субре”, *самаурын* “самовар ”, *сеп* “цепь”, *спешке* “спичка”, *партық* “фартук”, слова имеющие отношение к военным властям, *жандарал* “жандарал”, *пəлкеунік* “полковник”, *полковой* “полковой”, *салдат* “солдат”, *сома* “сумма”, *шот* – “счет”, *ылаука* – “лавка” и т.д.; слова, связанные с сельским хозяйством: *əгроном/ агроном* “агроном”, *бригат* – “бригада”, *бөстекі* “пустяки”, *қолқоз* – “колхоз”, *кəртошка* “картофель”, *кілетші* “клеть”, *сапқоз* “совхоз”, *пəстөк* “пастух”, *пəмілдəр* “помидор”, *перме* “ферма”, *сушелка* “сушилка”, *ізбене* “звено”, и т.д., слова, связанные с ведением счета: *абарот*-обрат, *буғалтыр* “бухгалтер”, *пут* “пуд”, *сентнер* “центнер”, *тона* “тонна”, *балшабай* “фальшивый”, и т.д.; слова, связанные со спортом: *пизкультуре* “физкультура”, *турнік* “турник”, *шақмат* “шахматы”.

По материалам, данным выше мы можем поделить русские заимствования на две группы: родные русские заимствования и иностранные заимствования, проникшие в казахский через русский.

Все эти заимствования характерны для разговорной речи в Южном Казахстане. Поэтому, когда мы говорим о лексическом взаимоизменении важно помнить о двух вещах:

1. Заимствования проникли в казахский язык путем взаимотношения напрямую, т.е. через прямой контакт между местными казахами и русскими людьми.
2. Заимствования, которые проникли в казахский язык, в свою очередь, были заимствованы из других иностранных языков.

Мы уже говорили о том, что Россия повлияла на местную разговорную речь, хотя влияние на устную речь было слабее, чем влияние на литературу. Хотя было много русских заимствований в разговорном языке, они не могли обогатить казахскую литературу. Например, русские заимствования бедре, істен, əкүршік, бәкіс, лес ни разу не были использованы в литературном языке, хотя они были широко употребляемы местными жителями в определенных регионах.

В заключение, мы можем сказать наверняка, что для того, чтобы определить лингвистический раздел казахской диалектологии и литературного языка, очень важно установить историю заимствованных элементов. Потому что, с исторической точки зрения, русские, иранские, арабские, монгольские заимствования никогда не влияли напрямую на литературный язык, хотя они влияли на разговорную речь. Также необходимо разделять старый словарный запас от современного словарного запаса, которые были обогащены через заимствования других языков.

Во-вторых, эта проблема близко связана с двуязычностью языков, в-третьих, исследование элементов заимствований заставляет нас смотреть в историческую этимологию заимствований. В-четвертых, пока мы группируем казахский разговорный язык, мы должны понять, были ли эти заимствования способны меняться или перемешиваться.

Мы были свидетелями того, как жители Южного Казахстана используют русские заимствования, которые тесно связанны с ежедневной жизнью. Также, мы должны упомянуть, что в большинстве случаев, проникли только потому, что люди в Южном Казахстане имели близкие сельскохозяйственно-экономические отношения с русскими людьми.

В результате нашего исследования, мы должны признать, что русские заимствования характеризованы, как лексические диалектизмы, которые близко связанны с ежедневной жизнью. Соответственно, эти лексические заимствования должны быть поделены на лексические и семантические группы.

Литература

Айдаров, Т. (1977) Лингвистикалық география. Өзбекстан қазақ говорларының лексикасы. Алматы, 144 б.

Аманжолов, С. (1959) Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-ата.

Бектуров, Ш. (1968) Кызылординский говор казахского языка. Авт. дисс. канд. филол. наук. Алма-ата.

Баскаков, Н.А. (1979) Русские фамилии тюркского происхождения.

Досқараев, Ж. (1960) Арыс говорының лексикалық ерекешеліктері. // ҚҚТ мен ДМ. 3-шығуы.

Досқараев, Ж. (1946) Краткий очерк о южном диалекте казахского языка. // Известия АН КазССР, серия филологическая. Вып. 4.

Досқараев, Ж. (1955) Қазақ тілінің жергілікті ерекшеліктері. /Лексика / II бөлім, Алматы.

Қалиев, Г. (1982) Қазақ говорларындағы диалектілік сөз тудыру. Алматы. 168 б.

Катаринский, В.В. (1898) Грамматика киргизского языка. Оренбург.

Кеңесбаев, І.К. – Мұсабаев, Ғ. (1962) Қазіргі қазақ тілі /Лексика, фонетика/. Алматы. 114 б.

Мелиоранский, П.М. (1897) Рец. на «Катаринский В.В.. Грамматика киргизского языка». Оренбург. // Записки восточного отделения русского археологического общества, т.XI. 1897-1898. с.363-364.

Нақысбеков, О. (1972) Қазақ тілінің оңтүстік говоры. Алматы. 176 б.

Накысбеков, О. (1963) Языковые осебенности казахов Чуйской долины. Авт. дисс. канд. филол. наук. Алма-ата.

Ниязғалиева, А.Ә. (1993) Қазақ сөйленістеріндегі орыс тілінен енген сөздер. Филология ғылымының кандидаты дәрежесін алу үшін жазылған диссертация. Алматы. 12-13.
Нұрмағамбетов, Ә. (1974) Түркменстандағы қазақтардың тілі. Алматы. 167 б.
Постановление Президиума АН КазССР об итогах дискусси по языко знанию (1952) // «Вестник АН КазССР», №6, с. 19-23.
Радлов, В.В. (1870) Образцы народный литературы тюрских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, ч. Ш.Киргизское наречие, СПб.
Сарыбаев, Ш. (1976) Казахская региональная лексикография. Алма-Ата, 216 с.
Шипова, Е.Н. (1976) Словарь тюркизмов в русском языке.
Doğan, Aksan (1987) Her Yönüyle Dil Ana Çizgileriyle Dilbilim C.1, TDK Yay., Anakara.
Weinreich, U. (1977) Sprachen in Kontakt, Ergebnisse und Probleme Zweisprachigkeit, München.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 273-279
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.273

Ирина Александровна Бубнова – Анна Петровна Клименко
(Москва, Россия – Минск, Беларусь)

КУЛЬТУРНЫЙ СДВИГ ПРИ БИЛИНГВИЗМЕ

Abstract: The article considers modern situation of confusion of languages in which new type of Bilinguals has appeared. The main characteristics of this type of Bilingual are discussed.
Keywords: confusion of languages, Bilinguals, new type.

Несмотря на периоды подъема и спада интереса лингвистов к проблемам смешения языков и билингвизма, данные явления никогда не выпадали из круга исследований ученых. При этом объединял эти исследования тот факт, что, как в конце XIX – начале XX века, так в середине двадцатого столетия, когда, с появлением работ У. Вайнраха и Т. Гивона, окончательно сформировалась креолистика, основной целью изучения этих феноменов являлся поиск ответа на один из главных вопросов лингвистической науки: какова роль дивергентных и конвергентных процессов в формировании различных языков мира.

На современном этапе развития лингвистики теория языковых контактов и ее последствия, а также феномен билингвизма вновь оказались в центре интереса не только языковедов, но и представителей смежных наук. Однако в настоящий момент акцент сместился непосредственно на сами процессы креолизации и пиджинизации, а в фокусе внимания оказалась проблема выживания языков, стремительно изменяющихся в ходе глобализации под влиянием политической, экономической и культурной экспансии США. При этом, как представляется, специфика нынешней ситуации состоит в том, что данный процесс достаточно активно стимулируется как различными социальными институтами, поддерживающими разрушение национального языка (иной вопрос, насколько осознанно регулируется этот процесс), так и его носителями, особенно молодыми людьми, принадлежащими к тем поколениям, которые выросли и сформировались в последние десятилетия.

Если говорить о русском языке, то в его обозримом прошлом, вероятно, было два исторических периода, когда он находился «на грани нервного срыва» (термин М. Кронгауза).

Первый был связан с коренными переменами в стране в начале двадцатого века, которые не могли не отразиться в языке народа. Безусловно, «дореволюционный» и «советский» русский имели множество отличий, однако в любом случае это был единый язык, сохранившийся до сих пор носителями русского языка, живущими за границей. Абсолютно исчерпывающее, на наш взгляд, объяснение этому

дается в работе Е.А. Земской, отмечающей: «Можно ли говорить о креолизации или пиджинизации русского языка у эмигрантов первой волны? Я отвечаю на этот вопрос отрицательно, хотя несомненно, что он заслуживает специального изучения. Эмигранты первой волны и их потомки в большинстве своем многоязычны. Они владеют свободно (говорят, читают и пишут) двумя, тремя, нередко четырьмя и более языками, переходя с одного языка на другой, а не смешивая их. Русский – один из таких языков, причем он для них не просто средство общения, но предмет особого внимания и заботы, рефлексии, оценок. Они постоянно сопоставляют свой русский с "советским русским", с другими языками, особенно часто с языком страны обитания (Земская 2000).

Иначе говоря, носители русского языка, эмигрировавшие из страны в описываемый период, были именно истинными билингвами, в сознании которых два или более языка, по мысли Л.В. Щербы сосуществовали как: «две отдельные системы ассоциаций, не имеющие между собой контакта. Это очень частый случай у людей, выучивших иностранные языки от иностранных гувернанток, с которыми они могли говорить только на изучаемом языке с исключением всякого другого. Поэтому им никогда не представлялось случая переводить с иностранного языка на свой родной и обратно, ибо предполагалось, не без основания, что гувернантка может быть хорошей только тогда, когда она не понимает ни слова из родного языка детей. Таким образом привыкают пользоваться иностранным языком, не перемешивая его с родным языком. Поэтому оба языка образуют в данном случае две автономные области в мышлении лиц, ставших двуязычными таким путем. Обученные этим способом люди хоть и говорят довольно бегло на обоих языках, но им всегда очень трудно найти эквивалентные термины двух языков: нужные слова приходят им на память только с трудом. Они могут объяснить, что значит та или иная фраза, то или иное слово, но всегда затрудняются его перевести. Тот же результат получается при обильном чтении без помощи словаря, он является также идеалом так называемого натурального метода преподавания языка» (Щерба 1974: 67-68).

Нынешние школьники, студенты и молодые преподаватели в России и Беларуси изучали иностранный, в частности английский, язык при помощи метода, подобного натуральному, получившего название коммуникативного (Communicative language teaching). Основы данного метода были разработаны экспертами Совета Европы в конце 70-х годов прошлого столетия, а затем он был повсеместно внедрен в систему постсоветского образования. Если ранее в советской высшей и средней школе ведущими методами в обучении иностранным языкам были традиционные лексико-переводной и интенсивный, где акцент ставился на развитие грамматической компетенции, умении читать и писать на чужом языке, то в последние тридцать лет целью обучения стало развитие коммуникативных навыков. Это предполагает, прежде всего, общение,

моделируемое на основе заученных фраз, употребляемых в той или иной ситуации при полном исключении родного языка. Такой метод, как отмечает в уже упоминавшейся нами работе Л.В. Щерба: *«между прочим,* ***годен для коммивояжеров, для туристов*** *и вообще для всех тех, кто должен войти в непосредственные сношения с иностранцами,* ***но он не имеет абсолютно никакого значения для умственного развития учеников, детей или взрослых, ибо обучение языкам имеет образовательное значение только тогда, когда оно приучает к анализу мысли посредством анализа средств выражения. А этого достигают, только изучая параллельные языки и всегда отыскивая их соответствующие элементы. Только тогда обучение языкам становится мощным орудием формирования ума, высвобождая мысль (путем сравнения языковых фактов) из оков языка и заставляя учеников замечать разнообразие средств выражения и их значения до самых тонких оттенков****. Все это возможно только при применении переводческого метода»* [выделено нами – И.Б., А.К.].

В результате такого обучения в настоящее время значительный слой нашего общества является билингвами абсолютно нового, по нашему мнению, типа – это билингвы, говорящие на неком смешанном языке, возникновение которого стимулировано определенными социально-историческими условиями.

Перед тем, как более подробно остановиться на данном типе языковой личности билингва и последствиях распространения такого явления для национальной культуры и национального образа мира, нам представляется необходимым еще раз обратиться к самому понятию билингвизма или двуязычия/многоязычия.

Сразу необходимо подчеркнуть, что, несмотря на огромное количество работ, посвященных данной проблеме, до сего дня не существует общепринятого определения билингвизма. Однако при этом никем не подвергается сомнению убеждение Л.В. Щербы: всякое изучение второго языка ведет к двуязычию, а любое взаимодействие языков требует наличия людей, которые являются двуязычными в той или иной степени.

Можно предполагать, что существование множества воззрений объясняется различными аспектами, которые оказываются в фокусе внимания исследователей, когда они рассматривают сущность билингвизма.

Наиболее типичным является мнение, что главное качество билингва – равное владение двумя языками (Yumoto 2004: 137). В силу этого большинство лингвистов в своих определениях делают акцент как на степени владения разными языками, так и на частоте использования разных языков в процессе различных видов деятельности. Согласно предлагаемым ими дефинициям, двуязычие – это *«хотя бы приблизительно одинаково свободное пользование различными языками в любой обстановке, в том числе и в семье»* (Аврорин 1975: 276), которое

предполагает *«равную или приближающуюся к равной степени владения и употребления как в речи, так и в мыслительном процессе двух языков, регулярно взаимодействующих друг с другом в важнейших сферах общественной деятельности»* (Ахунзянов 1976: 62). Иными словами, двуязычным может считаться человек, *«который кроме своего первого языка в сравниваемой степени компетентен в другом языке, способен со схожей эффективностью пользоваться в любых обстоятельствах тем или другим из них»* (Сигуан 1990: 11).

С точки зрения психолингвистов, подход которых в значительной степени совпадает с представлениями о данном феномене А.Мейе, Г.Шухардта, Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы и других выдающихся языковедов, двуязычие – это, прежде всего, психологическая проблема (Леонтьев 1974). Более того, как подчеркивает А.Е. Супрун: *«действительно определяющие характеристики типов двуязычия сводятся к социально-лингвистическим условиям его функционирования»* (Супрун 1996:197). Выделяя два основных типа двуязычия – совмещенное и автономное, характеризующие две его крайние точки, А.Е. Супрун далее замечает: *«При всем* ***индивидуальном своеобразии двуязычия****, при всем том, что первичной ячейкой двуязычия является двуязычный индивид (билингв),* ***двуязычие, как и сам язык, по природе свой явление социальное****. <...>* ***В двуязычии сложно переплетаются как психологические, так и социальные факторы речевой деятельности, связанные с множественностью языков в мире, с единством речевой способности и со всеобщей потребностью в общении»*** (Супрун 1996: 203-204) [выделено автором – И.Б., А.К.].

Социальные аспекты двуязычия и связанные с ними проблемы стали еще более очевидными сегодня, в период культурного слома в России и бывших советских республиках, хотя, как отмечает Р.М. Фрумкина, к негативным последствиям раннего обучения неродному языку, в частности, к формированию «полуязычия», пытались привлечь внимание еще в конце восьмидесятых годов двадцатого столетия. «Согласно Хинту, – пишет исследовательница, – «полуязычие» – это такое положение вещей, когда человек, вроде бы владеющий обоими языками, фактически не владеет ни одним: столкнувшись с чуть более сложным смыслом, он не способен точно выразить его ни на одном из тех языков, которыми он якобы «владеет» (Фрумкина 2001: 165). Однако, признавая вслед за М.Хинтом само существование «полуязычия», Р.М.Фрумкина объясняет его не незнанием языка, а сломом культурно-бытовых традиций, отрывом человека от привычного быта и окружения, в результате чего личность попадает в конфликтную ситуацию и превращается в «полуязычного» индивида, зачастую прекрасно владеющего родным языком, но не умеющего выразить свои мысли.

Соглашаясь с автором в том, что специфика структуры языковой личности во многом зависит от степени ее адаптации к изменившимся

социальным условиям, мы не можем полностью разделить ее мнение о том, что основной причиной появления «полуязычного» индивида является изменение отношения к языковой норме. Безусловно, этот фактор вносит свой вклад в формирование языковой личности нового типа, который можно обозначить как «маргинальный билингв», главной характеристикой которого является поверхностное знание как родного, так и второго языка, и такие же отрывочные знания своей и чужой культуры. Такие билигвы-маргиналы предпочитают «оригинальные» (original) вещи из Европы, восхищаются новым «луком» (look) своих друзей, стремятся покупать только «ридеры представительского класса» (reader) и т.д. Эти билигвы (а речь здесь идет именно о студентах лингвистических вузов, достаточно свободно владеющих, по крайней мере, одним иностранным языком) полагают, что Вильгельм фон Гумбольдт жил в середине двадцатого века, Анна Ахматова была известной детской писательницей, «Господа Головлевы» написаны двумя писателями – Салтыковым и Щедриным, местоимение «мы» – это местоимение второго (я+ты) лица множественного числа, первым президентом США являлся Индиана Джонс, а May Flower – это некий цветок, названный по месяцу его цветения (все приведенные примеры взяты из собственной преподавательской практики авторов).

Но такой тип маргинального билингвизма, как и такая структура языковой личности – это не результат случайного стечения обстоятельств, вызванный недооценкой значимости навыков культуры речи. Подобный тип личности направленно формируется целым рядом социальных институтов, поддерживающих разрушение смыслового пространства национальной культуры при помощи самых различных методов, к которым относятся и изменение языковой нормы, и замена слов родного языка иноязычными словами, и многие другие, что в итоге ведет к изменению смыслового содержания национального образа мира.

Так, одним из примеров замены слова своего языка иноязычным словом является стирание различий в значении русского слова *терпение* и английской лексемы *толерантность*. Еще два десятка лет назад исследователи отмечали, что слово *толерантность* воспринимается славянским сознанием как чужеродное и непонятное (заметим попутно, что в русском языке существует и другая лексема – *терпимость*, более близкая по значению к *толерантности*). Однако сегодня, в результате направленного воздействия, *толерантность* практически стала эквивалентом русского понятия в языковом сознании современной молодежи, что полностью подтверждается данными ассоциативных экспериментов. Это могло произойти только в том случае, если мы имеем дело с совершенно иным типом билингва, в сознании которого звуковые образы двух слов разных языков представляют собой неразрывное единство, семантика которого не соответствует в полной мере ни русской,

ни англоязычной культуре, в чем легко убедиться, взглянув на таблицу, представленную ниже.

Русский язык	Английский язык
Терпение	Patience, endurance, persistence, indulgence, tolerance
1. Безропотно и стойко переносить что-либо (страдания, неприятность, боль, нежелательное) (suffer, endure, forbearance)	1. Endurance- выносливость, способность переносить (боль, страдания и т.д.)
2. Настойчивость, упорство и выдержка.	2. Persistence – упорство, настойчивость.
3. Мириться с наличием, существованием чего-либо или кого-либо, допускать что-нибудь, что неприятно для себя лично.	3. Indulgence (lenience, leniency) - снисходительность.
4. Уметь ждать.	4. Patience – терпеливость, терпение.
	5. Tolerance – способность испытывать что-то неприятное **без внутренних переживаний,** принять других людей, отличающихся по вере, убеждениям и т.д. без критики, даже в случае несогласия**.**

Этот ряд примеров можно продолжить. И все они будут свидетельствовать о том, что на современном этапе развития общества мы имеем дело с совершенно новым типом билингвизма. Возможно, именно этот тип является следствием полного исчезновения чувства непрерывности языка, что связано с уменьшением чувства национального самосознания и ослаблением связей внутри нации как отдельной социальной группы, о чем писал в свое время Л.В. Щерба.

Литература

Аврорин, В.А. (1975) Проблемы изучения функциональной стороны языка М., 276 с.

Ахунзянов, Э.М. (1976) Морфологическая интерференция в условиях русско-татарского двуязычия. М., 145 с.

Земская, Е.А. Русский язык «в чужой одежде»: e-mail как средство транскрипции и инструмент лингвистического анализа: [Электронный ресурс]. 22.12.200. (Дата обращения 28.05.2013) URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/net/28_38

Щерба, Л.В. (1974) О понятии смешения языков // Языковая система и речевая деятельность. Л., С. 60-74.
Леонтьев, А.А. (1977) Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах: Словарь ассоциативных норм русского языка. М., Русский язык.
Сигуан, М. (1990) Образование и двуязычие. М., Педагогика. 184 с.
Супрун, А.Е. (1996) Лекции по теории речевой деятельности. (Пособие для студентов фил. фак-тов вузов). Мн., Бел. Фонд Сороса. 287 с.
Фрумкина, Р.М. (2001) Психолингвистика. (Учебное пособие для студентов высших учебных заведений). М., «Академия», 320с.
Yumoto, K.A. (2004) Study of Cognitive Level of Bilingual Proficiency: What Makes Balanced Bilinguals? // The Journal of Asia TEFL. Vol. 1. No.2. Pp. 135-160.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 280-285
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.280

Ivana Klinčić – Vladimira Rezo
(Zagreb, Hrvatska)

POSMRTNI GOVORI NA HRVATSKOM KAJKAVSKOM KNJIŽEVNOM JEZIKU

Abstract: The paper describes the structure and the language features of eulogies written in the Croatian Kajkavian literary language from 1690 to 1829. There are two types of eulogy, impersonalized and personalized. Personalized speeches show the characteristics of a literary genre, and consist of obligatory components such as title, motto and bipartite structure.
Keywords: eulogy, Croatian Kajkavian literary language

Uvod

U radu se opisuju struktura i jezične odlike posmrtnih govora pisanih hrvatskim kajkavskim književnim jezikom od 1690. do 1829. godine. Autori odabranih posmrtnih govora su svećenici Adam Baltazar Krčelić, Januš Čanji, Pavel Češković, Franjo Ksaver Lucić, Juraj Pandurić, Josip Vračan, Filipp Wohlgemuth, pavlin Hilarion Gašparoti i franjevac kapucin Gregur (tj. Juraj Maljevec), a sastavljali su ih povodom smrti ili obljetnice smrti istaknutih suvremenika.

Posmrtni se govori dosad nisu razmatrali sa stajališta posebne književne vrste, nego su se najčešće smještali u kontekst propovijedi.[1] Tome je pridonijelo već spomenuto autorstvo uslijed čega su govori napisani s gledišta katoličke duhovnosti i s propovijedima dijele mnoge književne postupke. No, u užem smislu to nisu teološka djela pa se niti ne mogu uvrstiti u korpus teoloških književnih tekstova, kakvi su propovijedi.[2]

U korpusnim tekstovima posmrtni se govori različito nazivaju: *žalosno govoren'je* (Češković), *prodeka sprevodna* (Gašparoti), *prodeka nad mertvem telom* (Gašparoti), *prodeka pokopna* (Krčelić), *spomenek* (Wohlgemuth, Pandurić, Čanji), *mertvečko prodečtvo* (Zanić, Vračan) i *mertvačko prodičtvo* (Lucić) te u širem smislu *razgovor* (Krčelić) i *govorenje* (Krčelić, Pandurić).

1. Teorijsko polazište

U obrađenom korpusu tekstova uočili smo dva načelna autorska pristupa s obzirom na odnos prema pokojniku pa smo tekstove podijelili na nepersonalizirane i personalizirane posmrtne govore.

Nepersonalizirani posmrtni govori ne percipiraju pokojnika, činjenice iz njegova života, osobnost, kvalitete i mane ili to rade u minimalnoj mjeri. Takav

[1] Josip Bratulić posmrtne je govore izdvojio kao "poseban oblik propovijedi" (Bratulić 2003: 540; usp. i Bratulić i Damjanović 2005: 277).
[2] Usp. *Kataloški popis* (Korade 1996: 117-119).

je Češkovićev govor *Sermo funebris* te Gašparotijevi govori *Prodeka II. sprevodna g. plebanuša Ferenca Gluščič ili N. N.* i *Prodeka III. nad mertvem telom*. Odlikuje ih pozivanje na mnogobrojne citate *Svetoga pisma* te cijenjenih teologa i filozofa o čestitosti, duhovnosti i smrti te njihovo tumačenje sa stajališta prolaznosti ljudskoga života. Oba Gašparotijeva govora su svjesno nepersonalizirana i cilj je njihova objavljivanja ponuditi obrazac za posmrtni govor kako je mogao biti izrečen bilo kojem uvaženom suvremeniku pa je na mjestima na kojima bi valjalo reći pokojnikovo ime stavljena kratica N. N., kao što je vidljivo i u naslovu prvoga Gašparotijeva govora. Nepersonalizirani posmrtni govori bliski su propovijedima.[3]

Personalizirani posmrtni govori osobni su autorski tekstovi koji jedna povijesna osoba upućuje drugoj povijesnoj osobi, tiskani neposredno poslije smrti ili povodom godišnjice smrti potonje, a u istom su obliku najvjerojatnije bili i izgovoreni. Oni zahtijevaju visok stupanj autorske angažiranosti unutar zadane strukture, a kroz njih se mogu iščitavati kako književni tako društveni, politički i osobni odnosi. Istovremeno su književna djela i povijesni dokumenti. Kao povijesni dokumenti govore o društvenom statusu pokojnika i njegove obitelji te o društvenom statusu i autoritetu autora posmrtnoga govora, a kao književna djela svjedoče o pripadnosti suvremenim književnim i umjetničkim epohama i stilovima.

2. Struktura personaliziranih posmrtnih govora

Unatoč postojanju mnogobrojnih elemenata propovijedi, posebnost posmrtnih govora kao književne vrste svjedoči, s jedne strane, jasno određena struktura i, s druge strane, stilska i ekspresivna autonomnost autora. Svi se posmrtni govori sastoje od točno određenih dijelova, a odstupanja su u tome zanemariva te ovisna o opravdanim razlozima. Obvezatni dijelovi personaliziranoga posmrtnog govora su naslovnica, citat i dvostavačna (trostavačna) struktura.

2.1. Naslovnica

Okamenjenu formulu naslovnice čine obvezne sastavnice poredane određenim redoslijedom:

1. naslov, npr.: *Sermo funebris to jest žalosno govoren'je nad pokopom*; *Najvredneše stalnosti pelda*; *Dužnosti spunjenje*; *Spomenek*;
2. klasno određenje pokojnika, npr.: *presvitloga, zmožnoga i previžnjega gospodina*; *poglaviti i prečasni gospon, gospon*; *preizvišenoga i presvetloga gospodina grofa*; *proti pokojnomu gospodinu grofu*;
3. ime pokojnika, npr.: *Jembriha kneza Erdeodija*; *Januš Bužan*; *Petru Troillu Sermage od Somsedvara*; *Krištofa Oršič od Slavetič*;

[3] Alojz Jembrih smatra propovijedima i Češkovićev govor Jembrihu Erdeodiju i Gašparotijev govor Franji Gluščiću (Jembrih 1997: 251-258).

4. titule pokojnika (dužnosti koje je obnašao), npr.: *cesarske i apoštolske kraljevske zmožnosti tolnačnik, sklavonskoga i horvatckoga orsaga viceban, slavne banalske tabule ašešor*; *cesarsko-kraljevskomu komorniku, i tolnačniku, vu redu vojničkom generalu, orsačkom pako, banske tabule ašešoru*; *vekivečnoga vu Tuninu, Karine i Nelipat, cesarokraljevske svetlosti komornika i tolnačnika, generala feldmaršal-lieutenanta, preizvišenoga Stola banskoga prisednika*;

5. ime autora govora, npr.: *Pavla Češkoviča*; *Boltižara Adama Kerčelič de Korbavija*;

6. titule autora govora, npr.: *stolne cirkve zagrebečke kantora i starešega kanonika, protonotarijuša apoštolskoga*; *opata Sveteh apostolov Petra i Pavla de Kač, Stolne zagrebečke cirkve kanonika i Tabule, vu orsagu ovom, zagrebačke judikarije ašešora*; *Stolne cirkve zagrebečke kanonika, protonotarijuša apoštolskoga, prepoštuvanoga Stola duhovnoga Biškupije zagrebečke konžištorijališa i fiškuša*;

7. vrijeme održavanja govora te mjesto tiskanja i tiskara.

Rijetka odstupanja u redoslijedu sastavnica provedena su tako da bitnije ne narušavaju utvrđeni obrazac, npr. u Maljevčevu govoru Mariji Tereziji, gdje su ime pokojnika i titule uvrštene u naslov (*Trojverstna Marije Terežije, rimske cesarice i apoštolske kraljice, krepost*), no zapravo su sve obvezne sastavnice navedene. Neobvezatni su podatci mjesto i vrijeme smrti, mjesto i vrijeme pokopa, navođenje udovice, djece i sl., a nalazimo ih netom prije podataka o mjestu i vremenu kad su govori izgovoreni i/ili tiskani.

2.2. Citat

Svi posmrtni govori sadrže citat iz *Svetoga pisma* ili iz djela kršćanskih autora koji čini okosnicu teksta, raster kroz koji se govori o pokojnikovu životu. Uz citat se uvijek navodi izvor, a često i prijevod odlomka, što u slučaju propovijedi Josip Bratulić naziva "baroknom sinonimijom" (Bratulić 1991: 285). Koliko je citat bio važna sastavnica posmrtnih govora, vidljivo je po tome što jedan Gašparotijev (nepersonalizirani) posmrtni govor za njega daje čak pet prijedloga, koje latinski naziva *thema*.

Citat je zajednička sastavnica posmrtnih govora i propovijedi, no u tome postoje neke sličnosti ali i razlike. Propovijed proizlazi iz tumačenja odlomka *Svetoga pisma* pa je citat centralno mjesto propovijedi – ono o čemu se u propovijedi govori i što se tumači, dok je u posmrtnom govoru samo sredstvo, a centralno je mjesto posmrtnoga govora pokojnikov život i osobnost.

2.3. Dvostavačna (trostavačna) struktura

Dva su obvezatna poglavlja posmrtnih govora. U prvome se navodi pokojnikovo podrijetlo i postignuća, a u drugome njegove duhovne i moralne kvalitete po kojima će dostići Kraljevstvo Nebesko. Možemo reći da posmrtni

govori počivaju na antitezi zemaljskog i nebeskog iskazanoj kroz strukturu.[4] Binarna struktura u posmrtnim govorima može biti naglašena eksplicitnim odvajanjem poglavlja, kao što je kod Krčelića, Maljevca, Čanjija i Lucića, ili se ne označava posebno iako govor slijedi tu pravilnost, kako je kod Wohlgemutha, Pandurića i Zanića. Govori u kojima nalazimo formalno označavanje i izdvajanje poglavlja sadrže još i uvod (*Predgovor*, *Exordium*), a tako jasno strukturiranje govori da je postojao formalni uzus za strukturiranje posmrtnih govora, čija je razina obvezatnosti vjerojatno ovisila o društvenim okolnostima. Posmrtni govori Adama Baltazara Krčelića eksplicitan su primjer strukture posmrtnih govora. On je svoja dva govora strukturirao toliko osviješteno da je gotovo školski i imenovao njihove sastavnice te na početku objasnio o čemu će biti riječi u svakom od dva poglavlja. Maljevčev se posmrtni govor sastoji od triju dijelova jer je između svjetovnih postignuća i duhovnih kvaliteta uvrstio i vladarska postignuća i kvalitete Marije Terezije kao zaseban dio pa je tu riječ o trostavačnoj strukturi: 1. Marija Terezija mudrim i hrabrim odlukama zadržala je krunu; 2. kao mudra vladarica osigurala je red i sigurnost; 3. krasile su je vrline kao ljubav, dobrota i milosrđe.

3. Jezične i stilske osobine

Svi su analizirani govori (personalizirani i nepersonalizirani) pisani hrvatskim kajkavskim književnim jezikom, tj. književnojezičnom normom kakva se opisuje u hrvatskim kajkavskim gramatikama (Szentmartony, Kornig, Matijević, Kristijanović).[5] Toj se jezičnoj normi pokušao prilagoditi i Lucić u svom govoru, no njegov tekst obiluje i štokavskim jezičnim elementima.

Za razliku od propovjednika koji se po stilskim odrednicama ne razlikuju s obzirom na podrijetlo i pripadnost različitim crkvenim redovima (Bratulić 1991: 282), autorizirana pozicija govornika posmrtnog govora nalagala je drukčiji pristup. Dok u propovijedi ne mora postojati poveznica između izrečenog i receptivne zajednice, u posmrtnom se govoru prepoznavanje ne može izbjeći pa valja pretpostaviti da je autorstvo posmrtnog govora podrazumijevalo bitno osobniju razinu.

Iako korpus posmrtnih govora datiramo od kasnog baroka gotovo do Preporoda, u svim je tekstovima prisutan svjetonazorski utjecaj protureformacije, odnosno vjerskog pritiska Tridentskog koncila, a stil se u kasnijim govorima djelomično pojednostavljuje, iako i u njima nalazimo osobine baroknog *stile acuto*, kićenog, patetičnog, punog simbolike i stilskih sredstava, kao što su: **usporedba** (*odičil ga je vu pokolenju svojem i zrasti vučinil na spodobu brega*); **kontrast** (*jednoga nadjali smo se, drugoga ne prez zroka jesmo se bojali*); **metafora** (*nut male hiže* − mrtvački sanduk; *nebesku*

[4] Kompozicijsku antitezu pokazala je Dunja Fališevac na primjeru *Osmana* (1988: 286).

[5] Namjerno je izostavljena gramatika Josipa Đurkovečkog, koja počiva na nešto drukčijem gramatičkom konceptu nego navedene četiri gramatike.

ovčarnicu − raj); **personifikacija** (*vse tvoje hiže presenečene stale su od čuda*); **alegorija** (*Zaisto, pravo se ti malaš prez vsake paske i gledanja na spodobu jednoga kosca, koj ne pazi i ne gleda kam z kosum zamahne, nego jednako rožice i koprive podkaša*); **oksimoronski izraz** (*zločestu i siromašku sreču*); **gradacija (***Ne ti bilo zadosta da si nas svete i apoštolske kraļice mentuvala, da si nam jednu spametnu i mudru ravnitelicu vumorila, doklam nam nisi i našu pravu mater i stalnu ljubitelicu pod zemlju spravila?*); **paradoksalna poanta** (*Vnogi oštroču samo Terežije važu i marlivo pretresaju, na druge pak čine ljubavi i miloserdnosti nenje nikaj se ne ogledaju, i zato na njihove krive vage oštroča Terežije ljubav i dobrotu nenju prevaguje*). Pažljivim se iščitavanjem mogu prepoznati i suptilne nijanse u izričaju svakog autora, poput veće ili manje bliskosti sa slušateljstvom, ostvarene retoričkim pitanjima i imperativima, potom razine teatralnosti, najčešće u vidu pretjerane hvale pokojnika, uz zazivanje svjedočenja brojnih svetaca i smrtnika te manje ili više naglašenog "modernog stava lirskog subjekta" (Fališevac 1988: 39) koji podrazumijeva ironiju, bufoneriju, ismijavanje sama sebe, parodiranje nekog predloška i sl.

Zaključak

Posmrtne govore podijelili smo na personalizirane i nepersonalizirane. Dok su nepersonalizirani po mnogim svojstvima bliski propovijedima, personalizirani posmrtni govori pokazuju obilježja posebne književne vrste. Svjetonazorski su u suglasju s produkcijom katoličke obnove, u poetiku razdoblja se uklapaju ponajprije po nabožnoj tematici, antitetičkoj kompoziciji i mjestimično akutnom stilu. Tekstovi obrađenoga korpusa objavljeni su u drugoj polovini 18. i prvoj polovini 19. stoljeća (izuzev Češkovića) pa su, sukladno drugoj i trećoj razvojnoj fazi (Vončina 1988–89), u skladu s razvijenom jezičnom normom hrvatskoga kajkavskog književnog jezika.

Vrela

Čanji, J. (1817) Zpomenek preszvetloga, vrednoga, y viteskoga gozpodina groffa Barthola Patachich [...] na pervo posztavlyen od Janussa Chányi Fare Verbovechke Plebanussa. Zagreb.

Češković, P. (1690) Sermo funebris, To jeſzt Shaloszno govorenje nad pokopom Preſzvitloga, Zmoſhnoga i Previſnyega gozpodina Iembriha kneza Erdeodia recheno od viſzoko poſtuvanoga Gozpodina Paula Cheskovicha [...]. Zagreb.

Gašparoti (1761a) Prodeka II. szprevodna g. plebanussa Ferencza Gluschich vel NN. Czvet szveteh, ali Sivlenye, y chini szvetczev [...] po dobrovolynom trudu p. Hilariona Gasparotti [...]. Knjiga 4. Beč, 834-846.

Gašparoti (1761b) Prodeka III. nad mertvem telom. Isto, 846-869.

Krčelić (1767) Naivrednesze sztalnoszti pelda. [...] Po Prodeke Poglavitoga Goszp. Bolthisara Adama Kerchelich [...]. Zagreb.

Krčelić (1772) Dusnoszti szpunienie proti pokoinomu goszpodinu groffu Petru Troillu Sermage [...] po razgovoru Goſzpodina Bolthisara Adama Kerchelich [...]. Zagreb.
Lucić (1827) Mertvachko Prodichtvo na Dan obszlussavanya Zpomenka Szmerti [...] Gozpona Maximilian Verhovacz [...]. Recheno po Franyi Xaveriu Luzzich [...]. Zagreb.
Maljevec (1781) Trojverztna Marie Theresie rimzke czeszaricze, y apostolzke kralyicze krepozt [...]. Na pervo poztavlyena od p. Gregura [...]. Zagreb.
Pandurić (1786) Zpomenek chinov, y sivlenya preizvissenoga, preszvetloga, y prepostuvanoga gozpodina Josefa Gallyuffa [...] na pervo poztavlyen od Juraja Panduricha [...]. Zagreb.
Vračan (1823) Mertvechko prodechtvo [...] recheno po Josefu Vrachan [...]. Varaždin.
Zanić (1821) Mertvechko prodechtvo [...]. Peter Zanich [...] rekel je [...]. Varaždin.
Wohlgemuth (1782) Zpomenek preizvissenoga, y preszvetloga gozpodina groffa Kristoffa Orssich od Szlavetich [...] napervo poztavlyen od Filippa Wohlgemuth [...]. Zagreb.

Literatura

Bratulić, J. (1991) Hrvatska barokna propovijed. Hrvatski književni barok. Zavod za znanost o književnosti, Zagreb, 279-296.
Bratulić, J. (2003) Propovjedna i hagiografska književnost. Hrvatska i Europa. Kultura, znanost i umjetnost. Sv. 3. Školska knjiga, Zagreb, 533-549.
Bratulić, J. – Damjanović, S. (2005) Barokno govorništvo. Hrvatska pisana kultura. Sv. 1. Veda, Križevci – Zagreb, 277.
Fališevac, D. (1988) O funkcioniranju antiteze u baroknoj poeziji. Književni barok. Zavod za znanost o književnosti, Zagreb, 247-290.
Fališevac, D. (1994) Stil hrvatske barokne epike. Dani Hvarskoga kazališta. Čakavski sabor, Split, Vol. 20. No. 1, 39-49.
Jembrih, A. (1997) Na izvorima hrvatske kajkavske književne riječi. Zrinski, Čakovec, 251-258.
Kolumbić, N. (1991) Neke osobitosti žanrova hrvatskoga baroka. Hrvatski književni barok. Zavod za znanost o književnosti, Zagreb, 39-51.
Korade, M. (1997) Teološka i vjerska misao u hrvatskoj kajkavskoj književnosti. Kajkaviana croatica. Hrvatska kajkavska riječ. Zagreb – Donja Stubica, 91-119.
Vončina, J. (1988-89) O normi hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika. Suvremena lingvistika. Zagreb, br. 27-28, 65-70.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 286-293
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.286

Kocsis Mihály
(Szeged, Magyarország)

HARKOV ÉS AZ UKRÁN HELYESÍRÁS-TÖRTÉNET

Abstract: Kharkiv (its scientific and cultural lives) has already played an important part in the formation of modern Ukrainian orthography several times. This is proved by the work of such personalities as the writer I. Kotl'arevs'kyj or prof. A. Metlyns'kyj from the 1840s. Their achievement, however, is not paid due heed to in monographies on the history of Ukrainian orthography. The 1927 Kharkiv all-Ukrainian congress on orthography and its consequences leading to present day are given much greater emphasis.

Keywords: the Ukrainian language, history of orthography, 19th and 20th centuries, Kharkiv

Az ukrán helyesírás történetének XIX. századi részleteivel több jelentős tanulmány is foglalkozik. Közülük most önkényesen választunk ki néhányat.

Ahatanhel Kryms'kyj először 1929-ben publikált írása (Кримський 2004) az 1927. évi harkovi helyesírási konferencián elhangzott előadása alapján készült. (Erről a konferenciáról később még részletesen szólunk.) A szerző a keleti szláv írásbeliség kezdetéig visszanyúló elemzését hét fejezetre tagolja; a XIX. század történéseit a IV., az V. és a VI. fejezet tartalmazza. E három fejezet tartalmát itt most nagyon röviden ismertetjük.

A IV. fejezet a cári uralom alatt lévő területeken folytatott helyesírási kísérleteket tárgyalja. Bár Ivan Kotljarevs'kyj, Osyp Bodjans'kyj és Mychajlo Maksymovyč ortográfiai rendszere alapvetően az etimológiai elvre épül, Kryms'kyj akadémikus felhívja a figyelmet arra, hogy mindhármójuknál megtaláljuk az ukrán kiejtést egészben vagy részben tükröző írásmódot is: az egyes szám harmadik személyű névmás hímnemű alakja például nem a régies **онъ**, hanem **вѣнъ** (Koltljarevs'kyj és Bodjans'kyj) vagy **вôнъ** (Maksymovyč). Mások – mint Hryhorij Kvitka, Jevhen Hrebinka és Taras Ševčenko – az orosz ábécét használják ugyan, viszont azt az ukrán hangzásnak megfelelően, l. **билый**, **блызькый**. Ilyen előzményeket követően lép színre Pantelejmon Kuliš, aki – Oleksij Pavlovs'kyj nyomán haladva – jelentős változtatásokat hoz a helyesírásban (Kryms'kyj akadémikus nem hallgatja el az ún. *kulišivka* tökéletlenségeit sem).

Az V. fejezetben az osztrák fennhatóság alá került, elsősorban galíciai ukránok újítási törekvéseit mutatja be a szerző. Szól a *Rusalka Dnistrová*ról, a latin ábécé bevezetésének szorgalmazásáról, Mychajlo Drahomanov eleve reménytelen kísérletéről, továbbá M. Maksymovič és P. Kuliš – a IV. fejezetben már részletezett – ortográfiai rendszerének nyugati térhódításáról.

A VI. fejezet a század utolsó két évtizedének történéseit veszi számba: a középpontban Jevhen Želechivs'kyj újítása, annak elterjedése áll.

Két évtizeddel később, 1949-ben jelent meg Ivan Ohijenkótól az ukrán irodalmi nyelv történetének az a monográfiája, melynek XVIII. fejezete (*Історія українського правопису)* a helyesírás változásait tekinti át (a mű újabb kiadása az interneten is hozzáférhető – Огієнко 2001). Ohijenko értékelése szerint I. Kotljarevs'kyj az ukrán irodalmi nyelv megteremtője ugyan, de az új helyesírás atyjának nem ő, hanem O. Pavlovs'kyj tekintendő.

M. Maksymovyčot Ohijenko a fonetikus helyesírás ellenzőjének tartja, a *Rusalka* szerkesztőit viszont – éppen ellenkezőleg – azért méltatja, mert nagy szolgálatot tettek a hangtani alapú ortográfiának.

P. Kuliš szerepe Ohijenko professzornál alapos értékelésre kerül. Kuliš kezdetben az etimologikus helyesírás híve volt, később azonban különféle ortográfiákat felváltva használt. A fonetikai elvet 1856–57 óta követte, bár valójában semmi újdonsággal nem szolgált: a korábbi újításokat népszerűsítette. Ohijenko *expressis verbis* kijelenti, hogy a modern ortográfiát *kulišivká*nak nevezni helytelen. Az 1873. évi kijevi helyesírás pedig (immár a **ї** betű használatával) még a Kulišénál is fonetikusabb.

A szerző kitér a galíciai „helyesírási háborúra", majd – a XIX. századi újítások közül –szól M. Drahomanov és Je. Želechivs'kyj kísérletéről is.

2002-ben került ki a nyomdából Vasyl' Nimčuk professzornak az ukrán helyesírás aktuális problémáit taglaló írása. A rövid történeti bevezető a XIX. századból csak a legfontosabb eseményekre fókuszál (Німчук 2002: 6–7). Nimčuk professzor O. Pavlovs'kyj és P. Kuliš érdemeit méltatja: előbbi munkásságában az ukrán nemzeti helyesírás megteremtésének kísérletét, utóbbiéban a fonetikai alapú összukrán ortográfia megvalósulását látja. Je. Želechivs'kyj rendszere – a szerző szerint – a *kulišivká*n alapul; a *želechivká*t pedig majd Stepan Smal'-Stoc'kyj (Stephan Smal-Stockyj) és Fedir Hartner (Theodor Gartner) népszerűsíti Bukovinában.

Jóval részletesebben szól ugyanerről a századról V. Nimčuk a már említett helyesírás-történeti szöveggyűjteményt megelőző bevezetőjében (Німчук 2004: 6–11). O. Pavlovs'kyj szerepének megítélése – a korábbihoz képest – változatlan; helyesírási rendszerének bemutatása viszont nagyon részletes. P. Kuliš jelentőségét ellenben már árnyaltabban ítéli meg a szerző, olyannyira, hogy A. Kryms'kyj egykori kijelentését („most kulišivkával írunk") nyilvánvaló túlzásnak nevezi (jelen közleményben valamennyi fordítás tőlünk származik – K.M.). Nimčuk professzor szerint Kuliš támaszkodhatott a *Rusalka Dnistrova* ortográfiájára is. Az 1830-as évekről szólva röviden említésre kerül Lutskay Mihály is, aki – kárpátaljai nyelvi anyagának publikálása (Lutskay 1830) során – elsőként hagyta el a keményjelet az ábécéből.

Kulišnak a – mind az orosz, mind az osztrák uralom alatti területen terjedő – helyesírását egy kijevi tudományos folyóirat, a *Zapysky* (Записки 1873) tökéletesíti tovább. Nimčuk professzor végül részletesen mutatja be M. Drahomanov és Je. Želechivs'kyj rendszerét, említést tesz S. Smal'-Stoc'kyjról és F. Hartnerről is.

Az ukrán nyelv enciklopédiájának az ábécé változásait bemutató fejezetét *(Реформи алфавіту і графіки)* H. P. Pivtorak jegyzi; rövid összefoglalása az interneten is megtalálható. Az összefoglalót – *Образцы различной украинской орфографіи за XIX столетіе* címmel – egy táblázat követi, mely Ivan Ohijenko 1919-ben megjelent könyvéből (Огиенко 1919) származó fénymásolat. Ez a táblázat kézírással készült és számos nehezen vagy bizonytalanul olvasható adatot is tartalmaz, viszont az ortográfia változásait az eddig említett valamennyi műnél lényegesen részletesebben ábrázolja, ezért azt az alábbiakban mi is közöljük.

Elöljáróban el kell mondanunk, hogy csak a minimális változtatásokra törekedtünk. A magyarra fordított fejléchez azt a kiegészítést fűzzük, hogy a negyedik oszlopban Ohijenkónál „*серед.* ***и”*** olvasható, amit ma „ukrán jery"-nek nevezünk. Az utolsó előtti oszlop fejléce pedig *„глухі”,* ez gyakorlatilag a két jernek a korábbi oszlopokban nem részletezett (nem pozicionális) írását jelenti. A szerzők névsorát latin betűvel adjuk; Ohijenko *Lučkaj* alakja Lutskay Mihályt rejti. A rubrikák tartalmát igyekeztünk megőrizni, csupán a *„нема”* és *„нічого”* szavakat helyettesíti a hiányra utaló gondolatjel (–). (Ohijenko ki nem töltött négyzeteit viszont változatlanul hagytuk.) Ha a táblázat egyes adatai (a kézírás miatt) olykor bizonytalannak tűntek számunkra, az illusztrációhoz mellékelt – s az interneten ugyanott található – példatárból igyekeztük azokat egyértelműsíteni; a közölt példatárból kétség nélkül megállapítható elírásokat pedig korrigáltuk.

Az ukrán helyesírás történeti fejlődésének táblázata

Szerző	Év	**ъ**	Ukr.**и**	**і<е**	**і<о**	**і<ѣ**	**ї**	**є**	**йо,ьо**	Néma	**ґ**
Régen		**ъ**	**ы,и**	**є**	**о,и,ѣ**	**ѣ,и**	**и**	**є,є**	**іо,іô**	**ъ,ь,’**	**кг,г**
Kotljarevs'kyj	1798	**ъ**	**ы,и**	**и**	**и,ѣ**	**ѣ**	**ѣ,и**	**е**	**іо,е**		**г**
Kotljarevs'kyj	1799	**ъ**	**ы,и**	**и,ѣ**	**и,ѣ**	**ѣ**	**и,ѣ**	**е**	**іо**	**ь**	
Kotljarevs'kyj	1809	**ъ**	**ы,и**	**и**	**и,ѣ**	**ѣ,и**	**ѣ,и**	**е**	**іо**		
Pavlovs'kyj	1818	**ъ**	**ы**	**і**	**і**	**і**	**і**	**ѣ**	**іо**	**ь**	**кг**
Vojcechovyč	1823	**ъ**	**и,ы**	**е**	**о**	**ѣ,и**	**и**	**е**	**іо**	**ь**	**г,кг**
Mohyl'nyc'kyj	1823	**ъ**	**ы,и**	**є**	**о,ô**	**ѣ**	**и**	**е**			**г**
Maksymovyč	1827	**ъ**	**и,ы**	**ê**	**ô**	**ѣ**	**и,и̂**	**е**	**ë**	**ъ**	
Lučkaj	1830	–	**ы**	**е**	**о**	**ѣ**	**и,ї**	**е**		**ї**	**г**
O.Levyc'kyj	1834	**ъ**	**ы,и**		**ö,ô**	**ѣ**		**е**	**ё**		**ґ**
Topolja	1837	**ъ**	**ы**	**и̂**	**и̂**	**ѣ,и̂**	**и̂**	**е**	**іо**	**ь**	

„Rusalka Dnistrova”	1837	–	и	і	і	ґ	ґ	є	йо,ьо	–	
Pysarevs’kyj	1840	ъ	ы	и	и	и		е	їо,іо	ь	кг
Karpenko	1845	ъ	ы	и	и	и	іи,и	ґ	іо	ь	
Vahylevyč	1845	ъ	и,ы	е	о	ґ	и	е	їо	–	
Hlyns’kyj	1845	–	и,ы	ґ	ö	ґ	ґ,і	є	іо	–	ґ
Lozyns’kyj	1846	–	ы,и	е	о	ґ,и	и	е	ьо,їо	–	ґ
Holovac’kyj	1849	ъ	ы,и	ê	ô	ґ	ґ	є	іô	–	ґ
Osnov’janenko	1851	ъ	и	і	і	і	и	е	ë	ъ	
Borovykovs’kyj	1852	–	ѵ,и	и	и	и	и	є	ë		g
Metlyns’kyj	1854	–	ы			и	и	є,е	йо,ьо	ь	
Kuliš	1856	ъ	и	і	і	і	і	є,е	ë	ъ	
Maksymovyč	1859	ъ	ы,и	ê	ô	ґ	и͡	є	ë	ъ,ь	
Ševčenko	1861	ъ	ы	и,і	и,і	и,і	и	е	ë	–	
„Osnova”	1861	ъ	и	і	і	і	і	е	ë	ь,ъ	
Kuliš	1861	ъ	и	і	і	і	і	е,є	ë	–	g
Haccuk	1861	–	и	ї	ї	ї	і	’є, є	ô	ѣ	
Osadca	1862	ъ	ы,и	е,ґ	ô	ґ	и	є	іо	–	
Nomys	1864	–	и	і	і	і	і	є	ë	ъ	g
Djačan	1865	ъ	ы,и	ê	ô	ґ		є			
„Zapysky”	1873	–	и	і	і	і	ї	є	ьо,ë		кг
Rudčenko	1874	–	и	і	і	і	ї	є	ë	ъ	
Čubyns’kyj	1874	ъ	и	і	і	і	і	є	ë	ъ	
Antonovyč	1874	–	и	і	і	і	ї	є	ë	ъ,ь	
Komarov	1874	–	и	і	і	і	ї	є	ë	ъ	
Loboda	1874	–	и	і	і	і	йі	є	йо,ьо	ъ	g
Kostomarov	1875	ъ	и	і	і	і	і	е	ë,іо	ъ,ь	
Drahomanov	1876	–	и	і	і	і	ї	є	ë		
Staryc’kyj	1876	–	и	і	і	і	ї	є	ë	ъ,ь	
„Kobzar” (Praha)	1876	–	и	і	і	і	ї	є	ë	ъ,ь	
Niščyns’kyj	1883	ъ	и	і	і	і	і	е	е		
„Rada”	1883	ъ	и	і	і	і	і	е	ë	ь	
Ohonovs’kyj	1889	ъ	ы,и	ê,ґ	ô	ґ	и	є			
Želechivs’kyj	1889	–	и	ї	і	ї	ї	є	йо,ьо	–	
„Hromads’ka Dumka”	1905	–	и	і	і	і	ї	є	йо,ьо	’	ґ
Jelenleg	1918	–	и	і	і	і	ї	є	йо,ьо	’,ь	ґ

Ivan Ohijenko 1919-ben készült táblázatát szemlélve az a benyomásunk támadt, hogy az 1840-es években Harkovban használatos helyesírási kísérletek jelentőségükben mintha alul lennének értékelve. Ezt az állítást két érvvel fogjuk alátámasztani.

1. I. Kotljarevs'kyj ortográfiájának jellemzése az *Enejida* első kiadásainak szövegén történt. Tudjuk azonban, hogy az első és a második valójában kalózkiadás volt (az író tudta nélkül jelent meg), és csak az 1809. évi szentpétervári változat az, melyet nyomtatásra már maga az író készített elő. Koltjarevs'kyji helyesírásról tehát csak ettől kezdve beszélhetünk. De még ennél is nagyobb probléma az, hogy nem került bele a táblázatba a – szintén a szerző által gondozott, bár a megjelenéskor már posztumusz – negyedik kiadás ortográfiai jellemzése.

Ez az 1842-es harkovi változat (Виргиліева Энеида 1842) ugyanis gyökeresen más helyesírással készült. Ennek illusztrálásaként mutatunk be egy versszakot a II. rész 42. oldaláról:

Но выдно що пану Тарасу
Напысано такъ на роду,
Щобъ тилько до сього винъ часу
Терпивъ на свити симъ биду.
Бо розхытавшысь, брызнувъ въ воду,
Нырнувъ – и не спытавшы броду,
Наввырынкы пишла душа.
Эней хотивъ, щобъ окошылась
Бида и билшъ не продолжылась,
Щобъ не пропалы вси съ коша.

Aligha képezheti vita tárgyát, hogy I. Kotljarevs'kyj – aki ekkor más ismerhette mind O. Pavlovs'kyj, mind a *Rusalka* helyesírását –, élete alkonyán Harkovban maga is áttért a fonetikus írásmódra. A **ѣ**-ot azzal az **и** betűvel helyettesítette (**терпивъ**, **на свити**, **бида**), mely következetesen az *i* hang visszaadására szolgál: ugyanezt a betűt látjuk a zárt szótagba került etimológiai *o* és *e* helyén is (**билшъ**, **симъ**). Az „ukrán jery"-t pedig kizárólag a **ы** jelöli – eredettől függetlenül (**напысано**, **брызнувъ**). Az *s* hang *o* előtti lágyságára a **ь** utal (**сього**). Ugyanakkor a szó végi pozícióban megmarad a **ъ**, ami a *Rusalká*hoz képest visszalépést jelent.

Ohijenko táblázatából az viszont kiderül, hogy ez a kotljarevs'kyji helyesírás szinte teljesen megegyezik azzal, mely Stepan Pysarevs'kyj 1840-ben Harkovban kiadott – érdekességként tesszük hozzá: szintén posztumusz – könyvét is jellemzi.

2. Amvrosij Metlyns'kyj nevét nem találjuk egyetlen eddig említett helyesírás-történeti értékelésben sem. A harkovi és a kijevi egyetem professzorát, költőt és néprajztudóst a 2004-es szöveggyűjteménynek az előszava nem említi, és nemcsak a törzsanyagban nem kapott helyet (ahol mellesleg kilenc XIX. századi személyiség írása szerepel), hanem a chrestomatiának még a névmutatójából is kimaradt. Holott olyan emberről van szó, akiről Ivan Franko 1894-ben a következőket írta: „Mint látjuk, Metlyns'kyj – Kotljarevs'kyj, Bodjans'kyj, Sreznevs'kyj és a *Molodyk* szerzőinek követése során – arról volt meggyőződve, hogy az etimológia és a fonetika közötti helyesírást találta fel, ugyanakkor mit tett valójában? Elhagyta a **ъ**–t, a **ы**–t, a **ѣ**-ot, az etimológiai **о**-t és **е**-t új **и̂** betűre cserélte, mellőzvén ugyanakkor az **і**-t is, mellyel Kuliš az **и̂**–t helyettesítette; ilyeténképpen Metlyns'kyj „középutas" helyesírása szinte teljesen fonetikus volt" (Франко 1961: 29).

I. Ohijenko szerepelteti a táblázatban A. Metlyns'kyjt – hivatkozva annak 1854-ben Kijevben kiadott művére. Ám a néprajztudós Harkovban már hat évvel korábban, 1848-ban megjelentetett egy teljesen más ortográfiájú könyvet *(Южный русский сборник)*, és Franko – véleményét alátámasztandó – ebből a gyűjteményből idéz (Uo. 27):

Де недавно козак гомонив,
Його кинь тупотив;
Ви̂н на Ляха, Татар нали̂тав,
Смерть и спис напускав;
Там по́-степу тихо
Туман розлягається,
А ми̂сяць з-за хмари
Погляне и ховається.

Ezek a sorok igazolják I. Frankó megállapítását: P. Kulišnak ezen az ortográfiai rendszeren mindössze annyit kellett változtatnia, hogy Metlyns'kyj professzor **и̂** betűjét (valamint az **и** kötőszót) **і**-re cserélje.

Ivan Kotljarevs'kyj és Amvrosij Metlyns'kyj példája egyaránt igazolja, hogy az 1840-es években Harkovban – mai szemmel nézve is – modern ukrán helyesírást használtak. Ez a tény azonban a későbbi helyesírás-történeti munkákban nem kapott kellő hangsúlyt, ezzel szemben a kijevi Pantelejmon Kuliš szerepe rendre túlértékelődött.

Harkov neve az ukrán ortográfia történetébe majd az 1920-as évek eseményei nyomán fog bekerülni.

1918–19-ben – Ivan Ohijenko, Ahatanhel Kryms'kyj és Jevhen Tymčenko munkájával – elkészül *Az ukrán helyesírás főbb szabályai (Головніші правила українського правопису)* címet viselő szabálygyűjtemény, mely az összes későbbi változat és bővítés alapja. 1921-ben pedig *Az ukrán helyesírás legfőbb*

szabályai (Найголовніші правила українського правопису) címmel megjelenik az első olyan összefoglaló, amelyet az Ukrán Tudományos Akadémia gondozott. A következő helyesírási tervezetről sajtóvita bontakozik ki, majd 1927-ben Harkovban egy nagyszabású konferenciának a témája lesz (erre az alkalomra készült A. Kryms'kyj akadémikus korábban hivatkozott tanulmánya is). A tanácskozásra mind Kelet-Ukrajna, mind az akkor Lengyelországhoz tartozó Galícia tudósai meghívást kaptak. A kialakult vitáról Oleksa Synjavs'kyj írása (Синявський 2004) ad érzékletes képet. Ilyen előzmények után véglegesül 1928-ra az első alapos, mindent átfogó új helyesírás, amely 1929-ben jelenik meg. (A szabálygyűjtemény neve azóta is következetesen *Український правопис*). Ez az ún. harkovi helyesírás ugyanakkor tartalmaz egy szerencsétlen kompromisszumot: az eredeti ukrán (tkp. szláv) szavakat a keleti, a kölcsönszavakat (a latin, görög stb. eredetűeket) pedig a nyugati ukrán (galíciai) tradíció szerint javasolja írni. A sok idegen eredetű szó írását tekintve így jelentős különbség alakul ki az ukrán és az orosz ortográfia között; ezt a helyzetet felszámolandó 1933-ra ismét új helyesírás készül, amelyet viszont a Szovjet-Ukrajnán kívül élő értelmiség nem fogad el; Galícia és a nyugati emigráció továbbra is ragaszkodik az 1928. évi szabályokhoz (Український правопис 1993: 4–5).

A harkovi helyesírás gyors és gyökeres megváltoztatása nyilvánvalóan politikai megfontolásból történt. Ám nem hallgathatjuk el azt a tényt sem, hogy az imént említett kompromisszumot – még a tervezet elfogadását megelőzően – maga I. Ohijenko pofesszor is élesen bírálta (aki akkor már Lengyelországban élt): „Nyelvemlékeken nyugvó irodalmi hagyományunk a XI. századtól van, és ezekben a régi emlékeinkben találhatunk egy bizonyos választ is arra, milyen alakban használjuk az idegen szavakat… Ha például kezdetektől fogva egyre csak azt írtuk: *Амвросій, Ірина, ефир,* akkor mi értelme van annak, hogy ezeket az ősi formákat a latinos-lengyeles *Амброзій, Ірена, етер* alakokra cseréljük? Ha irodalmi nyelvünk kezdeteitől fogva az idegen *g, l, i* hangokat mindig **г**, **л**, **и** betűkkel adtuk vissza és azt írtuk, hogy *гигант, митрополит, Платон,* akkor miért kell erre az egészre legyinteni, úgy írni s mondani, hogy *ґіґант, мітрополіт, Плятон?*" (Огієнко 1927: 123).

Az 1928-as helyesírás előkészítésével Harkov neve az ukrán helyesírás-történet egyik fényes lapjára került. Ám meggyőződésünk, hogy ez a kulturális központ már csaknem száz évvel korábban is jelentősen járult hozzá a modern ortográfia kidolgozásához. Akkori szerepe lényegesen nagyobb volt annál, mint amit a tudomány ma elismer.

Irodalom

Lutskay M. (1830) Grammatica Slavo-Ruthena. Budae.

Виргиліева Энеида, на малороссійскій языкъ переложенная И. Котляревскимъ, I–VI. Харьковъ, (1842). (Fakszimile kiadása: K., 1979.)

Записки Юго-Западнаго отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго общества I–. К., (1873–).
Кримський, А. (2004) Нарис історії українського правопису до 1927 року. // Німчук, В. В. – Пуряєва, Н. В. (упор.). Історія українського правопису XVI–XX століття: Хрестоматія. К. 393–414. (Első közlés: Записки Історико-Філологічного Відділу УАН, кн. XXV. К., 1929: 175–186.)
Німчук, В. В. (2002) Проблеми українського правопису XX – початку XXI ст.ст. К.
Німчик, В. Переднє слово. // Німчук, В. В. – Пуряєва, Н. В. (упор.). Історія...: 5–26.
Огиенко, И. (1919) Курс украинского языка. Из лекций по истории украинского языка. Изд. 2. К.
Огієнко, І. (1927) Нариси з історії української мови: система українського правопису. Варшава.
Огієнко, І. (2001) Історія української літературної мови. К. (Első kiadás: Winnipeg, 1949.) www.litopys.org.ua/ohukr/ohu20.htm (2013. szeptember 6.)
Реформи алфавіту і графіки. // Українська мова. Енциклопедія. http://izbornyk.org.ua/ukrmova/um81.htm (2013. szeptember 6.)
Синявський, О. Коротка історія «Українського правопису». // Німчук, В. В. – Пуряєва, Н. В. (упор.). Історія...: 432–452. (Első közlés: Культура українського слова: Збірник І. Харків–Київ, 1931. 93–112.)
Український правопис (1993) 4-те видання, виправлене й доповнене. Київ.
Франко, І. (1961) Етимологія і фонетика в южноруській літературі. // Тимошенко, П. Д. (ред.). Хрестоматія матеріалів з історії української літературної мови: Частина II. К. 22–37. (A tanulmány eredetileg megjelent: *Народ,* 1894, № 13–15.)

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 294-304
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.294

Kolláth Anna
(Maribor, Szlovénia)

TÖBBNYELVŰSÉG ÉS MUNKAERŐPIAC

Abstract: The study attempts a socio-linguistic analysis of a small detail of an empiric material gathered through individual and group interviews, as well as a questionnaire distributed among the Hungarian minority and the Slovene majority in Slovenia: it presents dominant language related trends on the labour market today. It hints at the results of the ELDIA-questionnaires related to the spontaneous language choice that could be witnessed in the choice of the language of the questionnaire. It also presents the minority and majority informant groups based on the most important background information. It gives an insight into the most striking features of the language-related image received from the analysis of the self-confessed level of the four language skills, as the command of a language and the functional bi- and multilingualism are more and more key factors in the individual success on the labour-market. It stipulates that both informant groups believe that the command of the English language plays an increasing role also on the local labour market.

Keywords: Szlovénia, Muravidék, magyar nyelv, nyelvválasztás, munkaerőpiac, kétnyelvűség, nyelvi sokszínűség – Slovenia, Prekmurje region, Hungarian language, language choice, labour market, bilingualism, language diversity

1. A Maribori Egyetem Bölcsészettudományi Kara Magyar Nyelv és Irodalom Tanszékének nyelvészeti kutatócsoportja 2010 márciusától 2013 szeptemberéig partnerként vett részt az ELDIA című nemzetközi kutatási projektben. A kutatócsoport koordinátoraként Gadányi tanár urat[1] köszöntő írásomban a Szlovéniában, a magyar kisebbségi és a szlovén többségi közösségben kérdőívvel, valamint egyéni és csoportos interjúkkal gyűjtött empirikus anyag egy apró szeletének szociolingvisztikai elemzésére vállalkozom: azt mutatom be, hogyan látják az adatközlők a munkaerőpiacon napjainkban uralkodó nyelvi trendeket. A téma kontextusba helyezéséhez vázlatosan érintem a kérdőívek nyelvválasztásában megmutatkozó spontán nyelvválasztás eredményeit, a legfontosabb háttérinformációk (szociolingvisztikai változók) alapján röviden bemutatom a kisebbségi (MinLg) és a többségi (MajLg) adatközlői csoportot. Kitérek az önbevalláson alapuló

[1] Gadányi tanár úrral, a Nyugat-magyarországi Egyetem Savaria Egyetemi Központjának most nyugalomba vonult elnök-rektorhelyettesével több mint harminc éves közös munka köt össze. Kedves Tanár Úr! Köszönök minden törődést és támogatást, azt az állhatatos munkát, amely alakította, fejlesztette, ösztönözte – a szombathelyi szlovenisztika mellett – a maribori hungarológiát is. Boldog születésnapot kívánok!

négy nyelvi készségszint elemzésekor kapott nyelvi kép – a saját nyelv, a másik nyelve és a más nyelvek vonatkozásában – legmarkánsabb vonásaira is, hiszen az egyén munkaerő-piaci sikerességében egyre nagyobb szerepet játszik nyelvtudása, funkcionális két- és többnyelvűsége.

2. Az ELDIA (European Language Diversity for All/Európai Nyelvi Diverzitás Mindenkinek) az EU 7. számú keretprogramjának interdiszciplináris kutatási projektje (koordinátora Anneli Sarhimaa, a Mainzi Egyetem tanszékvezető egyetemi tanára). A projekt célja, hogy – multidiszciplináris megközelítésben, különböző specialisták interdiszciplináris hálózatának kialakításával, 14 kisebbségi helyzetű finnugor nyelv kutatásával – hozzájáruljon a többnyelvűség elméletének és gyakorlatának megértéséhez, illetve annak megvilágításához, milyen hatást fejt ki a többnyelvűség a változó európai kontextusban. Fontos feladatának tekinti a meglévő nyelvpolitikák egyenetlenségének, hiányainak megállapítását, elősegítve ezzel az adott nyelvi helyzetet figyelembe vevő, reális, fenntartható nyelvpolitikák kidolgozását. Konkrét eredménye (tág dimenziókban hasznosítható végterméke) az ún. EuLaViBar (European Language Vitality Barometer/ Európai Nyelvi Vitalitási Baraméter), egy olyan eszköz, amely mérni tudja az európai többnyelvűség tesztelhető, leíró és előre megjósolható modelljét, a többnyelvűség helyzetét. Ezzel aktívan hozzá kíván járulni az európai nyelvi sokszínűség megtartása politikájának beteljesüléséhez (http://www.eldia-project.org).[2] A nyelvek és beszélőközösségeik nagyon színes palettája, a kontrasztív elemzések lehetősége is biztosíték arra, hogy a kutatás minden egyes pillanata – a feszített munkatempó mellett is – érdekes és izgalmas kihívást jelentett minden kutató számára.

3. A kisebbségi közösségekben két nyelven kapták meg az adatközlők a kérdőíveket (nem a kérdőívek voltak kétnyelvűek). Nagyon fontos ugyanis az adott nyelv vitalitására vonatkozóan a kérdőívek kitöltésében megmutatkozó, spontán nyelvválasztás. Az 1000 postán kiküldött kérdőívből 294 érkezett vissza a kisebbségi közösségből, a realizációs arány alacsony (30%). Közülük 166 adatközlő (56,5%) választotta a kérdőív magyar változatát és 128 fő (43,5%) a szlovént (13%-kal többen nyilatkoztak anyanyelvükön). A kérdőív nyelvválasztásából nem arra következtetek, hogy az adatközlőknek szinte „csak" a fele tud magyarul, hanem arra, hogy 43,5%-uk ezen a nyelvhasználati színtéren, ebben az iskolai körülményeket felidéző tesztszituációban a szlovén nyelvben érzi otthonosabban magát. Nem nyelvi, hanem inkább nyelvváltozatbeli/regiszterbeli kompetenciahiány vagy kompetenciatöbblet motiválhatta az adatközlőket a nyelvválasztásban.

[2] Az egyes nyelvekről, illetve a projektről, annak eredményeiről részletesen olvashatnak a projekt honlapján, illetve lásd még KOLLÁTH 2012a, 2012b, 2012c.

A többségi csoport ezer megszólítottja közül 195 adatközlőtől érkezett vissza kitöltött kérdőív. Ez az alig 20%-os realizációs arány 10%-kal alacsonyabb, mint a kisebbségi közösségben.

A kisebbségi adatközlők közül 108 (37%) a férfi és 184 (63%) a nő, a többségi csoportban pedig 85 férfi (43,8%) és 109 nő (56,2%) van. 4 korcsoportot különböztetett meg a kutatás: a 18–29, a 30–49, az 50–64 évesekét és a 65 évesnél idősebbekét. A nemek és az egyes korcsoportok aránya mindkét beszélőközösségben viszonylag kiegyenlítettnek mondható.

A kisebbségi adatközlők közül 57 fő (19,9%) végzett általános iskolát, 154 fő (53,7%) középiskolát és 76 adatközlő (26,5%) rendelkezik főiskolai vagy egyetemi végzettséggel. A többségi adatközlők között a felsőfokú végzettséggel rendelkezők száma a legmagasabb (90 fő, 47,6%), aztán a középiskolai végzettségűeké (86 fő, 45,5%). A "csak" általános iskolát végzettek száma 13, ez az összes válaszoló 7%-a, jóval kevesebb, mint a kisebbségi csoportban. Az eredményekből arra következtethetünk, hogy az iskolázottság foka egyenesen arányos az anyanyelv, általában a nyelvek, a másik nyelve, a többnyelvűség és a multikulturalizmus iránti érdeklődéssel.

4. A két beszélőközösség többnyelvűségének tartalma és struktúrája a saját bevalláson alapuló adatok szerint különböző: a kisebbség stabil anyanyelvi-államnyelvi kétnyelvűségéhez a szomszéd nyelve (horvát) erősebb, a világnyelv (német) gyengébb készségekkel társul (természetes kétnyelvűségen alapuló többnyelvűség és többkultúrájúság). Az angolnyelvi készségek gyenge közepes szintűek. A többségi csoportban az uralkodó anyanyelvi készségeket a szomszédos szerb/horvát és az angol magas fokú ismerete gazdagítja (elit többnyelvűség és többkultúrájúság).

A kisebbségi csoport természetes kétnyelvűségében *kiegyenlített kétnyelvű* saját bevallása szerint mind a négy készségszinten. Anyanyelvét kiválóan tudja (a négy készség átlaga a *nagyon jól* és a *jól* megítélések alapján 96,1%), a magasabb presztízsű szlovén „csak" az olvasás és az írás terén mutatkozik valamivel erősebbnek. Anyanyelvükön az (általános) értés a legerősebb készség, ezt követi a beszéd, aztán az olvasás és végül az írás. Senki sem válaszolta azt, hogy *rosszul*, illetve *egyáltalán nem* ért magyarul. Mind a receptív, mind a produktív készségszintek nagyon kedvező képet mutatnak. A szlovénnyelvi készségeik közül az olvasásé a legmagasabb értékű (jóval több fő olvas *nagyon jól* szlovénul, mint magyarul), ezt követi az értés, majd az írás és végül a beszédkészség. Az anyanyelvi és a második nyelvi bevallott készségeik között alig van különbség, ezt a kérdőívek nyelvválasztása (spontán nyelvválasztás) is alátámasztja: az összes adatközlő 56,5%-a választotta a magyar változatot, 43,5%-uk a szlovént, a magyar nyelvű kérdőívet tehát nem sokkal többen választották, mint a szlovént (cca. 13%-kal).[3] Az EU által

[3] A Kontra-vezette RSS-kutatás is vizsgálta a nyelvtudások fokát (az egyes készségszintek elkülönítése nélkül). 1996-ban majdnem háromszor annyi adatközlő ítélte saját magyar beszédét

ideálisnak mondott többnyelvűség (háromnyelvűség) egyértelmű az adatok alapján: a horvát nyelv magas szintű tudása is (72,6% a válaszadók bevallott tudásszintjének átlaga) jellemző a közösségre (a Muravidék multikulturális térségének szerves része a horvát nyelv és kultúra, ugyanakkor az egyik szomszéd, a valamikori testvérállam nyelve is, emiatt egyértelműen pozitív az attitűd vele szemben).[4] A nyelvi diverzitás a német nyelv közepes szintű (44,5%)[5] és az angol nyelv jóval gyengébb szintű (27%) ismeretével egészül ki.[6] Több adatközlő magabiztosabb a német nyelvben mind receptív, mind produktív készségszinteken, mint az angolban: pl. kétszer annyi adatközlő tud *jól* és *nagyon jól* németül olvasni, mint ahányan ugyanígy angolul. Olaszul nem tudnak (készségeik átlaga ebben a nyelvben alacsonyabb a többségi közösségénél), az olasz nyelv nem része a multikulturális muravidéki társadalomnak, a horvát viszont igen. Választott nyelvi ismereteik magasabbak ugyan az angolénál, de a németénél egy kicsivel alacsonyabb szintűek.

5. A kis nyelvek megmaradásában nagy szerepet játszik az a tény, mennyire és mire használhatók, hogyan hasznosíthatók az adott társadalomban. A Muravidéken, a nemzetiségileg vegyesen lakott területen – mivel mindkét nyelv (a szlovén és a magyar) hivatalos nyelv – a munkahelyek betöltéséhez törvény írja elő mindkét nyelv ismeretét. Egyre erősebbé válik az a gyakorlat, hogy a munkaadók a nyelvvizsga-bizonyítványoknál sokkal fontosabbnak tartják (és igénylik) a tényleges gyakorlati tudást, a magas fokú kommunikációs képesség meglétét, a tárgyalóképes nyelvi kompetenciát. Ezért fontos megvizsgálni az egyes nyelvek munkaerő-piaci helyzetét. A projektkérdőívben négy állítás igazáról kellett dönteniük az adatközlőknek egy ötfokozatú skála megfelelő válaszának bejelölésével. A megkérdezettek közül viszonylag sokan válaszoltak a kérdésre (látszik, hogy aktuálisnak és fontosnak találták a megkérdezettek a témát).

A magyar nyelvre vonatkozóan a kisebbségi adatközlők többsége mind a négy állítással (*teljesen) egyetért* (átlagosan 39,2% állításonként), de magas a dönteni nem tudók (átlagosan 29,2%), illetve az azzal *egyet nem értők* száma is

anyanyelvi szintűnek, mint ahányan szlovén beszédüket. ”Ha a többi magyar kisebbséghez hasonlítjuk a muravidékieket, azt látjuk, hogy minden más magyar kisebbségnél lényegesen kisebb arányban ítélték magyar beszédüket anyanyelvi szintűnek (Kontra szerk. 2012: 237).

[4] Az Eurobarometer (2012) jelentése szerint Szlovéniában a legtöbbek által beszélt idegen nyelv a horvát, 61%-os beszélői arányát kisebbségi mintánk csaknem 12%-kal, többségi mintánk közel 10%-kal meghaladja (24–25).

[5] A német mint idegen nyelv még mindig közelebb áll az adatközlőkhöz, mint az angol nyelv. A Muravidéken (a kétnyelvű területen) még ma is többen választják a német nyelvet első idegen nyelvnek az általános vagy középiskolákban, mint az angolt.

[6] Bartha a 2004-es kutatásában a következő eredményre jut: „Általánosan elmondható, hogy a megkérdezettek átlagosan három, három és fél nyelv ismeretéről számoltak be a magyart és a szlovént is beleértve; minél iskolázottabb és minél fiatalabb valaki, ez a szám 3–4 között van, az idegen nyelvek pedig a német, angol, horvát, francia és a többi nyelv sorrendet követik” (Bartha 2007).

(átlagosan 31,7%). A legtöbben azzal *értenek (teljesen) egyet,* hogy a magyar nyelv ismerete megkönnyíti az első munka megtalálását (45,1%), a legkevesebben pedig azzal, hogy a munkahelyváltást is megkönnyíti (35,4%). Ez utóbbiról döntöttek a legtöbben a legnehezebben (33,9%). A válaszok adta százalékos arányokat az 1. táblázat rögzíti[7]:

Állítások MinLg	Teljesen egyetértek	Egyetér-tek	Nem tudom eldönteni	Nem értek egyet	Egyáltalán nem értek egyet
A magyar nyelv ismerete megkönnyíti az első munka megtalálását.	8,2	**36,9**	23,1	21,6	10,3
A magyar nyelv ismerete hozzásegít a jobb keresethez.	8,2	**30,6**	27,4	19,6	14,2
A magyar nyelv ismerete megkönnyíti a karrierépítést.	6,4	30,9	**32,3**	17,7	12,8
A magyar nyelv ismerete megkönnyíti a munkahelyváltást.	6,1	29,3	**33,9**	20,0	10,7
Átlag	7,3	**31,9**	29,2	19,7	12,0

1. táblázat: A magyar nyelv a munkaerőpiacon – kisebbségi adatok

A szlovén államnyelv munkaerő-piaci helyzetére vonatkozó adatokat a 2. táblázat tartalmazza:

[7] Az állításonkénti legmagasabb érték vastagon van szedve a táblázatokban.

Állítások MinLg	Teljesen egyet-értek	Egyet-értek	Nem tudom eldönteni	Nem értek egyet	Egyáltalán nem értek egyet
A szlovén nyelv ismerete megkönnyíti az első munka megtalálását.	**42,2**	39,4	11,4	5,0	2,1
A szlovén nyelv ismerete hozzásegít a jobb keresethez.	19,1	30,7	**31,1**	11,6	7,6
A szlovén nyelv ismerete megkönnyíti a karrierépítést.	24,3	**45,0**	21,4	6,9	2,5
A szlovén nyelv ismerete megkönnyíti a munkahelyváltást.	25,7	**41,7**	22,5	8,3	1,8
Átlag	27,8	**39,2**	21,6	8,0	3,5

2. táblázat: A szlovén nyelv a munkaerőpiacon – kisebbségi adatok

Az adatközlők többsége mind a négy állítással *(teljesen) egyetért*, méghozzá magasabb arányban (átlagosan 67% állításonként), mint a magyar nyelv esetében. Sokkal kevesebb (átlagosan 21,6% állításonként) a *dönteni nem tudók* száma, és nagyon kevesen *nem értenek (teljesen) egyet* az állításokkal (átlagban 11,5% állításonként). A legtöbben azzal *értenek (teljesen) egyet*, hogy a szlovén nyelv megkönnyíti az első munkahely megtalálását (81,6%), ezt követi a karrierépítésben játszott szerepének fontossága (79,3%), majd a munkahelyváltásban betöltött szerepe (67,4%). A legkevesebben (49,8%) a jobb kereset elérésében tulajdonítanak a szlovén nyelvnek nagy szerepet. Ez utóbbi állításról döntöttek a legtöbben a legnehezebben (31,1%).

Az angol nyelv munkaerő-piaci helyzetéről 3%-kal kevesebben nyilatkoztak, mint a magyar és a szlovén nyelv esetében. Az adatközlők többsége mind a négy állítással *(teljesen) egyetért*, méghozzá nagyon magas arányban (átlagosan 75% állításonként), ez 35,8%-kal több, mint a magyar és 8%-kal több, mint a szlovén nyelv esetében. Minden állításra vonatkozóan az *egyetértek* válasz a legmagasabb értékű. Az állításokkal való egyetértésben a sorrend megegyezik a szlovén nyelv esetében létrejött sorrenddel. A válaszok adta százalékos arányokat a 3. táblázat összegzi:

Állítások MinLg	Teljesen egyetértek	Egyet-értek	Nem tudom eldönteni	Nem értek egyet	Egyáltalán nem értek egyet.
Az angol nyelv ismerete megkönnyíti az első munka megtalálását.	32,1	**46,4**	13,6	4,9	3,0
Az angol nyelv ismerete hozzásegít a jobb keresethez.	20,6	**43,9**	22,5	10,3	2,7
Az angol nyelv ismerete megkönnyíti a karrierépítést.	28,0	**51,3**	15,7	3,5	1,5
Az angol nyelv ismerete megkönnyíti a munkahelyváltást.	26,0	**51,6**	17,2	3,8	1,9
Átlag	26,7	**48,3**	17,7	5,6	2,3

3. táblázat: Az angol nyelv a munkaerőpiacon – kisebbségi adatok

A kisebbségi minta átlagait összegzi a 4. táblázat a három vizsgált nyelvre vonatkozóan:

Nyelv MinLg	Teljesen egyet-értek	Egyetértek	Nem tudom eldönteni	Nem értek egyet	Egyáltalán nem értek egyet
Magyar	7,3	31,9	29,2	19,7	12
	39,2			**31,7**	
Szlovén	27,8	39,2	21,6	8	3,5
	67,0			**11,5**	
Angol	26,7	48,3	17,7	5,6	2,3
	75,0			**7,9**	

4. táblázat: A nyelvek helyzete a munkaerőpiacon – kisebbségi adatok

A táblázat adatai azt mutatják, hogy a kisebbségi adatközlők szerint az angol nyelv ismerete nagyon fontos a munkaerőpiacon (itt a legmagasabb a *(teljesen) egyetértek* válaszok száma, a legalacsonyabb a dönteni nem tudóké és az *(egyáltalán) egyet nem értőké*).[8] A szlovén nyelv ismeretének fontossága 8%-

[8] Az Eurobarometer 2012 jelentése szerint Szlovéniában a megkérdezettek 55%-a azért tanul meg egy új nyelvet, hogy jobb munkahelyet szerezzen a saját országában.

kal alacsonyabb, mint az angolé, a magyar anyanyelvé viszont nagyon alacsony (és itt a legmagasabb a *dönteni nem tudók* száma, a *nem értek egyet* és az *egyáltalán nem értek egyet* válaszok átlagának összege pedig közel háromszor olyan magas, mint a szlovén esetében).

A kisebbségi minta adatai szerint a magyar nyelv ismerete megkönnyíti ugyan az első munka megtalálását, a karrierépítést és a munkahelyváltást, hozzásegít a jobb keresethez, de a szlovéné még jobban, az angolé pedig a legjobban.

A többségi adatközlők válaszaiból csak az átlagokat közlöm nyelvenként és fokozatonként (a többség az olasz nyelvről is nyilatkozott).

Nyelv MajLg	Teljesen egyet-értek	Egyetértek	Nem tudom eldönteni	Nem értek egyet	Egyáltalán nem értek egyet.
Szlovén	18,3	26,2	22,2	18	14,8
	44,9			**32,8**	
Angol	28,3	42,1	17,2	7,8	4,8
	70,4			**12,6**	
Magyar	0,8	5	48,4	24,6	21,2
	5,8			**45,8**	
Olasz	2,3	17,5	48,2	18,8	13,2
	19,8			**32**	

5. A nyelvek helyzete a munkaerőpiacon – többségi átlagok

A legtöbb válaszadó *(teljesen) egyetért* azzal, hogy a szlovén anyanyelvűeknek valóban könnyebb az első munkahely megtalálása Szlovéniában. Már kevesebben igenelték meg a szlovén anyanyelvűség előnyét az új munkahely megtalálásában, illetve a karrierépítésben. Nem értenek viszont egyet azzal, hogy a szlovén anyanyelvűek jobban tudnak keresni.

Az érintett nyelvek nem azonos súlyúak a munkaerőpiacon: az adatokból világosan látszik az angol nyelv fontossága, vezető szerepe: sokkal fontosabb szerepet tulajdonítanak neki a munkaerőpiacon, mint az anyanyelvnek (25,5%-kal több a *[teljesen] egyetértek* válaszok átlaga). A két autochton kisebbség nyelve sem egyenrangú a többségi adatközlők szerint: az olasz nyelv tudása több előnyhöz juttatja a munkavállalókat, mint a magyaré. Mind a kisebbségi, mind a többségi adatközlők az angol nyelvet tartják a legfontosabbnak a munkaerőpiacon, s csak utána következik a szlovén – mind a többségi (anyanyelv), mind a kisebbségi adatközlők (második nyelv, a környezet nyelve) véleménye alapján is.

A következő három táblázat a kisebbségi és többségi átlagokat teszi egymás mellé:

Nyelv	Teljesen egyetértek	Egyetértek	Nem tudom eldönteni	Nem értek egyet	Egyáltalán nem értek egyet
Magyar	7,3	31,9	29,2	19,7	12
MinLg	**39,2**			**31,7**	
Magyar	**0,8**	**5**	**48,4**	**24,6**	**21,2**
MajLg	**5,8**			**45,8**	

6. táblázta: A magyar nyelv helyzete a munkaerőpiacon – kisebbségi és többségi átlagok

Egyértelmű, hogy a magyar esetében a kisebbségi válaszok a mediántól balra magasabbak (egyetértés), a többségiek attól jobbra (egyet nem értés).

Nyelv	Teljesen egyetértek	Egyetértek	Nem tudom eldönteni	Nem értek egyet	Egyáltalán nem értek egyet
Szlovén	27,8	39,2	21,6	8	3,5
MinLg	**67,0**			**11,5**	
Szlovén	**18,3**	**26,2**	**22,2**	**18**	**14,8**
MajLg	**44,9**			**32,8**	

7. táblázat: A szlovén nyelv helyzete a munkaerőpiacon – kisebbségi és többségi átlagok

A szlovén nyelv munkaerő-piaci helyzetének a kisebbségi adatközlők (második nyelv) jóval nagyobb jelentőséget tulajdonítanak, mint a többségi válaszadók (anyanyelv).

Nyelv	Teljesen egyetértek	Egyetértek	Nem tudom eldönteni	Nem értek egyet	Egyáltalán nem értek egyet
Angol	26,7	48,3	17,7	5,6	2,3
MinLg	**75,0**			**7,9**	
Angol	**28,3**	**42,1**	**17,2**	**7,8**	**4,8**
MajLg	**70,4**			**12,6**	

8. táblázat: Az angol nyelv helyzete a munkaerőpiacon – kisebbségi és többségi adatok

A 8. táblázatból is jó látható, hogy az angol mindkét közösség számára a legmérvadóbb a munkaerőpiacon, a kisebbségi adatközlők közül 4,6%-kal többen vélekednek így, mint a többségi válaszadók körében.

6. Az ELDIA interdiszciplináris kutatási projekt célja a nyelvi diverzitás fenntartása, támogatása. Ez csak akkor lehetséges, ha az aktuális nyelvpolitikák, a nyelvi tervezés minden területe a beszélőközösség együttműködésén alapul. Jól tudjuk: a nyelvet, az aktuális nyelvváltozatot az aktív, minél szélesebb körű nyelvhasználat őrzi meg elsősorban, a beszélők akarata az anyanyelven és az anyanyelvvel élésre. Mindez az adott társadalomtól is függ, az abban uralkodó jogszabályozástól, az általános értékrendtől, az együtt élő népek saját maguk és a másik iránti attitűdtartalmaitól. Nagyon fontos, hogy az egyént – nyelvhasználatra, a nyelvválasztásra vonatkozó – döntéseiben megbízható, naprakész információk vezéreljék, és azt a nyelvet vagy nyelvváltozatot használhassa az élet különböző területein, amelyiket szeretné, amelyikben nagyobb biztonságban érzi magát. Ezért kell minden érintettet – kisebbséget és többséget, munkaadót és munkavállalót, egyszerű polgárt és törvényhozót – bevonni a kutatásba, s az egyik legfontosabb feladat mindig az eredmények visszajuttatása a vizsgált közösségbe. Bízva abban, hogy az eredmények a politikusokat és a döntéshozókat is segítik majd, hiszen munkájukat – az európai nyelvi színtér gyors változásai miatt – csak a legfrissebb ismeretek és a legújabb eszközök tehetik igazán hatékonnyá. Az anyanyelv korlátlan használati lehetőségén alapuló nyelvi és etnikai sokszínűség napjaink Európájának egyik legfontosabb jellemzője, kulturális örökségének szerves része.

Irodalom

Bartha Csilla (2006) Kétnyelvűség a Muravidéken. A magyar nyelv megőrzésének lehetőségei és korlátai egy szociolingvisztikai vizsgálat tükrében. Muratáj 2006/1–2. 79–113.

Bartha Csilla (2007) A magyar nyelv megőrzésének lehetőségei és korlátai a Muravidéken egy szociolingvisztikai vizsgálat tükrében1. Kisebbségkutatás 2. http://www.hhrf.org/kisebbsegkutatas/kk_2007_02/cikk.php?id=1480 (2013-09-05)

Bokor József (2009) Nyelviség és magyarság a Muravidéken. Lendva: Magyar Nemzetiségi Művelődési Intézet.

Csernicskó István (1998) A magyar nyelv Ukrajnában (Kárpátalján). Budapest: Osiris Kiadó és MTA Kisebbségkutató Műhely.

Eurobarometer: Spezial Eurobarometer 386. (2012) Die europäischen Bürger und ihre Sprachen. http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_386_de.pdf (2013-09-04)

Gál Noémi (2010) A nyelvi revitalizáció. Elméletek, módszerek, lehetőségek. Kolozsvár: A Szabó T. Attila Nyelvi Intézet Kiadványai 6.
Göncz Lajos (1999) A magyar nyelv Jugoszláviában (Vajdaságban). Budapest, Újvidék, Osiris Kiadó, Forum Könyvkiadó, MTA Kisebbségkutató Műhely.
Kolláth Anna (2005) Magyarul a Muravidéken. Maribor: ZORA 39.
Kolláth Anna (2012a) A szlovéniai magyar nyelv a többnyelvűség kontextusában. Bielsko-Biała, Budapest, Kansas, Maribor, Praha: ZORA 92. 65–150.
Kolláth Anna (2012b) Jezikovne spretnosti madžarske manjšine v Sloveniji. Jezik in slovstvo 57, št. 3/4. 83–99.
Kolláth Anna – Gasparics Judit – Gróf Annamária – Horvat, Livija (2011) Hungarian in Slovenia : an overview of a language in context, (Working papers in European language diversity, 2). Laakso, Johanna (ur.): Mainz: Research consortium ELDIA: Northern European and Baltic Languages and Cultures (SNEB): Johannes Gutenberg-Universität. http://phaidra.univie.ac.at/o:102622 (2013-09-05)
Kolláth Anna (2012c) Neue Dimensionen sprachlicher Vielfalt – das Forschungsprojekt ELDIA. Stankovska, Petra (ur.), Wtorkowska, Maria (ur.), Pallay, Jozef (ur.). Individualna in kolektivna dvojezičnost, (Knjižna zbirka Slavica Slovenica, št. 1). 1. izd. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete. 121–134.
Lanstyák István (2000) A magyar nyelv Szlovákiában. Budapest, Pozsony, Osiris Kiadó, Kalligram Könyvkiadó, MTA Kisebbségkutató Műhely.
Szépfalusi István – Vörös Ottó – Beregszászi Anikó – Kontra Miklós (2012) A magyar nyelv Ausztriában és Szlovéniában. Szerkesztette: Kontra Miklós. Budapest–Alsóőr–Lendva: Gondolat Kiadó–Imre Samu Nyelvi Intézet–Magyar Nemzetiségi Művelődési Intézet.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 305-315
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.305

Виктор Юрьевич Копров
(Воронеж, Россия)

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СИНТАКСИС: СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ФОНЕ АНГЛИЙСКОГО И ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКОВ

Abstract: This article describes the main provisions of the semantic-functional comparative syntax of Russian, English and Hungarian languages in the field of subject-object relations. Semantic differences between the constructions are described. Main results of the research are applied to teaching Russian as a foreign language to Hungarian students speaking English.

Keywords: Semantic-functional comparative syntax, Russian, English, Hungarian, subject-object relations, grammatical categories.

Введение. В последние десятилетия происходит смещение фокуса лингвистических исследований с системоцентрической парадигмы к коммуникативно-прагматической. В этой активно формирующейся парадигме центральное место занимают функциональные описания языка.

Функциональный подход имеет прямой выход в практику преподавания языков как иностранных, поскольку овладение навыками выбора адекватных форм в процессе создания высказываний и текстов на иностранном языке происходит быстрее и эффективнее путем усвоения целых семантико-функциональных комплексов. К сожалению, несмотря на актуальность, несомненные достоинства и довольно длительный период развития, пока нельзя сказать, что в функциональной грамматике уже решены все теоретические и прикладные проблемы.

В центре нашего внимания находятся проблемы разработки практически ориентированного, «университетского» **семантико-функционального** синтаксиса. Перечислим его основные положения.

1. Компетентностный подход к обучению иностранным языкам и переводу выдвинул на передний план необходимость выявления механизмов, обеспечивающих адекватное оформление синтаксическими средствами предметных ситуаций. Поскольку одно и то же номинативное содержание может быть реализовано несколькими синтаксическими конструкциями, чрезвычайно важно выявить и описать существующие между конструкциями отношения: вариантность, синонимию, дополнительность. То, что носитель языка приоретает в ходе своей социализации, взрослый неноситель языка должен получить в виде схемы выбора той или иной вариантной формы, которая более всего соответствует его речевой интенции и ситуации общения. Поэтому одной из задач семантико-функционального синтаксиса является моделирование

условий выбора наиболее адекватной единицы из того вариантного ряда, который имеется в изучаемом языке.

2. Ориентация на коммуникацию обусловила ведущую роль синтаксиса в семантико-функциональной грамматике как системы, интегрирующей все другие уровни и единицы языка: в данной модели очень востребованы идеи о взаимодействии грамматики и лексики, о частеречной классификации лексики, о выделении лексико-грамматических разрядов слов.

3. Практически ориентированный синтаксис обязательно должен использовать результаты сопоставительных исследований родного языка (или языка-посредника) и изучаемого языка.

Как известно, в процессе овладения иностранным языком учащийся постоянно обращается к системе родного языка, к тем языковым категориям, посредством которых в его сознании ранее уже нашла свое отражение объективная действительность. При системном учете в учебном процессе результатов анализа категорий родного и изучаемого языков родной язык «из неизбежного и беспощадного конкурента иностранного языка становится опорой усвоения языковых значений его структур» (Гальперин 1972: 67). Многие грамматические категории представляют собой межъязыковые универсалии, которые передаются различными способами в зависимости от типологии конкретного языка, поэтому овладение иностранным языком идет по линии коррекции уже имеющихся у студента знаний по грамматике родного языка и/или языка-посредника.

Каждая новая единица изучаемого иностранного языка как бы попадает в уже готовую «ячейку» и размещается в ней вследствие общности семантики знаковых систем разных языков. В тех случаях, когда ячейка не обнаруживается, она легко создается с помощью арсенала средств мышления, который базируется на владении родным языком (Шубин 1963: 60).

Выявленные в результате сопоставительных исследований межъязыковые сходства и расхождения позволяют предвидеть и наиболее эффективным образом преодолеть типичные трудности, которые возникают в процессе овладения грамматикой изучаемого языка у учащихся той или иной национальности. Часто подобные трудности обусловлены даже не отсутствием в языке-цели категорий, представленных в родном языке учащегося, а различным внутренним подразделением семантики и функционирования форм, имеющихся в обоих языках. В связи с этим факты изучаемого и родного языков должны сопоставляться не прямолинейно, а в нескольких планах:

1) в плане описания способов и особенностей выражения того или иного общего грамматического значения;

2) в плане содержания, когда рассматриваются случаи передачи семантики той или иной грамматической категории или формы, отсутствующей в одном из сопоставляемых языков;

3) в плане функционирования, когда единицы с одинаковым значением по-разному используются в сравниваемых языках.

Поэтому при разработке учебного грамматического материала преподавателю полезно знать, как передаются универсалии в изучаемом и в родном языке (или языке-посреднике) учащихся (Пете 1991).

В целом, говоря об учете родного языка в практике преподавания языков как иностранных, мы имеем в виду не столько постоянное сопоставление параметров двух языков или использование родного языка (языка-посредника) на занятии, сколько предварительное изучение проблем взаимодействия языков в сознании обучаемого, которое осуществляется высококвалифицированным преподавателем в процессе разработки курса (спецкурса) занятий.

4. Итоги основанного на перечисленных выше теоретических принципах сопоставления синтаксических систем русского, английского и венгерского языков представлены в нашей монографии (Копров 2010). Здесь отметим только один установленный факт: 12 инвариантных семантических структур в русском языке выражаются **77** типами простого предложения, в английском – **33**, в венгерском – **35**. Как видим, русский синтаксис отличается намного большим разнообразием семантико-структурных типов предложений.

Поскольку для венгерских студентов в условиях глобализации первым иностранным языком часто является английский, его сопоставление с родным языком может существенно облегчить процесс овладения русским языком как вторым иностранным (Адам 2011).

В настоящей статье рассмотрим подробнее средства выражения одной из важнейших семантических структур – **«субъект – действие – объект»** – в русском языке на фоне английского и венгерского языков. Поскольку предложения с субъектно-объектной семантикой представляют все выделяемые в традиционных грамматиках типы конструкций, изучение их устройства имеет особое значение для семантико-функционального синтаксиса.

1. Состав семантико-функционального поля субъектно-объектных отношений

В **русском** языке данное семантико-функциональное поле выражают следующие синтаксические конструкции:

1) личная активная: *Она приоткрыла жалюзи*;

2) определённо-личная: *Завтра оформлю кредит*;

3) неопределённо-личная: *Квартиру отремонтировали*;

4) трёхчленная пассивная (вербальная и партиципиальная): *Договор подписывается / был подписан сторонами в двух экземплярах*;

5) двучленная пассивная (вербальная / партиципиальная): *Текст договора переводится / переведен на венгерский язык*;

6) трёхчленная безличная: *На рассвете туманами затопило землю*;

7) двучленная безличная: *Крышу дома унесло*.

В **английском** языке данное поле представлено тремя конструкциями:

1) личной активной: *Maybe I broke a glass*;

2) трёхчленной партиципиальной пассивной: *The dog had just been captured by my father*;

3) двучленной партиципиальной пассивной: *Many expensive houses were being erected*.

В **венгерском** языке данное поле составляют следующие конструкции:

1) личная (активная): *A család lakást takarít*;

2) определённо-личная:

а) определённо-субъектная: *Eltörtem a lábamat*;

б) определённо-объектная: *Te lököd*;

3) неопределённо-личная: *A ház felépítették*;

4) пассивная: *A ház a kőművesek által lebontatott*;

5) двучленная пассивная (деепричастная) конструкция: *Be van törve az ablak.*

Сопоставление полей субъектно-объектных отношений в трёх языках выявляет сходства и различия в составе их компонентов.

В центре данного поля во всех сопоставляемых языках находится личная активная конструкция. В русском и венгерском языках широко представлена неопределённо-личная конструкция. В этих же двух языках функционируют определённо-личные предложения (определённо-субъектные, а в венгерском языке – и определённо-объектные). В английском языке определённо-личная и неопределённо-личная конструкции отсутствуют. Пассивные конструкции (трёхчленная и двучленная) в русском языке представлены вербальным и партиципиальным частеречными типами, в английском – только партиципиальным типом. В венгерском языке в качестве пассивной регулярно используется деепричастная конструкция. Специфику рассматриваемого русского поля составляют безличные конструкции.

2. Синонимические ряды в поле субъектно-объектных отношений

Как показал анализ фактического материала, в семантической структуре рассматриваемых предложений возможны шесть комбинаций субкатегорий субъекта и объекта:

1) субъект-антропоним – действие – одушевлённый объект;

2) субъект-антропоним – действие – неодушевлённый объект;

3) субъект-зооним – действие – одушевлённый объект;

4) субъект-зооним – действие – неодушевлённый объект;

5) субъект-каузатор – действие – одушевлённый объект;

6) субъект-каузатор – действие – неодушевлённый объект.

Синтаксические конструкции, объединённые по принципу общности выражаемого подтипа семантической структуры (1)-(6), составляют шесть **синонимических рядов**.

Однако между конституентами поля в сопоставляемых языках выявляются и существенные различия: не все из них находятся в синонимических отношениях между собой.

В **русском** языке личная активная, трёхчленная пассивная вербальная и обе партиципиальные конструкции входят в состав всех синонимических рядов (1)-(6), так как в них может фигурировать субъект любого субкатегориального типа, и, следовательно, они отличаются самой широкой синонимичностью: ***Мальчик (собака / течение)*** *принёс утку / палку – Утка / палка была принесена* ***мальчиком (собакой / течением)*** *– Утка / палка была принесена*.

Двучленная пассивная вербальная конструкция «подключается» к указанному синонимическому ряду, если в её объектной позиции находится неодушевлённый объект, а в качестве имплицированного выступает субъект-антропоним, зооним или каузатор: *Палка приносится* ***(мальчиком / собакой / течением)***.

Неопределённо-личная и личная активная конструкции вступают в синонимические отношения с перечисленными выше предложениями только тогда, когда последними выражается субъект-антропоним: *Утку / палку принесли –* ***Мальчик*** *принес утку / палку – Утка / палка была принесена* ***мальчиком*** *– Утка / палка была принесена.*

Напротив, безличные конструкции будут синонимичны исходному ряду конструкций, только если ими выражается субъект-каузатор: *Утку / палку принесло* ***течением*** *– Утку / палку принесло –* ***Течение*** *принесло утку / палку – Утка / палка была принесена* ***течением*** *– Утка / палка была принесена*.

Таким образом, в русском языке только личной активной, определённо-личной, трёхчленной пассивной вербальной и обеими партиципиальными конструкциями выражаются все шесть подтипов рассматриваемой семантической структуры. Двучленной пассивной вербальной конструкцией реализуются подтипы (2), (4), (6). Остальными конструкциями обозначается только по два подтипа семантической структуры: определённо-личной и неопределённо-личной – (1) и (2); трёхчленной и двучленной безличными – (5) и (6).

Для **английского** языка, в отличие от русского, подобная субкатегоризация актантов синтаксически не релевантна, поскольку здесь все три имеющиеся в соответствующем поле конструкции **синонимичны** друг другу при любом лексико-грамматическом наполнении их субъектных и объектных позиций: *The boy / dog / wave pushed the girl / ball – The girl / ball was pushed by the boy / dog / wave – The girl / ball was pushed.*

Для **венгерского** языка важно противопоставление двух субкатегорий

субъекта: антропонима и неантропонима (субкатегории, объединяющей зооним и каузатор). Здесь, как в русском языке, субъектом личного предложения может выступать любая конкретная потенционная субстанция: *Viktor / macskam nem iszik semmiféle szeszes italt (Виктор / моя кошка не пьёт спиртные напитки).*Агенсом неопределённо-личного предложения, как в русском языке, может быть только субъект-антропоним: *Még nem láttamozták az útlevelemet (В моем паспорте ещё не проставили визу).*В деепричастном предложении категориальная характеристика субъекта нейтрализована: *A ruha el van szakadva (Одежда разорвана).*

Ср. венгерские синонимичные личное, неопределённо-личное и деепричастное предложения: *A kőművesek a városban sok új házat építettek (Каменщики построили в городе много новых домов) – A városban sok új házat építettek (В городе построили много новых домов) – A városban sok új ház fel volt épitve.*

3. Средства выражения субъектно-объектных отношений в категориально-грамматическом аспекте

При анализе предложений в релятивно-структурном подаспекте мы исходим из положения о том, что в языках номинативного строя «поверхностное» оформление актантов осуществляется не только в соответствии с их ролями в семантической структуре предложения, но и с семантикой «категориально-грамматической рамки», накладываемой на актанты в процессе порождения высказывания.

Рассматриваются следующие грамматические категории:

1) залог и залоговость;

2) подлежащность / бесподлежащность и соотнесенная с ней в русском и венгерском языках категория личности / безличности;

3) определённость / неопределённость (обобщённость) актантов.

3.1. **Залог** – это синтактико-морфологическая категория, поэтому её анализ неразрывно сопряжён с изучением семантико-структурного устройства предложения. При этом синтаксическая составляющая залога для языков номинативного строя является универсалией, а морфологическая варьирует от языка к языку. Синтаксическая сущность категории залога заключается в возможности **изменять соответствие** между двумя рядами компонентов: актантами семантической структуры предложения (субъектом и объектом) и компонентами синтаксической структуры предложения (подлежащим и дополнением).

Если в реальной предметной ситуации и отражающей её семантической структуре предложения действие всегда направлено от его производителя (семантического субъекта) к объекту, то в синтаксической структуре выражающих её залоговых конструкций эта направленность может или сохраняться, или изменяться на противоположную.

В **действительной** (активной) конструкции в качестве носителя

глагольного признака – подлежащего – выступает субъект, в качестве зависимой субстанции – дополнения – представлен объект. Грамматическая направленность признака от подлежащего к дополнению – «центробежность» – совпадает здесь с ситуативной (реальной) направленностью действия от субъекта к объекту. Тем самым ситуативная роль субъекта как производителя признака получает грамматическую поддержку, т. е. усиливается, и в позиции подлежащего субъект приобретает признак «**активность»**: *Мальчик сломал игрушку*.

В **страдательной** (пассивной) конструкции в качестве носителя признака – подлежащего – выступает объект, а производитель действия – субъект – представлен дополнением как зависимый компонент. Грамматическая направленность признака – «центробежность» – противоречит здесь его ситуативной направленности, которая выглядит здесь как «центростремительная» (от дополнения к подлежащему). Тем самым пассивный участник ситуации – объект – в позиции подлежащего грамматически как бы «**активизируется»**, а производитель воздействия – субъект **–** в позиции дополнения «**пассивизируется»:** *Игрушка ломается / сломана мальчиком*.

В **английском** языке категория залога представлена одной оппозицией форм: активная вербальная конструкция / пассивная партиципиальная конструкция: *The boy broke the toy – The toy* ***was broken*** *by the boy.* Как показывает анализ фактического материала, категория английского залога отличается от русского более широкой сферой функционирования.

На наш взгляд, в **венгерском** языке существование залоговых форм поддерживается синтаксической оппозицией вербальная активная конструкция – деепричастная пассивная конструкция. Ср., с одной стороны, с английским языком, где залоговая оппозиция (активная вербальная конструкция – пассивная партиципиальная конструкция) – единственная, и, с другой стороны, с русским языком, в котором категория залога опирается на более системное противопоставление актива двум формам пассива – синтетической (с глаголом на *-ся*) и аналитической (с краткой формой страдательного причастия).

Венгерский залог по количеству грамматических способов выражения пассивности (окказиональная синтетическая и более регулярная аналитическая формы) располагается между русским (с его двумя категориально отмеченными формами) и английским (с его единственной аналитической формой), например: *Дело решается – Az ügy intéződik – The case is being solved; Дело решено – Az ügy el van intézve – The case has been solved.*

По разнообразию возвратных форм венгерский язык превосходит русский; по количеству оттенков залоговых значений, передаваемых конструкциями с возвратными формами глаголов, они приблизительно равны Ср. предложения в двух языках: *Ребенок причесывается – A gyermek fésülkődik; Мой приемник сломался – Elromlott a rádióm; Мы уже раньше встречались – Már találkoztunk; Спектакль начинается в четыре*

часа – Az előadás négykor kezdődik; После лекций они вернулись домой – Előadások után (ők) hazatért (см. об этом подробнее (Копров 2012)).

Поскольку в венгерском языке сам факт наличия грамматической категории залога часто ставится под сомнение, обращение к уже усвоенной семантике и формам английского залога при изучении русского может помочь учебному процессу.

3.2. Для типологии русского простого предложения несомненный интерес представляет **категория личности / безличности**.

Анализ устройства русского **безличного** предложения типа *Ветром сорвало крышу* в терминах категории залога позволяет установить, что, с одной стороны, объект представлен здесь падежной формой как зависимая субстанция; в связи с этим можно говорить о центробежной грамматической направленности глагольного признака (хотя самого грамматического центра – позиции подлежащего – здесь нет). С другой стороны, субъект выступает не как независимая субстанция – грамматический носитель признака (подлежащее), а как другая зависимая субстанция – дополнение.

Таким образом, ситуативная направленность воздействия от субъекта к объекту получает в синтаксической структуре предложения только частичную поддержку, вследствие чего его семантика объединяет в себе признаки как активной, так и пассивной конструкций. Объект имеет здесь грамматический признак «**пассивность»** (как в личной активной конструкции), а субъект характеризуется как «активно-пассивный» или «**демиактивный».** В других сопоставляемых языках прямого эквивалента рассмотренных безличных конструкций нет.

3.3. Определённость / неопределённость (обобщённость) семантических актантов является одной из основных категорий устройства предложения. Грамматическая составляющая данной категории проявляется в асимметрии количества актантов семантической структуры и компонентов структурной схемы предложения. Функциональная сущность категории заключается в возможности эксплицитного или имплицитного представления актантов в предложении.

Актант, выраженный в синтаксической конструкции словоформой, одновременно с лексическим именованием получает грамматическую характеристику по линии категорий числа, рода и персональности. Данные категориальные признаки актантов встречаются в конкретных предложениях в различных комбинациях, но во всех случаях эксплицитный актант предстаёт как грамматически **определённый**: ***Катерина Петровна*** *осторожно перебирала пухлые бумажки* (К. Паустовский); *И вот* ***сторож*** *распахнул дверь фургона* (Г. Троепольский); ***Столяры*** *делали по её заказу столики, стульчики, полочки, кубики* (В. Кетлинская); *На ходу* ***кто-то*** *задевал кусты* (В. Шукшин); ***Кто-то*** *рвал дверь снаружи* (Ю. Нагибин); *Сзади меня* ***кто-***

то *тронул* (А. Бек).

Имплицитность (неназванность) того или иного обязательного актанта в синтаксической конструкции не означает его полного отсутствия в предложении: в семантической структуре позиция актанта остаётся и мысленно заполняется **неопределённой** или **обобщённой** номинацией того предмета, который выполняет функцию этого актанта в выражаемой ситуации. В русском и венгерском синтаксисе личной активной конструкции с грамматически определённым агенсом категориально противостоит **неопределённо-личная** конструкция, в которой агенс лексически не выражен, например: *Этот дом построили в 1998 году – Ezt a házat 1998-ben építették*.

С точки зрения синтаксической формы данная конструкция является бесподлежащной (позиция подлежащего в её структурной схеме представлена имплицитно), поэтому согласования признакового компонента с агенсом не происходит. Отличительной чертой неопределённо-личной конструкции в русском и венгерском языках является фиксированная форма глагола – 3-е лицо множественного числа. В английском языке в силу его тотальной подлежащности подобная конструкция отсутствует.

Категория определенности / неопределенности актантов тесно взаимодействует с **категорией персональности** (лица).

В силу закона экономии речевых усилий в русском предложении избыточная местоименная форма персональности регулярно опускается, образуя особый вариант личных активных предложений – **определённо-личные**, точнее, определённо-персонально-субъектные предложения: *Проволочную петельку в приклад забью* (А. Иванов); *Ночью уберём его с поля* (А. Платонов).

В венгерском языке удельный вес глагольной формы в выражении персональности актантов выше, чем в русском: глагол во всех временах однозначно указывает на персональность актантов, причём часто не только субъекта, но и объекта. Вследствие этого местоименные показатели персональности субъекта и объекта регулярно опускаются, и в синтаксической системе венгерского языка широко представлены определённо-субъектные и определённо-объектные предложения. Ср. с русским языком: *Megkapt**am** a meghívását – **Я** получил ваше приглашение; Tanul**om** az orosz nyelvet – **Я** изуча**ю** русский язык. Látom – Я вижу его (её); Látlak – Я вижу тебя (вас)*.

Таким образом, то, что в венгерском предложении передается одной глагольной формой, в других языках выражается двумя-тремя словоформами, ср.: *Várom – (Я) жду его – I wait for him*.

4. Таким образом, конструкции, составляющие синонимические ряды, выражают специфические наборы категориально-семантических признаков агенса. Эти признаки позволяют системно дифференцировать

синонимичные конструкции как внутри системы одного языка, так и в сопоставительном плане.

Так, в личной активной конструкции, являющейся ядерной во всех трёх языках, субъект характеризуется признаками «активность» + «определённость». В трёхчленной пассивной конструкции, наиболее широко представленной в английском и русском языках, субъект характеризуется признаками «пассивность» + «определённость». В двучленной пассивной конструкции, общей для всех трёх сопоставляемых языков, субъект выступает как «пассивный» + «неопределённый». В русской и венгерской неопределённо-личной конструкции субъект имеет признаки «активный» + «неопределённый». В русской трёхчленной безличной конструкции субъект характеризуется признаками «демиактивность» + «определённость». Наконец, в русской двучленной безличной конструкции он выступает как «демиактивный» + «неопределённый».

Выявленные сходства в семантике конституентов одноименных синтаксических рядов в разных языках наглядно демонстрируют принципиальную возможность передачи грамматического содержания предложения с одного языка на другой при помощи однотипных конструкций.

5. Анализ **стилистического** аспекта функционирования средств выражения физического воздействия показывает, что в русском, английском и венгерском языках личные активные предложения стилистически нейтральны, поэтому они наиболее широко используются во всех стилях речи. Неопределённо-личное предложение характерно для русской и венгерской разговорной речи. Пассивные конструкции, особенно трёхчленная, чаще используются в книжной речи: в официально-деловом, научном стилях; в английском языке в целом они встречаются чаще, чем в русском. Русские трёхчленные и двучленные безличные предложения предпочитаются в разговорной речи и в художественных повествованиях.

Заключение. Сходства в семантике конституентов синонимических рядов в русском, английском и венгерском языках обусловливают принципиальную возможность точной передачи содержания предложения с одного языка на другой при помощи эквивалентных конструкций. Выявленные расхождения более рельефно оттеняют сложности, с которыми носители венгерского языка сталкиваются при изучении и переводе русских пассивных и безличных конструкций.

Таким образом, теоретические положения модели семантико-функционального сопоставительного синтаксиса, разработанной на основе учета практических потребностей обучения студентов иностранным языкам, в минимизированном и методически обработанном виде возвращаются в учебный процесс.

Литература

Адам, Е.В. (2011) Как знание английского языка может помочь студентам в освоении русской грамматики? // Вестник «Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания». №25. Будапешт. С.39-41.

Гальперин, П.Я. (1972) К психологии формирования речи на иностранном языке // Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку. М., Изд-во Моск. гос. ун-та. С. 60–68.

Копров, В.Ю. (2010) Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. Воронеж, Издатель О.Ю. Алейников.

Копров, В.Ю. (2012) Русско-венгерские параллели в семантико-функциональном поле залоговости // Вестник «Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания». №26. Будапешт. С.91- 98.

Пете, И. (1991) Синтаксис русского языка для венгерских студентов-русистов. Будапешт.

Шубин, Э.П. (1963) Основные принципы методики обучения иностранным языкам. М., Учпедгиз. 189 с.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 316-322
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.316

Виктория Васильевна Краснокутская
(Москва, Россия – Кайсери, Турция)

ТЮРКСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Abstract: This article`s main purpose is to generalize, systematize and reveal the reasons and methods of Turkic penetration and assimilation into Ukrainian language. Lexical examples of straight, mediate and traced borrowings were specified. These examples from different areas of life, and also borrowings in onomastic, which occurred as a result of close interaction of Slavic and Turkic population. Some historical and cultural records, such as "The Tale of Igor`s Campaign", "Tale of Bygone Years", "Kiev Chronicle", etc. were mentioned. The lexical parallel between languages of nations, who lived in the modern Ukraine's territory, has been drawn. In conclusion we can tell that the process of linguistic transfers, associations, and interpenetrations is still life and ongoing process.

Keywords: borrowing, assimilation, interpenetration, linguistic analysis, Slavic-Turkic interaction

Межъязыковые контакты в социолингвистическом аспекте издавна привлекают внимание лингвистов (Виноградов 1967; Баскаков 1969; Дешериев 1966; Белодед 1972; Жлуктенко 1975; Лизанец 1976 и др.).

Проблема исследования славяно-тюркских языковых контактов, отражающих исторический процесс взаимодействия народов, в большей степени разрабатывалась в плане изучения влияния славянских языков на тюркские. Однако многовековые взаимоотношения не были односторонними: как результат этого выступают тюркские заимствования в славянских языках, в частности, в восточнославянских.

Несмотря на ряд работ, посвященных рассмотрению тюркизмов в русском, украинском и белорусском языках (Добродомов, Романова 1979), до настоящего времени мало сделано в сравнительно-сопоставительном описании тюркизмов в восточнославянских языках. Можно назвать лишь несколько статей, в которых тюркские лексические единицы характеризуются на материале русско-украинских или русско-белорусских параллелей (Козырев 1969; 1974; Супрун 1974; Журавский 1974). А между тем, по мнению Н.К. Дмитриева (Дмитриев 1962), А.Н.Кононова (Кононов 1972), И.Г. Добродомова (Добродомов 1974), А.М. Рота (Рот 1974) и других, изучение тюркских элементов в восточнославянских языках составляет важную задачу отечественного языкознания. Как справедливо отмечает Н.А. Баскаков, «исследований, посвященных анализу тюркизмов в русском и других славянских языках, еще недостаточно, хотя для глубокого понимания процессов развития

национальной культуры как славянских, так и тюркских народов эти исследования представляются весьма важными» (Баскаков 1979: 5).

Украинский язык за время своего многовекового развития имел длительные и интенсивные контакты с соседними и отдаленными языками. Эти контакты сильнее всего отразились в огромном количестве заимствованных слов, которые органично входили в лексическую систему украинского языка, во многих случаях полностью адаптируясь в ней. Лексические заимствования являются одним из источников словообразования. А также одной из причин развития каждого языка, в частности, украинского.

Украинско-тюркские языковые контакты начали развиваться во время раннего восточно-славянского периода, когда степи Южного Причерноморья контролировались тюркоязычными кочевыми племенными объединениями гуннов (II–V вв.). Если вкратце обрисовать влияние словесности тюркских народов на словообразование славянских языков, то в историческом контексте это выглядит следующим образом: авары (V–VII вв.), хазары (VIII в.), булгары, печенеги, тюрки и другие огузы (IX вв.), булгары, половцы, турецкие государства в Анатолии и на Балканах (X–XII вв.), булгары, золотоордынские татары и тюрки (XIII–XVI вв.), татары и тюрки (XVI–XIX вв.), гагаузы (XVIII–XX вв.), тюркские народы дореволюционной России и СССР, турки (XIX–XX вв.).

Диалектически неоднородные языки гуннов, аваров, булгар, хазаров, которые вместе с современным чувашским языком составляют булгарскую группу тюркских языков, значительного влияния на украинские территориальные диалекты периода Киевской Руси, очевидно, не имели. Однако следы этих контактов прослеживаются не только в отечественных памятниках письменности (булгаризмы *тивун / тиун, каган / коган, хоть* «жінка»), *хинове* «гунни», *болярин боярин, лошадь, сапог, Тьмуторокань, Борис, Боян / Баян* и т.д.), в современном украинском языке: *ватага*, *хазяїн* (давньорус. *хозя*), *килим* (кримськотатар. *кийиз*), *харалуг, харалужний, корогва* (давньорус. *хорюгъвъ*), *лоша, сагайдак / сайдак, колчан, Сутень* (река), *буланий* и т.д. Определенное влияние на украинские диалекты старокиевского периода имели печенежский и половецкий языки. Прямым потомком первого является гагаузкий язык (в Одесской области и др.). Половецкий язык лег в основу кыпчакских языков крымского ареала – крымско-татарского, караимского (с примесью хазарского субстрата, армяно-кыпчакский и урумский (с заметным румейским субстратом). Близкородственность этих языков усложняет последовательное разграничение соответствующих заимствований. Однако, памятники древнерусской письменности с украинских территорий («Повесть временных лет», «Киевская летопись», «Галицко-Волынская летопись», «Слово о полку Игореве» и др.) и данные сравнительно-исторических исследований указывают на большое количество печенежских и половецких заимствований – около 1500

употребительных слов и имен собственных. Взаимовлияние языков этого периода являлось взаимным. Об этом можно с уверенностью сказать, ссылаясь на памятник половецкого языка «Codex Gumanicus» середины XIV века, где встречается ряд характерных восточных славянизмов: *izba* «кімната», *kukel* «кукіль», *ous* «жито, збіжжя», *peč* «піч», *salam* «солома», *samala* «смола», *yrs* «рысь» с типичным вставленным «ы» перед «р» (Гаркавец 1988).

С развитием козацтва и чумачества тюркское влияние на лексику украинского языка еще больше возрастает. Само слово *козак* имеет тюркские корни. «Слово «*козак*» есть турецкое и означает «разбойник» или «грабитель»», – так утверждал уже в 1765 г. историк П. Симоновский в книге «Краткое описание о козацком малороссийском народе». Как писал украинский историк начала XX в. А. Стороженко, «Козачий промисел особливо розвинувся серед татар, що поселилися у Криму. Якщо ординець поривав зв'язок з Ордою, кидав мирне життя пастуха, один чи в товаристві подібних йому звитяжців заглиблювався в степи, грабував купецькі каравани, пробирався на Русь і в Польщу для захоплення полонених, яких потім з вигодою продавав на базарах, то такий бродяга і розбійник називався по-татарськи «козаком», т.е. запорожское войско частично состояло из татар, что не могло не оказать влияния на речь запорожцев-славян.

«Татарские казаки оказали огромное влияние на деморализованное население распавшейся Киевской Руси в XIV—XV вв. Они показали возможность нового образа жизни. Славянские беглецы в степь стремились во всем подражать татарским казакам. Они позаимствовали их одежду, оружие и, что самое главное, организацию. Это доказывает даже самый поверхностный лингвистический анализ.

Запорожская Сечь называлась *Кош*. *Кош* – это татарское слово, которое означает «лагерь», «становище». *Есаул* – одно из высших казачьих званий, по-татарски «помощник», «исполнитель поручений». Звание есаула шло сразу после атамана. *Атаман* – по-татарски «начальник», «голова». *Курень*, в котором жили казаки, тоже татарское слово, которое означает «кольцо». В старину кочевники, останавливаясь на привал, кругом располагали свои повозки. Кстати, именно куренем называлась самая мелкая общественная единица в кочевой империи Чингисхана.

Приведем еще тюркские слова в украинском языке: *кош, курень, есаул, атаман, майдан, баштан, карман, баран, курдюк, кавун, гарбуз, диван, кылым, караван*, *карман* (по-татарски «могила», *козак, ватага, сарай, чардак, базар, харч, башлик, калита, бариш, бугай, карий* и др.

Наиболее активно заимствовались тюркские слова в казацкое время, в XV–XVIII вв. при контактах с Крымским ханством и Турцией в разных областях жизни, напр., скотоводство: *чабан, отара, табун, аркан, торба, кабан, лоша, буланий, чалий, гайда;* степная жизнь: *байрак, комиш, лиман, туман, беркут, сарана, бакай, гарба, курінь*; огородничество: *баштан,*

гарбуз, кавун, тютюн; войско: *кіш, табір, осавул, бунчук, чайка, со(га)йдак*; одежда: *габа, кунтуш, кобеняк, шаровары, штани, очкур, сап'ян, чоботи, постоли, тасьма, серпанок;* торговля, промысел, быт и др.*: чумак, аршин, могорич, майдан, чавун, казан, килим, тапчан, локша (локшина), кав'яр, кава, кобза, люлька, гайдамака, харциз, канчук, кайдани, чума*; также некоторые фразеологизмы, напр., калька «батьки» (ср. турец. *ebevèyn* – двойственное число от *eb* «батько»).

Много тюркизмов отмечается в топонимике степной Украины (*Кременчуг, Ингул, Изюм, Самара* и др.). Тюркизмы обычно характеризуются гармонией гласных, недостатком группы согласных в начале слова и по большей части конечным ударением. Не исключена возможность тюркских влияний на фонетическое развитие украинского языка, особенно в проявлениях двуслоговой гармонии гласных (древнейшее в полногласии, напр., *мороз* из **morzъ*, позднее в смене *о* > *а* перед ударным *а*, напр., *гаразд* из *горазд*; произношение *кожух* как *кужух* и др. (Енциклопедія українознавства 2000.)

Заимствования касаются прежде всего казацкого и чумацкого быта, напр.: *товариш, джура, кіш, кочувати, гашник, кисет, тютюн, тарань, чабак, шатро* и т.д. Благодаря многосторонним связям заимствуются хозяйственные названия, названия растений, животных, инструментов, товаров и т.д., напр.: *саман, отара, Ґирлиґа, гарба, кишмиш, гарбуз, аїр, бузівок, барабан, кармазин, басма, тасьма, сап'ян, атлас, парча, куманець, терлик, килим, копил, буран* (Українська мова 2000).

Заметное влияние претерпели украинские личные имена. Очень много украинских фамилий тюркского происхождения (по реестрам XVII–XVIII вв.): *Балабан, Мурза, Кочубей, Кутлубей, Шингерій* и т.д. А также множество типичных украинских фамилий образуются при помощи "–енко" – суффикса тюркского происхождения.

Подобная картина наблюдается и в топонимике Южной Украины. Огромное количество украинских имен собственных тюркского происхождения: *Баштанка, Інгул, Каланчак, Комишуваха*. Так, в Причерноморье и в Приазовье распространены названия населенных пунктов, больших и маленьких рек и других водных объектов. На соответствующих территориях в течение длительного исторического периода пребывали многочисленные тюркоговорящие племена. К примеру, можно привести такие названия значительных по размеру речек тюркского происхождения: *Тилігул, Чичиклія, Бакшала, Висунь, Громоклія, Саксагань, Самара, Кальміус, Айдар*. В основе гидронимов турецкого происхождения лежат, как правило, апеллятивные названия, напр.: *Громоклія – Аргамакли* (тюрк. *аргамак* «баский конь»), *Чичиклія* (тюрк. *чічак* «цветок») (Масенко 1981).

Непосредственно заимствуются и тюркские слова, которые отображают жизнь турок, крымских татар и других тюркских этнических групп, напр.: *хан, султан, візир, диван, чалма, калим, мечеть, намаз, ясир,*

гарем. Среди них немало арабизмов и персизмов, которые являлись заимствованными и для турецкого языка. На фоне глобальных украинско-тюркских контактов развиваются и локальные языковые связи с крымско-татарским и ногайским языками в Южной Украине, с армяно-кыпчакским в Камьянец-Подольске, Львове, Луцке, Станиславе (ныне – Ивано-Франковск), Могилев-Подольском и других местах, где были колонии, кыпчакоговорящих армян, с караимским языком в Луцке, Станиславе, и Галиче, с урумским языком в Надазовье после переселения туда урумов из Крыма в 1778–1779гг, с гагаузским в Бессарабии. В случае местных языковых связей взаимовлияние не ограничивается заимствованием недуплетной лексики, а часто охватывает все лексические сферы и даже языковую систему в целом.

Ярким примером влияния украинского языка (вместе с польским) на островной, изолированный (окруженный другими языками) тюркский язык было развитие армяно-кыпчакского языка, что можно проследить на протяжении XVI–XVII вв. по актовым книгам армянского суда Каменецк-Подольска. Украинское влияние объединяется с влиянием типологически близких других языков окружения: польского, русского, новогреческого (румейского) или армянского.(Гаркавец 1979).

В связи с наличием в современной Украине тюрко-язычного населения – крымских татар и крымчаков (Крым), урумов (Приазовье), караимов (Галич), гагаузов (Одесская область), украинско-тюрские контакты продолжаются. Определенная специфика наблюдается в украинско-тюрских языковых контактах за пределами Украины, где украинский язык оказывается в положении островного: Казахстан, Карачаевщина, Балкария, Кумыкия, Татарстан, Башкорстан, Алтай и др. В этих местностях он составляет один из компонентов украинско-русско-тюрского трехязычия или определенного многоязычия. Люди в этих областях обычно знают не менее трех языков. Славянскую группу, в частности, представляет в основном русский язык.

До распада Советского Союза на всей его территории русский язык являлся государственным и преподавался в школах как второй язык, а иногда и как основной. В связи с этим русский язык гораздо более употребителен на этих исконно тюрко-говорящих территориях, чем украинский. На территории Украины была такая же ситуация, но после обретения Украиной независимости, украинский народ опять стал повсеместно говорить на родном языке, и русский язык постепенно вытесняется из повседневного обихода. В данный момент существуют очень тесные украинско-турецкие контакты на государственном и бытовом уровне. Украинцы часто посещают Турцию, встречаются смешанные браки. Существуют партнерские отношения на образовательном и академическом уровнях: украинские университеты приглашают турко-язычных преподавателей. В Украине существует довольно большое количество курсов турецкого языка, которые

пользуются большой популярностью. Все это свидетельствует о большом интересе к турецкому языку со стороны украинцев, хотя в Турции мы не наблюдаем интереса к украинскому языку. Все люди с территории бывшего Советского Союза для турков являются «русскими», и, как следствие, в Турции интересуются только русским языком. Это вызывает сожаление со стороны представителей украинской нации, и мы надеемся, что в скором времени интерес к украинскому языку возрастет, в турецких университетах будут создаваться кафедры украинского языка, и украинский язык будет развиваться и в Турции.

Литература

Баскаков, Н.А. (1979) Русские фамилии тюркского происхождения. М., Наука. С.280.

Белодед, И.К. (1972) Ленинская теория национально-языкового строительства в социалистическом обществе. С.214.

Виноградов, В.В. (1967) Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития, М., С.134.

Гаркавец, А.Н. (1988) Тюркские языки на Украине (Развитие структуры). Киев, Наукова думка.

Гаркавець, О.М. (2000) Тюркізм // Українська мова: Енциклопедія. Киев, Українська енциклопедія.

Гаркавец, А.Н. (1979) Конвергенция армяно-кыпчакского языка к славянским в XVI-XVII. вв. Киев, Наукова думка.

Добродомов, И.Г. – Романова Г.Я. (1979) Библиография основной литературы по изучению ориентализмов в восточнославянских языках // Менгес К.Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., Наука. С.211-238.

Дешериев, Ю.Д. (1966) Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе М., С.402.

Дмитриев, Н.К. (1962) Строй тюркских языков. Сб. избр. трудов. М., С.503-569.

Добродомов, И.Г. (1974) Проблемы изучения булгарских лексических элементов в славянских языках. Автореф. дисс:докт.филол.наук. М.

Жлуктенко, Ю.А. (1975) Лингвистические аспекты двуязычия. Киев.

Козырев, И.С. К вопросу изучения тюркизмов в русском и белорусском языках (Пути проникновения тюркизмов в русский и белорусский языки) ТЛЭ. С.28-29

Козырев, И.С. (1974) К вопросу об изучении тюркизмов в русском языке // ТВСЯ, С. 9-25.

Кононов, А.Н. (1972) История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. Л., Наука. 271 с.

Лизанец, П.Н. (1976) Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья. Венгерско-украинские межъязыковые связи. Будапешт, Изд-во АН Венгрии. 683 с.

Масенко, Л.Т. (1981) Тюрксько-українські взаємозв’язки і паралелі // Гідронімія України в її міжмовних і міждіалектних зв’язках. К.

Рот, О.М. (1974) Питання східнослов'янсько-тюркських та західнослов'янсько-тюркських мовних контактів і особливості взаемодії мов та діалектів в Карпатського ареалу // А.Ю.Кримський – україніст і оріенталіст. Киів, Наук. думка. С.136-140.

Супрун, А.Е. – Журавский А.І. (1974) Пробні статті "Історико-етимологічного словника білоруських тюркізмів. Підготував А.Е.Супрун за участю А.І.Журавского // А.Ю.Кримський-україніст і оріенталіст. Киів, Наук. думка.

Українська мова: Енциклопедія. (2000) Киів, Українська енциклопедія.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 323-326
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.323

Tomislav Krekić
(Sambotel, Mađarska)

PREPORODNI POKUŠAJI BAČKIH I GRADIŠĆANSKIH HRVATA U DRUGOJ POLOVICI 19. STOLJEĆA

Abstract: The article briefly compares the independent language and culture creating attempts of the two Croatian ethnic communities being in similar situation, the Burgeland Croatians and the Bunjevac from Bačka (Bácska). The attempts reached one of their most intense stages in almost the same period: in the second half of the XIX. century.
Keywords: Burgeland Croatians, Bunjevacs, language and culture

Možda nije bez pouke i zanimljiv je pokušaj usporediti težnje stvaranja posebnoga jezika i kulture dviju hrvatskih skupina – gradišćanskih Hrvata i Hrvata u Bačkoj – naroda koji su i danas u sličnom položaju, tim više što su u gotovo istom razdoblju – u drugoj polovici 19. stoljeća – proživjeli jedno od najintenzivnijih razdoblja u svojoj povijesti.

Obično radovi koji se bave ilirizmom i njegovim utjecajem ni ne spominju gradišćanske Hrvate i Hrvate u Podunavlju. Izuzetkom bi se mogao smatrati rad pod naslovom *Povijest hrvatskoga naroda g. 1860-1914.* (Šidak J.; Gross M.; Karaman I.; Šepić D.) obavljen u Zagrebu 1968.g. Ta knjiga posvećuje jedno kraće poglavlje počecima buđenja narodne svijesti bunjevačkih Hrvata (Šidak 1968:63-69). Međutim, Ante Sekulić u jednoj svojoj studiji pokušao je usporediti preporodna gibanja bačkih i gradišćanskih Hrvata. (Sekulić 1994:78-88).

U procesu preporoda gradišćanskih Hrvata i uopće u razvitku jezika, književnosti i kulture znatnu su ulogu imali svećenici, a kasnije u tom njihovom radu od velike su pomoći bili učitelji. Nije postojala takva neovisna i svjesna svjetovna inteligencija koja bi bila stala na čelo onih gibanja koja su željela neku vrstu preporoda. Istovremeno trebamo napomenuti da župnik Gašpar Glavanić i učitelj Jure Horváth od godine 1864. počinju izdavati kalendar na hrvatskom jeziku. Godišnjak je nosio naslov *Kerstyanszko-Katolicsanszki Kalendar*, no zbog čestih bolesti Horvátha nije se pojavljivao redovito svake godine.

Zakon o narodnostima iz godine 1898. nešto je poboljšao položaj narodnosti u Mađarskoj jer je osigurao korištenje materinskog jezika u crkvi, školi i mjesnoj upravi, (no, u političkom smislu priznavao je samo jedan narod – mađarski). Ova vrsta školske autonomije je poticajno utjecala na izdavanje knjiga na hrvatskom jeziku u sedamdesetim godinama tog stoljeća. Međutim, za pisanje knjiga je bilo potrebno utvrditi jedinstveni način pisanja, tj, donijeti jedinstven pravopis. Na inicijativu Mihovila Nakovića nastala je *Deklaracija o jedinstvenomu pravopisu i književnom jeziku Gradišćanskih Horvatov*. Naković

je s Gašparom Glavanićem, Ivanom Muškovićem i drugima uvidio da je potrebno uvesti novi, tzv. gajev pravopis. Stvaranje (regionalnog) književnog jezika zamislio je na osnovi čakavskog i ikavskog narječja (Krpan 1988:55).

Od šezdesetih godina 19. stoljeća i kod gradišćanskih Hrvata izdaje se sve više udžbenika i knjiga. I sam Glavanić sastavio je nekoliko udžbenika: *Početnica za katoličansku školsku mladost* (Beč 1859), *Perva štanka* (Beč 1860), *Prirodopis za hervatske škole jurske biskupije* (Budimpešta 1873). Prve dvije knjige doživjele su i više izdanja (Krpan 1988: 53). Prvo izdanje Nakićevog *Zemljopisza za hervatszke narodne škole* godine 1873. još je objelodanjeno starim pravopisom u Eisenstadtu (Željezno), no treće ispravljeno i prerađeno izdanje 1880. godine izlazi s novim pravopisom. Također je Naković autor knjiga pod naslovom *Podučavanje u jezikoslovju. Za učitelje i školare*, objavljene 1877. Izdano je i nekoliko takvih knjiga čiji su autori sporni: *Pocsetnica...* (1873), *Druga štanka...* (1880), *Prirodopisz…*(1873) (Krpan 1988: 56-57).

Vrijedna je spomena Nakovićeva pjesmarica koju je izdao pod naslovom *Jacskar, narodne jacske za hervatsku mladoszt. Pobrane i Hervatszkoj mladosti preporucsene od Mihovila Nakovicha skolnika* 1876. godine u (Ugarskom) Starom Gradu (Mosonmagyaróvár). Zanimljivost toga djela su tekstovi pjesama bez nota, pisani po starom pravopisu, osim nekoliko zadnjih pjesama od stranice 157. do 161. (Krpan 1988: 57-58).

Između 1848. i 1860. godine izdaje se svega sedam knjiga čiji su autori Hrvati iz Bačke, i to su u prvom redu knjige s vjerskom i prigodnom tematikom. U narednih petnaest godina, međutim, objelodanjeno je 25 knjiga, a među njima ima i više prosvjetnih izdanja, rječnika, pa čak i ilirska gramatika (Kujundžić 1969: 695-699). Godine 1870. Ambrozje Šarčević objavljuje prva dva rječnika: *Tolmač izvornih, književnih i zemljopisnih jugoslavenskih riči* i (*Magyar-Délszláv közigazgatási és törvénykezési Műszótár. Magyar-Délszláv rész.*) *Magjarsko-Jugoslavenski politički i pravosudni Riečnik. Magjarsko-Jugoslovenski dio.* U to vrijeme izlazi i prva čitanka u Pešti 1872. godine pod naslovom *Čitanka za katoličke pučke učione*, a pisac tog udžbenika je Ivan Mihalović. Ove knjige doživjele su još tri izdanja (1883., 1886., 1894.). Prvi kalendar je sastavljen 1868. godine u Subotici i nosi naslov *Bunjevački kalendar za pristupnu godinu 1868. koja ima 366 dana*. 1873. godine.

Franjo Bodolsky s dozvolom prevoditelja (Jovana Jovanovića Zmaja) izdaje Petőfijev Vitez Ivan (mađarski: János vitéz) na bunjevačkom narječju. Naredne godine Ivan Mihajlović objelodanjuje svoju praktičnu ilirsku gramatiku na mađarskom jeziku (*Gyakorlati Illir nyelvtan, Baja 1874.*).

Mijo Mandić je sastavio i nekoliko školskih udžbenika: *Zemljopis povistnicu i ustavoslovlje* (Gara 1880), a iste je godine tiskao i priručnik *Prirodopis, prirodoslovlje, i slovnica za bunjevačku i šokačku dicu* (Gara, Subotica 1880.).

Što se društvenog života tiče, može se reći da je preporodni pokret Bunjevaca počeo društvenim djelovanjem Ivana Antunovića. 1869. u jednoj subotičkoj župi organizirao je susret najistaknutijih predstavnika bunjevačke

inteligencije (npr. Ivan Probojčević, Boza Šarčević itd.). Cilj sastanka bio je Antunovićevo izlaganje programa prosvjete i intelektualnog podizanja bunjevačkog naroda te postizanje dogovora o poslovima oko toga. Sastanak je završen bez rezultata; već pri prvim koracima došlo je do poteškoća.

O djelovanju Ivana Antunovića treba reći da je uvijek bio unutar okvira mađarskog zakona. Bogdanov ovako piše o tomu:„(...) Antunović (je) kao visoki crkveni dostojanstvenik (kanonik i titularni biskup) nastojao da svoju aktivnost razvija u okvirima zakonitosti, izbjegavajući svaki sukob s postojećim političkim uređenjem i ugarskom državom i naglašavajući često svoju 'virnost madžarkog svetog Stipana apoštolskoj kruni'" (Bogdanov 1956:307).

Slično hrvatskom preporodnom pokretu i Bunjevci su željeli osnovati takve institucije i društva koja bi okupljala i udružila bunjevačke ljude (bunjevačku inteligenciju). Na poticaj Ambrozija Šarčevića i Ivana Antunovića jedan dio bunjevačke inteligencije odlučio je osnovati Bunjevačku pučku kasinu. Kálmán Tisza primio je Agu Mamužića, koji je ishodovao dozvole za osnivanje Kasine. Cijena dozvole bila je da se trebalo odreći atributa bunjevački. Svečano otvaranje Pučke kasine je bilo 15. prosinca 1878. Zatim su se otvarale čitaonice u raznim većim naseljima gdje su živjeli Bunjevci, te gospodarska društva.

U drugoj polovici 19. stoljeća Hrvati u Bačkoj su već izdali više novina, istina, dobar dio njih duže vrijeme nije izlazio: *Bunjevačke i šokačke novine, Bunjevačka i šokačka vila, Misečna kronika, Subotički glasnik, Bunjevac, Neven, Subotičke novine* (Sekulić 1994: 58-61). Prvi organ gradišćanskih Hrvata, *Hrvatske novine* izlaze tek od 1910. godine. Po Sekuliću razlozi toga su u razlikama brojčane veličine i gospodarske snage (Sekulić 1994: 82-83). Obadvije narodne skupine djelovale su na očuvanju svoje kulture, zaštiti svoga jezika, a u ovom su poslu mogli računati u prvom redu na svećenstvo i učitelje. U Bačkoj, zahvaljujući nastanku nešto šireg građanskog sloja, ovom se preporodnom pokretu priključila skupina ljudi s pravnim zvanjem i obrazovanjem.

Zajednička je crta (preporodnog) pokreta koja je nastala na obadva područja da se najvažnijim smatra očuvanje narodnog jezika, u Gradišću je to čakavski dijalekt i ikavski govor, a u Bačkoj štokavsko-ikavski govor s novom akcentuacijom. U interesu tih ciljeva sastavljaju se gramatike, čitanke i drugi priručnici. Borba za korištenje materinjskog jezika u crkvi i u školi bila je duga i tražila je od boraca veliku izdržljivost, a prema Sekuliću u Bačkoj je bila teža. Gajev pravopis i nova ortografija među gradišćanskim Hrvatima izazvala je protivljenje, dok su bački Bunjevci i Šokci bili skloniji prihvatiti je (Sekulić 1994: 84).

Mjesto koje su sudionici pokreta zauzeli u društvu odredilo je sadržaj njihovih djela pa su u većini to djela s vjerskom tematikom, s obrazovnim i odgojnim karakterom, misali. Pisci tih djela na jednoj strani su Mate Karal, Gašpar Glavanić, Mate Meršić Miloradić i drugi, a na drugoj strani Franjo Bodolsky, Franjo Lamić Vujković, Ivan Antunović i ostali. Ubrzo su se pojavili

već spomenuti i vrlo popularni prvi kalendari: na gradišćanskohrvatskom 1864., a u Bačkoj 1868. godine.

U svome kratkom izlaganju želio sam ukazati na zbivanja koja su se odvijala u drugoj polovici 19 stoljeća u Gradišću i Bačkoj među Hrvatima, predstavljajući da postoje očite razlike ali i neke zajedničke crte. U jednoj dužoj raspravi to bi se pitanje moglo podrobnije istražiti i tako doći do točnijih, sigurnijih zaključaka.

Literatura

Bogdanov, V. (1956) Bunjevci. Enciklopedija Jugoslavije. II. Zagreb, 305-309.

Krpan, S. (1988) Gradišćanski portreti. Kršćanska sadašnjost. Zagreb.

Kujundžić, Ivan (1968) Izvori za povijest bunjevačko-šokačkih Hrvata. Matica hrvatska. Zagreb.

Sekulić, A. (1994) Hrvatska preporodna književnost u Ugarskom Podunavlju do 1918. Sekcija Društva hrvatskih književnika i Hrvatskog centra P.E.N.-a za proučavanje književnosti u hrvatskom iseljeništvu. Zagreb.

Šidak J. – Gross M. – Karaman I. – Šepić D. (1968) Povijest hrvatskog naroda g. 1860-1914. Školska knjiga. Zagreb.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 327-334
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.327

Ольга Николаевна Кулишкина
(Санкт-Петербург, Россия)

АФОРИЗМ В РУССКОМ КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Abstract: The article deals with the history of the Russian aphorism of the 19th – beginning of the 20th century.

Keywords: aphorism, genre, aphoristic thinking, Russian literature of the 19th – beginning of the 20th century

В 1807 году на страницах «Вестника Европы» появляются «Мои мысли» юного И.И. Лажечникова. Это маленькое подражательное сочинение будущего исторического романиста («…я …написал «Мысли в подражание Лабрюйера» – заметит Лажечников в позднейшей автобиографии) – одна из первых известных нам попыток самостоятельного афористического творчества на русской почве. До 1815 года появится еще ряд таковых, принадлежащих перу Ф.Глинки, И.Лажечникова, В.Пушкина, И.Дмитриева, А.Маздорфа, П.Вяземского, предвещая близкую эпоху увлеченной эксплуатации новоосвоенного «жанрового канона»[1], которая начинается с половины второго десятилетия XIX века[2].

Первоначально отчетливо сориентированная на подражание известным европейским (прежде всего – французским) «классическим образцам», новорожденная отечественная афористика уже в середине 1820-х годов (с наступлением так называемой «эпохи мысли») переживает своеобразный «кризис жанра»: в отечественной литературной среде появляются суждения о полном несоответствии «мыслей и размышлений» русских

[1] К началу XIX века европейская литература «максим и размышлений» была достаточно хорошо знакома русскому читателю. Во второй половине века Просвещения разнообразные переводные «мысли нравоучительные» становятся традиционным материалом отечественной периодики. В 1810-х годах на страницах русских журналов появляется ряд критических материалов, содержание которых дает основание определенно утверждать, что к этому времени в отечественном литературном сознании формируется представление о некоем особом роде прозаических сочинений, обладающем рядом специфических формальных признаков (краткость, «отдельность», «крепость» мысли; особая «строгость», точность, ясность слога), ориентированном на определенное содержание («правила ума и сердца»), наконец – имеющем свой ряд высоких образцов: «Удачные опыты сего слога находим в некоторых новейших писателях …небесполезно обнять взором их классические творения. Первый образец в сем роде выдал в свет ла-Рошфуко… за Рошфуко следовал ла Брюйер. …наконец Шамфор…» (см.: Российский музеум, 1815. Ч.4. С. 145-146).

[2] Один только «Вестник Европы» с 1815 по 1825 год опубликовал около 30 аналогичных материалов, принадлежащих перу П.Шаликова, С.Нечаева, Н.Иванчина-Писарева, И.Лажечникова, А.Писарева, А.Маздорфа, М.Дмитриева.

авторов основному признаку данной жанровой формы – ее способности «в кратких словах» «преломить много смысла». Например – резкая эпиграмма П.А.Вяземского с характерным названием «Наши Ларошфуко»:

В журналах наших всех мыслителей исчисли!
В журналах места нет от мыслей записных.
В них недостатка нет; но в мыслях-то самих
Недостает чего-то: «Мысли!»[3]

Обозначенная ситуация оказывается конкретным проявлением происходящего на русской литературной почве процесса утраты старого, риторического восприятия композиционно-речевой формы как изначально и безусловно наделенной смысловой целесообразностью. Формирование принципиально иного отношения к слову, чей смысл рождается заново в каждой новой встрече субъекта высказывания и действительности, и провоцирует, в частности, переоценку нормативно-подражательных «мыслей» русских литераторов, одновременно порождая предпосылки для дальнейшего развития жанра: проблематизация риторической в своей основе авторской установки на «написание мыслей» (П.А. Вяземский) непосредственным образом актуализирует задачу выражения мысли. Не случайно, в этой связи, все первоначальные попытки собственно оригинального отечественного афористического творчества возникают как своеобразное преодоление формального жанрового канона: отказ от точного воспроизведения известных образцов внешней структуры афористического высказывания – «препоны» на пути свободного движения авторской мысли – в том или ином виде находим у А.С.Пушкина, П.А.Вяземского, В.Ф.Одоевского, М.П.Погодина, наконец – у создателей Козьмы Пруткова.

«Выдержки из записной книжки» П.А. Вяземского[4] и «Отрывки из писем, мысли и замечания» А.С. Пушкина[5] являют собой первые примеры внутренне ответственного высказывания, осуществляемого в пределах традиционной жанровой формы моралистически-нравописательной афористики. Создатель «Записных книжек» достигает этого путем принципиального «отказа от авторства». (Ср. здесь его позднейшее стихотворное «свидетельство»: «Я просто «Записная книжка», Где жизнь играет роль писца…».) В публикациях 1820-х годов, которые он недвусмысленно соотносит с отечественной литературой «мыслей и замечаний», эта установка проявляется в очевидном стремлении устранить традиционного субъекта моралистического афористического высказывания – как носителя готовой формы, готового слова о жизни – с тем, чтобы дать возможность высказаться самой жизни.

[3] Московский телеграф, 1826. Ч. 8. Отд. 2. С. 47.
[4] Публиковались в 1826 г. на страницах журнала «Московский телеграф».
[5] Опубликованы в альманахе «Северные цветы на 1828 год».

Таким манером Вяземский пытается создать законченную словесную конструкцию, организующим принципом которой является запечатление «сколка» (сгустка) бытия в некоей имманентной этому бытию форме. Таковой и становится особый (принципиально не украшенный) «умный слог», основной закон которого – яркость, выпуклость, «зрелищность» мысли, где все «не в бровь, а в глаз; все так и колет; все сказано, выпечатано и перепечатано» (Вяземский 1826: 38), где словесный образ не самоцель, но лишь средство пластического запечатления мыслительного «слепка» бытия. Пушкинские «Отрывки из писем, мысли и замечания» в свою очередь оказываются своеобразной сублимацией индивидуально-авторского (личностного) высказывания, которое благодаря лежащей в его основе «вдохновенной геометрии» слова оказывается способным вскрыть самую суть жизни.

Обретаемая таким образом к началу 1830-х годов свобода взаимоотношений субъекта афористического высказывания и его композиционно-речевой формы создает необходимые условия для существования и дальнейшего развития русского афоризма как самостоятельной национальной разновидности данного жанра европейской краткой прозы. Наследуя пушкинский принцип построения афористического высказывания, «соавторы-опекуны» Козьмы Пруткова создают афоризм, основанный на «геометрически выверенном» столкновении двух противоположных типов языкового мышления.

Живое «ненормированное» слово, предельно «сырое», необработанное, будто бы вырванное из той самой «жизненной гущи», которую старался запечатлеть в своих «Выдержках из записной книжки» Вяземский, пытается воплотиться в традиционных, хорошо известных, но – чуждых, не соприродных ему формах, маскируется под узаконенные канонические литературные «словоформы», с неизбежностью остраняя их – так рождается пародийный ореол Пруткова-афориста и одновременно возникают предпосылки для его преодоления. Ибо попадая в жесткие границы морализаторского афористического высказывания, необработанное («бытовое») слово Пруткова не только способствует их проблематизации. Одновременно оно реанимирует данный жанровый канон, насыщая его всеми своими разнообразнейшими жизненными (житейскими) смыслами и ассоциациями, каковые избирательно – в зависимости от личного опыта и кругозора – улавливаются читателями, каждый из которых оказывается вынужденным заново интерпретировать смысл, восполнять «смысловые пустоты» афористического высказывания, не ограничиваясь не только традиционно ожидаемым «моралистическим», но также – пародийным его аспектом. Так рождается настоящий афоризм – который можно «смело уподобить» первой в русской истории жанра настоящей парадоксальной максиме.

Сложный и неоднозначный «феномен Пруткова» имел немаловажное значение для дальнейшей истории русской афористики, во многом

подготовив своеобразную жанровую переориентацию, в результате которой к началу XX в. на русской литературной почве появляется своего рода новый «жанровый канон». А именно – массовая смехотворно-нравописательная афористика, которая возникает как факт отечественного литературного процесса на рубеже 60-70-х гг. XIX столетия, закрепляя в своей структуре поверхностно-смехотворный аспект той «серьезной игры» свободно-объективируемым жанровым каноном, которая и обеспечивает его жизнеспособность в афористическом творчестве Козьмы Пруткова. Имея в своей основе «одномерную» авторскую установку на сиюминутный комический эффект, для достижения которого используется прием более или менее подчеркнутого несоответствия формы и содержания, «смехотворный» афоризм существовал исключительно на страницах тонких юмористических журналов 1870-80-х годов. Он на четверть века определил периферийную судьбу жанра в отечественном литературном процессе, но вместе с тем закрепил в сознании читателя возможность комической реакции на «общие места» формы и содержания «высокого канона» моралистического афоризма, легитимированную прутковскими «Плодами раздумий». Риторическая в своей основе установка моралистического афоризма на «снятие» жизненного хаоса гармонизирующей силой слова, наделенного высшим вневременным смыслом, не отвечала запросам новой культурной эпохи. Появление «смехотворно-нравописательной» афористики, которая настаивала на внимании именно к «мелочишкам» частного, даже интимного, быта, стало откровенным симптомом этого несоответствия, также как и очевидная редукция моралистической линии жанрового развития. Ее воспроизводство на отечественной литературной почве конца XIX – начала XX вв. связано исключительно с различными сборниками преимущественно переводных «мудрых мыслей» (в ряду которых – «Мудрые мысли на каждый день» и «Круг чтения» Л.Н. Толстого).

При этом русская словесность рубежа XIX-XX вв. не утрачивает интереса к афористической композиционно-речевой форме как таковой. Напротив того – особая природа афористического жанра становится необыкновенно актуальной для отечественного культурного сознания нового переломного времени, о чем впервые недвусмысленно и прямо заявляют сами авторы афористических текстов. Так, Л.В. Шестов и В.В. Розанов открыто утверждают афористику в качестве единственно возможной для них формы литературного творчества.

Г.В. Флоровский недаром провел в свое время параллель между атмосферой рубежа XIX-XX вв. и 20-30-х гг. XIX столетия. Прошлый рубеж веков с новой силой поставил вопрос, актуальный для периода первого «великого ледохода» (М.О. Гершензон) русской мысли: что есть истина, «истина полная и безусловная», «которая обняла бы собой все» (В.Ф. Одоевский). Но в отличие от эпохи русского любомудрия, страстно

верившей в возможность реального обретения «Абсолюта», рубеж веков знал о проблематичности окончательного постижения «последней истины», настаивая скорее на вечном движении поиска. «Года итогов» (конец века), ставшие одновременно годами необыкновенно острого осознания несводимости жизненного (мирового) целого к единому «всеобъясняющему» знаменателю, закономерно провоцируют осознание афористической формы как единственно возможного «способа формулирования» какого-либо слова о том, «что есть истина»; как не упрощающего ситуацию (не сводящего все дроби к единому знаменателю) «примирения» Относительного и Абсолютного – через обнаружение их плодотворно-непримиримого конфликта.

Вместе с тем в утверждении Л. Шестова о том, что «разрозненные, не связанные между собой мысли, …незаконченные, беспорядочные, хаотические, не ведущие к заранее поставленной разумом цели, противоречивые, как сама жизнь, размышления …ближе нашей душе, нежели системы, хотя бы и великие системы, творцы которых не столько заботились о том, чтобы узнать действительность, сколько о том, чтобы "понять ее"» (Шестов 1911: 13), возможно уловить нить непосредственной преемственности по отношению к рассуждениям В.Ф.Одоевского об «афористической одежде новейшего мышления», которые мы находим в одной из ранних неопубликованных заметок писателя. Как следует из этих рассуждений, и для будущего автора «Русских ночей» афористическая форма представляла явление безусловно плодотворное («роскошная груда развалин»), однако – исключительно как залог «грядущего оцельнения», построения на основании этих «беглых набросков» совершенного, цельного «здания».

Наследие В.Ф. Одоевского представляет чрезвычайный интерес для изучения процесса адаптации на отечественной культурной почве афористической формы фиксации художественно-философского опыта, причин и конкретных вариантов ее преломления национальным культурным сознанием. Так, с именем писателя связан один из первых примеров проявления в русской словесности традиции немецкого романтического фрагмента («Парадоксы», опубликованные без подписи автора в 1827 году в журнале любомудров «Московский вестник»[6]).

Проступающее за строками «Парадоксов» напряженное биение мысли, пытающейся, исходя из принятых на веру положений «чужой» «теории Сущего» (философия тождества Ф.-В.Шеллинга), самостоятельно осознать некую логику своего собственного (национального) бытия, позволяет рассматривать эти во многом подражательные афоризмы неофита-любомудра в качестве определенного предвестия нового этапа

[6] Еще ранее, однако, данная традиция обнаруживается в «Афоризмах» И.Я. Кронеберга, поклонника новейшей германской философии и литературы (см.: Амалтея. Трудами Ивана Кронеберга. Харьков, 1825. Ч. 1).

русской жанровой истории, когда афоризм становится одной из форм самопостроения отечественной мыслительной культуры с ее известным тяготением к сверхлогическим (А.Ф. Лосев) – образным – путям самореализации. Эта необыкновенная соприродность афористического жанра русской мыслительной культуре, сориентированной на воссоздание целостной и, вместе с тем, всеобъемлюще-адекватной действительности «теоретической модели» реальной практики человеческого бытия, обнаруживается, например, в «Исторических афоризмах» (1827; 1836) М.П.Погодина, также связанных с немецкой афористической традицией[7].

Пестрая смесь разрозненных фрагментов, фиксирующих и сводящих воедино отдельные исторические факты, – эта макроструктура была словно специально предназначена для сколько-нибудь возможной реализации любимой идеи Погодина-историка: воссоздание целостного образа истории на основе максимально полного (адекватного) освоения всей эмпирии исторической временной перспективы. Собрание разрозненных афоризмов – макротекст, в котором максимально усиливается способность афористического микротекста к потенциированию «всего» (целого, миропорядка) путем фиксации «отдельного» (факта), – объективно позволяло Погодину некоторым образом создать необходимую ему ситуацию «внутреннего» ви́дения» Целого, проступающего в «частично восстановленной» им исторической картине.

Вместе с тем «Исторические афоризмы» отчетливо демонстрируют характерную черту афористической жанровой ситуации, как она складывается во второй четверти XIX столетия, на момент возникновения собственно русского афоризма: первые образцы такового мы находим в творчестве писателей, в связи с которыми целесообразно говорить не о сознательном использовании возможностей афористической литературной формы, но о своего рода интуитивном «обретении» ее – как единственно возможного способа реализации (воплощения и тем самым – разрешения) некоей владеющей автором целостной мысли. С аналогичным явлением мы сталкиваемся уже в творчестве П.А. Вяземского. Автор «Записных книжек», обращаясь к афористической форме фиксации «сколков бытия», не только не рефлектирует это в качестве сознательного выбора своей «жанровой ориентации», но, как заметила в свое время Л.Я. Гинзбург, не особенно стремится выходить с этим материалом к читателю (Гинзбург 1982: 84).

Еще один пример «интуитивного» использования возможностей афористической литературной формы для наиболее адекватного запечатления предносящегося автору целостного мыслительного образа бытия (минуя неизбежные «ограничители адекватности», присущие

[7] Сам Погодин называл в качестве соотносимых по литературной форме с его афоризмами сочинения И.Кронеберга и Жан-Поля.

научно-систематическому и собственно художественному способу созидания аналога действительности) – это «Психологические заметки» (1843) В.Ф. Одоевского. Актуальная для любомудра-Одоевского идея безусловного обретения истины полной и все собой обымающей, окончательно разрешающей все сомнения и вопросы, естественно приводит его к афористической форме изображения бытия, но столь же неизбежно не дает осознать данную фрагментарную форму в качестве самоценной и самодостаточной, заставляя считать ее формой «низшей», долженствующей быть снятой целостной «совершеннейшей» системой.

Весьма показательным является то, что Погодин настойчиво и неуклонно отстаивал бесформенную форму своих «Исторических афоризмов» перед современниками, недоумевавшими по поводу их непонятной «хаотичности» и «необработанности»[8]. Однако и он, подобно Одоевскому, никогда открыто не прокламировал исключительных возможностей афористической формы как таковой. Автор «Исторических афоризмов» также не изменяет наисокровеннейшей идее своего времени, беззаветно устремленного к постижению Целого, к реальному обретению абсолютной и полной истины, каковая несомненно должна лежать в основании действительного бытия, определяя его гармоническое единство.

Напротив того, Шестов-автор «Апофеоза беспочвенности», начиная с утверждения принципиального «несхождения концов» в реальной жизни (ср. строку из Гейне в эпиграфе к первой части «Апофеоза…»: «Zu fragmentarisch ist Welt und Leben» – «Мир и жизнь слишком фрагментарны»), приходит к утверждению, что афоризм – единственно корректная, не спрямляющая действительность, форма ее изображения. Форма, единственно позволяющая уберечься от «греха мировоззрения» (привержености единой и единственной «точке зрения»), которое, избавляя от мучительно-честного сомнения в «последних вопросах бытия», дарует человеку мнимо-спасительную сень «убеждений» и «общих идей», уводя от адекватного познания мира во всех его «несходящихся» противоречиях и неуравниваемых «дробях», превращая живого, мыслящего человека в «статую».

В свою очередь В. Розанов, единственный из современников Шестова, кто смог по достоинству оценить афористическую природу «Апофеоза беспочвенности», еще в 1905 году, по сути, объяснился с читателем по поводу формы своих будущих фрагментарных сочинений («Уединенное», 1912; «Опавшие листья», 1913; 1915): «Книга [«Апофеоз беспочвенности». – О.К.] т. о. рассыпалась, и вместо ее появился хаос афоризмов. Каждый камешек здесь говорит за себя и только о себе и имеет свою удельную цену, определяемую составом его и обработкою, а никак не ценностью постройки, в которую он вставлен. Да и вовсе нет

[8] См., например: Московский телеграф, 1827. Ч. 1.

такой постройки. Вся книга представляет собой сырую руду души автора, – души, поработавшей много, утончившейся, наточившейся в этой работе; но которая вдруг ослабела и, растворив двери в себя, говорит: “входите сюда все и смотрите, что тут осталось и выбирайте, что кому нужно […]” Получилась […] книга действительно интересная, изумительно искренняя… Потеряв “систему” – книга его выиграла в истине и точности […] Тут есть не только философия, а даже немножко религии: “мир Божий лучше человеческого”… К нему, к его подножию Шестов и положил венок философа» (Розанов 1905: 4).

Как видим, Розанов необыкновенно точно и емко характеризует своеобразную позицию автора «Апофеоза беспочвенности» по отношению к его читателю («…выбирайте, что кому нужно»; ср. у Шестова: «Почему не предоставить каждому человеку права обманываться, как ему вздумается?» (Шестов 1911: 76), обнажая, по сути, самый нерв специфической «жанровой экзистенции» афоризма, которая состоит в чрезвычайной активизации креативной деятельности читателя, направленной на «восполнение» оставленных автором «смысловых пустот» афористического высказывания (Requadt 1976; Neumann 1976; Fricke 1984). Будущий автор «Уединенного» тонко улавливает и формулирует исключительные возможности текста, возникающего в результате подобной редукции авторского всевластия, текста, который существует как бы вне законов литературной формы, повинуясь лишь «живому дыханию» самой действительности. Эта исключительная четкость в осознании возможностей афористического жанра как формы запечатления мира и человека в их реальной сложности и многообразии знаменует новый, поворотный момент в истории русского афоризма, который в начале прошедшего столетия впервые занимает полноправное и значительное место в отечественном литературном процессе. Так афоризм становится наиболее адекватным воплощением розановского «нутряного» (органического) видения мира, своего рода «специфически-розановской» формой самовыражения.

Литература

Вяземский, П.А. (1826) Выдержки из записной книжки // Московский телеграф. Ч. 12. С. 38-39.

Гинзбург, Л.Я. (1982) О старом и новом. Ленинград.

Розанов, В.В. (1905) Новые вкусы в философии // Новое время. №10612. С.4.

Шестов, Л.И. (1911) Собр. соч. СПб., Т. IV.

Fricke, H. (1984) Aphorismus. Stuttgart.

Neumann, G. (1976) Einleitung // Der Aphorismus. Darmstadt. S. 1-18.

Requadt, P. (1976) Das aphoristische Denken // Der Aphorismus. Darmstadt. S.331-377.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 335-343
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.335

Эндре Лендваи
(Печ, Венгрия)

ПЕРЕВОД КУЛЬТУР В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Abstract: This paper aims at sheding light on the adequate conveyance of cultural content between source language and target languages. In the globalized world we witness the unification (americanization) of linguocultures, liberalization of national languages. Simultaneously the emergence of new culturally specific items is also under way. The actors of intercultural communication need more information about cultural content, transferred by translation means.

Keywords: explication of cultural content, utilization of linguistic loaning processes and regular use of interpretation techniques

1. Индикаторы лингвокультурных контактов

Настоящая статья нацелена на адекватную передачу культурной специфики оригинала на языках перевода. В глобальном мире наблюдается унификация культур, это однако не отрицает возникновение новых реалий и их названий. Для эффективной презентации культурной специфики в переводе востребованы стратегии, тактики и техники, мобилизующие механизмы заимствующих процессов и интерпретативных переводческих операций. В поисках подобных инструментов обратимся к историческим лингвокультурным контактам, отражающимся в лексическом составе контактирующих языков.

Нужно отметить, что языковое заимствование и перевод являются каналами межкультурной коммуникации, имеющими родственные отношения. В обоих случаях язык выступает в качестве посредника. Для заимствования характерны спонтанность и длительность, а для перевода – сознательность и сиюминутность. Родством между двумя каналами целесообразно воспользоваться в трудных случаях переводческой деятельности.

С нашей точки зрения экзотическая лексика – это «мемуары» языка о заимствующих актах прошлых времен. Экзотизмы восходят к языковым реалиям (ЯР) языков-доноров, заимствованным в течение исторических контактов. Приведем примеры экзотизмов английского и венгерского языков, восходящих к русским ЯР: *водка > vodka / vodka, былина > bylina / bilina, борщ > borsch / borscs, щи >shchi / scsi, городки > gorodki / gorodki, верста > verst / verszt, копейка > copeck / kopejka, kopek, рубль > rouble / rubel, кириллица > cyrillic alphabet / cirill ábécé, славянофил > slavophile / szlavofil, разночинец > raznochinets / raznocsinyec.*

2. Экзотизмы и переводческие приемы

Эрудированному переводчику известны мотивы и процессы возникновения экзотизмов, также как и степень и формы их закрепленности в языковом сознании носителей заимствующих языков. Данные параметры мотивируют приемы перевода культуроносных элементов текста:

***2.1. Элементарные приемы**: **транслитерация**: водка – vodka / vodka, Евгений Онегин – Evgeny Onegin,* **транскрипция**: *царь – tsar / cár, Евгений Онегин – Jevgenyij Anyegin,* **аналог**: **генерализация:** *Попляшем камаринского – Let's have a dance / Táncoljunk egyet,* **адаптация**: *боярин – boyar / bojár,* аналог: *царица – queen / királynő,* **модификация**: *«Машенька» – Mary* (героиня В. Набокова), **лексическая калька**: *статский генерал – Civil General / civil tábornok,* **семантическая калька**: *область* (адм.-террит. единица) **–** *terület*, **модуляция**: *Владимир Ильич – Lenin,* **неологизм**: *царица – tsarina / cárnő,*

буквальный перевод: *Набатов – Alarmov / Vészy,* **описание**: *баян – old Russian bard / óorosz énekes,* **дефиниция**: *веник – switch of green birch twigs used in Russian bath house / gőzfürdőben használt leveles nyírfavesszőnyaláb,* **опущение**: *Не снимая вицмундира, он лег на диван и ... помер. – He lay down on the sofa, just as he was and died. / Ahogy volt, lefeküdt a díványra és meghalt.* Примечания: Описание и дефиниция являются металингвистическими приемами на уровне текста. Лексическая калька: «слово, созданное по иноязычной словообразовательной модели, но из материала данного языка; семантическая калька: «получение словом нового переносного значения под влиянием иностранного слова» (Нелюбин 2009, 73).

2.2. Комплексными приемами считаются **транскрипция / транслитерация + аналоги**: *область – oblast, province, region / oblaszty, megye, terület,* **транслитерация + приложение**: *антоновка – antonovka apples / antonovka alma,* **транскрипция / транслитерация + описание**: *пельмени – pelmeni (Siberian meat dumplings) / pelmenyi (orosz húsos derelye),* **неологизм + описание**: *москвич – muscovite (inhabitant of Moscow) / moszkvics (moszkvai lakos),* **транскрипция / транслитерация + дефиниция**: *матрешка – matreshka (wooden doll in peasant dress with succesively smaller ones fitted into it) / matrjoska – Orosz népviseletű nőt ábrázoló fabábu, belsejében egyre kisebb bábukkal.*

3. Приемы перевода «непереводимого»

В передаче эквивалентной (обратимой) лексики переводчик, как правило, руководствуется обязательными переводческими приемами (*стол – asztal, étkezés, hivatal, trón*; *дом – ház, lakás, család, dinasztia*, *окно – ablak, nyílás, lyukas óra*). В передаче же безэквивалентной («непереводимой») лексики перед ним широкий выбор переводческих

приемов (см. выше). Ответственность переводчика в том, что эти приемы влекут за собой закономерные семантико-прагматические последствия. Так, 1) перевод с помощью транслитерации и транскрипции придает тексту перевода экзоточескую окраску, 2) использование аналогов нейтрализирует, а употребление реалий языка перевода ассимилирует исходную лингвокультуру. Другими словами, экзотозация создает ощущение ’чужого’, нейтрализация – ’общечеловеческого’, а ассимиляция (доместикация) – ’своего’, см потенциальные английские и венгерские соответствия ЯР «Смерти чиновника»:

ЯР	Экзотизация	Нейтрализация	Ассимиляция
экзекутор	*eksekutor / ekzekutor*	*clerk / kishivatalnok*	*janitor / pedellus*
Иван	*Ivan / Ivan*	*Ivan / Iván*	*John /János*
Дмитрич	*Dmitrich / Dmitrics*	∅	∅
Червяков	*Chervyakov / Cservjakov*	*Wormov /Kukacin*	*Smith / Kovács*
Полицей-мейстер	*politseymeyster / policejmejszter*	*Police superintendent / rendőrkapitány*	*chief of police / rendőrkapitány*
тайный советник	*tayny sovetnik / tajnij szovetnyik*	*secret adviser / titkos tanácsos*	*Privy Councillor / főtanácsos*
статский генерал	*statskiy general / sztatszkij genyeral*	*civil general / főosztályvezető*	*Councillor of State / főosztályvezető*
Бризжалов	*Brizzhalov / Brizzsalov*	∅	*Spitman / Tüsszöghy*

Исключительное использование одного из перечисленных приемов привело бы к искажению оригинала, поэтому адекватной считается **сбалансированный перевод**, обеспечивающий восприятие чужого на фоне нейтрального, что наблюдается в (Chekhov 1973: 27-30):

ЯР	**Перевод ЯР**	**Переводческие приемы**	**Функция переводческих приемов**
экзекутор	*clerk*	генерализация	нейтрализация
Иван	*Ivan*	транслитерация	экзотизация
Дмитрич	*Dmitrich*	транслитерация	экзотизация
Червяков	*Chervyakov*	транслитерация	экзотизация
полицеймейстер	*police inspector*	замена	нейтрализация

тайный советник	*privy councillor*	Замена	нейтрализация
статский генерал	*Civil General*	лексическая калька	нейтрализация
Бризжалов	*Brizhalov*	транслитерация	экзотизация
вицмундир	*official frock-coat*	перифраза	нейтрализация
«Аркадия»	*the Arkadia*	транслитерация	экзотизация

Достойно внимания, что экзотизирующие и нейтрализирующие переводческие приемы в переводе представлены в равной мере, в то время, как ассимилирующие приемы полностью отсутствуют.

4. Переводимость (интерпретируемость) «непереводимого»

Возникает вопрос, относятся ли приемы, названные выше переводческими, собственно переводческими? В связи с этим нужно отметить, что перевод «непереводимого» (языковых реалий, каламбуров и т. д.) является вопросом творческого кредо переводчика. Представители классического подхода не признают приемы переводческой трансляции как нулевой перевод, подстрочное замечание, комментарий и т. п. Однако, так как в течение тысячелетий феномен «непереводимого» всегда был транслирован, мы должны думать, что нужно различить перевод в узком смысле, от перевода в широком смысле. Сторонники узкого понимания перевода считают, что перевод есть копия исходного текста, изображенная в зеркале языка перевода. В таком понимани предложение *Iván feleségül vette Natasát* служит переводом лишь русского предложения *Иван взял в жены Наташу*, а синонимическое *Иван женился на Наташе* поддается лишь описательному переводу. Аналогично, русские безличные пердложения типа *Лодку опрокинуло волной* якобы непереводимы, так как вариант *Egy hullám felborította a csónakot* является переводом-копией *Одна волна опрокинула лодку*.

Мы разделяем взгляд С. Влахова и С. Флорина, согласно с которым «нет такого слова, которое не могло бы быть переведено на другой язык, хотя бы описательно, т. е. распространенным сочетанием слов данного языка» [ссылка авторов на Федоров. 1975: 182 – Э. Л.] (…), в отношении к о н т е к с т у а л ь н о г о п е р е в о д а». Так что вопрос сводится не к тому, можно или нельзя перевести реалию, а к тому как ее перевести (1980, 79-80). Приемы перевода ЯР по (Влахов, Флорин 1980) следующие: I. транскрипция, II. перевод: 1. неологизм, а) калька, б) полукалька, в) освоение (адаптация), г) семантический неологизм, 2. приблизительный перевод, а)родо-видовое соответствие (генерализация), б)функциональный перевод, в) описание, объяснение, толкование, 3. контекстуальный перевод [4. Авторы упоминают и «нулевой перевод»

(с.93), но он не включен им в классификацию. – *Э. Л.*]

Можно согласиться с мнением, по которому перевод как «вид языкового посредничества, при котором содержание иноязычного текста оригинала передается на другой язык путем создания на этом языке коммуникативно равноценного текста» (Комиссаров 2002: 411). Подобное определение рассматривает перевод как речевой акт особого типа: коммуникация между разноязычными и разнокультурными партнерами осуществляется при содействии двуязычного и двукультурного партнера-посредника. При таком подходе перевод является разновидностью **интерпретации**. Текст, отражающий / интерпретирующий мир (интерпретация первой степени), трансформируется / интерпретируется переводчиком-посредником (интерпретация второй степени). Двухступенчатый характер интерпретации в естественной коммуникации позволяет нам утверждать, что удельный вес интерпретации в случае культурно насыщенного текста, может быть увеличена.

Герменевтическая интерпретация библейских или художественных текстов роднит с переводом-интерпретацией, поскольку миссия обоих видов заключается в адекватном преподнесении исходного содержания читателю. Однако герменевтическая *интер**трен**ация* произведений не признается истинной интерпретацией. Интерпретировать можно лишь то, что в имплицитном виде содержится в тексте, а не в манипулятивных интенциях «интерпретатора». Вышеуказанное узкое понимание перевода опровергнуто многовековой переводческой-интерпретирующей практикой, поэтому оно несостоятельно. При переводе лингвокультурологически специфичных текстов в распоряжении переводчика имеется богатый инвентарь переводческих операций: заимствование (транслитерация, транскрипция), аналог, описание, приложение, нулевой перевод, подстрочное замечание, комментарий и др.

5. Интерпретация культуры средствами чужого языка

В поисках приемов интерпретации мира обратимся к вербальным познавательным актам представителей венгерской лингвокультуры: *„Nehéz faasztalok mellett, isszák a közkedvelt üdítő **kvászt**, vagy a mézből erjesztett édeskést mézbort, a **medovuhát**”* (Haynal 1982, 27) [За тяжелыми деревянными столами они пьют популярный освежающий **квас** или **медовуху**, сброженную из меда.] (Здесь и далее выделение и перевод мои. – Э. Л.) Эпитеты «популярный, освежающий» и «сброженную из меда», носящие металингвистический характер, содействуют адекватному восприятию венгерского читателя. *„A szomszédos gyárak szombat délutáni ingyenes munkával, **szubotnyikkal** kicsit kezünkre jártak.”* (Illyés 1988: 23) [В субботу во второй половине дня, бесплатной работой, **субботником** близлежащие заводы играли нам на руку.] В этой цитате также налицо объяснительный оборот «*szombat délutáni ingyenes munka*» + заимсвование ЯР советской эпохи – ***szubotnyik***. Данная конструкция смогла бы

послужить словарной статьей русско-венгерского лингвострановедческого справочника: **субботник** – ***szubbotnyik***, *szombati ingyenes munka a Szovjetunióban.* В своем «Дневнике« Иван Болдижар применяет лингвокультурологический комментарий: *«**Fortocska** a neve annak a kis ablaknak, amit a zord orosz télben a nagy ablak beragasztása és beszegezése után az orosz paraszt használ”.* **[Форточка** – это название маленького окна, которым пользуется русский крестьянин в суровую русскую зиму после заклеивания и забивания большого окна.] Эти примеры показывают, как функционируют металингвистические механизмы спонтанной речевой деятельности представителей иной культуры. Рельефно вырисовываются сходные элементы перевода и одноязычной интерпретации.

6. Интерпретация культуры средствами родного языка

Ниже доказано, что между лингвокультурологическими интерпретациями нет языкового барьера. Их структуры и механизмы тождественны, независимо от национальности говорящего и адресата речи. В центре следующего текста стоит слово ***джигит***. Оно давно освоено русским языком, о чем свидетельствуют лексикографические источники: **джигит**: Искусный наездник [*первонач.* у кавказских горцев, казаков] (Ожегов – Шведова 1998: 164), **джигит**: (по-тюркски «молодой парень», «юноша», также «молодец») – исторически в Средней Азии и на Кавказе: наезник, отличающийся отвагой, выносливостью, стойкостью, исскуством управлять конём и владеть оружием (Википедия).

О дальнейшей судьбе этого экзотима расказывает газетное сообщение *Осторожно, джигит!*: «*Самое опасное место в столице – это пешеходные переходы. Особенно те, что оснащены светофорами. В России рассказывают историю про иностранного туриста, который приехал в один северокавказский город и сел там в такси. Водитель, как и положено горцу – горячий брюнет, видя перед собой красный свет светофора, с радостным криком **«я джигит!»** каждый раз прибавлял газу. Такая картина повторилась несколько раз, пока на одном из перекрестков такси не встретило зеленый сигнал и не остановилось. «Что случилось?» – спрашивает ошарашенный безумной ездой интурист. «Там **джигит**», – объяснил таксист, показывая на пересекающуюся с их маршрутом улицу. Впрочем, чтобы всретить такого «**джигита**», совсем не обязательно ездить на Кавказ. У выхода из станции метро «Белорусская» есть очень оживленный переход со светофором. Это особенно неприятное место, потому что разогнавшиеся автомобили выезжают там из-за поворота, обзор на котором закрыт забором. Но пешеходы не обращают на это внимания и целыми табунами перебегают дорогу на красный свет.* [Мне пришлось быть свидетелем такой же сцены в Москве на улице Волгина, где недавно был сооружен новый светофор с белой дорожкой. – *Э. Л.*] *(...) Однако когда для пешеходов загорается зеленый сигнал, никто не спешит выходить на проезжую часть. Люди*

*помнят, что там могут быть «**джигиты**». (…)»*

Итак, начало XXI-го века ознаменовано развитием нового значения слова *джигит*: "водитель такси (обычно кавказец), из удальства ездящий на красный свет; а также пешеход, переходящий дорогу, игнорируя сигнал светофора". Данный семантический неологизм является новой стадией развития многозначности слова *джигит*. В новом значении слово перестает быть экзотизмом, приобретая статус ЯР русской лингвокультуры.

7. Экзотизация, нейтрализация, ассимиляция и экспликация

В жизни языкового коллектива эпоха глобализации являеся двигателем эксплицирующих и интерпретирующих механизмов. Для русскоязычной общности (и не только для нее) эпохи глобализации характерна либерализация и новая ориентация речевой деятельности. Прежде всего это заметно в «англоязычном потопе», в бурном заимсвовании культурных артефактов США, а вслед за этим, в массовом заимствовании элементов англо-американской лексики.

Культурным заимствованием считается „перенесение [материальных и духовных – *Э. Л.*] ценностей одной культуры на почву другой. Понятие культурных заимствований указывает на то, что и как именно перенимается: материальные предметы, научные идеи, обычаи и традиции, ценности и нормы жизни” (Кравченко 2001: 1). Культурное заимствование воздействует на языковые механизмы заимствования. В процессе вхождения в новую культуру предметы и понятия „тянут за собой” свои исходные наименоывания: business → *бизнес, businessman → бизнесмен, manager → менеджер, sponsor →спонсор, dealar → дилер, broker → брокер, developer → девелопер, distributor → дистрибьютор, default → дефолт, brand → бренд, consulting → консалтинг, market → маркет; computer → компьютер, notebook → ноутбук, monitor → монитор, cursor → курсор, disc → диск, fájl → файл, Internet → Интернет, server → сервер, site → сайт, portal → портал, blog → блог, web → веб; bowling → боулинг, diving → дайвинг, skateboard → скейтборд, snowboard → сноуборд, biker → байкер, fitness → фитнес, jogging → джоггинг, bodybuilding → бодибильдинг, bungi-jumping → банджи-джампинг* и т. п. (см. Lendvai 2012)

Кроме заимствующих процессов, масс-медиа демонстрирует и другие формы коммуникативных инноваций. Раньше в переводоведении был запрет на «чрезмерное» использование подстрочных замечаний, посттекстовых комментариев; якобы подобные металингвистические операции «отрывают внимание» читателя от чтения. На современном этапе подобные ограниченифя ослабли. В современных каналах масс-медиа (см. сериалы, реклама) внимание читателя / зрителя то и дело отрывается от вербального или визуального текста.

8. Интралингвистическая и переводческая нтерпретация культуры

Нередко бывает, что сам автор оригинала применяет металингвистические фрагменты в своем произведении. Эти фрагменты интерпретации во много облегчают труд переводчика. Первой иллюстрацией приводится произведение Ф. Мольнара и его русский перевод:

„– *Nekik még nem mondtad el?* [– Ты еще не сказал им? – спросил Чонакош белокурого мальчугана.] – *Nem – mondta Nemecsek.* [– Нет. – ответил Немечек.] *A többi mind egyszerre kérdezte: – Mit?* [– Что? – спросили все в один голос.] *Csónakos felelt a kis szőke helyett: – A múziumban tegnap megint einstandot csináltak!* [– А то, что в музее опять сделали «эйнштанд». – ответил за белокурого мальчугана Чонакош.] – *Kik? – Hát a Pásztorok. A két Pásztor*. [– Кто? – Да Пасторы. Братья Пасторы.] *Nagy csönd lett erre.* [Поступило глубокое молчание.]

Здесь автор «отрывает внимание» читателя от основного текста, чтобы пополнить значия венгерского (!) читателя необходимыми фоновыми знаниями. Следует пространный лингвокультурологический автора, который легко поддется переводу. Единственной задачей переводчика является транслитерация слова *einstand*:

„Ehhez tudni kell, mi az az einstand. [Чтобы понять, о чем шла речь, надо знать, что таакое «эйнштанд».] *Ez különleges pesti gyerekszó.* [Это особое выражение пештской детворы.] *Mikor valamelyik erősebb fiú golyózni, tollazni vagy szentjánoskenyér-magba – pesti nyelven: boxenlibe – játszani lát magánál gyöngébbet, s a játékot el akarja venni tőle, akkor azt mondja: einstand.* [Когда какой-нибудь мальчишка посильней увидит ребятишек посильней себя, играющих в шарики, перышки или семечки сладких рожков (на пештском жаргоне – в «твердашки»), и захочет их отнять, он говорит: «Эйнштанд».] *Ez a csúf német szó azt jelenti, hogy az erős fiú hadizsákmánynak nyilvánítja a golyót, s aki ellenállni merészel, azzal szemben erőszakot fog használni.* [Это уродливое немецкое слово означает, что сильнейший объявляет шарики своей военной добычей и применит насилие против всякого, кто осмелится сопротивляться.] *Az einstand tehát hadüzenet is. Egyszersmind az ostromállapotnak, az erőszaknak, az ököljognak és a kalózuralomnak rövid, de velős kijelentése* [Таким образом, «эйнштанд» – это одновременно и объявление войны. Словом этим кратко, но внушительно возвещается осадочное положение, господство произвола, кулачного права и пиратского разбоя] (Molnár 1979: 16), перевод см. – (Ф.Мольнар 3).

9. Заключение

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о необходимости эффектизации перевода культур, что прежде всего проявляется в признании всех форм интерпретации и экспликации полноценными переводческими приемами. В целях адекватной информированности

адресата перевода в переводах необходимо увеличить место и роль металингвистических операций. При этом целесообразно опираться на сходные элементы каналов межкультурной коммуникации (языковое заимствовани и перевод), на интерпретацию культуры средствами своего языка и других языков.

Литература

Википедия, http://ru.wikipedia.org/wiki%C4%E6%E8%E3%E8%F7. 30.08.2013.

Влахов, С. – Флорин С. (1980) Непереводимое в переводе. Москва, Международные отношения.

Кравченко, А.И. (2001) Культурология: Учебное пособие для вузов. 3-е изд. Москва, Академический проект. http://www.counties.ru/library/theory/dynfrc.htm.

Мольнар Ф.. (18.24.2013) Мальчишки с улицы Пала. http://readr.ru/ferenc-molnar-malchishki-s-ulici-pala.html?page3-5.

Нелюбин, Л.Л. (2009) Толковый переводческий словарь. Москва, Флинта-Наука.

Ожегов, С.И. – Шведова, Н.Ю. (1998) Толковый словарь русского языка. (ТСРЯ) 4-е издание, дополненное. Москва, Азбуковник.

Осторожно, джигит! (18.24.2013) // Глазами поляка. Как выжить в Москве? muz4un.net/news/glazami_poljaka_kak_vyzhat_v_moskve/2013-07-01-33096.

Федоров, А.В. (1975) Основы общей теории перевода. Москва.

Boldizsár, I. (1948) Fortocska (Napló-jegyzetek). Budapest, Független Nyomda.

Chekhov, A. (1973) Death of a Clerk. (Translated by Ivy Litvinov) // Stories. Selected Works in Two Volumes. Volume One. Moscow, Progress Publishers. 27-30.

Coates, J. (1999) Changing horses: Nabokov and translation. // M. Holman, J. Boase-Beier. (eds.) The Practices of Literary Translation. Constraints and Creativity. Manchester, UK: St. Jerome Publishing. 91-108.

Cronin, M. (2003) Translation and Globalization. London, New York, Routledge.

Haynal K. (1982) A sztyepptől a tundráig. Budapest, Gondolat Kiadó.

Illyés Gy. (1982) Útirajzok, esszék, tanulmányok. Budapest, Szépirodalmi Könyvkiadó.

Lendvai E. (2012) Kultúrák dialógusa: lingvokulturális kölcsönzés. // Lendvai E., Wolosz R. (szerk.) Translatologia Pannonica III. PTE BTK FKK. 277-298.

Molnár Ferenc. (1979) A Pál utcai fiúk. Budapest, Móra Ferenc Könyvkiadó.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 344-353
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.344

Žuža Meršić – Ivona Vegh
(Sambotel, Mađarska)

MAĐARSKA GRAMATIKA MEĐIMURSKOGA JEZIKA

Abstract: The work focuses on description of the kajkavian grammar of the region of Međimurje written in the middle of 20th century by János Christ under the title *A muraközi nyelv nyelvtana*, when the county Međimurje provisionally belonged to Hungary. The main characteristic of the grammar is that it is written in Hungarian language. The grammar is divided into three parts – phonology, orthography and morphology. The greatest importance is given to morphology where words are divided into two groups - declensional and nondeclensional words. The grammar is explained through Hungarian metalanguage, whilst the examples are in Croatian.

Keywords: grammar, kajkavian dialect of the region Međimurje, phonology, orthography, morphology

Uvod

Tradicija pisanja hrvatskih gramatika mađarskim jezikom u povijesti mađarskoga i hrvatskog književnog jezika zaostaje za pisanjem hrvatskih gramatika na drugim uglednijim (latinskom, talijanskom, njemačkom) jezicima. Jednojezične gramatike hrvatskoga jezika pisane mađarskim metajezikom javljaju se tek u drugoj polovici 19. stoljeća i u prvoj polovici prošloga stoljeća, tj. u vrijeme kada je u hrvatskim zemljama novoštokavski izraz postao općehrvatski standardni jezik. Zanimanje za hrvatskim jezikom pokazuje se i očituje i u njegovoj leksikografskoj obradi te se redom pojavljuju dvojezični mađarsko – hrvatski, hrvatsko – mađarski rječnici malog, uglavnom džepnog formata za školske i privatne potrebe, ali i neki stručni rječnici nešto većega formata, poglavito pravnoga i vojnog nazivlja koji brojčano zaostaju za prvima.[1] Među autorima gramatika i leksigografskih djela nailazimo na već

[1] Autori i naslovi rječnika po kronološkom redu izadanja su sljedeći: Margitai József: *Rövid magyar - horvát és horvát - magyar zsebszótár iskola- és magánhasználatra.* 1. *Magyar - horvát rész.* 2. *Hrvatsko-magjarski děl.* Nagykanizsa, 1887-1888. (džepni format); Margitay József: *Magyar - horvát és horvát - magyar zsebszótár.* Segédkönyv a horvát és magyar nyelv megtanulására. 2., bőv. kiad. Nagy-Kanizsa, 1901 (1908). XVIII, 254 1. (džepni format); Spicer Mór: *Magyar - horvát és horvát - magyar szótár.* I. dio: *Magyar - horvát.* Budapest, 1893. 397 1. (na granici između džepnog i srednjeg formata) II. dio: *Horvát - magyar.* Budapest, 1893. 4111. (na granici između džepnog i srednjeg formata); Margalits Ede: *Horvát - magyar és Magyar - horvát zsebszótár, tekintettel a két nyelv szólásaira.* (1. dio) *Horvát - magyar rész.* (2.) *Magyar - horvát rész.* Budapest, 1898. XI, 145, 188 1. (džepni format).
Szana Sándor: *Magyar - horvát - szerb és szerb – horvát - magyar zsebszótár a legfontosabb szavak összevalogatasaval, különös tekintettel a mindennapi társalgási nyelvre.* Budapest, (1921). 142 1. (džepni format). *(Schenk gyakorlati zsebszótárak.);* 2. izdanje. Budapest, (1941), Lingua. 3. izdanje. Budapest, (1942); Szana Sándor: *Magyar - horvát-szerb és horvát-szerb -*

poznata imena poput *Józsefa Margitaija* koji se svojom gramatikom *Horvát nyelvtan* iz 1884. godine (Hrvatska gramatika) i rječnicima (*Rövid magyar - horvát és horvát - magyar zsebszótár iskola-és magánhasználatra.* 1. *Magyar - horvát rész.* 2. *Hrvatsko - magjarski děl.* Nagykanizsa, 1887.-1888.; *Magyar - horvát és horvát - magyar zsebszótár.* Segédkönyv a horvát és magyar nyelv megtanulására. Nagy-Kanizsa, 1887-1889.), daleko nadmašuje djelatnost ostalih onovremenih gramatikopisaca. Djelovanje i značaj njegova rada, kao i ostalih mađarskih slavista koji objavljuju svoje gramatike u ovom razdoblju, mislimo ovdje na Jánosa Mihálovicsa i Mihálya Munkácsyja, u svojim je studijama detaljno prikazao i opisao Ernest Barić (Barić 2001; 2006.) ukazavši na njihovu jezičnopovijesnu i dijalektološku važnost i odredivši njihovo nezanemarivo mjesto u mađarskoj slavistici i kroatistici općenito.

Tradicija objavljivanja gramatika pisanih mađarskim metajezikom nastavlja se i u drugoj polovici 20. stoljeća, u razdoblju između 1941-1945. godine na području Međimurja, tj. u vrijeme II. svjetskog rata kada se spomenuti teritorij iznova nalazi pod mađarskom okupacijom.

Za razliku od prethodno već spomenutih djela, ova se niti opsegom, niti sadržajem ne mogu mjeriti s već objavljenim gramatikama hrvatskoga jezika pisanim mađarskim jezikom. One se ipak u nekim segmentima nadovezuju na jednu od njih, prije svega na onu iz 1884.godine, dakle Margitaijevu, koji u svojem djelu iznosi svoj stav i „[...] u obliku napomena unosi u svoju *Hrvatsku gramatiku* i dijalektološke podatke o jezičnim posebnostima međimurskih govora, pri čemu se i podrobnije zadržao na fonološkim,, morfološkim, sintaktičkim, rječotvornim i leksičkim osobinama međimurske kajkavštine i [...] dosljedno zastupa stajalište o pripadnosti kajkavskoga narječja hrvatskome jeziku“ (Barić 2006:180).

Gramatike objavljene sredinom 20. stoljeća već se u samome nazivu djela bitno razlikuju od svojih preteča. Riječ je o dvjema gramatikama. Prva je gramatika Jánosa Christa *A muraközi nyelv nyelvtana* (Gramatika međimurskoga jezika) i djelo Jenőa Hallera[2] Láposija *Gyakorlati muraközi nyelvtan* (Praktična međimurska gramatika) iz 1942. godine. Dok njihovi prethodnici daju opis hrvatskoga književnog jezika, Christ i Haller opisuju u svojim gramatikama međimurski dijalekt kojeg smatraju i tretiraju kao poseban

magyar zsebszótár. Budapest, 1941. 189, 190 1. (džepni format). Stručni rječnici: *Pravo*: *Sárcsevics* Ambrus: *Magyar - délszláv közigazgatási és törvénykezési műszótár. Magyar - délszláv rész.* Szerk. és kiad. Szabadka, 1870. VIII., 226 1. (džepni format); Keresztesy Sándor: *Idegen nyelvek szótára.* Tájékoztató a német, franczia, olasz, lengyel, horvát, angol, szerb, cseh és román nyelvű átiratok megértéséhez közhivatalok számára. Budapest, 1910. Benkő. 116 1. (džepni format); Vojno nazivlje: *Katonai szótár - Vojnički rječnik.* (1.) *Magyar - horvát rész.* (Úr..: Tóth Tivadar, Schweitzer Károly, Pandié Sándor, Spicer Mór) Budapest, 1900. 517 1. (Na granici između džepnog i srednjeg formata.) (2.) *Horvát - magyar rész.* (Ur.: Tóth Tivadar, Schweitzer Károly, Spicer Mór) Budapest, 1903. 574 1. (Na granici između džepnog i srednjeg formata.)

[2] Láposi Haller Jenő (do 1934. Haller). URL: http://lexikon.katolikus.hu/L/L%C3%A1posi.html (2013-05-05).

jezik „koji nije istovjetan ni s hrvatskim, ni sa srpskim, niti sa slovenskim jezicima. Samo je sličan njima. [...], a izvorni ga govornici zovu „medjimurszkim jezikom“, zato ćemo ga i mi tako zvati.“[3] U poglavlju „U čemu se razlikuju hrvatski književni jezik i međimurski?“[4] Haller navodi najznačajnije karakteristike zbog čega smatra da se međimurski razlikuje od hrvatskoga književnog jezika, poput: razlike u prozodijskom sustavu koje su i u unutar međimurskog složene i izdiferencirane; u međimurskom jeziku ispred *u-* razvilo se protetsko *v- (npr. navucsitely*, *vúszta*, *vózse*); ispred nekih riječi koje počinju s *ó-* stavlja se *j- (npr. jotec* /umjesto otac/, *jocet* /umjesto ocat/); mjesto *da* ovdje se kaže *je,* međimurski poznaje uljudbeni izraz naslovljavanja zamjenicu *ön* [5]– dok ostali slavenski jezici ne; u južnoslavenskim se jezicima upotrebljava aorist dok se u međimurskim govorima ne rabi; za izricanje buduće radnje u hrvatskom se književnom jeziku koristi nenaglašeni prezent pomoćnoga glagola htjeti i infinitiva *ja ću biti*, dok se za razliku od njega u međimurskom tvori svršenim (najčešće sinkopiranim) prezentom glagola biti i glagolskim pridjevom radnim *bóm* (budem). Motivaciju za pisanje takvih djela Haller objašnjava: „Budući da je jezik Međimuraca danas toliko zbrkan i nejasan, za puk smatramo važnim da se njihov drevni jezik vrati. To je svrha ove gramatike“.[6] Iz navedenoga se može zaključiti da gramatikolozi Margitaijeve struje[7] u novonastalim društvenim i političkim prilikama u Međimurju smatraju važnim da se i narod s ovih područja odvoji od matične zemlje ne samo teritorijalno, već i jezično, te da ga pobliže opišu strancima (Mađarima) koji će ga u praksi uspješno provoditi u svrhu efikasnije mađarizacije.

Opis Christove gramatike

U ovome radu analizi podliježe Christova gramatika izdana u Veszprému 1942. godine u nakladi Biskupske tiskare. Napisana je na 40 stranica, a sastoji

[3] U izvorniku: „Ez a nyelv nem azonos sem a horvát, sem a szerb, sem pedig a szlovén nyelvekkel. Csak hasonló azokhoz. […] a benszülöttek „medjimurszki jezik”-nek mondják: nevezzük mi is muraközinek.” (Haller 1942: 6)

[4] U izvorniku: „Mi a különbség az irodalmi horvát meg a muraközi között?” (Haller 1947: 7).

[5] Az udvariasabb magázás formájaként elterjedt *ön* névmást a 19. században kezdték gyakrabban használni és Széchenyi István gróf érdemeihez sorolják, akinek javaslatára a német *sie* (’ő’) >*Sie* (’ön’, illetve ’önök’, udvarias magázó formák) mintájára használják az *ön* névmást a magyar nyelvben. URL:http://magyarnyelv.network.hu/blog/magyar-nyelv-hirei/a-magazas-tortenete-nyelvunkben (2013-05-07).

[6] U izvorniku: „Mivel a muraközi ma nagyon zagyva, vissza kell adnunk ősi nyelvét a népnek. Erre törekszik ez a nyelvtan” (Haller 1947: 7).

[7] Margitai u uvodnoj riječi svoje Hrvatske gramatike (Horvát nyelvtan) piše sljedeće: „Hazánk több megyéjében részint vidékenkint tömegesen, részint elszórtan számos horvátajku honfitársunk él. A velök való érintkezés megkönnyebbítése, a magyarosítás ügyének előmozdítása bírtak engem horvát nyelvtanom megírására“ (Margitai 1881: Előszó. 1).
U prijevodu: U više županija u našoj domovini po regijama djelomično masovno, djelomično pak razasuto žive mnogi naši sunarodnjaci koji govore hrvatski. Zbog lakšeg kontakta i unapređivanja mađarizacije potaknuli su me na pisanje hrvatske gramatike.

se od 13 cjelina, počev od abecede i zaključno s morfološkim opisom. Iako je običaj pisanja gramatika tražio i opis sintakse, ova gramatika je ne obrađuje. Metajezik joj je mađarski, dok su primjeri pisani na kajkavskom jeziku, ali transkripcija bilježenja podliježe mađarskoj grafiji, odnosno mađarskim artikulacijskim svojstvima. Dijelovi gramatike obuhvaćaju pravila i paradigmatske tablice.

Fonologija

Fonološki dio gramatike podijeljen je u dva poglavlja. Prvi dio bavi se abecedom međimurskoga jezika gdje daje opis glasovnih vrijednosti pojedinih grafema. Bilježi da se međimurski jezik sastoji od 32 grafema, od čega 8 samoglasnika i 24 suglasnika. Samoglasnički sustav objašnjava kao jednoglasni koji može biti naglašeni i nenaglašeni, ali smatra da njihovo bilježenje ne mijenja smisao te da je jedva primjetno, zbog čega ih u svojoj gramatici neće posebno označavati. Danas znamo da međimurski govor ima samoglasnički sustav složen od 10 do 13 samoglasnika u naglašenoj poziciji, a u nenaglašenoj od 4 (usp. Blažeka 2008: 22-40).

Samoglasnički sustav koji odabire Christ pripada standardnomu mađarskom jeziku, a ujedno je najbliži monoftonškom inventaru srednjeg poddijalkta međimurskih govora, odnosno skupini govora s područja čakovečke skupine koji se u svojoj naglašenoj poziciji sastoji od 10 samoglasnika, a ujedno je i najraširenij.

Način bilježenja međimurskog otovorenog samoglasnika *o* jednak je mađarskom ekvivalentu otvorenom i kratkom samoglasniku *a*, dok međimurski zatvoreni *a* piše kao mađarsko dugo *á* npr.: *krajdá = kréta, b'azsol = bab, vagá = mérleg, vratá = ajtó, bátiná = bot, cigárá = szivar, jáboká = alma, krává = tehén.*

Stanje koje bilježi u potpunosti prati mađarska artikulacijska svojstva, što je i slučaj kod suglasnika.

Suglasnike bilježi grafemima podijeljenih po artikulacijskim svojstvima prilagođenima mađarskom govorniku. Iznenađujuće je bilježenje suglasnika *ty* odnosno *ć* s obzirom da ga u današnjem međimurskom govoru ne nalazimo. Iako Christ tvrdi da s *ty* rijetko izgovara, ali te primjere ne navodi.

Pravopis

Dio gramatike koji se odnosi na pravopis međimurskoga jezika veoma je kratak. Kao osnovno pravilo bilježi da „[...] riječi treba isto tako pisati kako ih izgovaramo.“[8] Pored toga navodi pravila o pisanju stranih imena, velikog početnog slova i podjelu na slogove. Pravopis pisanja stranih imena se i u međimurskom jeziku podudara s mađarskim pravopisom, tj. nepromijenjeno se bilježe kao i u izvornom jeziku.

[8] U izvorniku: „[…] a szavakat úgy kell leírni, ahogy azokat helyesen kimondjuk” (Christ 1942:3).

Morfologija

U morfološkom prikazu osnovna podjela bazirana je na promjenjivim (imenice, zamjenice, pridjevi, brojevi i glagoli) odnosno nepromjenjivim (prijedlozi, prilozi, veznici i uzvici) vrstama riječi.

Sam opis međimurskoga kajkavskoga jezika započinje poglavljem o articulusu.

S obzirom da u mađarskom jeziku postoji opozicija određenog i neodređenog člana, autor pravilno zaključuje kako se ista pojava u međimurskom jeziku ne pojavljuje. Obrazlaže kako je određenost imenice potrebno prepoznati na osnovi tekstualnog konteksta, te ju je takvu potrebno presaditi u mađarski jezik s obzirom da je određeni član važan zbog kohezije teksta.

1. Promjenjive vrste riječi

Imenice

Budući da mađarski jezik ne razlikuje kategoriju gramatičkoga roda, autor međimurske gramatike poglavlje o imenicama počinje rodnom podjelom prema dočetku imenica napominjući da se imenice živih bića ponekad ne slažu s prirodnim rodom, a kao odstupanja od toga pravila navodi primjere imenica muškoga roda koje završavaju na *-a* odnosno *-o,* npr.*: sluga, dečko.*

U sljedećem poglavlju obrađuje deklinaciju imenica koja je bazirana na rodovima. Konstatira postojanje šest padeža, ne navodeći vokativ, što je i općekajkavska pojava. Objašnjava kako pojedine padeže oblikujemo dodavanjem padežnih nastavaka osnovi riječi. Deklinacijske tipove prikazuje u jednini i množini.

Analizirajući deklinacijske paradigme Međimurske gramatike može se ustanoviti da Christ ne navodi sve nastavke imeničke deklinacije koji su utvrđeni na području Međimurja (usp. Blažeka 2008: 104-107).

Na taj način npr. izolira u deklinaciji imenica muškoga roda u L mn. nastavak *-ima*, koji je na području Čakovca češći nego nastavak *-aj* koji on navodi. Nastavak *-aj* je zastupljeniji u donjem poddijalektu, odnosno na graničnim područjima srednjega poddijalekta s donjim (Blažeka 2008: 104-107). Ne razlikuje oprečnost u kategoriji „živo“ i „neživo“ u G i A jd. kod imenica muškoga roda, već u oba slučaja navodi nastavak *-á* npr.: *kony-á*, *kruhá*. Kao jedinu glasovnu promjenu uočava nepostojano e, te kao primjer daje imenice *vrabec*, *kukec* i *stilec,* a koja se ne provodi u primjeru *stiglec*.

U rečenici *Déte sze ne boji od konya* vidljivo je da se u imenici *konj* ne provodi depalatalizacija *ny* koja je, međutim, karakteristična jezična pojava za područje čakovečke skupine. Iz iste rečenice se zaključuje da Christ jezične osobine mađarskog izričaja preslikava u međimurski jezik.

U e- i i- deklinacijama u D I i L mn.odabire samo jedan nastavak koji mu je vjerojatno najbliskiji. Za imenice ženskoga roda na suglasnik u I mn. donosi se

analoški nastavak *-mi* (*kokosmi)* koji nije najčešći u čakovečkoj govornoj skupini.

U imenica muškoga i srednjega roda u I mn. navodi iste nastavke *-ámi, -mi, -i* koji se ne poklapaju s jezičnim stanjem koje je danas zabilježeno. Nastavak *-ami* nije prisutan u muškom rodu, za razliku od srednjeg roda u kojem postoji, ali se rijetko koristi. Analoški nastavak *-mi* danas ne pronalazimo ni u muškom, ni u srednjem rodu. Zastupljeniji je nastavak *-yma* u čakovečkoj podskupini koji Christ ne navodi.

Zamjenice

U poglavlju posvećenom zamjenicama te njihovu značenju, deklinaciji i uporabi autor razlikuje 6 vrsta: lične, povratnu zamjenicu *szebe*, posvojne, pokazne, upitne i neodređene. Dvije posljednje dijeli na imenske i pridjevske.

Kao posebnost ličih zamjenica bilježi zamjenicu trećega lica množine *oni* za obraćanje iz poštovanja, u primjeru *Oni = Ön, Önök; Nyih = Önt, Önöket; Nyim = Önnek, Önöknek.*

Autor se posvećuje i zamjenici *szám* i *szám szebe* (koju, doduše, ne smatra zamjenicom, već o njoj govori kao o pridjevu), a za nju navodi značenje *„magamat, önmagamat"*[9]. Povratno-posvojnu zamjenicu *svoj* svrstava u posvojne zamjenice s obzirom da ju u međimurskom jeziku možemo koristiti ravnopravno.

Pridjevi

Poglavlje o pridjevima započinje njihovom definicijom i objašnjava kako ih prema značenju dijelimo u tri skupine. Deklinacijske paradigme prikazuje primjerima *lépi konj, lépa krává,* odnosno *lépo pole,* u jednini i množini. Pridjevi, ovisno o rodu, imaju nastavak *-i* za muški, *-a* za ženski, odnosno *-o* za srednji rod, a djelomično prate imeničku odnosno zamjeničku deklinaciju.

Kako se na području međimurskoga govora ne razlikuje vid pridjeva, autor u svojoj gramatici dosljedno bilježi određeni oblik. Diferencije u palatalnih i nepalatalnih osnova u pridjevnim deklinacijskim paradigmama općenito se čuvaju u međimurskim govorima (vrм:-ega) koje autor ne bilježi, već navodi samo primjere za nepalatalne osnove npr.: *lép-ogá (konya).*

Razlika koju bilježi, a danas je ne pronalazimo na području čakovečke skupine kojoj vjerojatno Christ pripada te je opisuje, javlja se kod imenica ženskoga roda: u D, L jd. zabilježen je nastavak *-oj*, a u literaturi navodi se samo nastavak -y (Blažeka 2008: 129).

U I mn. muškog i srednjeg roda Christ bilježi jednoobrazan nastavak *-imi*, dok je današnji gramatički morfem *-ym*. Moguće da je takav gramatički nastavak postojao, no s vremenom je izišao iz upotrebe te je ostao skraćeni oblik -ym.

[9] Zamjenica *sam* se u kajkavskim govorima „dodaje osobnim zamjenicama kako bi im pojačala značenje" (Štebih 2005: 340).

Nakon deklinacije slijedi odlomak gdje se autor bavi komparacijom pridjeva. Navodi da se komparativ izvodi iz pozitiva dodavanjem nastavaka *-si, -sa,-se,* dok se superlativ tvori dodavanjem prefiksa *nej-*. Kao posebnost izdvaja sposobnost stupnjevanja prefiksom *pre-* koja se stavlja prije pozitiva npr.: *Ov pleibasz je predugi = Ez a ceruza túl hosszú.* čime se izražava veća količina poželjnih svojstava (Anić 2003: 1147). Osim prefiksom *pre-* daje primjere komparacije dodavanjem priloga *bole*: *Ov kony je bole béli = ez a ló fehérebb (jobban fehér).*

Brojevi

Autor opis brojeva započinje objašnjavanjem kategorije određenosti odnosno neodređenosti. Dijeli ih na glavne i redne brojeve. Navodi glavne brojeve do dvadeset četiri, nadalje ih bilježi u deseticama, stoticama, odnosno tisućicama. U sljedećem pravilu daje deklinacijske paradigme brojeva *dva, tri, štiri.* Bilježi redne brojeve i na primjeru *šesti* objašnjava njihovu deklinaciju. U posebnim odlomcima najprije objašnjava razlomke koji se tvore nastavkom *-ina*, a zatim u izražavanje sati pomoću cijelih brojeva odnosno razlomcima. Bilježi hungarizam *jezero* koji se danas u čakovečkom govoru čuje rjeđe.

Glagoli

Morfologija glagola prema Christovom opisu metodološki slijedi opis glagola mađarskih gramatika. Dokaz tome je prikaz konjugacijskih paradigmi vremena kroz opis izjavnog, pogodbenog i zapovjednog načina za sva tri lica i dva broja, što je i danas tradicija pisanja mađarskih gramatika (usp. Magyar grammatika 2000: 112-123).

Opći opis glagola započinje navođenjem jedinog infinitivnog nastavka *-ty (vucsiti sze*, *hmiváti sze)* dok *-čy*, koji danas možemo naći u gramatikama kajkavskoga govora nije naveden. Iako se u međimurskom govoru razlikuju infinitiv i supin, Christ u svojoj gramatici supin ne bilježi.

Kategoriju vremena dijeli na sadašnje prošlo i buduće vrijeme. Sadašnje vrijeme navodi kao jednostavno glagolsko vrijeme, dok sva ostala kao složena.

Sama konjuguacija glagola počinje paradigmom glagola biti u sadašnjosti, prošlosti i budućnosti, budući da je njegov svršeni oblik prezenta glagola važan za tvorbu prošloga i budućeg vremena.

U futuru zapaža i bilježi tvorbu svršenim prezentom glagola *biti* i glagolskim pridjevom radnim što je jedna od općepoznatih kajkavskih osobina: *ja bom popevala.*

Neobičan je imperativni oblik u 1 l. jd. *nej popévám* odnosno u negaciji *ne popévám = ne énekeljek* koji u mađarskom jeziku postoji, a ne nalazimo ga zabilježenog u literaturi međimurskog govora.

2. Nepromjenjive vrste riječi

Zadnja četiri poglavlja posvećena su nepromjenjivim vrstama riječima.

Prijedlozi

Najviše se posvećuje prijedlozima gdje uz definiciju prijedloga daje popis najčešće korištenih, a ujedno i bilježi padeže uz koje se javljaju, npr. prijedlozi s genitivom (birtokos esetet): *od, do, z, iz, brez, blizo, kráj (kre), póleg, meszto, okoli, koli, mimo, prek, zbog, szred, zvun, ober (obri), izá.* npr.: *od hizse idem = a háztól megyek; do jutrá szem bil gór = reggelig voltam fenn; brez kruhá jé meszo - kenyér nélkül eszi a húst; blizo varósá je bánhof = a város közelében van az állomás; iz cirkve idejo ludi = a templomból mennek az emberek., [...];* s dativom (tulajdonító eset) dolaze *k* i *próti* npr.: *goszpon návucsitel idejo k ormaro = a tanító úr megy a szekrényhez;* s lokativom (helyhatározói eset) stoji sljedeći prijedlog: *pri* npr.: *vucsenik sztoji pri sztolo = a tanuló az asztalnál áll.;* a s instrumentalom (eszközhatározó eset) dolazi *sz* npr.: *sz decskom szem bil v skóli = fiúval voltam az iskolában.*

Bilježi prijedloge koji se slažu s dva padeža, npr. akuzativ (tárgyeset) i lokativ (helyhatározói eset) stoje s prijedlozima *ná, v i po* npr.: (A.) *ná kólá szem sze szel = a szekérre ültem*; (L.) *ná poszteli lezsi betezsnik = az ágyon fekszik a beteg*; akuzativ (tárgyeset) i instrumental (eszközhatározó eset) dolazi s prijedlozima *pod, nád, pred, med i zá* npr.: (A.) *solce szí denem pod posztelo = a cipőmet teszem az ágy alá; (I.) pod posztelom szem szi násel solce = az ágy alatt találtam meg a cipőimet*.

Prilozi

Priloge Christ dijeli u pet skupina: na priloge mjesta, vremena, načinske, uzročne i količinske, ovisno o pitanjima na koja odgovaraju.

Priloge dijeli u pet skupina, ovisno o pitanjima na koja odgovaraju: na mjesne *dé? = hol?, odkod? = honnan?, honnét?, kám? = hová?, kód? = merre?, do kám? = meddig?;* vremenske *gdá? (dá?) = mikor*; načinske *kák? = hogyan?, miként?*; uzročne koji odgovaraju na pitanja *zá kéj? = miért; i količinske kuliko? (kulko?) = mennyi?*

Za svaku skupinu navodi primjere: mjesni prilozi: *tu, ojzder = itt, tám = ott, doli = lent, nápré = előli, előre, odzadi = hátul, blizo = köze* [...]*;* vremenski prilozi*: vjutro = reggel, vecser = este, vcserá = tegnap. zutrá = holnap, negdá = néha, valaha, vszigdar = mindig* [...]*;* načinski prilozi: *ovák = így, ták = úgy, onák = amúgy, kák = hogyan, vszákák = mindenhogy, mindenkép, nekák = valahogy, valamikép* [...]*;* uzročni prilozi: *zato = azért; količinski prilozi: tulko = ennyi, annyi, dosztá = elég, nekulko = néhány, csudá = sok, obilnö = bőven* [...].

Veznici

Prema rečeničnoj ulozi autor dijeli veznike u dvije skupine: na veznike nezavisnih odnosno zavisnih složenih rečenica te ih dalje grupira u podskupine. Veznike koji povezuju nezavisne rečenice dijeli na sastavne (npr. *i = és, is, á = meg, pa, pák = éspedig, meg, aztán, né = nem*...); rastavne (*ili = vagy, ili-ili = vagy-vagy*); suprotne (*á = hát, kéj = hogy, pák = pedig, áli = de, ipák =*

mégis...); zaključne (*zato = azért, kejti = tehát, prémá tóm = ennélfogva, eszerint*); objasnidbene (*nájmrecs*) i isključne (*számo = csak*).

Među vrstama navodi objasnidbeni veznik *nájmrecs* koji u literaturi nije potvrđen (Blažeka 2008: 175-176), a vjerojatno je preuzet iz slovenskih govora no, za utvrđivanje konkretnoga zaključka potrebna je dublja analiza.

Veznike u zavisno složenih rečenica dijeli u 5 skupina koje su redom sljedeće: predikatna (*steri = aki, kéj = ami*); subjektna (*sto = aki, kéj = mi, kéj = hogy*...); atributna, priložna i objektna (*sto = aki, kéj = ami, hogy*).

Atributne razvrstava na: pridjevske (*steri = (a)ki, (a)mely, amelyik, káksi = amilyen*); brojevne (*kulko = amennyi, ahány, koji = ahányadik*) i posvojne (*steri = aki, kéj = hogy*).

Priložne dijeli na: mjesne (*dé = hol, tám = ott, kám = ahová*); vremenske (*dá = (a)midőn, (a) mikor, kák = (a)mint, ahogy, dók = ameddig);* načinske *(kéj = hogy, sz tém = avval hogy, azzal hogy*); uzročne (*ár = mért, mivel, zákej = miért, zato = azért);* namjerne *(kej = hogy*); na veznike daljnjeg objekta (*sto= aki, kei = ami*); pogodbene (*áko (cse) = ha, (zato), kej = (azért) hogy, nej = csak*); dopusne (*áko i = ha is, mákár = ámbár, premdá = noha, bar = bár, ipák = mégis, i ako = és ha*) na koje i danas nailazimo u međumurskim govorima.

Uzvici

Oskudna obrada uzvika nije nepoznata pojava u tradiciji pisanja starih kajkavskih gramatika u kojima „ [...] kategorija uzvika nije osobito obrađena ni u Szentmártonyja, ni u Đurkovečkoga. Jedino Kristijanović daje vrlo detaljnu klasifikaciju uzvika koja obuhvaća čak trinaest vrsta"(Štrebih 2005: 344). Isto tako u Cristovoj gramatici uzvici čine zadnje poglavlje. Bez njihove definicije autor daje samo značenjsku podjelu na izraz žaljenja: *ah!*; izraze boli: *jaj! joj!*; izraze duševne boli: *jaj meni! joj meni!*; izraze sreće, veselja: *uh! juju! jujuju! uhájá!*; čuđenja: *glej! vidi! vizs gá! glej gá!;* odvratnosti: *fuj! pfuj!* i poticajne čestice: *ná! hájd! no!*

Zaključak

Poznato je da je gramatički sustav međimurskoga jezika složen, no Christ se ne upušta u njegov dublji gramatički opis. Christ živi i djeluje u Čakovcu te je vjerojatno najbolje upoznat sa svim paradigmama ako ne cijeloga područja čakovečke skupine, onda s govorom okolnih mjesta. Zbog lakšega učenja jezika odabire jednu varijantu koju smatra najraširenijom i najprihvatljivijom kako bi se doseljenim Mađarima olakšalo sporazumijevanje s domaćim stanovništvom, što je i svrha ovakvih i sličnih gramatika.

Zaključno bi se moglo reći da je Christova gramatika, s teorijskim opisom ondašnjega stanja međimurskoga dijalekta, mogla poslužiti kao solidan temelj i smjernica u učenju međimurskoga kao stranoga jezika te autor smatra potrebnim da se u novonastalim društvenim i političkim prilikama ovo područje i jezično odvoji od matičnoga teritorija kojemu pripada.

Literatura

Anić, V. (2003) Veliki rječnik hrvatskoga jezika. Novi Liber. Zagreb.

Barić, E. (2001) Narječja u književnojezičnoj koncepciji Józsefa Margitaija **(**na temelju njegove Hrvatske gramatike, Horvát Nyelvtan, iz 1884.) Drugi hrvatski slavistički kongres, 319-323.

Barić, E. (2006) Rode, a jezik?. Znanstveni zavod Hrvata u Mađarskoj. Pečuh.

Bauk, F. (1992) Povijest školstva i prosvjete u Međimurju. TIZ „Zrinski". Čakovec.

Blažeka, Đ. (2008) Međimurski dijalekt. Hrvatski kajkavski govori Međimurja. Matica hrvatska. Čakovec.

Christ, J. (1942) A muraközi nyelv nyelvtana. Egyházmegyei Könyvnyomda. Veszprém.

Hrvatski leksikon (1997) L – Ž. Naklada Leksikon d. o. o., Zagreb.

Láposi Haller J. (1942) Gyakorlati muraközi nyelvtan. Muraközi Katolikus Könyvnyomda. Csáktornya.

Lončarić, M. (1990) Kaj - jučer i danas. Ogledi o dijalektologiji i hrvatskoj kajkavštini (s kartom narječja i bibliografijom). Čakovec.

Magyar grammatika. (2000) Szerk Keszler B. Nemzeti Tankönyvkiadó. Budapest.

Margitai József (1881) Horvát nyelvtan. (I. rész. Bevezetés. Főmondat, bővített mondat.). Budapest.

Nyomárkay I. (2000) Kroatističke studije. Matica hrvatska. Zagreb.

Stolac, D. (1995) Standardizacijski procesi u kajkavskome književnom jeziku. Filologija 24-25, 331-337.

Stolac, D. (1998) Deklinacija imenica u gramatici Ignaca Kristijanovića. Radovi Zavoda za slavensku filologiju 32, 177-183.

Štrebih, B. (2005) Kajkavska gramatika Ivana Vitkovića. Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje 31, 329-353

Šonje, J. ur. (2000) Rječnik hrvatskoga jezika. Leksikografski zavod Miroslav Krleža i Školska knjiga. Zagreb.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 354-365
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.354

Людмила Моисеенко – Виктор Моисеенко
(Сомбатхей – Будапешт, Венгрия)

СИНЕСТЕЗИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

Abstract: The phenomenon of synesthesia of scientists perceived ambiguously. Some of them believe synesthesia is a semantic anomaly and cognitive mistake. In prosaic works written by Vladimir Nabokov (1899-1977) in Russian and English, the synesthesia is one of the constituent elements of his creative method and individual style.

Keywords: V. Nabokov, synesthesia, sensory perception, color, personal style.

> – Взгляните! – воскликнул Пантагрюэль. – Вот вам несколько штук, ещё не оттаявших.
> И он бросил на палубу целую пригоршню замёрзших слов, похожих на драже,
> переливающихся разными цветами.
> Здесь были красные, зелёные,
> лазуревые и золотые.
> В наших руках они согревались и таяли,
> как снег, и тогда мы действительно слышали,
> но не понимали, так как это был какой-то
> варварский язык …
> … Мне хотелось сохранить несколько неприличных слов в масле или переложив соломой, как сохраняют снег и лёд.
> *Франсуа Рабле,*
> *«Гаргантюа иПантагрюэль»*

> Цветная спираль в стеклянном шарике – вот
> модель моей жизни...
> *В. Набоков: «Другие берега»*

Феномен синестезии известен в науке уже нескольких столетий, пик интереса к ней относится к рубежу XIX и XX веков. И в наши дни среди литераторов, музыкантов и художников, лингвистов и психиатров продолжается полемика о различных её проявлениях и формах.

В данной публикации синестезия трактуется преимущественно с позиции лингвостилистики. По поводу этого явления в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» сказано: ***синестезия*** – *«феномен восприятия, состоящий в том, что впечатление, соответствующее данному раздражителю, и специфическое для данного органа чувств,*

сопровождается другим, дополнительным ощущением или образом, часто характерным для другой модальности» (ЛЭС 1990: 166). Идентификаторами синестезии служат слух, зрение, вкус, обоняние, реже осязание и эмоции. Наряду со вкусовыми и слуховыми реакциями, синестеты чаще всего встречаются с цветовыми или фактурными ассоциациями на буквы, цифры и слова.

Учёные воспринимают синестезию неоднозначно, нередко рассматривают как «семантическую аномалию» и «когнитивную ошибку», хотя сами вынужденно признают, что порождаемые ею тропы метафорического типа замечательно функционируют в поэтических и прозаических контекстах. Теоретик киноискусства Сергей Эйзенштейн считал её позитивным явлением, полагая, что настоящий художник должен овладеть способностью моделировать, имитировать погружение зрителя и читателя в глубины чувственного мышления, «… *где он утратит различие субъективного и объективного, где обострится его способность воспринимать целое через единичную частность, ... где* ***краски станут петь ему*** *и где* ***звуки покажутся имеющими форму*** (выделено нами – Л.М., В.М.)*, где внушающее слово заставит его реагировать так, как будто свершился самый факт, обозначенный словом ...*» (Эйзенштейн 2002: 185). О разных формах отражения синестезии в языке и художественном тексте написана значительная литература[1].

В европейском искусстве о синестезии в сер. XIX века первыми заявили сторонники романтизма, обратившие внимание на возможность межчувственных сопоставлений в поэтических тропах и оправдывающие смещение границ в полисенсорной системе. Преднамеренное культивирование таких аналогий было заявлено символистами и декадентами в лице Ш. Бодлера (1821-1867) в его программном сонете «Соответствия», а затем А. Рембо (1854-1891) в «цветном» сонете «Гласные» (Степанов 1984: 341-347).

В России апологетом межчувственных переносов и смещений стал поэт-символист К. Бальмонт (1867-1942), известный по шокирующему эффекту своего стихотворения «Аромат солнца». По поводу синестезии высказывались признанный лидер русского авангарда Велимир Хлебников (1885-1922), художник-экспрессионист, теоретик абстрактного искусства, один из лидеров мирового авангарда 1-й пол. XX века В.Кандинский (1866-1944). Оригинальную систему цветовой символики

[1] Свой вклад в исследование рассматриваемого феномена вносят и слависты Сомбатхея. Настоящая статья представляет собой переработанную и дополненную версию опубликованных ранее работ: Моисеенко Л.Н. Цветовые символы и синестезия как элементы индивидуального стиля В.Набокова – Слово и цвет в славянских языках. Melbourne, Academia Press, 2000. 136-142; Моисеенко Л.Н. Художественно-изобразительная роль синего цвета в прозе В. Набокова, там же: 143-147; Моисеенко Л.Н. Ещё раз о цвете и цветовых символах в «Слове о полку Игореве», там же: 148-156.

впервые обосновал писатель и философ А. Белый (1880-1934) (Белый 1922). Композитор А.Н. Скрябин (1872-1915) в поисках возможности объединения звука и света (соответствие цветов и тональности по Скрябину) в партитуру своей симфонической поэмы «Прометей» включил партию световой клавиатуры, став первым в истории композитором, исполнившим цветомузыку.

К известным синестетикам следует отнести и писателя Владимира Набокова (1899-1977). Фундаментально образованный филолог и энтомолог, он был знаком с установками и декларациями западноевропейской эстетики цветоведения от Гёте, Отто Рунге, Шопенгауэра, Делакруа, Ван-Гога до своих современников Василия Кандинского, Андрея Белого, Пауля Клее. Он был детально осведомлён и о свойствах синестезии, потому что в разные годы в своих произведениях и воспоминаниях подробно писал о физиологических воздействиях синестезии, будто бы испытанных на собственном опыте.

Интерпретаторы Набокова в его творческом методе часто видят только игру или «металитературу», изощрённую игру аллюзиями, повторами, явными и скрытыми цитатами, неоправданными смещениями сюжетных линий, неуёмную фантазию и мистификации, представляя тексты Набокова в виде кроссвордов, отгадывая которые и найдя нужное слово, читатель испытывает удовлетворение.

Со своей стороны, мы вынуждены признать, что оригинальному ироничному стилю Набокова действительно в значительной мере присуща игра в словесные загадки, в головоломки из зашифрованных цитат, что его творческий метод отличается сложной литературной техникой, непредсказуемыми, почти триллерными сюжетами, но, вместе с тем, характеризуется глубоким проникновением во внутренний мир персонажей. Поэтику его стилистически изысканной прозы составляют как модернистские, так и реалистические элементы с подключением лингвостилистической игры, составными частями которой, в числе прочих приёмов, выступают представляемые в качестве свойственных самому автору нейрофизиологические синестетические галлюцинации, преимущественно цветовые, реже вкусовые или иные, о которых он и пишет в разных местах, и в реальность которых читатель может верить только на слово. Сам Набоков, вспоминая свои самые ранние творческие увлечения, напоминает нам, что ещё будучи мальчиком «*...находил в природе то сложное и «бесполезное», ... которое позже искал в другом восхитительном обмане – в искусстве*» (Набоков, 1989а: 76).

В нашем тексте внимание сосредоточено на определённой теме – на разнообразных синестетических опытах Набокова, отражённых в (кон)текстах, то наполненных радужным переливанием красок, то нарочито колористически обеднённых, когда используется лишь двухцветная чёрно-белая гамма шахматной доски.

Заглядывая в творческую мастерскую Набокова – новатора, наделённого тонким художественным чутьём, убеждаемся, что синестетические элементы придают набоковской прозе специфический колорит, даже особое очарование. Удивляет способность этого мастера передавать словами чувства, идеи, воспоминания, окрашенные в разные тона и оттенки. Кажется неистощимой его фантазия в изобретении цветовых эпитетов для предметов, живых существ, натюрмортов, пленера, самого́ человека. Поражают блеском ритмической организации фрагменты текста с мистификациями, когда у автора *«...вырастали из рубиновых оптических стигматов и Рубенсы, и Рембрандты, и целые пылающие города*» (Набоков 1996: 67).

Приходится затрачивать усилия в попытках расшифровать многочисленные неологизмы Набокова, его синтагмы-перевертыши, которые сам их создатель называл «крестословицами». Текстологические наблюдения выявляют у Набокова массу непривычных для русского словоупотребления слов и оборотов при описаниях милых его сердцу бабочек, красочной передаче излюбленного цветового символа – радуги, палитры масляных красок или набора цветных карандашей, красочной гирлянды воздушных шаров или разноцветной гальки на берегу океана. Чего стоит, например, описание обычного масляного пятна на дороге: «*…радужное, с приматом пурпура и перистообразным поворотом, пятно масла: попугай асфальта*». Или слово-монстр, самое длинное русское наречие, «*сборное название триллиона тонов*», состоящее из 63 букв и 9 корневых компонентов:

бриллиантоволуннолилитовосизолазоревогрозносапфиристосинелилово

Критика нередко упрекала Набокова в неуёмной фантазии, мистификациях, неоправданных смещениях сюжетных линий, в скрытности, наконец. Однако при внимательном прочтении, и не в одном, а в нескольких местах, и не между строк, а открыто, обнаруживаем «заветные» места, в которых писатель рассказывает об истоках и важных для нашей темы побудительных мотивах своего творчества, о стремлении, чтобы «*каждый стих переливался арлекином*» (Набоков 1990: 26).

В своих лекциях по литературе, представляя читателю психологический портрет Чичикова - известный персонаж русской классической литературы XIX века, Набоков открыто пишет о том, что лишь «слегка «приоткрывает завесу», показывая лишь небольшую долю того, «о чем можно говорить в открытую». При этом используется не «тонкая, живописная», но «грубоватая, малярная» терминология, даётся понять тем самым, что для автора гораздо выгоднее и безопаснее закамуфлировать художественный образ, оставив место недосказанному: «*Если я выкрашу лицо кустарной берлинской лазурью вместо краски, продаваемой государством, получившим на нее монополию..., это не*

заслужит даже снисходительной улыбки, и не один писатель не изобразит это в виде берлинской трагедии. Но если я окружу эту затею большой таинственностью и стану кичиться хитрыми уловками, при помощи которых её осуществил, и дам возможность болтливому соседу заглянуть в мои банки с самодельной краской ... люди с неподдельно голубыми лицами подвергнут меня грубому обращению – тогда смеяться будут надо мной» (Набоков 1989б: 537).

В другом месте, снова «приоткрываясь», Набоков делится с читателем сокровенными мыслями о том, что он «*с детства подвержен разной чертовщине*»: «*Я всегда был подвержен чему-то вроде легких, но неизлечимых, галлюцинаций. Одни из них слуховые, другие зрительные, а проку от них никакого*» (Набоков 1989б: 369). Упоминает он и о «*редком, хотя и пустом недуге, которому я всегда был подвержен, anxietas tibiarum – когда ноги «тянет», как у беременной женщины*» (Набоков 1989б: 369).

Далее в своей известной «исповеди синестета» он пишет: «*У меня с детства в сильнейшей и подробнейшей степени audition colorée – цветовой слух ...*» (Набоков 1990,1: 68). Там же В. Набоков сообщает, что «*...цветовое ощущение создаётся, по-моему, осязательным, губным, чуть ли не вкусовым путём. Чтобы основательно определить краску буквы, я должен букву пересмаковать, дать ей набухнуть и излучиться во рту, пока воображаю её зрительный узор*» (Набоков 1989,1: 369).

Все эти рассуждения писателя как будто подтверждаются генетической предрасположенностью членов семьи Набоковых к синестетическим аномалиям. Если верить Владимиру Набокову, кроме него самого, синестетиком была его мать Елена Ивановна, которая «*…во всём потакала моей чувствительности и зрительным возбуждениям*» (Набоков 2013: 6). По воспоминаниям близко знавших семью этим же качеством обладала его жена Вера Слоним и их единственный сын Дмитрий Набоков. В автобиографических воспоминаниях В. Набоков пишет: «*Исповедь синестета назовут претенциозной и скучной те, кто защищён от таких отцеживаний и просачиваний более плотными перегородками, чем защищён я. Но моей матери всё это казалось вполне естественным. Мы разговорились об этом, когда мне шёл седьмой год, я строил замок из разноцветных азбучных кубиков и вскользь заметил ей, что покрашены они неправильно. Мы тут же выяснили, что некоторые мои буквы того же цвета, что её, кроме того, на неё оптически воздействовали и музыкальные ноты. Во мне они не возбуждали никаких хроматизмов»* (Набоков 2013: 6).

Цветовые слова и цветовые символы, порой парадоксальные, вступая во взаимодействие с «обычными» словами и словосочетаниями, выглядят у Набокова как организованное целое, хотя часто выполняют просто орнаментальную функцию. При этом устанавливается смысловой

параллелизм, при котором конструкции, запечатлевшие, например, явления цветового слуха, и предлагающие звуковое соответствие реальному цвету, испытывают влияние цветовой символики и приобретают цветовой характер. Вот несколько примеров синестетического употребления прилагательных-цветообозначений:

а) передача звуковых явлений через цвет – ситуация «цветного» (или «цветового») звука: «*Голоса были схожи, оба смуглые и гладкие…»; «Сумерки – какой это томный сиреневый звук»; «…выгоревший фиолетовый…, странно-некрасивый, весь в углах, дикий,* ***вопящий, какой-то*** (выделено в авторском тексте самим В. Набоковым – Л.М., В.М.), *т.е. непохожий на него самого почерк».*

б) «запаховая ситуация», когда обоняние обретает цветовой оттенок: «*…ему был как раз невыносим этот мутный, сладковато-бурый запах*» (о духах).

в) «вкусовой» эффект цвета: «*…яркий жёлтый цвет дома, например, сразу отзывался во рту…*».

г) передача эмоционального состояния через цвет: «*Боль расставания будет красная, ломкая*»; «*…был как-то пёстро счастлив*»; «*розовые поцелуи*»; «*старушка с потухшим мутно-карим взглядом*»; «*…ненароком вошел в основу радуги… и очутился в цветном воздухе, в играющем огне, будто в раю*».

Синестетические компоненты у Набокова не всегда мотивированы цветом. Они могут быть и нецветовыми: «*тому виднее, у кого нос длиннее», а Гоголь видел ноздрями*». Эту свою фразу Набоков объясняет так: «*Символизм Гоголя имеет физиологический оттенок, в данном случае зрительный*» (Набоков 1996: 32-35).

К синестезии непосредственно примыкает тема интенсивного использования цветовых символов в произведениях Набокова. Но это уже другая, вполне самостоятельная тема, детальное рассмотрение которой не входит в нашу задачу. В этой связи отметим только, что в прозе отдельных русских писателей начала XX века цветовая символика выражена даже в бóльшей степени, чем у Набокова. Так организована 4-я часть «Северной симфонии» А. Белого, «Красный смех» Л. Андреева, «Голубая жизнь» М. Горького, «Цветные ветрá» Вс. Иванова и ряд других. Элементы цветовой символики несомненно были присущи также языку и стилю русских писателей XIX века, в частности, Ф.М. Достоевского (Соловьёв 1971: 138-141).

Перейдём теперь к вопросу о набоковских цветовых алфавитах и азбуках, их содержанию и кратким сравнениям с цветовыми азбуками его предшественников и вероятных эпигонов. В своём романе «Дар», написанном по-русски в 1937 г., Набоков впервые предлагает синестетическую интерпретацию русской азбуки, маркированную обозначениями цвета, которую он распространил впоследствии и на

другие языки: «*...различные, многочисленные «а» на тех четырёх языках, которыми владею, вижу едва ли не в стольких же тонах – от лаково-черных до занозисто серых – сколько представляю себе сортов поделочного дерева. Рекомендую вам моё розовое фланелевое «м»…*» и т.д., в том же духе неуёмной набоковской фантазии**.**

Опыты создания цветовых азбук были продолжены Набоковым в 40-60-е гг. Они представлены в его автобиографических рассказах, составивших в 1951 г. книгу «Conclusive Evidence» («Убедительное доказательство»), переведённую в 1954 г. автором на русский язык как повесть мемуарного жанра под названием «Другие берега», а также во вновь переработанных на английском языке, изданных в 1966г. мемуарах «Speak, Memory. An Autobiography Revisited» (в русском переводе «Память, говори»).

Известно, что Набоков-поэт и прозаик при всей своей яркой индивидуальности в принципиальном плане разделял фундаментальные положения определённого направления в художественной культуре начала XX века, которое и в наши дни называют расплывчатым словом модернизм. Известно также, что в своем раннем творчестве начинающий поэт и писатель Набоков-Сирин опирался на опыт поэзии и прозы русских символистов, прежде всего Андрея Белого. Сам Набоков упоминает об этом в трёх своих произведениях: по-русски в романе «Дар» и в повести «Другие берега», и по-английски в книге воспоминаний «Speak, Memory».

О влиянии А. Белого на ранний период своего поэтического и прозаического творчества он пишет: «*Несколько позже монументальное исследование Андрея Белого загипнотизировало меня своей системой, так что свои стихи я немедленно пересмотрел с этой новой точки зрения*» (Набоков 1996: 135). В своих лекциях по литературе Набоков утверждает, что роман А. Белого «Петербург» представляет собой одно из 4-х главных произведений в мировой литературе XX века, наряду с произведениями Джойса, Кафки и Пруста (Nabokov 1981: 45).

Забегая несколько вперёд отметим, что даже простое сравнение показывает, что азбуки Набокова вполне самостоятельны по вокально-цветовой интонировке. В этом они не совпадают с системой, предложенной А. Белым. Теоретическая разработка А. Белого более эмоциональна по подбору цветов и проста по своим цвето-буквенным соответствиям. При этом семиотическая составляющая, свойственная любой «живой» функциональной азбуке, не просматривается ни у А. Белого, ни у В. Набокова. Естественный практический смысл языковой коммуникации, свойственный алфавитам любых систем, в обеих азбуках отсутствует. Степень их художественно-эстетической ценности нам не совсем очевидна.

Для наглядности представим фрагмент вокально-цветовой системы А.Белого: «*А – белая* (другого и трудно ожидать; тут всё**,** кажется, предре-

шено – А-ндрей Б-елый – наблюдения соавторов статьи – Л.М., В.М.); *Е – жёлто-зелёная; И – сине-голубая; О – красно-алая; У – пурпурная; Ю – фиолетовая; согласная Ж – теплокоричневая; Ш – коричневая; Н – зеленоватая*» и т.д. (Белый 1922: 6-7). Тут просматривается лишь одна замеченная нами закономерность: гласные, по А. Белому, ассоциируются с насыщенным цветом, согласные – с оттенками цветов.

Приняв за основу «подсмотренные» у Белого эксперименты, в которых отдельным звукам и буквам русского алфавита придаются смысловые «цветовые» соответствия, Набоков расширил эти опыты, придавая синестетические эквиваленты буквам русского, а также английского и частично французского алфавита. Расширяя подход к теме, он даже предлагает мнемограммы для семи главных цветов спектра: английскую KZSPYGV и кириллическую ВЁЕПСКЗ в духе известной русской мнемоники для семи цветов радуги: КОЖЗГСФ (*Каждый Охотник Желает Знать Где Сидит Фазан или Кот Ослу, Жирафу, Зайке, Голубые Сшил Фуфайки* и др.): «*Чёрно-белую группу составляют: густое, без галльского глянца, А; довольно ровное по сравнению с рваным R – Р; крепкое каучуковое Г; Ж, отличающееся от французского J, как горький шоколад от молочного; темно-коричневое, отполированное Я. В белёсой группе буквы Л, Н, О, Х, Э представляют, в этом порядке, довольно бледную диету из вермишели, смоленской каши, миндального молока, сухой булки и шведского хлеба. Группу мутных промежуточных оттенков образуют клистирное Ч, пушисто-сизое Ш и такое же, но с прожелтью, Щ. Переходя к спектру, находим: красную группу с вишнёво-кирпичным Б (гуще, чем В), розово-фланелевым М и розово-телесным (чуть желтее, чем V) В; желтую группу с оранжевым Ё, охряным Е, палевым Д, светло-палевым И, золотистым У и латуневым Ю; зелёную группу с гуашевым П, пыльно-ольховым Ф и пастельным Т (всё это суше, чем их латинские однозвучия); и, наконец, синюю, переходящую в фиолетовое, группу с жестяным Ц, влажно-голубым С, черничным К и блестяще-сиреневым З. Такова моя азбучная радуга (ВЁЕПСКЗ)»* (Набоков 1990: 370).

В другом месте Набоков предлагает иные синестетические соответствия, английские и частично французские, с вкраплениями русского материала: *«Сверх всего этого я наделён в редкой мере цветным слухом. Не знаю, впрочем, правильно ли говорить о «слухе», цветное ощущение создаётся, по-моему, самим актом голосового воспроизведения буквы, пока воображаю её зрительный узор. Долгое а английского алфавита (речь пойдёт именно о нём, если не говорю иного) имеет у меня оттенок выдержанной древесины, меж тем, как французское а отдаёт лаковым чёрным деревом. В эту чёрную группу входят крепкое g (вулканизированная резина) и r (запачканный складчатый лоскут). Овсяное n, вермишельное l и оправленное в слоновую кость ручное зеркальце o отвечают за белесоватость. Французское on, которое вижу как напряжённую поверхность спиртного в наполненной до краёв*

маленькой стопочке, кажется мне загадочным. Переходя к синей группе, находим стальную x, грозовую тучу z и черничную k. Поскольку между звуком и формой существует тонкая связь, я вижу q более бурой, чем k, между тем как s представляется не поголубевшим c, но с удивительной смесью лазури и жемчуга. Соседствующие оттенки не смешиваются, а дифтонги своих, особых цветов не имеют, если только в каком-то другом языке их не представляет отдельная буква (так, пушисто серая, трёхстебельковая русская буква, заменяющая английское sh, столь же древняя, как шелест нильского тростника, воздействует на её английское представление).

Спешу закончить список пока меня не перебили. В зелёной группе имеется ольховое f, незрелое яблоко p и фисташковое t. Зелень более тусклая в сочетании с фиалковым – вот лучшее, что могу придумать для w. Желтая включает разнообразные e da i, сливочное d, ярко-золотистое y и u, чьё алфавитное значение я могу выразить лишь словами «медь с оливковым отливом». В группе бурой содержится густой каучуковый тон мягкого g, чуть более бледное j и h – коричнево-жёлтый шнурок от ботинка. Наконец, среди красных, b имеет оттенок, который живописцы зовут жжёной охрой, m - как складка розоватой фланели, и я всё-таки нашел ныне совершенное соответствие v – «розовый кварц» в «Словаре красок Мерца и Поля. Слово, обозначающее в моём словаре радугу – исконную, но явно мутноватую радугу, едва ли произносимо kzspygv». Насколько я знаю, первым автором, обсуждающим синестетизм (в 1812 году) был врач-альбинос из Эрлангена» (Набоков 2013: 6-7).

Цветовые азбуки Набокова ни в целом, ни в деталях не совпадают также с абстрактной и очень субъективной системой «качественных, эмоциональных и цветовых символов», положенных на русскую кириллицу Велимиром Хлебниковым. Ср. у Хлебникова: «*А – противопоставление; У – покорность; Е – упадок; И – соединение; М – синий; В – зеленый; З – золотой; С – серый; Б – красный; Н – розовый; Й – черный; К – голубой; Г – жёлтый; Л – белый, слоновая кость...*» и т.д. (Цит. по изд.: Юрьев 1987: 169).

Несовпадение с вариантами цветовых азбук В. Набокова обнаруживается также при их сравнении с цветовой азбукой советского и русского детского писателя В. Крапивина (род. 1938), у которого читаем: «*Вообще-то у каждой буквы свой цвет. По крайней мере, так всегда казалось Севке. Букву «О» представлял он густо-коричневой и сладкой, как шоколад, которым угощал его Иван Константинович. Буква «И» была пронзительно-синей, «Ш» – чёрной, «Э» – табачного цвета, «Е» – золотисто-жёлтая, «А» – белая. Цвет настоящей буквы «Ю» был ярко-вишнёвый – как матроска Юрика*» (Крапивин 1984: 39).

Синестетические азбуки – это один из отшлифованных и многократно употребляемых Набоковым художественных приёмов. Каково наше отношение к ним? Не следует, видимо, рассматривать их как плод нго углублённых творческих исканий и интеллектуальных раздумий. Скорее всего эти синестетические опусы Набокова являются продуктом изощрённого писательского мастерства, очередными продуманными мистификациями, замешанными на природном обострённом воображении автора и высочайшем профессионализме. Трудно отказаться от ощущения, что в полёте творческой фантазии этот виртуоз слова совсем по-гоголевски водит читателя за нос, рассуждая о трансформируемом «через синестезию» и «реально представляемом» им колористическом видении мира. Как, например, в случае, когда, имея перед собой всего лишь чёрно-белую репродукцию фотографии своего самого любимого писателя Николая Гоголя – его дагерротип, снятый в Риме в 1845 году, он не просто создаёт гоголевский словесный портрет. В условном наклонении (…*если бы*…), он с лёгкостью дополняет этот портрет надуманными цветовыми эпитетами: «*На нём* (Гоголе) *был сюртук с широкими лацканами и франтовской жилет. И если бы блеклый отпечаток прошлого мог расцвести красками, мы увидели бы бутылочно-зелёный цвет жилета с оранжевыми и пурпурными искрами, мелкими синими глазками; в сущности он напоминает кожу какого-то заморского пресмыкающегося*» (Набоков 1996: 35-36).

В заключение хочется сказать несколько смешанных с восхищением слов о Набокове – тонком наблюдателе – психологе, стилисте, переводчике, учёном энтомологе, литературоведе и лингвисте. Желание это навеяно фрагментом из его очерка, в котором речь, на первый взгляд, не идёт непосредственно о синестезии. В нём говорится о новаторстве и абсолютном приоритете Н.В. Гоголя в искусстве передачи свето- и цветовых эффектов средствами русского языка – явления существенно важного для развития всей последующей русской литературной традиции. Вот это замечательное место: *«Разницу между человеческим зрением и тем, что видит фасеточный глаз насекомого, можно сравнить с разницей между полутоновым клише, сделанным на тончайшем растре, и тем же изображением, выполненном на самой грубой сетке, которой пользуются для газетных репродукций. Так же относится зрение Гоголя к зрению средних читателей и средних писателей. До появления его и Пушкина* (у Набокова именно так, в такой последовательности! – Л.М., В.М.) *русская литература была подслеповатой. Формы, которые она замечала, были лишь очертаниями, подсказанными рассудком; цвéта как такового она не видела и лишь пользовалась истёртыми комбинациями слепцов-существительных и по-собачьи преданных им эпитетов, которые Европа унаследовала от древних. Небо было голубым, заря алой, листва зеленой, глаза красавиц чёрными, тучи серыми и т.д. Только*

Гоголь (а за ним Лермонтов и Толстой) увидел жёлтый и лиловый цвета. То, что небо на восходе солнца может быть бледно-зелёным, снег в безоблачный день густо-синим, прозвучало бы бессмысленной ересью в ушах так называемого писателя-«классика», привыкшего к неизменной, общепринятой цветовой гамме французской литературы XVIII века. Показателем того, как развивалось на протяжении веков искусство описания, могут служить перемены, которые претерпело художественное зрение: фасеточный глаз становится единым, необычайно сложным органом, а мёртвые, тусклые «принятые краски» постепенно выделяют тонкие оттенки и создают новые чудеса изображения. Сомневаюсь, чтобы какой-нибудь писатель, а тем более в России, раньше замечал такое удивительное явление, как дрожащий узор света и тени на земле под деревьями или цветовые шалости солнца на листве. Описание сада Плюшкина поразило русских читателей почти так же, как Мане – усатых мещан своей эпохи» (Набоков 1996: 88-89).

По устоявшемуся мнению критики, для массового русского читателя Набоков, в отличие от Пушкина как «символа и дыхания целого народа», останется лишь литератором-эстетом, прозаическое творчество которого «*представляют скорее блистательную, но «бесполезную» игру ума, сверхматематический расчет, алгебру великолепной техники»* (Полторацкий 1972: 20). Заметим однако: то, к чему автор стремился и «*искал в восхитительном обмане – в искусстве*» – он почти всегда безошибочно находил.

Зинаида Шаховская, знаток и ценитель творчества писателя, тонко заметила: «*...Набоков загадочен, ... он бросил вызов своим читателям и почитателям, загромождая к себе доступ, и расставил ловушки для исследователей: «Let the visitors' trip» – пусть посетители спотыкаются...*» (Шаховская 1976: 90). Что и говорить! И бросил, и загромоздил, и расставил. Перечитывая Набокова, но не обладая уникальными способностями синестетов, мы то и дело спотыкаемся, в попытках расшифровать его словесные ловушки. Синестетическая линия в языке свободного художника слова Набокова – это не только ярчайшая метаморфоза словесных красок, которые загораются, растут, изменяются, отцветают в непредсказуемом движении. Это и уникальное наглядное пособие по передаче в художественном тексте разнообразных сенсорных ощущений, явных и скрытых.

Литература

Белый, А. (1922) Глоссология. Берлин. «Скифы».

Крапивин, В. (2007) Сказки Севки Глущенко. Москва, 1984, 2-изд.

ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь. (1990) Москва, Советская энциклопедия.

Набоков, В. (1989а) Истребление тиранов. Избранная проза. Минск, 1989.

Набоков, В. (1989б) Приглашение на казнь. Романы, рассказы, критические эссе, воспоминания. Кишинёв, 1989.
Набоков, В. (1990) Собрание сочинений в 4-х томах. Т.1. Москва.
Набоков, В. (1996) Лекции по русской литературе. Москва, Независимая газета.
Набоков, В. Память, говори. Пер. с англ. http:// nabokovandko.narod.ru/Texts/Speak_memory.html (2013).
Полторацкий, П. (ред.) (1972) Русская литература в эмиграции. Сборник статей. Питтсбург.
Соловьёв, С.М. (1971) Колорит произведений Достоевского // Достоевский и русские писатели. Москва.
Степанов, Ю.С. (1984) Семантика «цветного сонета» Артюра Рембо // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Москва. Т.43, №4, С. 341-347.
Шаховская, З. (1976) В поисках Набокова. Париж.
Эйзенштейн, С. (2002) Метод. Т1: Grundproblem. М., «Эйзенштейн-центр». Музей кино.
Юрьев, Ф. (1987) Цвет в искусстве книги. Киев.
Nabokov, V. (1981) Lectures on Russian Literature. New York.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 366-377
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.366

Ангелика Молнар
(Сомбатхей, Венгрия)

ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА ГОНЧАРОВА В ВЕНГРИИ С 1980-Х ГОДОВ

Abstract: The main problem being reflected in this paper is the Hungarian reception of Goncharov's novels in the second half of 20th century. The critics are interested in the way how the Russian writer's questions are projected onto the situation of modern man. The paper reveals two aspects of interpretations till nowadays: critical and literary.

Keywords: Goncharov's novels, modern Hungarian critics and literary interpretation

Романы Гончарова не вызвали в Венгрии такого эйфорического приема, как «Евгений Онегин» Пушкина, «Дворянское гнездо» Тургенева или философское описание проблем и глубокий анализ психики Достоевского и Толстого, хотя после появления его «Обломова» он был немедленно выделен в число передовых представителей русской литературы. Интерес у венгерских читателей не был столь значителен, как например у японской или итальянской публики. Романы «Обыкновенная история» и «Обрыв» вообще мало знакомы венгерскому читателю, так как их переводы вышли в свет только в середине XX-го века (1954-1955 гг.) и оставались вне поля зрения венгерских литературоведов. Правда, несколько авторов указывали на взаимосвязь трех романов и «Фрегат „Паллада"». Исследования по исторической рецепции до 1950-х годов Шандора Козоча (Kozocsa 1967), и работы компаративиста, Жужанны Зельдхейи-Деак, появившиеся в конце XX столетия, суммировали историю восприятия (опубликованных рецензий и переводов) произведений Гончарова в Венгрии вплоть до 1980-х годов (Зельдхейи-Деак 1994; 1995). Эстер Рериг же ознакомила венгерских читателей с выдержкой русской рецепции романа «Обломов» (Rőhrig 1979). В одной из своих статей Агнеш Дуккон (Dukkon 1995) также дает краткое резюме критики произведений Гончарова. В настоящей работе мы будем ориентироваться на эти работы, однако сделаем обзор венгерского восприятия во второй половине XX века.

Венгерская рецепция произведений Гончарова во многих аспектах продолжала интерпретации, намеченные русскими критиками. Подавляющее большинство рецензий было сконцентрировано на фигуре Обломова, и на основании этого авторы определяли особенности творчества писателя. В Венгрии «Обломов» Гончарова вызвал часто несправедливое отношение критики к творчеству самого русского писателя. Его герой казался пригодным для идентификации жизненной

беспомощности и безразличия ко всему. Доминировали точки зрения национального характера, общественной критики и психологии творчества. Благодаря этим взглядам удалось приблизить романы к венгерскому читателю, способствовать их пониманию сквозь призму венгерской действительности. Таким образом, интерпретации выстраивались вокруг следующих ключевых понятий: с одной стороны – «разочарованность», «нездоровое отсутствие воли», «деградация», «русская бездеятельность», с другой стороны – «мечта об идиллическом существовании», «тоска по материнской утробе», «отвержение современной эпохи», «созерцательный поиск смысла существования». Специфика повествовательной формы романа была сразу же подмечена венгерским читателем. Слово автора отождествлялось с повествовательным словом, особенносью которого считалась т.н. «объективная предметность» скрытой лиричности.

В венгерской критике вообще распространилось мнение, что восточное происхождение венгров и завоевание славянских территорий венграми сближает их со славянскими народами, их менталитетом, особенно с точки зрения силы воли, которая не находит области практического применения и обращаясь внутрь, становится саморазрушающей. Такое происхождение обеспечило понимание и эмблематичных литературных образов через родство двух этносов, в соответствии с которыми венгры – мечтатели и также не способны к подвижной, деятельной жизни, как и русские (Illyés 1976: 775). Поэтому Аурель Карпати полагал, что венгерский роман будущего в изображении обломовщины помещика будет основываться на русском романе (Kárpáti 1914). Однако его прогнозы не сбылись.

Другие критики также открывали в главном герое свойства, характерные для русского и восточно-европейского человека, после чего ссылаясь на лень и «халатность» помещичьего сословия, идентифицировали Обломова с венгерскими героями. Позже образ Обломова сравнивали с типом «джентри», разоренного венгерского помещика, который ненужный, ленивый и непрактичный. В связи с этим небезынтересно отметить, что после смены режима в 1989 году была основана партия «Пал Пато», главным девизом которой было право на лень в форме: «Лентяи мира – соединяйтесь!». Это движение естественно, выражало сатирическое отношение к политике, однако утверждало продвижение культа Обломова, с регулярной организацией в Соде фестиваля Пала Пато, ритуальными похоронами труда, объявлением 7ноября днем невставания, мечтаниями о былом величии, об идеальном обществе и верой в символическую функцию венгерских карточных игр. Должно отметить, что ставить Обломова в один ряд с Палом Пато – «халатным» героем-помещиком стихотворения поэта XIX века Шандора Петефи, ограничивающим свои жизненные интересы только

физиологическими актами, сомнительно и неубедительно из-за многосложности образа русского героя. Переосмысливая данные критиками определения, вместо подхода сквозь призму типов «лишнего человека» или романтического бездельника, обыкновенного лентяя, мы представляем главного героя романа «Обломов» в качестве своеобразного художника, для которого внутренняя деятельность, активность неотделима от спокойствия, пассивности.

Статьи, написанные в середине XX века, или первая венгерская монография о Гончарове, составленная Дьердем Бакчи, в связи со сложившейся исторической ситуацией не добавила ничего нового к пониманию произведений. Содержание книги базировалось на социологических или психологических толкованиях (Bakcsi 1962). Позднее позиция Бакчи стала более дифференцированной, исследователь освоил также и результаты других интерпретаций. Он теперь объяснял систему двух различных образов в произведениях двойственностью характера писателя, и по-новому трактовал отдельные композиционные узлы романа. Сравнивая главного героя Гончарова с гоголевскими прообразами, а также с наследием Достоевского, Бакчи видел новаторство Гончарова в том, что тот снова и снова возвращается к своим характерам, кажущимся завершенными, и модифицирует их (Bakcsi 1989).

Перевод романа Ласло Неметом 1953 года, основанный на переиздании публикации романа 1880 года имел больший успех, благодаря тому, что бы сделан знаменитым прозаиком XX века, достойным представителем литературного творчества, который акцентировал венгерское посредничество между русской и западной культурами. Писатель однако, заявил о романе Гончарова, что обломовщина – болезнь, атрофия (Németh 1975: 208). Вслед за тем были переведены и другие романы русского классика («Обыкновенная история» – Бела Табор 1955 г., «Обрыв» – Дьердь Геллерт1954 г., «Фрегат „Паллада”» – Густав Трочани 1954 г.), и уже многие авторы исследований указывали на взаимосвязь трех романов и «Фрегат „Паллада”» (Nagy 1952). Путевые очерки / роман наглядно оттеняет поэтику больших романов писателя и это было также и инновативным открытием русских формалистов. Вспомним высказывание самого писателя: «все три романа – в сущности есть один роман или история или *отражение* <…> некоторых, последовательных между собой периодов русской жизни» (Письмо И.А. Гончарова И.И. Льховскому от 2/14 августа 1857 г.*)*. Ссылаясь на арс поэтику Гончарова, Миклош Алмаши рассматривал последовательность романов, как разных эпох, обозначая в качестве заглавной метафоры «обрыв», но в своем подходе он все еще оставался на позиции общественной критики (Almási 1956).

Во второй половине XX века Эндре Терек синтетизирует прежний канон восприятия творчества писателя и, следуя известным концепциям, видит в образе Обломова необратимость его превращения в «лишнего

человека». В то же время, в объяснении значения слова «обломовщина» утверждается, что оно не может быть определено на основании классовой характеристики, так как имеет онтологический статус, т.е. способ существования скрывающегося от реальности человека (Török Endre 1970). Восприятие Обломова в Венгрии в значительной мере было скорректировано в 1979 году посредством фильма Никиты Михалкова «Несколько дней из жизни Обломова». В основу концепции режиссера положен русский национальный характер с патриотическими мотивами (Рассадин 1980). Дьердь Шпиро трактует этот фильм как продукт исторической философии, а также как драму о способности любить (Spiró 1983).

Указанную культурную типологию подтверждает исследование Золтана Хайнади, в котором расширена концепция «лишнего человека» (Hajnády 1991: 45-46). Хайнади прослеживает моменты конфликтов, сравнивая способы мышления: активного западного (Фауст) и созерцательного, восточного, концентрирующегося на внутренних ценностях (Обломов). Наблюдающая, бездействующая личность находится в полном противоречии с деятельным, целеустремленным индивидом, и Хайнади выстраивает свои концепты, основываясь на этой оппозиции (эмпирическое существование – религиозная вера, физическое существование – духовность, статичность бытия – развитие, периферия – центр). Полярная противоположность героев имеет глубокие корни в традиции мифологии, русского фольклора и литературы, вкючая былинного героя Ильи Муромца и парных образов Достоевского. Согласно мнению исследователя, тогда как Гете старается помирить противоположности, модель Гончарова имеет статичный, неразрешимый характер (Хайнади 2000). В работе Хайнади также оценивается специфика гончаровского повествования („sine ira et studio”), изображение повседневности и «поэзия прозы», и выполняется все это с опорой на образцы романов, сочетающих психологизм и общественные вопросы.

В статьей, посвященной 150-летию со дня рождения писателя, Дьердь Конрад обогатил венгерское толкование произведений Гончарова новой точкой зрения. Выдвинутая в образе Обломова проблема в романе Гончарова представляет собой предпосылку к проблеме отчужденности XX века (Konrád 1962). Интерпретацию произведения определяло осмысление контраста закрытой, классической формы романа и непривычного метода постановки проблем современного человека. Проблема отчуждения являлась предметом исследований, проводимых в первую очередь в англоязычных странах.

В последние десятилетия в венгерской рецепции брали вверх поэтологические подходы к романам писателя. Стало ясно, что романы Гончарова могут вызвать интерес и у современных критиков, а богатство

их поэтики может способствовать определению характерных особенностей русского романа.

Жужанна Зельдхейи-Деак, исследующая венгерскую критику писателя, в своих работах, написанных в 90-х годах прошлого столетия, применяла мифопоэтический метод анализа. Она рассматривала предметный мир первой части романа «Обломов», развивающуюся в «Сне» цикличную временную структуру и символы любовного эпизода, а также мотивы, обозначающие образ Веры в «Обрыве» (Zöldhelyi 1995). Венгерский читатель может ознакомиться с несколькими мотивами романов Гончарова в исследовательском сборнике «История русской литературы с зарождения до 1940 года», вышедшего под редакцией исследовательницы (Zöldhelyi 1997).

Особую точку зрения представляет Агнеш Дуккон, которая приводит в качестве примера, объясняющего поэтичность прозы Гончарова, ортодоксальную систему теорий Виктора Бычкова. Она интерпретирует взаимосвязь романов Гончарова, исходя из арс поэтики писателя. Органическую часть трех романов рассматривает сквозь призму конфликта идеала и реальности, который приводит к «ироничной» трагедии, не сопоставимой с глубиной трагедий Достоевского. Дуккон отслеживает также утверждения Иннокентия Анненского, но исходной точкой ее размышлений все равно является платоническая мысль, которая считает мир идей реальностью. Влечение писателя к архетипам литературовед открывает не только в параллели Обломов – Дон Кихот, но и в главном герое «Обрыва». Образ Райского она объясняет неоплатоническим и олицетворенным в Дон Жуане идеалом красоты. В особом эссе Гончаров описывает Белинского на основании этих образцов и олицетворяемой ими философии, в которой, в то же время, проявляется сохранение дистанции, характерной для романов писателя. Вследствие чего, можно обнаружить тесную взаимосвязь между эссеистикой и художественными произведениями писателя, которая развертывается из индивидуального художественного стиля Гончарова (Dukkon 1995).

Отметим, что кроме поэтологических исследований Эстер Рериг опубликовала также сборник переводов повестей и очерков Гончарова в 1987 году („A letűnt század szolgái”), в послесловии которого она акцентировала взаимосвязь малой и крупной прозы писателя. Однако венгерская исследовательница посвятила свои работы в основном роману «Обломов». Она основывалась и на положения академика Дмитрия Лихачева, согласно которым структура времени романа становится знаковым дубликатом и мотивировкой сюжетного построения. Переключение из плана выражения в план содержания утверждает Эстер Рериг, по мнению которой статичное состояние, пребывание обломовского образа жизни реализуется не только в репрезентации его предметного мира, но и в описательном характере повествовательного

слова (Rőhrig 1978: 162). Анализируя поэтику времени в романе «Обломов», Рериг замечает, что мотивный ряд «неподвижности» и «движения» ускоряет темп повествования и тем самым приближает героя к необходимости действия. Невозможность деятельности получает более краткое временное оформление, что подчеркивает невозвратимое погружение героя в бездействие. Цикличность временной конкретизации выстраивает одинаковый для каждого героя сюжет. Для Ольги и Штольца также характерно бездействие в конце романа, как и для Обломова, разница только в том, что в отличие от них, он осознает сходство их жизненных принципов (Rőhrig 1981).

Михаил Бахтин же в связи с «Обломовым» ставил предметом анализа жанровые особенности романа сквозь призму хронотопа. Столкновение двух жанровых традиций на уровне героев приводит к тому, что Обломов в стремлении сохранить свою «идиллию», «боится воплощения в мире», в реальности, функцию защиты от которой выполняет халат (Бахтин 2000: 225-226). В интерпретации венгерского философа Дьердя Лукача этот романтический конфликт должен манифестироваться посредством выражения настроений и рефлексий (Лукач 1994). Эти лирические формы воспоминания и самоосмысления способны в эпическом жанре романа воссоздать путь от прошлого к ситуации настоящего, которая понимается как результат жизни. Обломов живет только внутренней жизнью, которую воспринимает в качестве настоящей реальности и старается консервировать ее ценности. Его иллюзии утрачиваются из-за попыток Штольца реализовать внутренний потенциал своего друга в фактических действиях. Проблематизируется столкновение самодовлеющей души (романтика) с действительностью, потоком времени (реализмом). В этом смысле роман Гончарова является наглядным образцом одной ветви т.н. «дезиллюзионного романтизма».

Ференц Таллар был первым, кто постарался согласовать идеологемы с нарративной структурой, двуполярность которой расходится по трем направлениям, и после многократного увеличения открывает путь в сторону полифонии Достоевского. Развитие русской литературы XIX века философ рассматривает, используя положения Гегеля и Лукача, и с изнанки восточно-европейской общественной ситуации, которая принуждает главных героев романа Гончарова к воплощению социальных ролей и обращению ко внутреннему миру, вызывая тем самым постановки этих вопросов в крупных романах. В отличие от линейного западно-европейского романа судьбы, русский роман Гончарова предстает в качестве завершающей главы конечной точки девальвации, потому что предваряет обновление форм Достоевским. Ставится под вопрос всезнание повествователя, который не может преодолеть двойственность образов и их историй. В произведении проводится согласование двух ценностей друг с другом, в то же время, посредством привлечения образа Ольги, кажется, расширяются возможности,

открывается третий путь, однако и это переосмысливается. Строящаяся на этом неуверенность повествователя порождает многоязычность и идеологичных героев. Определение «дезиллюзионного» художественного жанра, данное Лукачем, Таллар сменяет на «антимонию», потому что в обострении и сосуществовании противоречий он считает его более пригодным для понимания специфики романа (Tallár 1984). Тогда как в случае с Флобером, реализуется противопоставление поэзии и прозы, то в «Обломове» реализуется единство противоречий. В силу того, что Таллар анализирует не модификацию нарративной структуры и построения, интерпретация, побуждающая к размышлению, остается на уровне диалектики. По мнению философа, дуализм образа героя и нарративной структуры не разрешается даже в самом конце романа. На наш взгляд, в результате динамизации становления главного героя и повествователя, а также вследствие дискурсивной реорганизации семантического комплекса фабульного мира, выстраивается новая история и новый язык. Сложная нарративная структура способствует и тому, что в тексте тематизирована история создания романа.

В научном сборнике, вышедшем в 2006 году в Венгрии (Kovács 2006) три автора (Иштван Фрид, Марианн Папперт, Ангелика Молнар) анализировали технику повествования Гончарова. Профессор Иштван Фрид разграничил нарративные уровни романа «Обломов» с той целью, чтобы идентифицировать образ повествователя, а также возвратил Штольцу центральную роль, в которой критики отказали ему (Fried 1996). Появление литератора в конце произведения как мотивации воспоминаний Штольца и порождения романа кажется исследователю нереальным, ироническим приемом. На этой гипотезе основан его анализ особенностей повествования произведения. Согласно Фриду, трудно отличить голос Штольца от литераторского, т.е. определить принадлежность отдельных высказываний, но в «Сне Обломова» проявляется голос более многосложного нарратора, через которого автор отказывается от приемов натуральной школы и от осуждающего дискурса.

Фрид переосмысливает прежние интерпретации, акцентируя то, что Штольц не выполняет дидактическую функцию. С одной стороны, он является органической частью повествования, а с другой стороны, имеет собственную историю в своем рассказе об Обломове, для истории которой и ищет «самоутверждения». Для Штольца точно также важно понять своего друга, его историю и собственную роль и роль Ольги в этой истории, как повествователю. Итак, Фрид ставит вопрос о наличии нарративной структуры даже не с двойным, а с большим количеством голосов. Параллельные истории представляют собой отображение столкновения различных стратегий повествования и образцов художественных произведений. Двойной нарратив, который вызвал противоположную интерпретацию романа, можно объяснить

неосуществленной двойственностью текста. Оживление традиции «лишнего человека» (прочтение Штольца) и усложнение истории посредством музыки (прочтение повествователя), прорывающаяся лиричность, намерение создать поэтический язык и особый хронотоп раздвигают рамки взятых за основу типов романа (роман о путешествиях, воспитательный роман, биографический роман и т.д.). Составные антитетические элементы повествования исследователь может проследить до конца и в главе «Сон», которая разбивает модальность повествования, кажущуюся обыденной в первой части, и делает еще более сложной идентификацию личности повествователя. На основании этого исследователь приходит к заключению, что поэтика «Обломова» не соответствует каноническим прочтениям реалистических романов. Так, например, типизация не следует натуралистическим схемам, а предваряет дальнейшие события посредством проникновения в неосознанное, привлечения фольклорных элементов, этимологизации и применения мифопоэтических средств для моделирования обломовского, «вненаходящегося существования». Функция арии Casta diva и музыки как раз в том, чтобы маркировать прочтение повествователя, лиричность его поэтического языка, и глубокий психологический анализ. К тому же, исходящий из многоголосного нарратива раскол прослеживается и в форме рассказа Штольца. Проблематика повествования, нарративные переходы, переосмысление реалистических концепций открывают особую перспективу в нарративном и языковом толковании текста.

К восприятию творчества русского писателя можно подойти также с точки зрения литературного контекста XIX века, в форме интертекстуального анализа художественных произведений. Типологические сопоставления, которые были проведены ранее между романами Гончарова и произведениями венгерской литературы (Шандор Петефи: «Дорогие гости», Янош Арань: «Смерть Буды») несмотря на присущую им перспективность, так и остались незавершенными (Lukácsy 1955: 323). Критики только указывали на влияние Тургенева или Пушкина, или примеряли главных героев Гончарова (в первую очередь Обломова) к образам венгерских романов (Элек Гожду: «Туман», Дьюла Круди: «Красный дилижанс», Жигмонд Мориц: «Барские затеи»). И в наши дни отсутствуют труды венгерских исследователей, подробно анализирующих параллелизмы, общие тематические, событийные и текстовые элементы в произведениях Гончарова и других писателей.

Сфера анализа однако же велика, ведь наряду с откликами критиков и общественных деятелей на роман Гончарова, появились и литературные отсылки, аллюзии и переложения. Так например, и стихотворение Тамаша Фалу «Письмо к Обломову» (1928), в котором нагромажденные метафоры постепенно обостряют отчаяние. Нежные птички сна, мир, тишина, беззаботность, вечный отдых заменяются мертвыми годами, скукой, отсутствием желаний и сомнений. Вследствие чего в стихотворении

создается атмосфера сильной разочарованности и тоски, которая окрашена в темные тона.

В современной венгерской литературе также в первую очередь стихотворения представляются собой ссылки на роман Гончарова. Лиризм был в известной степени чужд Гончарову, поэтому становится удивительным факт обращения к его прозе посредством лирики. В стихотворении Андраша Петоц «Сон Обломова» главным конструктивным фактором выступает особый хронотоп, базированный с одной стороны, на переплетение и контраст временных пластов (прошедшее – настоящее – будущее, реальное время быстро протекает в отличие от вечного времени сна и воспоминаний), и пространства (здесь и там). Метафорика сна и пробуждения, внешних воздействий и внутренних желаний, резкого света и осеннего солнца пронизывает последовательные картины настроений.

Стихотворение Иштвана Аг с тем же названием – «Сон Обломова» – своеобразно полемизирует с традиционным пониманием образа главного героя Гончарова через посредство модернизированной обстановки и лексики. Нарративное действие «вставания» в стихотворении переходит в переосмысление сна, а лирический субъект оказывается поэтом-преподавателем.

Расшатыванию канонических толкований служит также пьеса нового драматурга Михаила Угарова с названием «Смерть Ивана Ильича», с большим успехом представленная и на венгерской сцене. В тонкой стилизация Угарова классическое совмещается с современным, – она не инсценировка «Смерти Ильи Ильича» Толстого или «Обломова» Гончарова, а психологический, хотя и современный театр. Обломов репрезентируется как взрослый человек, обладаюший неспокойным, больным детским темпераментом и наивностью. Актуальность поставленного вопроса выражается в оппозиции образов вечного мечтателя и деловитого человека. Обломов и Щтольц хотят дополнить себя качествами другого, чтобы уравновесить свою деятельность и покой. К тому же их контраст освещается при помощи образа врача, которому в пьесе присваивается более важная роль, чем в романе. Доктор и пациент меняются местами в ходе их трех встреч. Врач оказывается по-настоящему больным человеком, хотя в результате исследований приходит к заключению, что Обломов заражен смертельной болезнью (totus). Это наименование означает, что цельный человек не может смириться с раздробленностью человека в условиях, когда все люди вокруг только обломки. Главный герой испытывается любовью, но это влечет за собой угрозу самопотери, поэтому он выбирает претерпевание тяжести бытия. В этом смысле Обломов Угарова также сталкивается с вопросами жизни и смерти, как и Иван Ильич или Илья Ильич, если даже он скорее современный маргинал, чья единственная возможность противостоять утилитарности окружающего мира – это остаться самым

собой. Его лень и непрактичность являются залогами его собственной независимости, ребячество – форма самозащиты, ведь ребенка любят таким, каков он есть. А Пшеницына подходящая мать, жена и домохозяйка, которая опутывает его плотно и хитро с помощью еды и заботы. Страхи главного действующего лица истекают из детских травм, а причина смерти кроется в безвыходности его пограничного положения. Смерть Обломова звучит в пьесе трагично, но абсурдные диалоги, игра слов, ироническая постановка экзистенциальных вопросов снимает изначальный трагизм.

Спектакль «Oblom-off» была поставлен и на венгерской сцене (2009 г. Csokonai Színház, Debrecen) вслед за российскими постановочными образцами, однако с другой трактовкой. На сцене городская квартира, декорация и инвентарь, которая символизирует фрагментарность: гипсовые торсы, сталинские сапоги, задняя часть лощади. Напрасно чистится вечно грязная стеклянная стена. Вместо дивана и катафалка как убежища – покрытый стол с любимыми книгами, под ним мир Обломова. Он постоянно скрывается то в халат, то в «домик». Этой своеобразной и постоянной игрой с другими обогащается мотив самозащиты Обломова Гончарова. Удивительное режиссерское решение наблюдается в том, что арию Casta diva поют двойники певиц: мать, Ольга. Шумный внешний мир постоянно вторгается в сцену покоя и торжественной музыки: танцоры в форме, танцующие под современную музыку, символизируют бесконечную суету, которая грозит Обломову – обломку, старающемуся остаться цельным человеком.

Суммируя сказанное выше, можно утверждать, что согласно новым подходам к творчеству Гончарова, оказывается, что ему удалось наиболее транспарентно регенерировать русский национальный характер, поставить основные проблемы существования (движение и постоянство), проецировав их на ситуацию современного человека и открыть поэтическую перспективу для развития русского романа. Добавим, что 200-летняя годовщина со дня рождения Гончарова в Венгрии (г.Сомбатхей) тоже была отмечена проведением международной научной конференции, посвященной проблемам творчества русского писателя, а также изданием сборника по материалам конференции, публикациями тематического раздела Филологического Вестника Венгерской Академии Наук (переводы трудов известных русских и зарубежных ученых, а также статьи венгерских исследователей). Вышла вторая книга – монография на венгерском языке, посвященная поэтике романов Гончарова, и готовилась диссертация по анализу творчества писателя. По этой причине усиленное внимание к нему венгерскими литературоведами кажется закономерным.

Литература

Бахтин, М.М. (2000) Записи курса лекций по истории русской литературы. (1922-1927). // Бахтин, М.М. Собрание сочинений. Т.2. Москва, Русские словари. С. 213-411.

Зельдхейи-Деак, Ж. (1994) Восприятие Обломова в Венгрии до второй мировой войны. // Thiergen, P. (ed.) Ivan A. Gontscharov. Leben, Werk und Wirkung. Böhlau Verlag, Köln-Weimar-Wien. 433-4451.

Кречетова, Р.П. (1980) В поисках гармонии. // Искусство кино. Москва. №5. С. 51-60.

Лукач, Д. (1994) 2. Романтизм разочарования. // Лукач, Д. Теория романа: Опыт историко-философского исследования форм большой эпики. (Часть II. Опыт типологии романной формы). // Новое литературное обозрение. № 9. С. 19-78.

Рассадин, С.Б. (1980) Обломов без Обломовки. // Искусство кино. Москва. № 5.С. 40-50.

Хайнади, З. (2000) Фауст и Обломов: противостояние. // Литература. №20. С. 14-15.

Фрид, И. (2006) Кто повествователь в «Обломове»? // Studia Slavica 3-4. №51. 219-230.

Almási M. (1956) Goncsarov. Szakadék. // Irodalomtörténet. № 1. 120-123.

Bakcsi Gy. (1962) Goncsarov. (Irodalomtörténeti kiskönyvtár 15.). Budapest, Gondolat Könyvkiadó.

Bakcsi Gy. (1989) Öt orosz regény. Budapest, Tankönyvkiadó. 98-173.

Dukkon Á. (1995) Költészet és valóság Goncsarov világában. // Filológiai Közlöny. №2. 114-124.

Fried I. (1996) Ki az Oblomov beszélője? // Kovács Á. (szerk.) Puskintól Tolsztojig és továbbb… Budapest, Argumentum. 181-190.

Hajnády Z. (1991) Az orosz regény. Budapest, Tankönyvkiadó.

Illyés Gy. (1976) Itt élned kell I-II. Magyarok. 1939. I. kötet. Budapest, Szépirodalmi Könyvkiadó.

Kárpáti A. (1914) Földek testvérisége. // Új Nemzedék. № 24. 18-19.

Konrád Gy. (1962) Emlékezés az „Oblomov" írójára. // Nagyvilág. № 9. 1368-1373.

Lukácsy S. (1955) Goncsarov és a Hétköznapi történet. // Goncsarov. Hétköznapi történet. Budapest, Új Magyar Könyvkiadó. 311-325.

Nagy L. (1952) // Irodalmi Újság. 24.

Németh L. (1975) Megmentett gondolatok. Tanulmányok, kritikák, vallomások. Budapest, Magvető.

Németh L. (1953) Munka közben. Oblomov. // Csillag. 898-900.

Kovács Á. (szerk.) (2006) Puskintól Tolsztojig és továbbb… Budapest, Argumentum.

Kozocsa S. (1967) Goncsarov Magyarországon. // OSzK Évkönyve (1965-1966). Budapest. 500-515.
Rőhrig E. (1978) Az idő poétikájának kérdései Goncsarov „Oblomov" című regényében. // Studia Russica 1. Budapest. 159-167.
Rőhrig E. (1979) Az Oblomov interpretációi a poétikai megközelítés tükrében. // Studia Russica 2. Budapest. 192-205.
Rőhrig E. (1981) Az „Oblomov" poétikája. // Az Orosz Irodalmi Tudományos Diákkör munkái. 1968-1978. Budapest. 167-179.
Spiró Gy. (1983) A befejezetlen dráma. (Nyikita Mihalkov filmjei a televízióban). // Filmvilág. № 11. 14-19.
Tallár F. (1984) Utópiák igézetében. Budapest, Magvető. 312-372.
Török E. (1970) Orosz irodalom a XIX. században. Budapest, Gondolat. 97-103.
Zöldhelyi Zs. (1997) Goncsarov. // Zöldhelyi Zs. – Hetényi Zs. (szerk.) Az orosz irodalom története a kezdetektől 1940-ig. Budapest, Tankönyvkiadó. 135-139.
Zöldhelyi Zs. (1995) Ivan Goncsarov. Oblomov. // Hetényi Zs. (szerk.) Huszonöt fontos regény. Műelemzések. Budapest, Lord-Maecenas. 46-61.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 378-381
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.378

Marija Kozar-Mukič
(Sombotel, Madžarska)

PREVZETE BESEDE V PORABSKIH LJUDSKIH PESMIH

Abstract: Adopted words and phonetical characteristics of the common Slovene language in the folk songs of the Raba-region prove that the Slovenes in the neighborhood of Szentgotthárd had the most contacts with Slovenes and Germans in the Austrian Steiermark. A few words were adopted from Croatians and hardly any from Hungarians.
Keywords: folk songs, Slovenes in Hungary, adopted words

Pred prvo svetovno vojno so prinašali v devet slovenskih vasi v okolici Monoštra[1] največ novih pesmi hlapci in dekleta, ki so se vračala z dela, romarji in sezonski delavci. V prvi svetovni vojni so fantje iz teh vasi bili na raznih frontah skupaj z vrstniki različnih narodov Avstro-ogrske monarhije, tako tudi Slovenci. Od njih so se naučili vojaške in ljubezenske pesmi in s pesmimi vred prevzeli tudi besede iz splošnoslovenskega jezika. V letih 1945-1946 so v Porabje hodili slovenski partizani iz Prekmurja. Tudi od njih so se učili Porabci pesmi, ki so jih peli in prepisovali ob lupanju bučnih semen in česanju perja ter drugih prilikah.[2]

Besede iz splošnoslovenskega jezika se pojavljajo še v cerkvenih pesmih, ki so jih duhovniki prevzeli iz »kranjskih« molitvenikov. Ali so se jih ljudje naučili na romanjih. Na sezonskem delu so Slovenci delali skupaj s Hrvati, tako se pojavljajo v pesmih tudi hrvaške besede. Nemške besede so prevzeli na začasnem delu v Gradcu in drugih krajih avstrijske Štajerske.

V pregledanih dvesto porabskih pesmi v zbirki *Fučkaj, fučkaj, fantiček moj* (Mukič 2001 in 2003) smo iskali neporabske besede in besedne zveze, jezikovne pojave, ki niso značilni za porabsko narečje. Te besede včasih niti niso razumeli in tako tudi popačili ali nadomestili z domačo besedo (npr. tramvaj s taligami/samokolnico, nočnica z noč nocoj ipd).

Izrazi splošnoslovenskega jezika v ljubezenski pesmih in baladah

Največkrat se pojavi beseda *fant, fantič, fantiček* in *jaz*. Prevzete besede so v veliki večini samostalniki, le nekaj je glagolov.

Primeri:

[1] Gornji Senik, Dolnji Senik, Sakalovci, Slovenska ves, Števanovci, Otkovci, Verica, Ritkarovci, Andovci.

[2] prim. rokopisno pesmarico družine Bajzek na Gornjem Seniku, v kateri je dvajset takih pesmi. Marija Kozar-Mukič: Gradivo za slovensko narodnoosvobodilno pesništvo. Jezik in slovstvo, letnik XXIII, leto 1977/78, št. 1, str. 29-30.

barka pisana (93)[3], bejli grad (90), bistra voda (93), bolan (53), brezi vse skrbi (39), fant (2, 90,158, 193, 200), fanta (29, 30, 51), fante (43, 89), fanti (35, 103), fantič (23, 31, 50, 54, 73, 74,139, 156), fantiček (37, 49, 67,176), fantov (37), gleda si dol krasé (’okrase’ 140), gomilico (79), gomilo (41), Gorenjsko (120), goričice (44), hišico (30), jaz (34, 96, 117/3, 140, 144, 157, 158, 165, 166, 183, 189, 192), kje (127), kleti (37), klobuček (144), končecom ('s sukancem' 144), konjička (54), konjički škrebljajo (184), **kovran (gavran, krokar 169),** Kranjci (35), krasna je nočnica ('noč nocoj' – 76), ladja (14), Lublanca ('Ljubljana' 176), lunica (52), mladenec (20), mrtve kosti (124), na bližnjem hribčku (168), na goro visiko (88), na morje veslat (76), na okecne potrkam (74), na vasi (168), nocoj (67), norica (52), obložen (184), očka (140), odgovor (139), opsida (’obseda – omizje’ 149) ovce (154), ovčar (154), pelin (129), pelinovec (155), petelinček (74), petelinčke (90), plamince (101), plaminčice (44), po cest’ (157), pomlad (77), prebudičke (90), pred gostilno (40), pred sovragom (100), pretemne so noči (74), raubček (150), robček (49), robec (5), Rovanci=Hrvatje (35), samostan (88), skupaj (168), stezice (74), šimlina (54), ulica (190), ur’ca (90), v bistroj vodici (14), v daljavi (100), v kraje tuje (100), v valauve (51), vendar (74), vina je štrihan glaž ('do roba poln' 118), vol (169), vrt (127), z globočin (35), z gornjega kraja (52), zaročnico (101),

Pesniška beseda »**gavran**« za krokarja v obliki »kovran« se je ohranila v pesmi *Sestrica, stani, na pašo boš šla (169).* To je porabska inačica pesmi o hudičevi nevesti. Brat je sestro zaklel v pekel, ker ni hotela zgodaj zjutraj živino na pašo gnati. Med oranjem dobi tri sporočila. Tretjič mu črn gavran sporoči, da se sestra poroča. Ko se brat zvečer vrne domov, sestro že hudič pelje s kočijo k poroki.

Glagoli: *dekline zapaja* – (zavaja 52), *govori* (124), *gre* (157), *greta* (22, 68), *grem* (74), *karte vržejo* (89), *kregajo* (186), *mimo gre* (139), *nesrečna bla* (52), *me kregajo* (140), *odgovor dati* (58), *odromala* (83), *pela* (21), *poglej* (166), *pojde* (120), *pojdejo* (176), *pojdeta* (22), *pojem* (140), *pojo* (162), *prašau* ('vprašal' 37), *’prašat* ('vprašat' 164), *preklela* (37), *premaguje* (100), *prihajo* (162), *pustaj* ('pusti' 40), *reko* ('rekel' 176), *se priklatim* (74), *sem rekeu* (57), *spomnite se kdaj* (100), *sprašuješ* (156), *spremlevale* ('spremljevale' 100), *sunce potemnelo* (52), *šeu bom* (164), ***štandero*** **('študiral' 53),** *zanosila* (50, 139), *zvejzde bleščale* (100), *zvonovi nemilo pojo* (101), *žvrgoli* (77).

Glagol »**študirati**« se pojavi v baladi *Moj oča méu je sine tri*. Oče je imel tri sinove, da bi mu bili v pomoč na stara leta. Toda vsi trije še mladi umrejo. Prvi je bil študent, ki je študiral dvanajst let, na trinajsto je moral umreti. Drugi je bil vojak, ki je služil osem let, na deveto je moral umret. Tretji pa je zbolel, leto dni je ležal in si je smrti sam želel.

[3] V oklepaju je številka pesmi v zbirki Fučkaj, fučkaj, fantiček moj

Izrazi splošnoslovenskega jezika v vojaških pesmih

Tudi pri vojaških pesmih se največkrat pojavi beseda *fant, fantič, fantiček* in *jaz*. V veliki večini so samostalniki, le nekaj je glagolov.

Primeri:

bejle lunce (87), *cesta* (62), *desnica* (138), *dober dan* (196), *Donava* (105), *fant* (9, 17, 18, 87, 138, 179, 196), *fantič* (15, 18, 36, 106, 128, 178, 196), *fantiček* (19, 138), *gora* (177), *iz tujine* (36), *jaz* (128, 133, 138, 173, 174), *junak* (145), *kasarne* (15), *mladenec* (112), *Morava* (105), *mreža* (62), *na desno stran* (128), *na gmajnici* (18), *na straži stoji* (137), *nočnica* (36), *obrambica* (18), *ostri meč* (134), *plamina* (36), ***polenta*** **(9**), *poljubček* (62), *potrta* (62), *s Kranjske doline* (17), *stalno* (137), *stražar* (62), *vu tabori* (138), *vislice* (105), *vojakov* (91), *k vojski* (19), *na vojskoj pauli* (13) *vrt* (172).

»Polenta« niti kot beseda, niti kot hrana ni znana v Porabju. Pesem *Dekle ide nutri v püngrad* je najbrž nastala za časa prve svetovne vojne, v kateri so ogrski Slovenci prišli do Italije, »na taljanski front«. Kot vojaki avstro-ogrske armade pretijo Italjanom: »Čakaj ti taljanska fara/vej ti mi pokažemo./Kak se more polenta pečti [...]. S kruglami ti osolimo/s štükom ti jo načnemo.«

Glagoli: *časi hitijo, preminijo* (36), *govori* (92), *govorit* (36), *obimam* (’objemam' 36), *odhajati* (87), *plavam* (138), *potrkat* (36), *razprestrem* (36), *se glas razširi* (92), *so zagrnole* (13), *tekla moja zibelka* (36).

Hrvaški izrazi v porabskih ljudskih pesmih

Primeri:

daleko (137), *dečica* (45), *deklič* (158), *devojčica* (54), *divojka* (102), *divojka* (44), *dopadnola* (83), *ftičice grličice* (158), *jabuka redeča* (119), *jakša* (135), *jakša* (30), *jakše* (59), *jakše* (85), *jakšo* (72), *jeli* (45), *jesi* (164), *kaput* (88), *kiša pada* (33), *kuma* (142), *ljubav* (115)**,** ***ljubav žarko*** **(137),** *naj si ga podišim* (192), *najjakša deklina* (21), *otvori* (115), *raužica rumena* (165), *se šetam* (192), *(zlate) slove piše* ('slovo – črka' 99), *spava* (42), *spavaj* (88), *spavat* (176), *spavo* (17), *stazica* (115), *šetala* (146), *zapitala* (33), *zazovala* (76), *žarke sku*ze (18).

Porabski Slovenci so imeli stike s Hrvati preko duhovnikov in na sezonskem delu. Ljudske pesmi so prevzeli od Hrvatov večinoma na sezonskem delu. Cerkvene pesmi pa doma od duhovnikov. Pesem *»Micika moja«* je tudi po vsebini dalmatinska, ne samo po besedah. Fant ljubosumno misli na dekle iz velike daljave. Pritožuje se tudi zaradi siromaštva: *»Nemam nikoga, samo eno malo barko,/in* ***ljubav žarko*** *do Marice.«*

Nemški izrazi v porabskih ljudskih pesmih

Primeri: *ajnc, cvaj, draj* (1), *farbo* (55), *jungfrajla* (70), *lump* (88), *na štauki* (42), *Ober Štajersko* (120), *pinten glaž* (69), *po španceranji* (192). *pofrišala* (144), *rajtaš* (135), *šauštar* (113), *šnajder* (113), *šnajder* (66), *špancer* (112), *špancer* (20), *špancera* (90), *šrajb papir* (4), *štauka dva* (30), *štauke iže* (30),

štimaš (135), *štinglic* (9), *štrikala* (88), *šujster* (66), ***ti šajni guti nau*** **(die schöne gute Nacht! – 175)**, *tišlar* (113), *v špitalaj* (35), *vina štrinjem glaž* (69).

Porabski Slovenci so kot hlapci in dekleta služili pri kmetih na avstrijskem Štajerskem. Zaposlovali so se tudi kot delavci v tovarnah v Gradcu. Z obrtniki iz sosednje Štajerske so prihajala v Porabje in porabščino tudi njihova poimenovanja: šauštar, šujster – čevljar, šnajder – krojač ipd. V ljubezenski pesmi *Stari hergolin* je celo nemški stavek, čeprav je popačen: ***ti šajni guti nau*** (die schöne gute Nacht! (175)

Madžarski izrazi v porabskih ljudskih pesmih

Primeri: ***džünževna*** (149) (m. gyöngyös) 'biserna', *huncvut* (167) (m. huncut) 'prebrisan', *kinč* (124) (m. kincs) 'zaklad', ***parta*** (149) (m. párta) 'trak', *šikšak* (114) (m. sisak) 'čelada'.

V porabski ljudski pesmi je najmanj madžarskih izrazov. Pesem *O, zdaj moja opsida* (omizje) je ženitovanjska iz 19. stoletja. Prevedena ali prirejena iz madžarščine. **»parta džünževa«** je kalk po madžarski besedi »gyöngyöspárta«.

Glasoslovni pojavi, ki jih porabščina ne pozna

Soglasnik *h* v porabščini na začetku besede onemi. Besede, v katerih se *h* v porabskih pesmih izgovarja, so prevzete iz splošnoslovenske leksike.

Primeri: *hodila (20), hod'mo (118), hišo (151), hiš'ca (164), hodi (164), vu hiši (164), hitro zbeži (92), za hrbtom (92), hodila (112), hodi (196).*

Zvočnik *j* se v porabščini na začetku besede ali med samoglasniki izgovarja kot mehki *d'* . Besede, ki se začenjajo z *j* in se med samoglasniki izgovarja *j*, so prevzete iz splošnoslovskega jezika.

Primeri: *jamico* (79), *jamo* (91), *jesen* (196).

Prevzete besede in glasoslovne značilnosti splošnoslovenskega jezika v porabskih ljudskih pesmih pričajo o tem, da so imeli Slovenci v okolici Monoštra največ stikov s Slovenci in Nemci na avstrijskem Štajerskem. Nekaj besed so prevzeli od Hrvatov zelo malo pa od Madžarov. Pri ohranjanju materinščine in lastne kulture Slovencev na Madžarskem so ljudske pesmi igrale pomembno vlogo skozi stoletja in so tudi danes sredstvo za krepitev identitete.

Literatura

Mukič, F. (2001) in D. Füčkaj, füčkaj, fantiček moj. Sto ljudskih pesmi iz Porabja. Zveza Slovencev na Madžarskem. Szombathely.

Mukič, F. (2003) in D. Füčkaj, füčkaj, fantiček moj 2. Še sto ljudskih pesmi iz Porabja. Zveza Slovencev na Madžarskem. Szombathely.

Zorko, Z. (2005) Prekmursko narečje med Muro in Rabo na vseh jezikovnih ravninah primerjalno z današnjim nadnarečnim prekmurskim knjižnim jezikom. Prekmurska narečna slovstvena ustvarjalnost. Ustanova dr. Šiftarjeva fundacija Petanjci. Murska Sobota, 47-66.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 382-387
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.382

Nyomárkay István
(Budapest, Magyarország)

EGY NYELVTEREMTŐ PRAKTIKA: A TÜKÖRSZÓALKOTÁS

A nyelvek közötti kapcsolatok vizsgálatában a kutatók figyelme a 19. sz. végétől kezdett a szókincsgyarapításnak erre a módjára, ti. egy nyelv szavainak és kifejezéseinek másik nyelvre történő elemről-elemre pontos fordítására, azaz a tükörszóalkotásra irányulni. Nagyobb figyelmet – a tanulságokat konkrét nyelvi anyag alapján levonva – Hugo Schuchardt szentelt neki, aki Fran Miklošičnak (Franz von Miklosich), „a szlavisztika atyjának" jubileumára írt munkájában (Schuchardt, H. 1884) az idegen minták fordításait először „másolás" (Kopieren), majd „utánzás" (Nachahmung) névvel illette.

A tükörszavak- és kifejezések rendszerezésével – több előzetes tanulmányra is támaszkodva, s eredményeiket mintegy összefoglalva – legbehatóbban Kurt Schumann foglalkozott (Schumann 1965: 61-91.) Az általa felállított csoportosítás tíz típust nevez meg. Közülük ezúttal a két leggyakoribbal, a szó szoros értelmében vett tükörfordításokkal (elemről-elemre megfelelő utánzásokkal), valamint a tükörjelentésekkel horvát és szerb nyelvi anyag alapján foglalkozunk.

Schumann definíciója szerint a tükörfordítás „egy idegen nyelvi mintának új képzéssel történő pontos, elemről-elemre megfelelő fordítása", tükörjelentésnek pedig az a szó vagy kifejezés tekinthető, amely „idegen nyelvi minta alapján kiegészítő jelentést kap".

A tükörfordítások és tükörjelentések mintáinak pontos meghatározására, valamint utánzó nyelvbeli életképességére vonatkozóan több tanulság is levonható. Közülük kívánok néhánnyal foglalkozni.

1.A megbízható eredmények eléréséhez a kutatónak alaposan kell ismernie nem csupán az utánzó- és a feltételezett mintanyelvet, hanem az adott areában a kölcsönhatás tekintetében szóba jöhető más nyelv(ek)et is;

2.a kutatáshoz nem elegendő csupán szótári adatokra támaszkodni, hiszen számos esetben a folyamat irányát, azaz a valódi mintát szövegek döntik el;

3. egy tükörszónak- vagy kifejezésnek (nem gyakran ugyan, de) lehet két nyelvből vett mintája is, tehát nem csak mintanyelvről, de adott esetben **mintanyelvekről** is beszélhetünk;

4. kérdés az is, hogy az utánzó nyelv „rendszerének kényszere" (Systemzwang) meddig tűri az utánzó nyelvben erős mintanyelvi hatásra alakult, idegenszerű és saját világképébe és grammatikai rendszerébe nem illeszkedő megoldásokat.

Ad 1. Matthias Rammelmeyer a szerbhorvát nyelv német tükörszavairól írt munkájában (Rammelmeyer 1975) például – szótári adatok alapján – azt állítja, hogy a szh. *igrokaz* 'színjáték' mintája a ném. *Schauspiel.* Első előfordulását 1835-ből regisztrálja egy „Sbirka někojih rěčih, koje su ili u gornjoj ili u

dolnjoj Ilirii pomanje poznate" ('A Felső- és Alsó Illíriában kevéssé ismert szavak gyűjteménye') című szószedetből, amely véleménye szerint feltehetően a neves szótáríró, Antun Mažuranić munkája. Egyértelműen német mintára alkotott tükörszónak minősíti, és a „Substantivum + Kompositionsmorphem + Verbalstamm + Ø Suffix" képzési csoportba sorolja, ám néhány oldallal tovább már az „ungenaue Reproduktion des Wortvorbilds" ('a mintaszó pontatlan utánzása') minősítést is hozzáfűzi (Rammelmeyer 1975:53, 61). A szó azonban jóval korábbról is kimutatható, mégpedig egy 1792-es „Pravdenić i Poštenić iliti Ovak bila negda na ladanju" ('Igazságos és Tisztességes /ti. metaforikus személynevek, Ny.I./, avagy így volt országunkban hajdanán" című iskoladrámából (Šojat 1982:16). Később 1802-ből is van rá adat: „*IGROKAZ* Izpelyan vu Zagrebu dana 1voga Martiu∫∫a, 1802" … ('Játékszín, bemutattatott Zágrábban 1802 március 1-jén') (Cindrić 1960: 64-65). A horvát előfordulások mind jóval későbbiek, mint a magy. *játékszín*-éi, amely „Scena: *Játék-∫zín*, hely, ház: Schau-Bühne" jelentésben 1750-ből, a vele rokon *játékház* pedig 1778-ból adatolható (TESz). A horvát szó – mint láttuk – nem alapulhat német mintán (*Schauspiel)*, melynek sem jelentését nem adja vissza, sem szerkezetét nem követi. A német kifejezés utánzására (*Theatrum* címszó alatt) már1730-ban érdekes példát találunk Belostenec szótárában, aki német mintára alkotja meg a *gledo-igra* 'tkp. néző játék' szót, amely szerkezetileg is (igető+kötőhang+főnév) a *Schauspiel* pontos mása. Érdekesek egyébként Belostenecnél a *színház* egyéb bonyolult, körülírásos értelmezései is, pl.: *pokazalische igrih* 'játékok bemutatásának helye', *gledalische od kudsze igre glede* 'nézőtér, ahonnét a játékot nézik' stb.

Az *igrokaz* mintája tehát nem lehet a ném. *Schauspiel*, hanem tartalmi és formai tekintetben is a magy. *játékszín.* Az összetétel első tagja világos, némi magyarázatra csupán a második szorul. Ismert, hogy „*szín* szavunk az 'egy fajta épület' jelentésű *szín* főnévtől különült el", s régi szótárinkban a lat. *scena* 'színpad', tehát 'bemutatásra, előadásra szolgáló hely' jelentésű (TESz). A horvát összetétel második tagja a *kazati* ige töve: *kaz* + Ø morféma. Az ige eredeti jelentése 'monstrare' (Skok, P.), tehát az *igrokaz* tulajdonképpen 'játékbemutatás'. Jól illusztrálja az elmondottakat az *igro**kaz** – játék**szín*** és a ***kaz**alište – **szín**ház* párhuzam is.

Ad 2. A szövegek döntő szerepét – több más mellett – a horv. *povjerenstvo* 'bizottság' és *povjerenik* 'megbízott' és *časnik* 'katonatiszt' szavak példáján mutatjuk be. Mindkét kifejezés a horvát nyelvújítás eredményeként létrejött hivatali és jogi szókincs máig kizárólagos használatnak örvendő eleme. Az 1865/67 és 1868 évi törvénygyűjtemény német nyelvű szövegeiben használatos *Commission,* illetve *Commissär* horvát nyelvi megfelelői *povjerenstvo* és *povjerenik.* Ilyen és hasonló esetekben feltételezhetjük a magyar minta utánzását, hiszen a horvát szavak jelentés és szerkezet tekintetében is pontos megfelelői a magyar *bizottság* és *megbízott* kifejezéseknek, ám ha eredeti lelemények is, amelyek végső soron a latin mintán alapulnak, az idegen szó használatának törvényszövegben való kerülése biztosan magyar hatást tükröz.

A 19. századi katonai szolgálati és gyakorlati szabályzatok német nyelvű szövegeiben (Kav, Pješ stb) 'tiszt' jelentésben *Offizier* olvasható, míg a horvát szövegekben – minden bizonnyal magyar mintától ösztönözve – rendre *častnik* (mai helyesírással: *časnik*) szerepel. Ez a horvát szó egyúttal a visszakölcsönzés (Rückentlehnung) példája is. A szláv eredetű *čьstь* 'tisztesség, becsület; tisztség' (szerbh. *čast,* or. *честь* 'tisztesség, becsület') a magyarban *tiszt* alakban és 'elismerés, tisztelet' jelentésben a 14. sz. elejétől adatolható; 'kötelesség, hivatal' jelentésben 1342/1448-ból, 'tisztviselő, Beamter', majd 'katonatiszt' jelentésre 1608-ból, illetve 1664-ből valók az első adatok (TESz). A horv. *častnik* képzett alakjaival és a vele alkotott összetételekkel együtt a különböző szabályzatokból bőségesen adatolható (Konj, Služb2 stb), pl. *podčastnik* 'altiszt', *častnički sluga* 'tisztiszolga', *pričuvni častnik* 'tartalékos tiszt; Reserveoffizier', *častnik- živežar* 'élelmezőtiszt' stb. Tulajdonképpen európai tükörszónak is tekinthetjük, amelynek eredeti (latin, ill. latinosított) alakját lefordítva igazítottak hozzá az átvevő nyelvek alaktani rendszeréhez, amint ezt a szláv-magyar-szláv út mutatja. A szövegek alapján valószínű, hogy a 'katonatiszt' jelentés a horvátban magyar hatásra jött létre, hiszen a ném. szövegben mindenütt *Offizier* olvasható, a magyar nyelvű szabályzatban pedig csak az anyanyelvi kifejezés szerepel. A magyar szó legalábbis ösztönzést adhatott a horvát fordítónak az anyanyelvi kifejezés használatára.

Ad 3. Egy tükörszónak, ritka esetben ugyan, de két mintája is lehet. A horvát nyelvújítás sikeres produktuma volt a ma is kizárólagos használatú, 'Telegramm, Telegraph' jelentésű *brzojav* 'tkp. sürgős, gyors hír; sürgős, gyors jelentés'. Rammelmeyer óvatosan jegyzi meg, hogy létrejöttét az említett két német szó ösztönözhette. Ha magát az összetett szót nézzük, két alapmotívumot találunk benne: egyrészt magát a közlést, másrészt pedig a gyorsaságot, a sürgősséget. A ném. *Depesche* a fr. *dépêche* átvétele, amely a *dépêcher* 'siettet, sürget; beschleunigen' igéből van képezve, amelynek jelentése 'a lábból eredő akadályokat eltávolít; Hindernisse aus den Füßen räumen', azaz ellentéte az *empêcher* 'akadályoz; tkp. Fußschlingen legen' ige jelentésének. Ez a kései latin *impedicare*-re 'hurokra kerít, megfog' (Finály 1884) igére megy vissza, amely a *pedica* 'Fußschlinge; láb megkötözése, lábbilincs' igéből van képezve, végső forrása a lat. *pēs* 'láb'.(DudEt). A horvát szót tehát részben a német (tkp. francia, illetve latin) ige utánzatának is tekinthetnénk (esetleg a magy. *sürgöny*-t is figyelembe véve), azonban a második tag közvetlen mintáját (*-jav*) sem a német sem a magyar minta nem tartalmazza. A magy. *sürgöny* 'dépêche' jelentésben 1834 óta, 'Eilbote, Stafette; futár' és 'Telegramm' jelentésben pedig 1848-tól adatolható (TESz). Etimológiai szótárunk még megjegyzi, hogy „…a nyelvújítás korában divatossá vált *–ny* deverbális nomenkpzővel alkották." Hol keressük azonban a második tag mintáját? A német purista szótárakban (pl. Heyse1910; első kiadás 1853) a *Telegramm, Telegraph* körülíró értelmezéseként *Drahtbrief* és *Drahtantwort* mellett *Draht**meldung*** található. Ennek az összetételnek az első tagja az információ továbbításának

technikai eszközét nevezi meg, a tényleges funkciót, ti. magát a közlést, mondást, jelentést a második tag, *-meldung* fejezi ki, esetleg ebben találhatjuk meg a horv. *–jav* mintáját. A horvát intelligencia jelentős része csaknem egyforma szinten tudott anyanyelvén kívül németül és magyarul is, így könnyen elképzelhető, hogy a *brzojav* szó megalkotója – nem érezve eléggé informatívnak ezen új kommunikációs eszköz németből, illetve franciából adaptált kifejezését – talán a magy. *sürgöny* által is inspirálva, a német kompozítum második tagját is lefordította. A szó – mint említettük – életképesnek bizonyult, s a szlovénba is átkerült (Pleteršnik). Létrejöhetnek, illetve létrehozhatók – ezek szerint – olyan tükörszavak is, amelyeknek két mintanyelvük van.

Ad 4. Vannak olyan, vélhetően tükörfordítás eredményeként létrejött szerkezetek, amelyek csak bizonyos ideig voltak produktívak, a nyelvérzék és annak nyomán a beszélt és az írott nyelv fokozatosa iktatta ki őket a használatból. Ezzel kapcsolatban vetődik fel a kérdés, meddig és milyen mértékben viseli el a nyelv az olyan utánzásokat, amelyek grammatikai szerkezete szokatlan, sőt időről-időre egyre szokatlanabbá válik. Ahhoz, hogy a feltett kérdésre – legalábbis bizonyos mértékig – megfelelő választ tudjunk adni, példaként egy, szláv nyelvek számára szokatlan képzési mód történetét is szükséges röviden áttekinteni. Hadrovics László teszi fel a kérdést: „Ist es möglich, daß ein Suffix lediglich durch eine semantische Kraft, durch seinen Verwendungsbereich das Umsichgreifen eines fremden Suffixes fördern kann?" ('Lehetséges-e, hogy egy képző csupán szemantikai ereje, használati területe által egy idegen képző elterjedését előmozdítsa?'; UngEl 70). Véleménye szerint részletes kutatást érdemel a participium szerű *–(a)ći* melléknévképző, amely – véleménye szerint – a horvátban sokkal produktívabb volt, mint a többi szláv nyelvben UngEl 70). 1596-ban bukkan fel az *oraća zemlja* 'szántó-föld' (MonCivZagr 16:133, 134 és más helyeken), valamint a néhány évvel későbbről adatolható *šivaća svila* 'varró selyem'. Ezek a szlávban szokatlan képzésű szóalakok (az infinitivus tőhöz járuló participium képző) későbbi produktivitásukat Hadrovics László véleménye szerint „az igei előtagú német összetételeknek köszönhetik. Mindkét nyelv (ti. a magyar és a horvát) számtalanszor ütközött a *Schlafzimmer, Schreibtisch* típusú összetételek visszaadásának problémájába. A magyarban ilyen esetekben szabályos *–ó, -ő* képzős participiumot, a horvátban pedig *–(a)ći* képzős participiumszerű melléknevet találunk." (UngEl 71). A következő példák – több hasonló mellett – ezt a megállapítást szemléltetik:

Badeanzug – fürdő-ruha – kupaći kostim (cs. *koupací plášť*, szlk. kúpaci *plášť)*

*Nähmaschine – varró-gép – šivaći stroj (*cs. *šicí stroj)*

Schreibmaschine – író-gép – pisaći stroj (cs. *psací stroj,* szlk. *pisací stroj)* stb.

Hasonló szerkezetek azonban nem csak a szerbhorvátban, de a szlovákban és a csehben is gyakoriak (Gregor 1984), sőt a csehben nemhogy nem ritkák, de

az ócseh korszak óta folyamatosan használatosak. Egyes kutatók szerint a szlovákban cseh hatásra terjedtek el a *hrací* 'játék.-', *kúpací* 'fürdő-', *orací* 'szántó-', *písací* 'író-' stb. szerkezetek. A horvátban a 19. sz. elejétől, a horvát nyelvújítás korától kezdtek a participium szerű melléknevek terjedni, amely folyamatban – mint említettük is – szerepet játszottak az igei előtagú német összetételek, amelyeket a magyarban *–ó, -ő* képzős participiummal fejeztek ki, pl. *Badearzt – fürdő-orvos – kupaći liječnik, Sprungbrett – ugró-deszka – skakaća daska, Schlafwagen – háló-kocsi – spavaća kola, Nähseide – varró-selyem – šivaća svila, Spielkarte – játszó-kártya* (később: *játékkártya)* stb.

Közülük számosat a horvát (de a cseh és a szlovák is) a maga szerkezetének jobban megfelelő körülírással vagy jelzős szerkezettel helyettesített, pl. *Badearzt - kupaći liječnik* 'fürdőorvos' → *kupališni liječnik* 'fürdőhelyi (fürdőhelyen dolgozó) orvos' (cs. *lázeňský lekar*); *Sprungbrett – skakaća daska* 'ugródeszka' → *odskočna daska* 'tkp. elugrásra szolgáló deszka' (szlk. *skokanské/odrazové prkno*). A 'hálókocsi' jelentésű *spavaća kola* (vö. *Schlafwagen, háló-kocsi*) helyett egyre inkább *kola za spavanje* 'alvásra szolgáló kocsi' (cseh *lůžkový/spací vůz,* szlk. *spcí/lôžkový vozeň* stb. A nyelv tehát keresi azokat a módokat, amelyek az utánzott (minta-) nyelv eszközeinek legjobban megfelelnek, majd fokozatosan visszatér saját eszközeihez.

A fentiekből nyilvánvaló, hogy ezek a participium szerű melléknevek német minták utánzására szolgáltak. A német hatást – elsősorban a horvátban, kisebb mértékben a szerbben – magyar minták is erősíthették. A szlovénben ez a képzési mód nem terjedt el, vö. *spavaća kola – spalni vagon; pisaći stroj – pisalni stroj, šivaći stroj – šivalni stroj* stb.

Úgy tűnik, hogy az idegen mintát utánzó szerkezetek mélyen gyökeret verhetnek az utánzó nyelvben, s csak bizonyos idő elteltével kerül sor a nyelv szemléletéhez jobban illő struktúrákhoz való visszatérésre.

Irodalom

Cindrić, P. (1960) Hrvatski i srpski teatar. Lykos. Zagreb

DudEt – Der Große Duden. Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutsche Sprache. Bearbeitet von Günther Drosdowski, Pau Grebe und weiteren Mitarbeitern der Dudenredaktion. Bibliographisches Institut Mannheim 1963.

Finály, H. (1884) A latin nyelv szótára a kútfőkből a legjobb és legújabb szótárirodalomra támaszkodva összeállította Dr. Finály Henrik…Franklin Társulat Magyar Irod. Intézet és Könyvnyomda.

Gregor, F. (1984) Vergangenheit und Gegenwart des slowakischen deberbalen Adjektivsuffixes *–(a)cí*. StSlH 30. 77-93.

MonCivZagr – Monumenta historica liberae ragiae civitatis Zagrabiae. Izdao: I. Tkalčić,…E.Laszowski. 1-19. Zagreb 1889-1953.

Hadrovics L. UngEl (1985) Ungarische Elemente im Serbokroatischen. Akadémiai Kiadó Budapest.

Heyse, J.Chr. (1910) – Dr. Joh. Christ. Aug. Heyses Fremdwörterbuch…Neu bearbeitet und vermehrt von Professor D. Otto Lyon. Neunzehnte Original-Ausgabe. Hannover und Leipzig. 1910. /1804. Oldenburg/
Konj – Službovnik za kraljevsko ugarsko domobranstvo. Dio treći. Konjaničtvo. Zagreb 1877.
Pješ – Službovnik za kraljevsko ugarsko domobranstvo. Dio treći. Pješačtvo. Drugo izdanje Službovnika od g. 1876. Budapešta 1890.
Rammelmeyer, M. (1975) Deutsche Lehnübersetzungen im Serbokroatischen. Wiesbaden.
Schuchardt, H. (1884) Slawo-deutsches und Slawo-italienisches. Graz. Grat.
Schumann, K. (1965) – Svhumann, Kurt: Zur Typologie und Gliederung der Lenprägungen. ZfSlPh 32 /1965/, 61-91.
Skok, P. (1971-1974) Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. 1-4. Zagreb.
Sužb 2 – Službovnik za kr. ug. Domobranstvo. Dio drugi Drugo izdanje Službovnika od godine 1875. Budimpešta 1888.
Šojat, O. (1982) Pregled starije hrvatskokajkavske književnosti. Od polovine 16. do polovine 19. stoljeća. Kaj 5-57.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 388-398
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.388

Иштван Пожгаи
(Сомбатхей, Венгрия)

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИЧАСТИЙ В ФИНЛЯНДСКОМ ОТРЫВКЕ № 22

Abstract: The aim of this work is to examine the use of participles in "Finland Fragment № 22", a manuscript which was copied from an Old Slavic manuscript in Old Russian language area in the 13th century. I am mainly concentrating on the use of participles 1) in the syntactical construction "dative absolute" ("dativus absolutus"), 2) in the attributive function, 3) in the appositive function and 4) in the predicative function. Besides I turn my attention to the phenomena which can be connected with the lose of declension of the short participles.

Keywords: Old Slavic and Old Russian languages, use of participles, historical syntax, manuscript.

1. Введение

Финляндский отрывок № 22 (под сигнатурой 4. 9. 21) представляет собой неполные чтения Пролога первой (краткой) редакции на 8(?), 10(?), 11-12 ноября. Памятник датируется XIII веком и хранится в Библиотеке Российской Академии наук. Пергаменная рукопись сохранилась в плохом состоянии (Жуковская – Тихомиров – Шеламанова 1984: 271). Размер рукописи 30,3x24 см, она состоит из 2 листов. Памятник был вывезен из России во время Ливонской войны, в 1581-1595 гг. (Бубнов 1978: 198-199). Он был возвращен в Россию в 1869 г. профессором Нордквистом (Х. Тот 1981: 3.). Рукопись издана нами в 1996 г. (Пожгаи 1996: 142-157). Наш анализ проводится по этому изданию. Текст рукописи списан небрежным мелким уставом в 2 столбца по 34 строки.

В употреблении причастий различаются две большие области: 1) Если конструкцию с причастием можно превратить в придаточное предложение таким образом, что подлежащее выраженного в сказуемом придаточного предложения действия или происшествия или состояния или же существования совпадает с подлежащим главного предложения, или встречается в главном предложении, и значение конструкции зависит от главных членов предложения, тогда эта конструкция называется причастием релятивным (*participium coniunctum* или *relativum*). 2) Если же причастный оборот можем превратить в придаточное предложение таким образом, что его подлежащее не совпадает с подлежащим главного предложения, или не наблюдается в главном предложении, и значение оборота не зависит от главных членов предложения, то эта синтаксическая конструкция называется причастием самостоя-

тельным/абсолютным (*participium absolutum*). Это причастие абсолютное в зависимости от падежа причастия и стоящего вместе с ним существительного или местоимения в разных индоевропейских языках называется по-разному: в латинском отложительным самостоятельным (ablativus absolutus), в древнегреческом родительным самостоятельным (genitivus absolutus), в древнеиндийском местным самостоятельным (locativus absolutus), а в готском, древнеболгарском и древнерусском языках дательным самостоятельным (dativus absolutus). В.П. Воробьев предполагает, что причастие абсолютное являлось способом выражения сложной мысли, и оно древнее придаточных предложений (Györfi 2007:46).

Целью нашей работы является исследование употребления причастий в изучаемом памятнике. Поскольку дательный самостоятельный в Финляндском отрывке № 22 используется редко, наше внимание будет сосредоточено главным образом на основных функциях причастий релятивных, а именно: на атрибутивной, аппозитивной и предикативной функциях. Кроме того, особое внимание уделяется изменениям, происшедшим в употреблении причастий релятивных.

2. Употребление причастий в дательном самостоятельном

О происхождении славянского дательного самостоятельного мнения расходятся. Ф.Миклошич и В.Вондрак придерживаются мнения о славянском происхождении этой конструкции, пока А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев и Б.Делбрюк считают дательный самостоятельный синтаксической калькой греческого родительного самостоятельного (genitivus absolutus) (Соколова 1962: 257). Употребление дательного самостоятельного характерно в первую очередь для древнеболгарского и древнерусского языков (и конечно для церковнославянских языков разных типов), но изредка встречается и в древнечешских памятниках (Horálek 1967: 242-243). Что касается исконности дательного самостоятельного в древнерусском языке, большинство русских лингвистов придерживается точки зрения, по которой дательный самостоятельный заимствован из древнеболгарского языка, так как, по их мнению, эта синтаксическая конструкция считается книжной, и она характерна прежде всего для повествовательных жанров (Соколова 1962: 257; Черных 1954: 292). В грамотах дательный самостоятельный не употребляется (Борковский 1949: 361).

В изучаемом памятнике употребление оборота дательного самостоятельного наблюдается только в 4 случаях. В обозначении места примеров первая цифра – лист, вторая – столбец, остальные – строки.

2.1. Дательный самостоятельный сокращает придаточное времени

и потомь въꙁмо|гшемъ мадиамомъ | и плѣнающимъ изл҃ь|тыⷭ· гави сѧ михаилъ | гедеоноу и ρ҃ϥ҃ⷭ·: 1v.1.3-7, в дательном самостоятельном употребляется два причастия. [...]|**ставшю же хо҃у ѡ҃** […] | **сѣ бы҃ пьрвыи бл҃г҃[овѣ҃]|стникъ**·: 1v.2.29-32. **соущю | иемоу своиего манастыра | изгнанъ бы҃ в солоунь** …: 2.1.22-24, конструкция является частично неполной, так как возле причастия глагола **бъıти** следовало бы поставить какое-то прилагательное или существительное, или причастие страдательного залога в дат. п. Кроме того, логический субъект дательного самостоятельного совпадает с подлежащим главного предложения. Тут следует отметить, что в славянском дательном самостоятельном логический субъект причастия – в отличие напр. от древнегреческого и латинского языков – не всегда отличается от подлежащего главного предложения (Vondrák 1912: 608; Lunt 1959: 131).

2.2. Дательный самостоятельный сокращает придаточное причины

бо҃у | бл҃говолившю ми спн҃ию и|ꙁидохъ и бъıхъ мнихъ·⌣: 2.1.8-10.

3. Употребление причастий релятивных

Как известно, на основе функций причастий релятивных в древних славянских языках различались атрибутивное, аппозитивное и предикативное употребления причастий (Wondrák 1912: 607). Кроме вышеуказанных, мы различаем еще одно употребление причастий релятивных. В четвертую группу входят те примеры, в которых употребляются краткие формы действительных причастий в близкой к аппозиции функции и связываются со сферой предикации, как напр., причастия в оборотах «второй винительный» и «второй родительный», но не являются частью составного сказуемого. Отметим, что в грамматике В. Вондрака причастия в этих оборотах считаются предикативными (Wondrák 1912: 610).

3.1. Употребление причастий в атрибутивной функции

Причастие в атрибутивной функции выполняет роль определения в предложении. Употребление причастий в атрибутивной функции наблюдается в следующих примерах:

3.1.1. В случае причастий настоящего времени действительного залога

м[лс҃тъıни рѣмествѣн]ица | [ѥсть моудра и приста]вь|ница ѥсть творѧщимъ ю …: 2.2.33 – 2v.1.1. Причастие употребляется самостоятельно, без относящегося к нему существительного. **цр҃ца бо ѥсть воистиноу· | подобнъı · члⷦкъı творѧщи | бо҃у**·: 2v.1.17-19. **крилата бо | ѥсть и**

лєгка крилла҆ имѣ|ющи златє· (sic!) **лєтєниє и|моущи прєоукрашающїи | анг҃лъı·**: 2v.21-25, в примере только последнее причастие употреблено в атрибутивной функции. Это причастие неправильно согласовано в роде и падеже, следовало бы написать **прєоукрашающє**, так как оно относится к существительному **лєтєниє**. Ср. в Великих Четьих-минеях митрополита Макария (первая половина XVI в.): *летание имущи прѣукрашающе и ангелы* (Макарий 1897: 355). **ꙗкѫ̋о пче | голоубь златъ лѣтающь | вѣкома·** ...: 2v.28-32. Причастие по всей вероятности относится к словосочетанию **м[лс̑тъıни ремєствєн]ица**, о котором говорится в этом столбце и в первой половине следующего столбца. **двиц̑а бо ѥсть кри|лѣ имоущи златє** (sic!) **бѣло и|моущи лице·**: 2v.2.2-4, в примере обнаруживается два причастия. ... **и трѣбоующимъ нє|скоудно даꙗше и** …: 2v.32-33. Причастие употребляется без относящегося к нему существительного.

3.1.2. В случае причастий прошедшего времени действительного залога

и пакъı то жє михаи|илъ изъбави исака ѿ гєра|ского цр҃м хотѣвша и оуби|ти·: 1.1.25-28.

3.1.3. В случае причастий настоящего времени страдательного залога

свмзаємъı та рѣшитъ оу|зъı· и разроушаѥтъ тмоу …: 2v.1.10-11. На этом же месте в Великих Четьих-минеях митрополита Макария написано: *И связанымъ та рѣшитъ узы, раздрушаетъ тму* ... (Макарий 1897: 354-355). То же самое написано в Прологе, изданном впервые в 1642 г.: **и свмзанъımъ та рѣшитъ оузъı · разъроушаєтъ тмоу**… (Пролог сентябрь-ноябрь). В обоих приведенных предложениях употребляется причастие прошедшего времени страдательного залога в дательном падеже мн. ч. Несмотря на различие между нашим и приведенными примерами, согласование причастия в нашем примере формально все-таки можно считать правильным, хотя смысл предложения отличается от приведенных нами предложений. Не исключается и пропуск букв **м** и **ъ** в конце причастия. Следует отметить, что и употребление причастия настоящего времени страдательного залога в данном предложении не является логичным в силу того, что развязать узы возможно только в том случае, если они уже связаны, а настоящее время причастия указывает на то, что действие, выраженное причастием, происходит в момент речи.

3.1.4. В случае причастий прошедшего времени страдательного залога

… **видѣ михаи|ла акъı воина въороу|жена**: 1.2.18-25. **и пакъı | изгнанъ бо҃ъı никифороме | цр҃мь оубиєнъımь в болгарє|хъ·**: 2.1.28-31, только второе причастие выступает в атрибутивной функции.

3.2. Употребление причастий в аппозитивной функции

Аппозитивными причастиями считаются причастия, логический субъект которых вообще совпадает с подлежащим предложения, и которые употребляются в таких причастных оборотах, которые можно превратить в придаточные предложения времени, причины, цели, образа действия или условия (Baleczky – Hollós 1987: 179). При исследовании аппозитивных причастий одной нашей целью является изучение тех явлений, которые могут свидетельствовать о начинающемся образовании новой части речи – деепричастия. Деепричастия (неизменяемые причастия) возникают от форм именительного падежа кратких действительных аппозитивных причастий (Кузьмина – Немченко 1982: 292).

Причастие употреблялось в функции аппозиции (в адвербиальной функции) вообще в том случае, если подлежащее выражаемого в причастии действия, происшествия, существования или состояния совпадало с подлежащим предложения. Разумеется, что это условие осуществляется тогда, когда причастие стоит в именительном падеже. Поэтому мы будем сосредоточивать наше внимание в первую очередь на согласовании кратких действительных аппозитивных причастий, стоящих в именительном падеже, с подлежащим предложения.

Как известно, когда причастия употреблялись в функции аппозиции – т.е. заменяли какое-либо придаточное предложение – они, подобно прилагательным и атрибутивным причастиям, согласовывались с именем существительным или местоимением, к которому они относились, по роду, числу (и падежу). Однако, с течением времени семантические и синтаксические связи краткого аппозитивного причастия с подлежащим ослабляются, и аппозитивное причастие начинает теснее сочетаться с глаголом-сказуемым, выражая второстепенное действие или признак действия (а не подлежащего) (Кузьмина – Немченко 1982: 292).

Употребление аппозитивных причастий наблюдается в следующих примерах:

3.2.1. В случае причастий настоящего времени действительного залога

… **иже послѣ|ди сказа сѧ ємоу· идъıи и|ѕвєсти лота** …: 1.1.21-23, в примере – в отличие от остальных примеров аппозитивных причастий – употреблена членная форма причастия. **валамъ же ви|ѣвъ анг҃ла моли сѧ ємоу | г҃ла҃ нє погоубı мєнє вл҃ко** …: 1.2.11-13, лишь второе причастие является причастием настоящего времени. **и пакъı ıавı сѧ | вєликъıи миѯаилъ ма|ноıєвı въѕвѣщаıа са|мсоново ѯ҃атые·**: 1v.1.19-22. **и поса|ди и на прєстолѣ своємь | съ собою г҃ла҃· ıако** …: 2.1.2-4. **и | по бл҃гоч̑тьıи подвиѯаıа сѧ и пѣ|сни о бо҃ѣ списавъ въ глоубоцѣ | старости къ го҃у ѿиде·⌣**: 2.1.32 – 2.2.1,

второе причастие является причастием прошедшего времени. **и изимаѥть насъ ѿ | моукъı своима крилома | одѣвающи**: 2v.2.9-11.

3.2.2. В случае причастий прошедшего времени действительного залога

пьрвѣѥ ми|хаилъ показа свою славоу | на земли· вземъ ѿ неѣ | бжѣтвьнаго ѥноха пренесе | и на мѣсто чт҃нго раѣ …: 1.1.4-8. **аврамоу | же присно бѣше застоу|пникъ и помощникъ на | брани· извѣсто бо видѣ|въ ѥго ѥгда хо долгомора | цр҃ѣ побѣди·** …: 1.1.12-17. **оселъ же видѣ|въ анг҃ла скроуши ногу | валамоу·**: 1.2.9-11. **валамъ же ви|ѣвъ анг҃ла моли сѧ ємоу**…: 1.2.11-12. **и по сихъ ѥгда іс҃ъ на г[ ]инъ | ѥрихона остоупи** … | … **и вѣшедъ видѣ михаи|ла** …: 1.2.18-25. **въ цр҃ство костѧнтина въ цр҃и|градѣ рожь сѧ и всѣкъ разу|мъ оучениѣ навъıкъ· и въ | цр҃тво иринъı бл҃гочт҃ивъıѣ | ·к҃· л҃т҃ѣ ѿшедъ в садоукиѥ въ | манастъıрь ѿ своѥго ѡц҃а | бр҃а бъı мнихъ·**: 2.1.14-20, в сложносочиненном предложении обнаруживается три причастия. ... **и пѣ|сни о б҃ѣ списавъ въ глоубоцѣ | старости къ г҃оу ѿиде·**⌣: 2.1.33 – 2.2.1. **приближи | сѧ женѣ по хотѣнию ѡ|ц҃а и чⷭамъ ѡц҃ь бъıвъ· и остави всѐ женѣ и дѣт[ѐ]|мъ·**: 2v.2.18-22. **подобьствова|въ с҃тльствѣ много лѣтъ | бещисльнаѣ чⷭюса ство|рь· и трѣбоующимъ нѐ|скоудно даѣше и** …: 2v.29-33, только первые два прчастия имеют аппозитивную функцию.

3.2.3. В случае причастий настоящего времени страдательного залога

моучимъ приѣ ко|нчиноу: 2.2.11-12. Очень редко встречается употребление причастия настоящего времени пассивного залога в аппозитивной функции. В этой функции, как правило, употребляются активные причастия.

3.2.4. В случае причастий прошедшего времени страдательного залога

ираклиѥмь ц҃рмь | спрошенъ людемъ але|ксандьскъıмъ· по | правлению поставлени|ѥ приѣ·: 2v.2.25-29. Причастие скорее употребляется в аппозитивной функции, чем в предикативной, что утверждается и переводом предложения, в котором причастие можно перевести придаточным предложением причины: *Он (Иван (Иоанн), будущий патриарх константинопольский) принял управление александрийскими людьми, так как его попросил об этом император Ираклий.*

3.3. Употребление причастий в предикативной функции

Для употребления причастий в предикативной функции обнаружены следующие примеры:

3.3.1. В случае причастий настоящего времени действительного залога

в тѣхъ стꙋ̑ы великии мина | при маѯимианѣ цр҃и ѡ̑ ею|птьскыꙗ странꙑ великъ | сꙑ ноумера· въ котоулии гра|дѣ оувѣдѣнъ бꙑ ꙗко хр҃ьꙗ|нъ сꙑ·: 2.2.4-9, только первое и третье причастия выступают в предикативной функции. **крилата бо | ѥсть и легка криллѣ имѣ|ющи златє· (sic!) летєниє и|моущи преоукрашающїи | анг̑лꙑ·**: 2v.21-25, только первые два причастия употребляются в предикативной функции. **ꙗкѫ̋о пачє | голоубь златъ лѣтающь | вѣкома· назирающи око|мь кроткъімь ничто жє | ока того крашеѥ·**: 2v.28-32, только второе причастие выступает в предикативной функции. Оно по всей вероятности относится к словосочетанию **м[лс̑тъıни ремєствєн]ица**, о котором идет речь в этой части изучаемого памятника. Хотя в близости причастия **назирающи** не поставлена связка, но по смыслу предложения оно с большой долей вероятности может быть отнесено к предикативной функции. **крилата ѥ|сть и тиха и легка· предъ|стоꙗщи оу престола цр҃ка**: 2v.2.4-6. Предполагаем, что связка **ѥ|сть** относится и причастию и, таким образом, причастие стоит скорее в предикативной, чем в аппозитивной функции.

3.3.2. В случае причастий настоящего времени страдательного залога

бꙑєнъ бꙑ и стръга|нъ и огнємь жгомъ и вла|чимъ·: 2.2.9-11, в сложносочиненном предложении употребляется два причастия настоящего времени страдательного залога. … **токмо обидима ѥсть нами· ѥ|гда ѡ̑ въсхъщєниꙗ тво|римъ ю·**: 2v.1.5-8.

3.3.3. В случае причастий прошедшего времени страдательного залога

… **изгнанъ бꙑ в селоуни** …: 2.1.24. **и въздвращєнъ бꙑ цр҃це|ю ириною** …: 2.1.26-27. **и пакꙑ | изгнанъ бꙑ никифоромь | цр҃мь** …: 2.1.28-30. **сꙋ̑тъ рⷭа иконъ при лвє ико|ноборци много томлєнъ бꙑ**: 2.1.31-32. **въ котоулии гра|дѣ оувѣдѣнъ бꙑ ꙗко хр҃ьꙗ|нъ сꙑ·**: 2.2.7-9, лишь первое причастие является пассивным. **бꙑєнъ бꙑ и стръга|нъ** …: 2.2.9-10, в примере наблюдается два причастия. **а сꙋ̑тыи викторъ | бѣ** …|… **въ и|талии ꙗтъ бꙑ· и поноужє|нъ ѡ̑врєщи сѧ х҃а** …|…. **и напоѥ|нъ бꙑ потворнъімь зєли|ємь ѡ̑ вълхва и невреже|нъ бꙑ·**…: 2.2.12-22, в длинном сложносочиненном предложении наблюдается 4 причастия прошедшего времени страдательного залога. **а сꙋ̑тъı|и викєнтии в агоусти|стѣмь рⷭа· того жє рⷭа кнѧ|зємь поноуженъ пожрєти** …: 2.2.26-29, в составном сказуемом отсутствует связка **бꙑ**.

тамо вѣщꙗ· крилѣ |голоубинѣ посребренѣ· межюрамиѥ ѥꙗ въ бль|щании ѕлатѣ·: 2v.1.25-28, связка тоже не поставлена.

3.4. Употребление краткой формы действительных причастий в близкой к аппозиции функции

В отличие от причастий, употребляющихся в аппозитивной и предикативной функциях, логический субъект таких причастий не совпадает с подлежащим предложения. Если бы эти причастные обороты мы превратили в придаточные предложения, тогда мы получили бы вообще не обстоятельственные придаточные предложения. В Финляндском отрывке № 22 такой оборот встречается один раз, в случае причастия настоящего времени:… видѣ ми|ѯаила надь цр̂мь […мє]|чь дьржащꙗ …: 1v.2.1-3. Оборот данного типа называется двойным винительным.

4. Заключение

В Финляндском отрывке № 22 отмечено нами 57 примеров употребления причастий. В 4 случаях причастия употребляются в дательном самостоятельном. Из 54 причастий релятивных 11 употребляется в атрибутивной функции, 20 в аппозитивной функции, 21 в предикативной функции, и одно в близкой аппозиции в функции. Примеры употребления причастий в атрибутивной, аппозитивной и предикативной функциях подытожены в следующей таблице. В скобках указано единственное ошибочно согласованное причастие в той форме, в которой оно должно было бы стоять, а в квадратных скобках сообщено, в какой форме оно стоит в изучаемом памятнике.

		Атрибутивная функция				Аппозитивная функция				Предикативная функция			
		ед. ч.		мн. ч.		ед. ч.		мн. ч.		ед. ч.		мн. ч.	
		им. п.	косвенные падежи	им. п.	косвенные падежи	им. п.	косвенные падежи	им. п.	косвенные падежи	им. п.	косвенные падежи	им. п.	косвенные падежи
Причастия наст. вр. дейст. залога	м. р.	1			2	5				2			
	ж. р.	3+[1]				1				4			
	ср. р.		(1)										
Причастия прошед. вр. дейст. залога	м. р.		1			12							
	ж. р.												
	ср. р.												
Причастия наст. вр. страд. залога	м. р.				1	1				2			
	ж. р.									1			
	ср. р.												
Причастия прошед. вр. страд. залога	м. р.		2			1				11			
	ж. р.												
	ср. р.												

Одно предикативное причастие стоит в двойственном числе: **тамо вѣща· крилѣ |голоубинѣ посребренѣ· межюрамиѥ ѥѩ въ бль|щании ѯлатѣ·**: 2v.1.25-28. Из таблицы видно, что в изучаемом памятнике часто наблюдается употребление причастий настоящего времени в предикативной функции. В трех из шести примеров вблизи причастия, в качестве связки поставлена и форма настоящего времени бытийного глагола. Употребление действительных причастий с глаголом **бъıти** выражает повторяемое, продолжительное, обычное действие или состояние субъекта (Дуриданов 1991: 425).

За исключением одного примера все причастия употребляются в краткой (нечленной) форме. В единственном примере, где найдена членная форма, причастие употребляется в аппозитивной функции: … **иже послѣ|ди сказа сѧ ѥмоу· идъıи и|ѯвѣсти лота** …: 1.1.21-23. Употребление членной формы причастия в аппозитивной функции является необыкновенным и вероятно ошибочным. Ради сравнения отмечаем, что в Синайском патерике конца XI – начала XII в. из 1670 аппозитивных причастий ни одно не употреблено в членной форме (Pozsgai 2009: 438). Вероятно, наш пример следует считать опиской,

возникшей под воздействием начальной буквы **и** следующего слова **и|ѯвєсти**.

В Финляндском отрывке № 22 аппозитивные и предикативные причастия согласованы с относящимися к ним существительными правильно. Только одно атрибутивное причастие согласовано неправильно в роде и падеже: **лєтєниє и|моуши прєоукрашающї | анг҃лъı·**: 2v.23-25. Вместо именительного падежа ед. ч. женского рода, следовало бы поставить причастие в форму винительного падежа ед. ч. среднего рода (**прєоукрашающıє**). Это неправильно согласованное краткое причастие может отражать и утрату склонения кратких форм причастий. Наше предположение может утверждаться и тем, что причастия в изучаемой рукописи только в 6 случаях находятся в косвенных падежах. Употребление именно формы именительного падежа ед. ч. женского рода может быть вызвано и влиянием предыдущего причастия. Следует отметить, что в древнерусских памятниках уже в XI в. появились неправильные согласования по падежу у нечленных действительных причастий, но количество неправильных согласований по роду и числу становится значительными лишь с XIII в. (Домбровский 1977: 109).

Поскольку согласование аппозитивных причастий является безупречным, мы не можем установить, что семантические и синтаксические связи краткого аппозитивного причастия с подлежащим ослабели, и аппозитивное причастие начинает теснее сочетаться с глаголом-сказуемым. Значит, материал Финляндского отрывка № 22 не позволяет делать вывод, что в языке писца уже идет превращение аппозитивных причастий в деепричастия. Однако, этот процесс уже вероятно начался в языке писца, о чем могут свидетельствовать другие, более крупные памятники, списанные тоже на юге Руси. В проанализированном нами Синайском патерике конца XI – начала XII в. рядом с 1646 правильно согласованными аппозитивными причастиями найдено 24 ошибочно согласованных аппозитивных причастия (Pozsgai 2009:438). По всей вероятности, объем Финляндского отрывка № 22 слишком мал для того, чтобы мы обоснованно могли выявить следы интересующегося нас процесса.

Литература

Борковский, В.И. (1949) Синтаксис древнерусских грамот. Львов.

Бубнов, Н.Ю. (1978) Русские и славянские пергаменные рукописи Библиотеки АН СССР. // «Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР». Ленинград.

Домбровский, Й. (1977) Историческая грамматика русского языка II. Морфология и синтаксис. Budapest.

Дуриданов, Иван (гл. ред.). (1991) Грамматика на старобългарския език. Фонетика. Морфология. Синтаксис. София.
Жуковская, Л.П. (отв. ред.) – Тихомиров, Н.Б. – Шеламанова, Н.Б. (редколлегия). (1984) Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР XI–XIII вв. Москва.
Макарий. (1897) Великие Минеи четьи. Ноябрь, дни 1-12. Санкт-Петербург.
Кузьмина, И.Б. – Немченко, Е.В. (1982) История причастий. // Аванесов, Р.И. – Иванов, В.В. (ред.) Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. Москва.
Пожгаи Иштван (1996) Палеографический и лингвистический анализ Финляндского отрывка № 22 (под сигнатурой 4. 9. 21) // Studia Paleoslavica I. Szeged, 1996. C. 83-161.
Пролог сентябрь-ноябрь. http://sobornik.ru/text/prolog/prolog09-11/page/prolog11-11.htm .
Соколова, М.А. (1962) Очерки по исторической грамматике русского языка. Ленинград.
X. Тот Имре (1981) К изучению Финляндских отрывок // Studia Slavica Hungarica XXVII. Budapest
Черных, П.Я. (1954) Историческая грамматика русского языка. Москва.

Baleczky Emil – Hollós Attila (1987) Ószláv nyelv. Budapest.
Györfi Beáta (2007) Историческое изменение синтаксического статуса причастных оборотов в древнерусском языке. (На материале Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку). Диссертация. Debrecen.
Horálek, Karel (1967) Bevezetés a szláv nyelvtudományba. Budapest.
Lunt, Horace G. (1959) Old Church Slavonic Grammar. S-Gravenhage.
Pozsgai István (2009) К вопросу о возникновении деепричастия в древнерусском языке (Согласование кратких действительных аппозитивных причастий в Синайском патерике). // Revue des études slaves. T. LXXX (2009), Fascicule 4. Paris. 427-442.
Vondrák, W. (1912) Altkirchenslavische Grammatik. Berlin.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 399-405
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.399

Ráduly Zsuzsanna
(Budapest, Magyarország)

AZ EMBERI KÜLSŐ ÁBRÁZOLÁSA A MAGYAR ÉS A LENGYEL FRAZEOLÓGIÁBAN (A NÖVÉNY- ÉS AZ ÁLLATVILÁG TÜKRÉBEN)

Abstract: Every language is characterized by such phraseological units and metaphors that are in connection with both the plant and animal world. The main goal of this paper is the presentation of the humans external look in Polish and Hungarian phraseology. This analysis may be performed in several ways, however for the sake of this article the external human look is the only topic of investigation, which can be observed in most of the plants and animals comparisons.

Keywords: linguistic image of the world, animal and plant world, phraseology

Minden nyelvben találkozunk olyan frazeológiai kapcsolatokkal, metaforákkal, közmondásokkal stb., amelyekben a rögzült kép az emberi világfelfogást, világnézetet tükrözi. „A frazeologizmusok a világ interpretációjáról és az adott nyelvben rögzült emberi értékekről tanúskodnak. A frazeologizmusok olyan tulajdonságokat fejeznek ki, amelyeket relevánsnak lehet tekinteni az adott nyelv-, kultúrközösség számára. A lexikalizált frazeologizmusok korábbi világnézetet jeleznek, amely a régebbi VNyK-t tükrözi" (Bańczerowski 2008: 145). Ebből következik, hogy mind a frazeologizmusok, mind a metaforák a valóság felfogásának egyik alapvető módjai is.

A növény- és állatnevek magas száma a magyar és a lengyel frazeológiában nem véletlen, hiszen az ember a környezetében lépten-nyomon kapcsolatba kerül a különböző növényekkel és állatokkal. Megfigyeli a növények növekedését, alakját, élvezi azt a hasznot, amit nyújtanak, megfigyeli az állatok külső tulajdonságait, viselkedésüket. Különösen falusi környezetben a növényzet és az állatvilág az embert körülvevő környezet elválaszthatatlan része. Mindezek alapját képezik a frazeologizmusok, szólások, közmondások kialakulásának, tehát az emberi külsőt ábrázoló kifejezések szemantikai mezejébe beletartozhatnak a növények, állatok, valamint az egyes állatok testrészeinek és a növények különböző részeinek nevei is.

Jelen tanulmány fő célja az emberi külső ábrázolásának bemutatása a magyar és a lengyel frazeológiában. Elemzésük több szempontból is lehetséges, de ebben a cikkben az emberi külső ábrázolását helyezzük előtérbe, amely leggyakrabban a növényekkel és állatokkal való összehasonlításokban figyelhető meg.

A legszembetűnőbb fizikai tulajdonság az ember **magassága**, ezt mindkét nyelvben különféle fafajtákkal hasonlítják össze, itt természetesen nyelvenként eltérések tapasztalhatók. Általában az adott területen honos ***fa***fajták nevével találkozhatunk. A magyarban a magasságot a ***fenyőhöz*** **–** *Hosszú, mint a fenyőfa*, illetve a ***jegenyéhez*** – *Sudár, mint a jegenye* hasonlítják, a lengyelben pedig a ***nyírfához*** – *Wysoki jak brzoza* [Magas, mint a nyírfa] és a ***nyárfához*** **–** *Rosły jak topola* [Magas, mint a nyárfa], ami nem véletlen, hiszen a nyárfa nagyon magas, nagyon gyorsan növő fa.

A magyarban még előfordul a ***csalán*** **–** *Olyan már, mint a magos csalán*, ennek a lengyelben nincs megfelelője.

A fák nevén kívül más magas növények nevei is – ***komló***, ***borsó*** – előfordulnak az összehasonlításokban, pl. a magyarban a *Termetes, mint a komlókaró* 'magas, nyurga ember', a lengyelben pedig *Wysoki jak chmielowa/grochowa tyka* [Magas és sovány, mint a komló/borsókaró].

A termethez kapcsolódnak azok a szólások, amelyek a **növekedés ütemére** mutatnak. Mindkét nyelvben, ha valaki vagy valami gyorsan nő, a gombához hasonlítják *Hamar nő, mint a gomba = Rośnie szybko jak grzyby; Nő (terem v. szapora), mint (eső után) a gomba = Wyrastać, jak grzyby po deszczu; Gombamódra szaporodik = Rozmnaża się jak grzyby* stb.

A magyarban a **gyors növekedést**, amely általában gyerekre jellemző, a ***kender*** növéséhez is hasonlítják, pl.: *Nő, mint a kender.*

A magassághoz mindkét nyelvben más, negatív tulajdonságokat is társíthatnak. Magyarban a **hitványságot** vagy az **erőtlenséget** a magassággal társítják, pl.: *Rossz fű nagyra nő*, melynek jelentése az, hogy a hitványabb szaporább a jóravalónál; a magas termetű emberek gyakran nem érnek fel belső érték tekintetében az alacsonyakkal. A nagyra nőtt, haszontalan emberre pedig azt mondják, hogy *A paréj nő a legnagyobbra.*

A lengyelben pedig a magassághoz leggyakrabban a butaság társul, amelyet egyik esetben állathoz, a másikban növényhez hasonlítanak. Íme a példa: *Wysoki jak brzoza, a głupi jak koza* [Magas, mint a nyírfa, buta, mint a kecske], *Wysoki jak topola, a głupi jak fasola* [Magas, mint a nyárfa, buta, mint a bab].

Érdemes megfigyelni, hogy a lengyel nyelvben a magasság erővel is jár, amire a magyarban nincs példa. *Chłop jak dąb* [Legény, mint a tölgy], *Silny/krzepki jak dąb* [Erős, mint a tölgy] 'nagyon erős'. A magyar közmondás szerint nem a magas emberek az erősek, mert: *Amely karó magasra nő, ritkán szokott erős lenni*.

Magyar nyelvben a kistermetű személyt ***maghoz, makkhoz*** hasonlítják: *Apró, mint a mustármag; Akkora, mint a tökmag; Makknyi, makk ember.* Érdemes hozzátenni, hogy a szülők a kisgyermeküket *tökmagnak* nevezik.

A *mag, makk* és a *bimbó* lexéma más jellegű frazeológiai kapcsolatokban is szerepel: *Kicsiny a mustármag, de nagy a fája; Magról kel a cserfa is; Makkból lesz a tölgy is.* Ezek általában a növények fejlődésére utalnak, átvitt értelemben az emberre is vonatkoztathatjuk, hogyan lesz a kisgyerekből felnőtt: *Kisded*

bimbóból lesz a fontos körte; Parányi bimbó, nagy gyümölcs; A terebélyes rózsák is apró bimbókból erednek stb.

A lengyel nyelvben azok a szókapcsolatok, amelyek egyik komponense *mag*, inkább pejoratív kicsengésűek, pl.: *Dziadowskie, hyclowskie, sobacze, złodziejskie itp. nasienie* [Koldus, sintér, kutya, tolvaj magja]; Jakie nasienie, taki też owoc [Amilyen mag, olyan a gyümölcs is], Jakie nasienie, takie korzenie [Amilyen a mag, olyan a gyökér] stb.

Egyes magyar kifejezések viszont arról tanúskodnak, hogy a növényneveken kívül az ember magasságát még állatnév is kifejezheti, bár ezek száma elenyésző. Az alacsony embert az ***ülő kutyához*** hasonlítják, illetve a tömegből kimagasló egyént a ***szamárhoz***. Íme a példa: *Akkora, mint a kutya ülve; Kilátszik, mint szamár a nyájból.*

A következő kategória a **karcsúság**, amely általában pozitív jelentéstartalmú. Ebben az esetben feltétlenül szét kell választani a férfiakra és a nőkre vonatkozó hasonlatokat. A karcsú nőt mind a lengyelben, mind a magyarban egyrészt a ***nádszálhoz,*** másrészt ***állatokhoz*** (darázshoz és őzhöz) hasonlítják. A vékony, karcsú férfiakat a ***nyárfához*** (bár találtunk példát, amelyben a szólás nőre vonatkozott), illetve ***spárgához*** hasonlítják. Íme a példák: *Darázsderekú = Cienka w talii jak osa; Karcsú, mint az őz = Zgrabna jak sarenka; Karcsú, mint a nádszál = Smukły jak trzcina; Cienki jak szparag* [Vékony, mint a spárga], *Smukły/a jak topola* [Sudár, mint a jegenye]. A magyar nyelvben a *Karcsú, mint a retek* 'vastag' kifejezés pedig éppen az ellenkezőjét jelenti.

Annak ellenére, hogy a **soványság** kategóriában, amely általában negatív jelentéstartalmú, teljes egyezést nem találunk a két nyelvben, mégis van hasonlóság a kifejezésekben, hiszen gyakori a ***karó, kóró, fahasáb, fadarab*** szavak előfordulása, így a magyarban a növénynevek közül az alábbiak fordulnak elő: *Sovány, mint a kóró; Olyan (száraz), mint a kóró* 'nagyon sovány, kiaszott ember', *Olyan, mint a kopogó fa* 'nagyon sovány', *Sihár, szikár (száraz), mint a nád* 'nagyon sovány, szikár ember', *Sovány, mint a paszulykaró* 'sovány és hórihorgas személy, különösen nő'.

A lengyelben is hasonló módon fejezik ki a soványságot: *Chudy jak szczapa* [Sovány, mint a fahasáb], *Chudy jak patyk, tyka* [Sovány, mint a fadarab, karó], *Chudy jak wiór* [Sovány, mint a forgács] 'nagyon sovány, túlzottan karcsú'.

A magas, sovány nőt a lengyel nyelvben úgy jellemzik, hogy: *Sucha wierzba* [Száraz fűzfa], ami régi kifejezés; a sovány férfi pedig *Wygląda jak szczypiorek* [Úgy néz ki, mint a metélőhagyma].

Az összegyűjtött anyag azt mutatja, hogy a szóban forgó nyelvekben a soványság a következő ***állatokhoz*** illetve ***madarakhoz*** való összehasonlításokban is előfordul: *Sovány/nyúzott, mint az agár; Olyan, mint az agár = Chudy, wyciągnięty jak chart; Olyan, mint a gebe csikó = Chudy jak szkapa; Olyan, mint a görény; Olyan sovány, mint a bőregér; Olyan, mint a*

nyúzott macska; Olyan sovány, mint a téli nyúl; Olyan, mint a cinege; Olyan sovány, mint a szárcsa; O*lyan, mint a giliszta; Olyan, mint a pióca stb.*

Szembetűnő az a jellegzetesség, hogy a magyarok sokkal több állatot tekintenek tipikusan soványnak, ezért ennek a külső tulajdonságnak az ábrázolása több állatnévvel kerül kifejezésre.

A lengyelben viszont csak elenyésző azoknak a hasonlatoknak a száma, amely a soványságot az állatokhoz hasonlítja, pl. *Wyglądać jak szczur* [Úgy néz ki, mint a patkány], *Istna wydra* [Tipikus vidra].

Kövérség kifejezésében, amely általában pejoratív jelentéstartalmú, a magyar és a lengyel nyelv igen sok hasonlóságot mutat, tehát a kövér férfit mindkét nyelvben a ***disznóhoz*** és a ***medvéhez*** hasonlítják. Érdemes hozzátenni, hogy a lengyel nyelvben az elhízott embert még a ***bikához*** vagy az ***elefánthoz*** hasonlítják, a magyarban pedig ***lúdhoz, juhászkutyához, tökhöz***. Íme a példa: *Kövér, mint a disznó = Tłusty, spasiony jak wieprz; Disznó = Wieprz; Mackó alkat = Miś; Kövér, mint a bika = Gruby byk; Vaskos, mint a bika = Tęgi byk; Gruby jak słoń* [Kövér, mint az elefánt], *Kövér, mint Márton lúdja*, *Karcsú, mint a juhászkutya, Kövér, mint a tök*.

Az elhízott nőt mindkét nyelvben elég gyakran a ***tehénhez*** hasonlítják. A lengyel nyelvben még a ***nőstény elefánthoz*** is: *Tehén = Krowa; Słonica* [Nőstény elefánt].

A nők nagy méretű kebleit a tehén ***tőgyéhez*** […] hasonlítjuk: *Nagy tőgyei vannak – Ma duże wymiona.* De a lengyel nyelvben a tacskó vagy spániel füleit […] is használjuk ennek a testrésznek a jellemzésére: *Uszy jamnika lub spaniela* [Tacskó vagy spániel fülek]. Magyarul pedig a formás és méretes melleket a madarak ***begyéhez*** […] hasonlítják: *Bögyös csaj* (Dziewońska-Kiss 2010: 75).

Érdekes, hogy mind a magyarban, mind a lengyelben a **sovány** embert gyakran a különböző ***halfajtákkal*** hasonlítják össze. Íme a példák: *Sovány, mint a csuka; (Olyan) sovány, mint a kárász; Olyan sovány, mint a sügér; Sovány, mint a hering = Chudy jak śledź; Wyglądać jak śledź wymokły* [Úgy néz ki, mint az ázott hering], *Wyglądać jak śledź holenderski* [Úgy néz ki, mint a holland hering]. A **kövérséget** viszont csak a magyar nyelvben, például: *Kövér, mint a harcsa; Olyan kövér, mint a potyka.* Hozzátehetjük, hogy a lengyel *Gruba ryba* kifejezés [Kövér hal] a befolyásos, fontos emberre utal.

Mint ismeretes, a **szépség** szimbóluma kizárólag a ***virág***, főleg a ***rózsa****; Szép, mint liliomok közt a piros rózsa; Szép, mint a pünkösdi rózsa; Sáron rózsája = Róża Saronu; Olyan a lány, mint a rózsa = Dziewczyna jak róża; Szép, friss, mint a rózsa = Piękny, świeży jak róża.*

A magyar nyelvben a csúnyaságot a ***lúd***, a ***pulyka*** és a ***majom*** állatnév konnotálja, a lengyelben ***majmon*** kívül még ***varangyos béka*** is szerepel az összehasonlításokban. Ezeket a kifejezéseket főleg csúnya nőre vonatkoztatják, a csúnya férfit majomnak, csimpánznak illetve gorillának is szokás nevezni.

Olyan, mint a lúd a hattyúk között; Szebb a páva, mint a pulyka; Ropucha [Varangyos béka], *Majom = Małpa; Csimpánz = Szympans; Gorilla = Goryl*.

Lengyel nyelvhasználók a csúnyaságot még az alábbi módon is kifejezhetik: *Mógłby go nad prosem postawić* [Köles fölé lehetne állítani], *Choć w konopiach postawić* [Bár kender közé lehetne állítani], amelynek jelentése 'olyan csúnya, hogy még madárijesztő sem lehetne.

Mindkét nyelvben az átlagos, elgyötört, rosszul kinéző nőt ***egérhez*** és ***tyúkhoz*** hasonlítják: *Szürke egérke = Szara myszka/Szara mycha; Olyan, mint az ázott tyúk = Wygląda jak zmokła kura; Úgy néz ki, mint a döglött tyúk = Wyglądać jak zdechła kura.*

Mind a magyar, mind a lengyel frazeológiában szép számban szerepelnek olyan kifejezések, amelyek az emberi arc formáját, jellegzetességeit ábrázolják. Például az az ember, akinek az arca hosszúkás formájú, mindkét nyelvben *Lóarcú = Końska twarz*, akinek csúnya az arca, az *Majom arcú = Małpia twarz*.

A furcsa, buta vagy bamba arckifejezést mindkét nyelvben a következőképpen fejezzük ki: *Birkaképű = Barania mina; Disznóképű = Świński ryj/Świńska morda.*

A vizsgált nyelvekben az arc színét a különböző gyümölcsök színeivel és virágokkal azonosítják, például: *Úgy nyílik az orcája, mint a bazsarózsa; Piros, mint az alma = Czerwony jak jabłko; Piros, mint a rózsa = Czerowna jak róża; Az arca mint a rózsa = Policzki jak róże; Piros, mint a paradicsom = Czerwony jak pomidor; Olyan piros lett, mint a pipacs = Czerwony jak mak; Elvörösödött, mint a cékla = Czerwony jak burak; Hamvas, mint az őszibarack = Brzoskwiniowa cera; Ma policzki, usta jak jagoda* [Az arca, szája, mint az áfonya], *Buzia jak malina* [Az arca, mint a málna], *Zaczerwieniła się jak piwonia* [Elvörösödött, mint a pünkösdi rózsa].

A sápadt arcszín jelölésére a ***tök*** és ***kukorica*** lexémák fordulnak elő: *Olyan sápadt, mint a cseppentett tökmag; Szép, mint a tejbe tök; Sápadt, mint a kukoricamálé; Sárga, mint a tökvirág*.

Néhány összehasonlításból világosan kitűnik, hogy a nyelvhasználók az arc különböző részeit is a **növényekkel** illetve **állatokkal** asszociálják.

Az ember különösen nagy orrát a magyarban és a lengyelben is a ***krumplihoz*** és az ***uborkához*** hasonlítják. Az ember ferde orrát a magyarban éppúgy, mint a lengyelben a ***ragadozó madarak csőréhez*** hasonlítják, tehát mindkét nyelvben megvan a ***sas***, ***kacsa*** és ***karvaly*** csőréhez való hasonlítás. A lengyelben ezen felül megtalálható még a ***héja*** is. Íme a példák: *Krumpliorra van = Ma nos jak kartofel; Olyan az orra, mint a sós uborka = Ma nos jak ogórek; Sasorrú = Orli nos; Karvaly orrú = Krogulczy nos; Kacsaorrú = Kaczkowaty nos/Kaczy nos; Jastrzębi nos* [Sólyomorrú].

A vizsgált nyelvekben a fáradtságtól (vagy túlzott alkoholfogyasztástól) piros szemeket a ***(házi)nyúl*** szeméhez hasonlítják: *Piros a szeme, mint a nyúlnak = Oczy jak u królika*, az apró szemeket pedig sértő módon a

disznóéhoz *– Disznószemű = świńskie oczka; świńskie ślepia* . A meglepődést, csodálkozást tükröző szem viszont olyan, mint a ***bocié****: Boci szemek – cielęce ślepia*, a dülledt szem pedig olyan, mint a ***halé*** *– Halszemű = Rybie oczy.*

A lengyel nyelvben még a ***marha*** és a ***béka*** szemével való összehasonlításokat is találunk, például: *Wołowe oczy* [Marhaszem], *Żabie oczy* [Békaszem].

A magyar nyelvhasználók a széles emberi szájat a ***harcsa*** *Olyan a szája, mint a harcsának/Harcsaszájú* szájához hasonlítják a lengyelek pedig az ***uborkához*** *Usta jak ogórki* [A szája, mint az uborka]. Mindkét nyelvben a túlzottan nagyméretű emberi fogakat gyakran a ***lovak*** fogaihoz hasonlítják: *Lófogú = Końskie zęby.*

Az emberi haj ősz színét mindkét nyelvben ugyanúgy a ***galamb***, a fekete színét pedig ***holló*** elnevezés konnotálja. Magyar kifejezésekben még a ***csóka*** madárnév is szerepel. A lengyelben vörös hajú embert a ***mókus***, magyarban a ***róka*** elnevezés jelöli: *Fekete, mint a csóka; Olyan, mint a csóka; Ősz, mint a galamb = Siwy jak gołąb/Być siwym jak gołąbek; Hollófekete = Czarny jak kruk/Krucze włosy; Vörös, mint a róka = Rudy jak wiewiórka;* Mind a magyarban, mind a lengyelben a hosszú, hátul összefogott női hajat lófaroknak nevezzük: *Lófarok = Koński ogon.* A rövid, tüskés hajat pedig a sünhöz hasonlítják: *Süni haja van = Włosy na jeża.*

A szőrös férfit mindkét nyelvben a ***majommal*** azonosítjuk, a hegyes rövid szakállat pedig a ***kecske*** szakállával: *Szőrös, mint a majom = Zarośnięty jak goryl/małpa; Kecskeszakállú = Kozia bródka/Kozia broda.*

A hosszú, karcsú nyakú nőt mindkét nyelvben ***hattyúval*** hasonlítják össze: lengyelben még ***gólya*** is szerepel az összehasonlításokban. Íme a példák: *Hattyúnyaka van = Łabędzia szyja; Bocianowata szyja* [Gólyanyaka van].

A magyarban a túl hosszú kezekre azt mondjuk, hogy *Hosszú a keze, mint egy majomnak*, lengyelben, hogy *pók* 'olyan hosszú a keze, mint a póknak'. Közös a két nyelvben, hogy a szép, kecses, hosszú, formás női lábat hasonlíthatjuk az ***őzek*** vagy ***gazellák*** kecses lábához: *Gazellalábú = Ma nogi jak sarna/gazela,* a kevésbé szépeket a ***kacsáéhoz****: Kacsalábú = Ma nogi jak kaczka*. A lengyel nyelvben a hosszú és nagyon vékony lábakat még ***gólyalábnak*** is nevezik: *Bocianie nogi/Nogi bocianowate* [Gólyaláb].

Az összegyűjtött anyag elemzése az mutatja, hogy mind a magyar, mind a lengyel nyelv rendkívül gazdag az emberi külsőt ábrázoló frazeológiai kapcsolatokban. A nyelvi példák arra is utalnak, hogy a szóban forgó nyelvekben az axiológiai rendszer hasonló, ami egyáltalán nem meglepő, hiszen egymással szorosan összefüggő fogalmakról van szó.

Jelen tanulmány főképpen a két nyelvben meglévő hasonlóságokat szándékozta bemutatni. Természetesen vannak mindkét nyelvben olyan frazeológiai kapcsolatok is, amelyek csak az egyik nyelv sajátjai, tehát nincs ekvivalensük a másik nyelvben. A példaként felhozott frazeologizmusokban az a világkép tükröződik, amelyik jellemző az adott kultúrára, az adott nyelvre és társadalomra.

Irodalom

Bańczerowski, J. (2008) A föld nyelvi képe a magyar nyelvben. // A világ nyelvi képe. A világ mint a valóság metaképe a nyelvben és a nyelvhasználatban. Budapest, 237-246.
Bańko, M (ed.) (2005) Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami. Warszawa.
Bárdosi, V. (ed.) (2004) Magyar szólástár. Szólások, helyzetmondatok, közmondások értelmező szótára és fogalmi köri szótára. Budapest.
Bartmiński, J. (2006) Językowe podstawy obrazu świata. Lublin.
Dobrzyńska, T. (1994) Mówiąc przenośnie... studia o metaforze. Warszawa.
Dziewońska-Kiss D. (2010) Állatnevek és állati testrészek a lengyel és a magyar nyelvi minősítésben. In: Bárdosi V. (ed) Világkép a nyelvben és a nyelvhasználatban. Budapest, 69-77.
Krzyżanowski, J. (1972) Nowa księga przysłów polskich i wyrażeń przysłowiowych polskich. Warszawa.
Lakoff, G. – Johnson M. (1988) Metafory w naszym życiu. Warszawa.
Margalits E. (1995) Magyar közmondások és közmondásszerű szólások. Budapest.
O. Nagy G. (1966) Magyar szólások és közmondások. Budapest.
Pajdzińska, A. (2006) Studia frazeologiczne. Łask.
Rácz J. (2000) Állatnevek a botanikában. Magyar Nyelvőr, 124/3. 329-340.
Rácz J. (2005) Növényekben a béka. Magyar Nyelvőr, 129/2. 186-202.
Ráduly Zs. (2000) Nazwy zwierząt w wartościowaniu językowym. In: Polono – hungarica. Budapest, 315-320.
Skorupka, S. (1977) Słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa.
Szemerkényi Á. (2009) Szólások és közmondások. Budapest.
Szymaczak, M. (ed.) (1981) Słownik języka polskiego. Warszawa.

Rövidítések és jelölések:
v. = vagy
VNyK = világ nyelvi kép
[] szó szerinti fordítás
= ekvivalens
‘’ jelentése

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 406-415
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.406

Зинаида Какбаевна Сабитова
(Хельсинки, Финляндия – Алматы, Казахстан)

ЧЕЛОВЕК В ЯЗЫКЕ: СПОСОБЫ ВЖИВАНИЯ В КУЛЬТУРУ И ЯЗЫК

Abstract: The article researches the following questions: a person as the point of deparure in the analysis of units of Russian language, «traces of presence» of speaker in a language, the opposition «own – alien» in Russian language, ethnic and autostereotypes, heterostereotypes.

Keywords: anthropocentrism, person in a language, «own – alien» in a language, ethnic autostereotypes, heterostereotypes.

Лингвистика последних лет поставила в центр своего внимания человека говорящего, тем самым возвратив хозяина-человека как главное действующее лицо в мире и языке в лингвистику на подобающее ему место (Золотова 2001: 107, 108).

Принцип исследования, который заключается в том, что научные объекты изучаются «прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования» (Кубрякова 2009: 54), называется антропоцентризмом. Антропоцентрическая парадигма дала современному лингвистическому сообществу такую модель постановки проблем и их решений, которая обнаруживается в том, что человек становится «точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели» (Кубрякова 2009: 55).

Многочисленные исследования последних лет доказывают антропоцентричность, антропоморфность языка. Большая часть лексики языка описывает внутренний мир человека, восприятие внешнего мира, различные виды его деятельности, отношения с другими людьми и действительностью, оценку событий и др. «Для многих языковых значений представление о человеке выступает в качестве естественной с точки зрения отсчета» (Апресян 1986: 31), в языке получает многомерное отражение то, что это в жизни человека играет существенную роль. В таком случае говорят о номинативной плотности той или иной тематической группы слов, детализации наименования, выделении смысловых оттенков как сигналов лингвистической ценности внеязыкового объекта (Карасик 2002: 116).

Среди концептуальных метафор, являющихся важным средством познания человеком мира, инструментом организации его опыта и структурирования знаний и поэтому пронизывающих повседневную жизнь, язык, мышление и деятельность человека, базовыми являются те,

которые возникли в результате проекции качеств человека на окружающий мир, интерпретации предметов в терминах человеческих мотиваций, характеристики и деятельности, напр.: *Жизнь обманула меня; Доллар был уничтожен инфляцией; Любовь создает иллюзии* (Джонсон – Лакофф 2008: 54, 59).

Антропоориентированными являются коды культуры как система координат, при помощи которых человек категоризирует мир и оценивает его. В соматическом (телесном) коде присутствие человека обнаруживается в единицах, называющих части тела человека: *влюбиться по уши, отдам в хорошие руки, сломя голову*; в пространственном: *под боком, из-под* (*самого*) *носа, с головы до пят, куда ноги несут, насколько глаз хватает, бок о бок*; временно́м коде культуры: *на носу* (*морозы*), *за плечами* (*большой опыт*).

Исходя из того, что язык является для человека «домом бытия» (М.Хайдеггер), его неотъемлемой частью, жизнью, формой существования, то, что делает его человеком, можно заключить, что нет ни одного предложения, текста, в котором не было бы никаких следов говорящего. «В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека» (Бенвенист 1974: 293). Значит, нет ни одного предложения, в котором бы не выражалась позиция говорящего.

Функционирование языковых единиц в речи относительно говорящего изучается в прагматике. Языковые значения насквозь прагматичны, связаны с человеком, «значение антропоцентрично, т.е. отражает общие свойства человеческой природы; более того, оно этноцентрично, т.е. ориентировано на данный этнос, нельзя на естественном языке описать «мир как он есть»: язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый свою» (Вежбицкая 1997:5-6). Таким образом, языковые единицы являются субъективными, антропоцентричными и этноцентричными, поскольку языковое значение – это «интерпретация мира человеком» (Е.В. Падучева) (Вежбицкая 1997:6).

Создавая предложение, человек выражает в нем свою позицию, мнение, отношение к высказанному. Языковые единицы, в которых содержится отсылка к говорящему, называются эгоцентрическими (Б.Рассел).

Предложения *Остался* ***всего*** *час* и *Остался* ***целый*** *час* различаются позицией говорящего к содержанию высказывания, которое передается словами *всего, целый*: *всего* «только, не более чем, очень мало» (≈ «времени очень мало»), *целый* «чрезмерный срок, очень много» (≈ «времени еще много, достаточно»).

Совершенно очевидны различия в содержании предложений, описывающих одну и ту же ситуацию, но различающихся ее языковым освещением, отражающим точку зрения говорящего.

В предложениях *Вера встретилась* ***с каким-то журналистом***; *Вера встретилась* ***с каким-то там журналистом***; *Вера встретится* ***с каким-нибудь журналистом***; *Вера встретилась* ***с одним журналистом*** позиция говорящего выражается при помощи неопределенных местоимений и частиц. В первом предложении сообщается о встрече Веры с неизвестным для говорящего журналистом (*каким-то*), во втором содержится отрицательная оценка журналиста (*какого-то там*), которого говорящий не хочет описывать, поскольку это, с его точки зрения, не заслуживает внимания. В третьем предложении речь идет о встрече Веры с неизвестным журналистом (*каким-нибудь*), выбор которого не осуществлен, в пятом – о встрече Веры с журналистом (*одним*), который известен говорящему, но о котором он не считает необходимым сообщать подробности.

Ср. также: выбор безличной формы представления действительности, которая выражает жизненное кредо: *О мое «не хочется» разбивается всякий наскок. Я почти лишен страстей. «Хочется» мне очень редко. Но мое «не хочется» есть истинная страсть. От этого я так мало замешан, «соучаствую» миру* (В. Розанов) (Яковлева 1997). Ср. личное и безличное предложения: *Я хочу работать – Мне не хочется работать; Я не работаю – Мне не работается*.

Национальная культура представляет собой наиболее оптимальный способ вживания в окружающую среду (Уфимцева 2000: 207-208), исторически выработанную «систему, технику и инструментарий любви, объятий народом Природины» (Гачев 1988: 49). Именно так этнос адаптируется к окружающему миру, так задается система координат, в которой будет действовать в мире представитель той или иной национальной культуры, формируется образ мира, который является «основополагающей компонентой культуры этноса» (Лурье 1997: 221). Этим объясняется то, что, сталкиваясь с чужими для нас культурными предметами, не характерными для нашего образа мира, мы недоумеваем, так как это не вписывается в систему координат родной культуры.

В связи с этим приведем мнение журналиста В. Овчинникова: «Если мы привыкли делать что-то именно так, другие предпочитают делать это совершенно иначе. Сталкиваясь за рубежом с чем-то необычным и непривычным, мы подчас превратно судим о нем из-за инстинктивной склонности мерить все на свой аршин. Мораль сказанного исчерпывающе выражена в четверостишии:

Лошадь сказала, увидев верблюда:
«Какая нелепая лошадь-ублюдок!»
Верблюд подумал: «Лошадь разве ты?
Ты же просто верблюд недоразвитый…».

Чтобы понять незнакомую страну, важно преодолеть привычку подходить к другому народу со своими мерками (Овчинников 1979), ср.: *Кони снятся верблюдам горбатыми.*

Весь мир делится на своих, объединенных языком, культурой, верой, землей, и на чужих – носителей другой культуры, языка, веры, пришельцев из других стран (Колесов 2000: 64-65). В любой культуре оппозиция «мы – они», «свой – чужой» является основанием того, что «этнический образ бытует в двух вариантах: как интраобраз (представления о членах своего этноса) и как экстраобраз (представления о нечленах своего этноса)» (Горюнова 1995: 36).

О свойстве людей группироваться так, чтобы можно было противопоставить себя и «своих» остальному миру, подчеркивает Л.Н.Гумилев. Это противопоставление «мы – они» характерно для всех эпох и стран: эллины и варвары, арабы-мусульмане и «неверные», европейцы-католики в Средние века и нечестивые, в том числе греки и русские, «православные» и «нехристи», включая католиков и т.д. (Гумилев 2006: 40).

Естественность собственной культуры приводит к тому, что каждый человек воспринимает родную культуру как нечто нормальное и считает ее критерием для оценки людей других культур, центром мира, причем нередко наилучшим вариантом в мире. Эго- и этноцентричность представителя любой лингвокультуры наглядно демонстрируется следующими примерами.

Славяне называли соседние племена словом *языци*, так как они говорили на другом языке, не по-славянски. Этноним *славяне* произошел от *слово*, первоначально он имел значение «ясно, понятно говорящий» (в противоположность немцу) (Фасмер 1987: 664-666). Слово *немец* образовано от слова *немой* «человек, говорящий неясно, непонятно; иностранец», для русского человека – это немой, не умеющий говорить, не знающий русского языка. В древнерусском языке слово *нѣмьць* употреблялось в значении «человек, говорящий неясно, непонятно, иностранец»; *нѣмьчинъ* «немец, любой иностранец» (Фасмер 1987: 62). Подтверждением этому служат языковые свидетельства: диал. вятск. *говорить немо* «невнятно говорить (о ребенке)», арханг. *немко* «немой», смол. *немчик* «малыш, ребенок, который еще не говорит», вятск. *немтырь*, *немтура* «косноязычный, заика».

В русском языке слова *чужеземец*, *иностранец* пришли на смену слову *немец* и переставили акцент с невладения языком на происхождение: из чужой земли, из иных стран (Тер-Минасова 2004: 24).

В теории межкультурной коммуникации употребляется термин *этноцентризм*, который предполагает ощущение нормальности, естественности своей культуры, языка, поведения. Каждый человек привык воспринимать свою культуру, язык как нечто само собой

разумеющееся, а порой и превосходящее остальное (Рот, Коптельцева 2006: 40, 43-44).

Слова, называющие своих: *соплеменник*, *родня*, *сосед*, *близкие*, *приятель*, *друг* и др., ассоциативно связаны с понятиями «родной, близкий, знакомый, понятный, приятный, угодный, добрый». Ср.: *старая добрая Англия*, *Великая / Святая Русь*, *Поднебесная / Срединная империя* (Китай), *Страна восходящего солнца* (Япония), *Страна утренней свежести* (Корея) и др.

Слова, называющие чужих: *неприятель*, *враг*, *противник*, *недоброжелатель*, *злорадец*, *странник*, *гость*, *чужак*, *иноплеменник*, *чужеплеменный*, *чужеродец* и др., – связаны с понятиями «незнакомый, необычный, непонятный, странный, чудный, пугающий, враждебный, неприятный, далекий, пришлый». Ср. у В.И. Даля: *чужой* «не свой, сторонний, незнаемый, незнакомый; не родня, не нашей семьи, не из нашего дома; не нашей земли, иноземный» (Даль 1999: IV, 613).

Слово *чужой* в русском языке расширило круг своих значений под влиянием старославянского слова *чуждый* и, помимо своих значений («чужеземный, незнакомый, неродной, принадлежащий другому»), приобрело значения «непричастный к чему-нибудь, далекий от чего-нибудь», «лишенный чего-нибудь», «несвойственный, не подобающий», «неприязненный, отвратительный» (Виноградов 1999: 819).

В древности чужое, неведомое, страшное воспринималось как приходящее с войной со стороны, поэтому выстраивался понятийный ряд: чуждый народ – чужое войско – чужеземцы (Колесов 2000: 64–65).

С целью определения ассоциативного и семантического поля слов, релевантных для сферы «своего» и «чужого» современного русского культурно-языкового сознания, В. Жданова провела ассоциативный эксперимент, в результате описала культурно-языковые представления русских о родине и чужбине (Жданова 2006).

Ассоциативное и когнитивное содержание *чужбины* построено на противопоставлении *родине*: «чужбина – это не-родина, чужбина начинается там, где родина кончается». Ассоциации к этому слову представляют эмоциональное состояние человека за пределами *своего* пространства: *чужбина* → *одиночество*, *тоска*, *по родине*, *скука*, *печаль*, *кручина*, *ужас*, *горе*. Сама чужбина рисуется как *злая*, *горькая*, *серая*, *безразличная*, где холодно (*зима*, *холод*), *плохо* (Жданова 2006: 29–30).

Интересным в этом отношении являются слова *сторона, страна* и их производные. Слово *сторона* имеет значения: «направление; часть целого, пространство, местность вне чего-либо, внешнее, наружное, от середины удаленное; бок, край, грань; край, область, местность, округа, страна». В рассматриваемом аспекте важными представляются семы «вне чего-либо, внешнее, наружное, от середины удаленное»: то, что находится в стороне, – чужое. В.И. Даль приводит одно из значений

слова: «все, что не мы и что не дома; третьи, сторонние люди» (Даль 1999: III, 331).

Ср. выражения: *в стороне от кого, чего* «в отдалении, на расстоянии от кого-нибудь, чего-нибудь»; *на стороне* «не у себя, в другом месте»; *на сторону* «в другое место»; *со стороны* «не из данного места» (*человек со стороны* «чужой, посторонний»); *быть в стороне*; *гулять на стороне*; *казаться со стороны*; *обходить стороной*, а также: *Он чужд этому делу; Человек, чуждый всяких происков* («далекий, непричастный, сторонний») (Даль 1999: IV, 613).

Производные от этого слова имеют в своем значении сему «чужой»: *сторонний*, *посторонний*, ср. диалектные слова: *сторонник* «нелюдим, кто бегает от людей, дичится»; *сторонник* «странник, пришелец, захожий» (Даль 1999: III, 331).

Прослеживается следующая семантическая эволюция слова *странный* «сторонний, посторонний, нездешний, чужой, иноземный» > *странный* (*странник*) «прохожий, путник» > *странный* «чудный, необычайный, необыкновенный, особенный». Развитие значений «чужой» > «необычный, чудный» > «ненормальный» > «чушь» отмечается в слове *странь*: *странь* «чужой человек» – *странь* «чудак, нелюдим» – *странь* «малоумный, дурак» – *странь* «чушь, чепуха, бессмыслица, вздор» (Даль 1999: III, 335). В.И. Даль у слова *чуждый* отмечает значение «чему чуждаются или дивятся, странный, непонятный, удивительный» (Даль 1999: IV,613).

Семы «неизвестная, чужая» присутствуют и в значении слова *невеста*. Невесту так назвали, потому что она еще неизвестная, неведомая, чужая для семьи и родственников жениха (*невеста* < *не* + *весть* «знать»). Став женой, она обладает иным статусом, включается в круг своих – родственников жениха. Первоначально это слово имело значение «неизвестная», ср.: в.-луж. *wěsty* «известный, определенный», *ńewěsty* «неизвестный», еще: рус. диал. *чужой*, *чуженин* «жених». М. Фасмер объясняет его этимологию как проявление речевого табу. Табуистическое название должно было защитить женщину, вступающую в чужой для нее дом, дом жениха, от злых духов; этим же объясняется и наличие у нее свадебного покрывала (Фасмер 1987: 54).

В тюркских языках невесту называют так: казах. *келін* (букв. «пришедшая»), узб. *келин*, турец. *gelin*, башк. *кәләш*. В этом также подчеркивается чуждость, отдаленность (хотя уже и приближенную отдаленность) для семьи и родственников жениха.

В серии «Внимание: иностранцы!» выпускаются книги «Эти странные немцы», «Эти странные американцы», «Эти странные англичане», «Эти странные французы». Книги в увлекательной и шутливой форме рассказывают о нравах и обычаях разных народов – странных с точки зрения других, знакомят с традициями и законами различных государств, советуют, как вести себя в той или иной стране.

Таким образом, для каждого свои язык и культура считаются нормой, а чужие – отклонением от нормы.

Языковая личность формируется через заложенное в языке видение мира, менталитет, отношение к людям, т.е. через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения (Тер-Минасова 2004: 35). Прямой параллели между языковой личностью и национальным характером провести нельзя. Личность человека не исчерпывается характером: в национальном характере проявляется ментальность, стереотипы поведения, эмоционально-волевые реакции и др. Говоря о национальном характере, лингвисты подразумевают «фрагмент языковой картины мира, реконструируемой на основе лингвистических данных и отраженных в культуре стереотипов» (Зализняк–Левонтина–Шмелев 2005: 65).

С национальным характером связаны определенные стереотипные представления, которые выражают национально-культурный прототип носителя той или иной лингвокультуры. Существуют этнические стереотипы – обобщенные представления о типичных чертах характера народа, среди которых различают автостереотипы (представления о себе) и гетеростереотипы (представления о других народах).

И.М. Кобозева предлагает экспериментальную методику выявления стереотипов национальных характеров русских, немцев, англичан и французов. Она обратилась к лексическим коннотациям, под которыми понимаются несущественные, но устойчивые признаки выражаемого лексемой понятия, воплощающие принятую в обществе оценку соответствующего предмета или факта и отражающие связанные со словом культурные представления и традиции. Не входя непосредственно в лексическое значение и не являясь следствиями из него, лексические коннотации объективно обнаруживают себя в языке, получают закрепление в переносных значениях, привычных метафорах, сравнениях, полусвободных сочетаниях, производных словах. Таким образом, задача выявления стереотипов национальных характеров сведена к определению коннотаций у этнонимов *русский, немец, француз, англичанин* (Кобозева 1995).

И.М. Кобозева обращается к специфическим диагностическим конструкциям *Он X, но он P*, объективирующим стереотипные представления о денотате лексемы X. При этом данные о типовых партнерах лексемы включаются в круг источников сведений о стереотипах сознания. Были проведены два теста: 1) Свободная интерпретация псевдотавтологий: информанту предлагается фраза типа *Немец есть немец*, ему нужно ответить на вопрос: «Если бы вы услышали, что кто-то сказал это, то что, по-вашему, он имел в виду?». 2) Заполнение пропуска в одной из диагностических конструкций: а) с производным от этнонима наречием (напр., *по-немецки*) типа *Он по-немецки* …; б) со сравнительным оборотом типа *Как истинный француз,*

он …; в) с союзом *но* типа *Он русский, но он…* . Инструкция информанту: «Заполните пропуск в следующем предложении, подставив любое выражение, обозначающее свойство характера».

Преимущество такого эксперимента перед ассоциативным, по мнению автора, заключается в том, что степень свободы ассоциаций сужается заданным контекстом, ограничивая индивидуальные, субъективные отклонения от ассоциативных норм.

Получены следующие результаты тестирования. Среди качеств, названных при интерпретации *Русский – это русский*, отмечаются положительные (*душевный человек, гостеприимный, с широкой душой, радушный, добрый, отзывчивый, бескорыстный, отважный*, *рубаха-парень, действует на авось*), отрицательные (*лентяй, невоспитанный*) и оценочно нейтральные (*любит поесть*).

Анализ результатов второго теста о немцах привел к необходимости перейти на уровень семантических компонентов, так как на лексическом уровне та степень единообразия реакций, которую можно было бы считать свидетельством стереотипа сознания, не отмечается. Поэтому полученные слова были сведены в ряд с единым дескриптором, напр., реакции *аккуратен* (14)*, чистоплотен* (3)*, до тошноты аккуратен* (1), *опрятен* (2)*, подтянут* (1), *собран* (1) сводятся в дескриптор АККУРАТНЫЙ, которому приписывается суммарная частота – 22, а реакции *педантичен* (8)*, пунктуален* (7)*, четок* (3)*, точен* (*3*) – в дескриптор ПЕДАНТИЧНЫЙ (21) и т.д.

В результате *немец* в сознании носителей русского языка характеризуется такими дескрипторами: АККУРАТНЫЙ, ПЕДАНТИЧНЫЙ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ, ЭКОНОМНЫЙ, НЕИНТЕРЕСНЫЙ, ВЪЕДЛИВЫЙ, СДЕРЖАННЫЙ, УПОРНЫЙ, РАБОТОСПОСОБНЫЙ, РАСТОРОПНЫЙ, ВЫШКОЛЕННЫЙ, ВЕЖЛИВЫЙ, ДОБРОДУШНЫЙ, ОСТОРОЖНЫЙ.

Далее выявлялись общие для слов-дескрипторов семы. Так, для лексем *педантичный, аккуратный, исполнительный, вышколенный, вежливый* выделен интегральный компонент «соблюдающий норму, действующий по правилам». Это является свидетельством того, что в русской ЯКМ основной чертой немецкого характера признается стремление во всем следовать правилам. Русский в сознании носителей русского языка характеризуется такими дескрипторами: БЕСШАБАШНЫЙ, ЩЕДРЫЙ, ЛЕНИВЫЙ, НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ, ПРОСТОДУШНЫЙ, БЕСТОЛКОВЫЙ, НЕОРГАНИЗОВАННЫЙ, БЕСЦЕРЕМОННЫЙ, ШИРОКАЯ НАТУРА, ЛЮБИТ ВЫПИТЬ, ПРОЖОРЛИВЫЙ, ПОВЕРХНОСТНЫЙ, НЕ ЛЮБОПЫТНЫЙ, ПРИЯТНЫЙ.

И.М. Кобозева приходит к выводу о том, что множество стереотипов национального характера структурируется с помощью оппозиций. Так, *немец* противопоставлен *русскому* по параметру приверженности к порядку (ср. антонимичные реакции *аккуратен, чистоплотен, опрятен / неряшлив; подтянут, собран / разболтан, небрежен; обязателен / необязателен; вежлив / бесцеремонен*); *англичанин* противостоит

русскому по параметру открытости в проявлении внутреннего состояния (ср. реакции дескриптора *сдержанный* у *англичанина* и реакции, связанные с *широтой натуры* у *русского*); *француз* противоположен *русскому* по его отношению к правде, ср. *лжив – простодушен*; *англичанин* и *француз* противопоставлены и по открытости и по общительности, ср. *малообщительный – болтливый.*

Р.С. Амренова, основываясь на методике выявления стереотипов национальных характеров И.М. Кобозевой, провела эксперимент, в результате которого выявила интраобраз казаха, которому присущи положительные (гостеприимство, щедрость, почитание памяти предков и национальных традиций, патриотизм, уважение к старшим и родственникам, почтительность, интернационализм, толерантность) и отрицательные (русифицированнотсь (незнание родного языка), непунктуальность, подражание другим национальностям, лень и др.) черты. Экстраобраз казаха включает следующие качества: гостеприимство, почитание и верность традициям и обычаям, знание предков до седьмого колена, уважение к старшим и родственникам, кормилец и хозяин очага, уважение к культуре других народов, интернационализм, патриотизм и чувство долга перед Родиной и др. (Амренова 2004: 11).

Почти полное совпадение дескрипторов интраобраза и экстраобраза казаха позволило Р.С. Амреновой с полной уверенностью говорить о том, что получены стереотипы национального характера как определенной когнитивной структуры, включенной в языковое сознание респондентов (Амренова 2004: 13).

Таким образом, исходя из того, что язык существует не в обществе, а в каждом конкретном человеке, языки контактируют друг с другом тоже в каждом конкретном человеке (Э.Д. Сулейменова), при описании языковой личности, человека в языке исследователями во главу угла ставится вопрос о социально-исторической природе личности, а значит, о формирующей его культуре (исторической эпохе, общественно-исторических условиях, социальном пространстве, социокультурной жизни, культурных традициях народа и др.).

Литература

Апресян, Ю.Д. (1995) Образ человека по данным языка: попытка системного описания // ВЯ, №1. С. 37-67.

Апресян, Ю.Д. (1986) Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М., Школа «Языки русской культуры», Вып. 28. С. 5-32.

Вежбицкая, А. (1997) Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз. Москва, Русские словари.

Виноградов, В.В. (1999) История слов / РАН. Отдел. литер. и языка. Москва.
Гачев, Г. (1988) Национальные образы мира. Общие вопросы. Москва.
Горюнова, О.А. (1995) Русский этнический образ: прямые и образные ассоциативные связи // Этническое и языковое самосознание. Москва.
Гумилев, Л.Н. (2006) Этногенез и биосфера Земли. Москва, АСТ-Астрель.
Даль, В.И. (1999) Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1-4. Москва.
Джонсон, М. – Лакофф, Дж. (2008) Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. Москва, Изд-во ЛКИ.
Жданова, В. (2006) Русская культурно-языковая модель пространства и особенности индивидуальной ориентации в ней // Русские и «русскость»: Лингво-культурологические этюды. Москва, Гнозис, С. 5-178.
Зализняк, А.А. – Левонтина, И.Б. – Шмелев, А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Москва, Языки славянских культур, 2005.
Золотова, Г.А. (2001) Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. №1. С. 107-113.
Каган, М.С. (1988) Мир общения: Проблемы межсубъектных отношений. Москва, Политиздат.
Карасик, В.И. (2002) Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, Перемена.
Кобозева, И.М. (1995) Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. №3. С.102-117.
Колесов, В.В. (2000) Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.
Кубрякова, Е.С. (2009) Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Актуальные проблемы современной лингвистики. Москва, Флинта–Наука. С. 46-59.
Лурье, С.В. (1997) Историческая этнология. Москва, Аспект Пресс.
Овчинников, В. (1979) Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах // Новый мир. №4-6.
Рот, Ю. – Коптельцева, Г. (2006) Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг. Москва, ЮНИТИ-ДАНА.
Тер-Минасова, С.Г. (2004) Язык и межкультурная коммуникация. Москва, Изд-во МГУ.
Уфимцева, Н.В. (2007) Психолингвистика и межкультурная коммуникация // Мир русского слова и русское слово в мире. Т.4. Язык, сознание, личность. Sofia, Heron press. С. 609-615.
Фасмер, М. (1987) Этимологический словарь русского языка: Пер. с нем. и дополн. О.Н. Трубачева. Т.3. Москва, Прогресс.
Яковлева, Е.С. (1997) К описанию русской языковой картины мира // Синтаксис: изучение и преподавание. Москва. С. 4-27.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 416-426
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.416

Елена Савельева
(Сомбатхей, Венгрия)

СТАНОВЛЕНИЕ СЛОВЕНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Abstract: The article gives a short account of the formation of the Slovenian phraseology from the 1970-ies up to now, it gives a review of the structural methods of the phraseological studies, their etymological, historic and didadtic aspects, of the situation in connection with the Slovenian dictionary of phraseological units, of the Slovenian phraseological stylistics, and also of the thematic aspects of the phraseological research and its conceptual semantic analysis.

Keywords: Slovenian language, Slovenian phraseology, Slovenian dictionary of phraseological units, conceptual semantic analysis.

0. Введение

Краткие очерки развития словенской фразеологии представили Эрика Кржишник (Kržišnik 1988) и Янез Кебр (Keber 2000).[1] Последний в статье *Raziskovanje slovenske frazeologije – sedanje stanje in zasnova frazeološkega slovarja* коротко представил состояние словенской фразеологии до 2000 года и дал обширную биографию статей, написанных прежде всего на словенском языке. Кржишник в первой главе своей магисторской работы *Frazeologija v moderni* коснулась вопроса развития фразеологии как лингвистической дисциплины как с теоретической, так и с практической точек зрения. Автор просмотрела все важнейшие грамматики до 1950 года и пришла к выводу, что словенское языкознание рассматривало фразеологию в рамках словообразования. Речь шла о так называемых устойчивых словосочетаниях – устойчивых составных терминах. Исключения составляли примеры *mokri bratec* 'пьяница', *mož beseda* 'порядочный, честный человек', *figa mož* 'ненадежный человек' (Kržišnik 1988: 18-19). Кржишник представила и второй, для теории фразеологии более значимый период, где упамянула имена Я. Безьяка, А. Соврета, Б.Борштника, Ф. Безлая, С. Трдину, Е. Павлицу. Автор выделила имена Е.Топоришича, М. Роде, Ю. Ройса, Т. Корошца и Ф. Жагара, которые положили фундамент для развития словенской фразеологии как самостоятельной дисциплины.

[1] Из-за ограниченности объема статьи в список литературы были включены только работы Э. Кржишник, статьи остальных авторов можно найти на сайте http://www.cobiss.si/scripts/cobiss?ukaz=GETID. Для поиска необходимо нажать на *Iskanje,* в рубрике *Avtor* вписать имя автора, в *Leto izida* - год издания и нажать на *Poišči*. Спасибо. Елена Савельева.

1. Фразеология как дисциплина в словенистике

Фразеология в словенском языкознании как лингвистическая дисциплина получила свое развитие в начале семидесятых годов 20 века. Огромное влияние на ее становление имели работы русских ученых В.В. Виноградова и Н.М. Шанского. Первую теоретическую статью о словенской фразеологии написал Еже Топоришич (Toporišič 1973/74). В статье автор на основе русских фразеологических исследований систематично подал фразеологические понятия, семантическую типологию ФЕ (*zrasleki* – фразеологические сращения, *sklopi* – фразеологические единства и *skupe* – фразеологические сочетания), их грамматическую и синтаксическую классификацию, а также другие критерии, на основе которых можно классифицировать ФЕ (на основе этимологии, стилистической функции и т.д.). Матей Роде первым коснулся вопроса семантических отношений во фразеологии. Поскольку для фразеологизмов характерна семантическая целостность, т. е. способность быть эквивалентным слову, можно рассматривать фразеологические синонимы, антонимы, омонимы, полисемы и анализировать отношения между внешней формой и значением ФЕ (фразеологические варианты). Важную роль в теоретических вопросах словенской фразеологии сыграл Ю. Петерманн (Petermann 1988), который к тому же первым предложил использовать наименование *frazem* вместо *frazeologem*. Характерные признаки фразеологизмов и проблемы относительно номинации в области фразеологии были рассмотрены Врбинц (Vrbinc 1999). Ведущим фразеологом с середины 90-ых годов 20 века несомненно является Эрика Кржишник. В своих статьях она касается основных вопросов фразеологии: проблемы фразеологической номинации и состава фразеологии: ФЕ в узком и широком смысле (Kržišnik 1994a, 1998a, 2010d); дифференциальных признаков фразеологизма (1994a, 1996a, 1998a, 1998/99); стилистической классификации фразеологизмов (1998b), ФЕ в различных функциональных стилях (2004b). Автор подчеркнула, что при рассмотрении и определении словарной формы фразеологизма и его репрезентации в словарях нельзя не коснуться вопроса стилистической окраски, так как в словаре необходимо дать соответсвующую его функциональную и эмотивно-экспрессивную характеристику. Важным моментом в исследовании словенской фразеологии стал вопрос о функции ФЕ в тексте и о возможностях использования грамматической и семантической слитности фразеологизма в публицистических и художественных текстах. Этому вопросу посвящен ряд статей и дипломных работ (Korošec 1978, Kržišnik 1987a, 1987b, 1990c, 1994b, 2005b, 2006, Oražem 2002, Musar 2002). Кржишник в словенской фразеологической терминологии первая ввела понятие *prenovitev* – фразеологическое преобразование. В статье *Izraba semantične potence frazemov* (2006b) она представила основные понятия, с

помощью которых можно объяснить авторские преобразования в структуре и семантике фразеологизмов. Кроме этого она попыталась выделить те особенности, с помощью которых, с одной стороны, можно было бы разграничить фразеологические модификации от неправильного использования фразеологизма, и от авторских преобразований с другой стороны. Внутренняя форма фразеологизмов и вариантность были подробно рассмотрены в одной из новейших работ Кржишник (Kržišnik 2010b). Структура фразеологизма и его роль в тексте интересовала и других исследователей (Gantar 1995, 2003, Fabčič 2005). Спорным вопросом в теории фразеологии является проблема границ ФЕ, а именно являются ли идиоматизированные структуры *полнозначное + неполнозначное слово*, фразеологизмом. Вопрос о том, являются ли словосочетания *глагол + личное местоимение* или же *глагол + предлог* фразеологизмом, был поднят еще Кржишник (Kržišnik 2001b). Она проанализировала большую группу со структурой *глагол + личное местоимение*, например, *lomiti ga* 'делать оплошности, ошибаться', и включила подобные конструкции в состав минимальной фразеологии. Этим вопросом заинтересовалась и С. Бабич (Babič 2004, 2008). В статье *Minimalni frazemi v sovenščini* она проделала комплексный анализ подобных фразеологизмов и подробно анализировала 43 фразеологизма с конструкцией *глагол + предлог,* например, *zakopati se v kaj, gledati za kom, vpiti po čem.* На основе достижений русских фразеологических школ (петербургской и московской) Кжишник исследовала фразеологию с культорологического аспекта. В статье *Frazeologija v luči kulture* (Kržišnik 2005c) она рассматривает методы изучения культурной семантики фразеологизмов и пытается дать ответ на вопрос, почему фразеологизмы являются языковыми знаками, несущими культурную коннотацию. Культорологическая интерпретация фразеологизмов является темой ее новейших статей (2008, 2010a). И. Страмлич Брезник первая заинтересовалась прагматическими фразеологизмами (Stramljič Breznik 2000/01). Она их называет *sporočanjski frazemi* – коммуникативные фразеологизмы, например, *vrag ga vzemi, pojdi se solit! sam bog ve*. Подобные примеры были названы Кржишник *pragmatični frazemi*. Исчерпывающий анализ прагматических фразеологизмов представила в своих работах Н. Якоп (Jakop 2002, 2005, 2006a, 2006b). Вопросы о теоретических предпосылках диалектной фразеологии и диалектных фразеологизмов были затронуты С. Поклач (Poklač 2004) и Марц Братиной (Marc Bratina 2005a, 2005b, 2005c, 2006). Таким образом, к концу 20 – началу 21 века словенская фразеология обогатилась необходимыми фразеологическими терминами. Фразеологизмы были исследованы со структурной, этимологической, дидактической точек зрения. Получили отдельное развитие такие отрасли как фразеография,

диалектная фразеология, фразеостилистика, фразеологическая идеография.

2. Структурный подход к исследованию фразеологии

В самых первых статьях по фразеологии словенских лингвистов интересовали признаки фразеологизма, в особенности устойчивость и воспроизводимость, его семантика и компонентный состав. В 1985 году вышла статья Топоришича, написанная сначала на немецком языке *Vsebinska podstava primerjalnih frazeologizmov*, которая анализировала структуру сравнительных оборотов в сборнике Бойца. В 1996 году вышла следующая статья, где были рассмотрены устойчивые словосочетания, состоящие из двух, трех или четырех частей. В дальнейшем устойчивые сравнения стали материалом для многих дипломных работ (Vaupovič 2004, Heferle 2005, Temnik, Kalamar 2006, Špiletič 2009, Komac 2010, Bračko 2012). Самым привлекательным материалом для исследования послужили фразеологизмы с определенным компонентом. Так были анализированы соматические фразеологизмы (Kržišnik 1990a, 1998/99, 2009b, Smole 2007, 2008, Šaponjić 2003, Šekli 2005, Domadenik 2007, Šturm 2008, Muhvič 2009, Antosiewicz Škraba 2011, Habjan 2012), фразеологизмы с цветовым компонентом (Stramljič Breznik 2000, Bernjak 2004, Čeh 2005), наименования животных во фразеологизмах (Keber 1996, 1998, Savelieva 1999, Šuštar 2002, Štefe 2000, Zaranšek 2001, Krel 2004), имена собственные во фразеологизмах (Keber 1986, 1987a, 1987b, 1988, 1990a, 1993a, 1993b, Fošnarič 1999), растительный компонент во фразеологизмах (Ornik 2000, Sekula 2002, Bernjak 2005), материя как компонент во фразеологизмах (Špegel 2002), элементы одежды как компонент во фразеологизмах (Lojk 2010), библейские фразеологизмы (Kržišnik 1996b, Stramljič Breznik 2002, Galer 2001), глаголы движения во фразеологизмах (Savelieva 2009).

3. Этимологический и исторический аспекты исследования фразеологизмов

Историей происхождения словенских фразеологизмов, их образной мотивацией занимается Я. Кебер. Кроме теоретических вопросов, в своих статьях он проанализировал несколько десятков словенских фразеологизмов (Keber 1995, 2001). Большинство кратких очерков по истории отдельных ФЕ он издал в журналах *Mohorjev koledar, Držinska pratika* и *7D*. Результаты своих исследований он включил в состав словенского фразеологического словаря, над которым работал 10 лет. Фразеологизмы были рассмотрены и другими авторами в одноязычных и двуязычных словенских словарях, начиная с 16 столетия: в Церковной орднинге Трубара, в словаре Густманна (Kržišnik 1986, 1997), Мурко (Kržišnik 1999), Плетершника (Humar 1998, Jesenšek 2004, Čeh 2004),

Кастелца и Воранца (Janeš 2000), Бернарда Мариборского (Tomšič 2000). Ознакомление с фразеологизмами в исторических словарях дает возможность проследить время появления фразеологизма, а также процесс фразеологизации отдельного словосочетания.

4. Фразеология с дидактической точки зрения

Первым шагом в развитии словенской фразеодидактики стала работа Ф. Жагара (Žagar 1980/81), в которой автор обратил внимание на проблему понимания фразеологизмов школьниками общеобразовательных школ. Причиной, по его мнению, мог быть недостаточный объем учебного материала. В статье Ф. Жагар дает теоретические и практические советы для изучения фразеологии в школах. Второй важной работой в области дидактики фразеологизмов стала статья Э. Кржишник (Kržišnik 1989/90). Ее интересовал прежде всего учебный материал: учебный план и учебники. Как оказалось, они включают минимальное количество заданий, имеющих какое либо отношение к фразеологии. В последующих своих статьях она разработала несколько отдельных уроков по фразеологии для словенских школ и для студентов-иностранцев а рамках семинара словенского языка (Kržišnik 1994a, 1998a, 1998/99, 1998b). Понимание фразеологизмов у детей младшего и школьного возраста было исследовано в дипломных работах (Repec 1999, Urevc 2005, Bavčar 2006). Д. Лединек в своей дипломной работе просмотрела все школьные учебники и проанализировала задания по фразеологии, а также сама составила упражнения на данную тему для общеобразовательных школ (Ledinek 2000).

5. Ситуация вокруг словенского фразеологического словаря

Первый фразеологический словарь *Sovar slovenskih frazemov* вышел в свет только в 2011 году и включает около 5000 ФЕ. Во введении автор Янез Кебер четко и ясно объясняет построение словаря и словарной статьи. Также представляет словенскую и зарубежную библиографию по фразеологии. Фразеологизмы в словаре размещены по алфавитному порядку стержневого компонента. Каждый фразеологизм имеет экспрессивно-стилистическую характеристику, семантическое определение, иллюстративную часть, синонимы, антонимы и историко-этимологические данные.

До появления словаря все языковеды, изучающие фразеологию словенского языка пользовались 5-томным толковым словарем SSKJ. О фразеологическом материале в вышеупомянутом словаре писали Петерманн (Petermann 1988) и Кржишник (Kržišnik 1987/88). Оба обратили внимание на недостатки и непоследовательности в словаре при распределении фразеологических единиц, и в формулировке их словарной формы. Фразеологизмы находятся в словаре как в иллюстративной части,

так и во фразеологическом гнезде. Иногда в гнезде приведены примеры, которые не являются фразеологизмами. В основном ФЕ подаются не в словарной форме, как и их толкование, которое чаще всего неполное. Фразеологизмы в новом словенском орфографическом словаре *Slovenski pravopis 2001* проанализировала Кржишник (Kržišnik 2003). Фразеологию в большом немецко-словенском словаре рассмотрела Голе (Gole 2002). Краткий очерк состояния всех словенских одноязычных и двуязычных словарей с учетом фразеологическиго материала представила Гантар (Gantar 2001).

Вопрос о том, каким должен быть фразеологический словарь, занимал многих фразеологов. Кржишник и Петерманн рассматривали идею о минимальном словаре для иностанцев. Кржишник (Kržišnik 2001a) коснулась вопроса состава словаря. Петерманна (Petermann 2001) интересовал не только объем словаря и критерии, по которым будут выбраны ФЕ, но и как будет словарь лексикографически оформлен, т.е. какую информацию он будет содержать и в какой форме. Петерманн коснулся как содержания, так и построения словарной статьи отдельного фразеологизма. О фразеологическом словаре размышлял и Я. Кебер (Keber 2000a, 2002, 2004). Он предлагал составить словарь, который будет содержать ФЕ словенского литературного и разговорного языка с описанием значения, происхождением, стилистической оценкой, грамматической характеристикой и примерами реализации в языке. В 2003 году вышел пробный фразеологический словарь Я. Кебра. Рецензию на этот словарь написали Кржишник (Kržišnik 2004a) и Петерманн (Petermann 2004). Кржишник обращает внимание на следующие недочеты в пробном словаре Кебра: непоследовательностиь при выборе устойчивых выражений и отсутствие для того определенных критериев; непоследовательность в лемматизации фразеологических форм и в оформлении фразеологизмов в словарной статье. Здесь, по мнению Кржишник, следовало бы учитывать разницу между индивидуальными авторскими употреблениями и лемматизированной формой фразеологизма, а также привести его типичную форму реализации в речи, чего в пробном словаре нет. Далее автор говорит о недостатках экспрессивно-стилистических и других характеристик. При этом делается ударение на то, что более точная коннотативная характеристика фразеологизма могла бы заменить стилистическую. В словаре отсутсвует синтагматический аспект. В иллюстративной части смешиваются варианты, индивидуально-авторские употребления и фразеологические дериваты. Петерманн, кроме недостатков, упомянутых Кржишник, обращает внимание на гетерогенный выбор старых изданий фразеологических словарей, взятых Кебром в качестве примера. Автор приводит ряд недостатков: заглавная единица представляет когломерат семантически разных, иногда антонимичных фразеологизмов; значение

фразеологизма дано неточно; главное место в словаре занимают историко-этимологические данные, в которых есть некоторые погрешности; также есть ошибки при переводах на другие языки. Оба критика придерживаются мнения, что такую важную и трудоемкую работу следует проводить в сотрудничестве с другими языковедами, не только словенскими, но и с зарубежными. О фразеологической части в новом словаре словенского языка писала Кржишник (Kržišnik 2009a). Основные вопросы словарного описания фразеологизмов рассмотрела П. Гантар (Gantar 2002, 2005, 2006). Вопросами о двуязычных фразеологических словарях интересовалась М. Врбинц (Vrbinc 1998a, 1998b, 2000, 2001a, 2001b), а именно какие ФЕ стоит включать в словарь и как это сделать. Как образец она ставит английские словари. Ее точка зрения во многом схожа с точкой зрения Кебра, Кржишник, Петерманна и Гантар. Врбинц впервые ставит вопрос о включении колокаций в состав фразеологического словаря (Vrbinc 2001b). О квалификаторах во фразеологическом словаре литературного и диалектного словаря писала В. Смоле (Smole 2005).

6. Словенская фразеостилистика

Фразеостилистика, которая занимается стилистической классификацией фразеологизмов в различных функциональных стилях и изучает фразеологию языка писателей и публицистов, а также фразеологизмы жаргонной, аргонической сферы, в словенском языкознании получила развитие благодаря Э. Кржишник. Теоретическим вопросам по данной тематике посвящено ряд ее работ (Kržišnik 1991, 1995, 1996c, 1998c, 2001c). В своих статьях фразеолог неоднократно подчеркивала, что фразеологизмы как экспрессивные языковые знаки являются оптимальным средством для использования апеллятивной функции публицистических текстов. По этой теме было написано также несколько дипломных работ и статей, в которых были рассмотрены фразеологизмы в печати религиозного направления (Mihelič 1999), в политической рубрике газет *Slovenski narod, Slovenec* (Vižintin 2005) и рубрике, посвященной спорту (Stramljič Breznik 1996a). Был просмотрен фразеологический материал газеты *Mladina* (Žaberl 2005). Фразеологизмы в рекламной рубрике интересовали С. Песерл (Peserl 2000) и М. Чернетич. Последняя на основе англоязычных публикаций детально представила данную тематику словенскому читателю, тем самым обогатив словенскую терминологию в области фразеостилистики (Černetič 2002, 2007). Фразеологизмы были исследованы также в художественных текстах словенских писателей (Kržišnik 1987b, 1988, 1990c, 1994b, Stramljič Breznik 1996b, Rojs 2000, Martinič 2001, Kušterle 2002). Б. Смисл на основе анализа фразеологии наиболее читаемых словенских журналов пыталась ответить на вопрос, можно ли разделить фразеологию на женскую и

мужскую (Smisl 2011). Фразеология молодежного сленга была рассмотрена В. Гюриным (Gjurin 1982) и И. Страмлич Брезник (Stramljič Breznik 2007).

7. Тематический аспект исследования фразеологизмов

Тематическое исследование фразеологизмов в словенском языке не очень широко. Причина, возможно, в том, что до 2011 года у словенцев не было фразеологического словаря, который содержал бы ядро словенской фразеологии и четко и ясно определял критерии ФЕ. Несмотря на это, до сегодняшнего дня было исследованно несколько тематических групп. Э. Кржишник подробно рассмотрела фразеологизмы *речи* (Kržišnik 1990b, 1994, 2007), а также фразеологизмы с общим значением 'ругать, наказывать' (1998/99). Я. Кебер исследовал фразеологические единицы со значением 'пить и пьяный' и 'обманывать' (Keber 1991a, 1991b). Ирена Страмлич Брезник анализировала фразеологизмы со значением 'умереть' и фразеологизмы, относящиеся к понятию *семья* (Stramljič Breznik 1999, 2005). Автор данной статьи более детально исследовал словенские фразеологизмы со значением 'пить, пьяный' и 'обманывать, лгать' и сравнил их с русскими, тем самым пытаясь представить фразеологическую систему обоих языков в виде картины мира, с учетом достижений когнитивной семантики (Savelieva 2004, Савельева 2012). Также были рассмотренны словенские фразеологизмы со значением 'печаль, грусть' (Savelieva 2003), 'передвигаться' (Savelieva 2008, Савельева 2008).

8. Когнитивная теория во фразеологии

В словенском языкознании концептуально-семантический анализ во фразеологических исследованиях применили Кржишник и Смолич (Kržišnik, Smolić 1999, 2000). В статьях авторы представили теорию концептуальной метафоры Лакоффа и Джонсон, а также сделали попытку выделить метафоры для концепта времени. В статье *Pojmovanje metafore v kognitivnem jezikoslovju (Čas je denar – Tako rečemo = tako misimo* Кржишник (Kržišnik 2004c) приводит основные понятия когнитивного языкознания, и дает подробный отчет о результатах когнитивной теории в словенском языкознании. Она подчеркивает важную роль польского когнитивного языкознания в словенистике и особо выделяет работу А. Бековски Копчик, которая анализируя концепт *дом* в словенском и польском языке, познакомила словенскую аудиторию с когнитивной теорией. Ирена Страмлич Брезник на основе статей Добровольского, который использовал достижения когнитивной семантики для анализа внутренней составляющей фразеологизмов, анализировала чувство *страха* (Stramljič Breznik 2003). Подобный анализ был проделан автором данной статьи для чувства *грусти* в словенских фразеологизмах (Savelieva

2003). Концептуально-метафорический анализ чувств (не только во фразеологизмах) детально выполнен М. Емец (Jemec 1998/99, 2001) и А. Бековски Копчик (A. Będkowski Kopczyk 2004). Теоретические положения когнитивной теории, концептуальной метафоры и фразеологии были рассмотрены Кржишник на основе фразеологизмов *речи* (Kržišnik 2007, 2010c). Концепт *движения* в словенских фразеологизмах проанализирован Савельевой и Страмлич Брезник (2010).

Краткий очерк словенской фразеологии был дан с целью показать главные направления ее развития и обобщить результаты.

Литература

Kržišnik, E. (1986) Poskus razvrstitve stalnih besednih zvez v Trubarjevi Cerkovni ordningi // Obdobja. 1996. № 6. 435-445.

Kržišnik, E. (1987a) Prenovitev kot inovacijski postopek // Slava. № 1/1. 49-56.

Kržišnik, E. (1987b) Prenovitve stalnih besednih zvez v Kosmačevi prozi 30. let // Obdobja. Socialni realizem v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. № 7. 517-532.

Kržišnik, E. (1987/88) Frazeološko gradivo v Slovarju slovenskega knjižnega jezika // Slava. № 2/2. 143-162.

Kržišnik, E. (1988) Frazeologija v moderni. Magistrska naloga. Ljubljana.

Kržišnik, E. (1989/90) Frazeologija v osnovni in srednji šoli // Jezik in slovstvo. № 35. 134-141.

Kržišnik, E. (1990a). Sestavina roka v frazeologemih slovenskega knjižnega jezika // SSJLK. № 26. 141-154.

Kržišnik, E. (1990b) Teoretično zanimiva knjiga iz frazeologije // Slavistična revija. № 38. 57-64.

Kržišnik, E. (1990c) Tipologija frazeoloških prenovitev v Cankarjevih proznih besedilih // Slavistična revija. № 38. 399-420.

Kržišnik**,** E. **(**1991) Frazeologija v slovenskem časopisju 1991 // SSJLK. № 27. 89-98.

Kržišnik, E. (1994a) Frazeologija kot izražanje v »podobah« // Pouk slovenščine malo drugače. Trzin.

Kržišnik, E. (1994b) Slovenski glagolski frazemi (ob primeru frazemov govorjenja). Doktorska disertacija. Ljubljana.

Kržišnik, E. (1994c) Frazeologija v kratki pripovedni prozi druge polovice 19. stoletja // SSJLK. № 30. 53-67.

Kržišnik, E. (1995) Frazeologija v slovenskem časopisju v dveh prelomnih obdobjih. // Jezyki slowianskie 1945-1995. 217-226.

Kržišnik, E. (1996a) Norma v frazeologiji in odstopi od nje v besedilih // Slavistična revija. № 44/2. 133-154.

Kržišnik, E. (1996b) Biblijska frazeologija v SSKJ in njena raba v časopisnih tekstih // Frazeologija a religia. 50-51.
Kržišnik, E. (1996c) Frazeologija v slovenskem časopisju štiri leta po osamosvojitvi // Jezik in čas.175-189.
Kržišnik, E. (1997) Gutsmanovo razumevanje stalnih besednih zvez // Jezik in literarnovredne raziskave. 27-37.
Kržišnik, E. (1998a) Frazeologija pri pouku slovenščine kot tujega jezika // Skripta 2. Zbornik za učitelje slovenščine kot drugega/tujega jezika. 27-45.
Kržišnik, E. (1998b) Socialna zvrstnost in frazeologija. SSJLK. № 34. 53-69.
Kržišnik, E. (1998c) Frazeološka sredstva v vlogi razkrivanja družbenih sprememb med leti 1945 in 1995 // Slovenski jezik. 183-200.
Kržišnik, E. (1998) Frazeologija po seminarsko // Slava. 99. № 4/2. 162-268.
Kržišnik, E. (1999) Frazeologija v Murkovem slovarju // Murkov zbornik. 312-347.
Kržišnik, E. (2001a) Vsebina (slovenskega) frazeološkega slovarja za tujce – določitev in preizkus meril // Skripta 5. Zbornik za učitelje slovenščine kot drugega/tujega jezika. 7-21.
Kržišnik, E. (2001b) Frazemi s strukturo »glagol + osebni zaimek« v slovenskem jeziku // Frazeologija slowianska. 239-248.
Kržišnik, E. (2001) Frazeologija in njena funkcija v časopisu slovenskih izseljencev v Argentini // Slovenski knjižni jezik – aktualna vprašanja in zgodovinske izkušnjec. 40-41.
Kržišnik, E. (2003) Frazeologija v Slovenskem pravopisu 2001 // SR. № 51/2. 221-237.
Kržišnik, E. (2004a) Poskusni zvezek slovenskega frazeološkega slovarja // SR. № 52/2. 199-208.
Kržišnik, E. (2004b) Določanje jezikovno- in/ali besedilnozvrstne zaznamovanosti v frazeologiji // Aktualizacija jezikovnozvrstne teorije na Slovenskem. 103-120.
Kržišnik, E. (2004) Pojmovanje metafore v kognitivnem jezikoslovju // Slovenski jezik in literatura v evropskih globalizacijskih procesihc. 56-74.
Kržišnik, E. (2005b) Predvidljivost sintaktičnih transformacij frazemov v slovenskem jeziku // Grani slova. Moskva. 215-222.
Kržišnik, E. (2005) Frazeologija v luči kulture. Večkulturnost v slovenskem jeziku, literaturi in kulturi // SSJLKc. 67-81.
Kržišnik, E. (2006) Izraba semantične potence frazemov // Slovensko jezikoslovje danes. 631-654.
Kržišnik, E. (2007) »Metafore«, v katerih govorimo v slovenščini frazeološko-konceptualnometaforična analiza frazemov govorjenja // Frazeologija v jezikoslovju in drugih vedah. Ljubljana. 183-203.
Kržišnik, E. (2008) Viri za kulturološko interpretacijo frazeoloških enot // Jezik in slovstvo. № 53/1. 33-47.

Kržišnik, E. (2009a) Kam in kako s frazeologijo v novem slovarju // Strokovni posvet o novem slovarju slovenskega jezika, 23. in 24. okt. 2008. 53-60.
Kržišnik, E. (2009b) Telo in frazeologija // Telo v slovenskem jeziku, literaturi in kulturi. Zbornik predavanj. 151-168.
Kržišnik, E. (2010a) Kaj se pometa pod preprogo in zakaj? (kuturološka in sociolingvistična analiza frazema) // Slavjanskaja frazeologija i paremiologija v XXI. veke: zbornik naučnyh statej. Minsk. 92-98.
Kržišnik, E. (2010b) Variantnost valence kot pokazatelj notranje forme frazemov // Phraseologische Studie, Dynamische Tendenzen in der slawischen Phraseologie = Frazeoogičeskie issledovanija, dinamičeskie tendencii v slavjanskoj frazeologii. 219-229.
Kržišnik, E. (2010c) Frazeologija, konceptualna metafora in razstavljeni artefakti // Dobesedno brez besed = Word for word, without words. 25-29, 31-35.
Kržišnik, E. (2010d) Idiomatska beseda ali frazeološka enota // Slavistična revija: časopis za jezikoslovje in literarne vede. № 58/1. 83-94.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 427-438
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.427

Любовь Иосифовна Соболева
(Минск, Беларусь)

ФОНЕТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА И ИХ СЕМИОТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

Abstract: This article analyzes the phonetic structure of the fragment of the poetic text. Analysis of vocalic and consonant structures of each line and stanza as a whole, determination of interlinear correlation of vowels and consonants allow not only identifying the isomorphism of the phonetic structures of whole and part, but also revealing the phonetic means of text determination and probability creation, which demonstrates realization of compensatory function of rigid phonetic structures in semantically obscure poetic texts.

Keywords: phonetic structures, isomorphism, semantic ambiguity.

Особенности поздней поэтики Мандельштама, в частности – поэтики воронежского периода, по мнению М.Л. Гаспарова и Н. Стуве, заключаются в следующем: отдалённость ассоциаций, гипертрофированная полисемия, приземлённость, "грубость" образов и постоянно изменяющаяся в синтагматике текста метафора, обилие аллитераций, доминирование звуковых связей над смысловыми (Гаспаров 1995: 364; Струве 1992: 204-205). Эти черты, на наш взгляд, наиболее точно характеризуют исследуемый текст: четыре строки, написанные в апреле 1935 г. после года молчания и ставшие впоследствии, к 18 июня 1935 г., последней строфой шестистрофного стихотворения "Скрипачка" (или "За Паганини длиннопалым…"), а также открывшие новый, предпоследний, период творческой активности поэта, длящийся с апреля по июль 1935 г.:

Играй же на разрыв аорты
С кошачьей головой во рту,
Три чёрта было – ты четвёртый,
Последний, чудный чёрт в цвету. –

Классическое музыкальное произведение (напомним, что текст четверостишия был написан после воронежского концерта 25-летней скрипачки Галины Бариновой, который состоялся 5 апреля 1935 года) как семантически неопределённый аудиосигнал, являющийся мощным эмоциональным стимулом, мог или должен был стимулировать появление аналогичного по структуре знака-реакции: метафорически избыточного текста с большой долей семантической неопределённости, а потому сложного для дешифровки, но в звуковом отношении (фонетически) очень жёстко организованного. Анализ фонетической структуры очень маленького по объёму, но чрезвычайно важного для периодизации творчества поэта, текста и является целью данной работы.

Анаграммы. Отсутствие свободы слова, литературной среды, невозможность быть услышанным – трагедия для поэта. Возможно поэтому в семантически неопределенном кратком тексте содержится анаграмма – лексема *рот*: I (ао)*рты*; II *рту*; III (че)*рта*; (четве)*рты*(й); IV (че)*рт*[рᵇт]. Если невозможна семиотика естественного (человеческого) языка, то остается только биологическая семиотика: *С кошачьей головой во рту*. Заметим, что только в этой строке, где констатируется подмена семиотик, самостоятельно употребляется лексема *рот*. Физиологический объект в результате метонимического переноса у Мандельштама становится символом психологического состояния: предельного напряжения: образ аорты (*Играй же на разрыв аорты; Наливаются кровью аорты; Расширеньем аорты могущества…*), или отчаяния немоты. В связи с последним вспомним многочисленные строки современников Осипа Мандельштама. Вспомним «Реквием» Анны Ахматовой: *И если зажмут мой измученный рот, / Которым кричит стомильонный народ.* Вспомним стихи Марии Петровых, один из сборников которой так и называется «Домолчаться до стихов»: *И я молчу десятки лет / Молчаньем горькой родины* («Что ж ты молчишь из года в год…»); *Все больше мы боимся слов / И верим немоте, / И путь жесток, и век суров, / И все слова не те* («Хоть не лелей, хоть не голубь…»); *Мученикам немоты* («Новый год тайком, украдкой…»); *Для сердца легче смерть, чем мертвые слова* («Сквозь сон рванешься ты померяться с судьбою…»); *А нас еще ведь спросят – как могли вы / Терпеть такое, как молчать могли? / Как смели немоты удел счастливый / Заранее похитить у земли?..* («Есть очень много страшного на свете…»); *О, как сердце отравлено / Немотой многолетнею* («Ни ахматовской кротости…»); *Самозащита немой свободы… / Только глухие, незрячие годы, / Намертво сомкнутые уста, / Холод, и темень, и немота* («Тихие воды, глубокие воды…»).

Заметим, что констатация подмены семиотик встречается в текстах Мандельштама не впервые. В сочиненной в ноябре 1933 года и ставшей одной из причин гибели поэта “лютой” и “самоубийственной”, по словам М.Л. Гаспарова (Гаспаров 1995: 360), эпиграмме Мандельштама на Сталина «Мы живем под собою не чуя страны…» называются результаты вторичных квазиречевых актов, когда членораздельная человеческая речь заменяется нечленораздельной речью (*бабачит*) или речью животных: *Кто свисти, кто мяучит, кто хнычет, / Он один лишь бабачит и тычет.* Метафора здесь формируется двумя противоположными семантическими явлениями: расширением и примитивизацией референциальной ситуации.

Аллитерация. Декодирование поэтического текста, характеризующегося большой степенью семантической неопределенности, часто опирается на анализ субзнакового уровня, происходит при учете аллитерации и поиске анаграмм. Важно

соотношение аллитерирующих единиц и лексико-семантических доминант текста.. Так, анализ стихотворения Марины Цветаевой «Блаженны дочерей твоих, земля…» из цикла «Хвала Афродите» показал, что существует обратная корреляция симметрично организованных фонологических структур и лексико-семантических структур: чем жестче фонологические структуры всего текста, тем слабее реализуются в тексте системные связи единиц лексического уровня. При этом лексемы, содержащие наибольшее число аллитерирующих элементов, образуют семантический центр текста. Подчеркнем, речь идет не о семантическом сближении ритмических аллитерирующих элементов, не о порождении сверхсмысла за счет повторяющихся субзнаковых элементов, а о том, что лексически выраженный смысловой центр поэтического текста одновременно является и сгустком аллитерации (Соболева 1991: 257).

Звуковые доминанты стиха могут формировать коннотацию текста, а также изменять его смысловые акценты. В стихотворении Владимира Маяковского «Хорошее отношение к лошадям», написанном в 1918 голу частотны звуки, которые отрицательно оцениваются по шкале Осгуда: это 50 употреблений свистящих, 39 – шипящих (они присутствуют почти в трети словоформ: в 39 из 139), 23 – дрожащего **[р],** который 13 раз встречается в составе консонантных звуковых комплексов: **[гр]**, **[пр]**, **[кр]**, **[рв]**, **[рд]**, **[рж]**. Причем дрожащие более частотны в начале текста (имитация ударов) и в конце текста (при констатации двигательной и речевой активности лошади). Может быть, нагнетание шипящих в центральной части стиха имитирует шелест речи или шепот, когда человек обращается к лошади. Но горестно, что улица «безъязыкая». Всеобщая уличная звуковая вакханалия отражается лексемами: *били (копыта), пели (копыта), грохнулась, зазвенел, зазвякал, ржанула, смеялся, смех, голос, в вой, в шелесте, (слушайте)*. Среди словоформ текста нет ни одной, называющей собственно человеческую членораздельную речь; в ситуации повествования нет собеседника среди людей (Соболева 2009а: 193).

Семантизация текста. Известно, что в отличие от интонации, тембра, гармонии, мелодии, (за которые отвечает правое полушарие коры головного мозга), функции, связанные с ритмом, коррелируют с речевыми функциями (находящимися в ведении левого полушария). В силу активности нервно-психических процессов человеческий мозг постоянно выполняет систематизирующую, организующую и предсказательную функции. Склонность к прогностическим прикидкам; детерминативность переработки информации (требование определённости), синтетическая направленность нервной деятельности (поиск формы даже там, где её нет) (Тернер, Пёппель 1995: 74-79) приводят к тому, что более организованная форма воспринимается как более семиотичная, соответствуя функциональным потребностям мозга. Чем больше организован объект

эстетически, тем проще и быстрее ему приписывается некий смысл. Такими эстетическими свойствами даже бессмысленного текста являются ритм (как некая детерминанта и одновременно – дискретность, как условие иерархичности) и звук (фонетическое оформление). Поэтому поэтические тексты с жёсткой и сложной фонетической структурой могут задавать читателю более сильный импульс для дешифровки (в связи с целью данного исследования мы сознательно игнорируем роль такого мощного фактора смыслообразования, как грамматическая правильность текста). Всё сказанное позволяет считать жёсткие фонетические структуры по отношению к лексико-семантической, смысловой, структуре стиха не только вспомогательным, но и компенсаторным средством.

Ритмика текста. Анализируемая строфа из стихотворения «За Паганини длиннопалым…» написана четырёхстопным ямбом с перекрёстной рифмой. Ритмическая форма строфы сложна, так как в первых двух строках она является трёхударной, с пропуском ударения на четвёртом слоге, а в третьей и четвёртой строках – четырёхударной. В тексте присутствует урегулированное чередование женской и мужской рифмы: **ЖМЖМ**, причём женская рифма является йотированной (что допускалось ещё в 18 в.), а мужская – точной, женская – разнородной, а мужская – однородной. Строфа является неравномерной, с часто встречающимся в поэтических текстах чередованием длинных и коротких строк: **ДКДК**. Следует отметить, что мужская точная однородная рифма в завершающей короткой строке создаёт ощущение исчерпанности информации. Возможно, это одна из неосознаваемых причин того, что исходная строфа стала заключительной в окончательном варианте стихотворения.

Фонетическая структура и «фонетические срезы» текста. Анализ фонетической структуры стиха показал, что фонетическая упорядоченность сохраняется и при расчленении звуковой модели стиха (Соболева 2009б). Ниже представлены «фонетические срезы», виртуальные модели фонетической структуры стиха, часто формирующиеся в результате искусственно заданных параметров, а именно: постулирования или исключения определенных дифференциальных признаков фонемы.

1. Представим фонетическую транскрипцию каждой строки и проанализируем их звуковую организацию.

1.1. В первой строке: **игра́ð жь нъ р∧зры́ф ∧о́рты** – опустим все неповторяющиеся гласные и согласные фонемы, сохраняя лишь неповторяющуюся гласную <**о**> в сильной позиции, которая в позиции нейтрализации может совпадать с фонемой <**а**> в одном звуке: **и – ра –**

ър∧ – р – ы – ∧ор – ы. В результате можно выделить дистантно повторяющиеся сегменты: **ра – р∧, ры – ры; ър – ∧р – ор; ир – ры – ры** Если же опустить и неповторяющуюся фонему <**о**>, то останутся лишь гласные верхнего и нижнего подъёма (крайние по признаку подъема) среднего ряда, но тяготеющие либо к переднему ряду (гласные верхнего подъёма) либо к заднему ряду (гласные нижнего подъёма): **и – а** : **и – ра – ър∧ – р–ы – ∧р – ы.**

1.2. Во второй строке: **с к∧ша́чðьð гъл∧во́ð в∧ рту́** – существует три типа структурно подобных сегментов: закрытые: **шач**; **ðьð**; **∧в – оðв**; открытые: **ъл∧**; **∧ша**; закрытый и открытый: **∧в – в∧**; **воð – в∧**. Последнее сочетание **воðв∧** представляет собой симметричные открытые слоги относительно центра симметрии палатального [**ð**]: **во – ð – в∧.** Их можно представить в виде модели синтагматической последовательности, соответствующей синтагматике строки: **∧ша – шач – ðьð – ъл∧ – ∧в – оðв – ∧в – в∧ – воð – в∧**. Кроме того, структурно коррелируют первый и последний открытые слоги второй строки: **ск∧ – рту.** По способу образования между слогами наблюдается прямая корреляция: фрикативный, взрывной, гласный – смычно-проходной /дрожащий/, взрывной, гласный. Зеркальная симметрия существует в динамике места образования: переднеязычный-зубной согласный – заднеязычный-задненёбный согласный – среднеязычный гласный; переднеязычный-передненёбный – переднеязычный-зубной – заднеязычный лабиализованный.

1.3. В третьей строке: **тр’и чо́ртъ бы́лъ ты́ чиэ́тв’о́ртыð** – опустим слово *было* с неповторяющимися согласными. В результате в синтагматической последовательности **тр’и чо́ртъ ты́ чиэ́тв’о́ртыð** можно выделить 8 симметричных фонетических комплексов: **тр’и – рты** (результат метатезы согласных); **ич – ыч**; **иэ́т – ты** (результат метатезы согласного и гласного, зеркальная симметрия дистантных слогов); **ич – чи** (результат метатезы согласного и гласного, зеркальная симметрия дистантных слогов); **ыч – чи** (зеркальная симметрия контактных слогов); **ты – иэ́т** (так можно представить зеркальность в сегменте **тычиэ́т**); **ор – ор** (симметрична локализация в строке: второй слог от начала и второй слог от конца); **орт – орт**.

Моделируемый звуковой комплекс: **ы – ч – иэ** соотносится с частями звукового комплекса второй строки: **ъл∧воðв∧.**

Во-первых, моделируемый комплекс аналогичен по структуре полногласиям второй строки: **ъл∧+∧во** (**ъл∧воðв∧** или **ъл∧во = ъл∧+∧во**), где все гласные являются вариантами одной фонемы, а согласные – длительными и звонкими: <**л**> – смычно-проходная боковая, сонорная; <**в**> – фрикативная, звонкая. В моделируемом комплексе

присутствуют два варианта одной гласной фонемы, а согласная – аффриката.

Во-вторых, по наличию центра симметрии моделируемый комплекс **ы – ч – и**ᵊ можно сопоставить с моделируемым комплексом второй строки: **во – ð – в∧** (из **ъл∧воðв∧**).

Зеркальность симметрии заключается в том, что в двух звуковых комплексах: **ычи**ᵊ **– воðв∧** каждому гласному первого комплекса соответствует открытый слог со структурой согласный плюс гласный второго комплекса. Тогда центром симметрии являются аффриката [**ч**] и фрикативный звук [**ð**].

В целом звуковой коплекс второй строки: **ъл∧воðв∧** можно представить и как симметричную структуру с центром [**во**]: **ъл∧– во – ðв∧**, где идентичны редуцированные [**∧ – ∧**], редуцированный [**ъ**] сопоставим с кратким [**ð**], ударный гласный [**о**] является центром симметрии, согласные [**л**] – [**в**] одинаково длительные.

1.4. В четвёртой строке: **п∧сл’э́дн’иð чу́дныð чо́рт ф цв’иᵊту́** – присутствует несколько полностью или частично повторяющихся сегментов: **дн – дн**; **ч – ч**; **ч – ч – ц** (начальные аффрикаты трёх контактно расположенных словоформ); смежные в речевом потоке (расположенные на стыке словоформ в синтагматической последовательности) **иð – ч**, **ыð – ч**, что сопоставимо с **и – ч** из третьей строки; в вокалической структуре IV строки появляются только звуки среднего и верхнего подъёма, а открытых гласных нет: **∧ – э – и – у – ы – о – и**ᵊ **– у**; кроме того, в ней существует некая упорядоченность в последовательной смене движения (места образования) гласных: вперёд-вверх (**∧– э**) вверх (**э – и**), назад (**и – у**), вперёд (**у – ы**), вниз-назад (**ы – о**), вперёд-вверх (**о – и**ᵊ), назад (**и**ᵊ **– у**).

1.4.1. Проанализируем **консонантную структуру** четвёртой строки: **п – сл’ – дн’ – ч – дн – ч – рт – фцв’т**. В ней последовательно сменяют друг друга сложные по артикуляции звуки: фаукальные, или щелчковые, **дн’ – дн** (см. Панов, 1967, 30, 37-38; Панов, 1979, 19) и аффриката [**ч**]: **дн’ – ч – дн – ч**, где фаукальные **дн’ – дн** образует слоги с вариантами одной фонемы <**и**>: **дн’иð – дныð**, а аффриката – с лабиализованными гласными заднего ряда **чу**, **чо: дн’иð – чу – дныð – чо**.

Артикуляция и фаукальных, и аффрикат предполагает не только смычку, но и свободный проход в носовую полость – в первом случае, щель – во втором. Отличие между фаукальными и аффрикатами заключается в одновременности или последовательности двух типов артикуляции. Одновременность присутствует в фаукальных: выдержка включает переднеязычно-зубную смычку и одновременное движение увулы вниз (увулярный щелчок), открывающий воздушной волне вход в носовой резонатор. Последовательность присутствует в аффрикатах: выдержка включает смычку и сменяющую её щель.

Таким образом, центральная часть четвёртой строки оказывается фонетически объёмна, так как здесь последовательно сменяют друг друга звуки, артикуляции которых свойственна одновременность или последовательность:

(А + В) -------- (А → В) -------- (А + В) -------- (А → В)

Структурная организация целого в определённом ритме дублируется частями этого целого.

Такой неполный изоморфизм целого и составляющих его частей – закономерен для поэтических текстов, в которых обязательно присутствует детерминированность (ритм) и вероятностность, узнаваемость и неожиданность (нарушение вероятностного прогнозирования на семантическом уровне).

1.4.2. Самый первый и самый последний согласные звуки строки – глухие взрывные: губно-губной **[п]** (самый простой по артикуляции) и переднеязычный зубной **[т]** (заметим, что самый первый и самый последний в строке звуки – губные: билабиальный согласный **[п]** и лабиализованный гласный **[у]**).

Симметрия строки резко нарушается вторыми от начала и конца сочетаниями звуков: **сл'** – **ртфцв**'. Хотя некий элемент зеркальной симметрии тут присутствует: первое сочетание звуков оканчивается, а второе – начинается смычно-проходными переднеязычными сонорными (боковым **[л]** и дрожащим **[р]**). Это частичное подобие полностью подавляется количественным несоответствием левого и правых составляющих этих сочетаний: **с** – **тфцв'**.

Если же оппозицию крайних элементов представить как единый звуковой комплекс: **с-т-ф-ц-в'**, то окажется, что все нечётные позиции в последовательности заняты фрикативными. Кроме того, в аффрикате **<ц>** частично присутствует артикуляция фрикативного **[с]** (вторая часть выдержки и рекурсия).

Заметим, что в некотором отношении комплекс **тфцв'** построен по принципу гирлянды: а) аффриката **[ц]** частично (экскурсия и первая часть выдержки) повторяет артикуляцию взрывного **[т]**; б) фрикативные **[ф]** – **[в]**' отличаются лишь по глухости/звонкости, твёрдости/мягкости; в) поочерёдно расположены переднеязычные-зубные **[т]**, **[ц]** и губно-зубные **[ф]**, **[в']**.

Таким образом, частичное подобие существует и между теми элементами, которые, на первый взгляд, разрушают симметрию строки: между сочетаниями согласных: **сл'** – **ртфцв'**; между согласными в сочетании: **тфцв'**.

2. Некоторые закономерности в соотношении гласных звуков в каждой строке строфы (строки обозначаются римскими цифрами):

I. **и – а – ь – ъ – ∧ – ы – ∧ – о – ы** (9 гласных звуков, из которых 7 неповторяющиеся),

II. **ʌ – а – ь – ъ – ʌ – о – ʌ – у** (8 гласных звуков, из которых 6 неповторяющиеся),

III. **и – о – ъ – ы – ъ – ы – и^{э} – о – ы** (9 гласных звуков, из которых 6 неповторяющиеся),

IV. **ʌ–э – и – у – ы – о – и^{э} – у** (8 гласных звуков, из которых 7 неповторяющиеся).

2.1. Открытый гласный **[а]** присутствует только в первых двух строках, причём в обоих случаях он ударный и расположен во втором слоге.

2.2. Если в первой и в третьей строках есть только нелабиализованные гласные звуки верхнего подъёма **[ы]**, **[и]**, то во второй строке появляется **[у]**, а в конце строфы, в четвёртой строке, присутствуют уже все эти закрытые гласные: **и – ы – у**. Причём количество гласных верхнего подъёма к концу строфы увеличивается (в I строке – 3; во II – 1; в III – 5; в IV – 5).

3. Лексико-семантические и фонетические корреляции в первой и в последней строке строфы, в результате которых создается обрамление текста

3.1. Так как закрытые гласные требуют больших произносительных усилий, то низкая частотность открытого **[а]** в тексте, вероятно семиотически значима и является фонетической манифестацией понятия «напряжённость», метафорически выраженного в первой строке строфы:

Играй же на разрыв аорты…

3.2. Более того, фонетическая иконичность проявляется и в том, что в четвёртой строке присутствует несвойственное русскому языку сочетание из 5 согласных звуков: **ртфцв**.

4. Межстрочная корреляция согласных звуков

4.1. Так как четвёртая строка содержит сочетание из 5 согласных (**ртфцв'**), она обратно коррелирует со второй строкой, в которой есть комплекс (**ълʌвоðвʌ**). Кроме того, сама четвёртая строка в оппозицию совершенно нетипичному для русского языка сочетанию из 5 согласных включает сочетание шумного с сонорными и два фаукальных: **сл' – дн' – дн**.

4.2. Межстрочная корреляция проявляется и в том, что в каждой строке повторяется противоречащее восходящей звучности и труднопроизносимое сочетание согласных **рт** (в III строке - дважды), причём в первых трёх строках оно расположено в последнем слоге (в III строке – и в третьем слоге), а в четвёртой строке – в предпоследнем слоге:

I	**гр**	**зр**	**рт**			
II	**ск**	**ч**	**рт**			
III	**тр'**	**ч**	**рт**	**ч**	**тв'**	**рт**
IV	**сл'**	**дн'**	**ч**	**дн**	**ч**	**ртфцв'**

4.3. Каждая следующая строка строфы усложняется и количественно и качественно: появляется больше сочетаний согласных звуков и сложных звуков, артикуляционно они становятся более разнообразными. Но каждая следующая строка обязательно содержит какой-нибудь элемент предыдущей строки: новизна и разнообразие сосуществуют с узнаваемостью и повторяемостью.

В I строке присутствуют только сочетания с дрожащим **[р]: гр – зр – рт**. Причём другой согласный может быть и заднеязычным **[г]** и переднеязычным **[з]**, **[р]**, и взрывным **[т]**, **[г]** и фрикативным **[з]**.

Во II строке сохраняется сочетание с дрожащим: **рт**, но появляется и сочетание шумных (переднеязычного и заднеязычного: **ск**), а также – шипящая аффриката **[ч]**: **ск – ч – рт**.

В III строке кроме трёх сочетаний с дрожащим (**тр' – рт – рт**) и двух шипящих аффрикат (**ч - ч**) появляется сочетание шумных переднеязычных (**тв'**): **тр – ч – рт – ч – тв' – рт**.

В IV строке сочетание с дрожащим очень усложняется (оно состоит из 5 звуков: **ртфцв'**), к шипящим аффрикатам (**ч – ч**) добавляется свистящая аффриката **[ц]** в составе сложного комплекса; появляются фаукальные (или щелчковые: **дн'**, **дн**), а также – сочетание: шумный + боковой сонорный (**сл'**): **сл' – дн' – ч – дн – ч – ртфцв'**.

4.4. Представим консонантную модель строфы, исключающую все сочетания согласных, аффрикаты и фаукальные, обозначив их знаком минус (**-**):

I	**-**	**ж**	**н**	**р**	**-**	**ф**	**-**			
II	**-**	**ш**	**-**	**г**	**л**	**в**	**в**			
III	**-**	**-**	**-**	**б**	**л**	**т**	**-**	**-**	**-**	
IV	**п**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**т**

Корреляция существует:

а) между I и II строками: по звонкости/глухости различаются одинаково локализованные в строках шипящие (**ж – ш**) и губно-губные (**ф – в**);

б) между II и III строками: в них одинаково локализован боковой (**л - л**), идентичны по локализации в строках крайне-задний и крайне-передний звонкие взрывные (**г – б**).

4.5. На основе предыдущей модели создадим ещё одну модель, которая сохраняет только последовательность расположения согласных в строке:

I	**ж**	**н**	**р**	**ф**		
II	**ш**	**г**	**л**	**в**	**в**	
III	**б**		**л**			**т**
IV	**п**					**т**

В результате окажется, что существует парная межстрочная корреляция всех без исключения согласных. Коррелируют звонкие и глухие: а) переднеязычные шипящие (**ж – ш**); б) губно-губные (**б – п**); в) губно-зубные (**ф – в**, **ф – в** или **ф – в, в**). Коррелируют переднеязычный и заднеязычный (**н– г**). Коррелируют переднеязычные дрожащий и боковой (**р – л**, **р – л** или **р – л, л**). Идентичны: а) боковые (**л – л**); б) переднеязычные зубные (**т – т**).

4.6. Если же проигнорировать [**ə̆**] и принять во внимание то, что в комплексе из трёх согласных **фцв'** после предлога [**фъ**] появляется очень слабый редуцированный, то количество согласных и групп согласных звуков в каждой строке образует арифметическую прогрессию (7 – 8 – 9 – 10), где первый член прогрессии – 7, а разность прогрессии – 1, n-ый член прогрессии равен 7+(n-1) или среднему арифметическому от двух соседних членов прогрессии:

I	**гр**	**ж**	**н**	**р**	**зр**	**ф**	**рт**			
II	**ск**	**ш**	**ч**	**г**	**л**	**в**	**в**	**рт**		
III	**тр'**	**ч**	**рт**	**б**	**л**	**т**	**ч**	**тв'**	**рт**	
IV	**п**	**сл'**	**дн'**	**ч**	**дн**	**ч**	**рт**	**ф**	**цв'**	**т**

4.7. Из 48 согласных фонем – 7 шипящих (2 фрикативные: **<ж>**, **<ш>** и аффриката **<ч>**, встречающаяся 5 раз в тексте), 1 свистящая (аффриката **<ц>**). Восемь шипящих и свистящих распределены по строкам следующим образом: 1 – 2 – 2 – 3.

4.8. Самые частотные согласные дрожащая **<р>** и взрывная **<т>** имеют одинаковую частотность – 9. Существует закономерность распределения количества употребления дрожащих звуков **[р] – [р]** по строкам в составе комплексов звуков: 3 – 1 – 3 – 1 (**гр, зр, рт – рт – тр', рт, рт рт**).

В 6 случаях из 9 **[р] – [р]** и **[т]** сосуществуют в сочетаниях: **рт** (5) и **тр** (1), но если в одном случае самый частотный переднеязычный-зубной взрывной сочетается с крайне передним (губно-зубным фрикативным **[в]**: **тв'**), то переднеязычный-передненёбный дрожащий – с крайне-задним (заднеязычным-задненёбным взрывным **[г]**: **гр**).

Все согласные в сочетаниях (за исключением **гр**, **ск**) близки по месту образования, а также легко произносимы (за исключением **ск**, **рт**, **ртфцв'**).

4.9. Исчезновение открытых гласных в III и IV строках и увеличение числа сочетаний согласных, последовательное приращение количества аффрикат (их нет в первой строке, одна аффриката **[ч]** – появляется во второй строке, две **[ч]** – в третьей строке, две **[ч]** и **[ц]** – в четвёртой строке), появление фаукальных - свидетельствует об усилении артикуляционной усложнённости к концу текста.

Артикуляционные тенденции каждого отдельного сегмента текста прямо коррелируют с артикуляционными тенденциями всего текста: как каждая строка оканчивается самым трудным для произнесения сочетанием согласных, так к концу всей строфы возрастает число трудных для произнесения звуков и сочетаний звуков.

5. Межстрочная корреляция гласных звуков.

34 гласных звука стиха тоже образуют ритмическую структуру, связанную не с чередованием ударных и безударных слогов, а с дифференциальными признаками гласных:

	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**
I	**и**	**а**	**ъ**	**ъ**	∧	**ы**	∧	**о**	**ы**
II	∧	**а**	**ь**	**ъ**	∧	**о**	∧	**у**	
III	**и**	**о**	**ъ**	**ы**	**ъ**	**ы**	**и**^{э}	**о**	**ы**
IV	∧	**е**	**и**	**у**	**ы**	**о**	**и**^{э}	**у**	

5.1. В тексте наблюдается межстрочная (вертикальная) идентичность гласных в одинаковых по порядку следования в строке слогах: во-первых, по принципу гирлянды, дистантно, через строку: 1 (**и – и,** ∧ – ∧), 3 (**ъ – ъ**), 6 (**ы – ы, о – о**), 8 (**о – о, у – у**), 9 (**ы – ы**) слоги; во-вторых, смежно, контактно, в соседних строках: 2 (**а – а**), 4 (**ъ – ъ**), 5 (∧ - ∧), 7 (∧ – ∧**,** **и**^{э} – **и**^{э}) слоги.

5.2. Но и пары неидентичных гласных **о – е**; **ы – у** сопоставимы, так как первая пара объединяет гласные среднего подъёма, а вторая – гласные верхнего подъёма. Названные пары сопоставимы и между собой, так как обе они включают лабиализованные гласные (**о - у**). В парах же **ь – и** (3), **ъ – ы** (5) все гласные звуки – закрытые, а внутри пар они идентичны по ряду.

Между планом выражения и планом содержания исследуемого поэтического текста, существует как обратная корреляция (фонетическая структурированность и семантическая неопределенность), так и прямая (семантической неопределенности, предполагающей спектр интерпретаций текста, соответствует “многослойность” фонетических структур). Наличие множества строго организованных фонетических

структур (моделируемых фонетических срезов) не только создает эффект динамической устойчивости звуковой организации текста, но и наглядно демонстрирует динамичность семиозиса, когда незнаковые феномены восстанавливают семиотические объект

Неподвластный сознательному освоению подсознательный звуковой уровень настолько совершенно организован (сложно и разнонаправлено ритмически структурирован), что создаётся звукосимволизм необычайной силы, при котором фонация не просто иллюстрирует или дополняет лексико-семантические декларации, но и, усиливая, развивает или даже замещает их. Так лексико-семантическая (собственно семиотическая) недостаточность преодолевается с помощью субзнаковых средств: жестко организованных фонетических структур, стимулирующих смыслообразование.

Литература

Ахматова, А. (1993) Собрание сочинений: в 6 т. Т.3. Москва.

Гаспаров М.Л. (1990) Эволюция метрики Мандельштама // Ласунский О.Г. (ред.). Жизнь и творчество О.Э.Мандельштама. Воронеж. С. 336-346.

Гаспаров М.Л. (1993) Русские стихи 1890-х – 1925-х годов в комментариях. Москва.

Гаспаров М.Л. (1995) Поэт и культура. Три поэтики Осипа Мандельштама // Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М., С. 327-370.

Мандельштам, О.Э. (1990) Сочинения. Т.1. Москва.

Нерлер, П. (1994) «С гурьбой и гуртом…» Хроника последнего года жизни О.Э.Мандельштама.. Записки Мандельштамовского общества. Т.5. Москва.

Панов, М.В. (1967) Русская фонетика. Москва.

Панов, М.В. (1979) Современный русский язык. Фонетика. Москва.

Петровых, М. (1999) Домолчаться до стихов. Москва.

Реформатский, А.А. (1987) Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонематическая модель языка // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. М., С. 104-117.

Соболева, Л.И. (1991) Структура одного поэтического текста // Норман, Б.Ю. (ред.). Проблемы лингвистики текста. Минск. С. 249-259.

Соболева, Л.И. (2009а) Антропоморфичность коннотации и ее реализация в поэтическом тексте // Руденко Е.Н. (ред.). Славянские языки: аспекты исследования. Минск. С. 191-196.

Соболева, Л.И. (2009) Звукопись Осипа Мандельштама // Русский язык и литература. №4. С. 44-52.

Струве, Н. (1992) Осип Мандельштам. Томск.

Тернер Ф. (1995) Поэзия, мозг и время // Ренчлер И. – Херцбергер Б. – Эпстайн Д. (ред.). Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики. М., С. 74-96.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 439-445
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.439

Štuhec, Miran
(Maribor, Szlovénia)

MARJAN ROŽANC – AZ ÍRÓ ÉS AZ ESSZÉISTA

Abstract: In the Slovenian literary and cultural space Marjan Rožanc profiled himself as a subtle analyst of some of the most important existential layers. He accomplished that in his narrative prose, short stories and novels as well as in his problematically diverse corpus of essays. I have in mind the discourses about the cultural, literary and existential themes, about the religious questions, which comprise subtle thoughts on the relationship between human and divine, man and woman, individual and society, on the separation between body and mind and on the questionableness of the church as an institution. Rožanc is a brilliant Slovenian writer, maybe first and foremost because he places his personal experience in a wider context of existential questions and so transmits the subjective message into the universal.

Keywords: Novel, short story, essay, existential themes, sport, play, love, God

0. Marjan Rožanc hatalmas életművéről lehetetlen átfogó képet adni olyan terjedelemben, amelyet e jubileumi kiadvány szerkesztői meghatároztak, éppen ezért csak azokra a lényeges eszmei és tartalmi problémákra fordítok figyelmet, amelyek mentén jól követhetők Rožanc gondolati és tematikai világának főbb jellegzetességei. Ezzel szeretném a magyar olvasót e jelentős szlovén író, vagy inkább esszéista elmélyültebb olvasására ösztönözni. Hadd említsem itt meg Lukács István professzor, neves magyarországi irodalomtörténész több évre visszamenő kezdeményezését, amely magyar nyelvű szlovén irodalomtörténet megírását célozta. Úgy hiszem, ez további szlovén irodalomtörténészek bevonásával sikerülni is fog.

Rožanc munkásságának legfontosabb csomópontjai Isten és a hit, a szerelem és a nő, a sport és a játék, valamint a művészet és az irodalom. Rožanc szépirodalmi és esszéista életműve eszmei-filozófiai tekintetben szinkretikus természetű, ebben az értelemben különböző kortárs és múltbéli koncepciók, áramlatok és irányzatok metszéspontja. Tanulmányom címe az író szellemi világának magvát célozza meg, amelyben az élet és annak metafizikai alapvetései közti megosztottság foglalja el a központi helyet; pontosabban az ember és Isten, a lélek és a test, az egyén és a közösség, a testiség és a szerelem közti megosztottság. Egyszóval Rožanc dualizmusáról, manicheizmusáról és agnoszticizmusáról van szó. Művei többségében ez mint alapvető struktúra realizálódik, és ez formálja a szerző viszonyát az őt fogalkoztató kérdésekhez. Ebbe a gondolati körbe tartozik az a valójában provokatív álláspontja is, amely szerint a csapatsportokban, mint például a labdarúgásban, nem a játék puszta

örömét látja, hanem a lehetőséget is, hogy a közösségben az ember túllépjen saját magán.

1. Korai novelláskötetei (*Mrtvi in vsi ostali*, A halottak és a többiek, 1959; *Zračna puška*, Légpuska, 1971) és első regénye (*Slepo oko gospoda Janka*, Janko úr vak szeme, 1972) után 1979-ben jelent meg *Ljubezen* (Szerelem) című regénye. A szlovén modernista irodalmi hullámok lecsengése idején, a posztmodern poétika betörésének küszöbén Rožanc szubtilis újrealista elbeszélést alkotott a háború alatti fiatalságról. A regény egy felnövekvő fiúról szól, aki Ljubljanában éli át az olasz megszállás időszakát, később a németek, a partizánok és a domobránok érkezését. Az elbeszélő a különböző történéseket: a sebesült partizán rejtegetését, az élelemkeresést, a barátságot, a tábort, az első szexuális tapasztalatokat stb. politikai-háborús kontextusba helyezi, de minden esetben kifinomult érzéssel és nosztalgiával kíséri végig a felnőtté váló fiú történetét, és így a különböző helyzeteken keresztül, azokra reflektálva hangsúlyozza a létezés problémáját. Természetesen nem egy adott személy hiteles vallomásáról van szó, nem is tudósításról egy generáció életéről, amely a ljubljanai munkásnegyedben, Zelena jamában vészeli át a háború éveit, sokkal inkább egy túl korán fenőtt generáció univerzális képéről, amely szélsőséges helyzetekben, sokszor igen zaklatottan fedezte fel jó és rossz, barátok és ellenségek, a szerelem és a testiség, a hűség és a hazugságok világát. Fel kell hívni a figyelmet arra, hogy a regény elsősorban az élet szabadságát mint olyat idézi meg, továbbá a felszabadultság, az ártatlanság, az egység, a széleslátókörűség, a tolerancia és a gyermeki fogékonyság jelenségét, amelyeket a háború fokozatosan leépített, és ezzel lassan, de drámaian és végzetesen megváltoztatta a fiatalember lelkivilágát. Egyrészt a gyermekkor és a felnőttkor közti különbség, másrészt a különböző rezdülések kifinomult ábrázolása, amelyek Rožanc regényét naggyá teszik. Regényében ugyanis egyértelműen figyelmeztet az ember kettősségére, a törekvésre, hogy a belső feszültségen túllépjen, és a traumatikus felismerésre, hogy ez utóbbi nem lehetséges. Az elbeszélő gyermekkori emlékei a teljességhez és az átláthatósághoz, valamint a minden iránti határtalan szeretethez kapcsolódnak. Ábrázolásában a lányok és a fiúk, az olaszok és a prostituáltak, a partizánok és a domobránok, a klerikálisok és a kommunisták a nagy háború pusztítása ellenére is szimbiotikus egységbe vannak szőve. Végezetül a regény kapcsán meg kell említeni Rožanc szenvedélyes kötődését a sporthoz, főleg a csapatjátékokhoz. Egyszerűen csak azért, mert az író az olasz megszállók elleni futballmeccsen keresztül is két dolgot hangsúlyoz: a *játék ösztönösségét* és a *kollektív szellemet*. A sport Rožanc számára kétségtelenül a metafizikus boldogság felszabadítását jelenti, ugyanakkor a tragikus felismerést is, hogy a játék katarktikus jellege, szociális szerepe és mítikus karaktere a versenysport által leépül.

2. Mivel Marjan Rožanc a legfontosabb szlovén esszéista, a továbbiakban munkásságának ezen területével foglalkozom, és bemutatom, hogyan kapnak esszéisztikájának fő témái előbb-utóbb egzisztenciális jelleget. Először is

hangsúlyozni szeretném, hogy Rožanc határozott különbséget tett az esszéisztika és az irodalom között, a fő különbséget pedig a jelentés szingularitásában látta, illetve a valósághoz fűződő különböző jellegű viszonyban. Számára az irodalom esztétikai és szemantikai szempontból nyitottabb, mint az esszéisztika, mert az olvasó számára szabadabb értelmezést tesz lehetővé. Ezzel szemben az esszé irányítja a befogadást, és pontosabban meghatározza az etikai nézőpontot.

A közösség felé való nyitottság, ahogy az esszéista Rožanc nevezi, a „közösségi szellem", számára azon feltételek egyike, amelyek kifejezésre juttatják, lehetővé teszik és megalapozzák az élet legfontosabb szempontját – a *szeretetet*. A szeretethez különböző tartalmakat rendel, hangsúlyozza az élethez, Istenhez, a nőhöz, az embertársakhoz, a művészethez, az irodalomhoz, a valláshoz való viszonyt, a szeretet a boldog és teljes élet feltétele, ugyanakkor elérhetetlen cél is, amely szenvedéssel, az ember megosztottságával és a teljesség hiányával van megjelölve. A szeretet ezért természetesen nem magától értetődő. *Obrat k veri* (A hit felé fordulás, 1987) című esszéjében a szeretet kérdését Rožanc másfajta szociális-morális kontextusba helyezi, és megfogalmazza tézisét a két szubjektumról – az *Ember-istenről* és a *teremtett emberről* –, majd hangsúlyozza, hogy kettejük között nagy különbség van, hiszen az első arrogáns, ezért magányos és elidegenedett, míg a „creatura dei" szerény, alázatos és szégyenlős, mégis ő az az egyén, aki elérhető, nyitott és jóindulatú embertársaival, aki képes felismerni a szeretetet és szeretni. A szeretet fogalmát már viszonylag korán vallásos kontextusba helyezte, úgy definiálta mint saját magunk és mások elégtelenségének, valamint annak a traumatikus felismerésnek a túllépését, hogy a szenvedés és a fájdalom ellenére a boldogság és a teljesség elérhetetlen, a belső megváltás pedig megvalósíthatatlan cél (*Vstajenje mesa*, A hús feltámadása, 1981 és a *Sentimentalni časi*, Szentimentális idők című regény, 1985). *Moški in ženska* (Férfi és nő; *Vstajenje mesa*, 1981) című esszéjében a ferfiról és a nőről alkotott mitikus eképzelésekkel foglalkozik. *Mitikus tudat* és *mitikus tévelygés* kifejezéseit a nemekről alkotott rögzült elképzelések szerint kell értelmezni. A könyv alapelvével összhangban Rožanc különbséget tesz férfi és nő – mint két puszta elképzelés, idea és cél –, valamint férfi és nő – mint hús-vér lények – között. Utóbbi esetben valójában nem a nemek a leglényegesebbek, hanem az egyén szuverenitása. Az elidegenedettséget, amely alapjában rámutat kettejük viszonyára, és amely a diszharmonikus emberi természet következménye, az író a szeretet mozgalmas kontextusába helyezi, ahol megtalálható a szabadulás a kialakult helyzetből. A megváltás funkcióit sem a kultúra, sem a tudomány, a politika vagy az irodalom nem képes átvenni, hiszen olyan területekről van szó, amelyek alapjában véve semmit sem változtatnak meg, így az eredmény ez esetben csak látszólagos lenne.

Rožanc belső egyensúlykeresésének drámaisága fokozatosan átalakult, és új tartalmakkal bővült, szubjektuma pedig magára öltötte a *paradox egzisztencia*

jellegét. Erről tanúskodik a szerző irodalmi, még inkább esszéista beszédmódja, amelyet mint személyes álláspontjának tematizálását kell értelmezni, amely szerint az egyén, tetteinek értelmetlenségével szembesülve, újra és újra tevékennyé válik. Belátja, hogy nem valósíthatja meg önmagát Istenként, ezért minden próbálkozása, hogy saját életét felügyelje, eleve kudarcra van ítélve. Azonban ennek ellenére is aktív, hiszen ezzel látszólag felülkerekedhet *saját abszurditásának tragikus belátásán*. Ki kell hangsúlyozni, hogy a szabad ember valóságát Rožanc már igen korán a humanizmus összeomlásának és a transzcendencia erőtlenségének kontextusába helyezte, és ezzel egy egyszerű, de megkérdőjelezhetetlen logikára hívta fel a figyelmet: amikor az ember Isten helyett saját maga akart érvényre jutni, a szentség utolsó maradványait is lerombolta, megváltoztatta Isten képét, és kiüresítette a humanizmus tartalmát, az értelmet pedig az előbb-utóbb reménytelenné váló keresés kontextusába helyezte. A szociális és etikai értelemben legyőzött humanizmust az író a hominizáció koncepciójával helyettesíti. Ez lényegében a világ emberiesítését és az ember szakralizációját jelenti. Rožanc úgy értelmezi a hominizációt, mint Isten újjászületését az ember által, ahol Isten nem konkrét vallási tény, hanem fenomén, amely az emberek közti szeretet által keletkezik. Így a *paradox egzisztencia* értelmezésével összehangban alátámasztja azt az álláspontot, amely szerint az az ember, akinek középpontja nem önmagán kívül található, nem képes szabadon működni. Rožanc esszéista gondolkodására jellemző a vallásos érzület és a konkrét földi tényszerűség közti folyamatos mozgás. *Istenkeresésében* ezért határozottan kitart személyes tartása mellett. Határozottan elutasít mindenféle előírt, institucionalizált vallásosságot, az egyén hitét pedig annak folyamatos megosztottságából vezeti le jó és rossz, történelmi és örök, lelki és testi, személyes és kollektív között. E kettősségben Rožanc embere valójában megállás nélkül keresi hitét, vagyis „Istent, aki többé már nem ilyen vagy olyan kinyilatkoztatások és az ember eleve elrendelt cselekvésének istene, hanem Isten in statu nascendi." (Rožanc 1969: 45) Számára csak a személyes szinten megvalósuló Isten az értelem biztosítéka, a hit pedig szabad elismerése annak, hogy a cél nem maguktól a dolgoktól, hanem Istentől ered.

Kako sem se boril s spolnostjo in z Bogom ali Sören Kierkegaard in Miguel de Unamuno (Hogyan harcoltam a nemiséggel és Istennel, avagy Sören Kierkegaard és Miguel de Unamuno, 1983) című esszéjében Rožanc saját *kettős megszállottságát* tematizálja – Istentől és a nemiségtől. Ebben az értelemben úgy említi az emberi mivoltot mint bizonyos fokú vallásos felülemelkedést a kettéosztottságon és a paradoxon, az individualizmuson és talán még az egocentrikusságon is mint az egyén létezésének fő összetevőin. És végül – Kierkegaard azon álláspontján keresztül, hogy az ember csak úgy közeledhet Istenhez, ha először elvet mindenféle közhelyes elképzelést vele kapcsolatban – személyes hittel, saját tapasztalattal és egy újfajta etikával magyarázza *az Istentől és a nemiségtől való elragadtatás paradoxonát*.

Personalizem Marjana Rožanca (Marjan Rožanc perszonalizmusa; *Personalizem in odmevi na Slovenskem*, A perszonalizmus és szlovéniai visszhangjai, 1998) című tanulmányában Edvard Kovač Rožanc munkásságát perszonalistaként definiálja, amelyet a remény filozófiájának vagy a szeretet filozófiájának nevez. Hangsúlyozza, hogy személyes bezártságából való kitörése a világ felé három lépésben történt. Az első fokozat a humor, a második az emberség, amely szertartásos törvényszerűségek mentén alakul és szakrális dimenziókat kap, a harmadik pedig az erotika. A perszonalizmus Rožanc számára azonban nem pusztán egy a lehetséges megközelítések közül, hanem a keresés és a döntések szélsőségesen komoly iránya, az önvizsgálat és a társadalmi valóság megfigyelésének mindig új eredménye, valamint az istenkeresés, a világ felé való nyitottság és az önelégültségen való túllépés következménye.

Több fontos esszéjében, például a *Kako sem ponovno odkril Boga in kako sem kljub temu ostal nevernik ali Edvard Kocbek* (Hogyan fedeztem fel újból Istent, és hogyan maradtam ennek ellenére hitetlen, avagy Edvard Kocbek) című esszében a szerző arra a kérdésre keresi a választ, hogy mi az ember lényege, és helyreállítja az egyensúlyt a paradox testiség és vallásosság között. Az ember magányosságának és szorongásának érzését pedig az individualizáció hatásának frommi értelmezésével magyarázza mint a fejlődés és az emberi szellem általános állapotát, és azt állítja, hogy ebben a folyamatban az ember egyrészről személyiségének fejlődésére, másrészről magányra van ítélve. *Avtonomija umetnosti* (A művészet autonómiája, 1987) című esszéjében a művészet státuszát és jelentését tárgyalja. Belátja, hogy a művészet sokszor különböző ideológiai tartalmakkal terhelt, ezért álláspontja a művészet szabadságáról és függetlenségéről minden bizonnyal pontos és elsősorban toleráns. Abból a meggyőződésből indul ki, hogy nem csupán a szépségről van szó, hanem mindenekelőtt a valóságról, illetve hogy a művészet eszmék és valóság nélkül ki van szakítva az életből. Ennek a gondolkodásnak az eszmei hátterét a gnoszticizmus adja, amely különböző módokon közelíti meg nem csak Isten, de a művészet és a művészet *korlátozott függetlenségének* kérdését is. Rožanc nem emel szót a művész abszolút szabadsága mellett, ahogy az a humanista elvek mentén kialakult, hanem azon folyamatokban való részvétele mellett foglal állást, amelyeknek célja a közeledés egy magasabb valóság felé, amely az embert meghatározza. A művészet ebben a kontextusban a művész és Isten dinamikus kapcsolatának eredménye, amely során feltárul a Valóság. Az író sajátos problémát lát a kereszténység és az Egyház kapcsolatában is. Utóbbi ugyanis saját politikai tervei miatt alárendelte és elértéktelenítette Istent, a hitet pedig instrumentalizálta. Rožanc a művészet autonómiájának feltételét a művész Istenhez fűződő személyes viszonyában, illetve kettejük szabad kapcsolatában látja. A művészetet dinamikus próbálkozásként értelmezi, amely arra irányul, hogy túllépjen minden adotton, és érvényre juttassa a titokzatosság jelenlétét. Ezért magyarázatának minden racionalisztikus megközelítése ellentétben áll belső törvényszerűségeivel.

3. Marjan Rožanc a múlt század hatvanas éveiben kezdett eszéírással foglalkozni, és munkássága rövid időn belül különböző területeket fogott át. A kulturális, irodalmi és egzisztenciális témák diskurzusaira gondolok, a vallási kérdésekre, ide tartoznak a kifinomult gondolatok ember és Isten viszonyáról, férfi és nő, egyén és táradalom kapcsolatáról, lélek és test kettősségéről, valamint az egyház mint intézmény visszásságairól. Esszéinek tematikája túllép azokon az általános területeken, amelyek a szlovén esszéistákat általában foglalkoztatták. Igaz ugyan, hogy némely témáját más esszéistáknál is megtalálhatjuk, meg kell jegyezni azonban, hogy Rožanc különbözik ezektől, hiszen etikai, szellemi és emberi elveit, valamint individualizált keresztény világnézetét nem ingatja meg pillanatnyi kulturális, politikai vagy nemzeti történések iránti elköteleződés. Ez lehetővé teszi számára, hogy a problematikát, amely egyébként az író személyes tapasztalataiból ered az ellentétek világában, a nézőpont, a személyes integritás, az egyediség és az egység kifinomult és bennsőséges keresése felé irányítsa. Az ember belső megosztottsága, amely Rožanc munkásságának nyilvánvaló gondolati kiindulópontja, összefoglalásként úgy értelmezhető, hogy az ember diszharmonikus lény, ami a halálhoz, a másik nemhez és Istenhez való viszonyában nyilvánul meg, és ami kifejezésre jut a sportban, a politikában és a morálban, valamint a szeretetben. Ugyanakkor igaz, hogy ezek az ellentétek történelmi kategóriák, és az igyekezet a teljesség keresésében nem értelmetlen, hiszen az egykor már létezett. Az elmondottakból nehézségek nélkül levonhatom a következtetést, hogy valójában Rožanc összes esszékötete a szlovén kultúra és a szlovén szellemiség kulcsművei közé tartozik.

Fordította Várkonyi Alma

Forrás- és irodalomjegyzék

Fromm, E. (2003) Umetnost življenja. Mladinska knjiga. Ljubljana.

Fromm, E. (2004) Imeti ali biti. Vale-Novak. Ljubljana.

Kos, J. (ur.) (1979) Sodobni slovenski esej. Mladinska knjiga. Ljubljana.

Kovač, E. (1998) Personalizem Marjana Rožanca. V P. Kovačič Peršin (ur.) Personalizem in odmevi na Slovenskem. (488–497). Društvo 2000. Ljubljana.

Kovačič Peršin, P (1998) Personalizem in odmevi na Slovenskem. Društvo 2000. Ljubljana

Murnik, M. (2007) Rožančeva esejistika in francoski personalizem. Slavistična revija, letnik 55/4, 639–651.

Rožanc, M. (1979) Ljubezen. Mladinska knjiga. Ljubljana.

Rožanc, M. (1971) Zračna puška. Državna založba Slovenije. Ljubljana.

Rožanc, M. (1972) Slepo oko gospoda Janka. Založba Obzorja. Maribor.

Rožanc, M. (1969) Demon Iva Daneva. Založba Obzorja. Maribor.

Rožanc, M. (1981) Iz krvi in mesa. Mladinska knjiga. Ljubljana.

Rožanc, M. (1983) Roman o knjigah. Ljubljana: Slovenska matica.

Rožanc, M. (1987) Evropa: Eseji in legende. Mladinska knjiga. Ljubljana
Rožanc, M. (1988) Svoboda in narod. Dnevniški zapiski. Založba Obzorja. Maribor.
Rožanc, M. (1990) Manihejska kronika. Mladinska knjiga. Ljubljana.
Rožanc, M. (1991) Brevir. Ljubljana: Založništvo slovenske knjige.
Rožanc, M. (1995) O svobodi in Bogu. Mihelač. Ljubljana
Slovenije za šport.
Štuhec, M. (2003) Slovenska esejistika v drugi polovici 20. stoletja. Slovenska matica. Ljubljana.
Unamuno, M. (1983) Tragično občutje življenja. Slovenska matica. Ljubljana.
Virk, T. (1995) Ujetniki bolečine. Mihelač. Ljubljana.
Virk, T. (1997) Tekst in kontekst. LUD Literatura. Ljubljana.
Virk, T. (2000) Strah pred naivnostjo. LUD Literatura. Ljubljana.
Vodišek, A. (2004) Miran Štuhec, Slovenska esejistika v drugi polovici dvajsetega stoletja. Jezik in slovstvo XLIX/1. 103–106.
Zorn, A. (ur.) (1991) Marjan Rožanc in njegovo delo. Nova revija. Ljubljana.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 446-455
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.446

Dušan Tellinger
(Košice, Szlovákia)

OROSZ-MAGYAR VONATKOZÁSOK A POPOVIČ-FÉLE FORDÍTÁSELMÉLETBEN

Abstract: In the background of Anton Popovič's research is multiculturalism, enabling him to move from culture to culture. A. Popovič's approach was interdisciplinary and his understanding of culture still provides ideas for contemporary translation studies. His fundamental book from 1975 is based on his stylistic approach to equivalence according to which the translator has to recode the cultural and stylistic values of the source text into equivalent cultural and stylistic target text. The comparison of Russian texts with their Hungarian translations demonstrate A. Popovič's conviction that equivalence, above all stylistic equivalence, is the ideal method when the translator has to deal with cultural lexicon, especially with realia.

Keywords: cultural background, multiculturalism, interdisciplinary research, so-called realia, stylistic competence, stylistic equivalence

Bevezetés

Ukrán-magyar származásának köszönhetően az eperjesi születésű és a család homonnai kötődésével rendelkező Anton Popovič nagy teret szentelhetett a magyar nyelvre átültetett orosz szépirodalmi alkotásoknak is, amikor a stilisztikai ekvivalencia elméletét kívánta különböző nyelvekből és történelmi időszakokból vett példákkal alátámasztani. Azt a törekvést vizsgálta, amikor a fordító igyekszik elérni a jelentések invariáns egyezését és kifejezésbeli azonosságát, ami csak az eredeti mű elemeinek funkcionális egyenértékűsége feltételének betartásával valósulhat meg a fordításban. Ez volt A. Popovič számára a legmegbízhatóbb alap, amely egy tudós számára fogódzót nyújt a fordítások történelmi értékeinek megállapításához is. A fordítások stilisztikai kutatását tehát történelmi összehasonlítás alapján végezte, amely során legismertebb könyvében arra is találunk példákat, hogy magyar fordításokat hasonlít össze eredeti orosz művekkel. A korszaknyitó *Műfordítás elmélete: A szöveg és az irodalmi metakommunikáció szempontjai* (1975) című művében már teljes mértékben kibontakozott a kultúrák közötti kapcsolatok fontossága az akkortájt végleges alakba formálódó, tudományosan megalapozott és megfogalmazott elméletében, amely a következő három évtizedben, korai halála után is tovább fejlődött – nagymértékben tanítványainak köszönhetően – főleg Nyitrán és Pozsonyban, de Eperjesen is. Ha példákhoz nyúlt ebben a könyvében a szerző, legnagyobb részt az orosz műveket hasonlította össze szlovák, cseh, angol és néhány esetben magyar fordításokból merített anyaggal is. Ez Popovič számára a fordítások stilisztikai tanulmányozásához nyújtott anyagot, melyek alapján lehetséges volt konkrétan annak vizsgálata, hogy

vajon hozzájárult-e bármelyik fordítás a múltban egy bizonyos közegben új stílus megteremtéséhez egy adott társadalmi helyzetben. Ékes példái ennek Ilf-Petrov két máig ismert szatírája, a *Tizenkét szék* és az *Aranyborjú* kiadásai a Nyugatnál Gellért Hugó fordításában, amelyet megelőzött a Szinetár-Gyurkó alkotópáros *Aranyborjú* átültetése az akkori magyar viszonyok közé. A Horthy-rendszer vége felé az *Aranyborjú*nak már egy újabb fordítása készült el a Garcsenko-Kristóf fordítópárosnak köszönhetően, amelynek címe, *A szovjet milliomos* 1943-ban vagy 1944-ben üzleti szempontból volt vonzó. A szocialista Kádár-korszak kezdetén, 1957-ben egy újabb *Aranyborjú* fordítás jelent meg a Fóthy-Wessely híres fordítópáros közreműködésével.

Kultúrák közötti kapcsolatok orosz-magyar vonatkozásban

Az említett könyv egyik legfontosabb fejezetében Popovič tizenkét oldalon keresztül (vö. Popovič 1975: 186-197 és 1980: 204-214) a kultúrák közötti kapcsolatok fontosságát a fordítási műveletekben igyekezett példákkal illusztrálni az akkortájt avantgárd jellegű orosz költészet képviselője, Andrej Andrejevics Voznyeszenszkij *Rubljovszkoje sossze* című verse alapján. Voznyeszenszkij költészetének Popovič által végzett elemzése a reáliák megőrzése vagy adaptációja, esetleg kihagyása szempontjából is érdekes, hiszen a könyvben a szerző e rövid költeménynek nemcsak nyelvi és költői felépítésére fordít nagy figyelmet, hanem főképpen a fordítások stilisztikai pontosságára és a térközi tényezőkből fakadó kulturális különbségek konfrontációjára is, amelyek az angol, a magyar, a cseh és a szlovák fordításban figyelhetők meg. 1964-ben az Európa Könyvkiadó megjelentetett egy 147-oldalas Voznyeszenszkij-válogatást *Fémszirén* címmel. A költeményeket Pór Judit válogatta és Elfer István, Fodor András, Garai Gábor, Illyés Gyula, Rab Zsuzsa, Somlyó György és Weöres Sándor fordította.

Hogy vajon miért is nyúlt Popovič (1933 – 1984) az ugyanahhoz a generációhoz tartozó Voznyeszenszkij (1933 – 2010) költeménye különböző stilisztikai kidolgozásához mint alappéldákhoz felejthetetlen művének már említett fejezetében, amely 2006-tól az orosz (1980) és a magyar (1980) nyelven kívül már olaszul is olvasható, az könnyen kivehető az adott fejezet (A műfordítás szemiotikai kérdései) bevezető szavaiból. A térbeli, időbeli és kultúrák közötti dimenzió fontossága a két különböző kultúra összevetésénél annyira meghatározza a fordítás jellegét, ahogyan azt a következő szövegek összehasonlítása is mutatja az orosz és magyar kultúra példáján:

Рублевское шоссе	Rubljovo felé
Мимо санатория Реют мотороллеры.	A szanatórium alatt robogók villámlanak.
За рулем влюбленные – Как ангелы рублевские.	Csupa szerelmes vezet – rubljovi angyalok ezek?!

Фреской Благовещения, Резкой белизной За ними блещут женщины, Как крылья за спиной!	Freskón annunciáció: hófehér a lány hátuk mögött, és oly villogó válluknál, mint a szárny!
Их одежда плещет, Рвется от руля, Вонзайтесь в мои плечи, Белые крылья.	Ruhájuk a szélben röpdös, lengve száll; vállamra fehéren íly szárny nőne bár!
Улечу ли? Кану ль? Соколом ли? Камнем?	Szállni hajt majd? Mélybe vet? Mintha karvalyt? Mint követ?
Осень. Небеса. Красные леса.	Ősz van. Tárt egek. Rőt rengetegek.

Az orosz történelmi kolorit megőrzése inkább háttérbe szorult Garai Gábor (1929 – 1987) fordításában annak érdekében, hogy a cselekményt közelebb hozza a korabeli magyar olvasóhoz. Ezt a fordítói szándékot Popovič már önmagában az orosz költemény címe megváltoztatásával a Garai-fordításban is bizonyítja, amelyben egy fontos reália került kihagyásra. Az orosz költő a vers címében szándékosan összevetett két kultúrát: a középkori 14. és 15. századi egyházi orosz kultúrát, amely Andrej Rubljov, a moszkvai iskolához tartozó festő nevéhez kötődik, a modern orosz kultúrával, amelyet a *szanatórium* megemlítése mellett pedig éppen a Rubljovo felé vezető *műút* (sossze) jelenti, és ez az eredeti szövegben párosul még a *motorroller* (robogó) és *rulj* (volán) szavakkal is. Az orosz *sossze* pl. Anselm Paul Alexis Hollo (1934 – 2013) finn költő és fordító angol átültetésében *highroad* (országút), éppen úgy, mint Václav Daněk (1929 – 2008) cseh fordításában is – *silnice*, Miroslav Válek (1927 – 1991) szlovák fordításában egyszerűen csak út – *cesta*. Az akkori időkben éppen annyira kifejezően a *robogók* jelentették a fiatalság modern életmódjának szimbólumát, míg a jelenkorban a *maroktelefonok* azok, elég csak visszaemlékezni az 1962-es *Mamma Roma* című filmre, amelyben Pier Paolo Pasolini szemlélete szerint a *robogók* a fiatalság lelki és testi pusztulásának szimbólumai is egyúttal. A *robogók* tehát a fiatalok életstílusát jelképezték Keleten is, Nyugaton is 50 évvel ezelőtt az 1961-ben kezdődő gazdasági lendület – „gazdasági csoda" idején. Érdekesség még, hogy a magyar, angol, cseh és szlovák fordítás is ugyanabban az évben, 1964-ben jelent meg, tehát két évvel később a *Háromszögű körte* (oroszul Treugoľnaja gruša) a hruscsovi olvadás tetőfokán lehetővé vált moszkvai kiadása után,

amelyben az elemzett költemény is megtalálható csaknem harminc más Voznyeszenszkij-alkotással együtt.

A modern kort tehát az analizált versben az automobilizmus vívmányai jelentik, amelyet az eredetiben a *sossze* mellett még két reália is képvisel, de Garai Gábor a versben szó szerint csak egyet őrzött meg belőlük (*motorollery* – robogók). A *rulj* reáliát, amelyet kétszer is megismételt Voznyeszenszkij a költeményében, csak körülírva találhatjuk meg egyszer a Garai-fordításban: *csupa szerelmes vezet*. Ahogyan ez a lényeges változás is mutatja: „a fordító itt a ´motorkerékpáros szerelmesek´ mozgását örökítette meg, s a hangsúly nem a rubljovi ikon világával való szembesítésen van, hanem a jelenség puszta leírásán. Ez a jelentés eltolódás meghatározza a szöveg további részeinek olvasatát, olvasói ´generálását´ is“ (Popovič 1980: 211). Ez Popovič szerint a polivalencia csökkenését jelenti, amely a kifejezések konkrétságának veszteségével magyarázható. A robogókon száguldozó szerelmesek akkori modern világa nincs szembesítve a magyar fordításban a bizánci-pravoszláv vallásra utaló Rubljov annunciációt ábrázoló képe középkori világával. Popovič ennek a Voznyeszenszkij költeményének a magyar fordításában a kifejezések irracionalitásának csökkenését látta.

A fordítás stilisztikai értéke

Popovič szerint az ekvivalencia típusok ranglétrájának legmagasabb fokán éppen a stílusekvivalencia áll, ami miatt egyesek kritizálták is az elmélete praktikus érvényességét (vö. Tellinger 2012: 123). Ez a kritika elsősorban a költészet fordítására ráerőltetett Popovič-i állítást célozta meg, ugyanis a stílusaspektust nem lehet fölé helyezni a prózához hasonlóan a költészetben is a fordítás többi aspektusai alárendeltsége árán. Hogy milyen nagy jelentőséget szentelt Popovič a kifejezésbeli vagy stílusekvivalenciának, az kivehető már önmagában annak a fejezetnek a címéből is (A kommunikáció a műfordítás stílusában), melyben a könyvének talán a legfontosabb orosz-magyar vonatkozása található: Ilf-Petrov az *Aranyborjú* háború előtti, háború közepette és háború utáni magyar fordításairól lenne itt szó, hiába Popovič könyvében nincs megemlítve az a tény, milyen gazdag és bonyolult előzményei voltak a vesztes háború második felében megjelenő Ilf-Petrov *Aranyborjú* című kalandregénye magyar fordításának. Nem említi például azt a tényt sem, hogy a 30-as évek fordítása után egy újabb szándék állt elő még a Szovjetunió ellen indított háború előtti utolsó időszakban. Ismeretes, hogy 1941 tavaszán Moszkvában Rátz Kálmán kinyilvánította azt a tervét (1888 – 1951) Kristóffy József moszkvai követnek, hogy szeretné magyarra fordítani a következő címek alatt Ilja Ilf és Jevgenyij Petrov szatirikus műveit: *Tizenkét szék* (Dvenadcaty sztuljev) és *Aranyborjú* (Zolotoj tyeljonok). Ezeket az előzményeket mellőzve Popovič könyvében már csak a háborús magyar szovjet politika légkörében megvalósult Ljev Petrovics Garcsenko és Kristóf Béla fordításáról van szó, amely évszám nélkül jelent meg Budapesten a Hungária Könyvkiadónál az akkori olvasókat vonzó, *A szovjet milliomos* cím alatt,

amelyben nyoma sincs a sztálini szovjet propagandának. Popovič 1944-re teszi a fordítás megjelenését könyvében, de más források szerint már 1943-ban kiadta a Hungária Ilf-Petrov nagy regényét – amellett a 44-es év is egy törésvonalat jelentene: hisz más lehetett volna a könyv fogadtatása még az év első két és fél hónapjában a német megszállás előtt, mint aztán a későbbi hónapok zűrzavarában, a fokozódó háborús szovjetellenes hangulat eszkalációjában.

Popovič szerint akkortájt a könyv nem járult hozzá a magyar sajtó visszhangja szerint a szovjet rendszer teljes diszkreditálásához a fordítók részéről. De nem állhatott a fordítás és a fordítói szándék sem ellentétben a magyar társadalom kultúrpolitikai körülményeivel és a kulturális-társadalmi helyzettel. Már önmagában az eredeti cím megváltoztatása is sokatmondó a fordításban. Popovič úgy ítéli meg a címváltoztatást, hogy a fordítók ezzel a két ellentétes reáliával (*szovjet* és *milliomos*) utalni akartak a szovjet rendszer paradoxonjaira, amikor ezt a két társadalmilag ellentétes reáliát kapcsolták össze. Ennek az oximoronnak használatával reklámot is akartak csinálni a fordítók a könyvnek abban a hitben, hogy a szatíra a szovjet rendszer gyenge pontja volt a sztálinizmus éveiben. De Popovič egyúttal aláhúzza azt a tényt is, hogy még ilyen módon sem tudtak a fordítók az akkori vérzivataros időkben populáris olvasmányt csinálni Ilf-Petrov szatírájából, mert a magyar olvasónak még hiányzott a személyes tapasztalata a szocializmus megvalósításának félresikerült kísérletéről Magyarországon Rákosi alatt. Ez vonatkozik Gellért Hugó (1889 – 1937) *Tizenkét szék* és Szinetár-Gyurkó *Aranyborjú* átültetéseire is a 30-as években. Csak Fóthy János (1899 – 1979) és Wessely László (1904 – 1978) *Aranyborjú* fordításának köszönhetően, amelyet először 1957-ben adott ki az Európa Könyvkiadó, sikerült az, hogy a már közismert mű Osztap Bender alakjával, a nagy kombinátorral, halhatatlanná vált a mai napig, habár csak azok számára, akik még ismerik.

Stilisztikai jellegzetességek a két magyar Ilf-Petrov Aranyborjú fordításában

A fordítói stratégiák Popovič szerint jól kivehetők azokból a stílusmódosulásokból, amelyek bekövetkeztek az *Aranyborjú* két különböző korszakban történt magyar fordításában. Az *Aranyborjúból* vett szemelvényben, amely Popovič könyvében található, komplex módon jelennek meg stilisztikai, nyelvi és tematikai szempontok. Míg az 1943-44-es háborús évben kiadott fordításban nem sikerült átmenteni a mű mély struktúráját a célnyelvbe, addig az jelesre sikerült a szocializmus keserű tapasztalataival rendelkező fordítóknak 1957-ben. A nyelvi kifejezőeszközöket szemlélteti Popovič a következő szemelvénnyel (*Торжественный комплект – Ünnepi szókészlet*) a 43-44-es és az 57-es fordításból, amelyet mint példát idézünk. Ezek is mutatják, milyen siker lehetett a második fordítás és milyen könnyen kerülhetett be a szöveg mondandója az olvasók tudatába és nyelvébe.

Торжественный комплект

Незаменимое пособие для сочинения юбилейных статей, табельных фельетонов, а также парадных стихотворений, од и тропарей

Раздел 1. Словарь

Существительные

1. Клики
2. Трудящиеся
3. Заря
4. Жизнь
5. Маяк
6. Час
7. Враг
8. Поступь
9. Вал
10. Пески
11. Ошибки
12. Стяг (флаг)
13. Ваал
14. Молох
15. Прислужник
16. Скок
17. Конь
18. Сердце
19. Прошлое

Прилагательные

1. Империалистический
2. Капиталистический
3. Исторический
4. Последний
5. Индустриальный
6. Стальной
7. Железный

Глаголы

1. Пылать
2. Взметать(ся)
3. Выявлять
4. Рдеть
5. Взвивать(ся)
6. Вершить(ся)
7. Петь
8. Клеветать
9. Скрежетать
10. Грозить

Художеств. эпитеты

1. Злобный
2. Зубовный

Прочие части речи

1. Девятый
2. Двенадцатый
3. Пусть!
4. Пускай!
5. Вперед!

Ünnepélyes szókészlet

Nélkülözhetetlen segédeszközök jubileumi cikkek, ünnepi tárcák stb., valamint alkalmi költemények, ódák és dithyrambusok fogalmazására.

1. fejezet. Szótár

Főnevek:
1. dolgozók
2. Baál
3. ellenség
4. zászló (lobogó)
5. szív
6. tévedések
7. ujjongás
8. élet
9. mécs
10. Moloch
11. ércparipa
12. bérenc
13. ugrás
14. por
15. óra
16. tett
17. múlt
18. hullám
19. fog
20. ipar (iparosodás)

Művészi jelzők:
1. acsarkodó
2. fűrészfogú

Melléknevek:
1. új
2. történelmi
3. imperialisztikus
4. kapitalista
5. végső
6. acélos
7. (fel)lángol

Igék:
1. tovarobog
2. felzúg
3. (el)söpör
4. lobog
5. leng
6. vicsorog
7. (arcul) üt
8. dalol
9. beteljesít
10. rágalmaz

Egyéb beszédrészek:
1. kilencedik
2. tizenkettedik
3. úgy legyen!
4. legyen úgy
5. előre

Ünnepi szókészlet

Pótolhatatlan segédeszköz jubileumi megemlékezések, ünnepi vezércikkek, valamint díszköltemények, ódák és zsoltárok írásához

1. Fejezet: Szótár

Főnevek

1. Csatakiáltás
2. Dolgozók
3. Hajnal
4. Élet
5. Világítótorony
6. Hibák
7. Hiányosságok
8. Zászló (Lobogó)
10. Moloch
11. Bérenc
12. Perspektíva
13. Ellenség
14. Láncszem
15. Lendület
16. Paripa
17. Szív

9. Baál
18. Múlt
19. Fáklya

Melléknevek

1. Imperialista
2. Kapitalista
3. Történelmi
4. Ipari
5. Töretlen
6. Acélos
7. Elsöprő

Igék:

1. Lángolni
2. Elsöpörni
3. Virulni
4. Felkavarni
5. Lobogni (Lengeni)
6. Betetőzni
7. Dalolni
8. Rágalmazni
9. Csikorgatni (Vicsorgatni)
10. Fenyegetni
11. Csaholni

Művészi jelzők:

1. Dühödt
2. acsarkodó

Egyéb beszédrészek:

1. Tizenkettedik
2. Hadd!
3. Csak rajta!
4. Előre!

Az újabb magyar fordításban Popovič megfigyelte azt a hatást, amelyet már az új rendszer gyakorolt a magyar szókincsre, így aztán stilisztikailag a fordítás jobban megfelelt az eredetinek, mint szemantikailag. A magyar mozgalmi úzusnak megfelelően dolgozta át a fordítópáros a sematizmus jegyében íródott „szótárt", amivel az eredeti műnek nagy szolgálatot tett. Ez egy igazi előrelépést jelentett a háború időszakában keletkezett szöveggel szemben, amely az olvasót még felkészületlenül érte, hisz nem volt tapasztalata a sematikus művészi alkotásokkal sem az irodalomban, sem a festészetben, sem a filmművészetben. A regény szatirikus elemeinek megértéséhez még nem voltak adottak a feltételek a magyar társadalomban 1943-44 tájt.

A. Popovič fordításelméletének magyar fogadtatása

Hála Zsilka Tibor fordításának, Popovič fordításelmélete magyar szakértők körében ismertebb lett, mint máshol Kelet-Közép-Európában, mert még az 1980-as orosz fordításnak sem volt olyan lelkes fogadtatása, mint éppen a magyar változatnak, és valószínűleg a könyv keletkezési ideje miatt a 2006-os olasz fordításnak sincs olyan hatása manapság, mint Zsilka átültetésének. Legtöbbször a magyar szakirodalomban azok a gondolatok vannak kiragadva az 1980-ban magyar nyelven megjelent műből, amelyek az elemi fordítói fogalmak magyarázatát adják a mai magyar fordítói szakirodalom olvasója számára is. Jankovics Mária az orosz-magyar vonatkozásokról szóló

fordításelméleti könyvében főképpen e könyvnek az egyenértékűség megteremtését tárgyaló részében látja Popovič fontos útmutatásait: „Minden fordításnak, így a műfordításnak is a legfőbb gondja az egyenértékűség megteremtése, vagyis az, hogy a fordítás újrateremtse a műalkotást egy másik nyelv anyagából úgy, hogy a másfajta élményhátterű olvasók is megérthessék az író eredeti üzeneteit és rejtett jelzéseit" (Jankovics 2011: 148).

Klaudy Kinga közismert, angol nyelven megjelent könyvében szintén említi Popovič ekvivalencia felfogását, amikor azt mutatja be, hogy milyen az egyes kutatók hozzáállása ehhez a bonyolult kérdéshez a fordítástudomány fejlődése során. Klaudy K. hangsúlyozza, hogy Popovič az ekvivalencia problémakörét a fordítás olvasója szempontjából vizsgálta, és nem a fordító szempontjából indult ki ennek a kérdésnek a megítélésénél. Egyúttal megjegyzi Popovičcsal kapcsolatban azt is, hogy azokhoz tartozott, akik „nem úgy tekintettek az ekvivalenciára mint a fordítás általános előfeltételére, de megkísérelték körülírni az ekvivalencia különböző típusait" (Klaudy 2007: 81).

Összefoglaló

Anton Popovič már az első fontos könyvében 1961-ben, amely sajnos eddig nem jelent meg fordításban magyar vagy más nyelven, rámutatott az orosz-magyar irodalmi kontaktusokra, kiemelve elsősorban az orosz irodalom nagy hatását fordítások révén a szlovák irodalom fejlődésére a 19-ik század folyamán. Tágabb értelemben a történelmi Magyarország területén végbement orosz romantikus, realizmus előtti és realista művek fogadtatásáról van itt szó a magyar és a szlovák olvasóközönség részéről a reformkortól a 19-ik század további évtizedein át. De ebben a könyvében még nem szemléltette a szerző ezeket az irodalom közötti kapcsolatokat konkrét művek anyaga alapján az orosz-magyar, de az orosz-szlovák irodalmi kapcsolatok esetében sem. Könyvének utolsó mondata (vö. Popovič 1961: 137) azt a szerzői meggyőződést tartalmazza, hogy ezek a formálódó orosz realizmussal való kapcsolatok a reformkortól kezdve pozitív szerepet játszottak a realizmus stílusának megszületésénél a szlovák közegben, de arról, miként hatott az erős magyar realizmusra is a kapcsolattartás orosz irodalmi művekkel, nem ejtett szót.

A 20-ik század már teljesen más fejezet a szerző munkásságában, hisz a legfontosabb könyvében már Popovič arra a megállapításra jutott, hogy éppen a gyenge gyökerekkel rendelkező szlovák szatirikus irodalomra volt mély hatással a szovjet szatíra egy kitűnő szlovák átültetés által, amely közelebb vitte a fordítást az eredeti szöveghez annak ellenére, hogy az eredeti mű és az 1962-es szlovák fordítás között 30 éves időbeli és térbeli kulturális eltérés van, de Ján Ferenčík fordító az Ilf-Petrov kettőskönyvét kortárs írók műveként kezelte. Ez látható a szlovák fordításban a reáliákkal történő bánásmódon is. Erre a helyzetre Popovič következő megállapítása vonatkozik: „Az a hasonló társadalmi helyzet, amely a főhős létezését a két kultúrában (környezetben) lehetővé tette, több szemiotikailag ekvivalens szókészleti elem funkcionális

cseréjét is megengedi. Így például a ´Старокомхоз´ rövidítést ´Komunálny podnik´-nak (Közszolgálati Vállalat) fordítja“ (Popovič 1980: 171). A térbeli kulturális eltérés nem volt annyira érezhető a szlovák fordításon, mint a magyar háború végi átültetésben az akkori eltérő körülményekbe építve be a teljesen, homlokegyenest más világból lefordított könyvet. A háború vége felé még nem születhetett igazán olyan tipológiai és genetikai tulajdonságokkal rendelkező magyar fordítás, mert az olvasóknak nem voltak olyanok az élethelyzetei, mint az eredeti műben megírt élethelyzetek. Az orosz szövegben ábrázolt társadalmi helyzet szemiotikai azonosítása végbement az 1957-es nagy sikerű magyar fordításban, amikor már a fordítók ellentétben az előbbi fordítópárossal saját társadalmi tapasztalataik alapján dönthettek a szövegben lévő tematikai reáliák és nyelvi síkok tolmácsolása során. A fordítást nem fenyegette már az eredeti szöveg esztétikai értékeinek nyelvi és stilisztikai nivellálása sem, és ahogy azt a hasonló korszakban született szlovák átültetés is bizonyítja, olyan szöveg keletkezhetett, amely a szatirikus prózafejlődés társadalmi szempontjainak és igényeinek teljesen megfelelt.

Irodalom

Jankovics M. (2011) A fordítás elméletének és gyakorlatának orosz-magyar vonatkozásai. Szombathely.

Klaudy K. (2007) Languages in Translation. Lectures on the Theory, Teaching and Practice of Translation. Budapest.

Popovič, A. (1980) A műfordítás elmélete: A szöveg és az irodalmi metakommunikáció szempontjai. Bratislava.

Popovič, A. (1961) Ruská literatúra na Slovensku v rokoch 1863-1875. Bratislava.

Popovič, A. (1975) Teória umeleckého prekladu. Aspekty textu a literárnej metakomunikácie. Bratislava.

Tellinger, D. (2012) Der kulturelle Hintergrund des Translats – Kultur als Substanz der Kommunikation. Košice.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 456-464
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.456

Anđelka Tutek
(Rijeka, Hrvatska)

DRAMSKO PUTOVANJE ANE ŠORETIĆ

Abstract: The subject of the analysis of this paper is the drama writing of the Croatian author Ana Šoretić from the region of Gradišće. Her work, besides several shorter texts, is comprised of 11 folk theatre comedies and 6 'serious' folk dramas. This work emphasizes author's choice of themes, motifs, structure, and the language of texts from her first group of literary work, which depict the life of the Croatian national minority in the Austrian part of Gradišće/Burgenland. Ana Šoretić's drama work is a literary journey during which the author intertwined the elements of conservatism and modernity, reality and fiction, tradition and trendiness from both theatrical and literary aspects. Her literary language, the only constant of Šoretić's dramaturgy, is the idiom of Cogrštof, defines her primarily as the author of the folk drama.

Keywords: Ana Šoretić, the theme of the folk drama, the concept of drama, the language of the folk drama.

Ana Šoretić (rođena 1952. godine u Cogrštofu/Zagrsdorf, Austrija) jedina je s popisa književnika Hrvata u Gradišću koja se profesionalno bavi pisanjem. Objavljene su joj dvojezične zbirke pjesama *Sanje i ufanje/Träume und Hoffnungen* (1987) i *Ravno/Geradeaus* (1989) te poema *Zamotana duša* (1998). Zbirka pjesama *Handgemenge* (1995) i monografija *Spätlese*, o austrijskoj slikarici Elfried Etll, objavljene su na njemačkom jeziku. Opus dramskih pučkih komada svrštava ju među najplodnije i najpriznatije autore dramskih pučkih komada u gradišćanskohrvatskoj književnosti. Voditeljica je, glumica i redateljica kazališne skupine Cogrštof. Od 1994. godine članica je austrijskog PEN-a.

U gradišćanskohrvatskoj dramskoj književnosti Ana Šoretić javlja se tekstovima koje potpisuje pseudonimom Marko Varga, što otvara pitanje položaja žena u Gradišću. Autorica aktualiziranjem problema emancipacije najavljuje nove motive unutar tradicionalnih tematskih krugova. Svi pučki komadi Ane Šoretić, usudim se nazvati ih „planiranim", pisani su za cogrštofsku pučku pozornicu, jedan na godinu, te izvođeni isključivo na toj pozornici. Premda je dramsko pučko stvaralaštvo Ane Šoretić moguće promatrati s nekoliko aspekata, ovaj rad donosi tematološku podjelu u dvije temeljne skupine.

Prvoj skupini pripadaju pučki komadi koji su mjestom radnje povezani uz gradišćanskohrvatsku sredinu, s dva temeljna motivacijska ishodišta koja, slijedom odabranih motiva, određuju i tematski krug: prvom tematskom krugu pripadaju komadi nastali po biblijskim motivima, a koje autorica prepoznaje u gradišćanskohrvatskoj sredini te ih problematizira uvažavanjem temeljnog

pravila pučke dramaturgije: jedinstva mjesta, jezika i likova. Stoga ne iznenađuju biblijska imena (Danijel, Elijaš, Rebecca) u naslovima komada kojima autorica oslikava prizore iz suvremenog života Hrvata u Gradišću. Drugom tematskom krugu iz ove skupine pripada komad *Dvojšćina* kojim autorica „putuje" u prošlost, vješto podastirući pred adresante događaje za koje se znalo, ali se o njima nije govorilo. Zadržani u narodnim pričama, neki od njih zapisani na tamnoj stranici povijesti, oživjeli su u pučkom komadu *Dvojšćina*; prvi put u povijesti gradišćanskohrvatske pučke dramske književnosti tema je nacionalsocijalizam i odnos gradišćanskih Hrvata prema Židovima.

Komadi iz druge skupine utemeljeni su na motivima preuzetim iz filmova, TV serija ili književnih predložaka te prilagođeni gradišćanskohrvatskom adresantu. Nije moguće točno određenje korištenih izvora jer su i književna ostvarenja po kojima su nastali autoričini pučki komadi iz ove skupine adaptirani za film ili TV, a nema autoričinih podataka o izvorima koje korisiti pri adaptacijama. Ana Šoretić za medije nije dala niti jednu izjavu o svom dramskom radu.

Prije inerpretacije odabranih naslova, ukratko o dramskoj koncepciji te o jeziku komada. U većini predložaka autorica kompozicijom ne odstupa od tradicionalnog pučkog komada; osim u tri predloška (*O Bog*, *Lutke* i *Stari vuk*) autorica koristi klasičnu, piramidalnu dramaturgiju, u kojoj su zbivanja prikazana u logičnom slijedu, kontinuirano, u zatvorenom obliku tzv. tektonske drame. S aspekta jezika može se ustvrditi da Ana Šoretić ne korisiti jezik poput ostalih gradišćanskohrvatskih autora; jezik nije središte njezina interesa niti je autoričina nakana prikazati procese koji se oko njega događaju. Jezik je Ani Šoretić u drugom planu; on je prvenstveno sredstvo komunikacije bez ikakvih naznaka o njegovoj idealizaciji pa se i autoričinin cogrštofski idiom kao i govori likova koji ne pripadaju gradišćanskohrvatskoj sredini promatraju kao sredstvo govorne karakterizacije u prikazu likova. Susljedno praksi o korištenju jezika poznatoj iz pučkih komada naturalističkog tipa, autorica daje vjernu reprodukciju lokalnog idioma i onda kada se radnja ne odvija u lokalnom okruženju. Pisci pučkih komada rijetko koriste zavičajni govor likova koje dovode iz drugih govornih područja pa u takvim situacijama pribjegavaju korištenju standardnog književnog jezika. Ana Šoretić nastoji biti bliska jezičnoj zbilji svojih likova te, u funkciji karakterizacije lika, daje svojim likovima govoriti njihovim zavičajnim govorom. Ponajbolji primjer takvom korištenju jezika lik je izbjeglice Joze iz komada *Bosanac* (1992). Jozo koristi svoj zavičajni govor kojim autorica snažno naglašava njegovu nacionalnu i socijalnu pripadnost te njegovo emotivno stanje. Ovakav otklon od poznatog postupka kod gradišćanskohrvatski pisaca (usp. Weidingerovog korištenja lokalnog idioma ili Zakallovog korištenja standardnog njemačkog jezika) novost je u načinu uporabe jezika. Nadalje, u kontekstu stilistike dramskog diskursa, dijaloge je nužno promatrati razdvojeno: kao dijaloge likova u komadima koji su bliski gradišćanskohrvatskom životu i koji se bave

problematikom izniklom na gradišćanskom tlu (to su parataktične rečenice, poslovice i narodne mudrosti) i one koji su nastali na temelju filmskog ili televizijskog predloška. Potonji su počesto tirade „obogaćene" negradišćanskim leksikom te prilagođeni i transformirani govorni iskazi likova. Time se otvara pitanje jezične kompetencije samih likova iz komada druge skupine što kao posljedicu ima i upitnu vjerodostojnost likova u gradišćanskohrvatskom okružju. Za zaključiti je da autorica koristi razgovorni jezik, idiom kojega ne idealizira te dramski jezik koji je, s aspekta stila, relativno ograničenoga repertoara s, u nekim komadima, neautentičnim dijalozima ispunjenim klišejima (narodnim mudrostima te praznim formulama) što ga obilježeva, uz rijetka odstupanja, kao dramski jezik tipičan za vitalistički pučki komad. Svojstva jezičnog materijala u Šoretićkinoj pučkoj dramatici mogu se ukratko označiti kao a) svojstvo „gestičnosti" i b) svojstvo „svjesnost". Naime, autoričin jezični izbor u nekim se komadima razvija iz atmosfere i spontano fiksira dok u nekim komadima dijaloge stvara iz prethodno prikupljenog materijala. U obadva slučaja moguće je govoriti o ograničenom jezičnom repertoaru koji rezultira, susljedno pučkim komadima, dramskim dijalozima obilježenim parataksom, rjeđe složenijim govornim iskazima. Susljedno sadržajima autorica se obraća svim slojevima društva: likovi više nisu samo pripadnici nižih i srednjih slojeva društva, seljaci ili obrazovani, već i pripadnici „viših" slojeva društva, točnije oni s kojima se ne može identificirati prosječni gradišćanskohrvatski adresant te su oni samo literarni/kazališni likovi.

Prvim komadom *Marko ako ti je žao* (1970) Ana Šoretić sadržajem se pridružuje onom krugu gradišćanskohrvatskih pisaca kojima je obiteljska tematika temeljni interes te otvara ciklus kojemu pripadaju komadi s obiteljskom tematikom. Ne odstupajući od koncepcije komada situacije koju provlači kroz pet činova autorica tek dodiruje sve učestaliju pojavu razvoda brakova i probleme djece rastavljenih roditelja u adolescentnoj dobi. Motivom uvijek aktualan, ovaj komad obilježen lokalnim mjestom radnje i cogrštofskim idiom, s moralnim i prosvjetiteljskim porukama, zadovoljavajućim sretnim završetkom, a bez izravne društvene kritike, ostaje u okviru dramaturgije vitalističkog pučkog komada. Komadom *Kupio sam si ženu*[1] (1972), utemeljenom na biblijskom motivu, autorica stvara „seljački šalni igrokaz" (HN, broj 15, od 11. ožujka 1972.) u kojem idealizira seoski život, domišljatost i snagu gradišćanskohrvatske žene. Autorica je ovu naivnu priču smjestila u seosku kuću i u dvorište krčme, nepotrebno je razvlačeći kroz šest činova, s referencijalnim dijalozima koji imaju funkciju oslikati skladan i lijep seoski život, ali i naglasiti problem neoženjenih seoskih muškaraca. Izvedba je ovog

[1] Premda je u monografiji cogrštofske kazališne grupe *Puna zdjela*, autorice Ane Pajrić-Šoretić, zapisano da je i sljedeći komad *Kupio sam si ženu* napisan pod pseudonimom, u Hrvatskim novinama Gerhard Emrich piše: "Ovu igru je napisala mlada divojka Ana Pajrić (Pairits) […]" (HN, broj 15, od 15. travnja 1972.).

nezhtijevnog komada, obogaćenog glazbenim umecima, zadovoljila adresanta, ali ne i kritiku: „[…] Ako je kritika put većemu uspjehu i napretku, onda hoćemo još nadodati, da se neka u budućnosti posveti veća pažnja režiji ar ona stoprv izvadi sve mogućnosti iz jednoga igrokaza." (HN broj 15, od 15. ožujka 1972.). Problem braka Ana Šoretić aktualizira i u sljedećem komadu *Tužno sedmo ljeto* (1978); motivirana predrasudom o „kobnoj" sedmoj godini braka, stvara zaplet oko dviju žena, Marice Mikacs i njezine prijateljice Monike. Komad je napisan u četiri čina (neki kasniji komadi, po pravilima žanra, imaju tri čina), a radnja je smještena u gradišćanskohrvatsku „malu varoš" te na francusku rivijeru koja postaje mjestom kulminacije dramske radnje. Likovi u komadu pripadnici su više ili srednje društvene klase, nema slike „pučkog lika" s kojim se u starom pučkom komadu identificirao adresant, izostaje svakodnevna situacija s lokalnim problemima kao i napetost jezika koji odražava i individualno i socijalno stanje. Komadima *Daniel u lavskoj jami* (1983), *Rebecca* (1984), *Elijaš, po zvanju prorok* (1984) autorica potvrđuje i sklonost odabiru imena likova koji pripadaju biblijskim pričama i temeljnom motivu-obitelji. Premda autorica nastoji izbjeći tradicionalne motive iz obiteljskog života (*Danijel u lavovskoj jami*; svadba, ljubavni zapleti), *Rebecca* se potvrđuje pučkim komadom kombinacijom obilježja konzervativanog pučkog komada s elemenatima socijalne kritike društva (otuđenost). U ovoj pučkoj komediji s elementima satire, autorica ne uspjeva izbjeći stereotipima te se prvotna kritika društva u završnom činu pretvara u prepoznatljivu priču o emancipaciji, idealizaciji braka i vrijednostima tradicionalnog obiteljskog života. U komadu *Elijaš, po zvanju prorok*, autorica vodi adresante u gradišćanskohrvatsko selo koje prikazuje u presjeku od četrdeset godina (razdoblje od 1955. godine do 1995.). U četiri čina s tri temeljna motiva, Ana Šoretić problematizira tri motiva; prvi motiv sukob je generacija kojega prikazuje kroz promjenu vrijednosnog sustava nametnutog materijalističkim odnosom prema životu uplećući u njega i motiv ljubavnih odnosa prikazanih kroz nekoliko ljubavnih parova, potom problematizira ravnopravnosti žena dok je treći motiv ekologija. Autorica u ovom komadu eksperimentira s formom pučkog komada ubacivanjem „povidača" koji upoznaje adresanta s događanjima. Uz pripovjedača, dijalozi su popraćeni i obavijestima s različitih pozicija (TV emisija, plakat) čime autorica „razbija" kontinuitet tradicionalne strukture pučkog komada i približava se „otvorenom" obliku žanra, epskom teatru. Pučkim komadom *Gladni* (1990) autorica se vraća temama iz gradišćanskoghrvatskog života i stvara tip novog pučkog komada interferiranjemu aspekta ovisnosti o vitalističkom tipu i emancipativnih elementa uočljivih prvenstveno u kritici društva. Komad *Gladni*, nastao na temelju autoričine novele *Eva na pragu*, kroz tri ravnomjerno raspoređena čina, s lokalnim mjestom radnje, daje sliku „o človiku današnje dobi, njegov glad za priznanjem, moću, ljubeznošću, uspjehom, blizinom, bogatstvom, ljubavom…" (Schoretits 2007: 63). Središnji lik Nikola Karazman, uspješan je političar, zaljubljen u Magdalenu, kćerku Ivana i Eve Ribarić. Nizom peripetija koje

oslikavaju svijet bankara, uspješnih poslovnih ljudi i njihovih pratilja, dijalozima likova koji su konfliktni, s kratkim dinamičnim rečenicama, autorica uspjeva prikazati i osamljenost (Nikola Karazman) i zavist (bankar i načelnik), primitivnost i ograničenost (Elsa), strpljivost i razumijevanje (Eva). Unatoč patetično obojenim dijalozima, moralizatorskim porukama u trećem činu, ovaj dramski predložak svojim obilježjima pripada u moderne, kritičke pučke komade i kao takav zauzima značajno mjesto u gradišćanskohrvatskoj dramskoj pučkoj književnosti. Ana Šoretić u *Gladnima* ne odstupa od koncepcije starog pučkog komada; piramidalnom kompozicijom i jasno prikazanim sukobima među likovima, dijalozima konflikta, intimizacije te misaonim dijalozima na cogrštofskom idiomu, komad *Gladni* čini se klasičnim pripadnikom žanra. S druge strane, prikazom događanja u suvremenom društvu, moguće je ovaj komad svrstati u red „novih" gradišćanskohrvatskih pučkih komada. Anidiličan prikaz modernog gradišćanskohrvatskog srednjeg sloja, obuhvaća ono mračno, nedostojno, nagonsko a kako bi se pokazala glad za ljubavlju i razumijevanjem. Premda povremeno „bježi" u didaktičnost, koja se zadržava samo na razini osobnog, njezini likovi ne „poučavaju" o ideologiji, o jeziku, već govore o onome što najviše priželjkuju-društvo u kojemu bi postojala mogućnost za ostvarenje sreće i ljubavi. Kao i u većini autoričinih predložaka dramski jezik obilježen je jednostavnim rečenicama koje omogućuju jezičnu artikulaciju likova s povremenom stilizacijom koja ne narušava životnost cogrštofskog idioma i dijalozima likova koji su jednostavni govorni aktovi u službi izmirenja nesporazuma među likovima. Prikazom malograđanskog miljea Ana Šoretić udaljava se od tradicionalnih vitalistički koncipiranih likova u pučkim komadima i definira se kao spisateljica koja uočava promjene u gradišćanskom društvu a kojemu se obraća kritizirajući kako njegovu provincijalnu skučenost tako i neke njegove članove koji duhovno ne slijede suvremena događanja već ostaju u okovima svoga patrijahalnog nasljeđa.

Ratna događanja na prostoru bivše Jugoslavije neizravno su se odrazila i na život u Gradišću. Upravo je Gradišće jedan od prostora koji su naselile izbjeglice iz Hrvatske i Bosne i Hercegovine, a čije je doseljenje izazvalo različite reakcije što je bilo motivom za nastanak komada *Bosanac* (1991). Radnja komada smještena je u gradišćanskohrvatsko selo, u 1991. godinu, provedena je kroz tri čina, na dva plana: jedan, koji je prikaz ekonomski jakog austrijskog Gradišća te drugi, kojim autorica želi prikazati ključni problem izbjeglica-nastojanje da se po svaku cijenu ostane u Austriji čiji propisi, ukoliko su radno sposobni, uskraćuju izbjegličke dozvole. U komadu očekivani prikazi društveno-političke situacije ostaju po strani, a ljubavni zaplet i njegovo razrješenje postaje primarno. Autorica likove iz austrijskog društva prikazuje u jasnim antagonističkim odnosima na razini intimnog. Uzimajući lik Bosanca Joze kao model za cijelu populaciju izbjeglica koja se nije snašla u novim okolnostima i kojih se težnje suprostavljaju zakonskim propisima, autorica pribjegava filmskom rješenju: Jozo želi ugovoreni brak a kako bi ostao u

Austriji (usp. motiv iz filma *Zelena karta*, 1990, u režiji Petera Weira). U ovom, strukturom tradicionalnom pučkom komadu s pokušajem aktualiziranja dnevnopolitičke teme, autoričina jezična koncepcija dolazi do jačeg izražaja jer se glavni lik, Jozo, koristi svojim zavičajnim govoroma koji otkriva njegov socijalni i kulturni identitet:

JOZO: Jebo te Austrija, koliko si prokleta. Tri mjeseca dugo mogla si me trpiti, a sada me proganjaš u Bosnu. Da bi tebi bilo jasno, kakovu vrijednost izbaciš od tebe, sakrila bi svoje lice i plakala viječni plač. Pa, što misliš, tko jesi ti? Nisi vrijednija od moje obljubljene bosanske grude. Pa što pričam, nisi niti vrijedna, da bi naslonio bicikl na tebe. Jebo te, koja ti je važnost? Ma nisi u stanju, da bi rodila poštenog pekara, ki peče dostojan kruh, ili mesara, koji mi prodaje janjetinu. A ti bi se pravljala važnom, ponosna Austrijo? Ma, boli me kurac radi tvoje gizdosti. (čin I., prizor 3)

Kratki intimni monolog eksciplitno određuje Jozinu podređenu poziciju: nizanje retoričkih pitanja i korištenje vulgarizama u Jozinom obraćanju Austriji, izraz je bijesa i nemoći, jer svaku od rečenica opovrgava nastojanje da po svaku cijenu ostane u zemlji koja ne zavređuje da se na nju „osloni bicikl". Jozo je i prostak i dobra prilika za ženidbu, i pošten i nepošten, lik izgrađen na kontrastima koji ga u konačnoj prosudbi čine nevjerodostojnim. Jeziku Joze autorica suprostavlja jezik domicilnih stanovnika, cogrštofski idiom, kojim naglašava njihovu društveno nadređenu poziciju u odnosu na Jozu koji je društveni „višak", ali kao muškarac poželjan. Tolerancija, diskriminacija, pitanje porijekla, pobačaj, ljubav - niz je motiva koje je autorica dodirnula, ali ih nije dosljedno provela kroz komad, osim ljubavnog zapleta, kojega poentira na kraju komada prizorom pred matičarem. Kako izostaje jasna kritika i jednog i drugog problema, a nadvladava ljubavni zaplet, komad ostaje u okviru vitalističkog tipa pučkog komada s pokušajem autorice da se posvjedoči angažiranom spisateljicom.

Posebnu pozornost zaslužuje po mnogočemu osebujan pučki komad *Dvojšćina* (1994); antiidiličnim se prikazom donjih slojeva gradišćanskohrvatskog društva ponajviše približava definiciji kritičkog pučkog komada. Nastao je, potvrđuje mi sama autorica (Cogrštof, 16. veljače 2008.), na temelju povijesnih činjenica i razgovora s ljudima iz Cogrštofa a koji su joj, kako kaže „drage volje povidali, kako se je sve dogodilo, pravoda svenek iz gledišća pojedinoga povidača ili povidateljica". Radnja komada smještena je u Cogrštof uoči Drugog svjetskog rata (1938.), u kuću u kojoj se živi u tzv. *ketušvu*, zajednici dviju obitelji što je u onovremenim gradišćanskohrvatskim selima bila uobičajna praksa. Muško-ženski svijet interes su autorice; njezini likovi žive svoje živote pod istim krovom, ali fizički podijeljeni na dva prostora: u jednom dijelu kuće žive samo muški članovi obitelji dok u drugom žive žene. Unatoč činjenici da su rođaci i da žive pod istim krovom, oni su „jur ljeta dugo u strašnoj zavadi". U svakom se dijelu kuće odvija idiličan seoski

život: u „ženskom svijetu" čitaju se *Sibile*[2] uz svjetlost lampi, prepričavaju dnevni događaji sela, dok se u „muškom" svijetu raspravlja o političkim događanjima i strankama. „Idiličan" život narušava Anschluß (anšlus) koji donosi potpuni preokret: iako stare svađe ne jenjavaju, nova situacija dovodi do kratkotrajne pomirdbe nakon koje sukob kulminira: podjela na muško-ženski svijet postaje simbolom političke podjele na „bijele", muškarce, koji su članovi kršćanskosocijalne stranke i „crvene", žene, koje pripadaju socijalnoj, tj. komunističkoj struji. Nesnošljivost među „bijelima" i „crvenima" utemeljena je na stvarnim događajima i na stvarnim likovima koje autorica opisuje u komadu. Oslikavanje političkih odnosa u vrijeme nacizma, prekid je s prikazom idealiziranog gledanja na prošlost gradišćanskih Hrvata te naglašavanje odnosa prema Židovima. Obraćanjem temi koja je u tradicionalnim pučkim komadima gradišćanskohrvatske dramatike bila tabuirana, autorica stvara komad blizak kritičkom pučkom komadu koji nadaje potrebu i za naivnim, ali ne i primitivnim, romantičnim te zbilji bliskim, ali ne i dnevnopolitičkim kazalištem. Za strukturu komada karakterističan je arbitrarno raspoređen scenski niz u dva čina (simbolično označavaju „dvojšćinu") s dramskim jezikom korištenim na dvije razine u funkciji oblikovanja likova komada: na razini političkog to su stilizirani govori pristaša nacizma u kojima autorica zadržava sve gramatičke osobitosti idioma dok je na razini svakodnevnog govora uočljivo korištenje velikog broja narodnih mudrosti i izreka. Komad *Dvojšćina*, i temom i jezikom, koji precizno bilježi individualne i kolektivne forme govora, potvrđuje postojanje kritičkog pučkog komada u gradišćanskohrvatskoj dramskoj književnosti.

Pučkom komedijom u četiri čina *Raskinuti ured* (1986), utemeljenom na motivima iz TV serija *Dinastija i Dallas*, započinje opus komada nastalih po predlošcima tada popularnih filmova, TV serija ili književnih produkata, a slijede ju *O Bog*, adaptacija (ili adaptacija adaptacije)[3] teksta Avery Cormana, Huxley i njegov roman *Vrli novi svijet* (*Brave new word*) u autoričinoj obradi pod nazivom *Vitezi* (1988). *Pygmalion* G. B. Showa (ili njegova filmska adaptacija *My Fair Lady*) adaptiran je i izveden pod imenom *Orao i mačkica* (1995). U komadima *Kanibali su med nami* (1997) i *Dan* (1979) prepoznaje se filmski predložak (ili literarni). *Kanibali med nami* kompilacija je motiva iz triju filmova kojih teme autorica raspoređuje po činovima: 1. čin: *Bankentrio*, u hrvatskom prijevodu film je poznat pod naslovom *Bjegunci*, 2. čin: *Der Klub der Teufelinnen* (*Klub prevarenih žena*) i 3. čin u kojem aktualizira temu iz filma *Transvestit*. Komad *Dan,* usudim se pretpostaviti, nastao je po predlošku

[2] Vidi: Lukežić, Irvin (1995) „Gradišćanskohrvatske sibile", *Fluminensia*, god. VII., br. 2, Rijeka, 111-121.

[3] Avery Corman, pisac i redatelj; uz puno poznatiju filmsku adaptaciju romana *Kramer protiv Kramera*, pojavljuju se i tri filmske adaptacije njegove novele *Oh, God* (1971): 1977. godine Carol Reiner režira komediju *Oh, God!*, 1980. Gilbert Cates *Oh, God! Book!,* a 1984. godine u režiji Paula Bogarta pojavljuje se pod nazivom *Oh, God! You Devil*!.

romana *Tim* australske spisateljice Colleen McCullough ili po TV seriji *Kaisermühlenblus*.

Naposljetku treba reći da Ana Šoretić zauzima posebno mjesto u dramskoj književnosti Hrvata u Gradišću, prvenstveno onim komadima u kojima se potvrđuje kao kritičarka gradišćanskohrvatskoga društva. Premda je prva od gradišćanskohrvatskih autora koja jeziku ne pristupa idealizirajući ga i koristeći ga u funkciji ideologije, jezik jest njezino najvažnije dramaturško sredstvo koje povezuje sve njezine komade, pa i onima koji napuštaju osnovne sastavnice pučkog komada (lokalno mjesto radnje, likovi koji mu pripadaju) daje obilježje pučkog. Odnos muškarca i žene kao njegovog seksualnog objekta (i obrnuto), prikazivanje čovjeka u konzervativnim i skučenim prilikama gradišćansko hrvatskog mjesta, izloženost socijalnim i nagonskim prisilama, nacionalsocijalizam-neke su od tema koje Ana Šoretić uvodi u pučku dramsku književnost Hrvata u Gradišću, a poradi kojih, kao i u kontekstu jezika, o njezinim dramskim komadima treba govoriti kao o modicifiranom obliku žanrapučkog komada u pučkoj dramskoj književnosti Hrvata u Gradišću.

Literatura

Benčić, N. (2000) Književnost gradišćanskih Hrvata od 1921. do danas. Sekcija DHK i Hrvatski centar PEN-a za proučavanje književnosti u iseljeništvu. Knjiga VIII. Zagreb.

Bobinac, M. (2001) Puk na sceni: studije o hrvatskom pučkom komadu. Zavod za znanost o književnosti, Filozofski fakultet. Zagreb.

Burton, D. (1980) Dialogue and Discourse. A saciolinguistic approach to modern drama and naturally occurring conversation. Routledge and Kegan Paul. London, Boston and Henley.

Car-Mihec, A. (1997) Pučki dramski oblici. Riječki teološki časopis, god. 5, broj 1, 87-95.

Car-Mihec, A. (2003) Dnevnik triju žanrova. Hrvatski centar ITI-UNESCO. Zagreb.

Hein, J. (1982) Theater und Gesellschaft. Das Volksstück und seine Probleme. Universitas. Düsseldorf, 851-858.

Katičić, R. (1992) Lingvističke dimenzije jezičnog položaja gradišćanskih Hrvata. Novi jezikoslovni ogledi. Školska knjiga, 158-165.

Katnić-Bakaršić, M. (2003) Stilistika dramskog diskursa. Zenica.

Kolumbić, N. (1986) Dramske transformacijske strukture. Radovi XXV, broj 15, Filozofski fakultet Zadar. 97-128.

Lukežić, I. (1992) Pučki teatar u Gradišću. Fluminensia, god. 4, broj 1, Rijeka, 83-86.

Neweklowski, G. (1978) Die kroatischen Dialekte des Burgenlandes und der angrenzenden Gebiete. ÖAW. Linguistische Abeilung, 32, Wien.

Pavličić, P. (1987) Pučka, trivijalna i masovna književnost. Zbornik Trivijalna književnost. Studentski izdavački centar UK SSO Beograd, 73-82.

Schoretits, A. (2007) Puna zdjela/Volle Schüssel. Kultur Burgenland. Zagresdorf.
Šojat, A. (1983) Baština i suvremene potrebe gradišćanskohrvatskog književnog jezika.
Zbornik Gradišćanski Hrvati 1553-1983, 45-58.
Šoretić, A.: Ako ti je Marko žao. Presliku rukopisa ustupila autorica.
Šoretić:, A.: Tužno sedmo ljeto. Isto.
Šoretić, A.: Daniel u lavovskoj jami. Isto.
Šoretić, A.: Rebecca. Isto.
Šoretić, A.: Elijaš, po zvanju prorok. Isto.
Šoretić, A.: Raskinuti ured. Isto.
Šoretić, A.: Dan. Isto.
Šoretić, A.: Dvojišćina. Hrvatsko kulturno društvo. Željezno.
Šoretić, A.: O, Bog. Hrvatsko kulturno društvo. Željezno.
Šoretić, A.: Vitezi. Hrvatsko kulturno društvo. Željezno.
Šoretić, A.: Tri oci. Hrvatsko kulturno društvo. Željezno.
Šoretić, A.: Bosanac. Hrvatsko kulturno društvo. Željezno.
Periodika
Hrvatske novine, godišta od 1972. do 2008.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 465-472
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.465

Viczai Péter
(Budapest, Magyarország)

A NYELVOKTATÁS MÚLTJA, JELENE ÉS JÖVŐJE GHÁNÁBAN. VISZOCKIJ HELYE AZ OROSZ NYELVI KÉPZÉSBEN

Abstract: As a visiting lecturer in the University of Ghana, I had the opportunity to study the history and the current tendencies of the Russian language teaching in Ghana. I have published several articles regarding this topic. In my paper I would like to present some features concerning the introduction of the works of Vysotsky in the University of Ghana. Due to geographical, historical, cultural and other discrepancies of Russia and Ghana Vysotsky's works among Ghanaian students was not popular immediately. However the used methodology opened a new World to Russian language students and should be encouraged in the future.
Keywords: University of Ghana, Russian language, Vladimir Vysotsky

A 2010/2011-es tanulmányi évben egy nemzetközi oktatói szerződés keretében a Kofi Annan volt ENSZ-főtitkár nevével fémjelzett Ghánai Állami Egyetem (University of Ghana, Accra) meghívott vendégoktatójaként tevékenykedtem az idegen nyelvi tanszék orosz nyelvi szakcsoportjában. Ghánai, valamint külföldi részképzős diákoknak (részben amerikaiaknak), bölcsész- és nem bölcsészhallgatóknak egyaránt tartottam orosz nyelvi foglalkozásokat, különböző évfolyamokon. Az oktatás mellett folyamatos tudományos kutatói tevékenységet végeztem, valamint az intézmény Orosz Klubjával és a ghánai orosz nagykövetséggel is rendszeresen kapcsolatot tartva színvonalas szakmai rendezvények szervezésében is aktívan közreműködtem. A Guineai-öbölben fekvő afrikai ország legnagyobb állami felsőoktatási intézményében végzett kutatásaim elsősorban a ghánai orosznyelv-oktatás helyzetére, részben a brezsnyevi korszak fenegyereke, a legendás művészzseni, Vlagyimir Viszockij költői munkásságának az egyetemi orosz nyelvi képzés folyamatába történő beépítésére irányultak. Mint a Ghánai Állami Egyetem meghívott vendégtanára, lehetőségem nyílt tanulmányozni a ghánai orosz nyelvi felsőoktatás történetét, jelenlegi helyzetét és főbb sajátosságait, továbbá figyelemmel kísérni bizonyos, az idegen nyelvi képzéssel kapcsolatos tendenciákat és jelentős változásokat. Előadásomban elsősorban szakmódszertani kutatásaim eredményeire és afrikai (nemzetközi) oktatási tapasztalataimra támaszkodva, az idegen nyelvi képzés egyik fellegvárán, a Ghánai Állami Egyetem példáján szeretném bemutatni az idegennyelv-oktatás történetét és jelenlegi helyzetét, illetve a ghánai orosz nyelvi képzés rendszerének főbb sajátosságait.

A Ghánai Állami Egyetemen, melynek elnöki posztját a korábbi ENSZ-főtitkár Kofi Annan tölti be, mintegy negyvenezer hallgató tanul a világ számos országából. Az Idegen Nyelvi Tanszéken oktatott hat nyelv közül (francia, spanyol, arab, kínai, orosz, szuahéli) a legnépszerűbbnek a francia mondható. Ez elsősorban az ország földrajzi elhelyezkedéséből ered: a Nyugat-Afrikában fekvő Ghána francia nyelvű államok gyűrűjében található. Ezért nem véletlen, hogy a Ghánai Állami Egyetemen kezdetben csak Francia Tanszék működött, és ebből alakult ki a későbbi Idegen Nyelvi Tanszék. Az angolt, mint államnyelvet Ghánában nem tekintik idegen nyelvnek, így ez az oktatott nyelvektől külön kezelendő. Az egyetem legfrissebb tervei között szerepel az Idegen Nyelvi Tanszék nyelviskolává alakítása, amit a 2011/2012-es tanévtől meg is kezdett az intézmény egy önálló Francia Tanszék megalakításával, ahol akkoriban 737 hallgató folytatott tanulmányokat. Összehasonlításként jegyezném meg, hogy ebben az időben az Orosz Nyelvi Szakcsoportnál összesen 128 hallgatót tartottak nyilván, ami helyi viszonylatban kifejezetten jónak mondható. Az alábbi táblázat az Idegen Nyelvi Tanszék hallgatói létszámának alakulását szemlélteti a 2011/2012-es tanulmányi évben.

1. táblázat
Hallgatói létszám a 2011/2012-es tanévben

Nyelv	I. évfolyam	II. évfolyam	III. évfolyam	IV. évfolyam	Mester-képzés	Össze-sen
Arab	67	12	12	8	-	99
Francia	*221*	*198*	*158*	*154*	*6*	*737*
Kínai[1]	112	46	12	-	-	170
Orosz	87	28	7	5	1	128
Spanyol	144	61	57	27	-	289
Szuahéli	166	17	15	8	-	206
Összesen	797	362	261	202	7	1629

Az idegen nyelvi tanszéki összesítő adatokat követően az alábbi táblázat részletes kimutatást ad az Orosz Nyelvi Szakcsoport létszámainak alakulásáról a 2001/2002-es tanévtől napjainkig.

[1] A kínai nyelv a 2009/2010-es tanévben került bevezetésre.

2. táblázat
Az Orosz Nyelvi Szakcsoport hallgatói létszámának alakulása a 2001/2002-es tanévtől a 2011/2012-es tanévig

Tanév	2001-02	2002-03	2003-04	2004-05	2005-06	2006-07	2007-08	2008-09	2009-10	2010-11	2011-12
I. évf.	85	108	165	228	194	114	80	54	22	138	87
II. évf.	20	34	35	31	133	83	67	55	52	21	28
III. évf.	4	5	7	6	6	27	14	6	9	6	7
Részkép.	5	2	4	5	5	5	8	5	2	5	2
IV. évf.	3	5	2	5	5	4	8	9	6	2	5
Mesterszak			1								1
Összesen	117	154	214	275	343	233	177	129	91	172	130

Az eddigi számadatokból nyilvánvalóan kitűnik a Ghánai Állami Egyetemen idegen nyelveket tanulók alacsony létszáma. Ez elsősorban azzal magyarázható, hogy az idegen nyelv a felsőoktatásban nem kötelező tárgy, ahogy például a hazánk vagy más európai országok felsőoktatási intézményeiben. Így a mintegy negyven ezer hallgató közül mindössze három-négy ezer választja valamelyik idegen nyelv tanulását az ország legnagyobb állami egyetemén.

A ghánai felsőoktatás másik sajátossága a blokkosított tantárgyi rendszer, amely a nyelvi képzésre is hatással van, különös tekintettel a létszámok alakulására. A tantárgyi blokkok keretében az elsőéves hallgatók három főszakkal kezdenek, amelyeket az egyetem határoz meg számukra, vagyis a diákok önállóan nem párosíthatnak szakokat. Így az elsőéves hallgatók nagy százaléka nem választja az idegen nyelvet, többek között az oroszt, hanem általában a két másik választott szakja mellé kapja valamely tantárgyi blokk keretében. (Például szociológia–politológia–orosz nyelv, történelem–archeológia–francia nyelv, vagy matematika–közgazdaságtan–spanyol nyelv). Az említett gyakorlatot valamennyi idegen nyelv esetében egységesen alkalmazzák az egyetemi képzésben. Az első, valamint a másodév után adott a lehetőség, hogy a diákok leadják az idegen nyelveket, így az oroszt is, amelyet az oktatási rendszer sajátosságaiból kifolyólag kaptak meg, többnyire akaratuk ellenére. Ezért elsősorban az első, de gyakran a második tanulmányi év után is viszonylag nagymértékű létszámcsökkenés szokott bekövetkezni az idegen

nyelveket tanulók körében. Ugyanakkor az a hallgató, aki a másodéven az oroszt továbbviszi, harmadéves korában is tanulni fogja a nyelvet. Az oroszosok esetében jelentős motivációs tényező a moszkvai részképzés lehetősége, ami egyben a nyelvtől való elpártolás oka is lehet. Ugyanis az évente mindössze öt ösztöndíjas hely többnyire kevésnek bizonyul, és sokan azért adják le az oroszt, mert nem bíznak abban, hogy bekerülhetnek az öt legjobb eredményt elérő, Moszkvába utazó hallgató közé.

A bachelor képzés folyamatában az első és másodéves orosz szakos hallgatóknak grammatikát, beszédgyakorlatot tanítanak, valamint orosz irodalmat és országismeretet is tanulnak a diákok, de ezeket a tárgyakat angol nyelven. A harmadik és negyedik évfolyamon a grammatika és a beszédgyakorlat órák mellett megjelenik a fordításelmélet is. Ugyancsak folytatódik az orosz irodalom és országismeret tárgyak tanulása, amelyek harmadéven még angolul, negyedéven pedig oroszul folynak. Az alaptárgyakon túlmenően a hallgatók olyan különböző speciálkollégiumok közül választhatnak, mint például a lexikológia, a morfológia, a szintaxis, a stilisztika, vagy az orosz üzleti nyelv. Így a harmad és negyedéven az orosz nyelvi program érdekes kihívásokkal és lehetőségekkel kecsegtet. Az országismereti tananyag keretében népszerűek az újonnan kialakított tárgyak, például a *Bevezetés a huszadik század Oroszországába: történelem, politika, társadalom*, illetve az *Oroszország ma: politika és társadalom* című tantárgyak, amelyek felölelik a Szovjetunió teljes történetét, valamint a múlt század világtörténelmének Oroszországgal kapcsolatos főbb szakaszait. Tárgyalják Oroszország nagyhatalmi törekvéseit és ennek hatásait a fejlődő, elsősorban afrikai országokra.

Ha folytatjuk az utóbbi időben bevezetett tantárgyak listáját és leírását a választható tárgyakkal, a harmadéven a következőket találjuk: „Az orosz sajtó, Kortárs orosz női írók, Bevezetés a XIX. századi realizmusba, Fordítástechnika, Az orosz szintaxis, Az orosz romantikus irodalom, Az orosz dráma, A mai orosz nyelv lexikológiája, Az orosz film, A modern orosz irodalom" (Csajbók-Twerefou 2013). A tantárgyleírások a Ghánai Állami Egyetem docense, dr. Csajbók-Twerefou Ildikó szavait idézve szinte kiáltanak az érdekes szemléltetésért. Szóba jöhet csaknem minden lehetőség és eszköz: tankönyvek, jegyzetek, zene, dokumentum- és játékfilmek, képek, fényképek, irodalmi alkotók munkássága, akár Vlagyimir Viszockij igencsak sajátos költészete is.

A negyedévesek programját elemezve beszélhetünk például a *Nyelvi jártasság- és készség* című kötelező tárgyról, amelynek keretében Viszockij dalai ugyancsak alkalmazhatók lennének a nyelvi órákon. A választható tárgyak: „A fordítás elmélete és gyakorlata haladóknak, A XX. század első felének orosz irodalma, Az orosz realista próza, Az orosz külpolitika napjainkban, A mai orosz nyelv szintaxisa, Emigráns orosz írók és költők, Az orosz nyelv alaktana, Orosz stilisztika, Az orosz nő mint békeharcos, A szovjet

külpolitika, A szovjet-orosz irodalom a XX. században (választott írók/költők), Az orosz próza a hidegháború utáni korszakban, Nyelvhasználat és országismeret" (Csajbók-Twerefou 2013).

Vlagyimir Viszockij dalai több alkalommal is bemutatásra kerültek a Ghánai Állami Egyetem orosz szakos hallgatói körében. A 2010/2011-es tanévben dr. Csajbók-Twerefou Ildikóval, mint lehetséges motivációs tényező, próbáltuk a költő egyes műveit (Dal a barátról, De az emberek mind csak dúltak-fúltak…, Nyurga dal egy semmiségről, avagy mi történt Afrikában) beépíteni az orosz nyelvi képzés folyamatába – a különböző évfolyamokon eltérő sikerrel. Értelemszerűen a legendás művész munkássága a felsőbb évfolyamokon volt népszerű, ahol a hallgatók már valamelyest tudták értelmezni a költemények tartalmi mondanivalóját.

A beszédgyakorlat órán a három felsorolt költemény közül a *Dal a barátról* kifejezetten sikeres volt. Dallama fülbemászó, a szövege viszonylag könnyen értelmezhető. A *Nyurga dal egy semmiségről, avagy mi történt Afrikában* mű már a címe miatt is felkeltette a hallgatók érdeklődését, valamint a dallama is érdekesnek bizonyult. Különlegessége és figyelemfelkeltő mivoltának köszönhetően, elsősorban a felsőbb éveseknél témaindításnak kiválóan felhasználható. A *De az emberek mind csak dúltak-fúltak…* című költemény nem igazán dallamos, a szöveg csak helyenként kíséri a zene ritmusát, így ez a mű a rendkívül muzikális ghánai hallgatóknak kevésbé nyerte el a tetszését. Ugyanakkor ahogy Csajbók-Twerefou Ildikó is megállapította, ez a dal „nagyon jól alkalmazható a szovjet éra társadalmi viszonyainak szemléletes bemutatására, például a *Bevezetés a huszadik század Oroszországába: történelem, politika, társadalom* című tantárgy oktatásához" (Csajbók-Twerefou 2013). Az elmondottak művészi alátámasztására közöljük az utóbbi dal szövegének egy részét eredetiben és angol nyelvű fordításban, ahogy a ghánai hallgatók megismerhették:[2]

А ЛЮДИ ВСЁ РОПТАЛИ И РОПТАЛИ	AND PEOPLE ALL MURMURED, AND MURMURED
А люди всё роптали и роптали, *А люди справедливости хотят:* *– Мы в очереди первые стояли,* *А те, кто сзади нас, – уже едят.*	*And people all murmured, and murmured, And people want justice:* *"We were standing in the queue first,* *And those who are behind us already eat!"*
Им объяснили, чтобы не ругаться: *– Мы просим вас, уйдите, дорогие!* *Те, кто едят, ведь это – иностранцы,* *А вы, прошу прощенья, кто такие?*	*They were told not to curse:* *"We beg you, go away, dear!* *Those who eat – it's foreigners* *And you, I beg your pardon, who are you?"*

[2] Az orosz nyelvű eredeti szöveg a Tilalmakat szegve című Viszockij-kötetből (szerk. Viczai P)., az angol nyelvű fordítás a www.kulichki.com honlapról került felhasználásra.

А люди всё роптали и роптали,
А люди справедливости хотят:
– Мы в очереди первые стояли,
А те, кто сзади нас, – уже едят.

Но снова объяснил администратор:
– Я вас прошу, уйдите, дорогие!
Те, кто едят, ведь это – делегаты,
А вы, прошу прощенья, кто такие?

(припев)

And people are screaming and shouting, And people want justice:
"Well, how so?" We were standing in the queue first, And those who are behind us already eat!" But again, the administrator explained:
"I beg you, go away, dear!
Those who eat – it's there, delegates,
And you, I beg your pardon, who are you?"

(refrain)

A harmad- illetve negyedéven főként a *Fordítás elmélete és gyakorlata haladóknak*, valamint a *Nyelvhasználat és Országismeret* tárgyak adnak lehetőséget Viszockij műveinek bemutatására, míg például a *Szovjet-orosz irodalom a XX. században (választott költők/írók)* című tantárgy csaknem teljes egészében felépíthető a legendás művész munkásságára. Utóbbi esetben komplett program kidolgozására lenne szükség, a már meglévő oktatási tapasztalatok átvétele mellett, bizonyos módosítások végrehajtásával a kulturális és civilizációs különbségekből eredő ghánai realitásokhoz igazodva. Csajbók-Twerefou Ildikó a következőket tartja fontosnak ezzel kapcsolatban: „Az európai oktatóknak nem feltétlenül kell sok időt szánni Viszockij korának bemutatására, míg egy ghánai tanárnak igen, hiszen a 60-as és 70-es évek ghánai belpolitikája (puccsok sorozata szőtte át), egészen más volt, mint Közép-Kelet-Európában. Ugyancsak nehézséget jelenthet Viszockij életének *megértése* az afrikai hallgatók számára. Ghánában ugyanis kevés az olyan ember, aki az élvezeti cikkek, az alkohol, a cigaretta vagy a drogok igazi rabja. Talán a széles körben elterjedt vallásosság szab gátat ezeknek. De az is lehet, hogy az éghajlat: a meleg és a levegő rendkívül magas páratartalma miatt lehetnek viszonylag kevesen a rendszeresen dohányzók és alkoholt fogyasztók. Természetesen azért az enyhe drogok viszonylag gyakoriak, életkortól és lakhelytől függetlenül, főleg a kevéssé iskolázott férfiak vagy nők körében. Tehát Viszockij életvitele nemigen illik bele a ghánai társadalom által elvárt példaképbe. Ezért, amikor életének különböző *sötét* pillanatai kerülnek megvilágításra, a hallgatóknak több időre lesz szükségük, hogy megértsék a költő személyét, illetve viselkedésének indítékait” (Csajbók-Twerefou 2013).

Az elmondottak igazolására nagyszerű lehetőség volt a 2010/2011-es tanév első felében összeállított jubileumi Viszockij-est a költő halálának harmincadik évfordulója alkalmából, amelyet a diákok ma is emlegetnek. A rendezvény azt is tudatosította a hallgatókban, hogy érdemes ilyen és ehhez hasonló programokon részt venni, mert az órákon elsajátítható tananyag az óraszám folyamatos csökkenése következtében egyre inkább redukálódik. Ezért a *Viszockij és Afrika* című rendezvényhez hasonló színvonalas műsorok éves

rendszerességgel kerülnek megrendezésre a Ghánai Állami Egyetemen az intézmény égisze alatt működő Orosz Klub segítségével és közreműködésével.

A jubileumi Viszockij-délután keretében, amelyre a ghánai orosz nagykövetség képviselői is ellátogattak, a költő művei hangzottak el oroszul és angolul egyaránt. A művész életéről szóló zenés dokumentumfilm is nagy sikert aratott, amely Vlagyimir Viszockij és felesége, Marina Vlady francia színésznő együtt töltött közös éveit mutatta be. A rendezvény programjának kiemelkedő műsorszáma volt, amikor a ghánai hallgatók Viszockij verseit szavalták angolul és eredetiben. Az orosz nagykövetség két diplomatája korántsem volt felkészülve egy ilyen jellegű meglepetésre a Guineai-öböl partján található Ghánában. Érdekes volt megfigyelni, hogy a fekete bőrű egyetemisták milyen átszellemült lelkesedéssel közvetítették a legendás bárd és színészzseni költői munkásságát az érdeklődő hallgatóság felé.

A rendezvényt követően közvélemény kutatásra került sor a jelenlévők körében az est színvonalát, valamint gyakorlati hasznosságát illetően az alábbi kérdések segítségével:

1. Hogy tetszett Önnek a *Viszockij és Afrika* című rendezvény?
2. Ön szerint miben és mennyire volt hasznos a jubileumi est programja?
3. Szeretné-e, hogy a jövőben is legyenek hasonló orosz nyelvi és kulturális rendezvények?

A felmérésben résztvevő mintegy harmincöt ghánai hallgató rendkívül pozitív válaszokat adott az említett kérdésekre, amelyek eredményeit jelen cikk keretében, a terjedelmi korlátokra való tekintettel nem áll módunkban ismertetni. Ugyanakkor fontosnak tartjuk közzétenni Leonyid Volodarszkij modern orosz költő Viszockijról szóló, a legendás bárd munkásságát méltató versét Szöllősi Dávid fordításában, amely a nagy sikerű ghánai rendezvény mottójául is szolgálhatna:

L. Volodarszkij: Beszéljünk „viszockiul”

Mondd ki: Viszockij, akármelyik nyelven,
és fölzeng a bárd neve, mint a gitár!
Nem tudom, sorsa mi lesz a jövőben,
de most ez a név, e gitár – csoda pár.
Nagyszerű nász, ami templomi nem volt,
az Istennek mégis oly kedves e frigy;
nótájuk nyelveken számosan korholt:
hogy bár nekünk fontos,
de káros ez így!
Hallod-e Föld, ha viszockiji nyelv van,
hát szánj neki egy napot, percet akár;
élj vele lelkesült pillanatokban,

és hagyd kis időre a dolgokat már!
Merjed az ENSZ felé azt javasolni:
új lingua franca legyen a „viszocki”!

(Szőlössi Dávid fordítása)

Tapasztalatainkat összegezve megállapítható, hogy a Ghánai Állami Egyetem gazdag, változatos oktatási programja kiváló lehetőséget nyújt a szovjet-orosz kultúra, többek között a legendás művészzseni, Vlagyimir Viszockij költői munkásságának részletes és alaposabb megismertetésére a ghánai hallgatósággal. Állításunkat alátámasztja az a fokozott érdeklődés, illetve a téma iránti befogadó készség, amely a ghánai hallgatók esetében a tragikus sorsú bárd élete és sajátos művészete kapcsán tapasztalható.

Irodalom

Вицаи П. (2013) Вокруг Высоцкого. Будапешт.

Чайбок-Тверефу И. – Вицаи П. (2011) Русский язык набирает обороты в Гане //Русский язык за рубежом, 2011./3. С.100-104.

Csajbók-Twerefou I. (2013) Új oktatásmódszertani lehetőségek a Ghánai Állami Egyetemen: Viszockij dalai az orosz nyelvi képzésben. Viszockij-tanulmányok-2013. (szerk.Viczai P.) Régiók Interkulturális és Orosz Nyelvi Egyesülete. Budapest, p. 43-53.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 473-478
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.473

Natalija Vidmarović – Dubravka Pleše
(Zagreb, Hrvatska)

HAGIOGRAFSKA TRADICIJA U ŽITIJU PROTOPOPA AVVAKUMA

Abstract: The paper describes similarities and differences of The Life of Archpriest Avvakum and the hagiography tradition. The conclusion is that, while generally the hagiographical composition scheme and particular motives are preserved, this text cannot be called hagiography due to many autobiographical characteristics of the text, that makes impossible to manifest such merits as humbleness, sobriety and dispassion of the main character – the saint. The mixture of sublime style and colloquialisms tells about weakening of the sense of hagiographical language peculiarity.

Keywords: hagiography, raskol, Avvakum, language

Žitiju protopopa Avvakuma pripada posebno mjesto u ruskoj književnosti 17. stoljeća jer se radi o pisanom spomeniku koji stoji na razmeđi dvaju velikih razdoblja ruske književnosti – srednjovjekovne i novoga doba. Nastalo je u izuzetno složenom i nemirnom vremenu dubokih promjena u svim slojevima ruskog društva od kojih je zacijelo najteža bila crkvena reforma. Reformu je pokrenuo patrijarh Nikon s ciljem ujednačavanja crkvenih obreda te ispravljanja crkvenih knjiga u skladu sa starim grčkim originalima - predlošcima. To je izazvalo pravu buru različitih mišljenja jer je izuzetno teško bilo utvrditi što je, zapravo, točan izvornik. Naime, postojali su brojni prijevodi i mnoštvo prijepisa koji su se međusobno razlikovali u većoj ili manjoj mjeri. S druge pak strane, ni crkveni se obredi nisu svodili na vanjštinu. Imali su duboki unutrašnji smisao, tako da je bilo koje zadiranje u obred smatrano zadiranjem u čistoću crkvene dogme, dakle, herezom koja vodi vjernike u propast. Uostalom, upravo se iz tih razloga *Žitije protopopa Avvakuma* na početku otvara opširnom filozofsko-religioznom raspravom o takvim promjenama, pri čemu se njegov autor, protopop Avvakum, poziva na jednoga od najvećih crkvenih autoriteta, inače učenika apostola Pavla – Dionisija Areopagita.

Kao što je poznato, Nikonova je reforma naišla na veliki otpor zaštitnika „*stariny",* i za mnoge od njih taj je otpor imao tragične posljedice, da bi u konačnici doveo do raskola pravoslavne Rusije. Vođa pokreta za očuvanje starih obreda i drevnih tradicija postao je protopop Avvakum. Dobar dio svojega života proveo je u progonstvu u Istočnom Sibiru, a kako je bio ustrajan u obrani vlastitih pogleda koje je najiskrenije smatrao pravom istinom, koncem 1667. godine završio je u zatočeništvu u gradiću Pustozersk na ušću rijeke Pečore. Ondje je proveo petnaest godina života, sve do smrti na lomači 14. travnja 1682. godine. Ondje je napisao i svoje *Žitije* koje i danas izaziva veliku pozornost i brojna pitanja od kojih je jedno i pitanje veze Avvakumova djela s hagiografijom. Međutim, kako je građa vezana za *Žitije* Avvakuma preopširna i

složena, u ovom ćemo članku, samo ukratko ukazati na pojedine detalje koji se tiču sličnosti i razlika sa starom hagiografskom tradicijom.

Svoje *Žitije* Avvakum je pisao u razdoblju od 1669. do 1675. godine. Kao autor vlastitoga *Žitija* nije sebe doživljavao kao književnika. Pisanju se okrenuo jer je bio lišen mogućnosti ne samo obavljanja svećeničke službe već i neposredne komunikacije sa svojim istomišljenicima - pristalicama „starih obreda" i brojnom duhovnom djecom. Uostalom, već na početku *Žitija* stoji: „*Аввакум протопоп понужен бысть житие свое написати иноком Епифанием, понеже отец ему духовной инок, да не забвению предано будет дело Божие; и сего ради понужен бысть отцем духовным на славу Христу, Богу нашему. Аминь"* (Житие: 11). Pisanje je, dakle, za Avvakuma postalo svojevrsno poslušanje kao što proizlazi iz netom citiranih riječi, koje pripadaju monahu Soloveckoga manastira Epifaniju[1]. Namjera sačuvati i obznaniti istinu u slavu Boga posve je u skladu s žitijnom tradicijom jer služi hagiografu opravdanjem u njegovu „drskom pothvatu" kakvim je smatrao hagiograf vlastitu namjeru opisati životni put i podvižništvo sveca. Za obavljanje takvoga posla trebao je Božju blagodat za koju se usrdno molio Bogu na početku *Žitija* (čega ima i u *Žitiju* Avvakuma), dok je pisanju pristupao sa strahom Božjim, vjerom i ljubavlju.

Upravo ovdje i počinju nedoumice, jer, iako riječi o razlozima pisanja ne pripadaju samom Avvakumu, ipak „Božje djelo" nevoljko se povezuje sa ličnošću i životnim putem Avvakuma, koji, kao što znamo, nikada nije kanoniziran. Već iz toga razloga nikako ne možemo govoriti o *Žitiju* Avvakuma kao o klasičnom hagiografskom djelu.

Pojedini istraživači ukazuju na činjenicu da je i prije Avvakuma bilo autobiografskih radova koje su pisali svetitelji sami i pustinjaci, tako da Avvakumovo *Žitije* možda i nije presedan. Tako se primjerice, početkom 17. stoljeća na otoku Anzer Soloveckoga otočja podvizavao sv. Eleazar Anzerskij koji je napisao *Житие Елеазара Анзерского, написанное им самим.* Štoviše, bio je suvremenik patrijarha Nikona koji je uvijek posebno brinuo o Anzerskim monasima. Ipak, pažljivo čitanje otkriva da niti po ciljevima, niti po tonu, a niti po jeziku ta dva teksta uopće nisu usporediva.

U zabludu prije svega može dovesti činjenica da se Avvakum uglavnom pridržava kanonske hagiografske sheme i koristi pojedine ustaljene motive i jezične formule koji se pojavljuju u žitijima što i ne iznenađuje jer je Avvakum ipak vezan uz tradicionalnu srednjovjekovnu književnost koju je smatrao svetom.

Slijedeći hagiografiju Avvakum opisuje svoje djetinjstvo i mladost, crkvenu službu i progonstvo. Kao i većina ruskih svetaca, Avvakum potječe iz pobožne obitelji – njegov otac, Petar i sam je bio svećenik a majka je bila vjernica koja se kasnije odlučila za odlazak u manastir. Poput hagiografskih likova i Avvakum je pobožan od ranoga djetinjstva („и с тех мест обыкох по вся

[1] Monah Epifanije spaljen je zajedno s protopopom Avvakumom 1682. godine.

нощи молитися“, [Житие: 17]). Majka pronalazi Avvakumu djevojku koja je slična njemu po stavovima i načinu života („беспрестанно обыкла ходить во церковь“, [Житие: 17]) i nakon sinove ženidbe odlazi u manastir. Avvakum bira svećenički poziv i poput junaka u staroruskim žitijima, stječe sljedbenike i duhovnu djecu: „А егда в попах был, тогда имел у себя детей духовных много, - по се время сот с пять или с шесть будет“ (Житие: 17). Ipak, nije želio ostati na jednom mjestu već poput apostola kreće na putovanja i propovijeda riječ Božiju: „прилежа во церквах, и в домех, и на распутиях, по градом и селам, /.../, проповедуя и уча слову Божию“ (Житие: 17). Kao i junake žitija, i njega napadaju zli duhovi, više puta trpi velika iskušenja. Spomenimo da je jedno od njih podsjeća na iskušenje sv. Jakova Pustinjaka kojemu dolazi bludnica dok on sam, kako bi obuzdao strast, drži ruku na vatri. Zanimljiva je i epizoda s glumcima i medvjedima koje je Avvakum rastjerao zabranivši nečastive plesove što je opet slično prizoru opisanom u Žitiju Feodosija Pečerskoga, kada je knez Izjaslav, postiđen riječima sveca obustavljao sviranje i zabave u svojem dvorcu svaki puta kada bi njemu dolazio sveti Feodosije.

Potrebno je svakako spomenuti i brojna čudesa koja se događaju Avvakumu, poput javljanja anđela koji ga spašava od gladi ili pak njegovih proročkih snova. Među potonjima je možda najupečatljiviji prizor triju lađa koje je sanjao Avvakum: prve dvije su zlatne sa zlatnim veslama i pripadaju Luki i Lavrentiju, njegovim duhovnim sinovima koji su bogougodno završili živote dok je treća lađa Avvakumova. Ona izgleda neobično, ukrašena je svim bojama, i njome upravlja prekrasni mladić koji očito simbolizira anđela. Brod je namijenjen Avvakumu i obitelji koji će se upustiti u tešku i dramatičnu plovidbu životnim morem ili kako se kaže u mnogim žitijima „многомутным житейским морем“. Ovaj san, zapravo, ukazuje na težak put mučeništva koji Avvakumu tek predstoji. Međutim Avvakum u svemu vidi prst Božji te je siguran da Bog najteže iskušava upravo one koje najviše voli. U svojoj je ispovijedi tolerantan i trpeljiv čak i prema onima koji su ga mučili i zlostavljali jer smatra da to nije njihovo djelo nego djelo vraga koji ih je zaposjeo te zato nisu znali što rade. Na taj se način prispodobljuje Isusu koji je i na križu molio za svoje mučitelje. Ipak, kada spominje patrijarha Nikona, ne može suzdržati gorčinu i gnjev tako da za njega često pronalazi vrlo teške riječi.

Najveći dio *Žitija* posvećen je upravo Avvakumovoj borbi protiv Nikonovih reformi koju on sam smatra borbom za Božje djelo, tako da zapravo i čitatelja na neki način nastoji pridobiti za takvu borbu. To i ne začuđuje ako se uzme u obzir da Avvakum nastupa kao osoba u potpunosti privržena ideji te sebi zacrtava najviše ciljeve i kažnjava se zbog najmanjih propusta. Njegova je želja podnijeti mučeništvo radi vjere te na taj način nalikovati apostolima i drugim svecima koji su svoja uvjerenja branili krvlju. Sva muka i patnja koju opisuje te njegova smrt na lomači imaju samo jednu svrhu – oduprijeti se promjeni i izboriti se za ono što smatra ispravnim. I u tome se dakle nazire sličnost sa srednjovjekovnim žitijima koja također govore o mučenicima za vjeru. Čak se i

samo mjesto Avvakumova progonstva – sjever i divlje Daurske stepe može shvatiti kao pustinja u kojoj su se podvizavali asketi radi duševnoga i tjelesnoga preobraženja.

Ipak, to je preobraženje podrazumijevalo prije svega pobjedu nad strastima i njihovo potpuno prevladavanje što u Avvakuma nije slučaj. Nedvojbena je njegova iskrenost i otvorenost kada govori o teškoćama i iskušenjima na koje je nailazio, o radostima i uspjesima na svojem životnom putu, o viđenjima i čudesima, o sjećanjima i susretima s različitim ljudima. Čvrsto, gotovo stoički on pripovijeda o mukama koje je morao pretrpjeti i spreman je trpjeti i dalje i ovakva njegova ustrajnost i čvrstoća izgledaju (i za njega samoga) kao dokaz ispravnosti ideja za koje je, na kraju, bio voljan žrtvovati i vlastiti život.

Upravo strastvenost i patetičnost koji doprinose dinamičnosti, slikovitosti i uvjerljivosti Avvakumova djela udaljuju *Žitije* od klasične hagiografije. Lik Avvakuma je lik iskrene, pravedne, duhovno snažne osobe, a ne lik verbalne ikone, kako inače nazivaju hagiografiju, izvanvremenski i izvanprostorni lik. Između ostaloga u djelu se vidi i promjena u shvaćanju vremena budući da se u *Žitiju* pojavljuje perspektiva vremena za razliku od hagiografije Kada bismo čak i pretpostavili da je *Žitije* pisao netko drugi, dok je Avvakum samo opisivani junak, opet bismo teško mogli zamisliti njega kao ikonu, dakle kao kanonizirani lik. I njegovo *Žitije* od početka i do kraja nalikuje monologu u kojem autor pripovijeda čitatelju vlastiti život žaleći se i tražeći utjehu, očekujući suosjećanje.

Još jedna specifičnost vidi se i u odnosu autora prema čudesima i snovima koji su za njega nesumnjivo vjerodostojni. Ipak, s obzirom na kazivanje Avvakuma kao autora, ili na vlastitu procjenu čudesnoga događaja, mogli bismo se zapitati o duhovnom „trezveniju“ („трезвение“) na kojem su izričito inzistirali mnogi Crkveni Oci i asketi. Oni su smatrali da se prema čudesima treba odnositi s velikom rezervom jer se može raditi o duhovnoj obmani („prelesti“).

Neobičan je i jezik *Žitija*. Smatra se da Avvakum koristi obični, svakodnevni jezik zato što je svoje djelo namijenio novom tipu čitatelja – običnom čovjeku, i zato što opisuje društvenu i socijalnu svakodnevicu. Ipak, to je dosta sporno jer su se i srednjovjekovne hagiografije orijentirale na čitatelje svih društvenih slojeva, a pisane su izuzetno probranim, složenim i lijepim jezikom. Ali kako je riječ o intimnoj ispovijedi za razliku od srednjovjekovnih žitija jezik je ovdje nešto drukčiji. Govoreći o jeziku crkvenih djela koji se našao u središtu pozornosti tijekom borbe između pristaša patrijarha Nikona i njegovih protivnika na čelu s Avvakumom, potrebno je reći da se Avvakum zalagao da se u djelima prije svega koristi ruski jezik bez ikakvih grčkih primjesa ili dodataka. Pod time se podrazumijeva da je potrebno usredotočiti se na visoki stil čiji se najbolji obrasci nalaze u starim knjigama. Činjenica da su se s vremenom, prilikom prepisivanja, u tekstu mogle potkrasti (i doista su se potkradale) pogreške zbog čega su promjene bile neophodne, za Avvakuma nije baš bila previše uvjerljiva. Ruski jezik je za njega prije svega jezik

starinskih ispravnih knjiga i bitno je da takav i ostane. Ako već u jezik ulazi nešto novo, neka to budu izrazi i riječi iz narodnoga jezika, dakle, ruskog i nikako grčkog. On ga i sam obilato koristi u svim svojim radovima.

Avvakum svoje vrijeme vidi kao doba raskola između Boga i čovjeka koji će čovjeka, u konačnici, potpuno upropastiti: „мните себе исправляти, под титлом, и исправляете, чем далее, тем глубее во дно адово себе низводите. И тому мнимому вашему исправлению конца не будет, дондеже не останется в вас ни една малейшая жилица христианская“ (*Послание*). No, iako je Avvakum i sam sudjelovao u ispravljanju knjiga u vrijeme prije Nikona te nije *a priori* bio protiv unošenja promjena, smatrao je da su Nikonove promjene uvedene iz političkih potreba dok su njegove, Avvakumove, bile unošene zbog postizanja Božje pravde. U tome se sastoji paradoks vlastite nekritičnosti.

Najneobičnija je pak u *Žitiju* činjenica da Avvakum zapravo krši najvažnije pravilo hagiografije u skladu s kojim je pisati o sebi vrh samomnijenja („самомнения“), dakle gordosti, što se smatralo jednim od najtežih grijehova. U tom smislu neobično je i uspoređivanje samoga sebe s apostolima koji su stradavali za vjeru pa i povlačenje paralela između pomrčine sunca na početku *Žitija* i nesretnih događaja koji su nakon toga uslijedili: uz bolesti, proglašenje novih crkvenih zakona i *Avvakumovo utamnjičenje*. Međutim, Avvakum se opravdava time da poput apostola ima pravo propovijedati. Takav njegov stav i iskrenost s kojom piše pridaju njegovim djelima, bez obzira na mješavinu visokog slavenskog jezika i jezika svakodnevnog, povremeno čak i grubog, nevjerojatnu uvjerljivost i toplinu. Ovo Avvakumovo djelo predstavlja temelj mnoštvu kasnijih žitija-biografija, ali time se i odmiče od klasične hagiografije kako u kanonskoj građi tako i kanonskom jezičnom verbalizmu.

Nakon što je u prvom djelu svog životopisa definirao i obranio kanon vjere, u drugom djelu saznajemo Avvakumovu životnu priču. I na taj način Avvakumov život izgleda kao primjer svima koji žele braniti pravu vjeru – ali isključivo po njegovu mišljenju i prema njegovoj procjeni. Dakle, za razliku od hagiografije u kojoj hagiograf prikazuje život sveca kao ideal čovjeka koji se uspio približiti savršenom čovještvu, Avvakum nudi svoj vlastiti život, dakle sebe samoga kao takav uzor. Dakako, samo ukoliko prihvatimo da je njegov životopis istovremeno i žitije što po našem mišljenju zapravo i nije.

Literatura

Анзер и его святыни. (2010) Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь.

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. (2010) Издательская Группа «Азбука- классика». Санкт-Петербург.

Житие Феодосия Печерского. (1990) Дмитриев, Л. (сост.) Литература Древней Руси. Хрестоматия. Высшая школа. Москва. С. 76-103.

Камчатнов, А.М. (2005) История русского литературного языка XI - первая половина XIX века. ACADEMIA. Москва
Лихачев, Д.С. (1987) Развитие русской литературы X-XVII веков: Эпохи и стили. Избранные работы. В 3 т. Ленинград. Т.1.
Послание Аввакума протопопа к Андрею Клещееву. URL: http://www.russkiykrest.com/16-19/Avvakum-klesheevu.htm

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 479-488
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.479

Irena Vodopija – Dubravka Smajić
(Osijek, Hrvatska)

STARI ILOČKI KULINARSKI LEKSIK

Abstract: This paper will present Ilok speech and culinary lexicon of Ilok documented in two old Ilok cook books from the two previous centuries: in "Kuvarka" by Barbara Klasanović from 1896 and the collection of recipes by Zorka Kovačić from 1947.

Phonological, morphological and syntactic versions of Croatian culinary lexicon will be discussed. Words and expressions that entered Ilok speech from German, Turkish and Hungarian, directly or indirectly, will be described and compared. The reasons for linguistic borrowing in the local speech were numerous migrations of the population in Ilok area.

Keywords: culinary lexicon, Ilok speech, German loanwords, Turkish loanwords, Hungarian loanwords, local version of Croatian culinary lexicon

Predmet istraživanja Slavonije

Istraživanje *Kuharica kao svjedok i čuvarica kulture, vremena i jezika u na prostoru istočne Slavonije* temelji se na prikupljanju i analizi dostupnih kuharica, odnosno zbirki recepata s toga područja.

Predmet interesa i istraživanja pojavio se slučajno. Došla nam je u ruke kopija stare kuharice koja je izazvala pozornost ponajprije naslovom (*Kuvarka*), potom godinom zabilježenom na prvoj stranici (1896.), nazivima jela i najposlije vrlo urednim rukopisom. Tako je *Kuvarka* postala poticaj za istraživanje samih zapisa recepata, naziva jela, naziva za posuđe, sastojaka, mjera, opisa i uputa za pripremu jela i dakako jezika kojim je pisana.

U međuvremenu dolazimo do još jedne zbirke recepata iz sredine 20. stoljeća. Nametnula se misao kako bi se zbirke recepata mogle na temelju određenih elemenata usporediti i tako se jednokratna analiza pretvorila u istraživanje koje je još u tijeku.

Istraživanje *Kuharica kao svjedok i čuvarica kulture, vremena i jezika u istočnoj Slavoniji* temelji se na analizi (zasad) dviju dostupnih rukopisnih kuharica, odnosno točnije – zbirki recepata.

Kuharice ili zbirke recepata

Na početku se nametnulo terminološko pitanje. Govori li se o kuharicama ili samo o zbirkama recepata? Pojam kuharica ne nalazimo u svim rječnicima. Pronađeno je sljedeće određenje: „1 a) Ž. spol prema kuhar, b) pejor. prosta i neuglađena ženska osoba; 2. etnol. platno izvedeno i ukrašeno crtežom i tekstom izvedenima ručnim radom koncem, izvješeno u kuhinji, obično iznad štednjaka; 3. knjiga kuharskih recepata." (Anić 1998: 464). Pomalo je neobično što se pojam kuharice kao zbirke recepata javlja kao treće, a ne drugo značenje

navedenoga pojma. Na isti se način navedeni pojam određuje i u Hrvatskom enciklopedijskom rječniku (Anić 2003: 643).

Ako bismo se držali određenja kuharice kao knjige, što neki jezici u sebi impliciraju, kao npr. engleski *cookbook*, njemački *Kochbuch*, mađarski *szakácskönyv*, a u hrvatskom se jeziku tek u tumačenju pojma određuje da je to knjiga (recepata), predmet ovoga istraživanja, dakle, ne bi bile kuharice (knjige), nego rukopisne zbirke recepata. Međutim, prvi rukopis nosi naziv *Kuvarka*, a da je bio tiskan, mogao je ponijeti naziv kuharice.

Kako je istraživanje dobilo naziv prema najprije analiziranoj *Kuvarki*, držat ćemo se prvotnoga naziva uvažavajući naslov originala, ali ćemo ipak razlikovati kuharicu od zbirke recepata.

Drugi rukopis samo je zbirka koja jedino nosi ime svoje vlasnice, zapisivačice, kako je zabilježeno na prvoj stranici, *Kovačić Zorke*. Ponekad se govori o obiteljskim kuharicama i pritom se misli na zapise recepata koji su se godinama čuvali u obiteljima. Prema tome, nije lako odrediti granicu između zbirke recepata i kuharice. Pojam kuharica može biti atribuiran kao narodna, internacionalna, nacionalna, etnička, povijesna, instruktivna, profesionalna, obiteljska itd. Za posljednju navedenu vrstu – obiteljsku kuharicu – može se reći kako pripada pučkom stvaralaštvu i pučkoj literaturi budući da su ljudi oduvijek prikupljali tradicionalne recepte bilježili ih i čuvali u svojim (uvjetno rečeno) obiteljskim kuharicama. Prema tomu se može vidjeti da pojam kuharice ponekad može pokrivati i šire semantičko polje od navedenoga u rječnicima.

U našem će se istraživanju ipak uvažavati razlika između kuharice i zbirke recepata, ali ćemo radi lakšega imenovanja prvu analiziranu zbirku nazivati *Kuvarka Barbare Klasanović*, a drugu *Zbirkom recepata Zorke Kovačić*.

Prostor i vrijeme

Prostor s kojega potječu zbirke recepata istočna je Hrvatska, gradić Ilok. Ilok je mjesto duge, bogate i burne prošlosti. Smješten je u Vukovarsko-srijemskoj županiji na desnoj obali Dunava, a na zapadnim obroncima Fruške gore.

Nalazi kamenoga oruđa i keramike upućuju na život još u kameno doba. Iz bakrenoga doba postoje tragovi badenske, vučedolske i vinkovačke kulture. U brončano doba na taj prostor dolaze ilirsko-panonska i tračko-dačka plemena. U starije željezno doba pristižu Iliri, a u mlađe željezno doba Kelti. Rimljani osvajaju prostore sve do Dunava i na mjestu današnjega Iloka osnivaju utvrdu Cuccium. Za seobe naroda doseljavaju se tu Hrvati, a to područje od 1102. ulazi u državno zajedništvo s Ugarskom. Turci zaposjedaju Ilok 1526. i vladaju sve do 1688. godine.

Austrijska vojska ulazi u Ilok 1697. pa grad potpada pod upravu austrijske carske vojske i Dvorske komore, a prelazi u vlasništvo obitelji Odescalchi (Štebih 2003: 294).

Poslije odlaska Turaka u Ilok dolaze Hrvati iz okolnih naselja, Bačke, Dalmacije, Like, Srbi iz Bačke i Srbije, a u drugoj polovini 19. stoljeća od

drugih naroda u najvećem broju pristižu Slovaci, potom Nijemci, Mađari i Židovi.

U 20. stoljeću dva svjetska i Domovinski rat uzrokom su migracijama stanovništva. Nakon Drugoga svjetskoga rata iz Iloka gotovo nestaju Židovi i Nijemci. Doseljavaju se Vojvođani i Žumberčani, a potom Hercegovci. Iločki starosjedioci odlaze u Njemačku, Austriju i Australiju. Danas u Iloku većinsko stanovništvo čine Hrvati, a od manjina prisutni su Srbi, Slovaci, Mađari i Nijemci.

Ilok je u svojoj povijesti imao važnu administrativnu, kulturnu i prosvjetnu ulogu. Od 1745. Ilok postaje sjedištem podžupana Županije srijemske tako da grad ima liječnika, općinsko poglavarstvo, poštanski ured, javne bilježnike, odvjetničke urede, ali i brojne obrtnike (Štebih 2003: 294).

Znano je da su promjene u jeziku između ostaloga uzrokovane ratovima i migracijama stanovništva. Sva ukratko navedena povijesna zbivanja, posebno dodiri pripadnika različitih nacionalnosti, dovode i jezike u kontakt. Tako je hrvatski jezik u Iloku bio u kontaktu s turskim, njemačkim, slovačkim, mađarskim, srpskim, što se u izvjesnoj, manjoj ili većoj mjeri očituje i u zapisima recepata koji su predmet naše analize.

Obilježja dvaju rukopisnih zapisa recepata

Kao što je navedeno, u radu je riječ o rukopisnim zapisima recepata s istoka Hrvatske, iz Iloka. Prva zbirka recepata naslovljena je *Kuvarka,* s imenom Barbare Klasanović na naslovnoj stranici na kojoj je zabilježena i godina 1896., dok se na posljednjoj stranici ističe godina 1872. Druga, nenaslovljena, zbirka je recepata Zorke Kovačić iz 1947. Iz navedenih godina može se zaključiti da te dvije zbirke recepata dijeli više od pola stoljeća, točnije 75 godina. Prvu je kuharicu zapisao izvjesni M.K., ili kako sam kaže „napisatelj iliti prepisatelj“, bilježeći i nadnevak „15. Septembera 1872.“. Istražujući, došlo se do pretpostavke kako je zapisivač *Kuvarke* bio svećenik Marko Klasanović, brat supruga Barbare Klasanović. Ime Barbare Klasanović stoji na naslovnoj stranici, ali u prvi mah zbunjuje godina 1896. Između dviju navedenih godina, one na prvoj i one na posljednjoj stranici, vremenski je raspon od 24 godine. Naime, godina koja stoji na prvoj stranici ne govori o nastanku kuharice, nego je godina koju je netko ubilježio uz ime Barbare Klasanović, koja je recepte najvjerojatnije kazivala, a možda i sama zapisivala, a potom ih je navedeni M.K. zapisao ili prepisao. Pretpostavljamo, dakle, kako je zbirka nastajala tijekom određenoga vremena i kako je njezin prijepis i/ili zapis dovršen 1872. Također pretpostavljamo kako je tko od potomaka, odnosno nasljednika u obitelji shvatio da se radi o vrijednoj zbirci pa je upisao godinu 1896. (i tako nesvjesno i nenamjerno izazvao zabunu u datiranju nastanka zbirke).

Druga zbirka recepata, s istaknutom godinom 1947., nepotpuna je. Recepte je zapisivala Zorka (Zora Jela Mira) Kovačić, rođena Matković. Zorka Kovačić rođena je u građanskoj obitelji 18. srpnja 1921. u Iloku u kojem je i umrla 26.prosinca 1974. Prema sjećanjima sugrađana pohađala je (vjerojatno)

građansku školu, a bavila se pripremanjem i prodajom kolača. Njezina zbirka nije naslovljena, obuhvaća samo recepte kolača, ali prema iskazima (sjećanjima) zbirka je bila cjelovita, tj. sadržavala je i recepte ostalih jela, a pretpostavlja se da se nalazi u privatnom posjedu u Zagrebu. Recepti su zapisivani u bilježnicu s rubno utisnutom abecedom, pa se i prema izostanku nekih slova abecede zaključuje kako rukopis nije cjelovit. Međutim, i kao necjelovit bio je također vrijedan predložak za istraživanje.

Dakle, kao što je rečeno, dvije zbirke recepata dijeli 75 godina pa je zanimljiva njihova usporedba, na temelju komparativnih elemenata. Kao elementi komparacije javljaju se rukopis, struktura zbirke, oblik zapisa, sadržaj, naslovi/nazivi recepata, jezik (dijalekt, leksik, pravopis i dr.) i stil.

Vanjska obilježja

Usporedbom vanjskih obilježja uočavaju se sličnosti - obje su rukopisne zbirke recepata i obje potječu s istoga prostora. Ujedinjuje ih, dakle, prostor istočne Slavonije, odnosno grad Ilok. Obje su ostale kao rukopisni obiteljski zapisi. Takve zbirke zadržavaju duh svojega vremena, ali su po svojoj namjeni povezane i sa sličnim privatnim zapisima recepata kakvih i danas ima.

Promatraju li se formalna obilježja teksta, zamjećuje se istovrsna struktura. Svaki pojedinačni zapis tekst je kojemu je osnovni razlog postanka semantički i informacijski. Svaki od zapisa ima gotovo istovjetnu formalnu strukturu, a isto tako i informativno-semantički sloj. Zapisi se javljaju prema sljedećem formulaičnom obliku – naziv jela, sastojci te uputa za pripremu. Po tome se takvi zapisi mogu motriti i kao pučki fenomen, budući da formulaičnost olakšava čitanje (ali i postupak spravljanja jela). Obje zbirke imaju gotovo jednaku vizualnu organizaciju jezičnoga materijala. Međutim, kako je *Zbirka recepata* Zorke Kovačić po svojemu postanku i namjeni bila manje zahtjevna od *Kuvarke*, uz naslove recepata stoje i komentari, zabilješke: *jako fino, jako dobre (višnje za štrudlu), (kolači) od Aniške, (torta) od gđe Višnjor(?)* ili samo prezimena *Benešić, Birmanac, Ferenčić, Jelinek, Tomić, Karasović*. Sličan način atribucije recepata provodi se i danas u privatnim zapisima recepata.

Rukopis kojim je pisana (prepisana, zapisana) *Kuvarka* Barbare Klasanović uredan je ujednačen školovani rukopis ispisivan u bilježnicu bez linijature. Posebna je pozornost usmjerena na pisanje naziva jela. Nazivi su napisani krasopisom. Svaka je riječ u dvočlanom i višečlanom nazivu jela pisana velikim pisanim, ukrašenim slovom i potezima pera u oblikovanju slova – tanka crta gore, debela dolje. Slovo koje bi trebalo biti upisano u zamišljanu linijaturu omeđenu trima linijama, npr. veliko pisano K, prelazi svojim donjim krakom donju liniju spajajući se s grafemom *j* i tako podvlači cijelu riječ, primjerice u nazivu *Pečeni Kelj*. Slično se upisuju kroz tri zamišljena polja slova *M, A, T* koja ne bi trebala prelaziti donju liniju kao što to mora grafem *J*. Uzorci rukopisnoga pisma iz hrvatske tradicije pokazuju da je rukopisno pismo bilo koso, a iznimku čini razdoblje između 1892. i 1904. kada je u uporabi bilo okomito rukopisno pismo.

Vidljivo je da su obje zbirke pisane kosim rukopisnim pismom. U starijoj je zbirci pismo u nazivima jela krasopisno i veća se pozornost pridaje oblikovanju slova, dok se u drugoj ističe također važna odlika rukopisnoga pisma, a to je vezivanje slova.

Recepti Zorke Kovačić upisivani su u bilježnicu koja na rubovima stranica ima abecedna slova, ali jela nisu upisivana abecednim redom. Bilježnica ima linijaturu tako da su redovi upisa linirani. Rukopis je uredan školski, što je pogotovo uočljivo u prvom dijelu zbirke. U zapisima recepata Zorke Kovačić zamjetna su dva rukopisa (prema mišljenju troje procjenjivača). Utvrđeno je to prema grafolingvističkim osobitostima rukopisa. U zapisima Zorke Kovačić, osim dvaju, svi su tekstovi pisani istim, odnosno vrlo sličnim rukopisom, što je utvrđeno na temelju individualnih posebnosti nejezičnih sredstava – oblik slova, vezivanje slova i dijakritički znakovi. Zamjetna je rukopisna osobitost u pisanju dijakritičkoga znaka nad grafemima *č, ž, š*. Znak je napisan kao obrnuta kvačica koja se gotovo pretvara u luk iznad grafema. Uočava se i posebnost u pisanju grafema *r*. Slova su uglavnom pisana pod istim nagibom i međusobno su vezana. Izvjesna se deformacija rukopisa, kolebljivost u nagibu i vezivanju zamjećuje u zapisima nekih recepata, što se može pripisati brzini upisivanja. Pismo mijenja svoj oblik prema kraju zapisivanja što je procjenjivače navelo na mišljenje da se radi i o trećem rukopisu. Međutim, poznato je kako pismo mijenja svoj oblik s obzirom na funkcionalnu posebnost. Bilježnica sa zapisom recepata ipak je za privatnu, osobnu uporabu tako da se može pretpostaviti kako je nakon zapisa na nekoliko početnih stranica u manjoj mjeri popustila pozornost i briga za rukopis. Unatoč tomu, rukopis zadržava osnovna obilježja, tako da se može pretpostaviti kako se ipak radi o istom rukopisu. Zamjetno je kako je samo jedan zapis napisan uspravnim, prilično nevještim rukopisom tako da držimo da ga je zapisala nečija druga ruka.

Stari iločki govor u dvjema iločkim zbirkama recepata

Budući da su te dvije zbirke recepata prostorno smještene u Ilok, u zapadni Srijem, jezično pripadaju u iločku skupinu govora kao dio hrvatskoga jezičnoga prostora na kojem se govorilo i slavonskim dijalektom. Prilikom razvrstavanja hrvatskih govora, među nekim suvremenim opisivačima iločkoga govora postojale su dvojbe kamo taj govor pripada,[1] no posljednje opsežno istraživanje govora Iloka i njegove okolice, a koje je provela dijalektologinja Iva Lukežić,[2] potvrđuje da je riječ o zasebnoj vrsti govora, tzv. iločkoj skupini mjesnih govora. Nju čine govori Hrvata iz gradića Iloka i Tovarnika te sela Bapske, Lovasa i Šarengrada (Lukežić 1996.). Takvo motrište podupire i

[1] Vidi npr. smještaj i pripadnost iločkoga govora u: Lisac, Josip, *Hrvatska dijalektologija I., Hrvatski dijalekti i govori štokavskog narječja i hrvatski govori torlačkog narječja,* Zagreb, 2003.
[2] Vidi: Lukežić, I. (1996).

Ljiljana Kolenić i toj skupini dodaje još govor mjesta Ilača (Kolenić 1997: 102).[3]

O iločkom je govoru prve zapise početkom 20. stoljeća donosio Julije Benešić sastavivši *Rječnik iločkoga govora*, [4] koji je kao nedovršeno leksikografsko djelo ostao i do danas u rukopisu. Stjepan Sekereš opisao je govor iločkih Hrvata 1983. godine u istoimenoj studiji, zabilježivši taj govor izravnom metodom (Znika 2006: 157). Jezični opis užega, semantički ograničenoga korpusa iz iločkoga govora – kulinarskoga leksika – odnosit će se ponajprije i najvećim dijelom na diskurs *Kuvarke,* jer ona kao stariji tekst (19. st.) jamči izvornost toga govora, a i ta je zbirka recepata mnogo opsežnija od zbirke Zorke Kovačić.

Kulinarski leksik

Korpus odabranih leksema iz područja kulinarstva sastavljen je glavninom na temelju naziva različitih vrsta jela, odnosno iz naslova recepata iz 19. stoljeća, zapisanih u *Kuvarki* Barbare Klasanović. Odabrani leksemi pripadaju semantičkim područjima koja se odnose na sljedeće:

1. vrsta jela (npr. *sulc, čorba, paprikaš, sos, krofna, kifla, koch, šato, tarana, muškacone itd.)*
2. namirnice (npr. *pirinač, makarone, kajmak, buter, oraji, čukulada, paštrnak, gunja itd.)*
3. napitci (npr. *kafa, mleko*)
4. priprema hrane (npr. *metiti, okiseliti, osoliti, skuvati, popržiti, dinstovati, trti, nadesti, špricati itd.)*
5. dodatci jelu (npr. *peršun, sirće, cuker)*
6. posuđe (npr. *trenica, šolja, šerpenja itd.).*

U leksiku toga korpusa ima „dosta riječi inojezičnoga podrijetla, te dosta lokalizama i regionalizama, koji se od svojih istoznačnica u hrvatskom standardnom jeziku najčešće razlikuju samo po kojem gramatičkom obilježju“ (Melvinger 2011: 83).[5]

Iz proučavanoga korpusa potvrđen je u Benešićevu *Rječniku iločkoga govora*[6] tek dio leksema i njihovih oblika, a to su imenice *ajpren, dunst, fil, govedina, gunja, kajmak, kašika/kašičica, kifla, koch/kok/koka/kolač,* [7] *krofna,*

[3] Vidi i u: Kolenić, Lj. (1996).

[4] „…vrijeme nastanka Rječnika može se na temelju zabilježenih podataka u Rječniku, smjestiti u razdoblje od 1904. do1928. godine“ (Znika 2006: 157).

[5] Jasna Melvinger (2011) pisala je o kulinarskom leksiku u petrovaradinskom govoru. Dio toga leksičkog fonda preklapa se s iločkim, stoga će se ovaj rad služiti opisima jednakih leksičkih jedinica u obama govorima, a koje u svojem radu podrobno donosi J. Melvinger.

[6] O *Rječniku iločkoga govora* Julija Benešića pisali su Marija Znika i Marko Samardžija u zbornicima radova sa skupova *Dani Julija Benešića*, a Benešića kao rječničara predstavili su u istim publikacijama i Ivo Pranjković, Branko Kuna i Krešimir Mićanović.

[7] Benešić navodi sve inačice germanizma *koch* koje se u njegovo vrijeme uporabljuju u iločkome govoru.

krompir,[8] *kuglof, muškacone, oras/oraji, palačinka, pasulj/gra,*[9] *paštrnak, perece, pirinač, piškote, putar,* [10] *patliđan, peršun/peršin, rezanci, savijača/štrudla, sirće, sos, šerpa/šerpenja, šolja, tarana, trenica* te glagoli *kuvat/kuat, metit/metnit,*[11] *cedit.* Kako je Benešićev rječnik ostao nedovršen, pa je stoga i nepotpun, nije se očekivala potvrda svih leksema iz korpusa. Budući da se u istraživanju željelo doznati o uporabnoj raslojenosti tih leksema danas, ispitana je kazivačica iz Iloka Ružena Rajnović (rođ. 1947.).[12] Ona je potvrdila da od 67 ispitivanih leksema iz iločkoga kulinarstva 41 pripada i danas njezinu aktivnome rječniku, i to u jednakom obliku, a 16 leksema pasivnome rječniku. Za samo 8 leksema ustvrdila je da su joj nepoznati, a to su *spaniše* (torta), *laipciger* (torta), *lincer* (torta), *holifne,*[13] *aspik, arsetle, (*dinstovani*) rostbroten* i *kiseljak.* Od toga su prva dva naconalno-toponimskoga karaktera, a ostali su jezične prilagodbe kulinarizama iz njemačkoga i francuskoga te jedan iz srpskoga jezika. Za dva leksema (*sulcovi* i *trvena* tarana) kazivačica nije bila potpuno sigurna u poznavanje njihova značenja. Fonološkim, morfološkim, pa i semantičkim prilagodbama mnogo je germanizama, turcizama te ponešto hungarizama postalo sastavnicom staroga iločkoga kulinarskoga leksika, a znatnim dijelom i današnjega.

O germanizmima u iločkome govoru pisala je Barbara Štebih (2003.), razvrstavajući ih s obzirom na način njihove jezične prilagodbe u govoru Iločana. B. Štebih u svojem radu donosi i rječnik tih germanizama u kojem za svaki utvrđuje podrijetlo te njegovu hrvatsku standardnu inačicu. U tom rječniku potvrđeni su sljedeći germanizmi iz *Kuvarke* Barbare Klasanović: *dunst m. (<Dunstobst)* kompot; *farba f. (<Farbe)* boja; *gris m. (<Grieß)* krupica (usp. *kriz*); *kelerabа (<*donausch. *Kehlerabe)*[14] koraba; *kifla (<Kipfl)* pecivo u obliku polumjeseca, roščić; *knedla (<* bav. *Knedl)* okruglica; *krofna (<*bav.-austr. *Krapfen)* krafna; *obrst (<*beč. *Obers)* vrhnje; sos *(<bav.-austr.*

[8] U Rječniku stoji Benešićevo pitanje: *„krompir ili krumpir?“*
[9] Benešić pogrješno razgraničuje: iločki *„pasulj ili gra (srpski)“.*
[10] Benešić razgraničuje: iločki *„putar, srpski: puter“.*
[11] Benešić razgraničuje: iločki *„metit, metnit; srpski: metuti“.*
[12] S kazivačicom je razgovarala diplomantica s Učiteljskoga fakulteta u Osijeku i izvorna govornica iločkoga govora Andrea Cerovski i tako zabilježila prisutnost ispitivanih leksema u današnjem iločkom govoru.
[13] *Holifne* – domaći kolač (Klaić, B.: *holip* i *holipa* od njem. hohl – šupalj + Hippe – kockasti kolač = tvorničko ime za vafle, tj. od najfinijega brašna umiješeno i hrskavo pečeno tijesto u obliku cijevi, u Šamšalovića: *oblija*); *aspik* (Klaić, B.: franc. aspic.) mesna ili riblja hladetina; *rostbroten,* književno *rostbratn* (Klaić, B.: njem. Rostbraten), pržolica (od goveđeg mesa); *lincer* – njemački kolačići (Klaić, B.: *linzer-kolačići* – njem. poslastice od olupanog tijesta, tzv. linzertajga), *kiseljak* – srpski izraz za kiselicu (Brodnjak, V.), *arsetle* – predjelo (franc. *assiette* (a'sjete) zastarjeli izraz za *tanjur*, koji u austrijskom i njemačkom jezičnom području znači *predjelo*).
[14] J. Melvinger za *kelerabu* navodi da dolazi od njem. *die Kohlrübe* i da je podrijetlom zapravo talijanizam (Melvinger 2011: 88).

Soß) umak; *dinstovati*[15] → *dinstati* impf. *(<dünsten)* pirjati; *cuker m. (<Zucker)* slatkiši što se za Božić vješaju na bor[16]; *koh*[17]*m. (<Koch)* nabujak; *kuglof m. (<Kugelhopf)* vrsta kolača. Jasna Melvinger (2011) opisujući leksik koji se odnosi na hranu i njezino pripremanje, a koji pripada petrovaradinskom govoru, usredotočila se na tumačenje riječi inojezična podrijetla, germanizama, turcizama, hungarizama i romanizama opisujući „fonološke, morfološke, te sintaktičke inačice hrvatskih kulinarskih riječi i izraza u lokalnom govoru" (Melvinger 2011: 83). Iločki je kulinarski leksik u suodnosu s opisanom hrvatskom inačicom tamošnjega mjesnoga petrovaradinskog govora, a značajan dio mu je i jednak.

U dvjema iločkim zbirkama recepata potvrđeni su i sljedeći germanizmi koje Barbara Štebih (2003) ne donosi u svojem popisu, ali ih J. Melvinger (2011) spominje u petrovaradinskome govoru: *germa*, prema njem. *Germ*, a podrijetlom od lat. *Germen* – kvasac; *kafa/kava* (ZK), prema njem. *der Kaffe* – kava; *putar/puter/buter,* prema njem. *die Butter* – maslac; *most* (ZK), prema njem. *der Most* – šira[18]; *krompir*, prema starijem njem. *die Grundbirne* – krumpir; *saft,*[19] prema njem. *der Saft* – sok; *najgevirc*,[20] prema njem. *Neugewürz* – papar; *sulc*, prema njem. *die Sulze* – hladetina;[21] *modla,* prema njem. *der Model* – kalup; *muškacone,* prema talijanizmu u njemačkome *die Muskatzonen* – sitni kolači;[22] *torta,* prema njem.[23] *die Torte* – torta[24].

U dvjema iločkim zbirkama recepata potvrđeni su i sljedeći turcizmi koje J. Melvinger navodi u petrovaradinskome govoru: *čorba*, turcizam iz perzijskoga jezika – juha od mesa (*kisela čorba, ribnja čorba, od mleka čorba, od vina čorba, od zeleni čorba*); *džigerica* prema tur. *ciğer* – jetra; *pirinač*[25] prema tur., a podrijetlom iz perzijskoga *pirinç* - riža; *tarana* prema tur., a podrijetlom iz perzijskoga *tarhana* – suho tijesto naribano u zrnca (Brodnjak 1992)*; patlidžan*

[15] U *Kuvarki* je zabilježen produljeni glagolski oblik *dinstovati,* inače tipičan za srpski jezik, a u rječniku B. Štebih nalazi se oblik *dinstati*.
[16] Cuker u kulinarskom leksiku isključivo znači šećer.
[17] U *Kuvarki* je zapisan neprilagođeni, izvorni njemački oblik *koch.*
[18] Valja pripomenuti da Iločani zapravo riječju *mošt* označuju slatko vino, tj. širu, a *mostom* su nazivali gusti preljev koji se priprema od ukuhanoga slatkoga vina uz dodavanje nekih začina. Mostom su se prelijevala razna tijesta. Zorka Kovačić navodi i recept za *kolače od mosta*, u kojima je *most* sastojak koji se dodaje pri miješenju tijesta, odnosno ne služi kao preljev.
[19] J. Melvinger donosi riječ *saftniji* (2011: 89).
[20] J. Melvinger donosi riječ *najkvirc* (2011: 90).
[21] J. Melvinger ističe da se u petrovaradinskom govoru *sulcom* nije nazivala hladetina, nego kakvo prekomjerno zgusnuto jelo.
[22] J. Melvinger dodaje da je „ ta posuđenica mogla dospjeti i iz kojeg lokalnog govora doseljenika iz mediteranskih predjela" (2011: 93).
[23] Kako J. Melvinger navodi, naziv potječe od latinske riječi *tortus* u značenju okrugao, a ta je posuđenica mogla doći i preko tal. *torte* (2011: 94).
[24] J. Melvinger dodaje da naziv spomenutoga kolača dolazi od značenja lat. riječi *tortus*- okrugao. „U hrvatski je ta posuđenica mogla doći i preko tal. *torte,* i preko njem. *die Torte."* (2011: 94).
[25] U petrovaradinskome je *pirinadž.*

turcizam iz perzijskoga jezika; *kajmak* prema tur. *kaymak*[26] – vrhnje, skorup; *sirće* – ocat; *biber* – papar; U nazivima recepata, a među leksemima koji su također inojezičnoga podrijetla, potvrđen je samo jedan hungarizam: *paprikaš,* koji je „izvedenica od leksičke osnove *paprika* sufiksom *–aš*, što u mađarskom jeziku ima osnovno pridjevsko značenje, papren, ljutoga okusa“ (Melvinger 2011: 88). U tekstu recepata zapažen je također samo još jedan hungarizam, *šargarepa,* od mađ. *sárgarépa* – mrkva.

Zaključak

Dio je tih opisanih riječi nestao iz iločkoga govora zbog višestrukih razloga, koji su sociolingvističke i psiholingvističke prirode – „od promjene načina života, utjecaja standardnoga jezika, jezičnoga neprilagođavanja doseljenoga stanovništva te ne tako davnih povijesnih događanja“ (Štebih 2003: 298). Iako je još donedavno osobito mlađi naraštaj nastojao u što više prilika govoriti hrvatskim standardnim jezikom, izbacujući iz svoga govora sve riječi koje su se osjećale „nehrvatskima“ (gemanizme, turcizme, hungarizme, dijalektizme) i nastojeći tako svoj govor što više distancirati od srpskoga jezika (Štebih 2003:298), u novije je vrijeme osviješteno da su upravo te riječi izvorni i sastavni dio jednoga hrvatskoga dijalekta – slavonskoga dijalekta - mjesnoga govora iločkih Hrvata. Obje su proučavane iločke zbirke recepata zapisi ne samo kuharskih recepata nego i slike vremena u kojem su nastajale. Ujedinjuje ih težnja njihovih zapisivača da otmu zaboravu, svojemu ili svojih potomaka, nešto što se prenosilo s generacije na generaciju i za što su držali da je vrijedno zabilježiti. Oni su pritom novim naraštajima prenijeli ne samo recepte nego i obilje tekstnoga, jezičnog materijala koji može i nadalje biti predmetom zanimanja i istraživanja.

Literatura

Anić, V. (1998) Rječnik hrvatskoga jezika. Novi liber. Zagreb.

Anić, V. i dr. (2003) Hrvatski enciklopedijski rječnik. Novi liber. Zagreb.

Brodnjak, V. (1992) Rječnik razlika između hrvatskoga i srpskoga jezika. Školska knjiga. Zagreb.

Ciraki, F. (2004) Bilježke i zapisci. Društvo hrvatskih književnika, Ogranak slavonsko-baranjsko-srijemski. Požega.

Godard, O. (1988) Kuhinja ljubavi. Grafički zavod Hrvatske. Zagreb.

Ivanišević, J. (2008) Kada kuhaju bake… Tradicija i povijest u dvjema bakinim kuharicama. Narodna umjetnost 45/2, 153-164.

Klaić, B. (1985) Rječnik stranih riječi. Nakladni zavod Matice hrvatske. Zagreb.

Kolenić, Lj. (1996) Govor mjesta Ilače, Književna revija, Osijek, br. 5-6, 212-216.

[26] J. Melvinger navodi da je *kaymak* u turskome jeziku „mliječni proizvod od kuhanog skorupa“ (2011: 87).

Kolenić, Lj. (1997) Slavonski dijalekt, Croatica, god. 24, br. 45-46, 101-117.
Kuna, B. (2004) Rječnik u kontekstu suvremenih hrvatskih jednojezičnika. Dani Julija Benešića, zbornika radova I. Pergamena Zagreb. Muzej grada Iloka. Ilok. 95-103.
Lisac, J. (2003) Hrvatska dijalektologija I., Hrvatski dijalekti i govori štokavskoga narječja i hrvatski govori torlačkog narječja. Golden marketing – Tehnička knjiga. Zagreb.
Lukežić, I. (1996) Polazišta i teze za opis iločke skupine govora. Croatica, god. 26, br. 42-44, 213-236.
Mićanović, K. (2004) Leksičke razlike i Benešićeva gramatika. Dani Julija Benešića, zbornika radova I. Pergamena. Zagreb. Muzej grada Iloka. Ilok. 113-119.
Melvinger, J. (2011) Kulinarski leksik u petrovaradinskom govoru. Šokačka rič 8, zbornik sa skupa s međunarodnim sudjelovanjem. Vinkovci, 83-95.
Petrović, V. (2008) Esekeski rječnik. Essekerisches Wörterbuch. Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu. Odsjek za germanistiku. FF-press. Zagreb.
Pranjković, I. (2004) Koncepcija Benešićeva Rječnika hrvatskoga književnog jezika. Dani Julija Benešića, zbornika radova I. Pergamena Zagreb. Muzej grada Iloka. Ilok. 69-78.
Samardžija, M. (2004) Rječnik iločkoga govora Julija Benešića. Dani Julija Benešića, zbornika radova I. Pergamena. Zagreb. Muzej grada Iloka. Ilok. 79-85.
Sekereš, S. (1983) Govor iločkih Hrvata. Matica srpska. Novi Sad.
Šenoa, M. i Z. (1993) Biskupski sladopek. Školska knjiga. Zagreb.
Štebih, B. (2003) Adaptacije germanizama u iločkom govoru, Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje, knj. 29, 293-323.
Znika, M. (2004) Leksikografski postupci u Rječniku hrvatskoga književnog jezika. Dani Julija Benešića, zbornika radova I. Pergamena. Zagreb. Muzej grada Iloka. Ilok, 87-93.
Znika, M. (2006) Benešićev i Sekerešov opis govora iločkih Hrvata. Dani Julija Benešića, zbornik II.
Muzej grada Iloka. 157-164.
URL: http://en.wikipedia.org.wiki/cookbook
URL: http://www.coolinarika.com/magazin/clanak/povijest kuharica

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 489-497
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.489

Татьяна Викторовна Воронченко – Екатерина Владимировна Жеребцова
(Чита, Россия)

МИФОПОЭТИКА РАССКАЗОВ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ

Abstract: Mythopoetic potential of the short stories by T. Tolstaya is investigated in the article. The mythopoetic presentation of the themes, motifs, images, symbols and the author's manner of their realization are examined. The authors of the article explore the mythopoetic components of the text structure which make contribution in revealing the symbolic message of the texts. The using of mythopoetic elements (mythological images, symbols, motifs, and binary oppositions) results in the interweaving of realistic and mythological context of the short stories.

Keywords: myth, mythopoetics, archetypical characters, motif.

Обращение к мифопоэтике рассказов Татьяны Толстой продиктовано усиливающимся вниманием к исследованию мифа в современном литературоведении. Миф является одним из центральных понятий теории культуры в XX веке. По мнению автора «Словаря культуры XX века» В.П. Руднева, «неомифологическое сознание – одно из главных направлений культурной ментальности XX века» (Руднев 1999: 184). Согласно исследованиям крупного российского учёного-филолога, основателя школы теоретической фольклористики Е.М. Мелетинского, в юнгианской аналитической психологии миф в качестве архетипа стал синонимом коллективного подсознания (Мелетинский 2000: 29). Филологическая наука связывает обращение к мифопоэтике в творчестве писателей-реалистов на рубеже XX-XXI веков с синтетической спецификой реализма этого периода, именуемого Н. Лейдерманом и М. Липовецким постреализмом (Лейдерман, Липовецкий 1993). В опубликованном в 2011 году "A Glossary of Literary Terms" («Глоссарий литературных терминов») приводится следующее описание современного положения мифа в литературоведении: «Around the middle of the twentieth century, "myth" became a prominent term in literary analysis. A large group of writers, the myth critics – including Robert Graves, Francis Fergusson, Maud Bodkin, Richard Chase, and (the most influential) Northrop Frye – viewed the genres and individual plot patterns on many works of literature, including what on the surface are highly sophisticated and realistic works, as recurrences of basic mythic formulas» [«Примерно с середины XX века понятие "миф" становится важнейшим термином в литературных исследованиях. Большое количество литературоведов мифологической школы, включая Роберта Грейвса, Френсиса Фергюсона, Мода Бодкина, Ричарда Чейза и (наиболее влиятельного) Нортропа Фрая, считали, что жанры и индивидуальные сюжетные построения многих литературных

произведений, в том числе тех, которые с первого взгляда кажутся замысловатыми и реалистическими, являются воспроизведением базовых мифологических формул»] (Abrams– Harpham 2011: 231).

По творчеству Татьяны Толстой в России накоплен обширный научный материал. Учёные обращаются к различным аспектам творчества писательницы: мифопоэтической картине мира в романе «Кысь» (О.Е.Крыжановская), смысловой структуре метатекста (Н.В.Лукина), проблеме авторских жанров в художественной публицистике и прозе Толстой (Е.В. Любезная) и другим. К указанным трудам можно добавить выполненные в России исследования китайских учёных: Люй Цзиюн («Поэтико-философское своеобразие рассказов Татьяны Толстой: на материале сборника “Ночь”»), Ду Жуй («Фольклоризм прозы Татьяны Толстой»). Вместе с тем, исследованию мифопоэтики рассказов Татьяны Толстой в российском литературоведении уделено недостаточно внимания, что определяет актуальность данной статьи.

Мифопоэтика является звеном, соединяющим философскую картину мира Толстой с основными принципами построения художественной системы и обусловливающим их единство. Ориентация на миф является одной из главнейших особенностей поэтики писательницы. Обращение к мифу, обладающему «гармонизирующей и упорядоченной направленностью» (Мелетинский 1998: 420), являющему собой «творческое начало как противовес угрозе энтропического погружения в бессловесность, немоту, хаос» (Топоров 1995: 5) вполне закономерно для автора, которому, по единодушному мнению российских литературоведов, таких, как М. Липовецкий (Липовецкий 2002), А.К.Жолковский (Жолковский 2005), О. Осьмухина (Осьмухина 2012), свойственны стремление к высшей истине и гармонии. Для природы художественного творчества Т. Толстой характерна изначальная направленность мифа на решение таких универсальных человеческих вопросов, как «смысл жизни, цель истории, тайна смерти и т.п.» (Мелетинский 1998: 419). По мнению ведущего российского литературоведа, американиста, профессора А.В. Ващенко, обращение к вечным общечеловеческим вопросам является важнейшей чертой литературы, поднимающей её за пределы вида культуры: «В мифологическом смысле наше восприятие «вечных образов» по своей интимности сродни переживанию сакрального. Эти образы обеспечивают психологическую устойчивость личности и общества, задавая гуманистический императив во всех современных ситуациях, предполагающих проблему нравственного выбора. Такие отношения роднят литературу с жизнью культуры и с жизнью как таковой» (Ващенко 2012: 454).

Соединение реалистического и мифологического планов повествования – важнейшая особенность поэтики рассказов Татьяны Толстой. Соотношение жизненно-исторического и мифологического контекстов,

создание уникальной мифопоэтической модели мира можно выявить на примере рассказов «На золотом крыльце сидели…» (1983) и «Свидание с птицей» (1983). Цель данной статьи – выявить глубинные символические смыслы данных рассказов Татьяны Толстой, возникающие в результате соединения мифологического и реального начал, через рассмотрение используемых автором элементов мифопоэтики (мифологических образов и символов, мотивов, бинарных оппозиций).

В основе нашей методики анализа лежит комплексный подход, сочетающий структурно-поэтический, мотивный и мифопоэтический методы исследования текста. Структурно-поэтический метод используется нами для выявления элементов поэтической структуры текста (сюжет, композиция, герой), закономерностей связи художественных элементов. В процессе применения мифопоэтического метода работы с текстом выявляются структурные и содержательные элементы мифа: мифологемы (например, мифологема героя, проходящего инициацию, мифологема воды в рассказе «Свидание с птицей»), мифологические образы (образы дома, сада и леса в рассказах «Свидание с птицей» и «На золотом крыльце сидели…»). Все эти элементы становятся определяющими в создании авторской модели мира. Мотивный метод анализа текста позволяет нам рассматривать систему мотивов как устойчивый содержательный компонент литературного текста с соотношением данного понятия с другими компонентами текста, такими как «сюжет», «герой», «тема». Так, в рассказе «На золотом крыльце сидели…» мы улавливаем в мотиве изгнания героя из детства мотив удаления из райского сада, а в рассказе «Свидание с птицей» мотив инициации героя как процесс знакомства с миром взрослых.

Также мифологическое начало проявляет себя в рассказах Татьяны Толстой в мифопоэтической вневременности (описание детства в рассказе «На золотом крыльце сидели…»: «Вначале был сад. Детство было садом. Без конца и края…», «Жизнь вечна») и цикличности (смена времени суток и времён года как смена важных сюжетных узлов), во введении в структуру повествования мифологических образов и мифологем (образы Царицы, райского сада в рассказе «На золотом крыльце сидели…», мифологемы воды, леса, дома в рассказе «Свидание с птицей»). Рассмотрение происходящего в рассказах одновременно с позиций линейного, исторического времени и во вневременных, циклических координатах мифа позволяет подчеркнуть универсальный, вечный характер поставленных автором вопросов.

Основной идеей рассказа «На золотом крыльце сидели…» является идея драматизма перехода из детства, которое представляется чудесным садом – безграничным пространством, не имеющим временных координат, во взрослую жизнь. Повествование начинается летом, описываются дети, которые живут в дачном посёлке. Одна из дач отличается от других, в тексте она называется «собственным домом». В

доме живут «белая огромная красавица» Вероника Викентьевна, которую дети прозвали «Царицей» и «страшной женщиной» и её муж дядя Паша – «маленький, робкий, затюканный». Зимой Вероника умирает, вместо неё на даче теперь живёт её младшая сестра, но вместе с Царицей умирает величие и роскошество её дома, его обстановка уже не кажется детям волшебной, сказочной. С началом болезни дяди Паши, к которому дети так любили приходить в гости, они начинают осознавать, что выросли, дом Царицы для них теперь – просто старая полуразвалившаяся ветошь – девочка-героиня восклицает: «Какая же я старая! Что же, вот это и было тем, пленявшим? <…> И это пело и переливалось, горело и звало? Как глупо ты шутишь, жизнь! Пыль, прах, тлен» (Толстая 2011: 169). Действие рассказа заканчивается зимой, когда в одиночестве умирает дядя Паша на крыльце своего дома.

В рассказе прослеживается мотив воспоминаний о счастливом, безоблачном детстве, когда ребёнок, не разделяя реального и иллюзорного, видит в обыденном мире элементы иного бытия. В развитии образа дяди Паши реализуется идея о том, что добрые и робкие «реальные» люди зачастую обречены на одиночество. В то же время автор проводит мысль о неизбежности и необходимости ухода от внешнего мира с помощью фантазий, погружения в иную реальность, иллюзий как неотъемлемую часть детства.

Главный герой второго рассказа «Свидание с птицей» – мечтательный, задумчивый мальчик Петя. Он создаёт в своём воображении целый выдуманный мир, полный волшебства, чудес, магии. Действие этого рассказа, как и рассказа «На золотом крыльце сидели…», происходит в дачном посёлке. Здесь Петя переживает свой первый опыт любви – к загадочной, странной девушке Тамиле, которую он наделяет магическими способностями. В таких ситуациях «миф <…> приобретает магический смысл» (Воронченко 1998: 103). Тамила для Пети – «…заколдованная красавица с волшебным именем, она жила на стеклянной голубой горе с неприступными стенами, на такой высоте, откуда виден весь мир» (Толстая 2011: 217). Большое значение приобретают магические символы, составляющие образ девушки: кольцо с серебряной жабой (если его снять, Тамила превратится в чёрный порошок), «розовое волшебное яичко, туго набитое золотыми искрами», снесённое таинственной птицей Алконост. Тамила пробуждает в мальчике райские мечты, и сама же развевает их. Когда умирающему дедушке Пети становится хуже, он бежит за магическим спасением к своей подруге, но у неё дома перед ним предстаёт низменная постельная сцена с Тамилой и маминым братом, кольцо с серебряной жабой, призванное хранить жизнь заколдованной принцессы, валяется на полу. В этом эпизоду реализуется мотив выхода из райского сада детства, вместо помощи мальчик получает познание страшной правды о тайнах мира взрослых людей. Дедушка умирает, и

развенчиваются Петины представления не только о любви, но и о жизни и смерти – никто не может уберечься от суровой судьбы.

Для изображения контраста между вечными универсальными категориями, такими, как «жизнь – смерть», «свет – тьма» и т.д., Татьяна Толстая использует бинарные оппозиции. Бинарные оппозиции выполняют важную структурообразующую функцию, во многом определяя сюжеты рассказов, мотивируя любые перемещения во времени и пространстве. Согласно мифологическому принципу оборачивания одна и та же мифологема или мифологический образ (воды, дома, леса, птицы) может выполнять разные функции, перемещая образ с одной стороны оппозиции (например, жизнь) на противоположную (смерть).

Яркий пример такого перемещения с одной стороны бинарной оппозиции на противоположную – мифологема воды в рассказе «Свидание с птицей». Согласно «Словарю символов» Дж. Тресиддера, вода – это «древний универсальный символ чистоты, плодородия и самой жизни… рождения и возрождения» (Тресиддер 1999: 43), средство внутреннего очищения от грехов. Вода, обладающая целебными свойствами, является живительным источником и для героев рассказов. В рассказе вода – одновременно и источник жизни («Но Тамила говорит, что маленькие девочки не тонут, просто не могут утонуть. У детей есть жабры; попадут под воду – и превращаются в рыбок, правда не сразу. Плавает девочка серебряной рыбкой, высунет голову, хочет позвать мать, а голоса-то нет…» (Толстая 2011: 220), «…где-то в безлюдной заводи уже спрятала в водяную лилию розовое огнистое яичко утренняя птица Алконост…» (Толстая 2011: 222), символ очищения – «добежал до озера, бросился под мокрое, сочащееся дождём дерево» (Толстая 2011: 225), и причина смерти («Уходи под воду, масляная Атлантида», «Никто не спасется», «все скользнет, накренившись, в теплые прозрачные волны») (Толстая 2011: 216-225).

В процессе использования мифологических образов и мотивов складывается особенная, мифологическая картина мира художественного произведения. Для неё характерны «очеловечивание» окружающей природы, неотчётливое разграничение части и целого, субъекта и объекта, отсутствие различия между естественным и сверхъестественным. В мифологической картине мира происходит перенос человеческих качеств на природные и неодушевлённые объекты. Это явление персонификации просматривается в создании образа дома в рассказах Т. Толстой. В соответствии с мифопоэтической традицией дом как центр мира связан с идеей микрокосма человека. Дом не только часть описания обстановки действия, но полноправный персонаж. Мы обнаруживаем это в описании дома-дачи в рассказе «На золотом крыльце сидели…», который олицетворяет то самое Царство из одноимённой детской считалки: «Чёрный бревенчатый сруб выбирался боком из-под сырого навеса клёнов и лиственниц и, светлея, умножая окна, истончаясь до солнечных

веранд, раздвигая настурции, расталкивая сирень, уклонившись от столетней ели, выбегал, смеясь, на юную сторону и останавливался над плавным клубнично-георгиновым спуском…» (Толстая 2011: 165). Кроме того, в этом рассказе образ дома ассоциируется с библейским символом Райского сада: «…торопится дядя Паша в свой Сад, в свой Рай, где с озера веет вечерней тишиной, в Дом, где на огромной кровати о четырёх стеклянных ногах колышется необъятная золотоволосая Царица» (Толстая 2011: 166). В христианском искусстве сад, «изобилующий фруктами и цветами, символизировал рай» (Апостолос-Каппадона 2000: 196), где каждое дерево порождает плоды, пригодные для человека, включая древо жизни, дарующее бессмертие, и древо познания, в роли которого традиционно выступает яблоня. Наше мнение созвучно позиции исследователя А.С. Ерушовой, которая отмечает присутствующие в рассказе реминисценции из библейского текста: «Рассказ “На золотом крыльце сидели…” первыми предложениями напоминает Библию <…>. Для рассказчицы первые яркие воспоминания связаны с отдыхом на даче, с садом, окружавшим её, с соседями, поэтому сад она воспринимает как блаженство, рай, точку отсчёта, начало сознательной жизни» (Ерушова 2008: 117).

Важную роль в текстах Толстой играют двери – «символ перехода, объединения и разделения, встречи своего и чужого» и окна – олицетворение «солнца, ока дома» (Шейнина 2002: 209, 213). В мифологии окна и двери, элементы сакральной топографии, имели архетипическое значение границы между жизнью и смертью. В рассказе «Свидание с птицей» дверь – это вход в дом, переход в безопасное место («Из двери пахнет теплом…» (Толстая 2011: 216)), в рассказе «На золотом крыльце сидели…» дверь явственно обозначает границу между жизнью и смертью: «…Дядя Паша замерз на крыльце. Он не смог дотянуться до железного дверного кольца и упал лицом в снег» (Толстая 2011: 170).

В рассказе «Свидание с птицей» образ дома, в котором живут мальчики Петя и Лёня со своей мамой и её братом, вступает в бинарную оппозицию с образом леса: дом – место, где тепло, спокойно и безопасно («Из двери пахнет теплом, светом, домашним вечером», «Мир и покой в кругу света на белой скатерти» [Толстая 2011: 216]), в лесу – темно и опасно («И низко над садом, колыхнув вершины темных древесных холмов, проносится судорожный, печальный вздох: это умер день» [Толстая 2011: 216]). Мифологема леса амбивалентна – лес и символ опасности (там живёт птица Сирин), и место обитания утренней птицы Алконост, дарящей жизнь. Подтверждение этому можно найти в «Словаре символов» Дж. Тресиддера: «У Карла Юнга лес – символ бессознательного и его опасностей, но в некоторых традициях, особенно в буддийской, – символ убежища» (Тресиддер 1999: 193). По мнению Тресиддера, «в европейском фольклоре и волшебных сказках лес – место

тайн, опасностей, испытаний или посвящений» (Тресиддер 1999: 193). Птицы Сирин и Алконост, являющиеся важными мифологическими образами рассказа «Свидание с птицей» – это птицы древнейших легенд и сказаний, загадочные птицы-девы, обитающие в лесу, который, согласно «Словарю символов» Дж. Тресиддера, также связывался в древнем мире с идеей произрастания и женским началом (Тресиддер 1999: 193). Это противопоставление жизни и смерти, благодати и горестей мальчику Пете объясняет его странная подруга Тамила: «А то есть ещё птица Алконост. Та утром встает, на заре, вся розовая, прозрачная насквозь светится, с искорками» (Толстая 2011: 219), «А вон в ту сторону – видишь?.. – ходить нельзя, там темный еловый лес, сумрак, гладко подметенные дорожки, белые поляны с цветами дурмана. Там-то, среди ветвей, и живет птица Сирин, птица смерти, большая, как тетерев» (Толстая 2011: 221).

В рассказе «Свидание с птицей» мы видим преобладание бинарных оппозиций, основанных на амбивалентных мифологических образах леса, птиц, воды, которые реализуются в раскрытии основного мотива текста – инициации главного героя через знакомство с внешним миром (смертью, неудачей в любви). В рассказе «На золотом кольце сидели…» на первый план, по нашему мнению, выступают не бинарные оппозиции, а символы мифологического образа райского сада, и основным мотивом рассказа становится мотив изгнания из райского сада, подразумевающего трагическое прощание с детством. И.М. Попова подчёркивает общее трагическое настроение рассказа: «Рассказ “На золотом крыльце сидели” потрясает своей обречённостью, неизбывной горечью о потере детства» (Попова 2006: 227). Сходством выбранных рассказов является то, что главный герой в них – это ребёнок, чьё сознание – призма, сквозь которую богатые красками детские впечатления превращаются в пространство мифа. Именно в пространстве мифа образ главного героя проходит через мифологическую ситуацию инициации (как в рассказе «Свидание с птицей») – так ребенок знакомится с миром взрослых, познаёт понятия жизни и смерти, света и тьмы. Новизну видения вечных проблем Татьяны Толстой отмечает исследователь её творчества О.Осьмухина: «Казалось бы, едва ли не самые расхожие в русской литературе “вечные” проблемы: тема детства как попытки постижения жизни и самого себя (“На золотом крыльце сидели...”, <…> “Свидание с птицей”) <…> в “малой” прозе писательницы действительно обрели новое звучание» (Осьмухина 2012). Мир глазами ребёнка в рассказах Толстой – одновременно прекрасен и страшен, полон и чудес, и несовершенств, в нем всегда присутствует разлад мечты и реальности (что наиболее явственно ощущается в рассказе «На золотом крыльце сидели…» на примере развенчания образа волшебного дома Царицы).

Таким образом, через рассмотрение используемых автором элементов мифопоэтики, таких, как мифологические образы и символы, мотивы, бинарные оппозиции, были выявлены глубинные символические смыслы

рассказов Татьяны Толстой – обретение настоящих жизненных ценностей в процессе взросления происходит через знакомство с проявлениями зла и подчеркивается возведением сюжетной основы рассказов к вечным мифологическим ситуациям инициации, разлада фантазии и действительности, драматического перехода из детства во взрослый мир. Мифопоэтика рассказов Толстой строится на антитезе добра и зла, жизни и смерти, выражается через противопоставление света и тьмы в образах, символах и мотивах, и при этом сохраняется авторская вера в преображение человека в процессе решения вечных проблем, понимания добра и зла в современном мире. Мифопоэтические приёмы прозы Татьяны Толстой, выявленные на примере рассказов «Свидание с птицей» и «На золотом крыльце сидели…», существенно обогащают поэтику писательницы, определяют её, реализуя характерную для рубежа веков идею взаимодействия реалистического и мифологического начал в рамках одной художественной системы.

Литература

Abrams, M.H. – Harpham, G.G. (2011) A Glossary of Literary Terms. Cengage Learning. 448 p.

Апостолос-Каппадона, Д. (2000) Словарь христианского искусства. Челябинск, Урал ЛТД. 272 с.

Ващенко, А.В. (2012) Магическое зеркало: литература в диалоге культур // Диалог культур в условиях глобализации: XII Международные Лихачевские научные чтения, 17-18 мая 2012 г. Т.1: Доклады. с.452-455.

Воронченко, Т.В. (1998) На перекрёстке миров: мексикано-американский феномен в литературе США. Чита, Издательство Забайкальского государственного педагогического университета. 204 с.

Ерушова, А.С. (2008) Аллюзийные и реминисцентные включения в рассказах Т. Толстой // Вестник БГПУ: Гуманитарные науки. 165 с.

Жолковский, А.К. (2005) В минус первом и минус втором зеркале // Alexander Zholkovsky. URL: http://www-bcf.usc.edu/~alik/rus/ess/siren.htm.

Крыжановская, О.Е. (2005) Антиутопическая мифопоэтическая картина мира в романе Татьяны Толстой «Кысь». дис. ... канд. филол. наук. Тамбов. URL: http://www.dslib.net/russkaja-literatura/antiutopicheskaja-mifopojeticheskaja-kartina-mira-v-romane-tatjany-tolstoj-kys.html.

Лейдерман, Н. – Липовецкий, М. (1993) Жизнь после смерти, или Новые сведения о реализме // Новый мир. №7. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1993/7/litkrit.html.

Липовецкий, М. (2002) ПМС (Постмодернизм сегодня) // Знамя. №5. URL: http://magazines.russ.ru/znamia/2002/5/lipov.html.

Мелетинский, Е.М. (1998) Миф и XX век // Мелетинский, Е.М. Избранные статьи. Воспоминания / Отв. ред. Е.С. Новик. М., Российск. гос. гум. ун-т, 576 с.
Мелетинский, Б.М. (2000) Поэтика мифа. 3-е изд., репринтное. М., Издательская фирма Восточная литература РАН. 407 с.
Осьмухина, О. (2012) Литература как прием (Татьяна Толстая) // Вопросы литературы, №1. URL: http://magazines.russ.ru/voplit/2012/1/o3.html.
Попова, И.М. (2006) Миф об утерянном рае в современной женской прозе (Т. Толстая, Л. Улицкая, М. Вишневецкая) // Художественный текст и культура: материалы шестой международной научной конференции 6-7 октября 2005г. Владимир, Владимирский государственный педагогический университет. 384 с.
Руднев, В.П. (1999) Словарь культуры XX века. М., Аграф. 384 с.
Толстая, Т. (2011) Не Кысь. М., Издательство студии Артемия Лебедева. 427 с.
Топоров, В.Н. (1995) Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М., Прогресс Культура. 621 с.
Тресиддер, Дж. (1999) Словарь символов. М., ФАИР-ПРЕСС. 448 с.
Шейнина, Е.Я. (2002) Энциклопедия символов. М., АСТ. 591 с.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 498-506
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.498

Zinka Zorko
(Ljubljana, Slovenija)

GLASOSLOVJE V GOVORIH ŠTAJERSKIH SLOVENCEV V AVSTRIJI

Abstract: The so-called Styrian Slovenes are a small ethnic community in Austria near the border with the Republic of Slovenia. After the First World War, in spite of Article 7 of the Austrian State Treaty, Slovenes remained without rights, without bilingual schools and bilingual masses. Slovenian dialect is being handed over from generation to generation via oral tradition. In 1988 founded Cultural Centre of Article 7 for Austrian Styria strives for teaching Slovene and for cultural development of Styrian Slovenes. Therefore, today the Slovenian language is being thought in primary schools in Austrian Radgona, Lučane and Arvež. Slovenian dialect is also preserved in Mlake (Laaken), Radvanje (Rothwein), Gradišče (Schlossberg), on Veliki Boč pri Lučanah (Leutschah) and in five villages in so called Radgonski kot. This language is part of the Carinthian, Styrian and Panonian dialect group. Phonetics of these languages has been studied in Radvanje, Veliki Boč and Žetinci. Radvanje language belongs in eastern Podjuna dialect with Carinthian development of long jat and etymological e into diphthong ie and long etymological o into diphthong uo, long a is being rounded up in wide o, long a is also represented by long reduced vowel. Besides, the change of hard l into w before the last vowel is being preserved too. By Lučane on Veliki Boč north Styrian Kozjak language with diphthong ej for long jat and etymological e and ou after the long etymological o are still being preserved. Interdialectal Slovenske Gorice language of Prekmurje region in Žetinci still knows phoneme ü for u, u was formed from sonant l, long jat developed into diphthong ej, long o and nasal o reflect into ou; vowel r is still preserved in articulation. In consonant system final -m changes into -n. Consonant changes in discussed languages are considered less frequent.

Keywords: Styrian Slovenes, phonology, diphthongs, slovenian dialect, etymological

0. Štajerski Slovenci so majhna nacionalna skupnost v Avstriji ob meji z Republiko Slovenijo. Slovenski jezik je bil takoj po prvi svetovni vojni izrinjen iz šole in cerkve, ostali so torej kljub členu 7 avstrijske državne pogodbe, ki velja tudi za deželo Štajersko, brez pravic. Slovenski narečni govor se je iz generacije v generacijo prenašal po ustni tradiciji in je ostal dokaj arhaičen. Leta 1988 je bilo ustanovljeno Kulturno društvo člen 7 za avstrijsko Štajersko. Glavni nalogi društva sta učenje slovenskega jezika in razvoj slovenske kulture pri Štajerskih Slovencih. V Laafeldu (Potrni) je društvo kupilo in uredilo t.i. Pavlovo hišo, ki opravlja vlogo dvojezičnega komunikacijskega centra. Na vseh obmejnih štajerskih šolah naj bi uvedli pouk slovenščine kot jezika

sosedov. Tako se danes učijo jezika sosedov v osnovni in srednji šoli v avstrijski Radgoni, v osnovni šoli v Lučanah in v Arvežu. Starejši prebivalci še govorijo slovensko narečje v krajih Laaken (Mlake), Rothwein (Radvanje), Schlossberg (Gradišče), Veliki Boč pri Lučanah (Leutschach) in v t.i. Radgonskem kotu v krajih: Goritz (Gorica), Dedenitz (Dedonci), Laafeld (Potrna), Zelting (Zenkovci), Sicheldorf (Žetinci). Govori Štajerskih Slovencev spadajo na zahodu v koroško, v sredini v štajersko in na vzhodu v panonsko narečno skupino. Natančneje bo analizirano glasoslovje v govoru Radvanja, Velikega Boča in Žetincev in dodana bodo narečna besedila.

1. Rothwein (Radvanje) je obmejno hribovito naselje v Avstriji na južnem obronku Koralnih Alp. Geografsko se stika s slovenskimi kraji Pernice, Mlake, Bistriški jarek in Sveti Jernej nad Muto. Razprostira se od nadmorske višine 480m do 1184m. Danes Rothwein šteje le 37 prebivalcev, 161 prebivalcev manj kot pred 100 leti. Ukvarjajo se s kmetijstvom, s poljedelstvom in vzrejo krav ter ovc.

Do konca 1. svetovne vojne je Rothwein spadal v slovensko občino Sveti Primož. Po letu 1919 je državna meja odrezala Radvanje od Jugoslavije in najprej je nastala samostojna občina. Po priključitvi k Avstriji se je začelo postopno izseljevanje. Osnovno šolo so pred dvajsetimi leti zaprli, saj je bilo nazadnje le 7 učencev. Starejši Radvanjčani še govorijo slovensko podjunsko narečje.

1.1 V glasoslovju je prevladal jakostni naglasni tip. Dolgi naglašeni samoglasniki so: í, ú, íe, úo, ozka é in ó, široki é poleg dvoglasniškega éa, široki ô poleg dvoglasniškega óa, dolgi á in samoglasniški ŕ. Zapisujemo jih s knjižnimi črkami.

Dolgi i se govori v vseh besednih zlogih. Nastal je iz stalno dolgega in staroakutiranega i. Gradivo: píšem, swíja, zíma, híša, lípa, tíca. Slišimo ga tudi v prevzetih besedah: brítof, cwírn, famílija, frís, glídi, kíbla, šníder, turkíja.

Dolgi u je refleks za stalno dolgi in staroakutirani u. V položaju pred n zastopa tudi samoglasniški l.

Gradivo: lúbje, lúč, olúp, krúha, kúpa, púnim, žúna. Prevzete besede: lúster, púter, šúhi, trúgla.

Dvoglasnik íe (e se izgovarja polglasniško) je odraz za stalno dolgi jat in za dolgi cirkumflektirani etimološki e.

Gradivo: besíeda, bíeli, gríeh, líep, líes, líete, míeh, mlíeko, smíeh, swíeča, zwíezda; líet, píeč; pred l je nastal iz í: wíele, žíela.

Dvoglasnik úo (o je zapisan za polglasnik) je odraz za dolgi cirkumflektirani o.

Gradivo: búoh, gnúoj, kúost, lúoj, múoč, núoč, núoh (rod. mn.), ostrúoge, plúot, rúoh, srúota, škúorja, šúola, wúos, zapúowed. Prevzete besede: cúo, frúoška, fúoter, púop.

Dolgi ozki é je refleks za novoakutirani e, za stalno dolgi nosni e (z varianto široki ê), za staroakutirani in kratki nosni e.

Gradivo: kméta, zéle, ženin, glédam, imé, pést, pét, pétok, détela, pokléknit, zét; (varianta s širokim ê: prêdem, wêžem, zêbe). Prevzete besede: ésih, héftat, pétl, šéfla, šténge.

Dolgi ozki ó je naslednik stalno dolgega in staroakutiranega nosnega o in zlogotvornega l.

Gradivo: dróg, góboc, golób, klóp, móš, otróbi, pót, rób; góba, kóča, tóča; dóta, nósim, prósim, wóla; bóuxa, čóun, dóuh, póuh, sóuze, wóuk. Prevzete besede: blónt, knóbluh, módl, ófn, zókni.

Dvoglasniški éa (tudi široki ê) zastopata staroakutirani jat in sekundarno naglašeni e: bréaza, céasta, koléana, léato, newéasta, péana, stréaha; méačem, néaso, péako, réako, téata; mêra, wêra, brême, prêšič, žêna. Prevzeti besedi: léabn, léader.

Široki ô (óa je refleks le za novoakutirani o (cóata, hóaja, škóada)) je refleks za stalno dolgi in staroakutirani a (ohranjen ostane le v zlogih –ra-,-la-).

Gradivo: dwô, hrôst, kowôč, krôl, ôpno, prôh, mlôt, môti (bráda, gláwa, kráwa, tráwa).

Dolgi á je podjunski koroški odraz za dolgi polglasnik, za umično naglašeni o in za kratki naglašeni a.

Gradivo: dán, lán, láž, máh; premákne, wsáhne, wáški; káza, nága, mája; brát, nás, gnáu. Prevzete besede: áncuk, gártl, mántl, páwer.

1.2 V radvanjskem govoru so kratko naglašeni samoglasniki: ì, ù, è, ò, polglasnik (zapisujem ga z e) in à; so nasledniki prvotno kratko naglašenih samoglasnikov ali pa so rezultat kasnejših naglasnih umikov.

Gradivo: mìš, nìč, nìt, sìt, tìč; (posebnost je dìž za 'dež'); jùh, krùh, kùp, čùt, obùt; pùna 'polna', wùna 'volna'; kmèt, žrèm, nèst, plèst; sèno, smèjat, tèlo, tèsto, nèbo; posebnost je oblika rèka 'roka'; čòk, dnò, kròp, škòf, mòški, nòži, òko; kàš | kòš, pàt | pòt; pàs 'pes', na tàše, màgla | màgwa, stàber, màso;

kratki polglasnik je nastal iz kratkega i in kot rezultat redukcije samoglasnikov (pišem ga z -e): šlè, gèr, komèlce, mèbe, nèter, tèti.

1.3 Nenaglašeni vokali so i, u, e, o, a, polglasnik in samoglasniški r. Zastopajo izhodiščne nenaglašene samoglasnike, lahko so tudi rezultat moderne vokalne redukcije, zlasti v deležniških oblikah na -al, -el, -il.

1.4 Soglasniški sistem radvanjskega govora sestavljajo zvočniki: l, w, n, j , r, m in vsi nezvočniki. Zvočnik l se govori pred sprednjimi samoglasniki, bilabialni w pa pred zadnjimi samoglasniki zastopa l; sicer pa v: lípa, píwa, čúwa. Palatalni nj se je depalataliziral v n ali denaziliziral v j: škègn, žégnaje; palatalni lj je otrdel; krála, vóla. Sekundarni n se pritika moškim samostalnikom na –a v neimenovalniških sklonih: Lùkana, Míhana. Zvočnik r se pogosto izgovarja uvularno. Ohranjeni sta skupini čre-, žre-; črêšna, čríes. Sklop mn se premenjuje v ml; támlo, sklop m – m pa v n- m: níemo 'mimo'. Pri prevzetih besedah je opazna izguba zvenečnosti: prémza, púšl.

Nezveneči nezvočniki so nastali iz izhodiščnih slovenskih glasov, pa tudi po asimilaciji iz zvenečih. Končni zveneči soglasniki postanejo nezveneči. Najpogostejše soglasniške premene so: šč > š: góša, hč>č: číra, tl>kl: na klíeh;

dn>gn: gnôr; dl>gl: glíetwa. Primarni sklop dl je ohranjen le v besedi módlim. Pojavlja se protetični h: xása 'osa', hóus 'oves', 'xani 'oni'.

Besedilo v narečju:

Ko sn blá še čísto môla, smo se dáma tak míenili, da so tam pod Rémšnikom na êni kmetíji tôke pèči. V tisteh pèčeh je biu en štíbl, not pa baj krúšna píeč. Tam so živéale žálik žéane. Páurom so svetovôle, kodô màrjo sját, da bòjo mèli líepo síetvo. Na êni paurníji so bli pa mlôdi vírti, pa se je mlôdi virt êni žálik žeańi tàk dopôdo. Je pa hódla k jèmu pa mu práula, kodô màre sjêt, kàk màre pri žvíni, da bo méu póune štôle žvíne. Àn je bógau pa mu je vse najlíepši uspévalo. Líete no líete.

2. Govor na Velikem Boču pri Lučanah (Leutschah) spada k severnoštajerskemu kozjaškemu govoru.

2.1 V glasoslovju je prevladal jakostni naglasni tip. V govoru so znani nekateri naglasni pomiki. Končniško naglašene besede so doživele naglasni umik za zlog proti začetku besede: meglà>méagla, nebó> 'nebo; kratki nagašeni a, e in polglasnik v edinem zlogu so so podaljšali: brát, pást (nedoločnik), cvéak, péas, déaš. Naglas se lahko umakne tudi na predpono: pómije 'pomije', pódrgi 'poldrugi', póaznam 'poznam'. V trizložnicah se naglas lahko umakne z drugega na prvi zlog: béjželi so 'bežali so', kópita 'kopito'.

2.1.1 Dolgi naglašeni samoglasniki so enoglasniki in dvoglasniki: í|íj, ú|úu, é, ó, ê, ô, éa, óa, éj, óu, á, ár.

Dolgi í se lahko izgovarja tudi kot dvoglasnik ij.

Gradivo: číjmeš 'nimaš', číjra, díjri, híjn 'inje', híjndam 'drugam', híjša, íjnik sn 'čutim', kodíj se, líjpa, sedíj, vlíjčka 'pomlad; míš, níč, sít, ríva 'bolezen'.

Dolgi ú se tudi lahko diftongira v úu.

Gradivo: čebúu, čúula, Dúuh, glúuh, klúuč, kúura, lúukna, olúup, púubeci, súuh, túuršca; krúh, kúp, rúngl 'pesa', žúpa.

Dolgi ozki é je odraz za dolgi polglasnik v padajočem zlogu, za novoakutirani polglasnik v nezadnjem zlogu, za stalno dolgi in staroakutirani nosni e, za del novoakutiranih in umično naglašenih e.

Gradivo: déjn, léjn, péj 'panj', vés, géne se, léže 'laže', z méno, pésji, ténki, vzéme; devéti, glédam, gréda, jétre, jéza, pést, rép, sréča; détela, pokléknit; zéle, žénim, édn; télo, tésto, so zanésli, zémla; so živéli, létnice 'velika noč'.

Dolgi ozki ó je naslednik stalno dolgega in staroakutiranega nosnega o, dela novoakutiranih etimoloških o in dela umično naglašenih o.

Gradivo: góbec, gólop, gósta, klóp, móka, ózek, róka, róp, sósed, strók, tóp; dóga, góba, tóča, mogóče; bródim, gónim, hódim, lómim, módlim, prósim, vóla; glagolski deležniki na –l: nósla, nósli, nósle, hódla, lómla, módla, prósla. Prevzete besede: cólerca, klóboh, kósn 'omara', ófar 'najemnik',pólt 'kmalu', tóbla 'miza s posteljo'.

Dolgi široki ê je odraz za kratko in umično naglašeni polglasnik: dêž, nês 'danes', pês | péas, têš; dêska, mêgla | méagla.

Dolgi široki dvoglasniški éa je naslednik staroakutiranega jata, dela novoakutiranih e in tudi kot varianta širokega ê iz umično naglašenega e.

Gradivo: bréaza, céasta, déalo, léato, péana, povéat 'povedati'; néaso, réako, péako; čêla | čéala, rêbra | réabra, têta | téata, žêna | žéana.

Dolgi široki ô zastopa praslovanski dolgi a v nevtralnem položaju: brômar, dvô, glôdek, glôs, jôhat, jôrm, jôsle, klôčit, kôča, lôni, mlôda, môčka, môlo, môti, slôma, slôma, vrôna, žôba, grôta 'postane', ôhteti 'varovati', môtrat, štôla, tôlat 'deliti.

Diftongični dolgi široki óa zastopa del novoakutiranih o: dóale 'spodaj', hóaja, kóaža, óasn, podlóaga, róaža, potóaka, škóada, Kóadl 'Karel', Óadam 'Odon', cóata, góata, štóas.

Dvoglasnik éj zastopa praslovanski stalno dolgi jat in dolgi cirkumflektirani etimološki e.

Gradivo: beséjda, bléjd, bréjg, cvéjt, čréjz, čréjva, gréjh, kléjše, léjs, léjte, méjsnc, mléjko, séjmeni, sréjda, svéjča, tréjbit, tréjzik, véjm, zvéjzda; léjt, péjč, pepéjla, sméjt; céjgl, špéjgl.

Dvoglasnik óu je odraz za praslovanski dolgi cirkumflektirani etimološki o. Govorijo ga tudi v prevzetih besedah.

Gradivo: bóug, bóus, dóumo, kóust, móust, nóuč, nóus, nóuk (rodilnik množine 'nog'), otróuk, stóu, plóut, spóudn; cóu, fróuška, šóušter.

Dolgi á zastopa sekundarno naglašeni o, etimološki a v zlogih –rav-, -lav-, -av- in kratki naglašeni a.

Gradivo: ása, dáma, dáro, gá 'gor', kása, káza, mákra, nága, rása; bráda, Dráva, gláva, práva, tráva, zdráva, mráula; brát, jáz, gráh, stát, šlá, znát,; v množinskem deležniku: so dáli, spáli, stáli, ználi.

Samoglasniški r se izgovarja kot ár: čárn, dárča, hárbet, kárt, márva, párt, sáršen, smárt, várba, várhka 'zgoraj'.

2.1.2 Kratki naglašeni in nenaglašeni samoglasniki i, u, e, o, polglasnik in a se govorijo v vseh besednih zlogih zaradi naglasnih umikov proti začetku besede.

Kratki i se izgovarja kot polglasnik. Zapisujem ga s črko e.

Gradivo: bèt, gnèt, mèš, nèč; àča, àkna, nàči.

Nenaglašeni samoglasniki se izgovarjajo manj napeto in se prilagajajo govornemu okolju. Najbolj pogosta vokalna redukcija je ekanje: bíjketi se 'prepirati se', déalet, íjskeli so, níjmeš, ôhteti, so péleli, prôšeti, so stréjleli, Lúučene; zebiv 'zabela', debíjm.

Prednaglasni a lahko prehaja v o: kodíj se, moceásl, mošíjn, tobléte. Namesto nenaglašene pripone –ok se posplošuje pripona –ek: globádek 'globok', pátek 'potok', širek 'širok, vìsek 'visok'.

Posebnost tega govora je izpuščanje l-ja v deležnikih: -ala>-aa: je píjsaa 'pisala', pokôzaa, spóaznaa, spúugaa 'zgradila'. Morda je to vpliv koroškega prehajanja l v w pred zadnjimi samoglasniki.

2.1.3 Soglasniški sistem se deli kot knjižni na zvočnike in nezvočnike.

Soglasniške posebnosti v tem govoru so naslednje:

- poleg l je znana tudi varianta s trdim l v položaju za polglasnikom (pišem e ali i): cela 'cela', nósiła, šiła, zgodiło;
- palatalni lj je otrdel: klúuč, krôl, mráula, postéla, vóla, zéle; pojavlja se lahko tudi zlogotvorni l: prjôtl, pôrkl, žgrébl;
- dolgi in kratki zlogotvorni l se je razvil ali v dolgi ozki ó: bóxa, póh, vók ali pa je zlog –oln- dal –amn-: kàmne 'kolne', sàmice, Smàmnik ' Smolnik', vàmna 'volna' 'volna', žàmna 'žolna';
- sonornik v se pojavlja tudi kot proteza pred –u: vùčiti se, vùš|vòš, vùžgati;
- sonornik j se govori tudi kot prehodni glas: béjži, grójzdje. héjc, kózji;
- prvotna skupina dl je ohranjena v besedah: màdlti 'moliti', védla rôaža in v deležnikih: krôdla, jéadla;
- sklop dl se lahko izgovarja kot gl: gléjtva 'dleto', grégl, iz gredl;
- sklop tl prehaja v kl: méakla, réatl 'rekel';
- sklop gl se zamenja v dl: dlíh<glih, méadla 'megla';
- sklop zr da zdr: zdréala jôboko 'zrela';
- pripornik f se govori namesto v pred nezvenečimi soglasniki: fséast se, fsôk, f péjč;
- velarni h so govori tudi kot proteza pred i, a, o: híjn 'inje', híjndom 'drugje', hôjda 'ajda', hàni 'oni', hóader 'postelja';
- sklop sc izgovarja kot hc: kòhci, prôhci 'prasci';
- sklop šč se olajša v š: góša 'gošča', íjšem 'iščem', kúušer 'kuščar', píjše 'pišče', na têše.

Besedilo v narečju

A kó sn se lédik píjsala, če zàj, ko sn drúugikrat ožéjena blà? Slúužila sn: pr Vúrbosi sn blà séadn lejt, nô sn blà pr Fóaršneri dvéj léati. F šóulo sn hódla na Svéti Dúuh, na Svéti Krížž pa v Lúučene dvéj léati. Tàm ko sn domá blà, me níjso púusli f šóulo jíjt, so rójši štrôf plôčali. Pozíjmi žé, pozíjmi. Sn dvéj vúuri meála za jíjt. Men čí dáro šló tàm. Nô sn se pa oženila. Séadn lejt sma nô kùp blà. Nô je pa àn začêu drúuge žéjnske méat póulenk, té sn pa já šlá, té sn ga pa púusla. Síjna màm, deklíjna je vmárla. Ot síjna čè véjm vlíjko kàj. Štíri votráke mô, tríj so ožéjeni, édn se učíj. Svájo híjšo môjo.

Héniga léata sn tàk pôdla, da so me nô f špitáu pélali, ko sn si nóugo poklôva. Tàm je pa té príjšla núuna, je pa té nóugo mi nòtr namôzaa.

3. Govor v vasi Žetinci (Sicheldorf) v avstrijskem Radgonskem kotu spada v panonsko narečno skupino, in sicer je mednarečje med prekmurskim in slovenskogoriškim narečjem. V vasi Žetinci živi okoli dvesto prebivalcev in večina uporablja slovenščino kot jezik za medsebojno sporazumevanje, pri mlajših pa že prevladuje nemščina. V osnovni in srednji šoli v avstrijski Radgoni se učenci lahko učijo tudi slovenščino kot izbirni predmet jezik soseda.

Med slovensko govorečimi je veliko prekmurskih priseljencev; njihovi predniki so se v drugi polovici 19. in v prvi polovici 20. stoletja priseljevali kot predstavniki najnižje družbene plasti – kot hlapci in dekle. Izbrani informatorji so avtohtoni Žetinčani, rojeni v letih: 1926, 1955 in 1970. V vasi živijo predvsem kmetje, ki se ukvarjajo z živinorejo in poljedelstvom. Farno cerkev in šolo imajo le v avstrijski Radgoni.

3.1 V glasoslovju je znan le jakostni naglasni tip. Najstarejša naglasna premika: zlâto>zlatô in ôko>okô ter naglasni umik dušà>dúša so ohranjeni. Naglasni umik s končnega kratkega zloga na prednaglasni samoglasnik je izvršen, vendar se novonaglašeni samoglasnik ni podaljšal: žèna, nòga. Znan je tudi umik na prednaglasni polglasnik: fsèhne, mèša.

3.1.1 Dolgi samoglasniki so: í, ü, ú, é, éj, óu, á, ŕ.

Dolgi í je odraz za stalno dolgi i: líst, píšen, svíja, zíma, zíd; e pred r se izgovarja kot i: dvír, kíri, pírje, večír.

Dolgi ü zastopa stalno dolgi u: lüč, lüster, olüpi.

Dolgi ú je nastal iz samoglasniškega zvočnika l (ol): čún, dúgi, kúnen, púnin, túčen, vúk, žúna.

Dolgi ozki é je odraz za stalno dolgi nosni e: glédan, imé, pét, pétek, préden, kléčao, péta.

Dvoglasnik éj je naslednik stalno dolgega jata: béjli, beséjda, gréjh, léjpi, léjs, méjh, mléjko, séjh, svéjča, zvéjzda.

Dvoglasnik óu je odraz za dolgi cirkumflektirani etimološki o in za dolgi cirkumflektirani nosni o: bóuh, mesóu, móuč, nebóu, nóuč, okóu; góubec, golóub, klóun, óuzek, róuka, sóused, stróuk.

Dolgi á zastopa dolgi cirkumflektirani a: bráda, dvá, gláva, grád, kováč, král, hrást, tráva.

Samoglasniški dolgi ŕ je ohranjen: bŕf, gŕm, pŕst, vŕh, tŕd, vŕt.

3.1.2 Kratki naglašeni samoglasniki so: ì, ü, u, ẹ, ọ, e, zaokroženi ą̇ in samoglasniški r.

Kratki naglašeni ì je nastal iz staroakutiranega, novoakutiranega in umično naglašenega i: ftìči, hìža, lìpa, rìba, žìla; mìš, nìč, nìt, sìt, prìnas, vìsiki.

Kratki naglašeni ü je odraz za staroakutirani, kratki in umično naglašeni u: čüti, krüha, küpa, fküp, tü, küpila, stüdenec.

Kratki naglašeni u nastal iz staroakutiranega in kratko naglašenega samoglasniškega l: bùha, dùga, pùna, vùna, pùn.

Kratki naglašeni ozki è zastopa staroakutirani jat: brèza, cèsta, lèto, mèsto, pèna, povèdati, rèzati, strèha.

Kratki naglašeni ozki ò je odraz za novoakutirani etimološki o in za umično naglašeni o ter za staroakutirani nosni o: nòsin, pròsin, škòda, vòla, škòf, kòtel, kòza, òsa, pòda, dòga, gòba, tòča.

Kratki naglašeni samoglasniški r je odraz za staroakutirani r: smrt, vrt.

Kratki široki è zastopa staroakutirani nosni o: dètelca, poklèkniti, srèča, zèt si.

Zaokroženi kratki å je naslednik staroakutiranega kratkega in umično naglašenega a: bråta, kråva, måti; brå̀t, nå̀s, nå̀fčila.

Nenaglašeni samoglasniki so ohranjeni, samoglasniški upad je minimalen, najpogostejši je v soseščini zvočnikov; polglasnik se izgovarja kot e.

3.1.3 Soglasniški sistem kot v knjižnem jeziku sestavljajo zvočniki in nezvočniki.

Premene so naslednje:

- j– je dobro ohranjen, nastane pa lahko tudi iz h v končnici –ah>-aj kot v prekmurščini;
- h- lahko onemi: láče 'hlače', lápec 'hlapec', rèn 'hren';
- sklop šč se olajša v š: íšen, küšara;
- sklop hč se lahko izgovarja kot šč: ščèn<hčen 'hočem';
- palatalni nj je izgubil nazalnost med samostalniki in na začetku besede ali pa palatalnost: kamèje, korejé, pìtaje, lobâja, jìva; lükna, ògen, skègen;
- prehodni j se pojavlja v zaprtem zlogu pred –d in –n: zájdni, jájnka, žgájnki;
- mehki lj je otrdel: kåšel, klüč, král, stèla, vóla, zèmla;
- v edninskem deležniku za moški spol se najpogosteje pojavlja končaj –a; gre za vpliv iz prleškega narečja: cvrá, mrá, žrá, nèsa, prìša, zdìgna, nòsa, hòda, bìja, vìda, trpa, 'mẹja, zèja, dèla, gùča, čüja;
- zobnoustnični v se govori pred samoglasniki, zvočniki in zvenečimi nezvočniki, pred nezvenečimi soglasniki se preimenuje s f: fčèraj, nàfčiti, òfca, čréjf, zdråf, pråf, bŕf, čŕf, církef; pred začetnim ü je lahko proteza: vüš, vüha, vüsta;
- ustnični –m se na koncu besede premenjuje z –n: dèlan, z bråton;
- zveneči nezvočniki izgubijo zven pred premorom in nezvenečimi nezvočniki: krìš – krìža, gròp - gròba, špâjs – špâjza;
- sklop –dl- se je olajšal v –l- ali v –gl- : jèla 'jedla', gléjtva 'dleto';
- sled nosnega e je ohranjena v obliki méjsenc.

Besedilo v narečju:

Gumilárof Jánči je pri Serébovih hlápec bíja, tü pa tàn od žálosti málo prèveč píja. Pr mízi za jèga nej bilóu plàca. Ko je družína pr obédi sedéla in dòbro jèla, je Jánči s pèson na štèjgaj sèda, pohlévno čàka; vrtíja vün prìšla i na hitro povéjdala: »Já Jánči, na tèbe san gnès pozàbla. Kàj bi ti naj zàj hítro sküjala?« Sen pa tà premišlavala pa vün zjèkala: »Za psà mòran ìtak nèkaj küjati. Bon váma narédla krúmpišovo žüpo.« Jánči jo je žálostno poglèdna, fsè korájžo fküp pobráu i odgovor dáu: »Ja tí vrtíja, ti nefsmílena, pa ti ne véjš, ka žüpa nèma küpa?« Vrtíja nazáj k družíni odíšla, Jánči pa hìtro f spóudno kléjt smükna, trí pískre jábučnice gùtna. V želóutci mu je bùrkalo, v glávi pa kükalo.

Povzetek

Tako imenovani Štajerski Slovenci so majhna narodnostna skupnost v Avstriji ob meji z Republiko Slovenijo. Slovenci so po prvi svetovni vojni

kljub členu 7 avstrijske državne pogodbe ostali brez pravic, brez dvojezičnih šol in dvojezičnih maš. Slovensko narečje se iz roda v rod prenaša po ustni tradiciji. Leta 1988 ustanovljeno Kulturno društvo člen 7 za avstrijsko Štajersko si prizadeva za učenje slovenščine in za razvoj kulture pri Štajerskih Slovencih. Tako se danes učijo slovenščine v osnovnih šolah v avstrijski Radgoni, Lučanah in v Arvežu. Slovensko narečje se ohranja še v krajih Mlake (Laaken), Radvanje (Rothwein), Gradišče (Schlossberg), na Velikem Boču pri Lučanah (Leutschah) in v petih vaseh v t.i. Radgonskem kotu. Ti govori spadajo v koroško, štajersko in panonsko narečno skupino. Preučeno je glasoslovje v govorih: Radvanje, Veliki Boč in Žetinci. Radvanjski govor spada v vzhodno podjunsko narečje s koroškim razvojem dolgega jata in etimološkega e v dvoglasnik ie in dolgega etimološkega o v dvoglasnik uo, dolgi a se zaokroži v široki o, dolgi a pa zastopa tudi dolgi polglasnik. Ohranja se tudi premena trdega l v w pred zadnjimi samoglasniki. Pri Lučanah je na Velikem Boču še ohranjen severnoštajerski kozjaški govor z dvoglasnikoma ej za dolgi jat in etimološki e ter ou za dolgi etimološki o. Mednarečni prekmursko-slovenskogoriški govor v Žetincih pozna fonem ü za u, u pa je nastal iz zlogotvornega l, dolgi jat se je razvil v dvoglasnik ej, dolga o in nosni o imata odraz ou; ohranjen je izgovor samoglasniškega r. V soglasniškem sestavu je znano prehajanje končnega -m v -n. Soglasniške premene so v obravnavanih govorih redkejše.

Literatura

Logar, Tine (1993) Slovenska narečja. Ljubljana. Mladinska knjiga.

Placet, Marjeta (2010) Govor vasi Rothwein. Diplomsko delo. Filozofska fakulteta Maribor.

Ramovš, Fran (1935) Historična gramatika slovenskega jezika. VII. Dialekti. Ljubljana.

Zorko, Zinka (1995) Narečna podoba Dravske doline. Kulturni forum Maribor.

Zorko, Zinka (1998) Haloško narečje in druge dialektološke študije. Založba Zora. Maribor.

Zorko, Zinka (2009) Narečjeslovne razprave o koroških, štajerskih in panonskih govorih. Založba Zora. Maribor.

Blatnik, Herbert (2005) Geschichte und Topographie des Bezirkes, Deutschlandsberg. Steiermärkisches Landesarchiv.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 507-512
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.507

Mária Zsilák
(Budimpešta, Madžarska)

SLOVENSKA MEDICINSKA TERMINOLOGIJA NA KONCU 18. IN V PRVEM ČETRTLETJU 19. STOLETJA

Abstract: The author illustrates the formation of the Slovenian-language medical terminology putting it in Central European context, based on two works of veterinary therapeutics: J. Wolstein: *Bukvice od živinskih bolezni za kmetske ludy (*1784), *Bukve od kug inu bolezen goveje živine, lih ovac inu svin* (1792), and the obstetrical compendium, J. Matošek: *Babištvo ali porodničarski vuk za babice* published in 1818 translated by Valentin Vodnik. She points out the professional – medical history – worth of the three books, and besides that, she evaluates their place in the course of development of the Slovenian literary language, of which the professional vernacular terminology is a specific layer.

Keywords: medical training, medical terminology, veterinary therapeutics, obstetrics, literary language

Materialistični filozofski sistem razsvetljenstva je imel velik vpliv na razvoj naravoslovja, na razvoj medicine so odločilno vplivala predvsem nova dognanja kemije in fizike. Po Evropi so nastala nova znanstvena medicinska središča, ki so zastopala napredne smeri. Na območju Avstrijskega cesarstva in Ogrskega kraljestva je v 18. stoletju na Dunaju nastala t. i. *stara dunajska šola*, ki jo je kadrovsko omogočila Marija Terezija s tem, da je na svojem dvoru zaposlila enega najbolj cenjenih zdravnikov tistega časa van Sweitenta in ga pooblastila za reformiranje medicinske fakultete. V 19. stoletju razvoj zastopa t. i. *nova dunajska šola*, katere učinek je prav tako čutiti na področju Ogrskega kraljestva.

Marija Terezija je dala velik poudarek izobraževanju zdravnikov, leta 1769 je na trnavski univerzi ustanovila katedro za kirurgijo (ranocelništvo). Istega leta so se tudi v Egru začela predavanja o medicini, a je bil poskus zaradi premajhnega zanimanja neuspešen.

Ob selitvi trnavske univerze v Budim (1777) sta študij medicine dopolnila botanični vrt in Bolnica svetega Janeza (Szent János Kórház). Od selitve univerze v Pešto (1784) se je študij medicine razširil za več področij in potekal v okviru kateder, za patologijo in medicino (kór- és gyógytan), fiziologijo in medicino (élet- és gyógytan), kemijo in botaniko (vegytan és növénytan), anatomijo (bonctan) ter kirurgijo in porodništvo (sebészet-szülészet). V tistem času je vzporedno še deloval ostanek nekdanjega zdravniškega cehovskega sistema, zaradi česar so na fakulteti, ki je bila kot samostojna enota univerze ustanovljena leta 1848, kot zunanji sodelavci delovali ugledni zdravniki. Potek študija in preverjanja znanja je urejal Ratio Educationis, do leta 1876 so

diplomanti dobivali naslove doktorja medicine, kirurga, porodničarja in okulista. Študij za doktorja medicine je trajal pet let in vseboval študij anatomije, kemije, botanike, zoologije, patologije, farmakologije, kirurgije in porodništva. Študijski program je predpisoval tudi dva rigoroza, diplomo pa so študentje katoliške veroizpovedi dobili po javni obrambi. Ob promociji so morali zapriseči, da verjamejo v brezmadežno spočetje. Študentje protestantske veroizpovedi so lahko dosegli samo licenciat.

Slušatelji tečajev za kirurške mojstre so izhajali predvsem iz vrst osvobojenih članov kirurškega ceha. Po opravljenih dveh rigorozih iz anatomije, zdravništva, operaterstva, obvezovanja in sodne medicine so lahko dobili diplomo. Na začetku 19. stoletja nastopi združen medicinsko-kirurški študij in možnost opravljanja dveletnega meščanskega ranocelniškega tečaja. Leta 1813 se je bilo mogoče usposabljati tudi za zobozdravniškega mojstra. 1872 je izpitni pravilnik odpravil manjše tečaje in združil študij medicine (Mayer 1988: 224, 244-245, 255-256).

Nedvomno so po vsej monarhiji delovale ustanove, ki so usposabljale za zdravniški poklic, po podobni shemi. Učinki teženj po poenotenju, ki jih je predpisoval Ratio Educationis Marije Terezije, so bili opazni na različnih področjih, v izobraževanju npr. pri učbenikih, ki so bili izdelani na osnovi istega nemškega vzora (abecedniki), na koncu 18. stoletja pri znanstveno zasnovanih slovnicah za nenemške narodnosti monarhije, težnja se je kazala tudi v prvi polovici 19. stoletja (Nyomárkay 2002, Keipert 1993). Pri izobraževanju zdravnikov sta za zgled služili dve dunajski šoli, njun učinek se je kazal tudi v znanstvenih delih in nazorih, poleg tega je bila za ta čas značilna težnja po ustvarjanju medicinske terminologije v jezikih različnih narodov monarhije na temelju nemške medicinske terminologije. V tem predavanju se bom posvetila oblikovanju slovenske medicinske terminologije, in sicer na osnovi dveh del s področja živinozdravstva, *Bukvic od živinskih bolezni za kmetske ludy (*1784) in *Bukev od kug inu bolezen goveje živine, lih ovac inu svin* (1792) J. Wolsteina ter *Babištva ali porodničarskega vuka za babice* J. Matoška, ki je izšlo leta 1818 v prevodu Valentina Vodnika. Na temelju monografije kulturološkega značaja M. Orožen je mogoče ta dela v razvoju slovenskega knjižnega jezika razvrstiti takole: Avtorji so prek prevajanja tujih vzorcev prenesli v slovenščino izrazje za posamezna strokovna področja. V razvoju slovenske terminologije je 18. stoletje obdobje zavestnega oblikovanja terminologije v maternem jeziku. Proces ustvarjanja terminologije v maternem jeziku seže tudi v 19. stoletje, iz tega obdobja Orožnova poudarja pomen večplastnega, na številna strokovna področja vezanega dela tvorjenja strokovnega izrazja Valentina Vodnika (Orožen 2010: 242).

Po obsegu in strokovnem pomenu je med omenjenimi deli najpomembnejše *Babištvo*. Avtor knjig o živinozdravništvu je ravnatelj dunajske cesarske živinozdravniške bolnišnice, njegov stik z dunajskim dvorom je razviden iz uvoda v *Bukve*, v katerem se zahvali Mariji Tereziji in njenima sinovoma Jožefu II. in Leopoldu, da so mu omogočili pisanje in izid knjige. Hkrati

navaja, da so *Bukvice* doživele 11 izdaj. *Bukvice* se na splošno ukvarjajo z nalezljivimi boleznimi živali, nekateri njihovi deli pa se konkretno nanašajo na konje, govedo in ovce. Podrobno opisuje simptome in potek bolezni od inkubacijske dobe do pogina živali. Na avtorjevo bolnišniško zaledje kaže dejstvo, da opiše tudi simptome, ki so vidni po smrti živali – njihovo poznavanje mu je lahko omogočilo le seciranje. Daje nasvete glede negovanja obolele živali, najbolj pa se zavzema za preprečitev okužbe. Glede vzroka bolezni in nasvetov glede zdravljenja se prepletajo prvine pogledov slavnih antičnih zdravnikov s tedanjimi modernimi načeli. V *Bukvicah* npr. na str. 25 med vzroki za bolezen našteva vročino, dolgotrajno deževno obdobje, soparo, nezdrave vetrove, puščanje krvi (Žiláková 2010: 356, 384) – kot razsvetljeni znanstvenik pa zaključi: »…*Od svesd, od zoperniz, inu od drugih urashov, katere neumne schene uganjujejo, nepridejo nikol bolesni*…«, nato v nadaljevanju na isti strani kot vzrok bolezni navaja neprimerno hranjenje, neprimerno pašo, na naslednji strani pa v tem smislu analizira neurejene higienske razmere. Na drug način je mogoče opaziti ta pojav v drugi knjigi, v *Bukvah*: v ljudski medicini je splošno znan nazor, da lahko škodljive moči od sončnega zahoda do vzhoda človeku povzročijo bolezni, zato je bilo treba v primeru obolelosti, ki so jih zdravili s pomočjo magike, obiskati specialista za ljudsko medicino pred sončnim vzhodom, ko je mogoče škodljive moči izgnati iz človeškega (včasih živalskega) telesa. Wolstein v *Bukvah* opozarja, naj kmetje ne odpeljejo živali na pašnik pred sončnim vzhodom in naj počakajo, da sonce segreje zemljo, saj lahko rosna, vlažna trava povzroči bolezni, kar je racionalna razlaga za izogibanje škodovanja zdravju.

V *Bukvicah* Wolstein utemelji načela pravilne, torej zdrave živinoreje. Glede tega je jasno čutiti tesno povezavo med knjigama. V drugi knjigi, v *Bukvah* ... ponovi svoje poglede, zelo veliko skrb pa posveti npr. opisu idealnih hlevov. V primerjavi s prvo knjigo je tu novost npr. razvrstitev krav in ovc po pasmah. Velik pomen pripisuje cepljenju proti kozam tudi za živali (cepljenje proti kozam s cepivom iz kravjih osepnic je odkril göttingenški profesor Just /leta 1754/, z znanstvenimi poskusi pa je cepljenje utemeljil anglež Jenner /1796/) (Mayer 1988: 230). Njegovi recepti vsebujejo številne elemente, ki jih pozna tudi ljudska medicina in so postali prek starejše strokovne literature splošno znani in uporabljani.

Wolsteinova knjiga nemško terminologijo prenaša v slovenščino. Pogosto uporablja sinonime, naslanja se na izraze, ki so udomačili v jeziku ljudstva.

Npr. v *Bukvicah* na str. 4: »*...kader je na vampih bolna, dri3to, ali toku imenvano vampno suhoto ima. Vampna suhota po nem3hkim Löserdirke...*« , str. 38: »*...eno prevuso, (katera se po nemshku Haarseil, ali Ajterband previ*)...« Značilno je uporabljanje sinonimov za poimenovanje posameznih bolezni ali simptomov: *Bukvice* str. 11: *napetje ali napihnetje,* str. 13: *pluzhna bolesen ali jetka ali opalenje tih pluz*, str. 38: *kamnite soly,* str. 39 »*Koren, kateri se Talloje ali zmeryka, imenuje...*« Nekaj primerov iz *Bukev*: str. 46: »*...te bolesni v vampi, ali grishe, ali glena ...*« str. 70: »*Od bolesni tega*

pojánja, ali od taku imenuvanih franzosov ...« str. 133 *arznyo*, str. 160: »*Od kos, ali ospiz*.«, str. 165: (ovce) »*merslica popade*«, str. 189: »*Grinte ali vushy*«, str. 200: »*...grenke soly (Pitersalz*) ...« str. 201: »*Kusharji ogin, divji ogen*« itd.

Matoškova knjiga ni bila prva knjiga s tega področja v slovenščini, pred tem je v zadnji tretjini 18. stoletja pisal babiške priročnike A. Makovic (Makovic 1782, 1788a, 1788b). M. Pirnat je v svoji razpravi o anatomskem izrazju babiških priročnikov začela z Makovičevim delom in prikazala razvoj terminologije do sredine 20. Stoletja (Pirnat 1984). Jezikovna podoba Makovičevega prvega, babicam namenjenega priročnika je pomemben mejnik v razvoju slovenske medicinske terminologije, na kar opozarja tudi M.Jesenšek (Jesenšek 1995: 219-230).

Avtorstvo Babištva predstavlja resno filološko vprašanje. Mladi profesor češkega rodu Jan Matošek (Matoušek), ki je na ljubljanskem liceju predaval porodništvo, je svoje delo napisal v nemškem jeziku. Njegovo delo je skrbno prevedel Valentin Vodnik, ki je kot enakovreden ustvarjalec prenesel v slovenski jezik delo, pomembno tudi s stališča sodobne znanosti. Glede avtorstva obstajata dva pogleda: kulturna in književna zgodovina omenjata Vodnikovo ime na prvem, Matoškovega pa na drugem mestu. Zgodovina medicine ima za avtorja Matoška, Vodnika pa kot prevajalca omenja na drugem mestu (Pirnat 1984:139). Menim, da sta jezikovni oz. jezikoslovni in strokovni delež enakovredna.

Kazalo *Babištva* zrcali logično razporeditev učne snovi. Matošek razdeli gradivo na pet delov (bukev), vsak del pa je razdeljen na več poglavij (stavkov) glede na obravnavano snov. Na začetku poglavij se pred opredelitvijo problematike nahaja slovarček, v katerem na prvem mestu stoji slovenski ustreznik nemškega izraza. Težko je ugotoviti, na temelju katerih načel sta avtor in prevajalec izbrala v slovarček prav te besede. Med njimi so temeljni pojmi kot npr. *lekarstvo=Arzenkunde, lekar=Arzt, lekarija=Arznenmittel, babishstvo=Hebammenkunde, babiza=Hebamme, bolnishe=das Spital, dojniza-dojka=Sägamme, kap=Schlagfluß, zelnishtvo=Wunddarznenkunst, zelnik=Wundarzt, zevka=ein Rőrchen,* a tudi manj znani, v ožjih strokovnih krogih rabljeni izrazi: *zhutniza=die Nerve, derskla=Spriße, enakotehta=das Gleichgewicht, israstik=der Auswusch, isrojenka=die Neuentbundene, kaksniza=Individuum weibliches, materesek =Kaiserschnitt, mertvudost=die Lähnung (paralysis), vsebshina=Substanz* itd.

Težnja po natančnosti v izražanju in razločevanju pomenskih odtenkov se kaže v naslednjih primerih: *dristla=das Klystier, drista=das Ubweichen, dristilo=das Laxirmittel, kapva=Tropfbad, kapva parna=Dampfbad, módrost=die Weisheit, módrovanje=Klügeln, porodnishtvo=Gebőrkunde, porodnishe=Gebőrhaus, porojishe=Gebőrstätte, porojinvnik=Gebursstuhl*. Kot kažejo navedeni primeri, si je Vodnik prizadeval, da bi uporabljal sredstva slovenskega besedotvorja, večina izrazov je izpeljank, redko uporabi večbesedna poimenovanja: *zhloveshka rasdejlva – rastelestva=die*

Zergliederung, lozinj v dimlah=der Bauchring, natvorin Spreversh ik =Muttermaal, trutni venz=Mutterkranz, vustna poliska=das Mundschvämmchen. Prenekateri izraz še vedno živi: *sdravnik=Heilkünstler, sdravilo=Arznenmittel,* v narečjih pa je takih izrazov še več. Pomembnejši pa je prevod samega besedila, razlaga pojmov, ki potrjuje mojo zgornjo ugotovitev, da ni mogoče vedeti, na temelju katerih načel je bil slovarček pripravljen. Npr.: str.3 *porodnizho znanje=porodnistvo, kdoj jih zna=porodnizhar, porodnistvo je zeliho zdravnizhstva, velik dejl, babizhtvo pa je skrazhan dejl porodnishstva,* str. 4 *dvojne nauke: vumne in skusbniske – vumne=babizna umetnost, skusbniske=babizna rozhnost*, str. 22 *spolovila, to je shenskiga spola mehki vunajni dejli, ki delajo pinjko, str. 23 shgavzheg= okrogel jezichek je okrogla lukniza –szavnek,* str. 24 *spozhetila ali mehka notranja porojila*, str. 26 *trobenti sta dve, trebushna mrena* itd.

Zanositev opiše takole: »*O spoju sprejme shena moshov snutnik v maternizo svojo, sad se vpodobi*…« Nosečnost izraža vrsta sinonimov: str. 3: *nosesha, porodnica, otrozhnica*. Priročnik predstavi, kaj vse se pričakuje od babic: str. 6 »*… ne ima nobene prasne verje v glavi, nobene smote, ne vrashe, ne kakshine rasrade* …«. Prav tako predstavi obveznosti matere: str. 9 »…*sad se spodobi, ona ga nosi ga živi do zreliga, porodi ga, in ga redi in mu hrano i strežo daja še dolgo po svojmu porodu*«.

Prizadeva si jasno izraziti razlike med moškim in ženskim telesom: str. 9 *mosh ima rojila, shena porojila*. Podroben je opis anatomije ženskega telesa: str. 5 *spolovila, porodila, materni dejli*, str. 9 in 10 *mehka porojila, terda porojila, zloveshka medenza, porojila vunajna, porojila notranja, prezhna mrena, trebuhove ribize, krish, sram ali krilo, rit ali sedalo, to je saniza*, str. 11 *sveta ali krishna kost, to je krishniza, dve niemenovani kosti al neimenvanki, ledna kost=ledniza, sedna kost=sedniza, sramna (kost)=sadniza,* str. 12 *jajzhasta lukna, sramov oblok, medenzna stena,* str. 15 *spornjak=velka medenza, spodnjak=mala medenza, sgorna odpertina=medenzhno izhodishe, loputa=devizhna*, str. 26 *nizniza, maternizin vrat, maternizno vustje* itd.

Med izrazi imajo številni tudi madžarske vzporednice, prav gotovo bi jih našli tudi v jezikih drugih narodov nekdanje Ogrske, če že ne v knjižnih jezikih, pa nedvomno v pogovornih.

Podobno pronicljivo se priročnik ukvarja tudi s procesom poroda, z normalnim in zapletenim porodom, z lego zarodka, njenimi nepravilnostmi, z nalogami babice pri izpeljavi poroda s posebnim ozirom na nepravilno lego otroka, s prihodom zdravega otroka na svet, z mrtvorojenostjo, z novorojenčkovimi mogočimi boleznimi, s poporodno skrbjo za porodnice, skrbjo za novorojenčka, prikrivano nosečnostjo, skrivnim rojevanjem in z zapuščenimi na skrivaj rojenimi otroki. Vsaka tematika je glede terminologije podobno temeljito obdelana, kar kažejo navedeni primeri.

Za **sklep** je mogoče ugotoviti, da se predstavljeni priročniki ravnajo po sodobnih težnjah, knjigi, namenjeni strokovni skrbi za živali, sta konservativnejši, priročnik za babištvo pa je naprednejši. Slovensko

jezikoslovje in kulturologija sta namenila ustrezno pozornost pomenu njihovega prispevka. Menim pa, da njihovo poznavanje ne bi bilo brez koristi niti za madžarsko strokovno javnost, saj lahko tvorijo temelj primerjalnih leksikoloških raziskav.

Literatura

Cigale, M. (1880) Znanstvena terminologija. Matica slovenska. Ljubljana.

Jesenšek, M.(1959) Jezik v prvem slovenskem priročniku za babice. Med medicino in literaturo. Ljubljana, 219-230.

Keipert, H.(1993): Anton Bernoláks Kodifikation des Slowakischen im Lichte der theresianischen Schulschriften. Slaistische Studien zum XI. internationalen Slavistenkongre3 in Pre3burg/Bratislava. Köln-Weimar-Wien, 235-245.

Király P. (2003) A kelet-közép-európai helyesírások és irodalmi nyelvek alakulása. A budai Egyetemi Nyomda kiadványainak tanulságai 1777-1848. Nyíregyházi Főiskola Ukrán és Ruszin Filológiai Tanszéke. Nyíregyháza.

Mayer F.K. (1927, reprint 1988) Az orvostudomány története. Magyar Orvostörténelmi Társaság és a Téka Könyvkiadó. Budapest.

Makovic, A. (1782) Prašanja in odgovori čež všegarstvu. Ljubljana.

Makovic, A. (1788a) Všegarske bukve za babice na deželi. Ljubljana.

Makovic, A. (1788b) Podučenje za babice. Ljubljana.

Matoušek, J. (1818) Babištvo ali porodničarski vuk za babice. Ljubljana.

Nyomárkay I. (2002) Anyanyelvi ébredés és hagyomány nálunk és szomszédainknál. Lucilus Kiadó. Budapest.

Orožen, M. (1983) Pogledi Bleiweisovega kroga na slovenski jnjižni jezik. Zbornik za zgodovino naravoslovja in tehnike 7. Slovenska matica. Ljubljana, 181-217.

Orožen, M. (2010) Kulturološki pogled na razvoj slovenskega knjižnega jezika. Zora 74. Pirnat, M. (1984) Anatomsko izrazje v prvih slovenskih babiških priročnikih. Medicinski Razgledi, 8. 137-150.

Wolstein, J.G. (1784) Bukvice od živinskih bolezni za kmetske ludy. Ljubljana.

Wolstein, J.G. (1792) Bukve od kug inu bolezen goveje živine, lih ovac inu svin. Ljubljana.

Žiláková, M. (2010) Ľudové liečenie Slovákov v Maďarsku. Vydavateľstvo Ivan Krasko. Nadlac.

Studia Slavica Savariensia 2013. 1-2. 513-521
DOI: 10.17668/SSS.2013.1-2.513

Ольга Сергеевна Журавская
(Нижний Тагил, Россия)

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ «ДОМАШНИЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ» В СОВРЕМЕННЫХ ГОВОРАХ СРЕДНЕГО УРАЛА

Abstract: The article describes the system relationships in the lexical-semantic group of "home and outbuildings" in the Russian Urals dialects. Affected by the ratio of the described vocabulary to the Russian literary language, the semantic structure of the names of this group and their paradigmatic relations in the Russian Urals dialects in their present condition.

Keywords: Russian dialects in the Urals, the architectural vocabulary.

Сосуществование в едином говоре слов, пришедших из других говоров русского языка и неславянских языков, литературного языка, и собственно уральских слов создаёт оригинальную лексическую систему с необычными типами семантических отношений и отличным от общепринятых характером системной организации. Связь элементов подобной системы может проявляться в тенденциях выбора способа образования единиц, способа и объёма их функционирования и наличии специфических закономерностей в соответствии типа элемента системы с его функцией. Для системы лексики эти характеристики могут быть описаны как закономерности номинации и парадигматических, синтагматических и эпидигматических связей исследуемых единиц. Наличие закономерностей в системе важно для изучения лексики, поскольку взаимообусловленность лексических единиц предполагает наличие связей на всех уровнях системной организации. Раскладывая лексическое значение на отдельные семы для характеристики всего значения слова, мы используем метод компонентного анализа значения лексем (подробней о процедуре ограничения понятия см. Демидова, 1985:66). При этом интегральный компонент значения и дифференциальные семы единиц, образующих, в конечном итоге, лексико-семантическую парадигму (ЛСП), могут меняться на разных уровнях обобщения значений, При описании ЛСП следует выявить не только признаки, объединяющие единицы лексики в систему, но и признаки, на основе которых противопоставлены компоненты парадигмы. Цель данной статьи - охарактеризовать основные признаки системной организации лексики с общим значением “домашние и хозяйственные постройки” и выделить системные признаки для их дальнейшего использования при построении системного словаря. Словом с наиболее широким значением в исследуемой ЛСП можно считать лексему “постройка”, значение которой представляет собой рациональный образ

(то есть образ, обобщенный на уровне аудиального знака для понятийной области сознания: “постройка – все, что построено”) всех единиц парадигмы и объединяет их в семантическую общность. В лексическом значении слов, входящих во все малые парадигмы, составляющие изучаемую ЛСП, можно выделить сему “постройка”, которая отделяет изучаемую ЛСП от остальных ЛСП и конкретизируется другими семами по мере усложнения, то есть становится общим элементом лексического значения всех единиц, входящих в ЛСП “названия домашних и хозяйственных построек. Обобщая проделанный анализ ЛСП, следует отметить следующие повторяющиеся на разных уровнях членения парадигмы дифференцирующие семы и признаки:

Сема «функция реалии», становясь интегрирующим компонентом значения единиц ЛСП, конкретизируется следующими признаками: “жилая” и “хозяйственная”. На следующем уровне описания каждая из дифференцирующих сем снова становится интегрирующим компонентом и содержащая ее лексика разделяется в новые ЛСП дифференцирующими семами: в малой ЛСП “жилая постройка (часть постройки)” выделяются семы “постройка (часть постройки), предназначенная для человека” и “постройка (часть постройки), предназначенная для скота”, причём каждая из полученных при этом малых парадигм включает в себя семы “постоянная – временная”; а сема «хозяйственная постройка (часть постройки)» – конкретизируется семами “постройка (часть постройки), предназначенная для хранения чего-либо” и “постройка (часть постройки), предназначенная для бытовых действий и ремесла”, каждая из которых тоже членится в зависимости от элементов, входящих в значение слов, обобщающих конкретные проявления человеческого быта: “постройка, предназначенная для хранения зерна” (*амбар, пуня*), “постройка (часть постройки), предназначенная для хранения продуктов” (*подпол, погреб*, *омшаник*), “постройка (часть постройки), предназначенная для хранения утвари (*подзалавок*, *посудница, полица*), “постройка (часть постройки), предназначенная для хранения сельскохозяйственного инвентаря” (*сарай, хомутник, подсобка*), “постройка (часть постройки), предназначенная для хранения одежды” *(казёнка, сушилка, чулан*), “постройка (часть постройки), предназначенная для приготовления пищи” (*кухня, середа*), “постройка (часть постройки), предназначенная для приёма пищи” (*столовая, едальня*), “постройка (часть постройки), предназначенная для ремесленных нужд” (*мастерская, ткальня, столярка*), “постройка (часть постройки), предназначенная для строительных действий” (*взвоз, пандус, стакан*) “постройка (часть постройки), предназначенная для мытья” (*баня, ванная, лазня ,душ*), “постройка (часть постройки), предназначенная для сна” (*спальня, повалуша*), “постройка (часть постройки), предназначенная для учебных занятий” (*класс, кабинет, читальня*). Примером дифференцирующих сем общности слов, входящих в малую парадигму с интегрирующим

признаком “жилые постройки (части построек)”, могут служить следующие признаковые объединения:

- “жилые постоянные, предназначенные для людей” (*дом, хата, комната*, *горница, коттедж* и другие)
- “жилые постоянные, предназначенные для животных” (*закут, коровник*, *свинарник, стайка* и другие)
- “жилые временные, предназначенные для людей” (*балаган, балок, дача* и другие)
- “жилые временные, предназначенные для животных” (*баз, загон, ограда* и другие)

Специфическим для данной ЛСП можно считать расширение семантики некоторых единиц до обобщающих и имеющих возможность входить сразу в несколько общностей из-за наличия в значении слова интегрирующих сем сразу нескольких малых парадигм, как происходит со словом *сарай*, которое всё чаще используют как для обозначения любой постройки, входящей в группу “постройки, предназначенные для хранения чего-либо”, так и для обозначения построек, входящих в группу “постройки, предназначенные для содержания скота”, эта же лексема может быть использована и для обозначения построек, входящих в группу “постройки, предназначенные для проживания людей” в качестве наименования реалии, связанного с ее отрицательной оценкой.

Сема “место расположения реалий относительно других”, которая была дифференцирующим признаком на первом уровне членения ЛСП “хозяйственные постройки”, становится интегрирующим элементом значения на втором, и конкретизируется признаками “находящаяся на чём-либо”, “находящаяся под чем-либо”, “находящаяся за чем-либо”, “находящаяся перед чем-либо”. Они же, в свою очередь, являются интегрирующими элементами на третьем уровне описания значения конкретных лексем (*наличник* – украшение окон постройки, расположенное на *лице (фронтоне), поверх* - верхний этаж дома*, набровка* – украшение, расположенное на *обводе* проема*; подпол* – складское помещение, расположенное под полом первого этажа жилого помещения*, подпечек* – складское помещение для кухонного инвентаря*,* расположенное под печью*, подзалавок* – складское помещение для домашней утвари, расположенное под *залавком* (кухонным складом)*, предбанник, перебанок* – помещение в банной постройке, расположенное перед входом в парную*, предамбарье* – помещение в амбарной постройке, расположенное перед входом в нее*; залавок* – кухонный склад, расположенный за встроенной лавкой*, задворок* – некрытый склад, расположенный за *чистым двором* (двором, выходящим на улицу) и домашними постройками, и так далее).

Сема “внешний вид реалии” объединяет в малую ЛСП группу наименований, которая затем дифференцируется следующими признаками:

- “постройки (часть постройки), имеющие сходство по форме с какой-либо иной реалией материального мира”, на основании которого выделяются парадигмы, включающие в себя названия объектов, сходных с формой животного (*сороки, быки*), с частями тела животного человека (*лапа, крыло, окно, бровка, лоб, череп*), с предметами быта (*лемех, бочка, стакан, ящик,*),

- “постройки (часть постройки), имеющие сходство с другими предметами реального мира по производимому впечатлению”, на базе которого можно рассмотреть наименования реалий, качества которых сходны с качествами какого-либо животного (*бык, сорока*), с качествами предметов быта (*полотенце, косынка).*

Иерархическая структура описываемого участка ЛСП, состоящая во включении слов с более узким лексическим значением в систему означивания слов с более широким лексическим значением, не является постоянной, а ее оппозиции – жёстко противопоставленными, поэтому одна лексема может входить в несколько групп одновременно (*сарай, крыло*).

Сема “характер строительных действий при создании реалии” включает в себя признаки “очерёдность действия при создании постройки” и “тип действия при создании постройки”. В первом случае семантика лексемы включает в себя элементы семантики времени (*пристрой, придел, притык* – построено позже первоначальной постройки, от которой ведется временной отсчет строительства), во втором – элементы семантики действия (*сруб, повал, сомец* – построено при помощи особых плотницких приемов: *срубить* – построить из дерева, *повалить* – выдвинуть вперед относительно вертикальной плоскости, расположенной ниже уровня повала, *сомить* – рубить под углом).

Таким образом, в этой части статьи представлен основной состав интегральных и дифференциальных смысловых признаков, входящих в семантическую структуру наименований построек и структурирующих набор единиц парадигмы.

При неопределённости степени смысловой эквивалентности слов лексические единицы, “связанные гиперо-гипонимическими (иерархическими) отношениями, включают в себя синонимический ряд, поэтому в определение синонимического ряда слов следует внести признаки, ограничивающие свободу построения оппозиций, например, взаимозаменяемость при несовпадении некоторых семантических признаков, которые могут нейтрализовываться в определённых семантических позициях” (Шмелёв 1964: 141). В соответствии с этими ограничениями, слова различного звукового облика, полностью совпадающие по семантике, синонимами не являются. В их основе лежат либо разные принципы и способы номинации, либо разные фонетические модели говора. Для единиц ЛСП часто характерно множество обозначений одной и той же реалии, что связано чаще всего с историей

заселения края и мозаичным смешением на территории Урала множества говоров метрополий, следовательно, в представленной группе лексики в макросистеме широко развита вариантность и синонимия и параллельность наименования. Причинами использования нескольких эквивалентных единиц в говоре одновременно могут быть как выбор мотивирующего признака номинации, так и выбор средств номинации в говорах. В зависимости от различных форм выражения понятия выделяются следующие варианты одной и той же лексемы:

- словообразовательные (отличающиеся словообразовательными формантами)

погреб- погребня- погребушка (варьирование отмечается регионально, в данном случае первая лексема отмечается на всей территории Среднего Урала, вторая – в Талицком и Каменском районах, третья – в Алапаевском районе; при возникновении словообразовательных вариантов часто может происходить и варьирование словообразовательной модели например, *заборина, заборка* – перегородка в избе, *приделина, приделыш* – пристройка к дому

- грамматические варианты (варьируются грамматические показатели слова) например, *подбровка – подбровок, подзалавок – подзалавка*. Чаще всего варьируется отнесённость существительных к мужскому и женскому роду, реже – к женскому и среднему или мужскому и среднему. Вариативность среди форм, соотносимых с единственным и множественным числом в исследуемом материале наблюдается редко (*подсенки, подсенница* – помещение под сенями для домашней птицы).

- фонетические (варьируется звуковой каркас слова), чаще всего восходящие к процессам исторических чередований (*повалуша – повалыша* (у//ы), *поползуха – поползуша* (х//ш), *середа – среда* – кухня (ре//ере) или ассимилятивно–диссимилятивным процессам (*палаус – палауст* стIIс в результате сокращения труднопроизносимой группы согласных, *магазея – мангазея, мангазия* – в результате диссимилятивных процессов, *будка – бутка* – в результате ассимиляции),

- акцентологические (варьирование ударения – *подволо′ка – по′дволока*, *на′середь – насере′дь*). Подобные варианты возникают вследствие отсутствия жёстких акцентологических норм и наличия в русском языке подвижного ударения в однокоренных словах или в результате заимствования из разных говоров-источников.

В исследуемом материале по большей части представлено лексическое варьирование, основой которого является сосуществование слов с одинаковым значением, но заимствованных из разных источников (например, варьирование *подушка – фундамент*, в основе которого лежит заимствование в первом случае из северорусских и среднерусских говоров (СРНГ: 230), во втором – из литературного языка (строительная терминология) (Крысин 2006: 849). Словообразовательные,

грамматические и фонетические варианты также встречаются в исследуемой лексике, но в значительно меньшей степени и отмечаются только регионально (например, в Талицком и Каменском районах варьируются названия *погреб и погребня*, в Алапаевском – *погреб и погребушка*, но наименования *погребня и погребушка* являются не вариантными, а параллельными, так как не употребляются в одном социуме). В грамматических и словообразовательных вариантах чаще всего изменяется отнесенность существительных к мужскому и женскому роду (например, *подбровка – подбровок, подзалавка – подзалавок*).

Самыми частотными вариантами являются номинативные (167 единиц из 287), которые можно разделить на следующие подгруппы:

- варианты, возникающие в результате использования разных структурных средств номинации для передачи одного и того же признака: *причелина – причельная доска* (простое наименование – составное наименование по типу "существительное + относительное прилагательное"), *склад упряжи – упряжной склад* (разные структурно-семантические модели: существительное + существительное и существительное + прилагательное),
- варианты, возникающие в результате использования разных источников заимствования слов, бытующих в говоре как непроизводные (*сарай – палаус*).

Наличие большого количества подобных вариантов отражает специфику вторичного говора, в котором одновременно бытуют слова говоров метрополий, собственных говоров, заимствования из языков коренного населения, заимствования из литературного языка. Парадигмы с вариантными отношениями выявляются только в системе одного говора, так как каждая единица должна не только иметь аналогичное значение, но и бытовать в одной языковой микросистеме в одно и то же время. Иногда это приводит к семантическому отталкиванию вариантов и возникновению новых оттенков семантики. При функционировании лексико-семантических вариантов слов может изменяться объем понятий, и, соответственно, значение этих понятий. С расширением и сужением значения связан результат изменения соотношения значения с внутренней формой слова: *омшенник* – первоначально-складское помещение для зимнего хранения ульев, утепленное при помощи прокладывания мха между бревнами сруба, в настоящее время – утепленное складское помещение для ульев и продуктов, т.е. внутренняя форма слова не связана с его современным значением в результате его расширения (утрачен признак "материал, используемый для утепления"), следовательно, слово становится непроизводным и переходит в разряд вариантов слова *сарай.*

Особенности синонимии в данной ЛСП заключается в том, что в группе практически отсутствуют синонимы с эмоционально-экспрессивной окраской. Семантические синонимы достаточно частотны и связаны со спецификой говоров Среднего Урала как говоров

территории позднего заселения (*верх, чердак, подызбица, подловка, повалуша*). В данном синонимическом ряду доминантой является лексема *чердак* со значением «помещение под крышей», остальные же отличаются от неё семантически (в лексическое значение единиц включены дополнительные семы «способ производства реалии» и «предназначение реалии»: *подызбица* и *подловка* – складские помещения под крышей, *верх* и *повалуша* – помещения, предназначенные для временного жилья; *повалуша* – помещение, ограниченное повалами дома, *верх* и *подызбица* – специально оборудованные помещения).

Стилистическая синонимия связана с одновременным использованием в говоре диалектных и книжных слов (к тому же к синонимическому ряду относится и слово *мансарда*), но чаще всего это не стилистическая синонимия в чистом виде, а семантико-стилистическая, т.к. и в этом случае вычленяется разность значения с доминантным словом. Среди семантических синонимов в лексике с общим значением “домашние и хозяйственные постройки” можно выделить следующие группы:,

- синонимы, возникающие в результате использования различных номинативных признаков: *круглый дом – крестовый дом* (принцип номинации – перенос значения по сходству формы предмета, но в первом случае описание связано с продвижением внутри постройки, а во втором – с расположением помещений относительно печи),
- синонимы, возникающие в результате использования различных принципов номинации: *плотик – забор* (в первом случае реалия называется по качеству (состоит из плотно, без зазоров, подогнанных деталей), во втором – по функции (огораживает, «забирает», часть территории),
- синонимы, возникающие в результате использования различных способов номинации: *очелье – лобовая доска* (признак места расположения детали на фасаде строения, передан в первом случае через метафорический перенос наименования женского украшения на деталь фасада, во втором – через составное наименование, в котором относительное прилагательное также является следствием метафоры, возникшей по антропометрической модели).

На семантическом уровне синонимы чаще всего определяются как тождественные (семантические дублеты) или близкие по значению единицы (Апресян 1995). Однако дублетные наименования часто исключают из синонимического ряда, и в современной лингвистике синонимом следует считать слово, близкое по значению к доминанте синонимического ряда, но противопоставленное ей по валентности, стилистической маркированности или оттенку семантики, словообразовательной модели. В соответствии с этими ограничениями, слова различного звукового облика, полностью совпадающие по семантике, синонимами не являются, так же как и параллельные

наименования одних и тех же реалий, не существующие в одной местности (например, *взвоз* (Серовский район) и *влазня* (Пригородный район). Частотность синонимических единиц в исследуемой семантической общности сравнительно невелика (71 единица из 986).

Партитивные отношения (отношения части и целого) встречаются в каждой малой парадигме ЛСП. Этими отношениями связаны наименования не только целой постройки и ее частей (например, *дом* - целое, *сени, горница, светелка* - части), но и каждая из этих частей, в свою очередь, делится на более мелкие, вплоть до элементарных (например, общий элемент значения "части крыши" объединяет слова *слега, ребро, курица, конек, гонт* и так далее).

В исследуемой группе лексики практически нет антонимических отношений, что связано со спецификой тематической группы, где роль оценочной лексики минимальна. В трех антонимических парах, обнаруженных при анализе полутора тысяч рассматриваемых единиц, происходит противопоставление слов *халупа – хабазина, кольчик – хабазина* и *халупа – кольчик*. В первом случае наблюдается противопоставление по величине *халупа* (маленькая избушка) – *хабазина* (огромный дом), во втором – *кольчик* (аккуратный, уютный маленький дом) и *халупа* (маленькая неопрятная избушка) – по положительному /отрицательному производимому впечатлению, а в третьем – *кольчик* (аккуратный , уютный маленький дом) и *хабазина* (огромный несуразный дом) – одновременно по величине и положительному/отрицательному производимому впечатлению.

Таким образом, использование понятия ЛСП для анализа лексики с общим значением «домашние и хозяйственные постройки» в структурно-семантическом аспекте позволяет представить системные связи слов внутри семантической общности. Компоненты ЛСП вступают в системные отношения разных типов, а наиболее распространенными в исследуемой группе лексики являются гиперо-гипонимические, партитивные, синонимические и вариантные отношения. Основным видом системных отношений в данной ЛСП являются гиперо-гипонимические отношения, которые характерны для всех уровней ЛСП рассматриваемой лексики.

Литература

Апресян, Ю.Д. (1995) Избранные труды, том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М., Школа «Языки русской культуры». 472 с.

Демидова, К.И. (1985) Проблемы изучения диалектной лексической системы и региональная лексикография: Дисс. … доктора филол. наук. Свердловск. Т.I. 459 с.

Крысин, Л.П. (2006) Толковый словарь иноязычных слов. М., Эксмо. 944 с.

Словарь русских народных говоров. (СРНГ1965-1997) Вып. 1-31. Т.28. М.-Л., Наука.
Шмелев, Д.Н. (1964) Очерки по семасиологии русского языка. М., Просвещение, 244 с.

TARTALOMJEGYZÉK

Gadányi Károly hetvenéves. 5
Слово приветствия 8
Gadányi Károly írásainak válogatott bibliográfiája 10
Prof. Dr. Gadányi Károly kitüntetései, elismerései 19
Ахметбекова, Асель Мейрамовна: Способы организации словарных дефиниций в словарях лингвистических терминов 24
Асма, Бейхан: Отец и сын Болконские в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» 37
Азаматова, Ария Хазиевна: Перспективы упорядочения лингвистической терминосистемы 41
Багаутдинова, Гульзада Гадульяновна: Способы создания комического в раннем творчестве И. А. Гончарова («Счастливая ошибка», «Пепиньерка») 53
Баканова, Елена Владимировна: Библия как источник формирования русской концептосферы: концепт «семья»de 61
Bakonyi István: Az orosz mentalitás egykor és most (Változott-e a szépnem helyzete?) 74
Balić Silvestar: Hrvatski časopisi u mađarskoj od 1989. do 2009. Bibliografija 80
Bańczerowski, Janusz: Nazwy <niebo> i <świat> we frazeologii polskiej i węgierskiej 86
Barić Ernest: U kojoj mjeri mogu dvojezični rječnici pratiti promjene društvenih zbivanja 94
Bernjak, Elizabeta: Etnonimi v slovenski in madžarski frazeologiji 100
Blažeka, Đuro: Temeljna načela u izradi razlikovnih rječnika bliskih mjesnih govora 111
Blažetin Stjepan: Kiklop Ranka Marinkovića na mađarskom jeziku 124
Bošnjak, Blanka: Minimalizem med »popularnim in peklenskim« 130
Bölcs Matild: Regionális horvát irodalmi kultuszhelyek a Kőszegi járásban 139
Czetter Ibolya: Márai Sándor és az orosz irodalom 142
Черняк, Валентина Даниловна: Текст воспоминаний как инструмент для реконструкции языковой личности: Наброски к речевому портрету Е. Р. Дашковой 153
Доманский, Валерий Анатольевич: Функции топоса сада в романах И. А. Гончарова 160
Dončec Merkli Ibolya – Emberšič Škaper Elizabeta: Slovenska hišna imena na Gornjem Seniku in v Števanovcih 174
Dziewońska-Kiss, Dorota: Językowy obraz czterech żywiołów w polskiej i węgierskiej frazeologii 185
Федосов, Виктор Александрович: Русское народное языкознание: Основные признаки 198
Glavor Petrović, Petra: Analiza kulinarskog leksika u jeziku gradišćanskih Hrvata: Nazivi jela i slastica 203
Hajszan Panonski Robert: Jezična obilježja u „gradišćanskohrvatskim pričama" Antona Leopolda 211
Янкович Мария: Новые переводческие концепции в первой половине 19 века 216
Jászay László: Nyelvészeti szempontú megjegyzések a vid-használat tanításának kérdéséhez (К лингвистическим основам преподавания глагольного вида) 224
Jesenšek, Marko: Kardošev pomen za ohranitev prekmurskego jezika 237

Josić, Ljubica: Propitivanje održivosti trovrsnih kriterija lingvostilističke analize književnoga teksta 244
Кафанова, Ольга Бодовна: Амплуа персонажа-немца в русской феминистической прозе середины XIX века 249
Кейко, Анна Станиславовна: Использование материалов пособия «Экскурсия по Московскому Кремлю» для формирования культурологической и коммуникативной компетенций учащихся на занятиях по РКИ 262
Коч, Кенан: Русские заимствования в южно-казахских диалектах казахского языка 266
Клименко, Анна Петровна – Бубнова, Ирина Александровна: Культурный сдвиг при билингвизме 273
Klinčić, Ivana – Rezo, Vladimira: Posmrtni govori na hrvatskom kajkavskom književnom jeziku 280
Kocsis Mihály: Harkov és az ukrán helyesírás-történet 286
Kolláth Anna: Többnyelvűség és munkaerőpiac 294
Копров, Виктор Юрьевич: Семантико-функциональный синтаксис: Субъектно-объектные отношения в русском языке на фоне английского и венгерского языков 305
Краснокутская, Виктория Васильевна: Тюркские заимствования в украинском языке 316
Krekić Tomislav: Preporodni pokušaji bačkih i gradišćanskih Hrvata u drugoj polovici 19. stoljeća 323
Кулишкина, Ольга Николаевна: Афоризм в русском культурном контексте XIX – начала XX вв. 327
Лендваи Эндре: Перевод культур в эпоху глобализации 335
Meršić Žuža – Vegh Ivona: Mađarska gramatika međimurskoga jezika 344
Моисеенко, Людмила – Моисеенко, Виктор: Синестезия как элемент индивидуального стиля Владимира Набокова 354
Молнар Ангелика: Восприятие творчества Гончарова в Венгрии с 1980-х годов 366
Kozar-Mukič Marija: Prevzete besede v porabskih ljudskih pesmih 378
Nyomárkay István: Egy nyelvteremtő praktika: a tükörszóalkotás 382
Пожгаи Иштван: Употребление причастий в Финляндском отрывке № 22 388
Ráduly Zsuzsanna: Az emberi külső ábrázolása a magyar és a lengyel frazeológiában (a növény- és állatvilág tükrében) 399
Сабитова, Зинаида Какбаевна: Человек в языке: Способы вживания в культуру и язык 406
Савельева, Елена: Становление словенской фразеологии 416
Соболева, Любовь Иосифовна: Фонетические структуры поэтического текста и их семиотические функции 427
Štuhec, Miran: Marjan Rožanc – az író és az esszéista 439
Tellinger, Dušan: Orosz–magyar vonatkozások a Popovič-féle fordításelméletben 446
Tutek, Anđelka: Dramsko putovanje Ane Šoretić 456
Viczai Péter: A nyelvoktatás múltja, jelene és jövője Ghánában. Viszockij helye az orosz nyelvi képzésben 465
Vidmarović, Natalija – Pleše, Dubravka: Hagiografska tradicija u žitiju protopopa Avvakuma 473
Vodopija, Irena – Smajić, Dubravka: Stari iločki kulinarski leksik 479

Воронченко, Татьяна Викторовна – Жеребцова, Екатерина Владимировна: Мифопоэтика рассказов Татьяны Толстой 489
Zorko, Zinka: Glasoslovje v govorih štajerskih slovencev v Avstriji 498
Zsilák Mária: Slovenska medicinska terminologija na koncu 18. in v prvem četrtletju 19. stoletja.....507
Журавская, Ольга Сергеевна: Парадигматические отношения в лексике с общим значением «домашние и хозяйственные постройки» в современных говорах Среднего Урала 513